

М.М. Шумилов. «Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX—XVII вв.)»

Введение

В связи с развитием в России рыночной экономики, либерализацией внешней торговли, становлением правового государства и другими изменениями в обществе пробуждается интерес к истокам национального предпринимательства, таможенного законодательства, тарифной политики, таможенного обложения, финансового и таможенного управления, влияние которых на существенные стороны исторического процесса трудно переоценить, тем более что еще со времен Древней Руси таможенная политика выступала важным элементом фискальной системы, регулятором внешнеэкономической деятельности, торгово-правовых и международных отношений. Одновременно шло становление таможенной службы, которая постепенно подключалась к решению задач торгового протекционизма, защищая мерами тарифного и нетарифного регулирования интересы формирующегося национального рынка.

Сегодня предметом пристального изучения становится сама категория «таможенная политика», которую определяют и как составную часть внутренней и внешней политики государства, и как самостоятельную государственную политику. Можно согласиться с Н.М. Блиновым в том, что таможенная политика — *«это система государственных экономических и таможенно-правовых мер по регулированию внешней торговли, защите экономических интересов страны и решению фискальных задач»*.¹

Все чаще внимание исследователей привлекают сюжеты торговли и таможенного дела России допетровского периода, которые рассматриваются в контексте социально-экономической и политической истории и на ее основе. При этом выясняются общие условия внешнеэкономической деятельности, роль внешней торговли в экономической жизни страны, основные маршруты перемещения товаров, характер внешнеэкономических связей, устанавливаются основные участники внешнеэкономической деятельности, их правовой статус и уровень социальной организации, выявляются механизмы торговли, товарные потоки, рассматриваются вопросы валютно-финансового регулирования и денежного обращения, правового регулирования торговли и таможенного дела, таможенные реформы, государственное участие в торговле, протекционизм в торговой и таможенной политике, защита отечественного предпринимательства, характер и особенности таможенного обложения, таможенные платежи и штрафные санкции в таможенном деле, организация финансового и таможенного управления, характер и особенности деятельности таможенных органов, таможенный доход, таможенные льготы и преференции. Определенное внимание уделяется анализу внутри- и внешнеполитических факторов, влиянию географической среды на эволюцию русской торговли. Рассматриваются вопросы таможенного законодательства, начисления и взимания таможенных платежей, взаимоотношений русских торговых людей с иностранцами, участия центрального и местного административного аппарата в торговом и таможенном управлении и т. д.

Все это свидетельствует о перспективности дальнейшей разработки исторических аспектов экономической географии, торгового и таможенного права, экономики таможенного дела и таможенной статистики. Их детальное рассмотрение позволит углубить представления о характере происходивших изменений в социально-экономическом и политическом облике России, ее властных структурах, экономических отношениях, социальной организации и общественной морали, установить подлинные причины поступательного развития страны в эпоху средневековья.

Изучение историографии вопроса позволяет утверждать, что на протяжении двух последних столетий проблематика торговой деятельности и таможенной политики России в IX—XVII вв. неизменно привлекала к себе внимание многочисленных авторов, в результате чего историческая наука пополнилась большим числом разного рода публикаций. Особо следует отметить обобщающие труды.² Однако в большинстве из них принципиальные вопросы таможенной истории освещаются выборочно, фрагментарно. Так, в работах П.П. Мельгунова и И.М. Кулишера совершенно недостаточно представлены сюжеты о тарифной политике, таможенном законодательстве, денежном обращении, пошлинном обложении и таможенном управлении. В фундаментальном исследовании К.Н. Лодыженского о торговой и таможенной политике IX—XVI вв. отводится чуть более 10 страниц текста.

Недостаточно информативными являются также сочинения В.И. Покровского и Н.Н. Шапошникова. Лекционные курсы коммерческих училищ В.А. Бутенко и И. Козловского не только отличаются популярным характером изложения, но и содержат большое количество фактических неточностей.

В 30-х—первой половине 90-х гг. XX в. ученые существенно обогатили историческую науку трудами по всем основным направлениям торгово-таможенной проблематики. Вместе с тем вопросы таможенной политики, как правило, не становились предметом самостоятельного исследования. Их рассмотрение осуществлялось в рамках изучения проблем генезиса феодализма и государственного строительства, становления всероссийского рынка и развития внешнеэкономических связей с отдельными странами. Большинство авторов при этом замыкалось на узкопрофессиональных вопросах. По всей видимости, объективные трудности исследования, трактовка проблем таможенной политики в рамках традиционных для советской историографии концепций, базирующихся на классовых оценках исторического прошлого, а также отсутствие «социального заказа» препятствовали обобщению и систематизации накопленного материала. Лишь в последние годы, после длительного перерыва, возобновилось издание работ обобщающего характера.³ Отдельные аспекты внешней торговли и таможенного дела России достаточно подробно отражены в зарубежной историографии. Однако история торговли и таможенного дела в России в целом в хронологических рамках IX—XVII вв. никогда не становилась предметом специального изучения зарубежных ученых.⁴

Историю изучения таможенной политики России IX—XVII вв., не раз на протяжении веков менявшей свое направление, параметры и формы, исходя из конкретно-исторических задач древнего (IX — начало XIII вв.), удельного (XIII—XV вв.) и московского (XVI—XVII вв.) периодов, логично разделить на два крупных этапа, заметно отличающихся по основной тематике, характеру привлекаемых источников и их интерпретации. Основы изучения проблемы были заложены еще в дореволюционной историографии, представители которой проделали значительную работу по сбору и систематизации различных письменных источников. Именно они положили начало изучению таможенной политики России, выделив при этом ряд направлений в ее исследовании.

В исторических рамках древнерусского периода (IX — начало XIII вв.) дореволюционные авторы смогли представить развернутую панораму развития внешнеэкономических связей. При этом они стремились определить роль внешней торговли в экономической жизни страны,⁵ оценить внешнеэкономическое значение дани и степень участия княжеской администрации в международной торговле, финансовом и таможенном управлении,⁶ раскрыть содержание товарных потоков, установить участников торгового обмена, отразить степень их организованности и правовой статус,⁷ выяснить характер и условия зарождения денежного обращения, ростовщических отношений, таможенной политики и т. д.⁸ Большинство дореволюционных исследователей придерживалось мнения о возникновении русской таможенной системы еще в X в. Однако первые из выявленных ими административных источников, позволяющих с высокой степенью обоснованности судить об этом, относятся лишь к середине XII в.⁹

Наряду с бесспорными достижениями в изучении таможенной проблематики в дореволюционной историографии допускались и ошибочные утверждения, например, об исключительно сырьевом характере экспорта Древней Руси. Опираясь в основном на письменные источники, историки смогли лишь приблизительно прочертить маршруты перемещения товаров и указать периоды их активного использования. Им не удалось всесторонне разработать сюжеты о товарном и денежном обращении, кредитных отношениях. Была допущена переоценка негативного влияния на торговые процессы половецкого фактора.¹⁰ Кроме того, В.О. Ключевский допускал существенное преувеличение разрушительного воздействия на развитие дальних торговых связей «рабовладельческих отношений» в вотчинном хозяйстве, полагая, что их распространение к середине XII в. достигло «громных размеров».¹¹

Послереволюционный период в историографии таможенной политики Древней Руси можно условно разделить на довоенный и послевоенный этапы. При этом важно подчеркнуть, что методологическая основа трудов по рассматриваемой проблематике, появившихся в 1920—1930-е гг., в целом оставалась той же, что и в дореволюционный период. Ее изменение произошло лишь в 1940—1950-е гг., повлияв существенным образом на тематику исследований.

К числу наиболее значительных работ довоенного периода относится обобщающее исследование И.М. Кулишера, в котором предпринята одна из первых попыток историографического анализа древней русской торговли. Автор систематизировал исторические сведения о торговле Руси с Востоком, Царьградом, Регенсбургом, усилил доказательную базу, защищая подлинность договоров, подписанных с Византией в X в., предпринял попытку исследования форм торговли, участия в ней князей и церкви. В числе первых он попытался сопоставить противоречивые высказывания предшественников о роли торговли в экономической жизни древнерусского общества. Вместе с тем относительно узкая источниковая база, недостаточность имевшихся в его распоряжении изученных археологических материалов не позволили этому автору выйти за рамки прежних историографических подходов.¹²

Среди других работ заслуживает внимания исследование В.А. Брига, в котором было выдвинуто и получило обоснование предположение о том, что Волжский торговый путь был открыт раньше Днепровского.¹³ В целом же этот автор придерживался укоренившегося в дореволюционной историографии мнения о широком использовании пути «из варяг в греки» уже в IX в. и параллельном существовании с того времени русско-арабских и русско-византийских торговых связей.¹⁴ В начале 1920-х гг. П.Г. Любомиров впервые изложил тезис о расцвете восточной торговли Древней Руси с арабскими странами в X в. Он также справедливо полагал, что уже в конце X в. она пришла в упадок.¹⁵

В 1940—1950-е гг. в отечественной историографии возобладали иные методологические подходы. На том основании, что во внешнеэкономической деятельности участвовала лишь незначительная доля населения, историки отвергли тезис о ее ведущей роли в народном хозяйстве страны. В частности, такой позиции придерживался Б.Д. Греков.¹⁶ Успехи экономического роста Древней Руси Б.А. Рыбаков и П.А. Хромов объясняли главным образом развитием ремесел и земледелия.¹⁷ Одновременно в науке складывалось мнение, что расширение номенклатуры русского экспорта в XI—XII вв. происходило за счет товаров ремесленного производства, в том числе ювелирных изделий из серебра с филигранью, чернью и зернью, литейных изделий, замков, топоров, шиферных пряслиц и т. п.¹⁸

В послевоенное время в отечественной историографии окончательно утвердилась точка зрения о существовании Волжского пути «из варяг в арабы» в период VIII—X вв.¹⁹ Опираясь на значительный археологический материал, В.Л. Янин и А.Л. Монгайт подтвердили факт начала массового притока дирхемов и становления экономических связей восточного славянства с арабскими странами в конце VIII — первой трети IX вв.²⁰ Широкое введение в научный оборот данных археологии также способствовало утверждению представления об асинхронности Волжского и Днепровского путей. Ученые пришли к выводу о торговом использовании маршрута «из варяг в греки» лишь с X в.²¹

Появились обобщающие труды в области теории денег и денежного обращения. Б.А. Романов и М.Ф. Лучинский подтвердили догадку дореволюционной историографии о том, что и восточные дирхемы, и западноевропейские денарии, и сребреники в Древней Руси назывались «кунами».²² Б.А. Романов раньше других попытался реконструировать денежный счет с гривной серебра во главе. Одновременно им было высказано предположение, что перемещение куны на место резаны к XII в. «не отразилось на ценности гривны и не нарушило стройности всей гривенной системы».²³ В этом же направлении плодотворно работал В.Л. Янин, выдвинувший гипотезу о возникновении на Руси во второй половине X в. северной и южной локальных денежных систем, а также обосновавший вывод о вхождении страны с 30-х гг. XII в. в «безмонетный» период, который продолжался вплоть до второй половины XIV в.²⁴ Значительный вклад в обоснование теории происхождения на Руси гривенно-кунной системы и специфического древнерусского счета внесло новейшее исследование А.В. Назаренко. По мнению автора, основу древнерусской денежно-весовой системы составляла счетная гривна, значение которой уже с IX в. не было однозначным.²⁵

В 1940-е гг. в полной мере раскрылось творческое дарование историка-эмигранта Г.В. Вернадского, опубликовавшего в США свои масштабные труды «Древняя Русь» и «Киевская Русь».²⁶ С методологических позиций евразийства он обобщил и систематизировал достижения как отечественной, так и зарубежной историографии, а также многочисленные источники, включая археологические. Особое внимание этого автора было сосредоточено на истории степных народов — скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар, соседствовавших с восточными славянами и русскими на юге и востоке. Вместе с тем значительное место в его трудах отводится анализу вопросов торговой и таможенной политики Древней Руси. Г.В. Вернадский признавал, что сельское хозяйство являлось «одним из главных элементов русской национальной экономики киевского периода», одновременно

предостерегая против преуменьшения на этом основании роли внешней торговли.²² Подсчитав, что общий вес ежегодно перевозимых по Днепровскому пути товаров мог составлять около 10 тыс. т, он пришел к тому выводу, что «в десятом веке западная морская торговля не могла представить чего-либо схожего с русско-византийской торговлей».²³ Признавая факт значительной работорговли, Г.В. Вернадский вместе с тем отмечал, что в XI—XII вв. «рабы-христиане более не продавались русскими за пределы страны».²⁴ Он также высказал верное предположение, что с конца XI в. половцы в периоды перемирий с русскими выполняли посредническую функцию в торговле между Русью и Востоком.²⁵

Наконец в 1960—1990-е гг. было опубликовано несколько обобщающих и большое число специальных исследований, характеризующих различные стороны внутренней и внешней торговли Древней Руси. Во-первых, появились серьезные историографические обзоры, авторы которых стремились отразить важнейшие стороны внешней торговли, обходя, впрочем, сюжеты таможенной политики. Так, был обобщен опыт дореволюционной историографии в изучении внешнеэкономической деятельности княжеской администрации и подтвержден вывод о ее значительном участии в дальних товарообменных операциях.²⁶ Подытожив результаты изучения русской внутренней и внешней торговли X — начала XIII вв., И.Я. Фроянов не только указал на значительность взаимного товарооборота различных городов и земель Древней Руси, но и сформулировал тезис о масштабной внешней торговле, результаты которой сказывались на жизни не только социальной верхушки, но и рядового населения.²⁷ И.В. Дубову удалось установить, что все обнаруженные к началу 1980-х гг. археологические памятники, свидетельствующие о внешней торговле Древней Руси, были непосредственно связаны с важнейшими водными путями — Великим Волжским «из варяг в арабы» и Днепровским «из варяг в греки».²⁸ Одновременно внимание исследователей продолжали привлекать и экономические связи Руси с европейскими странами.²⁹

Во-вторых, проявился устойчивый исследовательский интерес к изучению товарных потоков, пересекавших в разных направлениях территорию Древней Руси, ростовщичества,³⁰ денежно-весовых систем,³¹ правового положения русских купцов³² и т. д. Вывод дореволюционной историографии о масштабной работорговле продолжал находить понимание у многих советских историков. И.Я. Фроянов убедительно показал, что работорговля, достигнув расцвета в X в., стала доходной статьей внешней торговли Древней Руси.³³ «Если в прежнюю эпоху, — отмечает он, — выкуп из рабства преобладал над торговлей рабами, то с этих пор превалировать начинают торговые сделки живым товаром».³⁴ Заслуживает внимания и вывод В.Б. Перхавко о том, что хлеб из Руси в рассматриваемый период не вывозился даже в византийские владения в Крыму. Также не сохранилось известий о его поставках печенегам и половцам в обмен на товары кочевого хозяйства.³⁵

Обширные исследования последних десятилетий в области археологии позволили установить основные варианты перемещения куфической монеты по Волжскому пути.³⁶ Обобщение значительного археологического материала также привело к появлению новых исследований, значительно продвинувших историческую науку к пониманию характера ранних русско-скандинавских³⁷ и русско-болгарских экономических связей,³⁸ торговых отношений Руси с Хазарским каганатом,³⁹ со странами Востока⁴⁰ и Византией.⁴¹

В освещении таможенной проблематики удельного периода (XIII—XV вв.) дореволюционные авторы проявляли повышенный интерес к изучению правовых начал жизни общества, выяснению истоков, оснований и характера удельно-княжеской власти, взаимных отношений князей, степени политической сплоченности Северо-Восточной Руси и ее зависимости от Орды, причин перехода от «удельного» строя к «государственному» во второй половине XV в.

Характеризуя правовое регулирование торговли и таможенного дела, М.Ф. Владимирский-Буданов сформулировал важный в методологическом отношении вывод о формировании в XIII—XV вв. постоянного торгового и таможенного союза государств Северо-Восточной Руси, в который входили Москва, Тверь, Рязань, Псков и Новгород.⁴² Анализ договорных грамот великих и удельных князей позволил Е.Г. Осокину обосновать тезис о преобладании в таможенной практике удельного периода консервативных начал, когда князья взаимно обязывались придерживаться прежних правил таможенного обложения, как они существовали при их прадедах, дедах и отцах.⁴³ Одновременно отмечалось, что порой князья не останавливались перед введением новых таможенных пошлин.⁴⁴ Сбор мыта, справедливо полагали Н.Я. Аристов и И.Я. Рудченко, главным образом шел в пользу удельных князей, но право последних на введение новых пошлин постоянно ограничивалось их договорами с великими князьями.⁴⁵

В историографии дореволюционного периода также предпринимались попытки определить влияние монгольских завоевателей на формирование русской таможенной системы, включая пошлинное обложение,⁵¹ и льготы православного духовенства, освобожденного от уплаты дани и торговых пошлин согласно ханским ярлыкам, которые выдавались русским митрополитам.⁵² Историк С.М. Соловьеву удалось установить, что после утверждения на Руси господства Орды монгольские ханы для собственной выгоды благоприятствовали русской торговле и что «вступление России в число зависящих от Орды владений очень много способствовало развитию восточной торговли; время от Калиты до Дмитрия Донского должно считать самым благоприятным для восточной торговли».⁵³ Многоплановое изучение волжской торговли было продолжено в трудах И. Козловского, В.И. Покровского, В.А. Бутенко, П.П. Мельгунова и некоторых других авторов.⁵⁴

Предметом изучения дореволюционной историографии стали также сюжеты о таможенно-правовом регулировании внешних экономических связей Смоленска, Полоцка, Витебска и Пскова с ливонскими и ганзейскими городами.⁵⁵ Привлекали внимание исследователей и вопросы торговых отношений Руси с итальянскими колониями в Крыму и Византией.⁵⁶ Однако в еще большей степени внимание дореволюционных авторов привлекали торговые связи и таможенная политика Новгорода Великого. При этом освещались вопросы освоения естественных богатств Новгородской земли, количественного и качественного состава новгородского купечества, его организованности, политической и хозяйственной роли князя, его правового статуса, зависимости от новгородской администрации в осуществлении внешнеэкономической деятельности, таможенных льгот новгородских купцов, торгующих во Владимиро-Суздальской земле, новгородского экспорта и импорта, торговых соглашений Новгорода с Готландом, Ганзой, ливонскими городами, правового положения иностранных купцов, статуса Немецкого двора, его внутреннего регламента и др.⁵⁷ Отмечая незначительность таможенного обложения в Новгородской земле, дореволюционные авторы пытались установить размер проезжей пошлины с немецких судов, взимаемой в Гостинополье, и «весчей пошлины» с русских отпускных товаров в самом Новгороде.⁵⁸ Они же стремились к выяснению причин новгородско-ганзейской конфронтации, резко обострившейся в XV в.⁵⁹

Советская историография большое внимание уделяла выяснению размеров ущерба, причиненного монгольским нашествием экономическому потенциалу и международным контактам Руси.⁶⁰ Серьезные результаты были достигнуты в изучении характера и форм экономической зависимости страны от Орды, таких как сбор дани, перепись населения, участие в этом процессе «баскаков» и «бессерменских» купцов.⁶¹ Значительный вклад в разработку этих вопросов внес Г.В. Вернадский.⁶²

В советский период историки продолжали изучение экономических связей западных русских городов с Ганзейским союзом и Ливонским орденом. Особое внимание при этом уделялось договору Смоленска с немцами 1229 г., на долгие годы обеспечившему право беспошлинного приезда со своим товаром и свободу торговли для русских купцов в городах Германии, а для немецких — в Смоленске, Витебске и Полоцке.⁶³

Исследователей по-прежнему привлекали торговые сношения Руси с Византией (с 1453 г. — с Турцией), заметно оживившиеся с начала XIV в. Черноморская торговля производилась в основном через Кафу (Феодосию) и Сурож (Судак) — опорные пункты Генуи и Венеции в Крыму, куда вели Донской и Днепровский пути. Еще один торговый маршрут из Руси в Византию пролегал через Килию — порт в Килийском гирле Дуная — и Белгород, расположенный в Днестровском лимане Черного моря. По общему мнению, захват турками итальянских колоний в Северном Причерноморье и Приазовье в третьей четверти XV в. нанес сокрушительный удар по черноморской торговле Венеции и Генуи. Прекратились прямые русско-итальянские контакты в Крыму. Хотя торговля по Черноморско-Донскому пути продолжалась, ее условия сделались менее благоприятными, и это вынуждало Москву вести длительные переговоры с турецким султаном о положении русских купцов в Кафе.⁶⁴

В начале 1920-х гг. И.М. Кулишеру удалось довольно основательно рассмотреть различные аспекты торговой и таможенной политики Новгорода в XII—XV вв. Опираясь главным образом на правовые источники (русско-немецкие договоры и статуты Немецкого двора в Новгороде), этот автор попытался представить панорамную картину торговых связей новгородцев с Ганзой и Ливонским орденом. Он исследовал условия торговли, включая правила транспортировки и взвешивания товаров и уплаты таможенных пошлин, регламент Немецкого двора, его ограничительные статьи относительно торговой деятельности, зоны столкновения интересов новгородцев и немцев, пути и способы их разрешения и

некоторые другие вопросы.⁶⁵ Тогда же появились первые специальные исследования, посвященные колонизации и освоению северных и северо-восточных территорий новгородцами.⁶⁶

В послевоенный период торговля Великого Новгорода по-прежнему привлекала внимание историков, подготовивших новые обобщающие труды, характеризующие не только правовые основы торговли, но также особенности торгового маршрута по Неве и Волхову, активность новгородского купечества, стремившегося к выходу на внешние рынки, товарные потоки, значение меховой и вошаной отпускной торговли, местоположение и внутреннюю организацию иноземных дворов, импорт шерстяных тканей, различных металлов, оружия и военных материалов, хлеба, породистых лошадей и других товаров, правила торговли, привилегии сторон, характер злоупотреблений, источники неторговой прибыли, причины политических конфликтов торгующих сторон и т. д.⁶⁷ По их общему мнению, к настоящему времени сохранилось немного свидетельств об уплате иностранцами в Новгороде таможенных пошлин и торговых сборов. Обобщение различных авторских позиций по этому вопросу позволило Н.А. Казаковой высказать суждение о том, что важнейшей привилегией ганзейцев в Новгороде и значительным источником их прибылей было «почти полное освобождение ганзейских купцов от уплаты пошлин».⁶⁸

Характеризуя состояние экономики и товарно-денежных отношений в удельный период в целом, Л.В. Черепнин пришел к важному выводу о негативном влиянии политической раздробленности на развитие товарного обращения и преобладании в XIV—XV вв. разобщенных местных рынков.⁶⁹ Изучая вопросы нумизматики и денежного обращения, исследователи попытались установить физические эквиваленты «суррогатных» денег «безмонетного» периода, показать эволюцию московской и новгородской денежно-весовых систем, определить отношение рубля к гривне серебра, зафиксировать основные этапы понижения весовой нормы московской деньги, объяснить преодоление раздробленности в денежном хозяйстве страны и объединение новгородской и московской денежных систем в конце XV в.⁷⁰ Ученым также удалось доказать факт значительной имущественной и социальной дифференциации русского купечества, высшую группу которого в рассматриваемый период составляли участвовавшие в крупной международной торговле «гости нарочитые», иногда в источниках именуемые «купцами великими». Среди них особо выделялась корпорация «гостей-сурожан», торговавших через Сурож и Кафу с Византией, итальянскими городами и Турцией.⁷¹

В изучении торгово-таможенной проблематики XVI—XVII вв. внимание историков, как дореволюционных, так и советского периода, в основном было сосредоточено на вопросах балтийской, волжской, черноморской и беломорской торговли с европейскими странами, а также торговли с Ираном, среднеазиатскими ханствами, Турцией и Китаем, на выяснении внешнеэкономического и таможенного потенциала Архангельской ярмарки, размеров денежной эмиссии и количества поступавшего в страну «ефимочного» серебра, характера денежного обращения и налоговой системы, таможенного дохода России, участия казны во внешней торговле, конкуренции русских торговых людей с иностранцами, зарождения политики торгового протекционизма и др.⁷²

Выясняя общее состояние торговли в XVI в., ученые всесторонне обосновали вывод об ограниченности русского внутреннего рынка, представлявшего в то время сеть еще недостаточно связанных между собой местных рынков. Вместе с тем они обратили внимание на рост товарообменных операций во второй половине XVI в., продвижение страны вперед в разработке собственных природных богатств с целью вывоза их за границу,⁷³ изменение условий приезда и пребывания иностранных гостей, для большинства из которых после образования единого Русского государства были открыты лишь «порубежные города»,⁷⁴ социальное развитие русского купечества, появление в его составе полуслужилых сословных групп «гостей», а также торговых людей «гостиной» и «суконной» сотен.⁷⁵

Характеризуя торговые отношения с европейскими странами в XVI в., различные авторы подчеркивали, что до 1514 г. торговля с ними развивалась, минуя посредничество Ганзы, а в последующий период торговля России с Ганзейским союзом уже не играла прежней роли.⁷⁶ Вместе с тем А.Л. Хорошкевич указывала, что в первой трети XVI в. не только немцам, но также англичанам, французам и итальянцам «не удалось закрепиться в балтийской торговле с русскими».⁷⁷

В отечественной историографии сложилось мнение, что в XVI в. крупнейшими рынками и важными пунктами торговых сношений России с Западом продолжали оставаться Новгород и Псков, более прочно связанные экономическими узами с другими частями страны, чем в удельный

период.²⁸ Одновременно освещалось торговое значение Ивангорода, села Наровского и Нарвы, которые в рассматриваемый период являлись основными русскими портами на Балтике,²⁹ обобщались факты посещения европейцами Мурманского берега, изучались их торговые операции у Кигора, связи с Печенгским монастырем и Колой, порядок таможенного обложения и русско-датское соперничество за право взимать таможенные пошлины в Лапландии.³⁰

Вопросы торговой и таможенной политики России в отношении Турции, Азербайджана, Ирана, Средней Азии, Ногайской Орды, Казанского и Астраханского ханств (до середины XVI в.) также становились предметом самостоятельного изучения. Советские историки подтвердили выводы дореволюционной историографии о том, что уже в XVI в. Астрахань сделалась главным пунктом восточной торговли России, а также о преобладании в русском экспорте товаров ремесленного производства, хотя вывоз оружия и железа находился под запретом или требовал специального разрешения правительства.³¹ М.В. Фехнер удалось доказать, что деятельность восточных купцов была территориально ограничена Астраханью, Казанью, Путивлем, Великим Новгородом, Тарой и Тобольском, т. е. пограничными русскими городами, и что в Москву они могли приезжать лишь при наличии жалованных и проезжих грамот или в случае привоза казенных товаров от своих государей. Это делалось для того, чтобы плотнее охватить торговлю пошлинным обложением и увеличить таможенный доход государства.³²

Самое пристальное внимание историков уделялось русско-английской торговле. Их интересовало абсолютно все: появление англичан в Двинском устье, создание Московской компании, выдача ей первых жалованных грамот, содержащих значительные торговые и таможенные привилегии, столкновение интересов компании с конкурентами, включая «неорганизованных» соотечественников, внутренние противоречия в деятельности компании, ее отношения с царским правительством, товарные потоки в русско-английской торговле, основные пункты русско-английской торговли, усиление соперничества торговых иноземцев в конце XVI в. и др.³³ По общему мнению исследователей, в конце XVI — начале XVII в. произошло значительное расширение беломорской торговли. Во-первых, захват шведами Нарвы (1581) вынуждал иностранных купцов приходить в Россию северным путем. Во-вторых, правительство России создавало необходимые условия для привлечения иностранцев к «Двинскому городу». В-третьих, правительство пыталось регламентировать порядок прихода иностранных судов в северные порты. В-четвертых, оно не останавливалось перед принятием жестких запретительных мер, препятствуя торговле в других пунктах, кроме Архангельска, основанного в 1584 г.³⁴ Авторы также отмечали изменение товарной номенклатуры импорта, что проявилось в значительном увеличении ввоза европейских талеров. Торговля серебром становилась предметом особого внимания русского правительства, которое, устанавливая ежегодно обменный курс талера на копейки, было постоянно озабочено привлечением в страну благородных металлов и стремилось не допустить их утечки за рубеж.³⁵

В изучении таможенной политики XVII в. отечественная историография уделяла самое серьезное внимание вопросу организации торговли в Архангельске — главном пункте внешних сношений России. Исследователи стремились показать всероссийское значение Архангельской ярмарки, характер таможенной инфраструктуры, основные товарные потоки, привлекательность ярмарки северного города в глазах иностранцев, ее внешнеэкономический и таможенный потенциал.³⁶ При этом их больше всего интересовали экономические связи России с Англией, Нидерландами, Гамбургом — основными торговыми партнерами, особенности предпринимательских организаций нидерландского купечества, изменения в принципах деятельности Московской компании англичан, в содержании жалованных грамот, в условиях торговли и таможенного обложения, экспорте и импорте, а также причины активизации и расширения торговых связей с Нидерландами, отношения с которыми, начиная с 1620-х гг., стали приоритетными для России.³⁷

В меньшей степени отечественных исследователей привлекала проблематика русско-шведских экономических отношений. Из дореволюционных авторов наибольший вклад в ее разработку внесли А.И. Гиппинг и Г.В. Форстен,³⁸ а из советских — Э.Д. Рухманова, Х.А. Пийримяэ и И.П. Шаскольский.³⁹ Тем не менее им удалось глубоко отразить характер двухсторонних торговых и таможенных отношений, включая сосредоточение посреднических операций в балтийской торговле в руках купечества Риги, Ревеля, Нарвы, Дерпта и Выборга, ремесленный характер русского экспорта через Нарву и Ниеншанц, специфику шведского импорта, торговое значение Ниеншанца, через который осуществлялась третья часть балтийского экспорта и импорта России, активное участие в

торговле через Невское устье новгородских, тихвинских, ладожских, олонецких торговых людей, напрямую связанных с купечеством Швеции, и т. д.

Отечественная историография также стремилась к выяснению содержания торговых связей России с Ираном, среднеазиатскими ханствами, Турцией и Китаем. В опубликованной литературе исследуются торговые пути восточной торговли, встречные товарные потоки, запретительные меры русского правительства, по-прежнему стремившегося к предотвращению вывоза из страны оружия, боеприпасов, цветных и благородных металлов, причины перемещения в конце XVII в. центров крупной сибирской торговли и таможенных сборов из Тобольска и Енисейска в Иркутск и Нерчинск.²⁰

В результате изучения русских финансов и денежного обращения в XVII в. отечественная историография не только проследила понижение весовой нормы копейки, изменение реального и указного курсов талера на русскую валюту, попытки денежных реформ, но и стремилась выяснить непосредственную связь этих мер финансовой политики с успехами казенной торговли, доходами от реализации монетной регалии, процессами валютного регулирования и таможенного обложения. Отдельные авторы пытались установить корреляцию прямых экстраординарных сборов в виде «пятой», «десятой» и «пятнадцатой» деньги и косвенного обложения, включая таможенный доход государства.²¹

Еще очевидцы рассматриваемых событий, а затем и дореволюционные историки, особенно Н.И. Костомаров, отмечали значительную роль казны в осуществлении внешней торговли и пытались установить перечень «указных» или «заповедных» товаров,²² особо подчеркивая при этом участие правительства в таможенном регулировании вывоза хлеба.²³

Эта тема получила развитие в советское время. К.В. Базилевич при этом обращал внимание на то, что удельный вес казенных товаров в общей стоимости русского экспорта был невелик, и поэтому их монополизация не подрывала основ частной торговли.²⁴ Р.И. Козинцева пошла дальше, предложив разделить все казенные товары на две группы: одни из них были исключены из свободной торговли; в реализации других государство выступало в роли либо обычного, либо привилегированного русского продавца.²⁵ К.В. Базилевич также проанализировал попытку казны в условиях финансового кризиса 1660—1662 гг. сосредоточить в своих руках торговлю поташом, смольчугом, юфтью, пенькой, говяжьим салом, соболями и льном, которые пользовались наибольшим спросом со стороны заграничного рынка.²⁶ И.П. Шаскольский и В.Б. Перхавко подтвердили вывод отечественной историографии о регулярном и значительном характере вывоза русского хлеба через Архангельск в Англию, Голландию, Данию и Швецию по просьбам тамошних государей.²⁷

Начиная с дореволюционного времени, значительный исследовательский интерес был прикован к проблеме конкурентной борьбы русских торговых людей с иностранцами, во многом обусловившей переход русского правительства к политике торгового протекционизма, которая проявилась в выравнивании условий торговли для иностранных гостей, ограничении их торговых привилегий, свободы перемещения по территории страны и приезда во внутренние города, а также в более высоком таможенном обложении по сравнению с московскими купцами и т. д. Ученые отразили поэтапный, последовательный и вместе с тем выборочный характер шагов правительства в выработке этой политики, показали ее необратимость начиная со второй половины 40-х гг. XVII в.²⁸ При этом не остался незамеченным и тот факт, что очередное купеческое челобитье 1648—1649 гг. было поддержано дворянами от стольников до городских дворян и детей боярских — выборных уложенного собора, одновременно направивших царю челобитную с просьбой ограничить деятельность иностранных купцов пределами Архангельска. Таким образом, была установлена солидарность дворянства с отечественным торговым капиталом, который выступал посредником между поместно-вотчинным хозяйством и рынком.²⁹

Важнейший вопрос таможенной политики — таможенное обложение — был самым серьезным образом исследован в дореволюционной историографии. Именно тогда были заложены основы классификации и систематизации различных таможенных пошлин и сборов. Так, Д.А. Толстой сводил все их многообразие к внутренним, внешним и транзитным таможенным пошлинам («по троякому образу ведения торговли»). При этом к разряду собственно внутренних сборов он относил *тамгу, весчее, осмичее, контарное, подъемное, припуск, померное, пятенное, писчее, отвозное, гостиное, поворотное, анбарное, порядное, годовщину, отвоз, посаженное, поташное, свальное, роз*

овое, явку, грузовую, рукознобную, дрягильскую и привязную пошлины и др.¹⁰⁰ По мнению В.И. Сергеевича, сборы за переправу через мосты и реки, с мер и весов, *писчее* и *явка* принадлежали к разряду фискальных пошлин, а *мыт*, *гостиное*, *анбарное* и *тамга* — к числу косвенных налогов.¹⁰¹

Принципиально иной критерий классификации был предложен Ю.А. Гагемейстером, Е.Г. Осокиным, С.Н. Никольским, В.О. Ключевским, С.А. Шумаковым, которые свели все многообразие таможенных платежей в XIII — первой половине XVII вв., во-первых, к проезжим или заставным пошлинам и сборам, которые взимались за право провоза товара вне зависимости от его количества и стоимости, и, во-вторых, к торговым пошлинам и сборам, которые взимались за право торговли и за совершение предварительных операций в зависимости от количества товара и его таможенной стоимости.¹⁰²

Разумеется, дореволюционные авторы не могли пройти мимо опубликованных Археографической комиссией многочисленных источников, свидетельствующих о фактах обложения торговли. При этом каждый из них стремился представить собственный типологический ряд проезжих и торговых пошлин, установить время и причины их появления, выяснить широкое и узкое значение той или иной пошлины, ее обычную ставку, форму оплаты, сходства и различия с другими платежами, а также принципы начисления и порядок взимания. Отмечая значение проделанной работы, вместе с тем следует указать, что некоторые важные платежи (*проезд*, *судовая подъемная грузовая пошлина*, *большая тамга*) были обделены вниманием исследователей. В опубликованных трудах, как правило, торговые пошлины недостаточно обособлены от одноименных сборов за предпродажное обслуживание, содержатся неточные определения *поместного* и *узольцового*, размеров обычной и повышенной ставок *тамги* и *пятна*, слабо раскрываются переходный характер *явки*, *замыта* и *судовой пошлины*, динамика таможенного обложения, штрафные санкции в таможенном деле, эволюция таможенных платежей. Следует сказать и о том, что дореволюционные исследователи недостаточно внимания обращали на факт полного совпадения внутренних торговых и внешних таможенных платежей, на то, что русские и иностранные купцы платили одни и те же пошлины (хотя и в разном размере) за право перемещения и продажи своих товаров.¹⁰³

В советский период весомый вклад в разработку указанной проблематики внесли К.В. Базилевич, А.Т. Николаева, Ю.А. Тихонов, А.Ц. Мерзон, А.Н. Копылов, А.В. Демкин, А.И. Раздорский и некоторые другие авторы. Их внимание привлекали не только статьи уставных таможенных грамот, но и записи таможенных книг о явке товаров, методах определения таможенной стоимости явленных товаров, процедурном порядке таможенного обложения и т. д. Так, К.В. Базилевичу удалось установить, что, во-первых, явленный товар во всех случаях подлежал количественной оценке со стороны представителей таможни, во-вторых, обычно в одной и той же таможне применялась как оценка по «продажной цене», так и «условная таможенная оценка», и, в-третьих, экспертная (условная) оценка таможни могла близко совпадать с рыночной ценой текущего года, а могла и значительно отличаться от последней.¹⁰⁴ Одновременно исследовались вопросы формирования в первой половине XVII в. предпосылок к превращению многочисленных таможенных сборов периода удельной раздробленности в единую рублевую пошлину, ставшую с 1653 г. основным таможенным платежом. Предпринимались попытки установить размеры таможенного обложения привозных иностранных товаров в Архангельске. Тем не менее исследование вопросов таможенного обложения еще далеко от завершения.

К числу малоисследованных проблем таможенной политики следует отнести таможенное управление в Русском государстве. Из дореволюционных авторов значительный вклад в ее разработку внесли Д.А. Толстой, Н.И. Костомаров, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, П.Н. Милуков, М.Ф. Владимирский-Буданов и некоторые другие. Особенно плодотворно изучались вопросы о местном таможенно-финансовом управлении, откупном и верном способах осуществления таможенного дела, о правах, обязанностях и содержании деятельности таможенных откупщиков, голов и целовальников, механизмах вербовки и привлечения на таможенную службу купеческих представителей, о продолжительности этой службы, о причастности к таможенному управлению и контролю воевод и взаимоотношениях воеводской администрации (приказных изб) с таможенными органами (таможенными избами), о характере и формах таможенной отчетности и т. д.¹⁰⁵ Исследуя приказной строй России, П.Н. Милуков одним из первых попытался показать политику правительства в деле преодоления раздробленности финансового управления и сосредоточения его основных функций в Приказе Большой казны.¹⁰⁶

В советский период историки значительно продвинулись вперед в выяснении причин, источников, времени возникновения и компетенции центральных органов финансового управления и подтвердили вывод дореволюционной историографии об отсутствии в XVI—XVII вв. в России единого финансового учреждения с общегосударственной компетенцией и рассредоточении таможенно-финансовых функций государства по различным московским приказам.¹⁰⁷ В меньшей степени изучались вопросы местного финансового управления, организации таможенных изб, контроля со стороны воеводской администрации за деятельностью голов и целовальников.¹⁰⁸ Общая картина устройства и деятельности таможен, их взаимоотношений с воеводами, московскими приказами и органами посадского самоуправления представлена в работах В.Н. Захарова, А.И. Шемякина, Л.А. Тимошиной, Г.П. Енина и некоторых других авторов.¹⁰⁹ Однако недостаточное обращение этих историков к результатам и выводам предыдущих исследований, их увлечение детализацией отдельных сюжетов препятствовали созданию комплексного представления о таможенном управлении России в XVII в. К числу бесспорных достижений историографии советского периода следует также отнести специальные работы К.В. Базилевича и А.Ц. Мерзона о документации и формах отчетности таможенных органов.¹¹⁰

В поле зрения отечественной историографии постоянно находилась проблема формирования таможенного права XVI—XVII вв. В хронологическом плане ее изучение, как правило, протекало в рамках трех периодов: 1) XVI — первой половины XVII в.; 2) 1653—1667 гг.; 3) второй половины XVII в. К настоящему времени авторам удалось проанализировать все основные источники таможенного права XVI — первой половины XVII в. Это, во-первых, международные договоры, жалованные и проезжие грамоты, распоряжения центрального правительства, обращенные к воеводам порубежных городов, другие акты, призванные регулировать торговлю иностранных купцов;¹¹¹ во-вторых, вся совокупность жалованных грамот, различавшихся по источнику и предмету пожалования (дарственные акты на сбор таможенных пошлин, обельные и тарханские льготные грамоты, а также охранительные грамоты);¹¹² в-третьих, уставные грамоты;¹¹³ в-четвертых, уставные таможенные грамоты — основной источник таможенного права;¹¹⁴ в-пятых, Соборное уложение 1649 г. — вершина русского средневекового законодательства, важнейший правовой источник, регламентирующий взимание проезжих пошлин, а также правовой статус и техническое состояние путей сообщения.¹¹⁵

Как можно заметить, несмотря на отсутствие в отечественной историографии обобщающего исследования правовых вопросов торговли и таможенного дела России XVI — первой половины XVII в., историки уделяли им самое пристальное внимание. Дореволюционные авторы самым подробным образом исследовали вопрос о праве частных земельных собственников произвольно устанавливать в своих владениях мыты, перевозки и другие проезжие пошлины. При этом Ю.А. Гагемейстер и И.Д. Беляев полагали, что право на мыт было соединено с правом на поземельную собственность. Е.Г. Осокин же, Н.Я. Аристов и И.Я. Рудченко придерживались иного мнения, доказывая, что верховная власть жаловала духовенство и бояр правом на сбор проезжих пошлин как вместе с волостями, так и отдельно от них. Одновременно была подмечена другая особенность русского законодательства, заключавшаяся в том, что таможенные привилегии становились проявлением личной милости великих князей (царей) и их сохранение в потомстве ничем не гарантировалось. Историков также интересовали попытки верховной власти к ограничению и полному упразднению таможенных прав и привилегий крупных земельных собственников. Разработка этой темы плодотворно продолжалась в советский и новейший период в трудах П.П. Смирнова, Л.В. Черепнина, Ю.А. Тихонова, С.М. Каштанова, А.Г. Манькова, Р.Г. Скрынникова, Е.И. Кольчевой, С.А. Козлова, З.В. Дмитриевой и др. А.В. Демкин внес значительный вклад в исследование жалованных грамот торговым иноземцам, сочетавших преимущества дарственных и льготных грамот.¹¹⁶

Повышенный интерес исследователей неизменно вызывали уставные таможенные грамоты. Впервые они были введены в научный оборот К.Н. Лодыженским, который увидел в самом факте их появлении «попытку внести некоторый порядок в таможенные сборы и привести их к более простой, однообразной системе».¹¹⁷ В дореволюционной историографии также получил обоснование тезис о том, что основу уставных таможенных грамот составлял обычай, преобладавший над законом.¹¹⁸ В послевоенный период А.Т. Николаева и Ю.А. Тихонов показали, что с середины XVI в. уставные таможенные грамоты стали «общим явлением» и что терминологические различия, содержащиеся в грамотах, были не только остатками удельной старины, но и особенностями хозяйственной специализации отдельных районов. На основе обобщения десятков вновь выявленных уставных таможенных грамот они также пытались установить общие закономерности в таможенном обложении русских и иностранных торговых людей на протяжении XVI — первой половины XVII в. в связи с процессом формирования всероссийского рынка.

В отечественной историографии в качестве рубежа, знаменующего начало новой таможенной политики, обычно принимают дату подписания Торгового устава 1653 г. При этом сам акт от 25 октября 1653 г. трактуется в исторической литературе по-разному. Так, Ю.А. Тихонов и А.Г. Маньков отождествляют его с таможенной реформой.¹¹⁹ По мнению Ю.Г. Кисловского, указ царя Алексея Михайловича явился важной вехой таможенных реформ, «которые продлились до середины XVIII в., когда были ликвидированы внутренние таможи, отменена откупная система и таможенные органы превратились в государственный аппарат со своей структурой и управлением».¹²⁰ До настоящего времени никто из авторов еще не характеризовал указ от 25 октября как отправную точку таможенной реформы, завершившейся принятием Новоторгового устава 1667 г.

Изучению Новоторгового устава посвящен целый ряд специальных публикаций.¹²¹ Подчеркивая его внешнеэкономическую направленность и сильное влияние на дальнейшее развитие таможенного права, дореволюционная историография оценивала Новоторговый устав как первый таможенный тариф и первый таможенный устав России.¹²² В трудах дореволюционных и советских авторов подробно исследовались законодательные источники Новоторгового устава, подчеркивались торгово-протекционистская, фискальная и классовая направленность его вводной части, принципиальное значение введения единой рублевой пошлины, обновления механизма таможенного оформления русских и привозных товаров, ужесточения правил валютного регулирования и штрафных санкций за нарушение таможенных правил и т. д.¹²³ Вместе с тем в отечественной историографии все еще отсутствует анализ Новоторгового устава как основного таможенного документа второй половины XVII в., закона прямого действия, излагающего определенные технологические схемы таможенного контроля, оформления и обложения товаров.

В результате проделанной работы автор пришел к заключению, что законодатель в XVII в. еще мало был озабочен разграничением внешних и внутренних пошлин. Поэтому вывод С.Н. Никольского и К.Н. Лодыженского о том, что закон 1667 г. окончательно отделил внешние таможенные пошлины от внутренних, не представляется убедительным.¹²⁴ Следует обратить внимание и на то, что в отдельных трудах искажается сам характер таможенной политики допетровской России. Так, вызывает сомнение основательность предположения С.Н. Никольского, будто в 1667 г. к финансовой цели таможенного дела примкнула другая — экономическая — охранение экономических интересов народа. Трудно поверить в то, что увеличение в Новоторговом уставе пошлин на привозные товары имело целью охранение внутренней промышленности от иностранного соперничества.¹²⁵ Нельзя также согласиться с Л.Н. Марковым, по утверждению которого запретительные пошлины на сахар, вино и предметы роскоши устанавливались Новоторговым уставом «с целью поощрения отечественного производства».¹²⁶ По нашему мнению, более убедительным является вывод К.Н. Лодыженского и Н.Н. Шапошникова о полном отсутствии протекционистского мотива в Новоторговом уставе.¹²⁷ В дальнейшем этой версии придерживались Е.В. Чистякова и А.Г. Маньков, стремившиеся доказать, что главной задачей закона 1667 г. было ограждение русского рынка от захвата его иностранным торговым капиталом и что, являясь правовым источником монетарной стадии меркантилизма, он фактически был лишен какой-либо промышленно-покровительственной направленности и почти не касался нужд отечественного производства.¹²⁸

Вопросы таможенного законодательства второй половины XVII в. в той или иной степени освещались в трудах К.В. Базилевича, А.Н. Копылова, Р.И. Козинцевой, М.И. Белова, В.Н. Захарова, Н.Н. Репина, А.Г. Манькова.¹²⁹ В частности, последним было выявлено 90 законодательных актов — указов именных, именных с приговорами Боярской думы и грамот, непосредственно относящихся к торговле и таможенному делу за период с 1667 по 1696 г., которые были зарегистрированы в Полном собрании законов Российской империи.¹³⁰ Предметом исследования становились вопросы валютного регулирования, таможенной политики в Сибири, правового положения иностранцев, дальнейшего вытеснения их с русского рынка. Однако, за исключением монографии А.Г. Манькова «Законодательство и право России второй половины XVII в.», в отечественной историографии пока отсутствуют обобщающие исследования, нацеленные на выявление основных направлений развития таможенного законодательства и подытоживающие состояние правовой базы русской торговли и таможенного дела к началу петровских преобразований.

Источниковую базу монографии составляет широкий круг разнородных по своему происхождению и содержанию материалов, условно поддающихся группировке по хронологическому и проблемному признакам. Для периода IX — начала XIII вв. характерно преобладание опубликованных документов. Это Повесть временных лет и Русская Правда,¹³¹ отдельные административные акты («Рукописание» и

Устав князя Всеволода Мстиславича),¹³³ а также дипломатические источники, в том числе договоры Руси с Византией¹³⁴ и Волжской Булгарией.¹³⁴ Весьма ценным источником по истории экономических связей Руси с Востоком и Византией в ранний период являются свидетельства арабоязычных писателей IX—X вв. (Ибн Хордадбех, Ибн Фадлан, Ибн Русте, ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Масуди, ал-Мукаддаси и др.)¹³⁵ и византийского императора Константина Багрянородного.¹³⁶

Период XIII—XV вв. представлен более широким кругом источников. Прежде всего это междукняжеские договоры (договорные грамоты князей великих и удельных), духовные грамоты великих и удельных князей, договорные грамоты новгородцев с князьями, договор тверского князя с Литвой (1449), договорные грамоты московского великого князя Ивана III с турецким султаном,¹³⁷ свидетельства Гильома де Рубрука, Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини.¹³⁸

Основной массив изученных документов и материалов относится к периоду XVI—XVII вв. В их числе преобладают разнообразные опубликованные источники: различные акты, жалованные и уставные грамоты, судебники и Соборное уложение 1649 г., царские указы, материалы дипломатической переписки, торговые уставы и купеческие челобитья,¹³⁹ а также таможенные и торговые книги, товарные росписи и другие правовые источники.¹⁴⁰ Некоторые из неопубликованных источников (договорные и жалованные грамоты, дипломатическая документация отписки таможенных голов в московские приказы, приходные записи таможенных денег) были выявлены в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)¹⁴¹ и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).¹⁴²

Разделы монографии, освещающие период XVI—XVII вв., также основаны на изучении и самостоятельном анализе записок и других свидетельств иностранцев, которые были очевидцами и современниками рассматриваемых событий. Сохранившиеся свидетельства Рафаэля Барберини, Сигизмунда Герберштейна, Джайлса Флетчера, Джерома Горсея, Тонни Фенне, капитана Жака Маржерета, Адама Олеария, Иоганна де Родеса, Иоганна Кильбургера, Юрия Крижанича и некоторых других авторов содержат весьма точные наблюдения о русской торговле, товарных номенклатурах, ценах, денежном счете и денежно-весовых системах, организации таможенного обложения, таможенных платежей, русской монете, курсовой разнице русской и иностранной валюты.¹⁴³ Наш соотечественник Г.К. Котошихин также оставил после себя чрезвычайно важные сведения об устройстве государственной власти в России XVII в., финансах страны, денежном обращении, казенных доходах, организации таможенной службы и др.¹⁴⁴

Промежуточное положение между документальным источником и историческим исследованием занимают работы Н.Н. Бантыш-Каменского и В.О. Ключевского.¹⁴⁵ Первому из них принадлежит обзор внешних сношений России до 1800 г. Здесь приводятся сведения о посольствах в Англию, Нидерланды и другие страны, правовом положении торговых иноземцев в России, выдаче им жалованных грамот, предоставлении других привилегий. Их изложение максимально приближено к источнику. Работа В.О. Ключевского представляет собой краткую характеристику сочинений иностранных путешественников, многие из которых ему приходилось использовать в зарубежных изданиях, поскольку русских переводов не существовало. В их числе свидетельства И. Барбаро, А. Контарини, С. Герберштейна, Р. Ченслера, А. Дженкинсона, А. Поссевино, Дж. Горсея, Дж. Флетчера, А. Олеария, А. Мейерберга, С. Коллинза, Я. Рейтенфельса, де ла Невилля и ряда других авторов.

Как можно заметить, в основной массе опубликованных работ, заметно отличающихся друг от друга по задачам, основной тематике, методам исследования, характеру и объему привлекаемых источников, затрагиваются лишь отдельные стороны таможенной политики России IX—XVII вв. в рамках узких исторических периодов. В отечественной и зарубежной историографии отсутствует целостное обобщающее исследование, в котором бы объективно освещались все стороны становления и развития таможенной политики России на протяжении допетровского периода. Пришло время, когда количественное и качественное накопление знаний позволяет ввести в научный оборот многочисленные данные по этой проблеме, по-новому систематизировать и интерпретировать накопленный материал. Поэтому предпринятое нами обобщение результатов изучения истории таможенного дела и таможенной политики России имеет принципиальное значение.

Свою главную задачу автор видел в том, чтобы раскрыть содержание и динамику внешней торговли, таможенного дела и таможенной политики России в хронологических рамках IX—XVII вв., показать их собственную логику развития, место и роль в системе хозяйственных и политических отношений. Анализ перечисленных проблем основывается на комплексном изучении данных экономической

географии, характера и условий торговой деятельности, связей внешнего рынка с внутренним, объемов и динамики торговых оборотов, товарных номенклатур экспортно-импортных операций, финансов, кредита и денежного обращения, торгового и таможенного законодательства, тарифной политики и таможенного обложения, государственного строительства, финансового управления и т. д. Неудивительно, что все указанные сюжеты, хотя и в разной степени, нашли отражение на страницах настоящей работы.

Предмет монографического исследования ограничен хронологическими рамками IX—XVII вв. На первый взгляд, уже в силу своей продолжительности рассматриваемый период отечественной истории не мог быть единым в политическом и социально-экономическом отношениях. Однако, исходя из логики развития самого предмета исследования, можно говорить о сохранении глубокой преемственности и существенной однородности таможенной политики России в IX—XVII вв. Во-первых, решая торгово-политические задачи по регулированию товарообмена и защите российского рынка, таможенная политика в то время преследовала преимущественно фискальные цели. Политика промышленного протекционизма еще только намечалась. Во-вторых, тарифная политика отличалась тем, что таможенные пошлины взимались не за ввоз товаров на таможенную территорию России и вывоз с этой территории, а за перемещение и продажу их на внутреннем рынке. Гостиное право преобладало над правом таможенным. В-третьих, при определении ставок таможенных пошлин во внимание принималась не потребительная стоимость тех или иных товаров, а определенная фаза их перехода от продавца к покупателю. В-четвертых, размер таможенного обложения колебался около 3%, редко превышая 5%. В-пятых, таможенное дело непосредственно осуществлялось через выборных представителей от населения на общественных началах (профессиональная таможенная бюрократия появилась лишь в 20-е гг. XVIII в.).

Географические рамки исследования в основном ограничиваются таможенной территорией России с учетом тех изменений, которые происходили на протяжении IX—XVII вв. Поскольку формирование таможенной политики протекало в условиях древнего, удельного и московского периодов, то в рамках каждого из них автора привлекали прежде всего приоритетные в торговом и таможенном отношении территории. Во внимание принималось то, что в условиях IX—XII вв. наибольшее развитие получили контакты Русской земли с Хазарским каганатом и Византией; в XIII—XV вв. Северо-Восточная Русь была в торговом отношении тесно связана с Ганзейским союзом северогерманских и ливонских городов через Новгород; в XVI—XVII вв. Россия активно торговала с Англией и Нидерландами через Архангельск.

Работа представляет собой одну из первых историографических попыток подвести итоги почти двухсотлетнего изучения вопросов внешней торговли и таможенного дела России с IX по XVII вв. включительно, а также поэтапного, комплексного исследования торговли и таможенного дела в России в IX—XVII вв. Автор стремился охватить наиболее значительные исследования по данной теме. Наряду с работами известных ученых удалось выявить большое число монографий, статей и других публикаций малоизвестных или в значительной степени забытых историков, многие из которых специализировались исключительно на вопросах истории торговли и таможенного дела. И хотя эти труды несут на себе следы «ограниченности» своего времени, тем не менее они нередко содержат ценную информацию фактического характера, оценки и глубокие суждения по существу предмета исследования.

Были изучены многочисленные источники по истории торговли и таможенной политики России. Некоторые из них вводятся в научный оборот впервые. Это позволило не только заново проанализировать многие социально-экономические процессы, отразить их комплексно, в динамике, на протяжении значительного временного отрезка, но и внести некоторые принципиальные уточнения в исторический контекст национального таможенного дела. Так, сравнительный анализ духовных грамот (завещаний) великих московских князей помог проследить процесс наследования «московской тамги» и установить момент коренной перемены в ее финансовом и политическом значении. Сопоставление договорных грамот московских князей с грамотами рязанских и тверских князей позволило выявить различия содержащихся в них условий таможенного обложения. Это является серьезным аргументом, свидетельствующим о возникновении значительной дифференциации таможенных пошлин еще в удельный период. Изучение дипломатической переписки России и Англии второй половины XVI в. позволило уточнить время возобновления жалованной грамоты Московской компании. Новое прочтение отдельных актовых материалов позволило внести уточнение в определение ставки тамги и даты перехода финансовых функций Приказа Большого прихода и четвертей к Приказу Большой казны и т. д. Обобщение данных отечественной историографии, а также многочисленных источников по теме исследования позволило представить оригинальную структуру предмета исследования, существенным образом переосмыслить целый ряд проблем и концептуальных положений, выдвинутых в исследованиях предыдущих лет. Так, автор попытался по-новому изложить многомерное содержание политики торгового протекционизма, наметившейся в 40-х гг. XVII в. и в полную меру проявившейся в ходе

таможенной реформы царя Алексея Михайловича, а также процесса реформирования национальной таможенной системы во второй половине XVII в. Впервые в отечественной литературе Новоторговый устав 1667 г. рассматривается как источник таможенного права, закон прямого действия, включающий в себя определенные технологические схемы таможенного контроля, оформления и обложения товаров. В монографии также всесторонне отражены малоисследованные в историографии советского периода вопросы таможенного обложения и формирования таможенной службы в период становления Русского единого централизованного государства. При этом автор стремился не только к обобщению опыта изучения этих вопросов в отечественной историографии, но и к выяснению исторической логики таможенного обложения, изменений, происходивших в содержании и размерах таможенных платежей (особенно в Архангельске), понятийном аппарате таможенного дела («большая тамга»), а также в организации таможенного управления, с годами становившегося все более централизованным и бюрократизированным.

В основу данной монографии положены моя докторская диссертация «История таможенного дела России (IX—XVII вв.)», защищенная в Санкт-Петербургском государственном университете в 2000 г., а также лекции, прочитанные в Санкт-Петербургском им. В.Б. Бобкова филиале Российской таможенной академии и Северо-Западной академии государственной службы. Ее появлению содействовали многие из моих коллег и товарищей. Хочу выразить им благодарность за оказанную мне помощь и поддержку. Прежде всего, слова благодарности А.Г. Манькову, который первым отметил положительные и перспективные стороны чернового варианта работы и благословил меня на дальнейшие научные изыскания.

Ценные советы и замечания Д.Н. Альшица, его доброе отношение в немалой степени способствовали завершению исследования. Выражаю ему за это сердечную признательность.

Спасибо директору издательства «Дмитрий Буланин» Е.М. Буланиной за ее неизменный оптимизм, поддержку и всестороннюю помощь в реализации проекта.

Слова искренней благодарности В.В. Алехину, Е.В. Анисимову, М.Н. Барышникову, А.В. Гоголевскому, Б.Б. Дубенцову, А.Н. Мячину, А.П. Павлову, Б.А. Старкову, В.А. Шамахову за проявленный ими интерес к рукописи, высказанные критические замечания и моральную поддержку в моих начинаниях.

Трудно переоценить значение редакторской правки Е.А. Гольдич, существенно облагородившей первоначальный вариант рукописи. Я глубоко признателен ей за сотрудничество.

Выход книги был бы невозможен без финансовой поддержки Корпорации Стерх. Моя большая благодарность председателю правления Корпорации В.Ф. Пятакову, а также исполнительному директору управляющей компании Н.В. Шаповалову за проявленное понимание важности исторических изысканий в области торгового предпринимательства и таможенного дела.

Самые нежные и теплые слова в адрес моей жены Ирины Вартановой, а также сестер Марины и Татьяны, ни разу не усомнившихся в способности их мужа и брата выдержать все испытания и довести работу над книгой до конца. С их согласия и одобрения я посвящаю этот труд моим родителям, И.П. Покровской и М.И. Шумилову.

М. Шумилов

Санкт-Петербург, сентябрь 2005 г.

Примечания

¹ Блинов Н.М. Таможенная политика России X—XX вв. М., 1997. С. 6—7.

² Бутенко В.А. Краткий очерк истории русской торговли. М., 1910; Гагемейстер Ю.А. О финансах древней России. СПб., 1833; Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1; Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1; Козловский И. Краткий очерк истории русской торговли. Киев, 1898. Вып. 1; Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923; Ладыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886; Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905; Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850; Покровский В. История торговли в России // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1901. Т. 33А; Рудченко И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1—3; Толстой Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848; Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856; Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от давних времен до ныне настоящего. СПб., 1781—1788. Т. 1—7; Шапошников Н.Н. Таможенная политика России до и после революции. М.; Л., 1924 и др.

³ Блинов Н.М. Таможенная политика...; Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. М., 1995; Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999; Таможенное дело в России. X — начало XX вв. (Исторический очерк. Документы. Материалы). СПб., 1995; Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси. IX—XVII века.

- Екатеринбург, 1997; Шумилов М.М. История торговли и таможенного дела в России IX—XVII вв. СПб., 1999; Шемякин А.И. История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000 и др.
- ⁴ См., напр.: *Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia. 1533—1815. London, 1958; *Attaman A.* i) The Russian and Polish Markets in International Trade 1500—1650. Goteborg, 1973; 2) Swedish Aspirations and The Russian Market During the 17th Century. Goteborg, 1985; *Bushcovitch P.* The Merchants of Moscow. 1580—1650. Cambridge, 1980; *Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954; *Dvornik F.* The Kiev State and its Relations with Western Europe // Transactions of the Royal Historical Society. 1947. Ser. 4. Vol. 29. P. 27—46; *Fuhrmann J.T.* The Origins of Capitalism in Russia: Industry and Progress in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago, 1972; *Hinton R.W.* The Eastland Trade and the Common Weal in the Seventeenth Century. Cambridge, 1959; *Kirchner W.* Commercial Relations between Russia and Europe 1400—1800: Collected Essays. Bloomington, 1966 // Indiana University Publications. Russian and East European Series. Vol. 35; *Ohberg A.* Russia and the World Market Trade in the 17th Century // Scandinavian Economic History Review. 1955. Vol. 3, ch. 2; *Riasanovsky N.V.* A History of Russia. New York, 1963. (5th ed., 1993); *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. 750—1200. London; New York, 1996; *Willan T.S.* The Early History of the Russia Company, 1533—1603. Manchester, 1956 и др.
- ⁵ *Аристов Н.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Ч. 1; *Бутенко В.А.* Краткий очерк...; *Васильевский В.Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Июль; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1; *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1; *Козловский И.* Краткий очерк... Вып. 1; *Маслов П.* Общедоступный курс истории народного хозяйства. От первобытных времен до XX-го столетия. 4-е изд. М.; Пг., 1923; *Мельгунов П.П.* Очерки...; *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. М., 1918; *Погодин М.Н.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3; *Покровский В.* История...; *Пресняков А.Е.* 1) Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909; 2) Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1938. Т. 1; *Рожков Н.А.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. Киевская Русь. 2-е изд. М., 1905; *Святловский В.В.* Примитивно-торговое государство как форма быта. СПб., 1914; *Спицын А.А.* Торговые пути Киевской Руси // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911; *Татищев В.Н.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1995. Т. 2, 3 и др.
- ⁶ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1; *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912; *Ключевский В.О.* 1) Соч. Т. 1; 2) Краткое пособие по русской истории. М., 1906; *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 3-е изд. М., 1918; *Погодин М.Н.* Исследования... Т. 3; *Покровский В.* История...; *Сергеевич В.И.* Лекции по истории русского права. СПб., 1890; *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 1 и др.
- ⁷ *Аристов Н.* Промышленность...; *Беляев И.Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Ч. 1; *Васильевский В.Г.* Древняя торговля...; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории...; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1; *Дьяконов М.* Очерки...; *Каминка А.И.* Очерки торгового права. 2-е изд. СПб., 1912. Вып. 1; *Ключевский В.О.* 1) Соч. Т. 1; 2) Краткое пособие...; 3) Боярская дума Древней Руси. 3-е изд. М., 1902; *Любавский М.К.* Лекции...; *Мельгунов П.П.* Очерки...; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI—XVII веков. СПб., 1909; *Никитинский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893; *Погодин М.Н.* Исследования... Т. 3. С. 253; *Покровский В.* История...; *Пресняков А.Е.* Лекции... Т. 1; *Святловский В.В.* Примитивно-торговое государство...; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 1; *Спицын А.А.* Торговые пути...; *Удинцев В.А.* История обособления торгового права. Киев, 1900; *Федоров А.Ф.* Введение в курс торгового права. Одесса, 1901; *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. 5-е изд. Рига, 1924. Т. 1. и др.
- ⁸ *Аристов Н.* Промышленность...; *Беляев И.Д.* 1) Рец. на кн. Е.Г. Осокина «Внутренние таможенные пошлины в России» (Казань, 1850) // Москвитянин. 1850. № 22; 2) Лекции...; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории...; *Лодыженский К.* История...; *Мельгунов П.П.* Очерки...; *Осокин Е.* 1) Внутренние таможенные пошлины...; 2) Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник Д. Мейера. Казань, 1855; *Покровский В.* История...; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк...; *Святловский В.В.* Примитивно-торговое государство...; *Семенов А.* Изучение... Ч. 1—3; *Сергеевич В.И.* Лекции...; *Толстой Д.* История...; *Шумаков С.Л.* Древнерусские косвенные налоги // Сб. правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества при Московском университете. М., 1897. Т. 7 и др.
- ⁹ *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 540—545.
- ¹⁰ *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 52; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 541; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 55.
- ¹¹ См.: *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 50—51.
- ¹² *Кулишер И.М.* История... С. 5—45.
- ¹³ *Брим В.А.* Путь из варяг в греки // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1931. № 2. С. 213, 219.
- ¹⁴ Там же. С. 210—247 В дальнейшем это мнение высказывалось П.И. Лященко, Б.А. Рыбаковым, Б.Д. Грековым, М.Б. Свердловым (*Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947. Ч. 1. С. 99; *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 317; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. Л., 1953. С. 439; *Свердлов М.Б.* Транзитные пути в Восточной Европе IX—XI вв. // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1969. Т. 101, вып. 6. С. 541, 544—545).
- ¹⁵ *Любомиров П.Г.* Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. // Учен. зап. Саратовского им. Н.Г. Чернышевского ун-та. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 3. С. 14—15, 33.
- ¹⁶ *Греков Б.Д.* Киевская Русь.
- ¹⁷ *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути С. 316; *Хромов П.А.* Очерки экономики феодализма в России. М., 1957. С. 8, 228—229. В дальнейшем Б.А. Рыбаков пришел к тому выводу, что ежегодные кампании по вывозу русских экспортных товаров в Византию требовали привлечения значительных масс населения (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 320—321).
- ¹⁸ *Рыбаков Б.А.* 1) Торговля и торговые пути. С. 317, 324; 2) Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 469—481; *Хромов П.А.* Очерки... С. 228—229.
- ¹⁹ *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 134—137; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 439.

- ²⁰ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 87—90; Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 90.
- ²¹ Янин В.Л. 1) Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // ВИ. 1955. № 8. С. 137; 2) Денежно-весовые системы... С. 105; Монгайт А.Л. Рязанская земля. С. 87.
- ²² Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 370—381; Лучинский М.Ф. Деньги на Руси II—XII вв. Казань, 1958.
- ²³ Романов Б.А. Деньги... С. 372, 386, 390.
- ²⁴ Янин В.Л. 1) Нумизматика... С. 140; 2) Денежно-весовые системы... С. 43, 191—192.
- ²⁵ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.
- ²⁶ Вернадский Г.В. 1) История России. Древняя Русь. Тверь, 1996; 2) История России. Киевская Русь. Тверь, 1996.
- ²⁷ Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 16, 112.
- ²⁸ Там же. С. 38—39.
- ²⁹ Там же. С. 131.
- ³⁰ Там же. С. 130.
- ³¹ См.: Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X—XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX вв. Ижевск, 1995. С. 105—110.
- ³² Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 87.
- ³³ Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 110.
- ³⁴ Флоровский А.В. Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961; Даркевич В.П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 397; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до сер XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 84—98; Перхавко В.Б. Пушнина в древнерусском товарообмене (IX—XIII вв.) // ОИ. 1999. № 5. С. 165.
- ³⁵ Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 234, 237.
- ³⁶ Потин В.М. 1) Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961; 2) Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968; 3) Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв.: Сб. статей / Под ред. Н.Е. Носова, И.П. Шаскольского. Л., 1970; Кротошкин В.В. 1) Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967; 2) О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне: Сб. статей / Отв. ред. Т.В. Николаева. М., 1978; 3) Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1986; Свердлов М.Б. 1) К вопросу о денежном обращении у восточных славян в X—XII вв. (по мусульманским источникам) // Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права. 1965. Вып. 1. № 5; 2) Деньги и денежное обращение // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; 3) Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв. // ВИД. 1978. Т. 9; Спасский И.Г. Русская монетная система. 4-е изд., доп. Л., 1970; Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983. Янин В.Л. Русские денежные системы IX—XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985.
- ³⁷ Фроянов И.Я. 1) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 133; 2) Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 249—250, 254—255.
- ³⁸ См.: Фроянов И.Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 157; 2) Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 48; 3) Рабство и данничество... С. 81—86.
- ³⁹ Фроянов И.Я. Рабство и данничество... С. 102.
- ⁴⁰ Перхавко В.Б. Хлеботорговля в Древней Руси // ОИ. 1996. № 4. С. 17. Ранее Г.В. Вернадский допускал, что в XII в. Русь могла экспортировать в Византию зерно (Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 131).
- ⁴¹ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси... С. 104, 107; Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // МИА. 1969. № 169. С. 189—196; Свердлов М.Б. Транзитные пути... С. 542—543; Кротошкин В.В. 1) Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности: Сб. статей / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин. М., 1973. С. 226—230; 2) О топографии кладов... С. 113—114, 116; Носов Е.Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X в. // ВИД. 1976. Т. 8. С. 95—110; Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 6—8; Дубов И.В. Ярославское Поволжье в IX—XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 148; Новосельцев А. Л. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. М., 1990. С. 114; Седов В.В. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V—VII вв. // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 86—93.
- ⁴² Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 81—86; Даркевич В.П. Международные связи. С. 392—393; Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 215; Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М., 1997. С. 71—73; Седов В.В. Русский каганат IX века // ОИ. 1998. № 4.
- ⁴³ Волжская Булгария и Русь; Биляр — столица домонгольской Булгарии: Сб. статей / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1991; Путь из Булгара в Киев: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1992.
- ⁴⁴ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962; Новосельцев А.П. Хазарское государство...
- ⁴⁵ Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1958. С. 191, 223—224 (МИА. Т. 1. № 62); Фехнер М.В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей середины XIII в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 46—54; Вилинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3; Заходер Б.Н. 1) Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. Т. 1; 2) Каспийский свод

- сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2; *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965 и др.
- ^{46.} *Литаверин Г.Г., Янин В.Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. // История СССР. 1970. № 4; *Сахаров А.Н.* 1) Русско-византийский договор 907 г.: Реальность или вымысел летописца? // ВИ. 1978. № 2; 2) Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980; *Литаверин Г.Г.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983; *Курбатов Г.Л.* Византия и Русь в IX—X вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 214—223, 226 и др.
- ^{47.} *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 109.
- ^{48.} *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 8.
- ^{49.} *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 76; *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 549.
- ^{50.} *Аристов Н.* Промышленность... С. 222; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк... С. 9.
- ^{51.} *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 540—546; *Беляев И.Д.* Рец. на кн. Е.Г. Осокина... С. 57. Фактически вывод И.Д. Беляева о том, что к моменту монгольского нашествия на Русь уже существовала сложившаяся таможенная система, получил поддержку в советской историографии (*Тихонов Ю.А.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // ИЗ. 1955. Т. 53. С. 259).
- ^{52.} *Григорьев В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842.
- ^{53.} *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 541—542. В дальнейшем это мнение разделял и Г.В. Вернадский, отмечавший, что «сложный экономический организм Орды был сориентирован на международную торговлю и как раз от нее ханы и вельможи получали большую долю своего дохода» (*Вернадский Г.В.* История России. Монголы и Русь. Тверь, 1997. С. 217).
- ^{54.} *Аристов Н.* Промышленность... С. 256; *Козловский И.* Краткий очерк... Вып. 1. С. 16—17; *Покровский В.* История... С. 566—567; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 123—126, 131—132; *Бутенко В.А.* Краткий очерк... С. 14, 21—22 и др.
- ^{55.} *Аристов Н.* Промышленность... С. 205—206, 233—234; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 535; *Покровский В.* История... С. 567; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 27; *Бутенко В.А.* Краткий очерк... С. 16; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 159—160, 218; *Святловский В.В.* Прimitивно-торговое государство... С. 261 и др.
- ^{56.} *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 537; *Васильевский В.Г.* Древняя торговля... С. 148; *Покровский В.* История... С. 567; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 129—139.
- ^{57.} *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 36, 64, 209—215, 239; *Славянский М.* Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. СПб., 1847. С. 15—29, 71, 72; *Аристов Н.* Промышленность... С. 202—204, 211—213, 228; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 18; *Беляев И.Д.* Рец. на кн. Е.Г. Осокина... С. 56; *Хлебников Н.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 463; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Ч. 1. С. 350; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 40—41; 534—535, 542—543; *Бережков М.Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879; *Цветаев Д.В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 20—22; *Ключевский В. О.* 1) Краткое пособие... С. 71—84; 2) Соч. Т. 2. С. 51—98; *Удинцев В.А.* История... С. 13; *Никитинский А.И.* История экономического быта...; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 56—105; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 11—12; *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории. М., 1992. С. 62—71; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 32, 66—67, 91—92, 386—387; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 145, 151—157; 181; *Спицын А.А.* Торговые пути... С. 252; *Любавский М.К.* Лекции... С. 183.
- ^{58.} См.: *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 47, 145; *Аристов Н.* Промышленность... С. 228, 230, 232, 233; *Славянский М.* Историческое обозрение... С. 72; *Никитинский А.И.* История... С. 135; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 80—81.
- ^{59.} *Семенов А.* Изучение... Ч. 3. С. 12—13; *Висковатов А. В.* Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб., 1994. С. 15; *Никольский С.* О внешних таможенных пошлинах. М., 1865. С. 46; *Никитинский А.И.* История... С. 140—143, 256—257, 260—264, 273, 283—284; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 13.
- ^{60.} *Лимонов Ю.А.* Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимины, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 63; *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 399.
- ^{61.} *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940; *Зимин А.А.* Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // ИАН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. 9. № 1. С. 65; *Павлов П.Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского гос. пед. ин-та. Сер. историко-филологическая. 1958. Т. 13, вып. 2. С. 80—82, 109; *Тихомиров М.Н.* Бессермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей / Отв. ред. Н.Е. Носов. М.; Л., 1964. С. 55; *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* Налоги в России до XIX в. С. 13; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. / Отв. ред. И.Я. Фроянов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. С. 169—252.
- ^{62.} *Вернадский Г.В.* История России. Монголы и Русь. С. 203—205, 219, 222—223.
- ^{63.} *Кулишер И.М.* История... С. 98—114; *Усачев Н.Н.* К оценке внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимины, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 204—224; *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975; *Алексеев Л.В.* Смоленская земля... С. 91—93.
- ^{64.} *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века // ИАН СССР. Отделение обществ. наук. 1932. № 3; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 398—402; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 16, 17, 26—30, 32, 33, 60, 62, 64, 67, 68; *Еманов А.Г., Попов А.И.* Итальянская торговля на Черном море в XIII—XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древние и средние века: Межвузовск. сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Королев. Ростов-на-Дону, 1988. С. 77—85; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 47, 50; *Еманов А.Г.* 1) Русско-итальянские экономические связи в XIII—XV вв. // Общественно-политическая жизнь дореволюционной России: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.С. Половинкин. Тюмень, 1990; 2) Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII—XV вв. Тюмень, 1995.
- ^{65.} *Кулишер И.М.* История... С. 46—97.

66. *Чиркин Г.Ф.* Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // *Очерки по истории колонизации Севера*. Пг., 1922. Вып. 1. С. 7—12; *Платонов С.Ф., Андреев А.И.* Новгородская колонизация Севера // Там же. С. 26—37. Это исследовательское направление продолжает сохранять свою актуальность до настоящего времени (*Алексеев Ю.Г.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991. С. 8—13; *Перхавко В.Б.* Пушкина... С. 167—170).
67. *Брим В.А.* Путь из варяг в греки. С. 255; *Лихачев Д.С.* Новгород Великий Л., 1945; *Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.* М., 1953. Ч. 2; *Казакова Н.А.* 1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в. // *ИЗ.* 1949. Т. 28. С. 114—116, 121, 126; 2) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. // *ИЗ.* 1954. Т. 47. С. 263—282; 3) Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения. *Рыбина Е.А.* 1) Археологические очерки новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978; 2) Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986; 3) О торговых пошлинах и санкциях в средневековом Новгороде // *От мытной заставы до современной таможни*. Новгород, 1996. С. 7—14; *Шаскольский И.П.* Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. // *Географический сборник*. М.; Л., 1954. Вып. 3. С. 156; *Проништейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 129—130, 136—138; *Хорошкевич А.Л.* 1) Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV—XV веках // *Международные связи России до XVII в.*: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 293, 295, 304; 2) Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963; *Клейнберг И.Э.* Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.) // *ВИД.* 1973. Т. 5. С. 148; *Перхавко В.Б.* Хлеботорговля... С. 18—23; *Шумилов М.М.* История торговли... С. 111—148.
68. *Казакова Н.А.* Из истории сношений Новгорода... С. 114. Действительно, *тамга* (основная торговая пошлина) была введена в Новгороде лишь в конце XV — начале XVI в.
69. *Черепнин Л.В.* Образование... С. 374, 382—388, 451—452.
70. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 61—79, 82, 93; *Янин В.Л.* 1) Нумизматика... С. 142; 2) Денежно-весовые системы... С. 46; 3) О метрологической закономерности в развитии русских монетных норм // *АЕ* за 1957 г. М., 1958. С. 19—20; 4) Русские денежные системы... С. 365—368; *Монгайт А.Л.* Рец. на кн. В.Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» // *ВИ.* 1958. № 3. С. 186—187; *Потин В.М.* Древняя Русь... С. 81; *Рыбина Е.А.* Археологические очерки... С. 87; *Свердлов М.Б.* Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв. // *ВИД.* 1978. Т. 9. С. 3—16; *Фехнер М.В.* Некоторые сведения... С. 47; *Котляр Н.Ф.* Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Руси (XII—XIII вв.) // *ВИД.* 1973. Т. 5. С. 160, 168 и др.
71. *Черепнин Л.В.* Образование... С. 415—423; *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве. (Вторая половина XV — начало XVII в.) // *История СССР.* 1977. № 5. С. 149—150; *Перхавко В.Б.* Истоки предпринимательства на Руси // *ОИ.* 1998. № 6. С. 7.
72. См.: *Шумилов М.М.* История торговли... С. 236—361.
73. *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 3, 5, 9; Русская история в очерках и статьях / Под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912. Т. 3. С. 312—314, 323—324; *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 25, 38, 40—46, 157—187; *Тихомиров Ю.А.* Таможенная политика... С. 260; *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд. // *Труды ГИМ.* М., 1956. Вып. 31. С. 6, 44; *Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 128; *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959. С. 55; *Черепнин Л.В.* Образование... С. 373—375; *Тихомиров М.Н.* 1) Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 87—93; 2) Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 178—184; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 22, 29, 65; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 49; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 21—22 и др.
74. *Цветаев Д.В.* Протестантство... С. 144; *Мулюкин А.* С Приезд иностранцев... С. 32—34, 37—38, 173—174, 179—180; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 43.
75. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 139—142; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк... С. 33; *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 51—52; *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество... С. 146—159; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998.
76. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 33—34; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 179; *Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 140; *Клейнберг И. Э.* Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. // *Международные связи России до XVII в.*: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 359—360; *Шаскольский И.П.* Жалованная грамота Михаила Федоровича любекским купцам 1636 г. // *Исследования по отечественному источниковедению*: Сб. статей / Отв. ред. Н.Е. Носов. М.; Л., 1964. С. 359; *Казакова Н.А.* 1) Малоизвестные источники о русско-прибалтийской торговле конца XV — начала XVI в. // *ВИД.* 1968. Т. 1. С. 274; 2) Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 248—251, 259, 293—310; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 22—45, 54—58, 64, 70—73; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия... С. 21; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 6—7.
77. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 63.
78. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 89—91; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 39, 43, 144—148; *Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 45, 111—127, 133—134, 140, 149; *Тихомиров М.Н.* Россия... С. 307—308, 340—345; *Зимин А.А.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // *Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв.*: Сб. статей / Отв. ред. Н.М. Дружинин. М., 1964. С. 44; *Хорошкевич А.Л.* Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII в. (к изданию словаря Тонни Фенне) // *Международные связи России в XVII—XVIII вв.* (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 41—56; *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество... С. 155—156; *Варенцов В.А.* Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI—XVII веках. Исторический очерк. Документы и материалы. Новгород, 1996. С. 6—18.
79. *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях. СПб., 1865. С. 43, 54, 83—84, 105; *Цветаев Д.В.* Протестантство... С. 145—147; *Кордт В.А.* Очерк сношений Московского государства с Республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. 15—16; *Косточкин В.В.* Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки Наровы // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры*. М., 1953. № 52. С. 26; *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений XV и первой половины XVII вв. Тбилиси, 1959. С. 5—10; *Шаскольский И.П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России

- со Шведским государством. М.; Л., 1964. С. 25—27, 213—214; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 61; *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 304; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 40—43, 61—62; *Чепик Г.С.* Часовой Принаровья: Краткий исторический очерк. СПб., 1996. С. 8—10; *Скрынников Р.Г.* История Российской. IX—XVII вв. М., 1997. С. 286.
- ^{80.} *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 19—26, 263; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 217—218; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1933. № 10. С. 731; *Жордания Г.* Очерки из истории... С. 20—21; *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // СВ. 1960. Вып. 17. С. 239—244; *Шаскольский И.П.* О возникновении города Колы // ИЗ. 1962. Т. 71. С. 275—278; *Флоря Б.Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // СВ. 1973. Вып. 36. С. 130.
- ^{81.} *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 173, 182—183, 196; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 195—208; *Русская история...* Т. 3. С. 314—315; *Сыроечковский В.Е.* Пути... С. 217, 232; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 181—182; *Черепнин Л.В.* Образование... С. 401; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 50, 67; *Фехнер М.В.* Торговля... С. 6—97.
- ^{82.} *Фехнер М.В.* Торговля... С. 44—46, 50.
- ^{83.} *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 8, 23, 80—81; *Гамель И.* Англичане в России...; *Толстой Ю.* 1) Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875; 2) Обзор первых сорока лет сношений между Россией и Англией (1553—1593). СПб., 1875. С. 17, 19—24; *Цветаев Д.В.* Протестанство... С. 25—27; *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. 1889. № 10. С. 112; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894.4.1.С.91—97; *Покровский В.* История... С. 568; *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 50—51, 56—57; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 195—220; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 185, 188—193; *Платонов С.Ф.* Прошлое русского Севера. Пг., 1923. С. 62—63; *Любименко И.И.* 1) История торговых отношений России с Англией, XVI в. Юрьев, 1912. Вып. 1; 2) Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // ЖМНП. 1916. Ноябрь, декабрь. С. 2—3, 18, 19, 30—31 145—148, 153, 166; 3) Торговые сношения России с Англией и Голландией... С. 732—735; *Кулишер И.М.* История... С. 116—117, 122—123; *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1932. № 2. С. 94; *Прончатов Н.Ф.* Англо-русские отношения в конце XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Горький, 1955. С. И; *Лурье Я.С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зиминой, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 429; *Флоря Б.Н.* Торговля России... С. 130, 134, 137—138; *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля России (XVII в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1980. С. 138; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 35 и др.
- ^{84.} *Лодыженский К.* История... С. 9—10; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 114—115; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 93—97, 181; Ч. 2. С. 192; *Покровский В.* История... С. 568; *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 47, 52—56, 67—70, 74—81, 105, 268, 285; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 210, 219; *Русская история...* Т. 3. С. 333—334; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 35, 37, 49; *Любименко И.И.* 1) История торговых отношений... С. 49—53, 85—88, 113—119, 122; 2) Торговые сношения России с Англией... С. 19—20, 26—27, 158; Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Пг., 1915. Т. 3, вып. 2. С. 313, 314, 318—320; *Кулишер И.М.* История... С. 118—123, 128, 135—136, 139—140; *Прончатов Н.Ф.* Англо-русские отношения... С. 11—16; *Жордания Г.* Очерки из истории... С. 30—35, 43—49, 56—58, 68, 86, 93, 97—100, 108—109, 116—117, 120, 124, 140—153, 372; *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля... С. 234—235; *Шаскольский И.П.* Жалованная грамота... С. 359, 361; *Флоря Б.Н.* 1) Русско-польские отношения и балтийский вопрос. М.; Л., 1964. С. 73—76, 91, 170—185; 2) Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI — начале XVII вв. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе М., 1966. С. 10—25; 3) Торговля России... С. 121—151; *Хорошкевич А.Л.* Из истории... С. 37; *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля... С. 140; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 35, 54—55.
- ^{85.} *Кауфман И.И.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века // ЗНО РАО. СПб., 1910. Т. 2. С. 100; *Флоря Б.Н.* Торговля России... С. 145; *Спаский И.Г.* 1) Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 1961. С. 11, 14; 2) Русская монетная система. С. 121; 3) Русские ефимки: Исследование и каталог. Новосибирск, 1988, С. 7, 10, 11; *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. С. 33—35, 154—155, 197; *Быков А.В.* Ефимки на русском Севере в первой половине XVII в. // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 1995. Вып. 1. С. 4; *Шумилов М.М.* История торговли... С. 272—274.
- ^{86.} *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 66, 76, 188—299; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... // Морской сборник. 1889. № 9. С. 120—130; № ю. С. 128—129; *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 282—283; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 221, 225; *Русская история...* Т. 3. С. 315; *Изюмов А.Ф.* Размеры русской торговли XVII века через Архангельск в связи с необследованными архивными источниками // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 6. С. 255—256; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 28, 174; *Куриц Б.Г.* 1) Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 125—126, 131, 132, 139, 151, 153, 163—167, 181—187, 189, 238—239; 2) Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 331—340; *Кулишер И.М.* История... С. 132—133; *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 95—96; *Архангельский С.И.* 1) Экономическое положение Англии в 50-е годы XVII в. // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1933. № 1. С. 55; 2) Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в. // Исторический сборник. М.; Л., 1936. С. 125, 140; 3) Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // ИЗ. 1939. Т. 5. С. 139—140; *Жордания Г.* Очерки из истории... С. 118—120; *Ретин Н.И.* 1) К вопросу о связи внешнего и внутреннего рынка России во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Архангельского порта) // Вестн. МГУ. Серия 9. История. 1970. № 6. С. 63; 2) Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 178, 185; 3) Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты): Уч. пособие. Омск, 1989. С. 14, 24—27, 36, 38; *Козинцева Р.И.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // ИЗ. 1973. Т. 91. С. 275; *Флоря Б.Н.* Торговля России... С.

- 144—150; *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля... С. 142—151; *Захаров В.Н.* Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Изв. 1985. Т. 112. С. 193—194; *Спасский И.Г.* Русские ефимки. С. 8; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 72, 77, 99 и др.
- ^{87.} *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 198; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 127—128; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 100—101; *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 7, 102—104; 172, 208, 209, 234—244, 262—267, 280—281, 286, 300; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 194; *Любименко И.И.* 1) Торговые сношения России с Англией. С. 12, 143, 145, 152—175, 181—182, 189; 2) Торговые сношения России с Англией и Голландией... С. 736—737, 743—745; *Кулишер И.М.* История... С. 128—130; *Архангельский С. И.* Экономическое положение... С. 31—60; *Жордания Г.* Очерки из истории... С. 193—197; *Шаскольский И.П.* Жалованная грамота... С. 360; *Белов М.И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII века // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 58, 61; *Захаров В.Н.* Торговля... С. 184; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 26—27, 36—37, 39, 44—54.
- ^{88.} *Гиттинг А.И.* Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Ч. 2; *Форстен Г.В.* 1) Сношения Швеции с Россией в царствование Христианы // ЖМНП. 1891. Июнь; 2) Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1894; 3) Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700) // ЖМНП. 1898. Февраль, апрель—июнь.
- ^{89.} *Рухманова Э.Д.* 1) Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в. // СС. 1957. Вып. 2; 2) Русско-шведская торговля по невскому пути и город Канцы (XVII в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1976; *Лийримяэ Х.А.* 1) Русско-шведские экономические отношения и нарвская торговля в 1661—1700 гг.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Тарту, 1962; 2) Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661—1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли города Нарвы // СС. 1962. Вып. 5; 3) Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661—1700 гг. // СС. 1963. Вып. 7; 4) Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке // СС. 1964. Вып. 8; 5) Некоторые вопросы транзитной торговли России со странами Западной Европы через Таллин в XVII в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968; *Шаскольский И.П.* 2) Столбовский мир...; 2) Устройство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира // СС. 1965. Вып. 10; 3) Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966; 4) Установление прямых торговых сношений России со Швецией после Столбовского мира 1617 г. // СВ. 1966. Вып. 29; 5) Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира // СС. 1966. Вып. 11; 6) О деятельности шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12); 7) Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994; 8) Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998.
- ^{90.} *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 46, 294, 297, 298; *Трусевич Х.* Посольские и торговые сношения России с Китаем до XIX в. М., 1882. С. 12—14, 268; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 196—197; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 207—208; *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера... С. 153; 354, 361—362; *Кулишер И.М.* История... С. 133—134; *Восканян В.* Новоторговый устав и договор с Армянской торговой компанией // Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки. 1947. № 6. С. 29—43; *Копылов А.Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в.: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М., 1961. С. 359; *Новосельцев А.П.* Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 113; *Яковлева П.Т.* Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) // Там же. С. 124—126, 132—138; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М., 1983. С. 57, 65, 72 и др.
- ^{91.} См.: *Шумилов М.М.* История торговли... С. 192—197, 311—317.
- ^{92.} *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии. Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 67; *Котоищин Г.К.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984. С. 291—292. Гл. 12, ст. 1; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 194, 206, 228—229, 241, 247, 255—261; *Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 153, 157, 159; *Лодыженский К.* История... С. 13; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 115.
- ^{93.} *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 180—186; *Куриц Б.Г.* 1) Состояние России... С. 163; 2) Сочинение Кильбургера... С. 380; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 166—171.
- ^{94.} *Базилевич К.В.* 1) Коллективные челобитья... С. 97; 2) Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 74.
- ^{95.} *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 325—326.
- ^{96.} *Базилевич К.В.* 1) Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663) // ИАН. СССР. Отделение обществ. наук. 1935. № 3. С. 240; 2) Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 52—55, 62—67, 69, 73; 3) Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Уч. зап. МГУ. 1940. Вып. 41. С. 22.
- ^{97.} *Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 30—32, 42, 46—47, 56—59, 65; *Перхавко В.Б.* Хлеботорговля... С. 25.
- ^{98.} См.: *Шумилов М.М.* История торговли... С. 334—354.
- ^{99.} *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 171; *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 137—139.
- ^{100.} *Толстой Д.* История... С. 72, 76—77.
- ^{101.} *Сергеевич В.И.* Лекции... С. 469—472.
- ^{102.} *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 77; *Осокин Е.* 1) Внутренние таможенные пошлины... С. 2—4; 2) Несколько спорных вопросов... С. 546; *Никольский С.* О внешних таможенных пошлинах. С. 52; *Ключевский В.О.* Соч. Т. 6. С. 163—165; *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 251.
- ^{103.} См.: *Шумилов М.М.* История торговли... С. 202—235.
- ^{104.} *Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // ПИ. 1936. Вып. 2. С. 80—90.

- ¹⁰⁵ Толстой Д. История... С. 104, 116—122, 126—128; Чичерин Б.Н. Областные учреждения... С. 191, 220—227, 230—239, 241—242, 249, 404, 405, 408—425, 436—447; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 66, 77—78, 141, 149—150, 155, 160, 163; Лодыженский К. История... С. 17; Огородников С.Ф. Очерк истории... № 10. С. 117—118, 132, 133, 136, 141—143; Рудченко И.Я. Исторический очерк... С. 47—48, Кордт В.А. Очерк сношений... С. 281—282; Миллюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 9—10, 86; Изюмов А.Ф. Размеры... С. 251—253; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 185—205.
- ¹⁰⁶ Миллюков П.Н. Государственное хозяйство... С. 64—65, 113.
- ¹⁰⁷ Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 4, 24, 43; Садилов П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 213, 254—255, 272, 278—280; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; Устюгов Н.В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв.: Сб. статей / Отв. ред. Н.М. Дружинин. М., 1964. С. 137, 138, 144, 148, 160—161; Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий... С. 253; Демидова Н.Ф. Государственный аппарат России в XVII веке // ИЗ. 1982. Т. 108. С. 126; Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. / Под ред. Н.Б. Голиковой. М., 1991. С. 62—64, 72—73.
- ¹⁰⁸ Чистякова Е.В. Новоторговый устав 1667 года // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 121—122; Копылов А.Н. Таможенная политика... С. 333, 335; Белов М.И. Россия и Голландия... С. 69; Демидова Н.Ф. 1) Государственный аппарат... С. 126—127, 132; 2) Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 49; Захаров В.Н. Таможенное управление... 54, 64—71.
- ¹⁰⁹ Захаров В.Н. Таможенное управление... С. 49—76; Шемякин А.И. История таможенного дела...; Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб., 2000; Тимошина Л.А. Воеводское и таможенное управление в первой половине XVII в. (на примере городов Устюжской четверти) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 255—260.
- ¹¹⁰ Базилевич К.В. К вопросу об изучении таможенных книг...; Мерзон А.Ц. Таможенные книги XVII в. М., 1957.
- ¹¹¹ Кордт В.А. Очерк сношений... С. 269; Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 170—177, 199, 206; Шаскольский И.П. Экономические отношения... С. 155—292; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 42—57.
- ¹¹² Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 77; Толстой Д. История... С. 97; Осокин Е. 1) Внутренние таможенные пошлины... С. 13—15; 2) Несколько спорных вопросов... С. 555; Беляев И.Д. 1) Рец. на кн. Е.Г. Осокина... С. 59—60; 2) Лекции... С. 192; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 136—138, 189; Аристов Н. Промышленность... С. 222—223; Лодыженский К. История... С. 8; Огородников С.Ф. Очерк истории... № 9. С. 132—133; Рудченко И.Я. Исторический очерк... С. 10; Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 248, 252; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 210—212; Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в Сыскных приказах. М., 1907. С. 1—31; Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 1, 33—35; Черепнин Л.В. 1) Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 97—113, 208, 212—225; 2) Образование... С. 320—329; Тихонов Ю.А. Таможенная политика... 280; Леонтьев А.К. Образование приказной системы... С. 46; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 215—239; Булыгин И.А. Борьба государства с феодальным иммунитетом // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 329—331; Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 25; Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 142—160, 188; Каиштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 12, 13, 16—21, 52—53, 111—123, 125—126, 129, 145—150, 159—161, 165—176; Маньков А.Г. Законодательство... С. 129, 154—155; Перхавко В.Б. Истоки... С. 6; Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России... С. 42—43, 48.
- ¹¹³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 212—214; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 402, 405.
- ¹¹⁴ Толстой Д. История... С. 74; Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 10, 12; Лодыженский К. История... С. 6—8; Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 248; Базилевич К.В. К вопросу об изучении таможенных книг... С. 74; Николаева А.Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // ИЗ. 1950. Т. 31. С. 245—247, 256—257, 261; Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 261—265, 267—268.
- ¹¹⁵ Садилов П.А. Очерки по истории опричнины. С. 271; Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 263; Маньков А.Г. 1) Государственно-правовое обеспечение торговых путей // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 311—314; 2) Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 203, 204, 206.
- ¹¹⁶ Шумилов М.М. История торговли... С. 158—166.
- ¹¹⁷ Лодыженский К. История... С. 8.
- ¹¹⁸ Толстой Д. История... С. 74; Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 10.
- ¹¹⁹ Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 261, Маньков А.Г. Законодательство... С. 141.
- ¹²⁰ Кисловский Ю.Г. История таможни... С. 28.
- ¹²¹ Базилевич К.В. 1) Элементы меркантилизма... С. 28—32; 2) Новоторговый устав 1667 г. // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1932. № 7. С. 589—622; Андреев А.И. Новоторговый устав 1667 г. // ИЗ. 1942. № 13. С. 303—307; Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 258—290; Чистякова Е.В. Новоторговый устав... С. 102—126; Маньков А.Г. Законодательство... С. 148—151.
- ¹²² Толстой Д. История... С. 110; Лодыженский К. История... С. 29; Шапошников Н.Н. Таможенная политика... С. 5—6.
- ¹²³ Шумилов М.М. История торговли... С. 362—403.
- ¹²⁴ Никольский С. О внешних таможенных пошлинах. С. 53; Лодыженский К. История... С. 29.
- ¹²⁵ См.: Никольский С. О внешних таможенных пошлинах. С. 53—54.
- ¹²⁶ Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987. С. 38.
- ¹²⁷ Лодыженский К. История... С. 37, 38; Шапошников Н.Н. Таможенная политика... С. 7.
- ¹²⁸ Чистякова Е.В. Новоторговый устав... С. 126; Маньков А.Г. Законодательство... С. 151.
- ¹²⁹ См.: Шумилов М.М. История торговли... С. 397—407.
- ¹³⁰ См.: Маньков А.Г. Законодательство... С. 152.

- ^{131.} Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачева. СПб., 1996; Правда Русская. Тексты / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1.
- ^{132.} Российское законодательство X—XX веков [Тексты и коммент.]: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. С. 250—252, 262—263, 271, 291.
- ^{133.} Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1.
- ^{134.} *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. 2. С. 69; Т. 3. С. 225.
- ^{135.} *Хвольсон Д.А.* Известия о казарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу Али Ахмеда бен-Омар ибн Дада. СПб., 1870; *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (С половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870; *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956; *Заходер Б.Н.* 1) Каспийский свод... Т. 1; 2) Каспийский свод... Т. 2; *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Перевод с арабского, коммент., исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку, 1986.
- ^{136.} *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991.
- ^{137.} Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв.: [Тексты] / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977—1985. Вып. 1—5; Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1909; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1824. Ч. 1—4; 1894. Ч. 5.
- ^{138.} *Рубрук Г. де.* Путешествие в Восточные страны // Путешествия и путешественники / Вступ. статья, коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997; *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971; *Контарини А.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.
- ^{139.} См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841—1843. Т. 1—5; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Отв. ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин. М., 1952—1964. Т. 1—3; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846—1875. Т. 1—12; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер; Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии / Под ред. Н.Е. Носова и В.М. Панеяха. Л., 1987; *Коваленко Г.М.* Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье. Новгород, 1998; Новоторговый устав 1667 года // Российское законодательство X—XX вв. М., 1986. Т. 4; Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. М., 1956. Вып. 4; 1963. Вып. 7; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 1—4; Полное собрание русских летописей. Л., 1977. Т. 33; Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов / Сост. М.Б. Давыдова, И.П. Шаскольский, А.И. Юхт. М.; Л., 1960; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 65, 82; Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38; Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5; Судебники XV—XVI веков / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина; Коммент. А.И. Копанева, Б.А. Романова и Л.В. Черепнина. М.; Л., 1952; *Толстой Ю.* Первые сорок лет... Приложения; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке: Документы из советских архивов. М.; Стокгольм, 1978; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М., 1981—1982. Вып. 1—3 и др.
- ^{140.} См.: Книги Московской большой таможни 1693—1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская / Автор введения С.И. Сакович. М., 1961; Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Отв. ред. С.И. Котков. М., 1982; Саранская таможенная книга за 1692 г. / Под ред. А.И. Яковлева. Саранск, 1951; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866; Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. / Сост. и авт. введения Е.Б. Французова; Отв. ред. М.Я. Волков. М., 1983; Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов/Авторы введения В.А. Варенцов и Г.М. Коваленко; Под ред. акад. В.Л. Янина. СПб., 1996; Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633—1636, 1650—1656, 1675—1680 гг. / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1950—1951. Т. 1—3; Торговая книга // ЗОРСА. 1851. Т. 1. Отд. III; Торговые книги // Временник МОИДР. 1850. Кн. 8. Материалы и др.
- ^{141.} РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией; Ф. 396. Столбцы Оружейной палаты.
- ^{142.} ОР РНБ. Ф. 558. Собр. М.П. Погодина; Ф. 885. Эрмитажное собр.
- ^{143.} *Барберини Р.* Путешествие в Московию в 1565 году / Перевод Любич-Романович. 1843; *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908; *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990; Записки о России XVII-го и XVIII-го века по донесениям голландских резидентов // Вестник Европы. СПб., 1868. Кн. 8. Август; *Кильбургер И.* Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России *И Курц Б.Г.* Сочинение Кильбургера...; *Коллинз С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / Перевод с англ. П. Киреевского // ЧОИДР. М., 1846. Кн. 1; *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965; *Курц Б.Г.* Состояние России...; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и Великого княжества Московии // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937; *Невилль дела Фуа.* Записки о Московии / Предисл., подгот. текста, перевод с фр. и коммент. А.С. Лаврова. М., 3996; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; Отчет нидерландских послов Альберта Бурха и Иогана ван Фелтдриля о посольстве их в Москву в 1630—1631 гг. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983; *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 / Перевод с лат. А. Станкевича. М., 1905; *Флетчер Дж.* О государстве Русском; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711) / Перевод с датского Ю.Н. Щербачева. М., 1890 и др.
- ^{144.} *Котошихин Г.К.* О Московском государстве...
- ^{145.} *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1—2; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев...

1. Торговля и таможенное дело в Древней Руси (IX — начало XIII вв.)

1.1. Роль внешней торговли в экономической жизни страны

Процесс образования государства у восточных славян, обусловленный как внутренними, так и внешними причинами, растянулся на несколько столетий. В IX—X вв. происходило ослабление родовых связей, складывались территориально-политические формы общности людей. С разрушением родоплеменных устоев укреплялась власть киевского князя, на рубеже X—XI вв. расширился круг его полномочий, усложнился сам характер судебной и управленческой деятельности. Однако центральные органы суда и управления формировались крайне медленно. Ю.Г. Алексеев отмечает, что «грамоты, фиксирующие волеизъявление князя, известны на Руси, по крайней мере, со второй четверти XII в.».¹

В управлении и суде князь мог заменять себя *тиунами* или *вирниками*, которые действовали от его имени. Разряды последних различались видами служебных поручений, которые исходили от князя. Однако главными чертами местного управления в XI—XII вв. были «неразвитость аппарата, нерасчлененность его функций и "бродячий" характер местной княжеской администрации».²

Ключевой фигурой княжеской администрации, по-видимому, был *тиун огнищный* или *дворский*. Управление последнего в то время заменяло собой все центральные органы финансового управления. Непосредственное отношение к сбору налогов имели *даньщики*, *осменики*, *мытники* и другие *пошлинники*, которые одинаково вели имущественные дела князя как правителя и как частного лица.³

В системе органов дворового управления начала частно-хозяйственные и государственные еще не были разграничены. Личный доход князя полностью сливался с бюджетными средствами государства: дань собиралась князем и расходовалась по его усмотрению не только на содержание дружины, но и на общественные нужды. Князь заботился об охране торговли, в которой сам же и участвовал. Заключая договоры с Византией и европейскими государствами, он обязан был заниматься устройством перевозов через волоки и реки, выдавать купцам проездные документы, поддерживать в надлежащем состоянии пути сообщения, обеспечивать соблюдение правильности единиц массы и длины, назначать мытников на торги и т. д.⁴ Шаг за шагом военно-политическая организация, созданная под личные нужды князя и его дружины, превращалась в государство, воплощавшее интересы всех слоев населения, удовлетворявшее не только частные, но и публичные нужды.

Управление землей-волостью обычно сосредоточивалось в руках одного князя. Однако в земле могло возникнуть и несколько «княжеств» по числу старших городов и взрослых представителей известной княжеской линии. В каждой волости (княжестве) было определенное число городских и сельских обществ — *вервей*, связанных круговой порукой в уплате дани князю и в охране общественного порядка. Управление волостью давало князю и другие средства для содержания дружины. Помимо *дани* — прямого налога с податного населения — он также собирал в свою пользу проездные, торговые и судебные пошлины — косвенные налоги,⁵ что объективно вело к диверсификации функций насилия и налогообложения.

В дореволюционной исторической литературе преобладало мнение об исключительной роли внешней торговли в политической и хозяйственной жизни Древней Руси и значительном личном участии киевских князей в дальних товарообменных операциях.⁶ Так, М.Н. Погодин полагал, что обширная торговля с Византией составляла важнейшее занятие первых русских князей.⁷ С.М. Соловьев указывал, что основную часть русских товаров, поступавших в продажу на рынках Византии и Хазарии, составляли княжеские имущества и, соответственно, «значительнейшая часть выменянного на эти товары должна была возвратиться в казну княжескую».⁸

По версии В.О. Ключевского, внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством), разработкой естественных богатств являлась господствующим фактором экономической жизни, «руководящей силой народного хозяйства» страны в IX—XIII вв.⁹ Он полагал, что издревле в каждой области (земле) существовали старшие города: Киев, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк, которые были созданы «успехами внешней торговли». Большинство из них вытянулось длинной цепью по речному пути «из варяг в греки».

Исключение составляли Переяславль — на р. Трубуж, Чернигов — на р. Десна и Ростов — в области верхней Волги, которые «выдвинулись к востоку с этого <...> операционного базиса русской торговли как ее восточные форпосты». Неудивительно, что Киевскую Русь В.О. Ключевский называл «днепровской, городской, торговой».¹⁰

Киевская Русь в IX — первой половине XI вв. (Муравьев А.В. и др. Историческая география эпохи феодализма. Западная Европа и Россия в V—XVII вв. М., 1973)

В.В. Святловский характеризовал Киевское государство как примитивно торговое. Ему представлялось, что «торговля для Древней Руси являлась центральным нервом ее жизни, ключом к прогрессу и цивилизации».¹¹ В.А. Бутенко тоже признавал, что «благодаря развитию торговли Киевская Русь достигла процветания».¹² М.В. Довнар-Запольский высказывал предположение, что «широкая внешняя торговля должна была вызвать товарообмен и внутри самой страны».¹³ Г.В. Вернадский подчеркивал связь рыночной площади «с политической жизнью и управлением».¹⁴ Указывая на огромное социальное значение торговли в древнерусском обществе, И.Я. Фроянов также отмечает, что «торг стягивал не только экономические, но и социальные нити. Он был средоточием общественной жизни, местом общения людей. Там узнавали "последние известия", обменивались информацией, обсуждали вопросы "текущей политики" <...> Торг, шумный и многолюдный, мгновенно превращался в вечернюю сходку, если в ней возникала потребность».¹⁵

В дореволюционной историографии высказывалось и другое мнение, возобладавшее затем в советский период. Согласно ему, внешняя торговля в экономике Киевской Руси играла более скромную (не основную) роль. Так, Г.В. Плеханов выражал сомнение в том, что внешняя торговля была главной пружиной хозяйственной деятельности русского народа.¹⁶ С ним соглашался Н.А. Рожков, отмечавший, что «торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан».¹⁷ Этой же версии придерживался А.Е. Пресняков, критиковавший В.О. Ключевского за крайнее преувеличение глубины влияния торговли на «племенной быт» восточного славянства.¹⁸ П.П. Маслов выступал против преувеличения роли торговли на том основании, что она «имела значение, главным образом, для князей и бояр».¹⁹ И.М. Кулишер также настаивал на том, что наличие княжеской торговли никак не могло свидетельствовать о размахе торговой деятельности в целом.²⁰

По мнению Б.А. Рыбакова, расцвет городов Киевской Руси достигался не столько торговлей, сколько успехами в развитии ремесел.²¹ С ним соглашался П.А. Хромов, также полагавший, что «не на успехах внешней торговли основывалось Киевское государство и не внешней торговлей надо объяснять возникновение таких городов, как Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк, Владимир и др.». Ведущую роль при этом он отводил земледелию, которое, по его словам, «являлось главной отраслью хозяйственной жизни наших предков».²² И.П. Козловский тоже подчеркивал, что земледелие с незапамятных времен составляло одно из главных занятий русского населения.²³ Признавая, что сельское хозяйство являлось «одним из главных элементов русской национальной экономики киевского периода», «таким же важным элементом русской экономики, как и торговля», Г.В. Вернадский предостерегал вместе с тем против преуменьшения на этом основании роли внешней торговли.²⁴

Большинство историков советского периода отвергало тезис о ведущей роли внешней торговли в хозяйственной жизни страны, исходя из того представления, что в ней участвовала незначительная часть населения Киевского государства в лице князей, дружинников, гостей. Однако Б.А. Рыбаков обращал внимание на недостаточность такого мнения. Ему удалось установить, что для оснащения парусиной флотилии из 400—500 судов требовалось задействовать 2000 ткацких станков и организовать работу женщин 80—100 деревень в течение всей зимы. Также необходимо было вырастить лен и коноплю, спрясть пряжу и изготовить примерно 20 000 м корабельных канатов. Число судов в торговом караване измерялось трехзначной цифрой, и каждая ладья вмещала по 20—40 человек. Строительство торгового флота происходило в зимнее время и занимало часть весны. Конечные пункты сбора кораблей (от Новгородской земли до Киева) отстояли друг от друга на расстоянии 800—1200 км. Таким образом, ежегодный сплав ладей по Днепру требовал колоссальных совместных, согласованных усилий многих тысяч людей, «государственного подхода» к делу изготовления флота.²⁵ По подсчетам Г.В. Вернадского, общий объем перевозимого груза мог составлять порядка 10 тыс. т. По его же мнению, даже если «половина объема использовалась для транспортировки "живого товара" — рабов, или иных целей, то при самом скромном подсчете собственно товар весил около пяти тысяч тонн <...> в десятом веке западная морская торговля не могла представить чего-либо схожего с русско-византийской торговлей».²⁶ Внушительными были и стоимостные показатели, характеризующие торговлю Руси и Византии. По предположению Г.Г. Литаврина, даже с одной малой ладьи общая стоимость товара могла достигать 1000—1500 золотых, равноценных 200—300 кускам шелка.²⁷

Новейшие археологические изыскания подтвердили обоснованность концепции В.О. Ключевского о становлении русских городов под влиянием и в связи с развитием внешней торговли. На основе публикаций В.Я. Петрухина, Е.А. Мельниковой, Е.Н. Носова и некоторых других современных авторов Г.Г. Литаврин развил идею Б.А. Рыбакова о масштабности внешней торговли Древней Руси. По его словам, снаряжение дальних торговых экспедиций варягов, утвердившихся в VIII—X вв. в Ладоге, Рюриковом городище под Новгородом, Гнёздове под Смоленском и Среднем Поднепровье, требовало создания «государственной структуры, опирающейся на целую сеть населенных пунктов», а также мобилизации значительных материальных ресурсов и средств для строительства и снаряжения судов, а также для «кормления» дружинников и торговцев.²⁸ Суммируя результаты изучения русской внешней и внутренней торговли X — начала XIII вв., И.Я. Фроянов пришел к выводу, что взаимный товарооборот различных городов и земель Древней Руси был значительным, а «внешняя торговля затрагивала не только верхушку древнерусского общества, но и рядовое население».²⁹

Благодаря открытию и изучению новых памятников периода образования Древнерусского государства (городища, курганы, могильники и др.), во второй половине XX в. ученые стали лучше представлять географию торговых связей Киевской Руси. В частности, удалось установить, что почти все эти памятники были «непосредственно связаны с важнейшими водными путями — Великим Волжским "из варяг в арабы" <...> и Днепровским "из варяг в греки"».³⁰ Оба пути играли важную роль в политической и экономической консолидации Руси.

Археологические изыскания способствовали утверждению точки зрения об асинхронности Волжского и Днепровского путей. Раньше других к этому выводу пришли В.Л. Янин и А.Л. Монгайт. Так, по словам В.Л. Янина, «полное отсутствие в русских кладах IX в. византийских монет свидетельствует о том, что становление так называемого пути "из варяг в греки" произошло не в IX в. <...> а несколько позже».³¹ На основании изучения топографии археологических памятников А.Л. Монгайт тоже подчеркивает, что путь «из варяг в греки» приобрел первостепенное значение позже, чем Великий Волжский.³²

Применив метод сопоставления датировок кладов *куфических* монет, В.Л. Янин показал, что Днепр на всем его протяжении к северу от Киева заметно использовался лишь в первой четверти IX в., а затем с начала X в. («с 825 по 900 г. никакого движения на этом пути не прослеживается»). Таким образом, единственной магистралью, по которой в IX — начале X в. могло осуществляться транзитное торговое движение, был Волжский путь.³³ К аналогичным выводам пришли Е.Н. Носов и И.В. Дубов, также детально изучившие обширные нумизматические материалы о торговых путях Восточной Европы в VIII—IX вв.³⁴ Допуская, что путь «из варяг в греки», связавший Северную Европу с Причерноморьем, функционировал уже в IX в., В.В. Седов вместе с тем отмечает, что в то время это была беспокойная тропа всякого рода искателей приключений, которая лишь «начиная с X в. <...> становится оживленной магистралью внутренней и международной торговли».³⁵

Оригинальной точки зрения по рассматриваемому вопросу придерживался Г.С. Лебедев, полагавший, что в 830—860-х гг. наметилось разграничение функций между Волжским и Днепровским путями. Волжская система стала играть прежде всего роль торговой, а Днепровская — военно-политической артерий Древнерусского государства.³⁶

Фактически география торговых связей Древней Руси была гораздо шире. В XI—XIII вв. интенсивно развивались ее отношения с Францией, Северной и Южной Германией, Италией, Польшей, Чехией, Моравией, Венгрией, Швецией, другими странами и землями Европы.³⁷ На запад от Киева путь вел к Кракову, Праге и самому многолюдному в XII в. германскому городу Регенсбург на Дунае. В Киеве был двор регенсбургских купцов.³⁸ Кроме иностранцев, живших в факториях, в Киеве оседало и частное население из иностранцев. На это, к примеру, указывают названия: «Лядские ворота», «Угорские ворота», «Жидовские ворота». «Греки, армяне, евреи, немцы, моравы, венециане, — уточнял В.И. Покровский, — мирно жили в Киеве, привлекаемые выгодной меной товаров. Им дозволено было строить латинские церкви и торжественно отправлять богослужение; запрещалось лишь спорить о вере. Киев в XI в. дивил Дитмара Мерзебургского восьмью рынками и несметным богатством товаров. Регенсбург в XI в. имел в Киеве торговые конторы для покупки меховых товаров».³⁹ В XI—XIII вв. в Регенсбурге существовала особая корпорация купцов, торговавших с Русью, — *рузариев*.⁴⁰

Главными поставщиками художественной утвари в Киев и другие города *Русской земли*⁴¹ были Нижняя Лотарингия, Рейнская область, Вестфалия и Нижняя Саксония. На рубеже XII—XIII вв. широко ввозились художественные изделия из металла, рассчитанные на широкий сбыт: бронзовые чаши «торговых» типов из района Мааса—Нижнего Рейна, нижнесаксонская бронзовая утварь, продукция лиможских эмальеров и т. д. Из Центральной Европы также импортировались фризские и фламандские сукна и бархат, стальные клинки для изготовления мечей и сабель; из Чехии привозили серебро, богемское стекло, мрамор; из Венгрии — иноходцев, которых называли «фарии», что значит хорошо выезженный конь. От городов на Маасе и Рейне торговые пути вели вверх по Майну или Неккару в Южную Германию — к Регенсбургу на Верхнем Дунае. Дунайский путь через Вену вел в Венгрию, а оттуда в Южную Русь на Галич, Перемышль, Удечев и Киев. Другой путь на Восток начинался в Кельне и через Магдебург дальше шел в польские города (Познань, Гнезно, Плоцк) и Повисленье. Важным таможенным пунктом на польско-русской границе был Дрогичин Надбужский, где обнаружено множество товарных пломб со знаками киевских князей, а также других владельцев товара — бояр и купцов.⁴²

Дореволюционные авторы (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.П. Мельгунов, Г.В. Плеханов, Н.А. Рожков, М.В. Довнар-Запольский, И.М. Кулишер и др.) обращали внимание и на то, что внешняя торговля в Древней Руси, во-первых, сводилась к вывозу дани (таким образом, русский экспорт отождествлялся с собираемой и вывозимой данью) и, во-вторых, находилась в исключительном ведении киевского князя, его приближенных и незначительной группы состоятельных горожан. «Дань, которую собирал киевский князь, как правитель, — указывал В.О. Ключевский, — служила ему в то же время средством и для торговых оборотов».⁴³ Эти выводы не отвергались советской историографией. «Внешнюю торговлю, — отмечает П.А. Хромов, — питали дань, собираемая князьями с населения, рента, получаемая с феодально-зависимых крестьян, и в незначительной степени ремесленное производство мелких товаропроизводителей».⁴⁴ По мнению Б.А. Рыбакова, предметы вывоза отчуждались боярством и князьями у смердов без всякого выкупа в порядке дани или оброка.⁴⁵

Вопрос о характере дани и способах ее добывания является дискуссионным. По всей видимости, дань представляла собой не только прибавочный продукт, но и военную контрибуцию, периодически

собираемую в определенных размерах. Единственным инструментом ее добывания была военная сила, «опираясь на которую киевские князья доискивались данников, а стало быть, — различных дорогих товаров и всякого узорочья»,⁴⁸ а также сырых продуктов, к числу которых принадлежали мед, воск, пушнина, зерновой хлеб, лен, домашние животные и др. Важно отметить и то, что за счет даней с покоренных племен восточных славян обогащалась не только киевская знать, но и Полянская община в целом. Таким образом, в X в. данничестве являлось коллективной формой эксплуатации одного племени другим.⁴⁷

Уже с IX в. дань могла также взиматься иностранными деньгами — *шьлягами*.⁴⁸ Говоря об этом, следует вместе с тем прислушаться к мнению М.Б. Свердлова и Д.С. Лихачева, относящих свидетельство Повести временных лет о взимании киевским князем Олегом (882—912) с радимичей по шльягу с плуга-рала к более позднему времени.⁴⁹

В числе прямых сборов кроме дани в исторических источниках называется также *полюдь*, обычно отождествляемое со способом или формой сбора дани (княжеским объездом пунктов концентрации дани).⁵⁰ Вместе с тем еще С.М. Соловьев и М.А. Дьяконов придавали полюдь значение «дара», который взимался великим князем с населения Киевской волости. Так, С.М. Соловьев, писал: «...князь объезжал свою волость, вершил дела судные, оставленные до его приезда, и брал дары, обогащавшие казну его».⁵¹ М.А. Дьяконов полюдьем называл «объезд князем своей территории для выполнения правительственных функций» и сбора подарков, которые подносились местным населением.⁵²

Б.А. Рыбаков тоже поначалу допускал, что «Русь внешняя», т. е. подвластные киевскому князю славянские племена, платила дань, а в областях вокруг Киева «князь сам собирал полюдь».⁵³ Развивая этот тезис, И.Я. Фроянов пришел к выводу, что с появлением постоянной должности князя в условиях родоплеменного строя «полюдь» (в отличие от дани) взималось со свободных людей, соплеменников князя. Имея добровольный (договорной) характер, оно являлось одной из форм поддержки киевского князя — «даром» — и собиралось посредством княжеского объезда племенной территории полян, избавленных от обычной дани.⁵⁴

Сбор дани первое время никак не регламентировался. Но после того как при попытке вторично собрать дань с древлян князь Игорь в 945 г. был убит, его жена, княгиня Ольга, жестоко отомстив древлянам, упорядочила сбор дани. Фиксированная, постоянная, обусловленная соглашением дань получила название *урока* (договора), оброка или уклада. Были назначены сборщики — *даньщики*, определены места сбора дани (центры сельских общин), ставшие одновременно и княжескими опорными пунктами, — *погосты*. Так, новгородские посадники до вокняжения в Новгороде Ярослава Владимировича (1014) ежегодно платили Киеву «уроки» в 2000 гривен, затем (с 1019 г.) — 300 гривен. Впрочем, с XI в. за внутренней податью окончательно утвердился термин «дань».⁵⁵ С распадом родоплеменного строя и формированием территориально-общинных союзов в XI—XII вв. значение даней как основного источника бюджетных поступлений (экспортного товарного фонда) быстро пошло на убыль. На смену им приходили кормления и частновладельческие способы изъятия прибавочного продукта, судебные штрафы (*виры*, *продажи* и *уроки*), торговые пошлины и пр.⁵⁶

В числе русских вывозных товаров прежде всего следует указать на меха, мед и воск. Четвертым главным предметом вывоза был живой товар — невольники. По мнению В.О. Ключевского, в X—XII вв. *челядь* (рабы-пленники) «составляла главную статью русского вывоза на черноморские и каспийские рынки. Рабовладение было одним из главнейших предметов, на которые обращено было внимание древнейшего русского законодательства, сколько можно судить о том по *Правде Русской*: статьи о рабовладении составляют один из самых крупных и обработанных отделов в ее составе. Челядь составляла тогда необходимую хозяйственную принадлежность и русского землевладения: ею населялись и ее руками преимущественно обрабатывались земли частных владельцев, как и частные вотчины князей».⁵⁷

Вывод В.О. Ключевского о масштабной работорговле в Древней Руси в целом находил понимание у Б.Д. Грекова, Б.А. Рыбакова, Л.В. Черепнина, многих других советских историков. Так, И.Я. Фроянов утверждает, что работорговля, зародившись у славян еще в древности, затем развивалась «*crescendo*»: уже в IX в. она превратилась в заурядное дело, а в X в., достигнув расцвета, стала доходной статьей внешней торговли. Объясняется это, во-первых, отсутствием в древнерусском обществе условий для более или менее широкого применения рабского труда и, во-вторых, концентрацией на территории

удачливых племен большого количества пленников-рабов из соперничавших или враждебных племен, представлявших для первых известную опасность.⁵⁸ «Если в прежнюю эпоху, — отмечает И.Я. Фроянов, — выкуп из рабства преобладал над торговлей рабами, то с этих пор превалировать начинают торговые сделки живым товаром».⁵⁹

Работорговля, получившая широкий размах в IX—X вв., не прекратилась и в последующий период. Однако в XI—XII вв. здесь произошла существенная перемена: «рабы-христиане более не продавались русскими за пределы страны».⁶⁰ По всей видимости, не продавались на внешних рынках и *холопы*, т. е. те, кто находился в личной зависимости от соплеменников (в отличие от челядинов, холопы обладали некоторой дееспособностью и правоспособностью, обеспечивавшей им «некоторые бытовые, экономические и юридические послабления»)⁶¹.

Вероятно, что в XI—XII вв. за пределы Руси вывозились рабы-язычники, такие, как половецкие военнопленные. П.П. Мельгунов указывал, что при разорении половецких «веж» и селений половецкие юноши («команские мальчики») и девушки («красные девки половецкие») «в большом количестве в числе других товаров вывозились в Византию и в Александрию русскими купцами».⁶² В свою очередь половцы захватывали русских «полоняников и полонянок», которых затем отпускали за выкуп или продавали в рабство заморским купцам.⁶³ Русских пленников можно было встретить не только в Царьграде и Корсуні, где девушки-рабыни попадали в ткацкие мастерские, а мужчины на галеры, но также в Керчи, на Среднем Дунае, в Преславе (в Болгарии), в Праге и даже в далекой Александрии.⁶⁴

Фактически же товарная номенклатура русского экспорта в Византию, Закавказье, восточные и европейские страны была гораздо шире. Письменные и археологические источники содержат сведения о том, что кроме пушнины, меда, воска и рабов из Руси вывозились соль, лен и льняное полотно («русская ткань»), серебряные изделия, кольчуги, икра, моржовая кость и изделия из нее. В XI—XII вв., когда наблюдался рост городского населения, обусловленный расстройством родоплеменных связей и перестройкой общества на основе территориально-общинного принципа, увеличились объемы коммерческих сделок, повысилась роль местной внутриобластной и ближней межобластной торговли, часть мастеров перешла к работе на рынок. Одновременно происходило расширение номенклатуры экспорта за счет товаров ремесленного производства, в том числе ювелирных изделий из серебра с филигранью, чернью и зернью, литейных изделий, замков, топоров, кожи,⁶⁵ шиферных пряслиц и т. п.⁶⁶ Район сбыта киевских выемчатых эмалей и стеклянных браслетов «достигал протяжения в 1400 км».⁶⁷ Археологический материал убедительно свидетельствует, что изделия русских ремесленников X—XII вв. «не уступали продукции иноземных мастеров, а в некоторых случаях были лучшего качества».⁶⁸

В XII — первой трети XIII в. повсеместно наблюдался устойчивый рост товарообменных операций. Наряду с предметами роскоши первостепенную роль начинала играть международная торговля сырьем и продуктами первой необходимости.⁶⁹ Так, в Польше и Славянском Поморье найдено немало поливной белоглиняной посуды, писанок, овручских шиферных пряслиц,⁷⁰ серебряных лунниц с зернью, киевских трехбусенных височных колец, бронзовых подвесок в виде креста в круге, серебряных с чернью колтов, стеклянных перстней и браслетов, некоторых видов вооружений — сабель, шишаков (шлемов) и т. д.⁷¹ В Чехию и Моравию из Русской земли вывозились как традиционные товары — воск, мед, меха, рабы (пленники и люди, купленные для перепродажи), так и ремесленные произведения: металлические изделия, в том числе складные бронзовые литые крестики, трехбусенные височные кольца, кресты-энколпионы, разного типа привески, лунницы, серебряные гривны — круги, стеклянные бусы, кольца, висячие «русские замки» и т. д.⁷² В Швецию — киевские «писанки» с эмалевой поливой, серебряные подвески-лунницы, шейные гривны, крестики с выемчатой эмалью, украшения, выполненные в стиле «витья»;⁷³ в Херсонес — шиферные пряслица, бронзовые энколпионы с русскими надписями, шиферные иконки и др.⁷⁴

Простой перечень вывозных товаров заставляет усомниться в обоснованности тезиса дореволюционной историографии об «экономической пассивности» Древней Руси, которая якобы не смогла выработать форм самостоятельного искусства и в лучшем случае подражала византийским и восточным образцам, «не столько вела активную торговлю, сколько служила местом складки для обмена товаров азиатских на европейские».⁷⁵

В Регенсбург из Киева отпускались меховые товары, часть которых затем передавалась во Францию. В Южную Германию могли вывозиться византийские товары — различные дорогие материи, шелковые ткани, вина и др.²⁶

Русские также торговали с печенегами, половцами и другими кочевыми народами, сбывая им мед, меха, бронзовые зеркала, бусы, возможно, кольчуги и невольников и т. д. в обмен на рогатый скот, лошадей, овец.²⁷ Как и в других случаях, торговлю отличал исключительно меновой характер.²⁸ Хлеб из Руси в рассматриваемый период не вывозился. Русское зерно не поступало даже в византийские владения в Крыму. Также не сохранилось известий о его поставках печенегам и половцам в обмен на товары кочевого хозяйства.²⁹

Киевская Русь во второй половине XI — первой трети XII вв. (Муравьев А.В. и др. Историческая география эпохи феодализма. Западная Европа и Россия в V—XVII вв. М., 1973)

В IX—X вв. внешнюю торговлю Руси держали в своих руках *гости*, происходившие из иностранцев — «варягов» или «руссов», постоянно приходивших в Русскую землю с торговыми целями или по зову русских князей, набравших из них свои военные дружины.³⁰ Одни из этих варяжских гостей, не задерживаясь, сразу направлялись в Прикаспийский регион за арабской серебряной монетой или в Византию, чтобы там с выгодой послужить императору, с барышом поторговать, а иногда и пограбить под видом купечества.³¹ Другие, находившиеся на княжеской службе, «быстро ассимилировались среди местного населения, приняв славянский язык».³² Уже в конце X — начале XI в. они смешались в значительной степени с господствующим славянским населением городов и сделались «частью русского фона».³³ Вследствие этого слово «гость», вначале обозначавшее иноземца, со временем стало синонимом всех купцов-оптовиков, принимавших участие в международном товарообмене.³⁴

Внешняя торговля в ранний период русской истории была тесно связана с пиратством. С.М. Соловьев полагал, что «варяг являлся на известный берег под видом торговли и действительно начинал торговать с жителями; но при первом удобном случае из купца он становился пиратом и грабил тех, с которыми прежде вел мену».³⁵ «Очень часто случалось, — вторил ему А.И. Никитинский, повествуя о начале торговых сношений новгородцев и скандинавов, — что в одних и тех же лицах соединялись промыслы и пирата и купца; нередко случалось, что участники одной и той же компании грабили в одном месте и торговали в другом».³⁶ Первые сношения варягов с народами Кавказа и Востока тоже

отличались враждебностью и ограничивались разбойничьими набегами, «но и здесь, как и в Византии, разбой шел рука об руку с торговлею, из разбойника вырастал купец».⁸⁷

Абсолютизируя внеэкономический, военный, захватнический характер деятельности первых киевских князей, М.Н. Покровский стремился доказать, что ее главной целью до середины XII в. был захват челяди — рабов, составлявших основной предмет торговли с Византией и Востоком. Вообще же этот автор полагал, что «разбойничья» торговля предшествовала меновой и что каждый купец в древний период был военным человеком, а «товар был военной добычей, и место хранения товара, естественно, было военным лагерем».⁸⁸

В.О. Ключевский считал, что до середины XI в. киевский князь, его родня и бояре являлись главными русскими купцами. Подобно дружинникам, гости находились в теснейшей служебной зависимости от князя, посылавшего их в посольство и гостьбу.⁸⁹ По мнению И.Д. Беляева, торговля княжескими товарами носила характер службы или повинности и производилась княжескими «приставами — купчинами, или выборными от общества купцами».⁹⁰ А.Е. Пресняков допускал саму возможность «торгового» происхождения древнерусских городов лишь в результате энергичного стремления варягов к поволжским, прикаспийским и черноморским рынкам.⁹¹

Следующий этап в социальном становлении русского купечества был тесно связан с ростом городов, во многом обусловленным разложением родоплеменного строя. «Городские посады, — указывал М.Н. Тихомиров, — начинают появляться примерно с конца X — начала XI в., в Киеве раньше, чем в других пунктах, в большинстве же русских городов — с XI в.»⁹² Вместе с быстрым ростом городов, посадских общин увеличивалось городское население Древней Руси. Одновременно происходило расширение ремесленного производства, развивались товарно-денежные отношения, торговля превращалась в прибыльную городскую профессию. Так, если в XI в. в Русской земле насчитывалось 89 городов, то в XII в. их было уже 224.⁹³ По мере роста вотчинного землевладения боярство все сильнее отдалялось от городского общества, «владевшего торговым капиталом».⁹⁴ Ремесло, считает И.Я. Фроянов, становилось все более специализированным и постепенно приобретало черты мелкотоварного производства, «стимулируя внутренний обмен, апогей которого падает на XII столетие. Воздействие ремесленной промышленности на развитие социальных отношений неизмеримо возрастает. Города делаются центрами ремесла и торговли».⁹⁵

Наступивший в середине XII в. расцвет древнерусского городского ремесла продолжался вплоть до монгольского нашествия. Начался массовый выпуск продукции, которая непрерывно совершенствовалась в техническом и художественном отношениях. В связи с этим неизбежно возрастал объем торговой деятельности.⁹⁶ По словам С.М. Соловьева, с середины XI в. торговля становилась «главным средством накопления богатств на Руси, ибо не встречаем более известий о выгодных походах в Грецию или на Восток, о разграблении богатых городов и народов».⁹⁷ В XII—XIII вв. купечество все чаще связывало свою деятельность и жизнь с городом, становясь более «оседлым».⁹⁸ По мнению П.А. Хромова, с XI в. к купцам-профессионалам, появившимся среди горожан, из рук феодальной знати стала переходить внешняя торговля Киевской Руси.⁹⁹ Фактически с ним соглашаются Г.Г. Литаврин и В.Л. Янин, которые отмечают, что купцы «из зависимых от князя и бояр агентов, ведущих торговлю от их имени», выделялись в обособленное сословие «самостоятельных торговых посредников».¹⁰⁰

Перемещение товаров на значительные расстояния, бездорожье, пересечение безлюдных и приграничных районов побуждали купцов к кооперации, коллективной защите от воровства и грабежей. Поэтому основной объем торговли как сухопутной, так и водным путем продолжал осуществляться караванами повозок и торговыми флотилиями судов. «Караваны, — указывал Г.В. Вернадский, — способствовали созданию купеческих объединений, полезных во многих отношениях — например, в общей защите купеческих прав и регулировании уровня пошлин и налогов. Объединения купцов рано сложились в Киевской Руси <...> Обычно купцы одного города представляли собой нечто вроде совместного предприятия».¹⁰¹ Однако в дореволюционной историографии высказывалось и то мнение, что «артельная» торговля в Древней Руси еще не предусматривала солидарной купеческой ответственности по сделкам за общий счет.¹⁰²

Непосредственное отношение к созданию торговых объединений имела церковь. Не случайно купеческие артели назывались по имени того святого, во имя которого освящалось культовое

сооружение. Они имели своих старост и свои общинные капиталы. *Правда Русская* знает купцов как отдельный разряд людей, стоявший в одном ряду с боярскими *тиунами*, *мечниками* и *гридью*.¹⁰³ Одновременно в дореволюционной литературе подчеркивалось, что в средневековой России сословия никогда не боролись за свободы и привилегии, и поэтому здесь не могло возникнуть ни общественного раздробления, ни особого купеческого права и особой купеческой подсеудности, характерных для стран Запада.¹⁰⁴

Русское торговое право Киевского периода имело международный аспект, поскольку отношения между русскими и иностранными купцами регулировались статьями мирных договоров, заключенных с Византией, Хазарией и Волжской Булгарией и немецкими городами. Общей чертой международных договоров Руси XII—XIII вв. было полное взаимное равенство сторон. А.С. Мулюкин также усматривал их особенность в отсутствии оговорок относительно свободного перемещения купцов. Русь в то время была открыта для всех иностранцев одинаково, и поэтому отсутствовала надобность в предоставлении купцам особенного, основанного на договорах, права приезда. В договорах до XIV в. содержались лишь гарантии безопасного, удобного перемещения по русской территории иностранных купцов и ответственности властей за их личную и имущественную безопасность.¹⁰⁵

В дореволюционной историографии справедливо говорилось о сравнительно мягком, уступчивом отношении русских к приезжим иностранцам. В то же время нельзя согласиться с тезисом М.Ф. Владимирского-Буданова о том, что широкие права и привилегии последних (возможность приобретать движимое имущество, вступать в обязательственные отношения с местным населением и т. д.) обуславливались «экономической пассивностью Древней Руси, получавшей необходимые товары из других стран при посредстве гостей-купцов».¹⁰⁶ Проанализировав многочисленные археологические материалы, относящиеся к IX—XI вв., П.П. Толочко пришел к выводу, что «южная Скандинавия и Русь находились примерно на одном уровне социального и историко-культурного развития <...> Практически ни одна из категорий ремесленных вещей, занесенных на Русь скандинавами, не стала образцом для подражания русских мастеров».¹⁰⁷ Характеризуя роль Киева в международном торговом обмене, А.А. Спицын обоснованно утверждал, что он «долгое время безраздельно сосредоточивал все сношения с Западом в своих руках» и до самого монгольского нашествия «продолжал свою торговлю с Западом мехами, а с Новгородом, Суздалем и болгарями греческими и черноморскими товарами, но на Запад отпуск этих товаров уже постепенно сокращался».¹⁰⁸

Примечания

¹. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 80.

². Там же. С. 112.

³. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 76; Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 414—415; Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 3-е изд. М., 1918. С. 127, 129.

⁴. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 4, 80—81.

⁵. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1906. С. 38—39.

⁶. См.: Пузанов В.В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X—XII вв. в отечественной историографии XVIII — начала XX вв. Ижевск, 1995. С. 105—110.

⁷. Погодин М.Н. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3. С. 246—262.

⁸. Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 1. С. 240—245.

⁹. Ключевский В.О. Краткое пособие... С. 19.

¹⁰. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 141. Археологические данные позволяют отнести основание Новгорода к середине X в. (Седов В.В. Русский каганат IX века // ОИ. 1998. № 4. С. 14).

¹¹. Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство как форма быта. СПб., 1914. С. 299.

- ¹² Бутенко В.А. Краткий очерк истории русской торговли. М., 1910. С. 8.
- ¹³ Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1. С. 183.
- ¹⁴ Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. Тверь, 1996. С. 129—130.
- ¹⁵ Фроянов И.Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 192, 193.
- ¹⁶ См.: Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1918. Т. 1. С. 55—60.
- ¹⁷ Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Киевская 2-е изд. М., 1905. С. 24.
- ¹⁸ Пресняков А.Е. 1) Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909. С. 162; 2) Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1938. Т. 1. С. 65.
- ¹⁹ Маслов П. Общедоступный курс истории народного хозяйства. От первобытных времен до XX-го столетия. 4-е изд. М.; Пг., 1923. С. 49.
- ²⁰ Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923. С. 40—41.
- ²¹ Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 316.
- ²² Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957. С. 8, 228—229.
- ²³ Козловский И. Краткий очерк истории русской торговли. Киев, 1898. Вып. 1. С. 10.
- ²⁴ Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 16, 112.
- ²⁵ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 320—321; Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 37.
- ²⁶ Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 38—39. Представляется, что объемные показатели торгового обмена с Византией были скромнее в десятки раз. По оценке Г.Г. Литаврина, к середине X в. в Византии официально были «аккредитованы» 20—22 русских посла. Им были подотчетны до 50 купцов, каждый из которых имел на своем попечении несколько ладей. Ежегодно к Царьграду отправлялось 100—120 русских судов, способных обеспечить перевозку до 200 т груза (см.: Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 105—130).
- ²⁷ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 113.
- ²⁸ Там же. С. 13.
- ²⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 87.
- ³⁰ Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 110.
- ³¹ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 105; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь... С. 42—43. В советской историографии преобладал взгляд об активном, широком использовании пути «из варяг в греки» уже в IX в. и параллельном существовании русско-арабских и русско-византийских торговых связей (Брим В.А. Путь из варяг в греки // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1931. № 2. С. 210—247; Ляценок П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1947. Ч. 1. С. 99; Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. С. 317; Греков Б.Д. Киевская Русь. Л., 1953. С. 439; Свердлов М.Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX—XI вв. // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1969. Т. 101, вып. 6. С. 541, 544—545). Из современных авторов этой точки зрения придерживаются А.В. Назаренко и Г.Г. Литаврин (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 215; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 11).
- ³² Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 87. Мнение о том, что Волжский путь был открыт раньше Днепровского, высказывалось еще в литературе довоенного периода (Брим В.А. Путь из варяг в греки. С. 213, 219).

- ³³ Янин В.Л. 1) Денежно-весовые системы... С. 103; 2) Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // ВИ. 1955. № 8. С. 137.
- ³⁴ Носов Е.Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X в. // ВИД. 1976. Т. 8. С. 95—110; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь... С. 43.
- ³⁵ Седов В.В. Путь «из варяг в греки» // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Л.; М., 1976. Ч. 1. С. 135.
- ³⁶ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 234.
- ³⁷ Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Июль. С. 137; Спицын А.А. Торговые пути Киевской Руси // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 236—242; Хромов П.А. Очерки экономики... С. 9, 229—230; Даркевич В.П. Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 397; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до сер. XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 84—98; Перхавко В.Б. Пушнина в древнерусском товарообмене (IX—XIII вв.) // ОИ. 1999. № 5. С. 165.
- ³⁸ Васильевский В.Г. Древняя торговля... С. 131—134; 144; Спицын А.А. Торговые пути... С. 237.
- ³⁹ Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство... С. 195—196; Покровский В. История торговли в России // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1901. Т. 33А. С. 564; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси... С. 84—90.
- ⁴⁰ Спицын А.А. Торговые пути... С. 238; Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 179—180; Даркевич В.П. Международные связи. С. 396. Согласно западноевропейским источникам, рузариями (*Ruzarii*) являлись немецкие, регенсбургские, а также чешские и моравские купцы, торговавшие с Русью (Флоровский А.В. Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зиминой, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 81).
- ⁴¹ «Русская земля» в узком смысле — территория Среднего Поднепровья (Киев, Чернигов и Переяславль Южный с прилегающими волостями). Термин впервые встречается в византийско-русском договоре 911 г. (Кучкин В.А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XII вв. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Тезисы докладов / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1992. С. 79—80).
- ⁴² Погодин М.Н. Исследования... Т. 3. С. 278; Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 187; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Ч. 1. С. 60; Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905. С. 44—45; Лучинский М.Ф. Деньги на Руси IX—XII вв. Казань, 1958. С. 145; Даркевич В.П. Международные связи. С. 396; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси... С. 86—93; Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси. IX—XVII века. Екатеринбург, 1997. С. 35—36; Riasanovsky N.V. A History of Russia. New York, 1963. 5th ed., 1993. P. 47.
- ⁴³ Ключевский В.О. Краткое пособие... С. 31.
- ⁴⁴ Хромов П.А. Очерки экономики... С. 230. В целом же уровень товарного производства и товарно-денежных отношений Руси в IX—X вв. оставался крайне низким. Преобладала работа на заказ, связи между отдельными населенными пунктами были ограниченными и нерегулярными. Дирхемы, приходившие на Русь с Востока, далеко не всегда являлись платежной ценностью; их часто зарывали в кладах, применяли в виде ювелирного сырья, принимали на вес (см. Даркевич В.П. Международные связи. С. 397—398).
- ⁴⁵ Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. С. 316.
- ⁴⁶ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 116. По мнению Л.В. Черепнина и его последователей, дань была самой ранней формой эксплуатации восточнославянских общинников киевскими князьями, феодальной рентой, основанной на «окняжении» земли или верховной (государственной) собственности князя на землю (см.: Черепнин Л.В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972).
- ⁴⁷ См.: Фроянов И.Я. 1) Древняя Русь... С. 49; 2) Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 362—448. Уже в XI в. господство киевской (Полянской) общины в восточнославянском мире было подорвано распадом родоплеменных отношений и изнурительными войнами с печенегами (Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 96).

- ⁴⁸. Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачева. СПб., 1996. С. 14. *Шьяля?* — монета, точное происхождение которой не выяснено. Д.С. Лихачев допускал, что это могла быть польская монета (ср. литовск. *szillings*, англосакс. *stillings*, гот. *skilliggs*, польск. *szelag*) (Там же. С. 410).
- ⁴⁹. М.Б. Свердлов считает, что текст 885 г. был составлен в XI в. и отражал современное летописцу состояние системы налогообложения. Д.С. Лихачев вообще сомневался в достоверности летописных сообщений о том, что радимичи и вятичи платили в X—XI вв. дань серебряной монетой (*Свердлов М.Б.* Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 147—150; Повесть временных лет. С. 410).
- ⁵⁰. *Любавский М.К.* Лекции... С. 126; *Свердлов М.Б.* Из истории... С. 145.
- ⁵¹. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 1. С. 215, 242.
- ⁵². *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912. С. 185.
- ⁵³. *Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. М., 1964. С. 36—37. В последующих работах этот автор «стал рассуждать по-другому, смешивая дань с полудьем и распространяя последнее на огромную территорию покоренных Киевом восточнославянских племен» (*Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 453).
- ⁵⁴. *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 117; 2) Рабство и данничество... С. 467—484; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 167. Однако при этом не следует забывать, что после захвата в 882 г. Олегом Киева в Среднем Поднепровье утвердилась варяжская династия, представители которой носили скандинавские имена. Только с середины X в. славянский элемент получил преобладание в именованном княжеском доме Рюриковичей (*Молчалов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование *Древнерусского* государства. Спорные проблемы: Тезисы докладов / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1992. С. 46).
- ⁵⁵. См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 82—83; *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 149, 160.
- ⁵⁶. *Любавский М.К.* Лекции... С. 126; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь... С. 198; *Литаврин Г.Г., Янин В.Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв. // История СССР. 1970. № 4. С. 42.
- ⁵⁷. *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 50—51.
- ⁵⁸. См.: *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 157; 2) Мятёжный Новгород... С. 48; 3) Рабство и данничество... С. 81—86.
- ⁵⁹. *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 102.
- ⁶⁰. *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 131.
- ⁶¹. *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 257. Условия для внутреннего обращения в рабство соплеменников (распад родоплеменных связей и отношений, сильное имущественное расслоение), появившиеся в конце X — начале XI в., способствовали возникновению новой разновидности рабовладения — *холопства*. «Наряду с челядином, рабом-иноземцем (как правило, пленником), — полагает И.Я. Фроянов, — теперь существует холоп — раб из своего, местного населения» (Там же. С. 228).
- ⁶². *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 40, 46, 48.
- ⁶³. Там же. С. 40, 47; *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 131.
- ⁶⁴. *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути. С. 321—322.
- ⁶⁵. По мнению Б.А. Рыбакова, выделанные кожи стали отпускаться за рубеж позднее и только из Новгорода (*Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути. С. 323).
- ⁶⁶. *Рыбаков Б.А.* 1) Торговля и торговые пути. С. 317, 324; 2) Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 469—481; *Энгельман И.* История торговли и всемирных сношений. 2-е изд. М., 1870. С. 117; *Хромов П.А.* Очерки экономики... С. 228—229; *Лимонов Ю.А.* Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 56, 57, 59, 63; *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968. С. 21, 48—50; *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 398; *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 215; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси... С.

81—108; *Riasanovsky N.V.* A History of Russia. P. 47 и др. Заслуживает внимания и тот факт, что и скифы, образовавшие VII в. до нашей эры империю на широком степном пространстве от Волги до Днестра, вывозили в греческие города Северного Причерноморья (Ольвию, Херсонес, Пантикапей) рабов, скот, шкуры, меха, рыбу, лес, воск и мед. Таким образом, торговля Руси с Византией как бы представляла собой прямое продолжение торговли древних греков со скифами (*Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. Тверь, 1996. С. 75; *Козловский И.* Краткий очерк... Вып. 1. С. 6).

⁶⁷. *Рыбаков Б.А.* Ремесло... С. 481.

⁶⁸. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 86—87.

⁶⁹. *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 396—397; *Потин В.М.* Древняя Русь... С. 75.

⁷⁰. Шиферные пряслица деревенского кустарного промысла, получившего распространение с X в. в селениях близ Овруча, также находили сбыт в Болгарии и Херсонесе (*Рыбаков Б.А.* Ремесло... С. 470, 481; *Якимов И.В.* Изделия из розового шифера на территории Волжской Булгарии // Путь из Булгара в Киев: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1992. С. 94—102)

⁷¹. *Рыбаков Б.А.* Ремесло... С. 478; *Флоровский А.В.* Чешско-русские торговые отношения... С. 80, *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 397.

⁷². *Рыбаков Б.А.* Ремесло... С. 475—478; *Флоровский А.В.* Чешско-русские торговые отношения... С. 77—80; *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 397.

⁷³. *Рыбаков Б.А.* Ремесло... С. 475; *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 85.

⁷⁴. *Рыбаков Б.А.* Ремесло... С. 474.

⁷⁵. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 386; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев в Московское государство: Из истории русского права XVI—XVII веков. СПб., 1909. С. 6; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 114—115. Допускал ошибку и В.А. Бутенко, полагавший, что продукция русского ремесленного производства имела сбыт только на внутреннем рынке (*Бутенко В.А.* Краткий очерк... С. 7).

⁷⁶. *Васильевский В.Г.* Древняя торговля... С. 141, 145, 147.

⁷⁷. *Аристов Н.* Промышленность... С. 188—189; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 1. С. 245; Кн. 2. С. 42; *Рыбаков Б.А.* Ремесло... С. 473—474; *Удальцова З.В., Щапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций. М., 1980. С. 5.

⁷⁸. *Стицын А.А.* Торговые пути... С. 243.

⁷⁹. *Перхавко В.Б.* Хлеботорговля в Древней Руси // ОИ. 1996. № 4. С. 17. Так, Г.В. Вернадский допускал, что в XII в. Русь могла экспортировать в Византию зерно (*Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 131).

⁸⁰. См.: *Ключевский В.О.* 1) Соч. Т. 1. С. 144; 2) Краткое пособие... С. 29; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Ч. 1. С. 116. В современной литературе преобладает точка зрения о скандинавском происхождении имени *русь*, которым в IX — первой половине X в. назывались дружины первых русских князей, состоявшие преимущественно из варягов или норманнов (см.: *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 237—301). По мнению же В.В. Седова, этнонимом *русь*, зафиксированным русскими летописями под 904 г., называлось племенное праславянское образование. Его носители принадлежали к *волынцевской археологической культуре*, ареал которой распространялся на все Днепровское левобережье, бассейны Среднего Дона и Верхней Оки. VIII—X вв. произошло дифференцирование руси на несколько племенных групп: северян, верхневолжскую группу вятичей и донских славян. Однако в силу значительного участия варягов в днепровской и восточной торговле этноним *русь* мог перейти и на них. Известно, что киевский князь Владимир Святославич (980—1015) вынужден был отправить в Византию до 6000 варягов, «и вполне очевидно, что они продолжали именовать себя там "русью" ("от рода русьска"). Неудивительно, что в ряде исторических сочинений X в. их авторы под "русью" видят скандинавов» (см.: *Седов В.В.* Русский каганат... С. 3—15).

⁸¹. *Погодин М.Н.* Исследования... Т. 3. С. 253; *Ключевский В.О.* Соч. Т. 1. С. 147; *Пресняков А.Е.* Лекции... С. 49.

⁸². *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. С. 22; *Пресняков А.Е.* Лекции... С. 49.

- ⁸³. См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 24, 32; *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 28. Уже с середины X в. «варяги» воспринимались как наемники, отличаясь, таким образом, от «руси» — княжеской дружины (*Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Норманны и варяги. Образ викинга на западе и востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века: Сб. статей. М., 1990. С. 59—63).
- ⁸⁴. *Любавский М.К.* Лекции... С. 88.
- ⁸⁵. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 1. С. 242.
- ⁸⁶. *Никитинский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 28.
- ⁸⁷. *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 14.
- ⁸⁸. *Покровский М.Н.* Избранные произведения в четырех книгах. М., 1966. Кн. 1. С. 137—143.
- ⁸⁹. *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. 3-е изд. М., 1902. С. 36.
- ⁹⁰. *Беляев И.Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 198.
- ⁹¹. *Пресняков А.Е.* Лекции... С. 66.
- ⁹². *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 27. Это мнение М.Н. Тихомирова в основном утвердилось в отечественной историографии. Б.А. Рыбаков, В.В. Мавродин, Л.В. Алексеев, И.В. Дубов, Б.А. Тимощук, И.Я. Фроянов и другие тоже датируют начальный период формирования в Древней Руси посадских городских общин концом I—XI в. (см.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 186—191).
- ⁹³. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 36, 39.
- ⁹⁴. *Ключевский В.О.* Боярская дума... С. 39.
- ⁹⁵. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 90.
- ⁹⁶. *Рыбаков Б.А.* Ремесло... С. 278, 433, 450, 521, 780; *Потин В.М.* Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 102, 108.
- ⁹⁷. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 46.
- ⁹⁸. *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 398—399.
- ⁹⁹. *Хромов П.А.* Очерки экономики... С. 228.
- ¹⁰⁰. *Литаврин Г.Г., Янин В.Л.* Некоторые проблемы... С. 42.
- ¹⁰¹. *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 133; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 183, 217.
- ¹⁰². *Каминка А.И.* Очерки торгового права. 2-е изд. СПб., 1912. Вып. 1. С. 65.
- ¹⁰³. Правда Русская. Тексты / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 104; *Аристов Н.* Промышленность... С. 207—208; *Покровский В.* История... С. 364—365; *Федоров А.Ф.* Введение в курс торгового права. Одесса, 1901. С. 57, 59; *Дьяконов М.* Очерки... С. 91—92; *Каминка А.И.* Очерки... Вып. 1. С. 64.
- ¹⁰⁴. *Удинцев В.А.* История обособления торгового права. Киев, 1900. С. 13—14; *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. 5-е изд. Рига, 1924. Т. 1. С. 46—47.
- ¹⁰⁵. *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 27—29.
- ¹⁰⁶. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 386.
- ¹⁰⁷. *Толочко П.П.* Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сб. науч. тр. АН УССР. Ин-т археологии. Киев, 1990. С. 119.

¹⁰⁸. Спицын А.А. Торговые пути... С. 243.

1.2. Великий Волжский путь

Крайними пунктами обширной международной торговли, развернувшейся с VIII в. по Великому Волжскому пути, являлись берега Балтийского моря и о. Готланд на севере и западе и Хазарское государство (*Хазарский каганат*) на юге. Последний возник в VII в. на Северном Кавказе, в Азовском регионе и бассейне нижней Волги. Его географическим средоточием стали северокавказская территория и треугольный выступ к северу между нижним Доном и дельтой Волги.¹ Население представляло собой смешение местных земледельческих племен, «яфетическую» основу которых в разное время разбавляли сарматские, гунно-булгарские и угрские культурно-этнические включения, и пришлых тюркских кочевников, завоевавших регион еще в VI в.²

Важнейшими хазарскими городами были Итиль (Итил, или Атил), Хамлидж (Хамлих или Хамлых), Семендер, или Самандар, и Беленджер, или Баланджар. Первый находился в дельте Волги, второй — предположительно в большой излучине Дона, третий — у каспийского побережья Северного Кавказа, четвертый — где-то в середине Кавказского хребта между Семендером и Дарьяльским ущельем. Из крепостей следует назвать Астрахань, Тмутаракань, или Таматарху (в дельте р. Кубань), Саркел, или Белую Вежу (в нижнем течении р. Дон). Более точно границы Хазарского государства очертить невозможно, так как должно быть сделано различие между собственно хазарскими землями и территориями различных племен, населявших степные и лесостепные просторы до Днепра, подчиненных каганату, но пользовавшихся некоторой автономией.

В VIII в. хазары подчинили себе восточнославянские племена северян, вятичей и радимичей, обложив их данью.³ А.П. Новосельцев допускает, что и «поляне дважды подчинялись хазарам, но оба раза ненадолго».⁴ Следы своего влияния хазары, владевшие южными славянскими племенами, оставили в титуле князя киевского — «каган», названиях многих селений около Киева и т. д. Впрочем, В.О. Ключевский, М.К. Любавский, В.А. Бутенко утверждали, что хазарское иго, по сохранившимся в летописи преданиям, было для днепровских славян не особенно тяжело. Напротив, лишив восточных славян внешней независимости, оно доставило им определенные экономические выгоды.⁵ Г.В. Вернадский тоже считал, что хазарское господство было намного мягче по отношению к подчиненным народам, чем господство авар и даже булгар.⁶

Местонахождение Хазарского государства позволяло ему контролировать точки пересечения наиболее важных торговых путей Западной Евразии. Неудивительно, что охрана торговых путей из Европы в страны Передней (Западной) Азии «составляла главную цель политики кагана, а вознаграждался он сбором таможенных пошлин с караванов судов, курсировавших на север и на юг, на запад и на восток».⁷ Таможенные пошлины с товаров (торговая десятина) взимались на всех дорогах, а также в морских и речных портах, например в Итиле на Волге и Саркеле на Дону. Причем значение этого источника доходов неуклонно возрастало.⁸ Таким образом, с самого начала своего существования Хазария активно участвовала в международной транзитной торговле. Однако нам почти ничего не известно о торговой деятельности самих хазарских купцов, способных (при отсутствии собственного флота) совершать на своих лодках лишь «недалекие перевозки».⁹ Г.В. Вернадский высказывал предположение, что страны Востока в Русской земле могли представлять «булгарские, хорезмские и кавказские купцы».¹⁰ По мнению целого ряда авторов, активную роль в транзитных перевозках товаров через Итиль играли евреи, которые, говоря на разных языках, уже в IX в. «путешествовали с запада на восток и с востока на запад морем и сушей, захватывая в свои орбиты и южную Русь».¹¹ А.П. Новосельцев считает, что и в Хазарии «торговля полностью находилась в руках еврейских купцов, живших во всех городах страны».¹²

Столичными городами каганата были сначала Семендер, население которого отличалось многонациональным составом («у мусульман были мечети, у христиан — церкви, а у евреев — синагоги»), затем — Итиль (с начала VIII в.), также представлявший собой огромное разноязычное торжище. Распространение нескольких мировых религий в хазарском государстве отчасти было результатом международного характера его торговых отношений, благодаря которым в хазарских городах «оседало много иностранных купцов». При этом социальные верхи самой Хазарии исповедовали иудаизм.¹³

Известно, что еще в VIII в. варяги — выходцы из Швеции, Норвегии и Дании — появились в Старой Ладогге. Тогда же они могли достигнуть верховьев Западной Двины, Днепра и Волги и войти в зону славянской колонизации, уже распространившейся на Верхневолжье. Затем скандинавы проникли в Ростово-Суздальский регион. К этому их побуждали как внутренние, так и внешние причины (захват арабами южного Средиземноморья и Испании в VII — начале VIII в. на какое-то время дезорганизовал торговые связи между Западной Европой и Востоком). Г.В. Вернадский допускал, что уже в 30-е гг. VIII в. варяги потеснили мадьяр в верховьях Оки и Северского Донца и захватили их укрепленный город Верхний Салтов. Затем они двинулись вниз по течению Донца и Дона и в конце концов добрались до Приазовского и Северокавказского регионов, установив свой контроль над донецко-донским речным путем, который удерживали почти до середины IX в.¹⁴

В Приазовье варяги должны были вступить в тесные сношения с племенами асов, некоторые из которых были известны как *рухс-асы* («светлые асы»), или роксоланы, или рокасы (рогасы), принадлежавшие к восточной группе *антов*, локализовавшейся в районе нижнего Дона и на побережье Азовского моря во второй половине VII в. Эти асо-славяне могли иметь корабли для плавания по Азовскому морю или вдоль его берегов, а также участвовать под хазарским контролем в международной торговле, иметь постоянные подворья в Итиле, а также, возможно, и в других хазарских городах.¹⁵

Предположительно в конце 730-х гг. асы, которых в то время хазары не в силах были защитить, добровольно отдались под власть варягов. «Отряд шведов, контролировавший местные племена асов и рухс-асов (русь), — допускал Г.В. Вернадский, — видимо, не был многочисленным, и постепенно шведы не только смешались со своими вассалами, но и приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь».¹⁶ По мнению Г.В. Вернадского, «новые объединенные русы» сначала признавали над собой господство хазар, но затем порвали с ними и около 825 г. основали «Русский каганат» с центром в дельте р. Кубань, просуществовавший до середины IX в. Это было сильное государство того же типа, что и государства хазар и волжских булгар, т. е. имевшее главной целью контроль над важными путями международной торговли. По Дону, нижней Волге и Каспийскому морю купцы-русы вели торговлю с Хазарией и арабскими странами, главным образом мехами. В этом отношении их экономическая деятельность «была аналогичной деятельности волжских булгар. Чтобы обеспечивать доставку мехов с севера (по верхне-донецкому пути. — *М.Ш.*), русскому кагану приходилось быть в контакте с некоторыми славянскими и финскими племенами верхневолжского региона».¹⁷ В.В. Седов же локализует Русский каганат в междуречье Днепра и Дона. По его мнению, это было первое славянское политическое образование, этническую основу которого составляли «русы» — носители волынцевской культуры, восходившие истоками «к антскому формированию, которое сложилось в условиях взаимодействия части славянского населения с позднескифско-сарматским миром».¹⁸

Прямые торговые контакты Скандинавии с Северной Русью, регионом верхней Двины и оз. Ильмень, установленные в первой половине IX в., обуславливались не только потребностью сношений Скандинавии с Востоком. Русская сторона сама остро нуждалась в некоторых скандинавских и европейских товарах, особенно в оружии. Это подтверждается многочисленными находками на территории Руси франкских мечей и ланцетовидных наконечников стрел. Кроме того, товарами массового ввоза из Скандинавии на Русь являлись различные характерные детали костюма, среди которых первое место занимают разнообразные *фибулы* — застежки для стягивания краев верхней и нижней одежды. К предметам скандинавского происхождения также принадлежат боевые топоры — *секиры*, франкские мечи *каролингского* типа, длинные кинжалы — *скрамасаксы*, круглые щиты с железными *умбонами*, массивные браслеты с S-видным орнаментом, железные шейные гривны с подвесками — «молоточками Тора» и т. д. В Скандинавии обнаружены изделия русских ремесленников XI в., в том числе пряслица из овручского шифера, киевские вещи с эмалью, глиняные игрушки с цветной поливой и т. д.¹⁹ Согласно Б.А. Рыбакову, в IX—XI вв. скандинавы могли составлять определенную конкуренцию новгородцам в походах за пушниной в бассейнах Северной Двины, Пинеги, Мезени, Печоры, Камы и за Уралом.²⁰

Говоря о начальном периоде участия скандинавов в восточной торговле, В.В. Седов проявляет известную осторожность. Опираясь в своих выводах на данные археологии, он указывает на редкие находки скандинавского происхождения в комплексах VIII — первой половины IX в.: «Если для первой половины IX в. можно говорить лишь о двух пунктах, где встречены скандинавские находки, для второй половины IX в. о шести-семи, то в следующем столетии число таких пунктов возрастает до

70».²¹ Г.С. Лебедев обращал внимание на многосторонний, глубокий характер русско-скандинавских связей. При этом он исходил из того, что в IX—XI вв. через Русь в Северную Европу поступило 4—5 млн марок серебра (800—1000 т. — *М.Ш.*), которые «невозможно было получить непосредственно путем грабежей, так как они накапливались здесь в результате многоступенчатой транзитной торговли славян с мусульманским миром и Византией».²² Разделяя в принципе мнение Г.С. Лебедева о том, что Русь сумела подчинить движение викингов своим политическим целям, И.В. Дубов полагал, что на всех этапах русско-скандинавских отношений в IX—XI вв. реальное участие варягов в торговых делах Руси сводилось к тому, что они «действовали сугубо в рамках связей Руси с Севером и Востоком и в рамках формирующейся древнерусской раннефеодальной экономической и государственной структуры. Они быстро приспособивались к любым новым условиям, подчинялись местным обычаям, приобретали элементы материальной и духовной культуры, меняли свои религиозные представления и в конце концов органично вписались в древнерусскую экономическую общность. Но определенные элементы их культуры все же проявились в находках на поселениях, рунических надписях и знаках, погребальной обрядности».²³ Уже в X в. скандинавы фактически растворились среди словен и финно-угров в Волго-Окском междуречье. «Находки вещей, — полагает В.М. Потин, — так или иначе связанных со скандинавскими странами, даже в географически близком Приладожье становятся сравнительно редкими со второй четверти XI в.»²⁴ В конце XI в. скандинавские культурные элементы исчезли полностью.²⁵

В торговом обмене по принципу «товар на товар», который завязался между балтийским Севером и арабским Востоком, также посредничали *волжские булгары* (болгары волжско-камские), *буртасы*, *угры*, *асы* и некоторые другие народы.

Возможно, что волжские булгары — предки чувашей и казанских татар — первоначально представляли собой тюркизированных угров.²⁶ Они также могли происходить от одной из болгарских орд, откочевавшей в середине VII в. из Приазовья в район средней Волги и Камы под давлением тюрко-хазар. Со временем в Среднем Поволжье возникли города — Булгар²⁷ и Сувар. Волжские булгары, быстро уяснив выгоды своего географического положения, стали извлекать немалые барыши за счет внешней торговли. Значительные доходы поступали от сбора таможенных пошлин.²⁸ Арабские источники свидетельствуют, что торговля иностранных купцов в Булгарской земле, так же как и в Хазарии, была обложена 10-процентной пошлиной.²⁹

В какой-то мере болгарская торговля зависела от доброй воли хазарского кагана, контролировавшего низовья Волги и Дона, «и, конечно, из болгарских товаров изымалась десятая часть в соответствии с основными предписаниями Хазарии».³⁰ Г.В. Вернадский также настаивал на том, что «первоначально зависимость булгар от хазар была не только экономического, но и политического характера. Скорее всего, поволжские булгары признавали над собой сюзеренитет хазарского кагана по крайней мере до середины восьмого века».³¹

В IX—X вв. Волжский Булгар, расположенный недалеко от впадения Камы в Волгу, сделался главными воротами, основным транзитным центром волжской торговли и «единственным местом, через которое шла торговля Руси с Востоком».³² А.П. Новосельцев полагает, что уже в IX в. в Волжском Булгаре существовала торговая фактория, где могли встречаться мусульманские купцы с русскими.³³ «Русские купцы, — писал П.П. Мельгунов, — приходили в Булгар на лодках целыми дружинами, так же как ходили и в Византию; здесь они строили свои балаганы, привозили идолов, совершали молитвы и похороны <...> в балаганах раскладывали они для продажи свои товары».³⁴ Участок водного пути от Булгара до Итиля суда проходили за 20 дней, а в обратном направлении, против течения, плыли около двух месяцев.³⁵

Буртасы (мордва), располагавшиеся южнее булгар по течению Волги, вначале находились под сюзеренитетом каганата, позднее — в подданстве у волжских булгар.³⁶ Несомненно, что контроль над буртасами, так же как и над *мари* (черемисами), населявшими область по течению Волги выше Булгара, был важен для булгар, поскольку главное богатство этих финских племен составляли меха. Они также имели для сбыта рогатый скот, хлеб, мед, воск.³⁷

Угры (мадьяры) населяли район Дона и Донца и контролировали торговый путь по Дону и Донцу приблизительно с середины VII в. до середины 30-х гг. VIII в. В этот период они уже не зависели от хазар, но оставались в дружеских отношениях с ними, «что было особенно важно, поскольку эти

отношения влияли на торговлю мехами с севером».³⁸ Арабские источники свидетельствуют, что угры постоянно совершали набеги на славян с целью захвата пленников, которых затем продавали в портовых городах Причерноморья за парчу, ковры и другие товары.³⁹ Затем они потерпели поражение от варягов и откочевали к Днепру.

В числе русских вывозных товаров преобладали меха: «соболиные, куньи, бобровые, горностаевые, беличьи, заячьи и лисьи; последние были двух родов: 1) черно-бурые, которые арабами ценились выше соболей, 2) красные, более дешевые, которые продавались для обыкновенного употребления».⁴⁰ Меха продавались большими связками «сороками» (по 40 штук) и более крупными партиями. Пушнина сортировалась, иногда «отдельные части каждой шкурки отрезались и сшивались вместе, например, все спинки или все брюшки».⁴¹ Также привозились для обмена воск, мед, невольники и невольницы, лен и льняные ткани, изделия из серебра с чернью и позолотой и т. д. Особую группу составляли транзитные товары из Византии (шелковые ткани, сукна, парчи с золотом и серебром, ковры и другие «изящные вещи»), Прибалтики (янтарь в обработанном и необработанном виде) и Западной Европы (клинки мечей и т. д.).⁴²

По свидетельству арабоязычных писателей IX—X вв. (Ибн Хордад-бех, Ибн Фадлан, Ибн Русте, ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Масуди, ал-Мукаддаси и др.), пленники добывались русами-скандинавами и руса-ми-славянами в войнах с венграми, хазарами, народами Закавказья, а также путем покорения восточнославянских племен (своих же собратьев по славянскому этносу).⁴³ Так, по свидетельству Ибн Фадлана (X в.), правитель Булгарин брал с каждого десятка рабов, привозимых русами на продажу в его государство, «одну голову». Русы-работорговцы, прибывая в Булгар, причаливали у волжской пристани и строили на берегу большие дома из дерева. В каждом доме их собиралось по 10—20 чел.; у каждого была своя скамья, на которую усаживались «девушки-красавицы для купцов». Накануне торга русы молились, взывая к своим идолам, воткнутым в землю: «О мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мною девушек столько-то и столько-то голов <...> я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы, чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю».⁴⁴

Из Булгара в Хазарию, арабские и другие страны Востока вывозились транзитные, русские и местные товары. К последним относились различные меха, козы шкуры, бобровая струя, воск, мед, невольники и невольницы (в арабских землях славянские рабыни попадали в гаремы или в текстильные мастерские), мамонтовая и моржовая кость, из которой хорезмийские резчики изготавливали шкатулки и гребни, соколы, некоторые изделия болгарской мануфактурной промышленности (сафьян, юфть, мыло, войлочные шапки и др.), сосновый, еловый и березовый лес, стрелы из березы, хлеб, крупный рогатый скот, овцы, рыба, орехи и т. д.⁴⁵

Остановка в Игиле влекла за собой уплату *десятины* в пользу кагана — правителя Хазарии.⁴⁶ Отсюда русские купцы направлялись в Дербент, Баку и Гилян. Самые отважные из них выходили в открытое море и направлялись в Абаскун (Джурджан) — порт на юго-восточном побережье Каспия, откуда вели караванные маршруты в Рей (около нынешнего Тегерана) и Багдад (именно здесь купцов-русов мог наблюдать арабоязычный писатель Ибн Хордадбех) или в Хорезм.⁴⁷ В источниках IX—X вв. отмечается регулярное посещение русскими купцами Тявриза (Тебриз), Рея, Хорезма и некоторых других городов Ирана и Средней Азии. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств их путешествий в Персию и Багдад в XI—XII вв., Хорезм они, кажется, посещали. «Название хорезмской столицы Гургандж (или Ургандж), — указывал Г.В. Вернадский, — известно было русским летописцам, которые называли ее Орнач. Здесь русские, должно быть, встречали путешественников и купцов почти из каждой восточной страны, включая Индию».⁴⁸

В обмен за свои товары Булгария, Русь, балтийские и западноевропейские страны получали арабские серебряные монеты — *дирхемы*, а также бисер, жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни (сердолик, лазурит), самшит, разные украшения из золота, серебра и бронзы (серьги, цепочки, ожерелья, запястья, подвески, кольца, пуговицы, пряжки, булавки, бляхи для украшения одежды и конской сбруи), блюда, металлические зеркала, изделия из стекла, поливную и люстровую посуду, шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, ковры, писчую бумагу, овощи, мускус, камфару, корицу, алоэ, плоды и т. д., которые вывозились из восточной части Закавказья, Армении, Ирана, Йемена, Индии, Бадахшана, других восточных стран и исторических областей. В XI в. в русском и скандинавском импорте широкое распространение получили ближневосточные золотостеклянные и сербробстеклянные бусы, среднеазиатские бусы из сердолика, горного хрусталя и аметиста. Из

Волжской Булгарии в русские города по Волге и Оке спорадически вывозили хлеб; из Хазарии — рыбий (белужий) клей, скот, кожу и рыбу. Восточные шелковые ткани в значительных количествах поступали в Скандинавию, Польшу, Чехию, Германию, Францию и другие страны Западной Европы.⁴⁹

Поскольку большая часть русских отпускных товаров принадлежала князю, можно предположить, что основной импорт направлялся в княжескую казну. Именно этим объяснял С.М. Соловьев тот факт, что тысячи дирхемов переходили к дружинникам, и если последние были родом из Скандинавии, то уносили с собой служебную плату: «...отсюда кроме торговли объясняется, почему на скандинавском берегу и на прилежащих к нему островах находят так много кладов с восточными монетами».⁵⁰ Вместе с тем представляется обоснованным вывод современных историков о том, что до конца IX в. активное участие в восточной торговле принимали самостоятельные сообщества русских купцов, которые иногда формировались по родственно-семейному принципу. Именно они на свой страх и риск привозили товары в Багдад, Херсон, Амастриду и даже Константинополь.⁵¹ К тому же с начала X в., когда усилился приток дирхемов на Русь, произошло ослабление их отлива из страны, что, по словам В.Б. Вилинбахова, было в первую очередь связано «с потребностями русского рынка, а не нуждами транзитной торговли».⁵²

Большинство авторов склоняется к тому, что восточная торговля через Русскую землю могла завязаться еще в VIII в. Так, В.О. Ключевский полагал, что для днепровцев, послушных данников хазар, торговые пути к причерноморским и каспийским рынкам были открыты с VIII в., а временем «наибольшего развития восточной торговли Руси» стали IX и X вв.⁵³ Фактически с ним соглашался Б.Д. Греков. «С VIII в., — указывал он, — завязываются особенно энергичные отношения с арабами, точнее с теми народами Востока, которые вошли в состав Арабского Халифата».⁵⁴ По мнению В.Л. Янина, проникновение дирхемов в Европу и само становление торговых связей Восточной Европы со странами Халифата началось в 70—80-х гг. VIII в.⁵⁵

Тезис о наибольшем расцвете культуры «арабских» государств, связанных торговлей с Русью, и особенном развитии восточной торговли Древней Руси в X в. впервые сформулировал П.Г. Любомиров. Этому автору также принадлежит вывод об упадке восточной торговли в конце X в.⁵⁶ В послевоенное время точка зрения о существовании Волжского пути «из варяг в арабы» в VIII—X вв. фактически утвердилась в отечественной историографии.⁵⁷ Материал Саркела—Белой Вежи, указывал М.И. Артамонов, свидетельствует, что торговый путь на Волгу и далее на Восток, в Среднюю Азию и Персию «в XI в. <...> уже не представлял для Руси того значения, которое вызвало восточный поход Святослава и само появление русского населения в Белой Веже».⁵⁸ Впрочем, отдельные авторы выражают несогласие с устоявшимся мнением о начале проникновения куфической (арабской) монеты в Восточную Европу в VIII в. Так, В.В. Кропоткин утверждает, что первый период обращения дирхема в Восточной Европе относится к первой трети IX в.⁵⁹

Великий Волжский путь шел вдоль западного берега Каспийского моря, к устью Волги, затем вверх по этой реке. Где-то в районе нынешнего Волгограда он разветвлялся на два. Нельзя не согласиться с А.П. Новосельцевым, что один из них продолжался вверх по Волге, а другой через переволоку переходил на Дон, и что «оба пути в VII — первой половине X в. контролировались хазарами».⁶⁰ Суждение же о том, что уже с конца VIII в. единственным пунктом торговых сношений Руси со странами Востока являлся Волжский Булгар, представляется недостаточно обоснованным.⁶¹

По всей видимости, в VIII — первой трети IX в. основным был второй вариант пути, который по Северскому Донцу и Дону, а далее по Пслу, Сейму и Десне или по Оке и Десне вел в Посожье, а затем в область верховьев Днепра и Западной Двины, минуя средний Днепр, Побужье и Поднепровье, т. е. территорию расселения полян, древлян, вольнян, белых хорватов, уличей и тиверцев.⁶² Вероятно, главный поток дирхемов шел через оз. Ильмень, мимо Новгорода по Волхову к Старой Ладогге, а затем через Неву в Балтийское море, так как выход в Балтийское море по Западной Двине активно использовался лишь во второй половине IX в.⁶³ Таким образом, северный участок Балтийско-Каспийского пути проходил через территорию новгородских словен, которые появились в Ильменском бассейне еще в конце VII в.⁶⁴ Г.В. Вернадский акцентировал внимание на том, что уже «в первой половине девятого века — после основания Русского каганата в Азовском регионе и до хазарского наступления (в 833 г. хазары построили крепость Саркел, чтобы обезопасить себя от нападений азовских русов. — М.Ш.) — отношения между Русским Севером и Русским Югом были оживленными и обширными. Регион верхней Двины и озера Ильмень являлся важным торговым пунктом на пути из Скандинавии на Восток и обратно <...> таким образом, к середине девятого века в районе озера

Ильмень возникла община шведских купцов, которая, благодаря своей коммерческой деятельности, тем или иным путем была связана с Русским каганатом».⁶⁵

Вероятным маршрутом проникновения восточного серебра в Новгород и Старую Ладугу являлся северный отрезок пути «из варяг в греки», ведущий с верховьев Днепра по Ловати в оз. Ильмень, а затем по Волхову в Ладожское озеро.⁶⁶ Также существует обоснованное мнение, что уже в ранний период движение восточного серебра в Новгород могло идти по Дону, Оке, верховьям Волги и Селигеру, далее по р. Явонь, затем по р. Пола, впадающей в оз. Ильмень.⁶⁷

С.М. Соловьев, П.П. Мельгунов и Г.В. Вернадский допускали, что в VIII — первой половине IX в. русы (варяги) проникали в Хазарию из дельты Кубани, где находился их столичный город Малороса, известный также как Тмутаракань, Таматарха или Матраха. Они поднимались вверх по Дону и на параллели Волгограда перетаскивали суда в Волгу.⁶⁸ «Руссы, — указывал С.М. Соловьев, — входили из Азовского моря в устье Дона, поднимались вверх по этой реке до пограничной козарской крепости Саркел, или Белая Вежа, перетаскивали здесь суда на сушу и, пройдя с ними небольшой волок до Волги, спускались по этой реке к Итилю...».⁶⁹

По мнению Н.Я. Аристова, М.В. Довнар-Запольского, А.Е. Преснякова, А.П. Новосельцева, которые тоже ссылаются на описания арабских географов, «южный хазарский маршрут» начинался в Византии или где-то в нижней Руси (в Киеве), «проходил через византийские владения в Крыму, а затем хазарскую заставу Самкуш (Самкерц, Тмутаракань). И византийцы, и хазары взыскивали десятину в свою пользу. Потом путь шел по славянской реке (Дону), откуда через Переволоку купцы попадали в Волгу и мимо хазарской столицы следовали в Каспийское море».⁷⁰ Поддерживая эту версию, М.И. Артамонов также полагал, что «хазарский путь» приобрел важное торговое значение во второй половине IX в., когда здесь появились днепровские норманно-славянские дружины, совершавшие разбойничьи нападения на прибрежные города Каспийского моря.⁷¹ В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский обращают внимание на то, что в конце IX — начале X в. «каганат попытался установить экономическую блокаду Руси». Это привело к резкому сокращению притока дирхемов в Восточную Европу и спровоцировало первый кризис в поступлении восточного серебра; «при этом, — отмечают они, — кризис не связан с сокращением эмиссии в Халифате — доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен. Приток монет возобновляется в начале X в., когда серебро идет через Волжско-Камскую Болгарию из державы Саманидов в обход Хазарского каганата. Не менее показательным, что тогда же, не ранее первой четверти X в., первые клады дирхемов появляются в самом Киеве: в IX в. Среднее Поднепровье оказывалось вне сферы русской восточной торговли».⁷²

Действительно, в результате наступления хазар произошел разрыв отношений Северной Руси с Приазовьем, ставших традиционными в первой половине IX в. Это должно было привести к поиску иных маршрутов в торговле с Востоком. По словам В.В. Кропоткина, изучение топографии монетных кладов свидетельствует, что за период с 833 по 900 г. южный хазарский путь перемещения дирхемов в северном направлении по Волге, Дону и Северскому Донцу утратил свое прежнее значение. С этого времени началась прокладка водного маршрута из Волжской Булгарии по Волге, Оке и Сейму в Среднее Поднепровье и сухопутного караванного пути из Булгара в Киев, о котором сообщают арабские авторы X в. ал-Истахри и ал-Идриси «и который документируется находками костей верблюда в Болгаре, Киеве и Вышгороде — на концах этого караванного пути...».⁷³ (А.Л. Монгайт же и Л.В. Алексеев придерживаются версии о становлении Волжско-Окского пути перемещения восточного серебра из Булгара в Киев с конца VIII в.⁷⁴ Б.А. Рыбаков и А.П. Новосельцев признают факт существования торговых отношений между Булгаром и Киевом с IX в.)⁷⁵

В новейшей историографии утверждается мнение о возникновении прочных торговых связей Волжской Булгарии и Среднего Поднепровья лишь в конце X — начале XI в., когда в результате разгрома Святославом Хазарского каганата в отношениях Киева и Булгара были достигнуты стабильность и гарантированность безопасного перемещения товаров. Установившийся во второй половине X в. караванный путь из Киева в Булгар, протяженностью 1500—1600 км, шел почти напрямую по слабо залесенным водораздельным пространствам Днепра, Десны и Дона (на русской территории), Оки, Вороны, Хопра, Волги (на территории Волжской Булгарии).⁷⁶

Как бы то ни было, с IX в. Волжская система становилась главной дорогой новгородских словен и северо-западных финно-угров в Залесскую (Ростовскую) землю. «В IX—X вв., — отмечал И.В. Дубов,

— северо-западная часть Волго-Окского междуречья уже была важной древнерусской областью, игравшей важную роль в международных связях, занимавшей ключевое положение на древнейшем водном пути по Волжской системе и имевшей непосредственные контакты с Волжской Булгарией, где арабы черпали все свои сведения о странах и народах Восточной Европы и где сформировались представления о трех разрядах русов — Славии, Куявии, Артании».⁷²

В X в. Волга превратилась в основную артерию, соединявшую страны Востока и Европейского Севера.⁷³ Именно тогда она получила у арабских авторов название Нахр-ар-рус (Русская река). «Это название, — полагает А.П. Новосельцев, — закрепилось не потому, что русы обитали на Волге, как иногда считали, а потому, что именно русские суда наиболее часто использовали Волжский путь».⁷⁴ Окский путь через верховья Сейма соединял Булгар с Киевом, «по этому же пути, а частично по Клязьме, Нерли, Верхней Волге дирхемы попадали на территорию кривичей, новгородских славян и в Западную Европу».⁷⁵ В Новгород с «низовой земли» вели несколько путей, важнейшим из которых был селигерский (по рекам Пола, ее притоку Шебериха, Тудра, Малая Тудра, образующим единую водную систему); другими путями были: мстинский, ладого-волжский, вытегро-шекснинский, которые непосредственно связывали Волгу с Ильменем.⁷⁶

Примечательно, что крайним пределом проникновения восточных, в том числе арабских, купцов и путешественников на север, был город Булгар.⁷⁷ Отрицая их роль в международной торговле между Европой и арабским Востоком, И.Г. Спасский считает установленным и бесспорным факт транзита восточной монеты на Запад посредством внутренней русской торговли.⁷⁸ А.П. Новосельцев также отмечает, что «непосредственных связей Хазарии с Западной и даже Центральной Европой не было или почти не было. Очевидно, хазары замыкались здесь, как и на востоке, на посредниках, что определялось самим характером хазарской торговли».⁷⁹

Долгое время в характере торговых экспедиций Руси на Восток неизменно присутствовал военный, захватнический оттенок. В X в. возросло число их нападений на города Каспийского побережья.⁸⁰ «Хотя <...> арабские источники и упоминают о торговле русов с булгарами, бургасами, хазарами, — указывал И.М. Кулишер, — но все же первостепенное значение эти писатели придают приобретению русами имущества мечом, а отнюдь не мирным обменом».⁸¹ «И война и дань, — отмечал П.Г. Любомиров, — в значительно большей степени, чем торговые обороты, давали в руки русских купцов их товары, столь ценимые на Востоке».⁸² Грабеж и торговля, по словам Б.А. Рыбакова, почти сливались в одно понятие: слово «товар» одновременно означало и обоз, и товар, и военный лагерь.⁸³ Внешняя торговля, вторит ему В.П. Даркевич, «была связана с военными походами на соседние и отдаленные земли в поисках дани, челяди и выгодных договоров для сбыта мехов, воска, рабов и получения взамен предметов роскоши».⁸⁴

С конца IX в. происходило постепенное распространение власти Рюриковичей на русские земли, находившиеся под хазарским «покровительством». Отчасти это было вызвано тем, что уже в IX в. Хазария «не была в состоянии оберегать русских купцов на востоке»⁸⁵ и препятствовала становлению Русского государства и установлению его связей с Крымом и Византией. В первой половине X в. Хазария продолжала идти к упадку, теряя в своем политическом весе и превращаясь во второстепенное государство.⁸⁶ В какой-то мере воинственность восточных славян была обусловлена тем, что тогда же международной торговле стали мешать *печенеги* — объединение тюркских и других племен. Все это вынуждало главные торговые русские города брать на себя защиту своей торговли. Города вооружались, происходило скопление в них ратного люда, прежде всего варягов. В 884 г. Олег «победи северяны, и възложи на нь дань легьку, и не даст им козаром дани платити...».⁸⁷ В 885 г. «посла (Олег. — М.Ш.) к радимичем, рька: "Кому дань даете?". Они же реша: "Козаром". И рече им Олег: "Не дайте козаром, но мне дайте"».⁸⁸ Результатом «восточного» похода русской рати в 964—966 гг. стало освобождение из-под хазарского владычества вятичей. В 966 г. «вятичи победи Святослав, и дань на них възложи».⁸⁹ Отныне и это восточнославянское племенное образование становилось данником киевского князя.

Существовала также экономическая причина выступления Руси против каганата. С конца 60-х гг. X в., после взятия киевским князем Святославом Игоревичем (957—972) Итиля, Семендера и Саркела — важной торгово-таможенной крепости неприятеля, Нижняя Волга и Подонье были включены в сферу политического влияния Руси, а русские купцы избавились от крайне обременительных платежей в виде таможенных пошлин и получили свободный доступ в Каспийское море.⁹⁰

Разгромив Хазарский каганат, Святослав пошел по Предкавказью и победил *ясов (алан)* и *касогов (адыгов)*. На Таманском полуострове возникло русское Тмутараканское княжество с центром в бывшем хазарском порту Таматархе (Тмутаракани). По мнению С.А. Плетневой, этническую основу «новых русских владений» составили хазары и евреи.⁹⁶

Разрушение Святославом Итиля и резкое сокращение, а затем полное прекращение (в последней трети X в.) притока на Русь восточной монеты нанесли ощутимый урон восточной торговле, но не привели к ее прекращению. По свидетельству Ибн Хаукала, поставка русских и болгарских мехов на восточные рынки продолжалась в прежнем объеме.⁹⁷ И.В. Дубов полагал, что после походов Святослава в последней трети X в. Волжский путь не утратил своего торгового значения. Ослабили лишь дальние связи с Востоком, что было обусловлено кризисом восточного серебра. Следовательно, происходил не «отход Волжского пути на второй план (точка зрения Г.С. Лебедева, Г.В. Вернадского. — *М.Ш.*), а некоторая его переориентация».⁹⁸ Вскоре в устье Волги возник новый город Саксин, население которого состояло из хазар, болгар и гузов. Отсюда суда по-прежнему ходили в Дербент, Баку и Амоль. Используя этот морской путь, русские могли посещать Ардебиль, Тебриз, Рей, другие иранские города, а также Кабул и Багдад.⁹⁹

В 60-е гг. X в., после разгрома Хазарского каганата, заметно усилилась Волжская Булгария, ставшая восточным форпостом мусульманского мира и главным центром торговли Востока с Русью.¹⁰⁰ В последующий период произошло укрепление ее торговых связей с русскими землями. В немалой мере этому способствовало заключение двухсторонних мирных договоров в 985, 1006 и 1229 гг., которыми на взаимной основе устанавливались правовая защита пребывания торговых болгар в Руси и наоборот, а также привилегии и правила, регламентирующие торговлю.¹⁰¹ Так, в 1006 г. болгары добились у Владимира Святославича привилегии свободной торговли в городах на Оке и Волге, для чего им выданы были какие-то печати. Русские взамен получили право свободного приезда в болгарские города с печатями своих посадников.¹⁰² В 1229 г. стороны снова возобновили договор сроком на шесть лет. Согласно ему, русские и болгарские купцы получили право беспрепятственно «ездить в обе стороны с товарами» и торговать с платежом пошлин «по уставу каждого града безобидно».¹⁰³

Торговлю Киева и Булгара в XI — начале XIII вв. отличал преимущественно не двухсторонний, а посреднический, транзитный характер. Из Русской земли по-прежнему вывозились меха, рабы, мед, воск, лен, полотно, а также литейные формочки, кольчуги, замки, иглы, ключи и шпоры из железа, изделия из бронзы, серебра и кости, писанки — полые керамические поделки в форме яйца, поливная керамика светло-зеленого цвета, шиферные пряслица, раковины каури, ювелирные украшения, включая стеклянные перстни и браслеты, бусы, лунницы — привески в виде полумесяца, янтарь и др. Булгарский экспорт состоял как из местных товаров (хлеб, козьи шкуры, кожа, крупный рогатый скот, овцы, юфть, керамика и керамическая тарная посуда, ремесленные изделия из меди и бронзы, сельскохозяйственные орудия, отдельные виды оружия, гривны ажурного плетения, одежда, обувь и др.), так и привозных восточных товаров (поливная и люстровая керамика, шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, дорогое оружие, благовония, пряности, фрукты, предметы художественного ремесла, изделия из стекла, бусы из горного хрусталя, сердолика и аметиста, благородные металлы и др.).¹⁰⁴

М.В. Фехнер отмечала, что в XI в., когда прекратился приток на Русь серебряных дирхемов, через Волжскую Булгарию стали широко привозиться бусы из двухслойного стекла с металлической прокладкой из Западной Азии. К числу изделий восточного происхождения она также относила бусы из красно-коричневого сердолика, горного хрусталя и аметиста, подтверждая данными археологии показания Ибн Фадлана о широком их ввозе в Русскую землю.¹⁰⁵

Несмотря на военно-политические трения между Великим Новгородом, Владимиро-Суздальской землей и Булгарией, участвовавшие с конца XI в., русско-булгарские торговые отношения развивались вплоть до нашествия Батыя, приобретая все более сложные и многообразные формы. Так, в Рязани, Суздале, Владимире появились булгарские колонии, а русские гости проживали на постоянной основе в городах Волжской Булгарии.¹⁰⁶

В конце XI в. торговые пути к Азовскому и Каспийскому морям были перекрыты *половцами*, которые с этого времени — в периоды перемирий — осуществляли посредничество в отношениях между Русью и Востоком.¹⁰⁷ Это привело к тому, что Полоцкая земля, в IX—XI вв. имевшая наиболее интенсивные

торговые связи с Востоком, была вынуждена переориентировать их на страны Западной Европы.¹⁰⁸ К концу XII в., указывает С.А. Плетнева, половцы вытеснили «с берегов Черного и Азовского морей не только ослабленную и разоренную крестоносцами Византийскую империю, но и Русь, пользовавшуюся в причерноморских городах после разгрома Хазарии и образования Тмутараканского княжества исключительным влиянием». В середине XII в. Тмутараканское княжество перестало существовать.¹⁰⁹

В связи с этим П.Г. Любомиров полагал, что погромы от печенегов, а затем от половцев свели к нулю значение Итилия и всей восточной торговли Руси.¹¹⁰ Ему вторил В.Б. Вилинбахов, по мнению которого уменьшение восточной торговли, наметившееся с конца X в., продолжалось вплоть до ее полного замирания в конце XI в. (Под ударами половцев, а также вследствие соперничества новгородцев и болгар «Балтийско-Волжский путь окончательно захирел и затем прекратил свое существование».)¹¹¹

Приведенные суждения не в полной мере отражают историческую реальность, поскольку на самом деле половецкие ханы, извлекавшие от восточной транзитной торговли огромные выгоды (как в свое время хазары), всячески ее поддерживали. Половцы, захватывая торговые пути, не грабили купцов даже в военное время. «Правда, — уточняет С.А. Плетнева, — изредка половцы нападали на русских "гостей", по всей вероятности, для того, чтобы заставить их платить пошлину».¹¹² Начиная с 90-х гг. XII в. напор половцев стал ослабевать. Походы русских князей 1190—1193 гг. серьезно подорвали их силы, и в конце XII в. половецкие набеги совершенно прекратились.¹¹³ Несмотря на все обстоятельства, вызванные половецким торговым «посредничеством», из Средней Азии (особенно во второй половине XII — первой трети XIII в.) вывозились особые шелковые ткани из некрученой пряжи (*занданечи*), поливная посуда, фаянс; из Ирана — бронзовая утварь, ткани, фаянс, художественная керамика — чаши, тарелки, кувшины и бутылки, выполненные из высококачественной фарфоровой массы и украшенные люстром, цветными эмалями, цветными поливами или подглазурной росписью. В конце XII — начале XIII в. важными поставщиками серебряных изделий в Русскую землю сделались Армения, Киликия и Малая Азия. Таким образом, Волжский путь продолжал выполнять свои торговые и другие функции вплоть до татаро-монгольского нашествия в конце 30-х гг. XIII в., полностью нарушившего сложившуюся к тому времени структуру международных связей и обусловившего переход Волги под контроль Орды.¹¹⁴

Серьезный удар непосредственной торговле Руси с Востоком нанесло завоевание Сирии египетским султаном Салах-ад-дином (Саладином) в 1187 г., направившее итальянскую торговлю к портам Черного моря. «Позднее, — указывал А.А. Спицын, — сами киевляне должны были покупать товары у них (итальянцев. — *М.Ш.*), сначала в Суроже и Херсонесе, а позднее в Кафе и близ старого русского гнезда на устье Дона, в Тане».¹¹⁵ Видимо, это привело к расширению торговых контактов Руси с Трапезундской империей (1204—1461) и Синопом, куда вели дороги через Малоазийский полуостров. Роль последних должна была сделаться еще более заметной после захвата Константинополя крестоносцами и основания в 1204 г. Латинской империи.¹¹⁶

Примечания

¹ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 227; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 393.

² Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 215, 227.

³ Игнорируя зависимость вятичей от хазар, Б.А. Рыбаков отождествлял вносимую ими дань с уплатой проезжей пошлины. Он вообще отрицал данническую зависимость восточнославянских племен от хазар (см.: Рыбаков Б.А. 1) Мир истории. М., 1984. С. 120; 2) Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 257).

⁴ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. М., 1990. С. 200. В литературе отсутствует единый подход в определении размера дани полян и момента прекращения их даннической зависимости от хазар (Фроянов И.Я. Рабство и данничество... С. 280—289).

⁵ Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 140; Любавский М.К. Лекции... С. 43—44; Бутенко В.А. Краткий очерк... С. 3.

⁶ См.: Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 227.

⁷ Там же; Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство... С. 202—207.

- ^{8.} Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 291; Аристов Н. Промышленность... С. 232; Любавский М.К. Лекции... С. 44, 83; Артамонов М.И. История хазар. С. 405—406; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. Т. 1. С. 169—170.
- ^{9.} Мельгунов П.П. Очерки... С. 17; Артамонов М.И. История хазар. С. 404; Перхавко В.Б. Пушкина... С. 171.
- ^{10.} Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 132.
- ^{11.} Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 93—94; Любомиров П.Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. // Учен. зап. Саратовского им. Н.Г. Чернышевского ун-та. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 3. С. 13; Артамонов М.И. История хазар. С. 404; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 85—86.
- ^{12.} Новосельцев Л.П. Хазарское государство... С. 116.
- ^{13.} Там же. С. 230; Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. 1. С. 117—152.
- ^{14.} Дубов И.В. Великий Волжский путь. С. 240—241; Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 271, 277—278, 329. «После утраты донецко-донского пути, — указывал Г.В. Вернадский, — скандинавы вынуждены были искать какой-то другой путь на юг, и поэтому стали проявлять интерес к Днепру» (Там же. С. 271). Кроме скандинавов среди варягов могли быть также представители западных славян, финно-угров и балтов.
- ^{15.} Вернадский Г.В. 1) История России. Древняя Русь. С. 267—269, 281—286; 2) Киевская Русь. С. 28.
- ^{16.} Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 282.
- ^{17.} Там же. С. 287—293, 335.
- ^{18.} Седов В.В. Русский каганат... С. 11. В.В. Седов отождествляет название «русь» с первоначально неславянским, но ославяненным этнонимом, восходящим, по его мнению, или к древнеиранской основе **rau*ka — *l*ru*k — «свет, блестеть, белый», или к местной индоарийской основе **ruksa l*ru*(s)sa — «светлый, белый» (Там же).
- ^{19.} Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. С. 326; Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 81—86; Даркевич В.П. Международные связи. С. 392—393; Дубов И.В. Великий Волжский путь. С. 215; Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М., 1997. С. 71—73; Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX—XVIII вв. М., 1993. С. 11—38.
- ^{20.} Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. С. 323.
- ^{21.} Седов В.В. Русский каганат... С. 6, 11.
- ^{22.} Лебедев Г.С. Эпоха викингов... С. 258, 268.
- ^{23.} Там же. С. 259; Дубов И.В. Великий Волжский путь. С. 194.
- ^{24.} Потин В.М. Причины... С. 87.
- ^{25.} Некрасов Г.А. Тысяча лет... С. 16.
- ^{26.} Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 72.
- ^{27.} В новейшей литературе высказывается точка зрения о существовании двух городов с названием Булгар. Один из них был небольшой, хотя и важной в торговом отношении волжской пристанью. Другой Булгар (Биляр, или Буляр), расположенный в центре Западного Закамья, в бассейне р. Малый Черемшан, на месте Биллярского городища, в X — начале XIII вв. являлся столицей Волжской Булгарии (Хузин Ф.Ш. О столице Волжской Булгарии домонгольского периода // Биляр — столица домонгольской Булгарии: Сб. статей / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1991. С. 6—42; Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш. К вопросу о названии столицы Волжской Булгарии домонгольского периода // Там же. С. 42—47).
- ^{28.} См.: Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 216, 219, 235; Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. 1. С. 26—27.
- ^{29.} Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (С половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870. С. 263; Хвольсон Д.А. Известия о Хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда

- бен-Омар ибн Даста. СПб., 1869. С. 24; *Святловский В.В.* Прimitивно-торговое государство... С. 221; *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. С. 239; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 434. «Если прибудет корабль из страны хазар в страну "славян" (булгар. — *М.Ш.*), — отмечает Ибн Фадлан, — то царь (булгар. — *М.Ш.*) выедет верхом и пересчитает то, что в нем [имеется], и возьмет из всего этого десятую часть» (*Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 140—141).
- ³⁰. *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. С. 235—236.
- ³¹. Там же. С. 236.
- ³². *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-Волжский путь // СА. 1963. № 3. С. 131; *Янин В.Л.* Нумизматика... С. 137.
- ³³. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... С. 114.
- ³⁴. *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 18—19.
- ³⁵. *Новосельцев А.Н., Паушто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси... С. 106.
- ³⁶. *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. С. 228; *Заходер Б.Н.* Каспийский свод... Т. 1. С. 27—28, 230—252.
- ³⁷. *Покровский В.* История... С. 563. Вывозимые из страны буртасов меха черных и красных лисиц назывались *буртасками*. Арабские и персидские вельможи, ценя черные меха выше красных (кунных), собольих и иных, заказывали из них шапки, кафтаны и шубы; по сообщениям арабских источников, не было князя, «который бы не имел меховой шапки или такой же опушки на праздничном костюме» (*Хвольсон Д.А.* Известия о Хозарах... С. 163, 165; *Кулишер И.М.* История... С. 8; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 19).
- ³⁸. *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. С. 219, 233; *Заходер Б.Н.* Каспийский свод... Т. 1. С. 29—30.
- ³⁹. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод... Т. 2. С. 55—56.
- ⁴⁰. *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 19.
- ⁴¹. *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути. С. 323.
- ⁴². См.: Там же. С. 323—324; *Аристов Н.* Промышленность... С. 196; *Хвольсон Д.А.* Известия о Хозарах... С. 158—192; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 91—93; *Святловский В.В.* Прimitивно-торговое государство... С. 211, 213, 220—221; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 403; *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-Волжский путь. С. 132; *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 397; *Перхавко В.Б.* Пушнина... С. 164. П.П. Мельгунов допускал, что мед и воск «вывозились на Волгу в таком же большом количестве, как и в Византию» (*Мельгунов П.П.* Очерки... С. 19).
- ⁴³. *Фроянов И.Я.* Рабство и данничестве... С. 74—76, 80—86.
- ⁴⁴. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана... С. 141, 142.
- ⁴⁵. *Хвольсон Д.А.* Известия о Хозарах... С. 181—185; *Энгельман И.* История торговли... С. 119; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Ч. 1. С. 59—60; *Святловский В.В.* Прimitивно-торговое государство... С. 220—221; *Покровский В.* История... С. 563; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 20; *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути. С. 319, 322; *Заходер Б.Н.* Каспийский свод... Т. 1. С. 168—169; *Новосельцев А.П., Паушто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси... С. 105, 107. Русь соперничала с Волжской Булгарией, также стремившейся монополизировать торговлю мамонтовой, моржовой костью («рыбьим зубом»), пушниной и соколами, которые добывались в *Биармии* — обширной северо-восточной территории, включавшей урало-приобский Север и простиравшейся до Ледовитого океана. Уточняя информацию по данному вопросу, современные авторы В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский считают, что в стремлении контролировать регионы, богатые пушниной, булгарские купцы посещали области Верхнего Поволжья и Белоозера, где вступали в товарообменные отношения с весью и муромой. Другой регион, которого они достигали, — «земли народа *йура* — летописная Югра, Зауралье: там обитали обские угры — ханты и манси, с которыми велась торговля <...> В Нижнем Приобье действительно находят много болгарских вещей I—XIV вв.» (*Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России... С. 224).
- ⁴⁶. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей... С. 49; *Хвольсон Д.А.* Известия о Хозарах... С. 159. Размер *десятины* не всегда составлял 1/10 часть стоимости провозимых товаров (*Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей... С. 56—57).

- ⁴⁷ См.: *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. С. 222, 290—291; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 299; Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 385; *Заходер Б.Н.* Каспийский свод... Т. 2. С. 85—163, 184. Абдаллах ибн Хордадбех (Хурдадби, Хордадбе) — арабоязычный географ и писатель иранского происхождения, занимавший должность начальника почт области Джибал (Северо-Западный Ирак). В 40-е гг. IX в. он написал «Книгу путей и государств». По-видимому, Ибн Хордадбех наблюдал в Багдаде купцов-русов, путешествовавших из дельты Кубани.
- ⁴⁸ *Вернадский Г.В.* 1) История России. Киевская Русь. С. 384; 2) Русская история. М., 1997. С. 34; *Лучинский М.Ф.* Деньги на Руси... С. 141.
- ⁴⁹ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 1. С. 243; *Аристов Н.* Промышленность... С. 197; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 94—95; *Святловский В.В.* Примитивно-торговое государство... С. 221, 225; *Покровский В.* История... С. 563; *Лучинский М.Ф.* Деньги на Руси... С. 145; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 397, 403; *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 388—391; *Заходер Б.Н.* 1) Итиль. (Три рассказа) // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 45; 2) Каспийский свод... Т. 1. С. 167; *Перхавко В.Б.* Хлеботорговля... С. 19; *Валеев Р.М.* Торговля Биляра по археологическим данным // Биляр — столица домонгольской Булгарии: Сб. статей / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1991. С. 69—79. П.П. Мельгунов обращал внимание на то, что некоторые части русской одежды носили восточные названия: «например, сарафан (сарапа — персидское слово: почетное длинное мужское одеяние), парча — тоже персидское (кусочек), камка (камак — шелковая дамаская ткань), армяк, куршна, костак — это все восточные названия; очевидно, что арабы в известном смысле были законодателями мод того времени. От арабов шло также оружие; дамаская сталь славилась повсюду, вследствие чего и в этом отношении на Руси сохранилось много восточных названий, как, например, сабля, кинжал (ханджир — арабское слово), харалуг (вороненая сталь), буломс (арабская сталь). Далее к товарам, привозимым арабами, относятся: изделия из стекла и драгоценные камни — алмаз (арабское слово), бирюза (персидское слово), яхонт, сапфир, жемчуг, известные у нас в те времена под именем бурмицких или гурмыжских зерен, ормуздских (г. Ормузд). Изделия из стекла дорого ценились, в особенности дорого стоил бисер и зеленые бусы из глины, особенно почему-то любимые русскими женщинами. Одна такая зеленая бусина стоила диргем...» (*Мельгунов П.П.* Очерки... С. 21).
- ⁵⁰ *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 1. С. 243—244.
- ⁵¹ *Калинина Т.М.* Термин «ахл ал-байт» («люди дома») в применении к обществу русов у Ибн Фадлана // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Тезисы Докладов / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1992. С. 22; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 10—12, 142.
- ⁵² *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-Волжский путь. С. 132.
- ⁵³ *Ключевский В.О.* 1) Соч. Т. 1. С. 139—140; 2) Краткое пособие... С. 21.
- ⁵⁴ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 439.
- ⁵⁵ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы... С. 84. Древнейшие клады дирхемов на территории России и стран Западной Европы относятся ко времени 80—90-х гг. VIII в. (Там же. С. 81—83, 89, 90).
- ⁵⁶ *Любомиров П.Г.* Торговые связи... С. 14—15, 33.
- ⁵⁷ *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 134—137; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 439; *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь... С. 42, 110 и др.
- ⁵⁸ *Артамонов М.И.* Саркел — Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1958. С. 72—73 (МИА. Т. I. № 62).
- ⁵⁹ *Кропоткин В.В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне: Сб. статей / Отв. ред. Т.В. Николаева. М., 1978. С. 113, 115.
- ⁶⁰ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... С. 114.
- ⁶¹ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы... С. 105; *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С. 90; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966. С. 84.
- ⁶² См.: *Кропоткин В.В.* О топографии кладов... С. 113—114; *Дубов И.В.* Ярославское Поволжье в IX—XIII вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 148.
- ⁶³ *Свердлов М.Б.* Транзитные пути... С. 542; *Носов Е.Н.* Нумизматические данные... С. 95—110.

- ⁶⁴ Носов Е.Н. Нумизматические данные... С. 108—109; Седов В.В. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V—VII вв. // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 86—93. Поэтому нельзя согласиться с выводом М.Б. Свердлова о том, что в конце VIII—IX в. Балтийско-Каспийский путь вообще не проходил по территории расселения славян (см.: *Свердлов М.Б.* Транзитные пути... С. 543).
- ⁶⁵ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 338.
- ⁶⁶ Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 6—8. По мнению А.Е. Леонтьева, пути поступления дирхемов в земли ильменских словен и кривичей по Дону и Северскому Донцу, затем по Оке и Десне и, наконец, через верховья Днепра и Западной Двины оставались главными на всем протяжении IX в. (Там же).
- ⁶⁷ Носов Е.Н. Нумизматические данные... С. 97, 106. По мнению этого автора, в отечественной литературе продолжают сосуществовать «две точки зрения на вопрос о том, по каким рекам проходил главный путь от истока р. Невы на восток: по двум восточным волжским путям (Сясь—Молога и Свирь—Вытегра—Шексна) или по двум западным (Волхов—оз. Ильмень—Пола и Волхов—оз. Ильмень—Мста)» (Там же. С. 99).
- ⁶⁸ Мельгунов П.П. Очерки... С. 13—14; Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 291.
- ⁶⁹ Соловьев С.М. Соч. Кн. 1. С. 243.
- ⁷⁰ Аристов Н. Промышленность... С. 191; Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 90; Пресняков А.Е. Лекции... С. 49; Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 115.
- ⁷¹ См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 299, 369—372.
- ⁷² Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России... С. 225, 280—281. В литературе и ранее высказывалось мнение о том, что в VIII—IX вв. никакой восточной торговли с Днепровским районом Руси не было, поскольку он в то время находился в стороне от международных торговых путей (см.: Корзухина Г.Ф. Русские клады. М.; Л., 1954; Вилинбахов В.Б. Балтийской-Волжский путь. С. 127—128).
- ⁷³ Кропоткин В.В. 1) Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности: Сб. статей / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин. М., 1973. С. 226—230; 2) О топографии кладов... С. 116.
- ⁷⁴ Монгайт А.Л. Рязанская земля. С. 88, 90; Алексеев Л.В. Полоцкая земля... С. 84.
- ⁷⁵ Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // МИА. 1969. № 169. С. 189—196; Новосельцев А.П., Папуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси... С. 104, 107.
- ⁷⁶ Моця А.П. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX—XIII вв. // Путь из Булгара в Киев: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1992. С. 8; Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX—XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) // Там же. С. 12—22; Иевлев М.М., Моця А.П. «Русский» участок пути Булгар — Киев (особенности поселений и маршрута) // Там же. С. 24; Зоценко В.Н. Волжская система путей сообщений в истории Южной Руси // Там же. С. 51, 53. Во второй половине XII в. сухопутный маршрут между Киевом и Булгаром пришел в упадок (Моця А.П. Общие закономерности... С. 10).
- ⁷⁷ Дубов И.В. Северо-Восточная Русь... С. 115. В XI в. в Залесскую землю усилился приток населения с юго-запада Руси. В XII в. полностью завершилось освоение славянами Волго-Окского междуречья, и «Ростовская земля становится важнейшей древнерусской областью, которой было суждено в дальнейшем сыграть ведущую роль в истории всей Руси» (Там же. С. 44, 45).
- ⁷⁸ Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 115.
- ⁷⁹ Там же. Г.В. Вернадский также отмечал, что «в некоторых восточных источниках девятого и десятого веков Дон называется Русской или Славянской рекой» (Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 268).
- ⁸⁰ Монгайт А.Л. Рязанская земля. С. 90; Алексеев Л.В. Полоцкая земля... С. 84.
- ⁸¹ Рыбина Е.А. Археологические очерки новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 23.
- ⁸² Святловский В.В. Примитивно-торговое государство... С. 222; Любомиров П.Г. Торговые связи... С. 13; Вилинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь. С. 131.

- ^{83.} *Спасский И.Г.* Русская монетная система. 4-е изд. Л., 1970. С. 46.
- ^{84.} *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... С. 115—116.
- ^{85.} *Вилинбахов В.Б.* Балтийско-Волжский путь. С. 133; *Удальцова З.В. и др.* Древняя Русь... С. 28.
- ^{86.} *Кулишер И.М.* История... С. 13.
- ^{87.} *Любомиров П.Г.* Торговые связи... С. 37.
- ^{88.} *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути. С. 326.
- ^{89.} *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 397.
- ^{90.} *Ключевский В.О.* Соч. Т. 1. С. 144.
- ^{91.} *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... С. 211, 219.
- ^{92.} Повесть временных лет. С. 14.
- ^{93.} Там же. С. 14.
- ^{94.} Там же. С. 31.
- ^{95.} См.: *Святловский В.В.* Примитивно-торговое государство... С. 216; *Артамонов М.И.* История хазар. С. 429, 431, 434; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... С. 116, 223—224.
- ^{96.} См.: *Плетнева С.* Беспокойное соседство: Русь и степные кочевники в домонгольское время // Родина. 1996. № 12. С. 30. Волжская торговля продолжала развиваться. Один из торговых путей в Нижнее Поволжье по-прежнему пролегал по Дону. Поднявшись по этой реке до Белой Вежи (бывший Саркел), русские вытаскивали здесь суда на сушу и, пройдя с ними небольшой волок, спускались по Волге до Итиля.
- ^{97.} *Заходер Б.Н.* Каспийский свод... Т. 2. С. 162—163.
- ^{98.} *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. С. 215. Г.С. Лебедев полагал, что дружинники Святослава подрубили устон «серебряного моста», который связывал северную часть Европы с Востоком. Закономерным результатом этой акции стало сужение сферы варяжских интересов на Востоке и их переориентация на Византию (*Лебедев Г. С.* Эпоха викингов... С. 256—257).
- ^{99.} *Новосельцев А.П., Паушто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси... С. 106—107. По свидетельству Ибн Хаукала (X в.), захват русскими Итиля не смог остановить «прилив торговли» (*Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей... С. 219).
- ^{100.} *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. С. 214; *Смирнов А.П.* Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь: Сб. статей / Под ред. Е.И. Крупнова. М., 1968. С. 167—172; *Толочко П.П.* Киевская Русь и Волжская Болгария // Путь из Булгара в Киев: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1992. С. 3—6.
- ^{101.} *Халиков А.Х.* Волжская Болгария и Русь // Волжская Болгария и Русь: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1986. С. 10—13; *Валеев Р.М.* 1) Торговые связи Волжской Болгарии и Руси в домонгольский период (X—XIII вв.) // Там же. С. 25—27; 2) Торгово-экономические взаимосвязи Волжской Болгарии с Русью в IX — начале XIII в. // Путь из Булгара в Киев: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1992. С. 91.
- ^{102.} *Аристов Н.* Промышленность... С. 192—193; *Любавский М.К.* Лекции... С. 83; *Святловский В. Б.* Примитивно-торговое государство... С. 222; *Спицын А.А.* Торговые пути Киевской Руси. С. 251. «Прислали болгары (волские) (в 1006 г. — М.Ш.) послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городех по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил. И дал им во все грады печати, дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатями от наместников в Болгоры с торгом ездили без опасения: а болгаром все их товары продавать во градах купцом и от них купить, что потребно; а по селом не ездить тиуном, вирником, огневшине и смерди не продавать и от них не купить» (*Татищев В.Н.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1995. Т. 2. С. 69).
- ^{103.} *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. 3. С. 225.

¹⁰⁴. Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь. С. 15—16; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1986. С. 102—112; Моця А.П. Общие закономерности... С. 9; Иевлев М.М., Моця А.П. «Русский» участок... С. 23; Зоценко В.Н. Волжская система... С. 51—52; Валеев Р.М. 1) Торговые связи Волжской Булгарии... С. 28—29; 2) Торговля Биляра... С. 69—79; 3) Торгово-экономические взаимосвязи... С. 88—89; Коваленко В.П., Сытый Ю.Н. Торгово-экономические взаимосвязи Чернигово-Северской земли с Волжской Булгарией в IX—XIII вв. // Путь из Булгара в Киев: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1992. С. 62; Руденко К.А. Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья // Там же. С. 78—86; Якимов И.В. Изделия... С. 94—102.

¹⁰⁵. Фехнер М.В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей середины XIII в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимины, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 46—54.

¹⁰⁶. Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь. С. 14—17; Моця А.П. Общие закономерности... С. 9—11; Валеев Р.М. Торгово-экономические взаимосвязи... С. 89—91. Военные столкновения Северо-Восточной Руси с Волжской Булгарией во многом обуславливались тем, что каждая из сторон стремилась контролировать торговые пути и собирать дань с волжских народов.

¹⁰⁷. Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 130. Опираясь на данные археологии, Е.А. Рыбина отмечает почти полное отсутствие в новгородских слоях XII в. восточных импортных товаров, привозимых по Волжскому пути. «Непрерывающаяся в течение всего XII столетия борьба русских княжеств с половцами сделала, — по ее мнению, — практически невозможным торговое движение по Волге» (Рыбина Е.А. Археологические очерки... С. 155).

¹⁰⁸. Алексеев Л.В. Полоцкая земля... С. 106, 107.

¹⁰⁹. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1958. С. 191 (МИА. Т. 1. № 62).

¹¹⁰. Любимиров П.Г. Торговые связи... С. 14, 15.

¹¹¹. Вилинбахов В.Б. Балтийско-Волжский путь. С. 133.

¹¹². Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы... С. 191. Это мнение в полной мере разделяет А.П. Новосельцев. По его предположению, в условиях частых войн и усобиц русские, половецкие и кавказские князья соблюдали «неписаное правило свободного прохода купеческих караванов» (Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси... С. 107).

¹¹³. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы... С. 223—224.

¹¹⁴. См.: Даркевич В.П. Международные связи. С. 390—391; Гуревич Ф.Д. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии // Славяне и Русь: Сб. статей / Под ред. Е.И. Крупнова. М., 1968. С. 34—36; Гуревич Ф.Д., Джантодьян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968; Древняя Русь. Быт и культура. С. 37—38.

¹¹⁵. Спицын А.А. Торговые пути... С. 249.

¹¹⁶. Там же. С. 246—247; Дубов И.В. Великий Волжский путь. С. 212.

1.3. Великий Днепровский путь

Путь «из варяг в греки» был открыт еще до наступления нашей эры греками, вывозившими из литовских районов Прибалтики *янтарь* (амбру).¹ «Этот фимиам, использовавшийся в обрядах богослужения архаической Греции, — отмечает финский автор Матти Клинге, — добывался тогда, как и позднее, только на южном побережье Балтики...».² Согласно Повести временных лет, скандинавы и восточные славяне тоже знали об этой круговой водной дороге, опоясывавшей всю Европу: шел «путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ыльмерь (Ильмень. — М.Ш.) озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море, в не же втечет Днепр река».³

На основании русского летописного свода начала XII в. можно предположить, что варяжские гости были знакомы с маршрутом: Финский залив—Нева—Ладожское озеро—р. Волхов—оз. Ильмень—р. Ловать — Днепр—Черное море—Константинополь. Ловать с Днепром связывал переход с

применением волоков. Вместе с тем материалы археологических исследований свидетельствуют о незначительном объеме византийско-скандинавской торговли в IX — начале XIII вв.: скандинавские товары в рассматриваемый период совсем не поступали на византийский рынок, а византийские доставлялись в Скандинавию в три этапа: сначала из Царьграда в Киев, далее из Киева в Новгород и уже после того из Новгорода в Северную Европу. Поэтому справедливо говорить о реальном торговом значении лишь отдельных участков единой транзитной магистрали «из варяг в греки». Во всяком случае, водоразделы между Ловатью и Днепром использовались в основном для сообщения между Новгородом и Киевом.⁴ К тому же главный международный торговый путь пролегал по Западной Двине, которая многие годы считалась второстепенным ответвлением пути «из варяг в греки», а Полоцкая земля была основным звеном, соединявшим Прибалтику с Южной Русью, Византией и странами Востока.⁵

По свидетельству Ибн Хордадбега, уже в первой половине IX в. русские купцы могли привозить свои товары в греческие города Северного Причерноморья, где чиновники византийского императора взимали с них таможенную пошлину в размере 10%: «Что же касается купцов русских — они же суть племя из славян, то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю (Черному, называвшемуся также "Руским". — *М.Ш.*), и царь Рума (Византии. — *М.Ш.*) берет с них десятину».⁶ В 860 г., после успешного нападения на Константинополь, Русь добилась официального признания со стороны Византии и заключила с ней первый известный нам договор «мира и любви». После захвата Киева князем Олегом (882) днепровский участок пути «из варяг в греки» стал быстро приобретать значение главной географической оси Древнерусского государства, и в X — первой половине XI в. Днепровский речной путь «был прочно установлен».⁷ К середине X в. в своей внешней политике Русь отдала решительное предпочтение Днепровскому и другим путям к Черному морю, «поскольку именно черноморский бассейн был наиболее важным перекрестком торговых путей, способным обеспечить связи как со странами Востока, так и с Византией».⁸

Торговые отношения Руси с Византией во многом обуславливались военно-политическими обстоятельствами. Так, по свидетельству константинопольского патриарха Фотия, поход руси на Царьград в 860 г. был предпринят ради отмщения за обиду, нанесенную ранее русским купцам, и «имел целью силой восстановить торговые сношения, насильственно прерванные греками».⁹ «Поход Руси против Византии в 907 г., — полагает А.Н. Сахаров, — увенчался новым русско-византийским договором 907 г., который, как и мир 60-х годов IX в., был типичным договором "мира и любви", т. е. политическим межгосударственным соглашением, регулировавшим основные вопросы взаимоотношений между двумя государствами. Он восстановил прежние нормы 30-летнего русско-византийского мира, нарушенные, видимо, в 90-х годах IX в., и значительно обогатил и развил их».¹⁰

В.О. Ключевский утверждал, что военные («византийские») походы киевских князей, которых до смерти Ярослава состоялось шесть, были «самым видным явлением во внешней политике Руси до половины XI века».¹¹ Все они «вызывались стремлением Руси поддержать и восстановить свои порывавшиеся торговые сношения с Византией»,¹² «желанием заставить византийцев открыть свои рынки для русской торговли».¹³ Вот почему эти атаки обыкновенно оканчивались торговыми трактатами. По всей видимости, договорами 907, 911, 944, 971 гг. греки стремились «обезопасить себя от нападений Руси, заменив насилия их мирным обменом»,¹⁴ «в них византийское правительство постоянно выговаривает для себя меры против буйства руссов»,¹⁵ подробно и точно определяет «порядок ежегодных торговых сношений России с Византией, а также порядок частных отношений русских в Константинополе с греками».¹⁶

В тех случаях, когда Византия терпела серьезное поражение, она под давлением превосходящих военных сил своих противников обычно соглашалась на единовременную или регулярную выплату дани. Иногда купцы победившей стороны освобождались от уплаты пошлин на византийских рынках. По крайней мере, им предоставлялись значительные торговые льготы.¹⁷ Неудивительно, что в результате победоносного похода восточных славян на Царьград 907 г. был заключен договор киевского князя Олега с императорами Византии Леоном и Александром (907), по которому греки обязались заплатить двойную контрибуцию по 12 гривен на «ключ», т. е. на каждый из 2000 кораблей и на каждого человека (за Царьград и Греческую землю), а также давать русским ежегодную дань («уклад») на каждый из старших городов (Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и др.), в которых сидели князья — подручники Олега, и обеспечивать месячное содержание русским гостям.

Особо оговаривались широкие торговые права русской стороны: «Да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же».¹⁸

Царьград был окружен непроницаемой таможенной стеной. У выхода из Черного моря в Босфор находилась таможенная застава, и никто не мог войти в пролив без разрешения византийских властей. На всех сухопутных въездах и в гавани бессменно дежурили таможенники — *преторы*. Взимаемые ими пошлины настолько угнетали торговлю, что иногда приезжие торговцы предпочитали сжигать суда и товары, чтобы только избежать уплаты таможенных платежей. Возможно, что по договору 907 г. купцы из Руси первыми из иностранцев получили право беспошлинной торговли в византийской столице и закупки на константинопольском рынке любых товаров в неограниченном количестве.¹⁹ Допуская возможность таможенного обложения на границах византийских владений, Г.Г. Литаврин полагает, что на всем протяжении I—XII вв. пошлина, размер которой обычно составлял 10%, чаще всего взималась при совершении торговых сделок. Впрочем, неясным остается вопрос, в одинаковом ли размере платили на рынке сборщику продавец и покупатель (по 5% или 10% от цены), или «один из них имел право платить меньше».²⁰

Побежденным грекам удалось настоять лишь на той оговорке, «чтобы эти руссы, приходящие в Византию, не разбойничали на улицах и в окрестностях Византии».²¹ Отличительную черту договора 907 г. Г.В. Вернадский видел во взаимном обещании сторон оказывать помощь потерпевшим кораблекрушению торговцам чужеземного происхождения, что противоречило практиковавшемуся в то время в большинстве европейских стран *береговому праву*, согласно которому в случае кораблекрушения местные власти имели право конфисковать все выброшенные на берег вещи потерпевшего бедствие торговца и обратить его в рабство вместе с командой.²²

В русско-византийском договоре 911 г. о торговле говорится сравнительно немного. Г.Г. Литаврин объясняет это тем, что «не сохранившаяся статья "О купле" была частью перенесена в особый договор под 907 г., а частью была, может быть, утрачена». Более того, по словам этого автора, отсутствие в договоре 911 г. ограничений на закупку шелковых тканей «никак не означает, что в этом отношении русам была предоставлена неслыханная в империи свобода закупок всего и вся и в любом количестве». Как подданным византийского императора, так и всем иностранцам, торгующим в Константинополе, запрещалось не только совершать сделки, минуя таможенную администрацию, но и покупать драгоценные пурпурные ткани. Согласно законодательству Византии, торговым уполномоченным императора запрещалось отпускать в частные руки шелка ценою в 10 и более *номисм* за кусок.²³

Договоры «мира и любви», продиктованные Олегом с позиции силы, соблюдались лишь до конца 30-х гг. X в., когда внешние обстоятельства снова изменились в пользу Византии. Отказ греков от уплаты ежегодной дани вызвал в 941 г. новый поход русской рати во главе с киевским князем Игорем на Царьград. Однако военная удача на этот раз не сопутствовала русским, проигравшим два морских сражения. Впрочем, византийцы не стали искушать судьбу (их колонии в Северном Причерноморье оставались уязвимы), и когда киевский князь в 944 г. выступил в новый поход, они запросили мира, подтвердив готовность возобновить свои «финансовые обязательства» и платить дань по старине.²⁴ Таким образом был вызван к жизни новый мирный договор, также ставший результатом «предварительных военных походов русских князей на Византию».²⁵

Согласно договору 944 г. русские люди, приезжая в Царьград, по-прежнему должны были проходить регистрацию и проживать в квартале св. Мамы (св. Маманда). Это было предместье вне стен византийской столицы, расположенное примерно в двух километрах от ближайшего участка северных стен города «на европейском берегу Босфора (Стена) близ входа из пролива в Мраморное море и в залив Золотой рог».²⁶ В летние месяцы здесь размещались все русские послы, купцы, их слуги и охрана со всем скарбом и привозными товарами, а также рабы для продажи.²⁷ В сам город русы допускались в сопровождении правительственного чиновника группами не свыше 50 человек и без оружия. Срок их пребывания в Византии ограничивался шестью месяцами. При этом русские гости и их помощники находились на полном довольствии византийского правительства: торговые послы Руси получали в Царьграде свои посольские оклады, а купцы (русь, пришедшая «с куплею») — «месячину» (хлеб, вино, рыбу, мясо, фрукты). Имеется указание, что они также могли бесплатно пользоваться банями и требовать на обратный путь якорей, канатов, парусов и другого корабельного снаряжения.²⁸

Вместе с тем по договору 944 г. русским запрещалось зимовать не только в Царьграде, но также в устье Днепра.²⁹ Они были стеснены в приобретении *паволок* — дорогой шелковой ткани, известной на Руси под названием *порфиры*, *парчи*, *пурпура*, *червленицы* или *багры*, производимых в императорских мастерских.³⁰ Каждый мог вывезти их не более чем на 50 *златников*.³¹ Все сделки купли-продажи совершались под контролем таможенной администрации. Все купленные паволоки надлежало показать императорскому чиновнику, который накладывал на них печать (пломбу). Последняя крепилась к товарной таре или к самому товару и свидетельствовала о праве на экспорт или на перемещение внутри страны. В частности, по договору 944 г. пломба накладывалась на покупной шелк уже после совершения сделки. С этого момента «покупатель уже не боялся досмотра таможенных чиновников при вывозе шелка: вывоз был узаконен».³²

Если раньше русские послы и купцы должны были предъявлять в Византии доказательства своего официального положения: первые — золотые печати, вторые — серебряные, то теперь им надлежало иметь при себе княжескую грамоту с указанием числа отправленных в Византию судов в доказательство того, что они приходят с мирными намерениями и имеют право на предоставляемые договором льготы.³³ Кроме того, в договоре ничего не говорилось об освобождении русских купцов от уплаты торговых пошлин на рынках Константинополя.

Несмотря на указанные ограничения, договор 944 г. представлял собой значительный шаг вперед в развитии русско-византийских отношений. П.П. Мельгунов, в частности, полагал, что в последующий период они стали более прочными: «...для русских купцов сделалось потребностью ездить в Царьград; число их было так значительно, что для их жительства назначается особый квартал (по-видимому, русский квартал в византийской столице возник в XI в. — *М.Ш.*); купцы, очевидно, заинтересованы в составлении договора, поэтому-то они в нем и участвуют, чего мы не находим в договоре Олега».³⁴ По оценке А.Н. Сахарова, договор 944 г. представлял собой «взаимовыгодное, равноправное военно-союзное соглашение, действие которого простиралось на огромные территории — от Северного Причерноморья и Поволжья до сирийской границы, от Каспия до Сицилии — и сохраняло силу по меньшей мере в течение последующих 20 лет. Уплата Византией ежегодной дани Руси по-прежнему являлась основой дипломатического соглашения».³⁵ Доводы Г.Г. Литаврина свидетельствуют в пользу того, что русские купцы на всем протяжении X в. пользовались правом беспошлинной торговли. По предположению этого автора, договор 944 г. сохранился в усеченном виде по вине переписчика, пропустившего или сознательно исключившего из него положение о беспошлинной торговле.³⁶

Полагая, что различия между договорами Олега и Игоря заключались «не столько в ограничении торговых льгот русских, сколько в увеличении их обязанностей, не имеющих никакого отношения к торговле», Г.Г. Литаврин и В.Л. Янин подчеркивают не только глубокую преемственность в русско-византийской торговле, но и факт исключительных привилегий, которыми пользовались русские купцы. Лишь только они были избавлены от платежа таможенных пошлин при входе в Босфор и в самой византийской столице. Более того, все остальные торговые иноземцы в Константинополе могли купить шелковых тканей только на 10 номисм, т. е. на сумму в пять раз меньшую. Г.Г. Литаврин и В.Л. Янин также отмечают, что и в 971 г. русским купцам были обеспечены торговые условия в соответствии с договором 944 г.³⁷

Помимо задач по приобретению и удержанию заморских рынков киевские князья должны были поддерживать и почти ежегодными походами охранять караванные пути, которые вели к этим рынкам по степям мимо Днепровских порогов, загораживающих реку на протяжении 70 верст между Екатеринославом (г. Днепропетровск) и Александровском (г. Запорожье).

Император Константин Багрянородный ярко рисует опасности, которые ежегодно приходилось преодолевать русскому торговому флоту по пути в Византию.³⁸ Именно его свидетельство легло в основу исторического описания южного участка пути «из варяг в греки». Долгое время ученые полагали, что в апреле—мае у Витачева (в 50 км ниже Киева по течению Днепра) составлялся караван из 100—200 и более княжеских, боярских и купеческих судов³⁹ из Новгорода, Чернигова, Любеча, Вышгорода, Смоленска и самого Киева, который под сильной военной охраной, состоявшей из княжеской дружины и вооруженных купеческих отрядов, спускался вниз по реке к порогам. Однако в новейшей литературе формируется представление о двух ежегодных торговых флотилиях русских купцов (каждая по 50—60 ладей), посещавших Константинополь в X в. По мнению Г.Г. Литаврина, первыми в весенне-летний сезон отправлялись ладьи, «принадлежавшие князьям и боярам, правившим городами в бассейне Среднего Днепра (Киевом, Черниговом, Переяславлем, Вышгородом и др.), а

месяцем позже отправлялись в путь ладьи из северных городов (Новгорода, Смоленска, Полоцка, Ростова и др.), куда весна приходила на 3—4 недели позже. Соответственно первая прибывала в Константинополь в начале июня, а вторая (ее путь до столицы империи был к тому же вдвое длиннее и труднее) в конце июля—начале августа». ⁴⁰

Проходя через первые три порога, русы волокли свои «моноксиды» по мелководью, держась берега. Четвертый порог — Ненасытен, представлявший наибольшую опасность, — они преодолевали, причалив к берегу. Товар при этом выгружался, и примерно 2.5 км русы шли берегом, ведя за собой скованных невольников, волоча или перенося на плечах лодки (товары и снаряжение переносили невольники). Наперед в степь выдвигался вооруженный отряд для защиты каравана от печенегов. ⁴¹ Благополучно миновав пятый, шестой и седьмой пороги и совершив языческие жертвоприношения на острове Св. Григорий (о. Хортица), русские купцы продолжали свой путь и через четыре дня достигали устья Днестра. Здесь на острове Св. Эферий (о. Березань), где первоначально могла находиться таможенная станция византийцев, ⁴² они отдыхали два-три дня, а также занимались ремонтом и оснащали свои суда парусами, мачтами, рулями, которые везли с собой. Г.Г. Литаврин допускает, что на острове русские могли производить закупку у местных жителей и сторонних промысловиков рыбы и икры осетровых, расширяя таким образом ассортимент вывозных товаров. ⁴³ Дождавшись попутного ветра, путешественники выходили в море и, держась берега, следовали до устья Днестра, где у них снова был привал. Дальнейший путь лежал в направлении устья Дуная. Все это время русским с берега угрожали печенеги, ожидавшие легкой наживы. В случае аварии какого-либо судна весь караван причаливал, чтобы отразить неприятеля. Лишь миновав р. Селина, центральный рукав Дуная, русские могли чувствовать себя в безопасности. Продвигаясь затем вдоль болгарского побережья, они поочередно останавливались в Конопе (с. Летя в Северной Добрудже), Констанции (г. Констанца), в устьях рек Варна (Провадия) и Дичина (Камчия), где, по всей вероятности, вступали в торговые отношения с местным населением. (Видимо, на этот счет существовало специальное соглашение Болгарии и Руси.) Наконец они причаливали неподалеку от города-крепости Месимврия (Несебыр). ⁴⁴

По предположению Г.Г. Литаврина, Месимврия — важнейшая таможенная станция империи (здесь находились склады «конфискатов» и товаров, принятых в счет уплаты таможенных пошлин) — становилась временным пристанищем для значительной части «моноксил», освобожденных от груза. Возможно, что до 911 г. русы декларировали здесь число и цену доставляемых для продажи рабов, платили десятину и сбор за проход проливов и т. д. В Месимврии также находили временное пристанище большинство русских гребцов, слуг и воинов, общее число которых в караване могло превышать 1000 человек. К гавани св. Маманда отправлялось до половины или больше ладей с послами, купцами и их слугами, которые в соответствии с договорами 911 и 944 гг. имели право на бесплатное размещение и довольствие в пригороде византийской столицы. ⁴⁵ Берег гавани был высокий, и привозной товар вряд ли оставался на берегу. По-видимому, он складировался при русском квартале, откуда партиями поступал на константинопольский рынок. ⁴⁶ Ежедневно (или в дни торга) товар двух-трех послов и четырех-шести купцов одновременно перевозился на четырех-шести ладьях через устье Золотого Рога к ближайшим обращенным к морю воротам города. На рынке товар осматривался императорским уполномоченным и оптом закупался соответствующей торговой корпорацией (рыботорговцев, льноторговцев, свечников, меховщиков и т. д.). При этом одни из слуг обеспечивали перемещение привозных и покупных товаров, другие отвечали за сохранность имущества и безопасность торгующих, третьи охраняли суда, дожидаясь возвращения послов и купцов с рынка. ⁴⁷

По окончании торговых сделок в Константинополе русские отправлялись в обратное путешествие, следуя известным маршрутом. Возможно, что первая флотилия русов отбывала в конце июля—начале августа, а вторая — в октябре. Если это предположение Г.Г. Литаврина верно, то русы первого каравана находились на попечении императорской казны в течение июня—июля и получали продовольствие на август, а русы второго каравана снабжались довольствием в течение августа—сентября и получали «сухой паек» на октябрь. Иными словами, в общий счет шести месяцев получения русами месячины зачислялись два месяца их обратного пути на родину. ⁴⁸ Несмотря на то что они стремились увезти с собой как можно больше византийских товаров (можно предположить, что они тратили на их приобретение всю или почти всю вырученную ими в столице монету), ⁴⁹ импорт отличался компактностью, и поэтому часть судов продавалась или же просто оставлялась на месте, предварительно освобожденная от уключин, такелажа, парусов и прочей экипировки.

Особенностью русско-византийских отношений было и то, что торговля в основном осуществлялась славянами. Как русские, так и иностранные источники говорят только о поездках в Русскую землю греческих послов. В них почти не встречается указаний о пребывании в Руси греков по своим торговым делам.⁵⁰ «Очень вероятно, — отмечал С.М. Соловьев, — что греки сами редко пускались на опасное плавание по Днепру через степи, довольствуясь продажей своих товаров русским купцам в Константинополе».⁵¹ По словам В.О. Ключевского, «византийские походы вызывались большей частью стремлением Руси поддержать или восстановить прерывавшиеся торговые сношения с Византией».⁵² В какой-то мере справедливость этого утверждения подтверждается и самим названием торгового пути — «из варяг в греки».⁵³

В IX в. торговая пассивность Византии объяснялась плачевным состоянием ее производственной базы. К началу русско-византийских контактов эта страна просто не имела достаточно ремесленных изделий для внешней торговли. До середины IX в. в Византии ощущалась нехватка значительной части того, что могло пойти на экспорт, даже для собственных нужд.⁵⁴

В дальнейшем, в условиях преимущественного развития государственного сектора византийской экономики, «только от государства, а не по каналам "частной" торговли могли быть получены наиболее ценные товары, драгоценные изделия и ткани. Колоссальная роль государственного производства сохранялась едва ли не до середины—конца XI в.».⁵⁵

Главным поставщиком произведений византийского художественного ремесла на заграничные рынки был Константинополь, где находились монетный двор, мастерские оружейников и ювелиров, императорские *гинекеи* — женские ткацкие мастерские, из которых выходили наиболее ценные сорта шелковых тканей и парчи; на государственных же предприятиях производились серебряные чаши для пиров, драгоценные сосуды, литургические предметы из металла, оружие, перегородчатые эмали на золоте, изделия из резной кости (ларцы, гребни), камни из драгоценных и полудрагоценных камней, стеклянная посуда, рукописи, иконы, дорогая кожа, пурпурная краска и т. д. Правительство Византии ограничивало или полностью запрещало продажу этих товаров иностранным купцам. Все они в руках византийских властей были средством решения задач дипломатии и большой политики. Продажа рабов, хлеба, вина, оливкового масла, соли и иных товаров первой необходимости также регламентировалась императорской казной.⁵⁶

Важно отметить, что в течение продолжительного времени значительная часть драгоценных византийских товаров доставалась Руси не только в результате товарообмена, но и в виде ежегодной дани. Так, в X в. вопрос о дани являлся постоянным источником русско-византийских военных конфликтов и важнейшей проблемой в ходе мирных переговоров.⁵⁷ Г.Г. Литаврин и В.Л. Янин также настаивают, что для Византии главным стимулом к развитию и укреплению связей с Древней Русью и предоставлению ей серьезных торговых льгот была не экономическая заинтересованность в русском импорте, а военная помощь со стороны русских, которая была особенно интенсивной в течение первых трех четвертей XI в.⁵⁸ Известный ученый-востоковед Ю.А. Петросян обращает внимание на сложившееся в исторической литературе мнение, что и в начале X в., «и в последующие годы Русь получала из Византии регулярную дань в качестве платы за соблюдение мира и военную помощь».⁵⁹

Наконец, Византия не имела торгового флота, способного реально участвовать в международной торговле. Власти уделяли внимание лишь развитию военного флота, коммерческие суда для них представляли интерес лишь постольку, поскольку их можно было использовать для военных целей. Таким образом, экономические условия не вели к развитию коммерческой инициативы византийского купечества. Неудивительно, что купеческая верхушка Византии выделялась и конституировалась очень медленно. Даже в X—XI вв. торгово-промышленные круги в этой стране были слабыми.

Вместе с тем было бы ошибкой говорить об отсутствии у Византии стремления к развитию торговых сношений с Русью. Именно на рубеже IX—X вв. в условиях промышленного подъема и стремительного роста городского населения (со второй половины IX в. до середины XI в. число жителей Константинополя увеличилось с 30—40 до 300—400 тыс. чел.) в Византии многократно возрос спрос на традиционные русские товары и одновременно появилась возможность удовлетворять растущий спрос Руси на греческие товары.

Неудивительно, что в X в. стремительно нарастал и расширялся русско-византийский обмен, отличавшийся взаимной заинтересованностью и отсутствием конкуренции.⁶³ Его интенсивность еще больше возросла после официального принятия Русью христианства (988—990). В XI — начале XII в. произошло дальнейшее расширение и упрочение двухсторонних торговых связей, становившихся все более разносторонними и интенсивными. Русские послы и купцы получили право проживать внутри стен самого Константинополя, где возникла их собственная колония — *эвол*. Они также получили право зимовать в византийской столице.⁶⁴

Несмотря на то что «торговля с Византией велась с пассивным балансом для русского ремесла»,⁶⁵ товарная номенклатура русского экспорта все время расширялась. К началу XIII в. в ее составе фигурировали не только традиционные меха, мед, воск, соленая белая («красная») рыба и паюсная икра, но также кожи, зерно, моржовая кость и художественные поделки из нее, лен-сырец, льняная пряжа и льняные изделия, шиферные пряслица, бронзовые кресты-энколпионы, писанки, железные замки и др.⁶⁶

Русь импортировала из Византии следующие товары: узорные шелковые ткани (камка, атлас, штоф, тафта, аксамит), парчовые ленты, сукно, бархат, сафьян, ковры, благородные и цветные металлы, металлоизделия (потиры, процессуальные кресты, диски), оружие, краски, предметы художественного ремесла (перегородчатые эмали на золоте, браслеты, бусы, камни из драгоценных и полудрагоценных камней, жемчужные ожерелья), дорогие сосуды, поливную, красноглиняную и полихромную керамику, церковную утварь (богослужбные книги, иконы, мозаика, раки мраморные, в которые клались мощи), резные мраморы, предназначавшиеся для декора храмовых интерьеров, стекло и стеклянную посуду, фаянс, драгоценные камни, пряности, мази, благовония, вина, деревянное (оливковое) масло, овощи, фрукты, пряности, хлеб (в голодные годы), соль и др.⁶⁷ Из Северного Причерноморья вывозились вино и оливковое масло в амфорах грушевидной формы, получивших на Руси название *корчаг*, миндаль, замки в виде фигурок животных.⁶⁸ Отдельные византийские товары пользовались спросом со стороны торгово-ремесленного населения: дешевая бронзовая посуда, стеклянные сосуды, поливная керамика, золотая тесьма, стеатитовые иконки и т. д.⁶⁹

К настоящему времени в исторической литературе преобладает мнение, будто с середины XII в. в Киевской Руси с нарастающей силой проявлялись признаки запустения, внешняя торговля Киева с восточными странами и Византией приходила в упадок и постепенно прекращалась.⁷⁰ Обычно это объясняется тем, что после смерти Ярослава Мудрого (1019—1054) торговлю подрывали непрерывные нападения на Русь новых степных соседей — половцев, «засорявших» торговые пути. «До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.), — подчеркивал В.О. Ключевский, — Русь еще с успехом отбивала половцев от своих границ и даже иногда удачно проникала в глубь половецких кочевий; но после этого деятельного Мономаховича ей, очевидно, становилось не под силу сдерживать половецкие нападения и она начала отступать перед ними. От этих нападений, разумеется, все более страдало сельское пограничное население, не прикрытое от врагов городскими стенами». С.М. Соловьев указывал на то, что «в 1166 году половцы засели в порогах и начали грабить *гречников*, т. е. купцов греческих или вообще купцов, производящих торговлю с Грецией». Князьям все чаще приходилось посылать войска, чтобы обеспечить свободное перемещение торговых лодок вверх и вниз по Днепру.⁷¹

Под ударами половцев к середине XII в. пало древнерусское княжество Тмутараканское, и, таким образом, Приазовская Русь прекратила свое политическое существование. Обезлюдели южная половина княжества Переяславского, южные окраины земли Киевской. Начала пустеть полоса по среднему Днепру и его притокам, издавна плотно заселенная. Одновременно подрывалось благосостояние тех классов, которые были связаны с внешней торговлей. Население покидало обжитые места и уходило в двух противоположных направлениях: на юго-запад, в Галицию, и на северо-восток, в землю Ростово-Суздальскую.

В.О. Ключевский полагал, что «отлив населения и торжество степных кочевников, закрывавших пути внешней торговли, главного источника богатства Киевской Руси, вели к обеднению Киева и его области, роняли цену киевского стола в глазах князей и таким образом лишали Киев его прежнего значения, как политического центра Русской земли». С.М. Соловьев тоже обращал внимание на то, что «Киев упал не вследствие одного татарского разгрома, упадок его начался гораздо прежде татар: вследствие отлива жизненных сил, с одной стороны, на северо-восток, с другой — на запад».⁷²

Важную причину упадка внешней торговли в XII в. многие авторы усматривают в перемещении мировых торговых путей и образовании новых центров мирового торгового движения.²² Так, по мнению В.В. Святловского, «не монгольское иго прекратило благосостояние и рост Древней Руси. Страна, развивавшаяся благодаря пролежавшим через нее большим торговым путям, зависевшая всецело от условий внешней торговли, упала только в силу происходивших изменений всей физиономии тогдашнего мирового рынка».²³ «В древности, — развивал ту же мысль С.Г. Пушкирев, — Русь была посредницей в торговых сношениях между азиатским, греческим и европейским мирами; но *крестовые походы* создали новый, более прямой путь сообщения Западной Европы с Азией, мимо Киева, через восточное побережье Средиземного моря. Главную роль в торговле между Европой и Азией начинают играть итальянские торговые города, особенно Венеция и Генуя, которые учреждают на Востоке свои фактории и овладевают средиземноморскими торговыми путями».²⁴

Действительно, после заключения в 1082 г. договора между Византией и Венецией львиная доля византийской морской торговли стала принадлежать венецианцам, которые со временем организовали ряд своих торговых баз, или *факторий*, в Крыму и Приазовье.²⁵ Начиналось проникновение итальянских купцов в Черное море, хотя следует отметить, что установление здесь их господствующего положения произошло не в конце XI — начале XII в., а в более поздний период. «О продолжавшейся заинтересованности Византии в связях с Северным Причерноморьем, — отмечает В.М. Потин, — свидетельствует текст привилегии 1170 г., выданной генуэзцам, в которой повторялось ограничение 1159 г., гласившее, что для посещения Матрахи (Тмутаракани) и Руси (*Russia*) в устье Азовского моря потребуется каждый раз специальное разрешение».²⁶ Предположительно уже в XII в. торговые и политические интересы генуэзцев и венецианцев в Северном Причерноморье сталкивались с интересами киевской общины. Если это так, то нельзя исключить злонамеренного участия итальянцев в нарушении прямого торгового сообщения Руси с Царьградом.

Одновременно Византийская империя постепенно склонялась к своему упадку. Взятие же крестоносцами Константинополя и основание на месте греческой Византии *Латинской империи* (в 1204 г.), по мнению некоторых авторов, «окончательно парализовало киевско-византийскую торговлю»,²⁷ «означало полный конец киевской черноморской торговли»,²⁸ «принудило русских, вследствие их религиозных убеждений, избегать всяких прямых сношений с Константинополем».²⁹ Русская торговля стала перемещаться на западные рынки.³⁰

По-видимому, еще одна причина ослабления прямого товарообмена с Византией могла корениться в снижении значения даней как основного источника и экономической основы днепровской торговли Киева в X—XI вв.

В.О. Ключевский также настаивал, что к упадку Киева и днепровской торговли вели непрекращающиеся междоусобицы, усиление владельческих отношений, хищническая борьба князей за рабочие руки. В связи с этим он особо подчеркивал разрушительную роль «рабовладельческих отношений», достигших, по его мнению, к середине XII в. «громadных размеров»: рабовладельческие понятия и привычки древнерусских землевладельцев стали переноситься на отношения последних к вольным рабочим и крестьянам, несмотря на то что этот порядок не имел опоры в низших классах.³¹ Впрочем, справедливость этих выводов известного историка вызывает возражения. Так, И.Я. Фроянов, признавая тот факт, что древнерусская вотчина в XI—XII вв. базировалась в основном на рабском и полусвободном труде, доказывает, что вотчины в то время «выглядели подобно островкам, затерянным в море свободного крестьянского землевладения и хозяйства, господствовавшего в экономике Киевской Руси».³²

Могущество киевской общины подрывалось ее постоянными столкновениями с черниговцами. Раздоры киевских и черниговских князей были тесно связаны с межволостной борьбой, в которой на стороне черниговцев нередко выступали половцы. В постоянных междоусобицах больше всего доставалось купцам. Н.Я. Аристов в связи с этим указывал, что купцов из неприятельской земли «точас сажали в погреб и грабили их товары. Чтобы довести до крайности враждебную область, загораживали пути сообщения и не пускали туда торговцев».³³

Единство самой Киевской волости подтачивалось нараставшими центробежными процессами: киевские пригороды в борьбе со старшим городом добились известной автономии от киевской общины (Вышгород) и даже государственной независимости (Туров). Соперничавшие князья в середине XII в.

порой поднимали политическое значение Вышгорода до уровня Киева. Стольный город неоднократно становился легкой добычей завистливых и властолюбивых соседей. В 1169 г. войска Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского (1157—1174) взяли Киев приступом и разграбили его. До тех пор князь, признававшийся старшим среди родичей, обыкновенно переезжал в Киев. «Андрей, — по словам В.О. Ключевского, — впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей суздальской области и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда».⁸⁴ В 1203 г. город был снова разграблен смоленско-чернигово-половецкой коалицией, в 1235 г. взят еще раз черниговцами в союзе с половцами. Монгольские завоеватели в 1240 г. лишь довершили разорение великого города. Проезжавший в 1246 г. через Южную Русь на восток миссионер Плано Карпини засвидетельствовал в Киеве не более 200 домов.⁸⁵

Соглашаясь с мнением о кризисном состоянии торгового пути «из варяг в греки» в XII — начале XIII в., мы все же считаем ошибочным суждение о полном прекращении русско-византийских торговых связей к началу монгольского нашествия на Русскую землю. Известно, что после образования в 1099 г. Иерусалимского королевства усилилось паломническое движение русских через Константинополь в Палестину (почти до конца XII в.). При этом паломники нередко выполняли функции мелких розничных торговцев.⁸⁶ Одновременно в XI—XII вв. происходило увеличение вывоза из Византии художественной утвари и шелковых тканей высокого качества.⁸⁷ Имеются свидетельства, что торговые, культурные и духовные связи Киева с Константинополем продолжали поддерживаться даже в условиях ордынского ига.

Особенностью русско-византийских отношений в XIII в. стало то, что прямой товарообмен русских и греков в значительной степени оказался разорванным посредничеством итальянцев. Торговля на Черном и Азовском морях в это время в основном сосредоточилась в руках венецианцев и генуэзцев, продолжавших обменивать товары юго-восточных стран на товары северо-восточные, минуя Киев. Более того, византийские мануфактуры постепенно переходили к ним и работали уже в интересах итальянских торговых домов.⁸⁸

Вероятно, что еще до монгольского нашествия венецианцы основали при впадении Дона в Азовское море г. Орной (Тана, Азов), а на южном берегу Крыма — г. Солдая (Судак). В последней трети XIII в. серьезную конкуренцию им составили генуэзцы, которым удалось вытеснить венецианцев из Византии и основать в Крыму г. Кафа (Феодосия).⁸⁹ «Хотя, — уточнял Г.В. Вернадский, — и нет свидетельств о существовании таких факторий в домонгольский период, но генуэзские и венецианские купцы, должно быть, посещали крымские порты задолго до 1237 г. Поскольку их также посещали и русские купцы, была очевидная возможность некоторых контактов между русскими и итальянцами в Причерноморье и Приазовье даже в домонгольский период».⁹⁰ По мнению же А.П. Новосельцева, русские не только посещали Крым, но и проживали в Судак и других портовых городах Северного Причерноморья, составляя значительную часть их населения. Русское влияние в Крыму стало еще более заметным с прекращением политического существования Тмутараканского княжества. В XII—XIII вв. Судак служил для русских купцов важным складочным местом и транзитным пунктом торговли с Трапезундом и всей Малой Азией, а также с Арменией и Персией.⁹¹

Генуэзские и венецианские купцы продолжали торговать и при монголах, уплачивая им дань. Их позиции и влияние сохранялись вплоть до турецкого завоевания Крыма в конце XV в.⁹² Русь получала от итальянцев шелковые материи, парчи, краски, пряные корни, жемчуг, золото, серебро, холсты, соль, снабжая их в свою очередь мехами, воском, кожами, моржовой костью и другими товарами.⁹³

Нельзя обойти молчанием и тот факт, что «массовый исход» населения из Южной Руси в X—XII вв. не привел к ее экономическому упадку и запустению. Согласно археологической карте древнерусских поселений Среднего Поднепровья, которая содержит данные о более чем 500 городищах и селищах X—XIII вв., около половины из них датируется XII—XIII вв., т. е. «никакого упадка или торможения производительных сил в Южной Руси в XII—XIII вв. не было».⁹⁴ Перед нашествием Батые численность населения Киева составляла 37—45 тыс. чел.; новгородцев в первой трети XIII в. не могло быть больше 30—35-ти, а в столицах других городских областей проживало от 20 до 30 тыс. чел.⁹⁵

Примечания

¹ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 241; Седов В.В. Путь «из варяг в греки». С. 134.

2. *Клинге М.* Мир Балтики. Кеуруу, 1995. С. 7.
3. Повесть временных лет. С. 8—9.
4. Переход от Ловати к Днепру совершался по системе рек: Серезе, Желне, Торопе, части Западной Двины, Каспли, Касплинскому озеру, откуда начинался волок до Днепра в районе Смоленска (*Соловьев С.М.* Соч. Кн. 1. С. 62, 241; *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910. С. 46—47).
5. *Брим В.А.* Путь из варяг в греки. С. 213—219, 232; *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. С. 286; *Бернштейн-Коган С.В.* Путь из варяг в греки // Вопросы географии. М., 1950. № 20. С. 246—252, 259—260, 266—267; *Алексеев К.В.* Полоцкая земля... С. 83, 84, 108; *Рыбина Е.А.* Археологические очерки... С. 20—21. В.А. Брим и Г.В. Вернадский допускали неточность, полагая, что первые скандинавы проникали на Русь не по невшскому пути, а по западно-двинскому, поскольку это могло произойти лишь во второй половине IX в. Тем не менее реальность Западно-Двинского участка пути «из варяг в греки» в период активных русско-византийских контактов (X—XII вв.) не может вызывать сомнений.
6. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей... С. 49; *Хвольсон Д.А.* Известия о Хозарах... С. 159; *Ключевский В.О.* Соч. Т. 1. С. 140; *Новосельцев А.П.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384; *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 137, 139; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 23; *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus. 750—1200. London; New York, 1996. P. 42, 43. При этом Г.Г. Литаврин допускает, что пошлину с русов херсонита «могли брать лишь на рынках самого их города» (*Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 143). По мнению же Н. Велихановой и Ю.А. Петросяна, Хордадбех повествовал о торговых экспедициях русов к прибрежным городам Средиземного моря и потому имел в виду не Херсонес или Боспор, а торговую гавань Константинополя, где и взималась «десятина» (*Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Перевод с арабского, коммент., исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку, 1986. С. 41, 124; *Петросян Ю.А.* Русские на берегах Босфора: (Исторические очерки). СПб., 1998. С. 38).
7. *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. С. 370—371.
8. *Литаврин Г.Г., Янин В.Л.* Некоторые проблемы... С. 34.
9. *Ключевский В.О.* Соч. Т. 1. С. 157.
10. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980. С. 304.
11. *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 31. Последнее военное столкновение Руси с Византией произошло в 1043 г.
12. Там же.
13. *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 29. Эта точка зрения высказывается и в современной литературе. Так, полагая, что торговля с греками «имела гораздо большее значение для Древнерусского государства, чем для самой Византии», Г.Г. Литаврин и В.Л. Янин указывают на неизменное стремление русских принуждать империю к заключению двухсторонних торговых договоров на все более выгодных условиях (*Литаврин Г.Г., Янин В.Л.* Некоторые проблемы... С. 33, 36—37, 39, 40).
14. *Кулишер И.М.* История... С. 21.
15. *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 1. С. 242.
16. *Ключевский В.О.* Соч. Т. 1. С. 168. О торговле Руси с Византией в XI—XII вв. прямых свидетельств сохранилось меньше, однако в летописях этого периода упоминаются русские купцы, «торгующие с Грецией» (*гречники*). (*Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 374). В сочинении В.А. Бутенко «гречниками» называются греческие купцы, торгующие в Киеве (*Бутенко В.А.* Краткий очерк... С. 6).
17. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 137. Византия также предоставляла существенные таможенные льготы в обмен за оказанную ей военную помощь или другие значительные услуги: «пошлина устанавливалась при этом не на уровне десятины (10% от цены товара), октавы (12.5%) или додекатона (8.33%), а в размере 4%, 3% и 2%» (Там же. С. 134, 137).
18. См.: ПРП. М., 1952. Вып. 1. С. 64—66; *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 309—323. По-видимому, сумма дани и число кораблей были преувеличены летописцем.

- ¹⁹. См. напр.: *Покровский В.* История... С. 565; *Святловский В.В.* Прimitивно-торговое государство... С. 190. Несмотря на то что это мнение принадлежит к числу широко распространенных в отечественной историографии, в отдельных случаях подлинность положения договора 907 г. о праве русов беспощадно торговать на рынках Константинополя ставится под сомнение. Р.Г. Скрынников даже называет его вставкой летописца XII в. (*Скрынников Р.Г.* Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // ВИ. 1997. № 8. С. 12).
- ²⁰. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 148. Уплатив десятину на границе, импортер избавлялся от дальнейшей фискальной ответственности. Ему лишь надлежало предъявить сборщику на византийском рынке особый таможенный документ — квитанцию (*аподиксис*) (Там же).
- ²¹. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 90.
- ²². *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 36.
- ²³. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 133, 144, 145, 150, 153.
- ²⁴. См.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 323—330.
- ²⁵. *Кулишер И.М.* История... С. 18. *Номисмы* или *солиды* — золотые византийские монеты.
- ²⁶. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 106—107, 114—130. Пригород получил свое название от монастыря, основанного на северном берегу Золотого Рога в честь великомученика Маманда в начале V в. (Там же. С. 129—130).
- ²⁷. Там же. С. 107, 117.
- ²⁸. ПРП. Вып. 1. С. 32, 37, 43—44; История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 124. В договоре 944 г. различаются три разряда гостей: «киевские», «черниговские» и «перемышльские». На этом основании П.П. Мельгунов делал вывод, что в середине X в. центрами русской торговли, ориентированными на Византию, были эти три города (*Мельгунов П.П.* Очерки... С. 9). Принципиально расходясь с этим мнением, Р.Г. Скрынников не только утверждает, что в 944 г. «послы от русских городов никак не могли предъявить грекам княжеские грамоты за отсутствием письменности, а послы от Переяславля вообще не имели возможности путешествовать куда бы то ни было, так как Переяславль еще не существовал», но и вообще ставит под сомнение историческую достоверность положений договора, закреплявших правовое положение русских в Константинополе. Он называет их вставками, которые могли появиться никак не ранее XI в. (*Скрынников Р.Г.* Древняя Русь... С. 11). Г.Г. Литаврин акцентирует внимание на том, что еще до принятия христианства на Руси существовала деловая славянская письменность. Он говорит о возможности как перевода договоров X в. на старославянский «одновременно с их заключением», так и составления самостоятельной (древнерусской) версии, затем сверенной с греческой (*Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 129).
- ²⁹. По мнению Г.Г. Литаврина, запрет зимовать в устье Днепра был продиктован опасениями со стороны византийцев конкуренции, которую русские рыбаки и добытчики соли могли составить херсонитам, если бы стали здесь постоянными поселенцами (*Литаврин Г.Г.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 73).
- ³⁰. *Паволоки*, вывозимые русами из Византии, были настолько ценным товаром, что ими (кусками шелковой ткани) определялась стоимость других товаров, например рабов. Из договора 944 г. следует, что стоимость паволоки составляла 5 *номисм*. Как правило, за одного раба давали четыре куса шелка или 20 золотых. Выкупная стоимость пленника (русина или гречина) составляла от 5 до 10 золотых монет в зависимости от возраста. За *челядина*, бежавшего из квартала св. Маманда, грекам надлежало уплатить две паволоки или 10 *номисм* — не рыночную, а «обменную», половинную цену для рабов, бежавших от хозяев (ПРП. Вып. 1. С. 32, 33, 38, 44, 45; *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М., 1989. Т. 2, ч. 2. Стб. 855—856; *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 110, 133).
- ³¹. ПРП. Вып. 1. С. 32, 37. *Златник* — русское название *номисмы*.
- ³². *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 151—153.
- ³³. ПРП. 1952. Вып. 1. С. 31, 37. Власти Византии опасались «появления у берегов империи (что, по всей вероятности, многократно имело место) "под прикрытием" торговых караванов неучтенных, "диких" ладей с искателями добычи, за которых правительство Руси не хотело нести ответственность» (*Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 118).
- ³⁴. *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 28.

³⁵. Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 312.

³⁶. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 134—153. Тем не менее в литературе продолжает высказываться мнение, будто по договору 944 г., в отличие от договора 911 г., все торговые сделки русских в Константинополе «должны были облагаться пошлиной» (Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора. С. 52—53).

³⁷. Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 37—39; Литаврин Г.Г. Древняя Русь... С. 66—67. Освобождение от уплаты пошлин рассматривалось византийцами как очень серьезная привилегия и предоставлялось либо за оказание значительных военных услуг империи, либо под давлением превосходящих военных сил. Венецианские купцы пользовались правом беспошлинной торговли в Византии лишь с 1082 г. до начала XIV в. (Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 134, 138).

³⁸. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 45—51, 291—332.

³⁹. По всей видимости, русские суда X—XII вв., обеспечивавшие торговлю с Византией, не были «однодеревками». Монолитный ствол (по определению Константина — *monoxila*) служил лишь килевой частью или основанием, на котором из тяжелых дубовых досок возвышалась сама «моноксила» длиной 15—20 м. При этом большая торговая ладья, поднимаемая 20 человек экипажа, способна была перевозить груз массой более 2 т, а малая — более 1 т (Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 108—109).

⁴⁰. См.: Литаврин Г.Г. 1) О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии: (Предварительные замечания) // Византийские очерки. М., 1991. С. 76—77; 2) Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус // Византийский временник. М., 1993. Т. 54. С. 84—87; 3) Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 105—130. Первоначально Г.Г. Литаврин придерживался общепринятой точки зрения (см.: Литаврин Г.Г. Древняя Русь... С. 62—76).

⁴¹. Русско-печенежская конфронтация началась после 915 г., когда печенеги впервые явились на Русь. Совершая мелкие грабительские набеги, степняки причиняли всяческий ущерб местному населению, уводили в рабство женщин и детей. В 968 г. огромная печенежская рать пришла к самому Киеву и окружила город. С этого времени вторжения кочевников в пределы Киевской земли приобрели регулярный разрушительный характер, достигнув своего предела в конце X — начале XI в. Так продолжалось до 1036 г., когда степняки потерпели сокрушительное поражение под стенами Киева (см.: Фроянов И.Я. Рабство и данничество... С. 202—215).

⁴². Брим В.А. Путь из варяг в греки. С. 246.

⁴³. Литаврин Г.Г. Древняя Русь... С. 73.

⁴⁴. Там же. С. 72—73.

⁴⁵. Там же. С. 63—67; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 143. По предположению Г.Г. Литаврина, за летний сезон двумя флотилиями в Византию прибывало 1000—1500 чел. Из них лишь третья часть проживала в квартале св. Маманда, где могли одновременно размещаться несколько сот человек (Там же. С. 107, 115, 118—120).

⁴⁶. Гавань св. Маманда была императорской (казенной), и поэтому русам ничего не надо было платить за стоянку своих ладей (Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 128).

⁴⁷. Там же. С. 119—120, 128. Говоря о том, что торговля привозными товарами — мехами, рыбой, кожей, льном, рабами — подвергалась строжайшей регламентации и носила оптовый характер, Г.Г. Литаврин ранее подчеркивал, что их закупка производилась византийскими торговыми корпорациями «не на самом рынке в столице, а прямо в тех помещениях, где размещали иноземных торговцев» (Литаврин Г.Г. Древняя Русь... С. 66).

⁴⁸. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 124, 127. В X в. иностранцы не могли останавливаться в Константинополе на срок более трех месяцев. Нарушителей «ожидали конфискация, избивание, позорящая стрижка волос; не проданный за три месяца товар мог быть насильственно распродан властями, а его хозяин выслан из города» (Там же. С. 122—123).

⁴⁹. Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 36.

⁵⁰. Кулишер И.М. История... С. 27; Гагемейстер Ю.А. О финансах древней России. СПб., 1833. С. 207. Напротив, П.П. Мельгунов утверждал, что греческие купцы часто приезжали в Киев и гостили там, занимаясь распродажей своих товаров (Мельгунов П.Л. Очерки... С. 38).

- ^{51.} Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 41. Впрочем, С.М. Соловьев писал и о том, что русские князья с многочисленными дружинами выходили навстречу к греческим купцам и провожали их до Киева, оберегая от степняков (Там же. Кн. 1. С. 507—508, 647—648).
- ^{52.} Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 168.
- ^{53.} Возражая норманистам — сторонникам *норманской теории*, Б.А. Рыбаков обращал внимание на то, что автор Повести временных лет прочертил торговый путь только в одном направлении: из Византии через всю Русь на север, к шведам. Поэтому он выступает за присвоение Днепровскому пути нового названия: «из грек в варяги». В.П. Даркевич указывает, что поставщиками на Русь византийских товаров выступали Херсонес и до XII в. Тмутаракань. При этом Херсонес сносился с Киевом не только обычным «греческим путем», но и степью, через Перекоп и вверх по Днепру (Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 294; Даркевич В.П. Международные связи. С. 395).
- ^{54.} См.: Курбатов Г.Л. Византия и Русь в IX—X вв. // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 214—223.
- ^{55.} Там же. С. 226.
- ^{56.} Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство... С. 187—188; Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 37; Даркевич В.П. Международные связи. С. 394; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 144. Византийцев, осмелившихся нарушать установленные правила торговли, ожидало суровое наказание (Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 37).
- ^{57.} Курбатов Г.Л. Византия и Русь... С. 226; Сахаров А.Н. Русско-византийский договор 907 г.: Реальность или вымысел летописца? // ВИ. 1978. № 2. С. 112.
- ^{58.} Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 40—43; Литаврин Г.Г. Древняя Русь... С. 65.
- ^{59.} Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора. С. 45.
- ^{60.} Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство... С. 190—191; Курбатов Г.Л. Византия и Русь... С. 227—229.
- ^{61.} Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 39, 42; Литаврин Г.Г. Древняя Русь... С. 64.
- ^{62.} Рыбаков Б.А. Ремесло... С. 474.
- ^{63.} Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 36; Даркевич В.П. Международные связи. С. 395; Литаврин Г.Г. 1) Древняя Русь... С. 64, 66; 2) Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 110—113.
- ^{64.} См.: Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 207; Аристов Н. Промышленность... С. 154—156, 184, 185; Энгельман И. История торговли... С. 117; Покровский В. История... С. 563; Мельгунов П.П. Очерки... С. 41—43; Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство... С. 185—188; Хромов П.А. Очерки экономики... С. 228—229; Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 35; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси... С. 85; Даркевич В.П. Международные связи. С. 393—395; Древняя Русь. Быт и культура. С. 36—37; Riasanovsky N.V. A History of Russia. P. 47 и др. Еще до новой эры греки продавали в Скифию «текстиль, вино, оливковое масло и различные предметы искусства и роскоши». В первые века новой эры греческие города в Северном Причерноморье не утратили своей роли связующего звена в торговле стран Средиземноморского бассейна с Евразией. В этом смысле они были предшественниками генуэзских и венецианских городов на Черном море, игравших ту же роль в XIII—XV вв. Боспорское же царство на Керченском проливе, просуществовавшее до VI в. н. э., «было предшественником русского владычества в Тьмутаракани с IX по XI столетие н.э.» (см.: Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 75—77).
- ^{65.} Рыбина Е.А. Археологические очерки... С. 27—29; Даркевич В.П. Международные связи. С. 394; Древняя Русь. Быт и культура. С. 33—36; Латышева Г.П. Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1959—1960 гг. в Московском Кремле) // Древности Московского Кремля / Отв. ред. Н.Н. Воронин, М.Г. Рабиновичам., 1971. С. 217—220.
- ^{66.} Даркевич В.П. Международные связи. С. 399. Долгое время в литературе господствовало представление, что импортные товары оседали исключительно в городах и усадьбах «и дальше феодальной верхушки общества не шли» (см.: Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. С. 316, 326).
- ^{67.} См.: Погодин М.И. Исследования... Т. 3. С. 261; Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 111; Любавский М.К. Лекции... С. 114; Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 42; Бутенко В.А. Краткий очерк... С. 9; Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. С. 318; Литаврин Г.Г., Янин В.Л. Некоторые проблемы... С. 42; Седов В.В. Путь «из варяг в греки». С. 136.

- ⁶⁸. *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 52.
- ⁶⁹. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 1. С. 507—509, 647—648.
- ⁷⁰. *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 52.
- ⁷¹. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 541. П.П. Мельгунов тоже отмечал, что по причине половецких нападений страна приходила в «крайнее разорение», а народ из опустошенных городов и сел вынужденно уходил «с блаженного юга <...> на далекий, негостеприимный север» (*Мельгунов П.П.* Очерки... С. 55).
- ⁷². См.: *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 112; *Пушкарев С.Г.* Обзор... С. 43; *Хромов П.А.* Очерки... С. 230.
- ⁷³. *Святловский В.В.* Прimitивно-торговое государство... С. 296—297.
- ⁷⁴. *Пушкарев С.Г.* Обзор... С. 43—44. В одной из своих работ Б.А. Рыбаков настаивал на том, что «вплоть до самых крестовых походов (1096—1270 гг. — *М.Ш.*) Киев не утратил своего значения важного торгового центра Европы» (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 330).
- ⁷⁵. *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 237, 368.
- ⁷⁶. *Потин В.М.* 1) Причины... С. 86; 2) Древняя Русь... С. 74.
- ⁷⁷. *Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути. С. 318; *Хромов П.А.* Очерки экономики... С. 230. Действительно, в 1204 г. участники четвертого крестового похода, захватив Константинополь, превратили его в столицу Латинской империи (1204—1261). Однако вряд ли можно согласиться с тем, что это «прервало все торговые и культурные связи Киева с Константинополем» (см.: *Пушкарев С.Г.* Обзор... С. 44).
- ⁷⁸. *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 131.
- ⁷⁹. *Энгельман И.* История торговли... С. 118.
- ⁸⁰. *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 13. «Сухопутная торговля с Богемией и центральной Германией через Галич частично возместила византийскую торговлю в киевской экономике двенадцатого и начала тринадцатого веков. Теперь другие региональные центры и торговые пути вышли на передний план: в Смоленске и Новгороде процветала балтийская торговля; Рязань и Суздаль пытались расширить свою торговлю с Востоком через посредничество волжских булгар и половцев» (Там же. С. 237).
- ⁸¹. См.: *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 50—51.
- ⁸². *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. С. 158.
- ⁸³. *Аристов Н.* Промышленность... С. 253.
- ⁸⁴. *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 59.
- ⁸⁵. См.: *Пушкарев С.Г.* Обзор... С. 42.
- ⁸⁶. См.: *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 391.
- ⁸⁷. Там же. С. 394.
- ⁸⁸. *Михайлов М.М.* Торговое право: Лекции. СПб., 1860. Вып. 1. С. 35, 40, 48, 49; *Никольский С.* О внешних таможенных пошлинах. М., 1865 С. 45; *Энгельман И.* История торговли... С. 97—98, 116—120, 271; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 109—110; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 48; *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. Т. 1. С. 147. Начиная с VII в. византийцы избегали активного участия в международной торговле. С конца X в. их посредническая роль в торговле с Западом перешла к городам Италии (*Курбатов Г.Л.* Византия и Русь... С. 214—215).
- ⁸⁹. *Михайлов М.М.* Торговое право... С. 40; *Энгельман И.* История торговли... С. 121; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 48—49; *Бутенко В.А.* Краткий очерк... С. 20. Венецианцы проявили себя деятельными участниками крестовых походов и были причастны к созданию Латинской империи. За это они получили право жить в Константинополе и имели беспошлинную торговлю в Черном море, вытеснив оттуда генуэзцев и других конкурентов. Затем ситуация переменилась: в 1261 г. генуэзцы помогли грекам восстановить византийскую государственность, что позволило им не

только укрепиться в Константинополе, но и установить свое господство в Черном и Азовском морях (Энгельман И. История торговли... С. 98, 116, 120—122; Мельгунов П.П. Очерки... С. 127).

^{90.} Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 368.

^{91.} Новосельцев А.П., Пауто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси... С. 107—108.

^{92.} Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 3. С. 10.

^{93.} Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 211; Бутенко В.А. Краткий очерк... С. 20.

^{94.} Толочко П.П. Южная Русь: некоторые проблемы и перспективы историко-археологического изучения // Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 193.

^{95.} См.: Куза А.В. Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 65.

1.4. Денежное обращение. Ростовщичество. Зарождение таможенной политики

Письменные источники X—XIII вв. позволяют составить лишь весьма приблизительное, схематичное представление о финансовой системе Древней Руси. В частности, они свидетельствуют об участии в денежном обращении серебряных монет, которые назывались *кунами*, и о том, что в основе денежно-весовой системы лежала *гривна*, служившая всеобщим мерилom стоимости: все оскорбления чести, членовредительство, побои и покушения на физическую неприкосновенность, имевшие место в быту, карались штрафами и вознаграждениями в пользу князя и частных лиц, которые определялись известной системой *гривен кун*. Согласно «Краткой правде» (основной законодательный источник XI в.), 1 гривна = 20 ногат = 25 кун = 50 резан. «Пространная правда» (XII в.) зафиксировала иное соотношение мелких денежных единиц с гривной: 1 гривна = 20 ногат = 50 кун (резана уже не упоминается). На основании письменных источников в литературе также сложилось мнение, что 1 *векиа* (*веверица*) — 1/100 гривны, 1 гривна серебра = 1/10 часть гривны золота и т. д.¹

Несмотря на то что в литературе продолжают высказываться характерные для дореволюционной историографии предположения о всеобщем применении в течение IX—XII вв. русской истории шкурок белок и куниц в виде товаро-денег,² данные археологии и нумизматики подтверждают сведения об обращении на территории Древней Руси серебра в виде как иноземной, так отчасти и русской монеты.³ Это позволяет предположить, что еще в древности восточные славяне были знакомы с римскими серебряными *денариями* (*динариями*), которые могли выполнять различные денежные функции. Со временем фонд римских монет истощился. Наступил затяжной «безмонетный период», который продолжался до появления на Руси в начале IX в. первых арабских *дирхемов*. Если отдельные римские монеты еще обнаруживаются в позднейших кладах восточного серебра, то «вовсе неизвестны римские клады с отдельными восточными монетами».⁴ На этом основании в литературе уже ставилась под сомнение «беспорность» связи весовых систем Киевской Руси с весовыми системами славян Поднепровья и Поднестровья первых веков нашей эры.⁵

По мнению И.Г. Спасского, В.Л. Янина, А.Л. Монгайта и некоторых других авторов, приток восточной или *куфической монеты* на Русь начался в конце VIII в.⁶ Так, В.Л. Янин относит начало массового притока дирхемов к концу VIII — первой трети IX в., объясняя это тем, что экономика восточного славянства в то время испытывала острую потребность в металлических знаках обращения, а А.Л. Монгайт — даже к более раннему времени.⁷ В.В. Кропоткин ставит под сомнение этот вывод, обращая внимание на то, что даже на территории Хазарского каганата наиболее ранние клады дирхемов «относятся к рубежу и самому началу IX в.». По его словам, проникновение куфической монеты в Восточную Европу началось лишь в IX в.,⁸ поскольку само товарное производство и развитое денежное обращение у славян получили развитие не ранее IX—X вв.⁹

«Дирхемы, приходившие в русское обращение с Востока, — отмечал И.Г. Спасский, — чеканились на огромной территории — во множестве городов Средней Азии, Ирана, Закавказья, Месопотамии и Малой Азии, на африканских берегах Средиземного моря и даже в арабской части Испании. В течение

двухвекового непрерывного притока их на Русь имели место различные династические перемены и политические перегруппировки на Востоке, происходил распад Халифата, возникали новые государства, что сказывалось и на вновь выпускавшейся монете. По именам приходивших к власти династий различают группы *омайядских*, *аббасидских*, *саманидских*, *бувейхидских* дирхемов и многие другие». ¹⁰ По мнению А.Л. Монгайта, встречающиеся большие колебания в весе дирхемов объясняются не только чеканкой их на разных монетных дворах, разными правителями, но главным образом принятым в средние века методом чеканки «*al marco*», когда за основу принимался средний вес монет целого выпуска. ¹¹ Конечным потребителем куфической монеты являлся Балтийский регион. Достаточно сказать, что на территории Швеции к настоящему времени обнаружено не менее 80 000 восточных монет, из них 40 000 — на острове Готланд. ¹²

Вместе с дирхемами на Русь попадали единичные экземпляры серебряных *драхм* сасанидских царей Ирана IV—VII вв. ¹³ В X в. монетные дворы в Булгаре и Суваре осуществляли подражательную чеканку дирхемов. ¹⁴ По-видимому, еще один центр подражательной чеканки дирхемов находился где-то на территории Хазарского каганата. ¹⁵

X век был периодом расцвета культуры арабских государств, связанных торговлей с Русью, наибольшего распространения на Руси куфической монеты. Однако уже в последней трети X в. распространение дирхемов в русских землях заметно пошло на убыль в связи с ослаблением, а затем полным прекращением их притока из стран Халифата. ¹⁶ По мнению В.Л. Янина и В.П. Даркевича, кризис восточного серебра, начавшийся еще во второй трети X в., в первую очередь был вызван исчерпанием серебряных рудников в Средней Азии. ¹⁷ К 964 г. обращение дирхема в южнорусских областях в основном прекратилось. ¹⁸ В северной же полосе от Волги до Прибалтики обращение дирхемов сохранялось до начала XI в., после чего сомкнулось с приходившими им на смену западноевропейскими монетами — *денариями*. ¹⁹

В XI в. чеканка серебряной монеты на Востоке почти повсеместно прекратилась: «...ее место в обращении заняла имевшая кредитный характер (только для внутреннего обращения) медная монета и золото». ²⁰ Кризис восточного серебра явился причиной ослабления дальних торговых связей Киевской Руси.

Реконструируя систему денежного обращения Древней Руси, И.Г. Спасский поддерживал вывод, сформулированный еще в дореволюционной историографии, о том, что дирхем выступал в роли реальной платежной единицы. Одновременно он оспаривал мнение, будто восточные деньги представляли собой лишь одну из форм измельченного серебра «и что платежи серебром-монетой производились только по весу». ²¹ Справедливость своих выводов он подтверждал находками в древних кладках весов и гирек, предназначенных для проверки массы монеты, а не для отвешивания ее. ²² В этой связи И.Э. Клейнбергер указывал, что вследствие непостоянного веса дирхемов их рационально было принимать с проверкой взвешиванием на весах, мало чем отличавшихся от современных ручных аптекарских весов. ²³ В.Л. Янин убежден, что привозные дирхемы выполняли основные функции денег, обеспечивая внутреннее товарное обращение. ²⁴ С этим соглашается и В.М. Потин, который стремится доказать, что «основной причиной притока куфических монет в Восточную Европу были потребности внутренней торговли и ремесла». ²⁵ А.Л. Монгайт лишь допускал, что масса дирхема легла в основу русской денежной системы — *куны Правды Русской*. ²⁶ По мнению же В.П. Даркевича, дирхемы выступали не только платежной, но и материальной ценностью, принимаемой на вес. ²⁷

Догадка о том, что «куны» Древней Руси — это дирхемы, и сменившие их денарии, и русские сребреники первой чеканки, высказывалась еще в дореволюционной литературе И.Е. Забелиным, а затем была поддержана и развита А.И. Черепниным, Н.П. Бауэром, Б.А. Романовым, И.Г. Спасским и некоторыми другими авторами. ²⁸ При этом само происхождение летописного термина «куна» по-прежнему остается загадкой. Так, для одних авторов слова древнерусского языка «кунолюбие» и «сребролюбие» являются синонимами. С точки зрения И.Г. Спасского, древнейшее общеславянское название монеты созвучно слову *coin*. Так называются монеты в английском и французском языках со значением «чекан», «штемпель» (в поздней латыни *синеус* — кованный, сделанный из металла). Возможно, что в связи с обращением римских денариев латинский термин перешел и в славянские языки, надолго закрепившись в них в общем значении «деньги». ²⁹ Однако в отечественной историографии продолжает преобладать мнение о том, что термин «куна» — денежная единица — восходит к названию пушного зверька, а само его возникновение объясняется практикой употребления кунных мехов в качестве платежного средства в глубокой древности. ³⁰ Именно по этой причине, полагал

Б.А. Романов, дирхем, постоянно составлявший эквивалент шкурки куницы, стал называться «куной», а четвертая или, быть может, даже меньшая часть дирхема — «вверицей» или, позже, «векшей».³¹

А.Л. Монгайт вообще ставил под сомнение тот тезис, что монеты, обнаруженные в кладах VIII—XII вв., служили средством внутреннего обращения. Он не без оснований утверждал, что в VIII—X вв. в Древней Руси еще не было развитого общественного разделения труда, город не успел отделиться от деревни, товарно-денежные отношения не получили должного развития. Даже в I—XI вв., когда возникли города с развитыми ремесленными посадами, «экономическая противоположность города и деревни едва выходила из зачаточного состояния». Таким образом, по мнению А.Л. Монгайта, приток восточной серебряной монеты вызывался потребностями не столько денежного обращения (среди находок почти полностью отсутствуют стертые монеты; факты обнаружения денег в крупных кладах тоже свидетельствуют о концентрации денег у отдельных держателей), сколько ремесленничества (в X—XI вв. наступил расцвет массового производства серебряных украшений). Серебро также могло служить мерой цен в простой меновой торговле.³² Это мнение в целом разделяет и В.П. Даркевич. Характеризуя экономику Киевской Руси в IX—X вв. как потребительскую, он также говорит о полном господстве в тот период времени натурального хозяйства, крайне низком уровне товарного производства, преобладании работы на заказ, а не на рыночный сбыт. Значительная часть дирхемов выводилась из оборота, оседая в кладах и находя применение в качестве ювелирного сырья.³³

В.Л. Янин первым обратил внимание на то, что в кладах аббасидских дирхемов первой трети IX в. преобладают монеты, чеканенные в африканских центрах Халифата. Масса этих дирхемов обычно составляет 2.73 г. (с 30-х гг. IX в. стали распространяться дирхемы азиатской чеканки массой около 2.85 г). «Указанное обстоятельство, — отмечает В.Л. Янин, — оказывается очень важным для решения проблемы о времени складывания древнейшей русской денежно-весовой системы».³⁴ Проникавшие в Русь восточные дирхемы массой 2.73 г становились к уже бытовавшей здесь гривне массой 68.22 г в оригинальное отношение 1:25.³⁵ В гривне IX—X вв., весившей, по предположению Янина, 68.22 г, содержалось 25 дирхемов африканской чеканки массой по 2.73 г каждый. Поскольку же, согласно *Правде Русской*, гривна изначально заключала в себе 25 кун, то можно предположить, что именно дирхем первой трети IX в. и стал куней. Если бы формирование древнейшей системы произошло в более поздний период, то соотношение гривны и куны было бы иным. В.Л. Янин также полагал, что на протяжении IX — первой трети X в. новых денежно-весовых единиц в системе не появилось, поскольку в этот период преобладали клады, «состоящие исключительно из целых монет».³⁶ Таким образом, налицо стремление доказать метрологическую связь древнейших русских серебряных монет с дирхемом.

В.Л. Янин настаивает и на том, что древнейшая русская гривна массой 68.22 г первоначально имела привязку к римскому *денарию*, масса которого в начале новой эры составляла 3.41 г (20 денариев = 1 гривна). Возникновение русских единиц взвешивания, по его мнению, произошло в первые века новой эры, когда в Восточной Европе распространились значительные массы римской монеты. Прием и учет последней на основе древнего славянского счета породил в это время весовую единицу в 68.22 г и кратные ей.³⁷ И.Г. Спасский тоже относил возникновение наиболее ранних общеславянских денежно-счетных и весовых понятий к «римскому времени».³⁸ Несмотря на то что уже в IX в. масса и качество серебра дирхемов, когда они обращались в Восточной Европе, «не оставались неизменными»,³⁹ тем не менее на протяжении всего IX в. в русском денежном обращении сортировка монеты производилась по норме куны (2.73 г).⁴⁰

Во второй трети X в., во время широкого распространения саманидского дирхема начался «кризис восточной серебряной чеканки». Это привело к тому, что сортировка арабской монеты стала осуществляться по нормам не только старой куны (2.73 г), но и новой единицы — *ногаты* (от арабского «*нагд*» — отборная монета), составлявшей 3.41 г или двадцатую часть гривны.⁴¹ «Название ногата... — отмечал И.Г. Спасский, — первоначально возникло из-за необходимости отличать более доброкачественные дирхемы от обращавшихся рядом с ними худших».⁴² Поэтому ногата всегда была больше куны (в XI в. ногата = 1/20 гривны и 1.25 куны, с XII в. — 1/20 гривны и 2.5 куны). Наряду с сортировкой и отбором по нормам денежно-весовой системы со второй половины X в. монету резали, дробили, применяя взвешивание. Происходило дальнейшее усложнение системы: появилась мелкая фракция гривны — *резана* (1.36 г), равная 1/2 куны.

Как бы то ни было, древнерусская денежная система (счет денег и зависимость между монетами различных достоинств) знала следующие названия металлических денег (элементов денежной

системы): *гривна, ногата, куна, резана, веверица* или *векша* (= белка) и др. Отношение веверицы к куне определялось по-разному. По мнению И.Г. Спасского, это части, «обрезки» куны; «упоминания веверицы во многих случаях могут подразумевать и шкурки белок, служившие платежным средством».⁴³

Первоначально «гривной» могли называть шейный обруч. Затем термин приобрел весовое значение, соответствующее определенному количеству (массе) серебра. Так появилась гривна серебра. Поскольку же величина гривны серебра могла слагаться из некоторого числа одинаковых монет, рядом с массой стал штучный счет. Определенное количество одинаковых монет могло служить мерой массы и ценности гривны-слитка, а слиток в свою очередь становился мерой ценности определенного числа монет и мерой их количества.⁴⁴ Так появилась «гривна кун», состоявшая из монет. Весовая гривна серебра и счетная гривна кун сделались платежно-денежными понятиями.⁴⁵ По мнению И.Г. Спасского, в начале своего существования гривна в весовом отношении могла быть единым понятием для серебра вообще и для монет в частности. Однако такое равенство не могло быть длительным и устойчивым из-за перемен в привозной иноземной монете и по причине эволюции самой гривны как весовой единицы.⁴⁶

Вопрос о весовых нормах гривны и гривны кун, их соотношении по-прежнему является дискуссионным. «Княжеские пени и частные вознаграждения, — писал В.О. Ключевский, — представляют в Русской Правде целую систему; они определялись известной суммой гривен кун. Гривна означала фунт, гривна серебра — фунт серебра; куны — деньги <...> Гривной кун, т. е. денежным фунтом, назывался слиток серебра, обыкновенно продолговатый, служивший ходячим меновым знаком на древнерусском рынке до XIV века. В разное время, сообразно изменявшейся ценности серебра, гривна кун имела неодинаковый вес: в XI и начале XII века это был кусок серебра в полфунта весом; в конце XII века, когда завершилось составление (Правды Русской. — *М.Ш.*), вес этого менового знака простирался лишь до четверти фунта».⁴⁷ Согласно другим расчетам, весовая величина гривны составляла $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{3}$ часть фунта.⁴⁸ По мнению И.Г. Спасского, памятники письменности засвидетельствовали не начальное соотношение *гривны серебра*⁴⁹ и гривны кун, которое, возможно, существовало еще в римские времена, а те соотношения, которые сложились в процессе эволюции гривны, под влиянием перемен в весе кун — монет, составлявших в разные времена фонд монетного обращения. «Гривна серебра, — полагал он, — (со временем. — *М.Ш.*) стала по ценности равняться нескольким гривнам кун; так, например, для XII в. установлено равенство ее четырем гривнам кун. Сама же гривна кун при этом соответствовала определенному, но не постоянному количеству платежных единиц: 20 ногатам в XI и XII вв. и 25 кунам или 50 резанам только в XI в., но уже 50 кунам — в XII в.»⁵⁰

В новейшей литературе гипотеза В.Л. Янина о происхождении 68-граммовой гривны и специфического древнерусского счета на куны (1:25) из противостояния архаической гривны в 68 г и легкого дирхема в 2.73 г была подвергнута глубокой всесторонней критике в работе А.В. Назаренко, который поставил под сомнение и само существование этой гривны.⁵¹ Опираясь на данные археологии и различных письменных источников, он пришел к заключению, что в основе древнерусской денежно-весовой системы лежала счетная гривна, значение которой уже с IX в. не было однозначным. Самой ранней гривной могла быть скандинавская марка массой в 196.47 г, в которой были разверстаны древнейшие пени *Правды Русской* (12-гривенный штраф за оскорбление действием и 40-гривенная вира). Вслед за этим появилась «арабская» разновидность гривны достоинством 59.69 г серебра (вес в серебре соответствовал стоимости арабской золотой монеты — динара массой 4.264 г, или $\frac{1}{96}$ фунта).⁵² В европейских же странах и Византии, где господствовало отношение стоимости золота к серебру 12:1, весовая норма гривны составляла 51.16 г, что соответствовало $\frac{1}{8}$ фунта Карла Великого. Как полагает автор, в первой половине XI в. произошел «переход к исчислению штрафов с марок-гривен серебра на гривны в 51.16 г», представлявшие выраженную в серебре стоимость золотого арабского динара, который завершился «в ходе кодификации "Русской Правды" при Ярославе Мудром».⁵³

Счетная гривна в 51.16 г подразделялась на 20 долей, получивших в древнерусском счете название *скотов* (от распространенных на Скандинавском Севере монет древнеанглийской чеканки — *sceatt'*ов). «В течение X в., — полагает А.В. Назаренко, — вес дирхема утратил всякую стабильность, что привело не только к приему монет на вес, а не на счет, но и к появлению заимствованного из арабского языка термина "ногата", обозначающего отборные дирхемы привычного стандартного веса ок. 2.986 г. Этот новый термин в роли названия $\frac{1}{20}$ гривны вытеснил старое

наименование "скот", которое приобрело обобщенное значение платежного средства, денег (видимо, именно металлических) вообще».⁵⁴

Нестандартностью отличается и попытка А.В. Назаренко установить происхождение еще одной денежно-весовой единицы — «куны». Согласно гипотезе автора, первоначально куна заключала в себе стоимость шкурки куницы, выраженную в серебре: в скандинавской марке насчитывалось 24 таких куны, а в полуфунте серебра Карла Великого — 25. Затем, в силу необходимости поддерживать баланс между системами марки и фунта, понадобилось «выделить 1/25 долю не только в полуфунте, но и в 1/4 его, древнерусской гривне, чтобы обеспечить пересчет из гривны в соответствующую (1/4) фракцию марки. Так родилась куна "Краткой правды" в 1/25 гривны (2.047 г)».⁵⁵ Автор также настаивает на том, что южнорусская модификация древней денежно-весовой системы произошла на рубеже IX—X вв.: к тому времени в Киеве появилась гривна серебра на основе полулитры (1/2 византийской литры) — 163.73 г («именно в таких гривнах исчислена 12-гривенная пеня в договорах Руси с греками 911 и 944 годов»)⁵⁶.

В.Л. Янин же полагает, что две локальные русские денежные системы: северная (новгородская) и южная (киевская) — сложились не ранее середины—второй половины X в. В основу первой из них был положен *фунт* — норма веса, принятая в торговле с Западной Европой. По предположению автора, это произошло за полвека до начала проникновения в Восточную Европу первых западноевропейских монет — *денариев*: в середине X в. Северная Русь заимствовала западноевропейскую единицу «на основе употребления западных весовых единиц при сбыте на Запад ухудшившегося в весовом отношении дирхема».⁵⁷ Именно в середине X в. в русском денежном обращении появились первые денежные единицы, которые можно считать фракциями 96-золотникового фунта. (Знакомство Западной Европы с фунтом массой 409 г состоялось намного раньше.)⁵⁸ Резана в этой системе = 1.02 г, а счетная гривна кун = 51.19 г. Таким образом, в Северной Руси возникла оригинальная система новых денежно-весовых единиц во главе со своеобразной гривной массой 51.19 г. Эта система укрепилась в XI в., когда сбыт дирхемов уступил место импорту западноевропейских денариев, органично вписавшихся в русскую денежно-весовую систему.⁵⁹

По словам В.Л. Янина, на протяжении XI — первой половины XIII вв. «теоретический вес» гривны кун оставался неизменным, составляя 1/4 гривны серебра массой 204.756 г.⁶⁰ Последняя же удерживалась в обращении до XV в. Клады новгородских слитков, имевших форму бруска и весивших около 200 г, распространены от Прибалтики на Западе до Заволжья на Востоке и Херсонеса на Юге.⁶¹

Реконструируя систему денежного счета, В.Л. Янин обращает внимание и на то, что со второй половины X в. на севере обращались круглые вырезки из дирхемов массой около 1.04 г (1/200 часть гривны серебра), которые назывались резанами. В XI в. в Северной Руси наименование резаны перешло на денарий, имевший массу близкую 1 г.⁶² Таким образом, в XI в. 1 гривна серебра = 4 гривны кун = 80 ногатам = 100 кунам = 200 резанам = 204.5 г.⁶³

В XII в. куна, обесценившись вдвое, заменила резану. Это вызвало перемену в соотношении между гривной и кунной. По *Правде Русской* (XII—XIII вв.) денежная система выглядела следующим образом: 1 гривна серебра = 4 гривнам кун = 80 ногатам = 200 кунам (резанам) = 204.5 г; 1 гривна кун = 20 ногатам = 50 кунам или резанам = 51.19 г; 1 ногата = 2.5 кунам = 2.56 г; 1 куна (резана) = 1.02 г.⁶⁴ Таким образом, куна и резана слились, обозначая ту денежную единицу, которая прежде называлась резаной. «Кроме куны, — полагает В.Л. Янин, — другие единицы не испытывают каких-либо изменений, так же как и сама гривна».⁶⁵ Таким образом, несмотря на то что с 1137 г. в источниках упоминается о «новой гривне», речь может идти только о прежней гривне массой 204 г.⁶⁶ Ранее Б.А. Романов, выражая общее мнение, отмечал, что перемещение куны на место резаны к XII в. «не отразилось на ценности гривны и не нарушило стройности всей гривенной системы, тем более что, по другим письменным источникам (кроме *Правды Русской*. — *М.Ш.*), и резана не исчезла из обращения в XII—XIII вв.».⁶⁷

Выше отмечалось, что южная система строилась на полулитре или *русской литре*, весовая норма которой составляла 163.73 г. Киевская гривна, имея шестиугольную форму, весила от 135 до 169 г, т. е. около 160 г. Выясняя происхождение киевской гривны, Б.А. Романов обращал внимание на ее близость к кельнской *марке* XII—XIII вв., весившей 154 г. В Силезии, через которую шел путь из Регенсбурга в Киев, серебряная марка имела весовую норму 159 г, т. е. почти равную средней массе киевской гривны. В этом сближении киевского веса с одной из ходовых весовых единиц Центральной Европы Романов

находил «лишнее свидетельство» торговли Древней Руси с Западом.²⁰ И.Г. Спасский высказывал мнение, что обращение киевских слитков на юге «как бы шло по пятам обращения дирхемов. Его пресекло татаро-монгольское нашествие».²¹

А.В. Назаренко допускает, что становление южнорусской денежно-весовой системы было связано со счетом на сорочки кунных мехов (а затем — мехов вообще), вывозимых в Константинополь. «Вероятно, — пишет он, — связь южнорусской гривны серебра и сорочка с системой литры стала причиной того, что на юге Руси первоначально общерусская гривна в 51.16 г оказалась вытеснена сорочком-гривной кун в 81.86 г ($\frac{1}{4}$ литры = 40×2.047 г); этот процесс уже завершился к середине XI в., поскольку окуп с Византии в 1043 г. был разверстан именно в гривнах-сорочках. Однако структура южнорусской гривны не дублировала структуру гривны в 51.16 г (25 кун, 20 ногат), а состояла, в силу самого своего происхождения, из 40 общерусских кун».²² В связи с дальнейшим распространением западноевропейских денариев, исчезновением кунны как самостоятельной весовой единицы и переходом ее названия на резану в южнорусских землях *сорочек-гривна кун* превратился в *сорочек-гривну кун-резан* или *гривну новых кун* ($\frac{1}{8}$ литры или 40.93 г серебра). Одновременно происходило вытеснение серебряной монеты связками беличьих шкур. Складывалась система, в которой 1 гривна новых кун = 40 кунам-резанам = 1 *гривне драниц* = 240 драницам-векшам.²³ Однако серебро не пропало полностью. В литературе отмечалось, что в домонгольский период в Киеве, Чернигове, Переяславле, Смоленске в качестве реального платежного средства выступали обрезанные в кружок дирхемы массой около 1.36 г.²⁴

Несмотря на значительный рост русско-византийской торговли в X—XI вв., византийские серебряные монеты почти не участвовали в денежном обращении Руси. Их чеканка в самой Византии была ограниченной. «Лишь в кладах конца периода обращения дирхема, — указывал И.Г. Спасский, — византийские серебряные *милиарисии* X — начала XI в. встречаются несколько чаще».²⁵ Археологи продолжают открывать монетные клады, обнаруживать отдельные экземпляры золотых византийских монет — *номисм* (*numisma*) или *солидов* (*solidus*) в $\frac{1}{72}$ литры (4.548 г), послуживших «образцом при создании типа древнейших русских золотых и серебряных монет периода наивысшего расцвета Древнерусского государства, что после признания христианства господствующей религией на Руси и неудивительно».²⁶

Попытки создания на Руси собственной монеты в конце X в. в какой-то мере представляются закономерными в контексте формировавшейся государственности. Во-первых, к тому времени князь сумел создать какой-то запас привозного металла. Во-вторых, со второй половины X в. резко сократился приток в Южную Русь дирхемов. В-третьих, нельзя сбрасывать со счета политические амбиции и фактическое усиление власти киевского князя.

Золотые монеты русской чеканки X в. закономерно повторяют весовую норму, пробу, размер и внешний облик византийских солидов.²⁷ «Серебряные» же монеты первоначального русского чекана (X—XI вв.) лишь ориентировались на «средний» дирхем. Вероятно, поэтому до последнего времени не представлялось возможным установить их весовую норму. Лишь недавно стало известно, что эти, медные в большинстве, монеты чеканились «без всякой весовой системы».²⁸ Не вызывает сомнений чтение имен на монетах: Владимир, Святополк и Ярослав. В.Л. Янин доказал, что имя «Петрос», обозначенное на части сребреников, — это «крестильное имя того же Святополка».²⁹ В X в. чеканились золотые монеты — *златники* и «серебряные» — *сребреники*. И те и другие имели на одной стороне изображение Иисуса Христа, а на другой — князя. Надпись вокруг портрета князя имела две формулы: 1) «Владимир, а се его злато» — для золотых монет и «Владимир, а се его серебро» — для «серебряных»; 2) «Владимир на столе» (т. е. на престоле).

После короткого перерыва в XI в. чеканка отечественных денег возобновилась. Причем чеканилась исключительно «серебряная» монета, на которой одна сторона отведена изображению князя, сидящего на «столе», а другую целиком занимает знак — или печать, или герб державы. Бросается в глаза четкое смысловое соответствие надписи изображению: «Владимир (или Святополк. — *И.С.*) на столе, — а се его серебро».³⁰

В общей сложности этот процесс продолжался 25—30 лет. Монета чеканилась в течение почти всего правления Владимира I Святославича (князь киевский, 980—1015). Затем выпускалась от имени Святополка Окаянного (князь киевский, 1015—1019). Сребреники же Ярослава Мудрого (вел. князь

киевский, 1019—1054) относятся к тому времени, когда он княжил в Новгороде, находясь под рукою Владимира (1014—1019).⁸⁰ Следует отметить, что почти все находки монет Древней Руси происходят из кладов не старше XI в.⁸⁰

Исключительно богато представлены в русских кладах серебряные *денарии* многочисленных светских и духовных правителей феодальной Европы X — начала XII вв., главным образом германской, английской и скандинавской чеканки. Десятки тысяч монет далеких городов средневековой Европы обнаружены в кладах, зарытых в XI и в начале XII в. в Северной Руси.⁸¹ Как можно заметить, европейские деньги, полностью занявшие с 30-х гг. XI в. место дирхемов, какое-то время имели параллельное хождение с русской валютой. Они продолжали служить целям денежного обращения на севере Руси и после прекращения чеканки русских монет.⁸² И.Г. Спасский отмечал, что «обращение денариев на несколько более ограниченной, чем прежде, территории сменило обращение дирхемов <...> Во многих кладах денариев встречаются оставшиеся от прежнего обращения дирхемы, иногда даже обрезанные под размер новых монет, вес которых значительно уступал весу среднего дирхема».⁸³

Одновременно с монетой платежным средством на Руси становились слитки и куски серебра различного вида и массы. Крупные слитки привозились главным образом из Англии и Германии.⁸⁴ Сама же иноземная и русская монета порой приобретала характер измельченного серебра-металла. К настоящему времени обнаружены клады, состоящие как из бесформенных обрезков монет, так и с иноземными монетами, разрезанными на более или менее правильные части — половины, четверти, трети и т. д.⁸⁵ Таким образом, на местах создавались малые платежные единицы.

В XII в. в связи с распылением монетного дела в Европе по дворам «сравнительно мелких сеньоров», чеканивших монету по самой разнообразной весовой норме, повсеместным уменьшением количества выпускаемых денариев, сознательной «порчей монеты» (так, во Франции за период XI — начала XII в. масса королевских денариев уменьшилась с 1.25 до 0.84 г, а епископских — с 1.36 до 0.89 г), периодическими изъятиями мелкой монеты из сферы обращения, а также по причине повышенного спроса на деньги внутри самих европейских стран, растущие запросы крупной международной торговли стали удовлетворяться с помощью серебряных слитков, фигурирующих в источниках обычно под названием *marca argenti* (в русских источниках для их обозначения обычно использовался термин *гривна серебра*). Чтобы стать составной частью русского денежного обращения, они должны были принять норму и вес русских слитков, т. е. подвергнуться переплавке у местных ливцов в слитки-гривны.⁸⁶

Так, по причине начавшейся в Европе реорганизации монетного дела, а также из-за вторжения в Прибалтику немецких рыцарей-крестоносцев прекратились приток и обращение на Руси западноевропейских денариев.⁸⁷ Во всяком случае, в источниках второй трети XII в. слово «куна» перестало служить синонимом серебряной монеты.

Отказ от металлических денег не был сознательным выбором русского народа. Вхождение в *безмонетный период*, продолжавшийся до второй половины XIV в., явился вынужденным шагом, обусловленным не внутренним состоянием русской экономики, а отсутствием необходимой сырьевой базы денежного обращения.⁸⁸ С 30-х гг. XII в. серебро выступало единственной основой всевозможных коммерческих расчетов и основным платежным средством лишь в отношениях с торговыми иноземцами (об этом свидетельствуют сохранившиеся международные договорные грамоты XIII в.).⁸⁹ Во внутреннем обращении использовались исключительно слитки местного веса.⁹⁰ Однако отсутствие в обращении металлической монеты вовсе не означало отказа от мелкого денежного обращения вообще.⁹¹

В XI—XII вв. отмечалось сосредоточение значительных капиталов в старших городах Руси, крупнейшим из которых был Киев. «С ранних пор, — отмечал В.И. Покровский, — между русскими существовал обычай давать деньги в куплю или "гостьбу", для торговых оборотов. При займах требовались свидетели (послухи); но если заем делался у купца и для торговли, свидетелей могло и не быть».⁹²

Капитал в рассматриваемый период ценился чрезвычайно дорого. По *Правде Русской*, при краткосрочном займе размер месячного процента не ограничивался законом. Затем, согласно ст. 51 «О месячном резе» «Пространной правды», для должников было сделано послабление. Если срок

погашения долга растягивался более чем на год, то займодавец мог взимать за кредит лишь 50% суммы, а месячный процент отвергался (вероятно, статья появилась при Святополке Изяславиче, великом князе киевском (1093—1113)). Возможно, что этот «третний рост», т. е. «на два третий», или 50% в год, «поступал ростовщику вплоть до возвращения должником основной заемной суммы, по тогдашнему выражению, — „иста“».⁹³ По мнению А.А. Зимина, М.Н. Тихомирова и И.Я. Фроянова, регулирование резов, произведенное ст. 51, соответствовало интересам ростовщиков.

Став великим князем киевским в 1113 г., Владимир Мономах инициировал обновление соответствующего законодательства. В том году был принят Устав (ст. 53 «Пространной правды»), который запретил взимание месячного реза и поставил четкий предел третнему резу. Займодавец, взявший «два реза», т. е. дважды по 50%, имел затем право на основной долг («исто»). Но тот, кто получил «три резы», или трижды по 50%, терял право на само «исто». Таким образом, произвол ростовщиков был ограничен, застарелые долги аннулированы. Фактически годовой процент снижался до 17% (при выплате третьего реза). Кроме того, «Устав» Владимира Мономаха санкционировал бессрочное «имание» 20% роста: «[0]же кто емлеть по 10 коун от лета на гривноу, то того не отметати».⁹⁴ Иной подход, допускающий смешение временного и количественного критериев, изложен в книге Н.Я. Аристов. Этот автор, принимавший ставку одного реза за 10 кун (20%), полагал, что два реза (40%) «дозволено было брать в треть (за мало дней)», а три реза (60%), «если куны взяты были на треть, считались уже незаконными, лихвою», и поэтому Правда предписывала «не возвращать такому резоимцу самого капитала, данного в ссуду из процентов».⁹⁵ В любом случае, процентные ставки в странах Западной Европы в XII—XIV вв. тоже были высокими, простираясь до 25, 30 и даже 40%.⁹⁶

Упорядочивая кредит и ростовщичество, Владимир Мономах (1113—1125) также содействовал введению в свод русского законодательства статей 54 и 55 «Пространной правды», которыми устанавливались порядок взимания долга с купца-банкрота, а также соответствующие санкции за растрату чужих денег или потерю товара. Законодатель взял под защиту купцов, оказавшихся несостоятельными по причине *форс-мажорных* обстоятельств. Им разрешалось расплачиваться с кредиторами постепенно; тех же, которые уличались в пьянстве, проявляли халатность, недобросовестность, портили чужой товар, кредиторы имели право продать в рабство. Господину разрешалось использовать последних в роли *торговых холопов*, имевших возможность совершать торговые и финансово-кредитные сделки (статьи 116—117 «Пространной правды»). Это вело к развитию торговли при посредстве зависимых приказчиков.⁹⁷ «Вероятно, — указывает И.Я. Фроянов, — надо признать наличие элементов дееспособности и правоспособности у древнерусских холопов».⁹⁸ Из имущества должника первым возвращал свой долг князь, затем иногородние гости и чужеземцы, а «прок» (остаток) делили туземные займодавцы.⁹⁹

К настоящему времени сохранилось не много свидетельств, позволяющих составить цельное представление о содержании и характере таможенного дела в Древней Руси. Так, по мнению некоторых дореволюционных авторов (Ю.А. Гагемейстер, К.Н. Лодыженский), в тот период его отличал преимущественно частноправовой характер. Иными словами, таможенные сборы взимались с торговцев или путешественников не верховной властью, а непосредственными землевладельцами — боярством и монастырями по их собственному произволу: за содержание дорог или рынков, за позволение проезжать по дорогам или останавливаться на рынках.¹⁰⁰

Однако представляется, что такой подход содержит элемент преувеличения. И дело здесь не только в спорности самого тезиса о широком распространении феодальной земельной собственности в Древней Руси, но и в том, что в IX—XIII вв. государственное и частное начала в русском праве находились в неразрывном единстве, были «слиты».¹⁰¹ По-видимому, таможенное дело в Древней Руси осуществлялось нерегулярно, эпизодически, являя собой как результат частноправовой практики, так и дополнительный, побочный результат внешней и внутренней политики государства.

Благодаря летописным и другим сохранившимся памятникам, мы располагаем прямыми свидетельствами того, что сбыт товаров на Руси в X — начале XIII вв. сопровождался сбором таможенных пошлин, зачастую носивших общее название *мыта*.¹⁰² По мнению П.П. Мельгунова, Киевская Русь даже выработала целую систему торговых и таможенных пошлин: «*мыто* (первоначальная провозная пошлина), *перевоз* (за переправу товара через реку), *мостовщина* (за проезд по мостам), *гостиное* (за помещение товаров в гостином дворе), *номерное*, *весчье* (за взвешивание товаров) и др.».¹⁰³ Вместе с тем вопрос о характере, содержании, времени становления системы пошлинного обложения Древней Руси все еще остается

открытым. В свое время И.Д. Беляев настаивал на том, что внутренние таможенные пошлины Руси до прихода монголов были такими же разнообразными, как и в последующий период, и «разнообразились в то и другое время на одинаковых основаниях».¹⁰⁴ С таким выводом решительно не соглашался Е.Г. Осокин, полагавший, что «в глубокой древности таможенные пошлины с товаров внутреннего и внешнего производства не были значительны и разнообразны в нашем отечестве».¹⁰⁵ Настаивая на том, что до середины XIII в. существовали только *мыт, перевоз, передмер*¹⁰⁶ *весчее, торговое, гостиная дань*, этот автор отмечал недостаток разнообразия в таможенных сборах и чрезвычайную простоту их взимания.¹⁰⁷ Возражая Беляеву, он, в частности, указывал, что до появления монголов не существовало такой таможенной пошлины, как *пятно*¹⁰⁸. Сам же Беляев относил к числу торговых пошлин, бытовавших в домонгольский период, *гостиное, торговое, мыт, перевоз, весчее, передмер, писть и пятно*.¹⁰⁹ С. А. Шумаков ограничивал перечень древних таможенных пошлин *мытом, весчим, торговым* и *передмером*.¹¹⁰

По предположению Д.А. Толстого, введение на Руси пошлинных сборов с продажи товаров принадлежало духовенству, «которое заведовало над весами и мерами и получало пошлины с продававшихся товаров».¹¹¹ Менее категорично по этому же поводу высказывался Е.Г. Осокин, также относивший первые известия о таможенном обложении на Руси к концу X в. «Духовенство, — допускал этот автор, — которому, по свидетельству приписываемого Владимиру Святому церковного устава, был поручен надзор за торговыми весами и мерами, кажется, ввело обыкновение на Руси собирать таможенные пошлины <...> Может быть, по совету греческого духовенства введены были в нашем отечестве и первые мыты, равно как и первые весовые и померные пошлины».¹¹²

Мнение этих авторов оспаривалось И.Д. Беляевым и С.А. Шумаковым. «Очень трудно допустить, — подчеркивал И.Д. Беляев, — чтобы духовенство, только что пришедшее из Греции при Владимире, при нем же ввело и таможенные пошлины, из Владимирова устава видим только, что оно получило привилегию пользоваться некоторыми из сих пошлин; вводить же их вновь оно не могло, ибо это повредило бы только что принятой русскими христианской религии».¹¹³ «По мнению г. Осокина и гр. Толстого, — вторил ему С.А. Шумаков, — впервые вводит сборы с продававшихся товаров духовенство, заведовавшее мерами и весами и получавшее часть пошлин с продававшихся товаров <...> В действительности же по церковному уставу кн. Владимира духовенству идет лишь % ("десятина", т. е. одна десятая часть. — *М.Ш.*) торговых пошлин».¹¹⁴ Возражая Беляеву, Осокин уточнял, что он «желал высказать только ту мысль, что в[еликий] князь по совету греческих духовных устанавливал пошлины, предоставляя им право взимать в свою пользу некоторые из этих сборов».¹¹⁵

К.Н. Лодыженский, обратив внимание на отсутствие прямых летописных указаний о причастности греческих священников к «занесению» в Русскую землю таможенных пошлин, тем не менее разделял убеждение (ссылаясь на договор Руси с Византией 907 г.), что «подобные пошлины существовали у наших предков еще ранее принятия христианства».¹¹⁶ По мнению же С.А. Шумакова, наличие слова «мыто» в русско-византийском договоре 907 г. может свидетельствовать лишь о том, что таможенное обложение в начале X в. практиковалось в Греции, но никак не в России.¹¹⁷ Впрочем, заявив о введении мыта на Руси с принятием христианства «по совету духовенства», этот автор фактически присоединился к точке зрения, которая ранее высказывалась Е.Г. Осокиным.¹¹⁸

Как бы то ни было, духовенство способствовало образованию торгов и притоку населения на торжища в города и села. С введением христианства церкви было поручено надзирать за правильностью и единообразием мер и весов, «для чего образцы гирь всегда хранились или при известных церквях, или в других безопасных местах, и гири, употребляемые на торгу, сравнивались с этими образцами».¹¹⁹ В церквях же устраивались особые лари, где хранились торговые договоры, записки и книги для закрепления различных сделок; в церковном подвале складывался товар, на *притворе* — взвешивался.¹²⁰ «Имея надзор над мерами и весами, — указывал Ю.А. Гагемейстер, — оно (духовенство. — *М.Ш.*) приобрело большое влияние на торговлю, в которой в скором времени само стало участвовать».¹²¹ «Взвешивание и измерение, — уточнял В.И. Покровский, — должны были производиться в присутствии священника, которому за это предоставлялось взимать пошлину в пользу церкви. Церкви были тогда едва ли не единственными центрами людных сборищ и притом в дни и часы всем известные; поэтому сам собою сложился обычай в праздничные дни привозить товары, которыми и торговали на церковной площади по окончании богослужения».¹²²

Непростым представляется и вопрос о первоначальном значении *мыта*. В дореволюционной литературе высказывалось мнение о том, что первоначально это слово могло означать место, где

останавливались возы и лодки, и лишь «впоследствии оно получило значение пошрины, собираемой с проезжающих торговых людей и останавливавшихся для сбыта товаров».¹²³ По *Правде Русской*, мыто надлежало уплатить с каждой сделки купли-продажи, совершаемой на городском рынке. Кроме того, оно взималось по дорогам, где были заставы, а также на мостах и переправах через реки. Предположительно до XIII в. мыто существовало только в больших городах и лишь затем появилось в селах и уездах.¹²⁴

По мнению К.Н. Лодыженского, мыт «взимался в виде вознаграждения за пользование известным участком, отведенным для торгова, за покровительство, оказываемое купцам, а может быть, и за наблюдение порядка во время торговли».¹²⁵ Развивая эту мысль, М.Ф. Владимирский-Буданов допускал, что пошрины устанавливались первоначально в целях благоустройства, а не финансовых. «*Вес и мера*, — отмечал он, — взимаются для покрытия расходов при взвешивании и измерении товаров в интересах торговли <...> *Мыт* (нем. *Maut*) и *перевоз* взимается за доставление средств или помощи со стороны государства при перевозке товаров через реки и волоки <...> *Гостиная дань* и *торговое* — пошрина за доставление (иноземным) купцам мест для склада товаров и вообще за устройство рынков».¹²⁶

Е.Г. Осокин подчеркивал, что мыто во многих местах заменяло собою все проезжие и торговые пошрины. По его мнению, даже в одно и то же время в одном и том же месте под мытом понимались различные пошрины, и, таким образом, первоначально слово «мыт» имело обширное, собирательное значение.¹²⁷ Соглашаясь с такой оценкой, С.А. Шумаков также отмечал, что «до монгольского ига понятия мыта еще не установилось, и что мытом могли в разных местах называть разные пошрины».¹²⁸ Развивая эту идею, он пришел к тому выводу, что мыто — это «первоначально родовое название всех торговых и проезжих пошрин», взимаемых и за провоз товаров через внешние или внутренние заставы, и за аренду торговых площадей, и за покровительство торговым людям, и т. п.¹²⁹ По способу перевозки товаров различались «мыто сухое» при провозе товаров по суше и «мыто водяное» — при провозе по воде. Место взимания мыта стало называться *мытницей* или *мытницей*. Мытницы — внутренние заставы — учреждались на торгах, ярмарках, базарах, дорогах, в особенности на мостах и переправах.

Сборщика пошрин называли *мытником* или *мытчиком*. Согласно *Правде Русской*, он служил законным свидетелем в случаях спора по поводу сделок купли-продажи и заменял собою многих таможенных сборщиков, взимая не только мытную пошрину, но также мостовщину и торговую пошрину.¹³⁰ Под 1157 г. в летописи впервые упоминается фигура *осьминника* — важного представителя княжеской администрации. Однако следует иметь в виду, что *мытник* в XII в. еще не был сборщиком пошрин, взимаемых с оценки товаров, ибо таких пошрин в то время просто не существовало.¹³¹ Следует согласиться с Ю.А. Гагемейстером, что изначально мыто, а также пошрины с речных судов, мостовщины и весовые деньги взимались без учета стоимости товара, лишь за «доставляемое на торгу покровительство». Действительно, если в XI—XII вв. весовые деньги собирались за право взвешивания привозных товаров, то в дальнейшем стала также приниматься во внимание и ценность последних. Так, сохранилось свидетельство, что в начале XIII в. торгующие в Смоленске немецкие купцы платили *весовщину* за провес золота в большем размере, чем за провес серебра.¹³²

Во второй половине XII в. торговое значение мыта стало отделяться от его проезжего значения. Монгольское нашествие ускорило этот процесс и «дало торговой пошрине татарское имя и оболочку». Таким образом, с введением тамги торговое значение мыта перешло к ней; мыто же сделалось исключительно проезжей пошриной и стало означать сбор, взимаемый при провозе товаров.¹³³

Примечания

¹ Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 370—381.

² См.: Свердлов М.Б. К вопросу о денежном обращении у восточных славян в I—XII вв. (по мусульманским источникам) // Вестн. ЛГУ. Серия экономики, философии и права. 1965. Вып. 1. № 5. С. 132—136; Перхавко В.Б. Пушкина... С. 165, 166. М.Б. Свердлов полагает, что Древнерусское государство, принимая во внимание непрочность мехового материала, восполняло недостаток национальной валюты «обращением в качестве денег кож белок и куниц при обязательном наличии у них головы и лапок. На этих кожах ставился княжеский знак, чем обеспечивалось их дальнейшее употребление в денежном обращении» (Свердлов М.Б. К вопросу... С. 136).

3. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 37. По мнению И.Г. Спасского, встречающиеся в литературе утверждения о всеобщем обращении в течение многих веков на территории Древней Руси кожаных денег являются совершенно бездоказательными (см.: Там же. С. 32—37).
4. Там же. С. 39.
5. *Монгайт А.Л.* Рец. на кн. В.Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» // ВИ. 1958. № 3. С. 185.
6. Г. Куфа — столица Халифата (656—661), затем резиденция халифского наместника в Ираке (661—750), где получила развитие одна из древних разновидностей арабского письма — *куфи*, которым передавались надписи на дирхемах.
7. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы... С. 87—90; *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С. 90.
8. *Кропоткин В.В.* О топографии кладов... С. 114.
9. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 119, 126.
10. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 43.
11. *Монгайт А.Л.* Рец. на кн. В.Л. Янина... С. 187.
12. *Клинге М.* Мир Балтики. С. 17.
13. *Монгайт А.Л.* Рец. на кн. В.Л. Янина... С. 187.
14. *Кропоткин В.В.* Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь: Сб. статей / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1986. С. 40; *Зоценко В.Н.* Волжская система... С. 50; *Валеев Р.М.* Торгово-экономические взаимосвязи... С. 91.
15. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 40; *Кропоткин В.В.* Экономические связи... С. 120—122.
16. *Янин В.Л.* Русские денежные системы IX—XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 364.
17. Там же; *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 390.
18. См.: *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983. С. 110; *Янин В.Л.* Нумизматика... С. 137.
19. См.: *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 44. «С 30-х годов XI в., — отмечал Б.А. Романов, — об обращении диргемов говорить уже не приходится; они встречаются в кладах лишь как единичные спутники преобладающей массы западноевропейских монет» (*Романов Б.А.* Деньги... С. 385).
20. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 44.
21. Там же. С. 45; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 105.
22. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 45.
23. *Клейнберг И.Э.* Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.) // ВИД. 1973. Т. 5. С. 138.
24. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы... С. 103, 106. Вместе с тем В.Л. Янин не отрицает, что дирхемы могли служить сырьем для производства украшений и различной утвари (Там же. С. 121).
25. *Потин В.М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв.: Сб. статей / Под ред. Н.Е. Носова, И.П. Шаскольского. Л., 1970. С. 66.
26. *Монгайт А.Л.* Рец. на кн. В.Л. Янина... С. 187—188.
27. *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 398.

- ²⁸. Лущинский М.Ф. Деньги на Руси... С. 33; Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 57.
- ²⁹. Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство... С. 110; Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 57.
- ³⁰. БСЭ. 3-е изд. М., 1973. Т. 14. Стб. 1; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 157.
- ³¹. Романов Б.А. Деньги... С. 385.
- ³². Монгайт А.Л. Рец. на кн. В.Л. Янина... С. 186—187.
- ³³. Даркевич В.П. Международные связи. С. 397—398.
- ³⁴. Янин В.Л. Русские денежные системы... С. 364.
- ³⁵. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 203—204.
- ³⁶. Янин В.Л. Русские денежные системы... С. 364.
- ³⁷. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 200, 203.
- ³⁸. Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 39.
- ³⁹. Там же. С. 44.
- ⁴⁰. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 204.
- ⁴¹. Там же; Янин В.Л. Русские денежные системы... С. 364.
- ⁴². Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 57.
- ⁴³. Там же. С. 58, 68.
- ⁴⁴. Там же. С. 47.
- ⁴⁵. Там же. С. 58.
- ⁴⁶. Там же.
- ⁴⁷. Ключевский В.О. Краткое пособие... С. 44—45. Фунт — единица массы в системе русских мер = 409.51 г = пуда = 32 лотам = 96 золотникам = 9216 долям.
- ⁴⁸. Романов Б.А. Деньги... С. 377.
- ⁴⁹. Впервые термин *гривна серебра* встречается в акте 30-х гг. XII в. Упоминание же его в значении денежной единицы относится к концу XII в. (Российское законодательство I—XX веков [Тексты и коммент.]: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. С. 278).
- ⁵⁰. Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 58.
- ⁵¹. См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 113—218.
- ⁵². В арабоязычных странах господствовала относительная стоимость золота к серебру 14:1. За один динар здесь давали 20 стандартных дирхемов, каждый массой около 3.0 г. В европейских же странах и Византии было принято другое соотношение стоимости золота к серебру — 12:1. Поэтому и весовая норма гривны здесь была ниже.
- ⁵³. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 145—149, 216.
- ⁵⁴. Там же. С. 214. Приверженность русских считать на «двадцатки» А.В. Назаренко объясняет тем, что, имея в течение IX в. в качестве платежного средства преимущественно стандартный дирхем, они «усвоили также и принятый у арабов способ его счета двадцатками, ориентированный на динар...» (Там же. С. 146—147).

- ⁵⁵. Там же. С. 215.
- ⁵⁶. Там же.
- ⁵⁷. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 192.
- ⁵⁸. Там же. С. 191.
- ⁵⁹. Там же. Специально занимавшийся этим вопросом В.В. Святловский полагал, что весовая норма гривны была заимствована у арабов, но и она не являлась самобытной: *ираклийский фунт* в 96 золотников — «точное воспроизведение ассирийской мины, дошедшей к арабам через Египет» (Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство... С. 108).
- ⁶⁰. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 44, 46, 204.
- ⁶¹. См.: Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 62—68.
- ⁶². Янин В.Л. Русские денежные системы... С. 364.
- ⁶³. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 40, 48.
- ⁶⁴. Там же. С. 41, 48; Янин В.Л. Русские денежные системы... С. 366.
- ⁶⁵. Янин В.Л. Денежно-весовые системы... С. 41.
- ⁶⁶. Там же. С. 42.
- ⁶⁷. Романов Б.А. Деньги... С. 372. Реконструируя «денежный счет с серебряной гривной во главе», Б.А. Романов пришел к заключению, что к началу XI в. 1 гривна = 49.25 г сер. = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 100 веверицам; 1 ногата = 2.46 г сер. = 1½ куны = 2½ резанам = 5 веверицам; 1 куна = 1.97 г сер. = 2 резанам = 4 веверицам; 1 резана = 0.98 г сер. = 2 веверицам; 1 веверица = 0.49 г сер. По мнению этого автора, в XII в. денежный счет изменился: 1 гривна = 49.25 г сер. = 20 ногатам = 50 кунам = 100 векшам; 1 ногата = 2.46 г сер. = 2.5 кунам = 5 векшам; 1 куна = 1 резана = 0.98 г сер. = 2 векшам; 1 векша = 0.49 г сер. (Там же. С. 386, 390).
- ⁶⁸. Романов Б.А. Деньги... С. 395.
- ⁶⁹. Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 63.
- ⁷⁰. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 215—216.
- ⁷¹. Там же. С. 216—217.
- ⁷². Янин В.Л. Русские денежные системы... С. 364. Можно предположить, что одна такая монета соответствовала стоимости 40 векш или связке (сорочку) беличьих шкур (см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 215—216).
- ⁷³. Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 47.
- ⁷⁴. Там же.
- ⁷⁵. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие... С. 108.
- ⁷⁶. Там же. До этого Спасский утверждал, что «метрология сребреников (была. — М.Ш.) связана с метрологией дирхемов» (Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 52).
- ⁷⁷. Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 51.
- ⁷⁸. Там же.
- ⁷⁹. Там же. С. 53.

- ⁸⁰. См.: *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие... С. 110. Более половины известных на сегодняшний день златников и сребреников Владимира Святославича, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого сосредоточено в Государственном Эрмитаже.
- ⁸¹. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 19, 54. В XI в. приток западноевропейской монеты продолжался во все возрастающем размере (*Потин В.М.* Древняя Русь... С. 74).
- ⁸². Поначалу преобладали немецкие пфенниги, затем их потеснили англо-саксонские пенни, в том числе монеты Карла Великого и его сыновей. В группе кладов 1050—1075 гг. уже преобладали денарии фрисландских и нижнесаксонских монетных дворов. Наконец, в самом конце XI — первой четверти XII в. зарывались клады, в новейшей части которых было «особенно много монет, чеканенных на монетных дворах духовных владетелей» (см.: *Романов Б.А.* Деньги... С. 389).
- ⁸³. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 54—55.
- ⁸⁴. *Даркевич В.П.* Международные связи. С. 395.
- ⁸⁵. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 56—57.
- ⁸⁶. *Потин В.М.* 1) Причины... С. 89—96, 100, 101, 107, 110—113; 2) Древняя Русь... С. 78—90. *Marka argenti*, или гривна серебра — слиток серебра, равный половинной части фунта Карла Великого, представлявшего собой весовую единицу массой в 409,3 г. Параллельно с ней существовала счетная марка — «марка денариев» (марка кун?), уступавшая по ценности марке-слитку. Серебро в слитках привозилось Балтийским морем. Другой маршрут его поставки пролегал через Черное море и Крым. Одно из наиболее ранних свидетельств торговли в Кафе «фряжским серебром» относится к 1291 г. (*Янин В.Л.* Денежно-весовые системы... С. 191—192; *Потин В.М.* Древняя Русь... С. 83, 88, 90).
- ⁸⁷. В самой Европе общее число монетных кладов в XII в. сократилось по сравнению с XI в. более чем в три раза (*Потин В.М.* Древняя Русь... С. 78).
- ⁸⁸. *Янин В.Л.* Нумизматика... С. 140.
- ⁸⁹. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы... С. 43.
- ⁹⁰. *Потин В.М.* Причины... С. 102, 107.
- ⁹¹. *Янин В.Л.* Нумизматика... С. 140.
- ⁹². *Покровский В.* История... С. 565.
- ⁹³. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. С. 234.
- ⁹⁴. Правда Русская. Тексты. Т. 1. С. 110, 127; *Покровский М.Н.* Избранные произведения в четырех книгах. М., 1966. Кн. 1. С. 164; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь... С. 237.
- ⁹⁵. *Аристов Н.* Промышленность... С. 216.
- ⁹⁶. Там же. С. 217; *Семенов А.* Изучение... Ч. 3. С. 241.
- ⁹⁷. Правда Русская. Тексты. Т. 1. С. 110, 117; *Покровский В.* История... С. 565; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 217; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура... С. 160, 163; *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество... С. 249—250, 254—255. Правда Русская явилась источником статей 55 Судебника 3497 г. и 90 Судебника 1550 г., нормировавших условия, на которых купец мог брать под проценты чужие деньги. В них по-прежнему защищались интересы должников, оказавшихся несостоятельными в силу форс-мажорных обстоятельств. Виновных же в растрате чужих средств по Судебнику 1497 г. следовало выдавать истцу «головою на продажу», а по Судебнику 1550 г. — «головою до искупа» (Судебники XV—XVI веков / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина; Комментар. А.И. Копанева, Б.А. Романова и Л.В. Черепнина. М.; Л., 1952. С. 27, 89—90, 173—174).
- ⁹⁸. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 133.
- ⁹⁹. Правда Русская. Тексты. Т. 1. С. 110, 117.

- ¹⁰⁰. Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 44—45; Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 3.
- ¹⁰¹. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 4.
- ¹⁰². Рудченко И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 8.
- ¹⁰³. Мельгунов П.П. Очерки... С. 36.
- ¹⁰⁴. Беляев И.Д. Рец. на кн. Е.Г. Осокина «Внутренние таможенные пошлины в России» (Казань, 1850) // Москвитянин. 1850. № 22. С. 56.
- ¹⁰⁵. Осокин Е. Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник Д. Мейера. Казань, 1855. С. 544.
- ¹⁰⁶. Передмер, вероятно, означает то же самое, что *номерное* позднейшего времени (Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 5; Аристов Н. Промышленность... С. 226—227).
- ¹⁰⁷. Осокин Е. Несколько спорных вопросов... С. 542, 545. К примеру, о передмере, гостиной дани, торговом, мыте и перевозе упоминается в уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича, выданной 30 сентября 1150 г. епископии Смоленской (ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 4. С. 5—6).
- ¹⁰⁸. Там же. С. 543. По мнению Е.Г. Осокина, впервые о пятенном как пошлине упоминается в жалованной грамоте звенигородского князя Юрия Дмитриевича Савво-Сторожевскому монастырю в 1404 г. (Там же).
- ¹⁰⁹. Беляев И.Д. Лекции... С. 191—195. Этот автор настаивал, что первое упоминание о клеймении лошади при продаже относится к 1170 г. (Там же. С. 194—195).
- ¹¹⁰. Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги // Сб. правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества при Московском университете. М., 1897. Т. 7. С. 247.
- ¹¹¹. Толстой Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С. 72.
- ¹¹². Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 5, 19.
- ¹¹³. Беляев И.Д. Рец. на кн. Е.Г. Осокина... С. 57.
- ¹¹⁴. Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 247. Воздвигнув в Киеве Десятинную церковь, князь Владимир обязался отчислять в пользу церкви десятую часть «от именья <...> и от град» своих, т. е. 10% от княжеских даней, судебных пошлин и торговых сборов (Повесть временных лет. С. 55).
- ¹¹⁵. Осокин Е. Несколько спорных вопросов... С. 547.
- ¹¹⁶. Лодыженский К. История... С. 1—2.
- ¹¹⁷. Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 250. Точно так же наличие в *Раффельштеттинском* таможенном (мытном) уставе, составленном около 903—906 гг., положений о таможенном обложении купцов-работорговцев из ругов (русов) свидетельствует о сложившейся к началу X в. практике таможенного обложения в немецких землях (Васильевский В.Г. Древняя торговля... С. 145).
- ¹¹⁸. Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 250.
- ¹¹⁹. Беляев И.Д. Лекции... С. 192. Я.Н. Щапов настаивает на том, что служба мер и весов на Руси возникла на рубеже XII—XIII вв. (Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 91, 94).
- ¹²⁰. Аристов Н. Промышленность... С. 207. *Притвор* — пристройка к церкви перед западным входом, предназначавшаяся для лиц, не имевших права входа в храм.
- ¹²¹. Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 54.

¹²². *Покровский В.* История... С. 564. В XIV в. функции надзора за мерами и весами перешли к светской власти. Имеется свидетельство, что в уже в XV в. «князья отсылали печатные меры старостам и целовальникам» (*Сергеевич В.И.* Лекции... С. 469; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь... С. 93).

¹²³. *Аристов Н.* Промышленность... С. 220; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк... С. 8.

¹²⁴. *Аристов Н.* Промышленность... С. 221; *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 250—251. Вместе с тем еще в конце XIX в. ростовский краевед *А.Я. Артынов* указывал на существование мыта в слободе Угожь близ Ростова Великого в первой трети XII в. По его словам, в период своего великого княжения сын Владимира Мономаха князь Мстислав Владимирович освободил угожских крестьян от возложенной на них прежде повинности платить мыто в размере «от воза по две векши» (см.: *Шемякин А.И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000. С. 14).

¹²⁵. *Лодыженский К.* История... С. 3.

¹²⁶. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 84.

¹²⁷. *Осокин Е.* 1) Внутренние таможенные пошлины в России. С. 20, 21, 90; 2) Несколько спорных вопросов... С. 542.

¹²⁸. *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 250.

¹²⁹. Там же.

¹³⁰. *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 542; *Лодыженский К.* История... С. 3.

¹³¹. *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 79.

¹³². Там же. С. 46—47. Ю.А. Гагемейстер также обращал внимание на то, что употреблявшееся в XI—XII вв. слово «мыт» и после монгольского завоевания в Руси сохраняло значение сбора, взимаемого с товаров, не обращая внимания на их ценность (Там же. С. 45—46).

¹³³. *Сергеевич В.И.* Лекции... С. 471; *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 250, 254.

2. Внешнеторговые связи и таможенное законодательство Руси в удельный период (XIII—XV вв.)

2.1. Развитие торговли и рыночных отношений

В результате двух походов Батые (1237—1238, 1240—1241) монголы завоевали Русь, включив территорию Северо-Восточной Руси (без Новгорода и Пскова) в состав своего государства, которое в русских письменных источниках с XIV в. называлось Ордой, а со второй половины XVI в. — Золотой Ордой.¹ Они не стали размещать в русских городах военных гарнизонов, не создавали и параллельной администрации, оставив управление в руках местной княжеской династии, не устраивали гонений на православную церковь. Завоеватели ограничились лишь тем, что обложили Русь данью и заставили русских князей признать политическое верховенство монгольского хана, который именовался царем и считался правителем более высокого ранга, чем кто-либо из русских князей. Таким образом, с начала 1240-х гг. на Руси установилось *иго* Орды, означавшее, во-первых, политическую зависимость от монгольского хана (первоначально — от великого хана в Каракоруме, затем — от хана Орды) и, во-вторых, экономическое угнетение русских земель.²

Ростово-Суздальская земля («Русский улус» Орды) в рассматриваемый период по-прежнему оставалась политически раздробленной, но уже не на городские волости-земли, а на княжеские *уделы*. Русские князья должны были получать от хана грамоту (*ярлык*) на княжение. В 1243 г. в ставку Батые был вызван Ярослав Всеволодович, брат погибшего владимирского князя Юрия, которому после изъявления покорности был «пожалован» ярлык на великое княжение Владимирское с признанием его «старейшим» над всеми князьями.³ Ярлыки получали и другие князья. Вначале они ездили за ними в Сарай, а затем стали получать их на месте от приезжих ханских послов. Таким образом они фактически становились служилыми людьми монгольского хана, подчиняясь его приказам, а землю получали за верную службу и за обязательство платить ему дань — *ордынский выход*.

Полномочия князей в собственных владениях были строго ограничены: они могли их исполнять только в пределах, оставленных им монголами. Хан мог в любое время забрать назад княжеский ярлык. Любая политическая нелояльность жестоко подавлялась: «провинившихся» князей вызывали в Орду, против них высылали карательные экспедиции. Кроме того, в Орде в качестве заложников всегда находился кто-либо из русских князей или их родственников.

Покорив Русь, монголы фактически способствовали разрушению существовавшего здесь дуализма политической власти: вечевая организация со временем утратила свое прежнее значение, и властные функции перешли в руки князей.⁴ При этом великое княжество Владимирское находилось в общем владении потомков Всеволода, и в занятии старшего владимирского стола они до последней четверти XIII в. следовали прежней очереди родового старшинства. Князь, получивший ярлык на великое княжение, оставался, как правило, в своем городе, не переселяясь во Владимир. Имея старшинство над остальными, он возглавлял объединенные военные силы и направлял (под контролем ордынского хана) внешнюю политику Ростово-Суздальской земли.

Рядом со старшей Владимирской волостью-уделом, составлявшей общее достояние сыновей Всеволода Большое Гнездо и наследуемой по очереди старшинства, в Ростово-Суздальской земле возникло несколько младших волостей-уделов, которыми владели младшие Всеволодовичи. В управлении этими младшими волостями устанавливался другой порядок, который больше не держался на очереди старшинства. Младшие волости стали переходить из рук в руки в прямой нисходящей, т. е. от отца детям по личному распоряжению владельца, по завещанию, а не от старшего брата к младшему или от младшего дяди к старшему племяннику и т. д. Волость становилась неотъемлемой отдельной собственностью известного князя, личным его достоянием, постоянным владением. Путем раздела княжеских вотчин между наследниками земля постепенно дробилась на множество мелких уделов, приближавшихся по своим размерам к боярским вотчинам. (От последних они отличались лишь тем, что обладали чертами государственного владения: князь в уделе был политической властью и сохранял за собой такие права, которых простые вотчинники не имели.) Новый порядок княжеского владения, утвердившийся в Северо-Восточной Руси в XIII—XIV вв., в исторической литературе получил название «удельного».⁵

Можно согласиться с тем мнением В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова, что общественно-политический порядок в удельных княжествах основывался на частном интересе князей, право собственности которых на уделы стало политической основой их державной власти.⁶ Сложнее ответить на вопрос о характере и степени политических полномочий удельно-княжеской власти. Так, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин абсолютизировали значение господствовавших в общественной жизни частноправовых начал, полагая, что в XIII—XV вв. государственная власть в уделах и во всей Северо-Восточной Руси отсутствовала, в княжеской среде еще не сформировались государственные понятия и отношения.⁷ По мнению же В.О. Ключевского, А.Д. Градовского, К.Н. Бестужева-Рюмина и С.Ф. Платонова, удельный строй отличался отсутствием границы между частным и публичным правом, и поэтому управление уделами происходило на основании начал как государственного, так и частного права, причем различие этих начал князьями чувствовалось, но в практической жизни не проводилось.⁸ «Совокупность князей Северо-Восточной Руси, — отмечал С.Ф. Платонов, — как бы делит между собой верховную власть, сливая ее права с правом простого землевладения».⁹

Усобицы князей в удельный период продолжались, но споры велись уже за землю, и князья основывали свои притязания не на чувстве родового старшинства, а на своей фактической силе. «Прежде, — указывал С.Ф. Платонов, — единство земли (Северо-Восточной Руси. — *М.Ш.*) поддерживалось личностью старшего в роде князя. Теперь единства нет, потому что кровная связь рушилась, а государство еще не создано. Есть только уделы, враждующие за материальное преобладание».¹⁰ Удельные князья также неизменно враждовали с утвержденным в Орде великим князем и старались в одиночку или сообща ослабить его. Монголы видели все эти «свары» и усобицы, но не думали, что это подрывает на Руси значение их власти. Завоеватели были озабочены лишь тем, чтобы великий князь исправно платил дань. Поэтому они, не следуя никакому определенному принципу в деле замещения великокняжеского стола, «смотрели на ссоры князей как на лишний источник дохода и цинично говорили князю: будешь великим <...> если будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались в Орде даже друг с другом».¹¹

Монгольское нашествие нанесло огромный ущерб экономике страны: пострадали города и ремесла, резко сократились международные контакты Руси.¹² Сбор дани поначалу контролировали специально

назначенные чиновники — *баскаки*, наезжавшие в княжества с большой свитой счетчиков, весовщиков и конных охранников. Резиденция *великого баскака* находилась во Владимире.

В 1250-е гг. под покровительством ордынского хана в русские города стали приезжать для торговли восточные, или бессерменские, купцы-ростовщики (персы, арабы, туркмены, кипчаки и т. д.), которых на Руси звали «*басурманами*».¹³ По мнению Г.В. Вернадского, эти «мусульманские купцы представляли собой международную корпорацию, контролирующую рынки Центральной Азии, Ирана и Южной Руси».¹⁴ На Руси они сразу же взяли на откуп монгольскую дань.¹⁵ Русские князья, постоянно нуждавшиеся в деньгах, занимали их в Орде у бессерменских купцов, а чтобы заплатить последним, одалживали у своих купцов и вводили новые налоги с населения. В исторических источниках сборщиков ордынских податей называли *даньщиками*, *поборщиками*, *поллужниками*, *таможниками*.

С целью упорядочения сбора налогов в 1257—1259 гг. монгольские чиновники — *численники* — проводили переписи населения, исключая представителей духовенства. Последняя из них проводилась в 1273 г. (или 1275 г.). Очевидно, что монгольские переписи преследовали две основные цели: установить количество потенциальных рекрутов и общее число налогоплательщиков. По словам Г.В. Вернадского, «каждое числовое деление представляло собой военно-финансовый район, территориальную единицу, с которой взималось определенное количество рекрутов и налогов».¹⁶

Не имея возможности содержать постоянные контингенты военных и чиновников на огромной территории и столкнувшись с организованным сопротивлением населения, монголы к концу XIII в. были вынуждены отказаться от практики переписей и откупов. В 20-е гг. XIV в. была упразднена и сама баскаческая организация.¹⁷ Хан Узбек (1313—1342) одобрил деление Ростово-Суздальской земли на четыре великих княжества: Владимирское, Тверское, Рязанское и Суздальское (Нижегородско-Суздальское), доверив каждому из великих князей (под контролем особых ордынских уполномоченных) собирать налоги и пошлины в своих владениях. Последние сами отвозили дань в Сарай и сдавали ее *дару-гам* — высокопоставленным монгольским чиновникам, отвечавшим за исправность налоговых поступлений в ханскую казну. Помимо огромных сумм на подкуп и подарки русские князья или их посольства платили пошлины и поборы в пользу многочисленных должностных лиц.¹⁸

После победы русской рати на Куликовом поле (1380) прежний порядок монгольского господства на Руси был навсегда нарушен, резко сократились натуральные повинности в пользу Орды. «На великокняжескую территорию (великое княжество Владимирское. — *М.Ш.*), — указывает А.Н. Насонов, — прочно установился взгляд как на наследственное владение московских князей <...> в последующие годы дань уплачивалась плохо или даже совсем не уплачивалась».¹⁹ По мнению П.Н. Павлова, «сохранение неизменной номинальной суммы дани во второй и третьей четвертях XIV века и с 80-х годов XIV до 70-х годов XV века фактически означало постепенное уменьшение дани для русского народа».²⁰ А.А. Горский обращает внимание на то, что с конца XIV в. выплачиваемая Орде дань «уже не могла, как прежде, серьезно влиять на внутреннюю структуру севернорусских земель».²¹

От дани и других платежей было освобождено духовенство. Это подтверждалось ханскими ярлыками, выдаваемыми русским митрополитам.²² Так, в ярлыке ордынского хана Бердибека митрополиту Алексею (1357) говорилось: «...какова дань ни будет, или пошлина, ино того тем ни видити, ни слышати не надобе <...> Да не емлют у них, ни подвод, ни корму, ни питья, ни запросов (чрезвычайные поборы. — *М.Ш.*), ни почести не дают».²³

В XIV—XV вв. произошло политическое возвышение Московского княжества. В годы великого княжения Ивана III (1462—1505) к Москве были присоединены великое княжество Ярославское (1463), Пермский край (1472), великое княжество Ростовское (1474), Новгород и его владения (1478), великое княжество Тверское (1485), Вятская земля (1489). Если до середины XV в. Московское княжество было лишь одним из княжеств Северо-Восточной Руси, то затем «оно, — по словам В.О. Ключевского, — осталось здесь единственным и потому стало национальным: его границы совпали с пределами великорусской народности».²⁴

Со второй половины XV в. наметился переход от «удельного» строя к «государственному», в русском праве постепенно утверждалось правило, по которому все сословные обязанности удельного времени по договору становились обязательными и наследственными, превращаясь из условно-добровольных в

безусловно-принудительные. Великие и удельные князья отказывались от верховных прав в своих владениях и переходили под политическое покровительство московского князя, превращаясь в его *подручников*, или служебных князей. Утверждая самодержавный политический строй, московский князь не мог делиться властью и с младшими родственниками. Уничтожив чужие уделы, он не мог сохранить удельные порядки в своей собственной семье. При первой возможности Иван III «отнимал уделы у своих братьев и ограничивал их старые права. Он требовал от них повиновения себе как государю от подданных».²⁵

Как независимый государь Иван III стал держать себя и по отношению к Орде. Уплатив в последний раз «выход» в 1471 г., он вскоре вообще отказался вносить ежегодную дань и вступил в союз с крымским ханом, противником Орды. «Стояние на Угре» (1480) положило конец монголо-татарскому игу на Руси. При Иване III были установлены дипломатические отношения с Германией, Венецией, Данией, Венгрией и Турцией.

После утверждения на Руси господства Орды монгольские ханы для собственной выгоды стали поощрять внешнюю русскую торговлю. По оценке С.М. Соловьева, «по прошествии первого двадцатипятилетия тяжесть ига начинает уменьшаться, и после видим значительное развитие восточной торговли и волжского судоходства; даже с достоверностью можно положить, что утверждение татарского владычества в Средней Азии, также в низовьях Волги и Дона и вступление России в число зависящих от Орды владений очень много способствовало развитию восточной торговли; время от Калиты до Дмитрия Донского должно считать самым благоприятным для восточной торговли».²⁶ Это мнение фактически разделял и Г.В. Вернадский, отмечавший, что «сложный экономический организм Орды был сориентирован на международную торговлю, и как раз от нее ханы и вельможи получали большую долю своего дохода».²⁷

Действительно, оставаясь в рассматриваемый период основной торговой артерией страны, Волга играла роль сборного пункта льна и сала, которые пользовались устойчивым спросом в Новгороде и Устюге, а также места значительной меновой торговли мехами, привозимыми как с берегов Двины и Ваги, так и из далеких северо-восточных лесов. Из приволжских городов наиболее важными в торговом отношении являлись Тверь, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород и Балахна. Основным предметом их торговли был хлеб, вывозившийся в Новгород. Ключом хлебной торговли являлся г. Торжок, за обладание которым постоянно сражались новгородцы с тверскими и московскими князьями.²⁸

В XIV в. по Волге ходили суда различных типов: *паузки, карбасы, лоды, учаны, мишаны, бафты и струги*. Русским было хорошо знакомо и Нижнее Поволжье, где находились города Сарай-Бату (1254—1480, первая столица Орды) и Сарай-Берке (около 1260—1395, столица Орды с первой половины XIV в.).²⁹ Сношения с поволжскими городами Орды, где проживало значительное число соотечественников, отличались постоянством. Русские торговые люди встречались здесь с армянскими, персидскими, среднеазиатскими и итальянскими купцами. Устойчивым спросом пользовались товары из Византии и Северного Причерноморья, привозимые венецианцами и генуэзцами, а также поливная посуда из Средней Азии и ордынского Поволжья.³⁰ В 1395 г. Сарай-Берке был разгромлен Тимуром, но затем его восстановили, и в XV в. он продолжал играть важную роль в международной торговле.³¹

В конце XIV в., когда Русь пыталась покончить с зависимостью от Орды, накануне и после Куликовской битвы, произошло ухудшение условий для восточной торговли. Вновь начались опустошительные набеги, от которых в первую очередь страдали Рязанская и Нижегородская области. Терпела волжская торговля и от новгородских *ушкуйников* («ушкуй» — лодка). Формально их разбойничьи предприятия не санкционировались новгородскими властями. Фактически же последние были осведомлены о них, но не чинили им препятствий, поскольку были заинтересованы в оттоке из Новгорода социально опасного элемента. По мнению Л.В. Черепнина, ушкуйники способствовали подрыву экономических ресурсов Орды (нападения на ордынских купцов, разгром ордынских городов) и сыграли определенную роль в освоении путей восточной торговли. Вместе с тем их действия препятствовали поступательному развитию русской торговли по Волге и Каме. Как бы то ни было, явление ушкуйничества может служить доказательством развития волжской торговли в XIV в.: «...значит, было что грабить, когда образовались такие многочисленные разбойничьи шайки».³²

В XV в. Волжский путь по-прежнему выступал важной торговой артерией. Многочисленные купцы в это время посещали Казань — столицу Казанского ханства (1438—1552) и Астрахань — столицу Астраханского ханства (1459—1556). Через Казань в Москву привозились шелковые ткани из Бухары и многие другие восточные товары. В Астрахань ежегодно отправлялись русские суда за солью.

Караванная дорога между Астраханью и Москвой была трудна, изнурительна и опасна, поэтому купцы обыкновенно присоединялись к посольству, которое почти ежегодно бывало в Москве с подарками от астраханского хана. С этим посольством из Астрахани отправлялось до 300 русских, восточных и даже итальянских купцов³³ с товарами. Татары гнали «великое множество лошадей».³⁴ В русских летописях XV в. сохранилась запись о посольстве Большой Орды в Москву летом 1474 г., когда прибывшие вместе с ним татарские купцы пригнали в русскую столицу для продажи свыше 40 000 лошадей.³⁵

Караван двигался обыкновенно по правой стороне Волги, но иногда сначала следовал по левой, чтобы избежать нападения со стороны ордынцев. Самое опасное место было там, где Волга в своем течении приближалась к Дону. Миновав эту местность, караван переправлялся на правый берег Волги и продолжал путь степью, добираясь до русской столицы.³⁶

В некоторых случаях Волга использовалась для путешествий в Константинополь, Шемаху (столица Ширвана), Дербент, Персию и даже Индию.³⁷ «Находясь на великом Волжском пути, который прямо открывался в Каспийское море и на восток, — писал П.П. Мельгунов, — земля Суздальская не могла не испытывать на себе восточного влияния — и действительно, тот период <...> в полном смысле может назваться периодом преобладающего влияния на нас Востока, — периодом татарским и не по имени только, а по сущности дела <...> Все, что можно было взять для жизненного комфорта, добывалось у нас с востока, что доказывается тем, что большинство названий одежд, тканей и других изделий в нашем русском языке взяты у татар или, вообще, с востока».³⁸

Вопреки расхожему в исторической литературе представлению о значительном сокращении во второй половине XIII—XIV в. числа русских городов, их глубоком экономическом упадке и аграризации, резком падении численности горожан,³⁹ к концу XIV в. в Северо-Восточной Руси насчитывалось не менее 50 городов, или в два с лишним раза больше, чем накануне монголо-татарского завоевания. Происходило их заселение торговыми людьми и свободными ремесленниками. Показательно и то, что новые города возникали практически повсеместно.⁴⁰

В XV в. в результате отделения добывающих промыслов от земледелия возник ряд промысловых и торговых поселков. Некоторые города стали играть роль областных рынков. Развитие торговли, в которой особенно активно участвовали монастыри, вело к преодолению торговой замкнутости отдельных районов и установлению связи между ними. Купцы все чаще преодолевали государственные границы отдельных исторических областей. Однако в основе своей экономика Руси XII—XV вв. сохраняла натуральный характер, отличаясь слабостью товарно-денежных отношений и преобладанием разобщенных местных рынков. Политическая раздробленность тормозила развитие товарного обращения.⁴¹

Для московского купечества XIV—XV вв. была характерна значительная имущественная и социальная дифференциация. Его высшую группу, привилегированный слой составляли участвовавшие в крупной международной торговле *гости нарочитые*, иногда в источниках именуемые *купцами великими*. Среди них особо выделялась корпорация *гостей-сурожан*, торговавших через Сурож и Кафу с Византией, итальянскими городами и Турцией.⁴² Хотя не сохранилось никаких документов, свидетельствующих об их правовом статусе, по-видимому, зачатки корпоративной организации у сурожан существовали. Они «имели определенные обязанности по отношению друг к другу, пользовались льготами и привилегиями (например, правом на приобретение земельных владений), очевидно, устраивали в складчину общие пиры (братчины), строили церкви», часто выполняли дипломатические поручения великих князей, служили им информаторами и переводчиками.⁴³ Ступенькой ниже стояли московские *суконники*, промышленные в основном скупкой и перепродажей западноевропейского сукна. К третьей группе относились обычные *купцы*, участвовавшие во внутреннем обмене. Несмотря на то что отдельные разряды купечества еще не четко различаются в источниках XIV—XV вв., можно с уверенностью сказать, что и гости, и суконники, и купцы принадлежали к числу «лучших людей» и возвышались в социальном и имущественном отношении над «черными людьми» — остальным населением городского посада.⁴⁴

В рассматриваемый период Москва сделалась всероссийским центром по продаже мехов, смолы и воска. За этими товарами в русскую столицу приезжали польские и немецкие купцы. В свою очередь, московские гости бывали в Литве, торговали в Киеве, Полоцке, Вильне, Путивле и других местах, куда они привозили меха, одежду, москательные товары. Летний путь к Москве пролегал по Москве-реке, судоходство на которой начиналось за 40 верст до Можайска. Впрочем, купцы предпочитали зимние ярмарки. Торговля в русской столице происходила в гостином дворе — обширном каменном здании, лавки которого поражали иностранцев разнообразием товаров.

По описанию венецианского дипломата Иосафата Барбаро, в зимнее время в Москву привозили такое множество быков, свиней и других животных, уже ободранных и замороженных, что за один раз можно было купить до двухсот туш.⁴⁵ Его современник и земляк Амброджо Контарини также отмечал, что Москва изобиловала всякого рода хлебом и другими «жизненными припасами», которые продавались задешево. Он свидетельствовал, что ежегодно в конце октября купцы ставили на льду Москвы-реки свои лавки с разными товарами, устраивая таким образом главный столичный рынок: на протяжении всей зимы здесь торговали хлебом, говядиной, свининой, дровами, сеном и другими востребованными товарами. Купцы из Германии и Польши в течение зимы покупали «исключительно меха — соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей».⁴⁶

С падением новгородской самостоятельности в конце XV в. Москва окончательно сделалась средоточием политических и экономических интересов Северо-Восточной Руси, притягательным рынком мехов, смолы и воска не только для польских и немецких, но также для греческих, персидских, армянских, литовских и других купцов, ранее уклонявшихся от прямого участия в московской торговле.⁴⁷

Важное торговое значение приобрел г. Дмитров, расположенный к северо-востоку от Москвы. Отсюда начинался водный путь по Яхроме, Сестре и Дубне к Волге. В Дмитров доставлялась рыба с Шексны, восточные товары могли следовать сухопутным транзитным путем прямо до Москвы. Окрестные села, Рогачев на р. Сестра и Кимры на р. Волга являлись местными центрами хлебной, соляной и мясной торговли. На берегу Белого озера возник обширный рынок в Белоозере (совр. Белозерск),⁴⁸ где осуществлялась торговля мехами, солью и рыбой. Из Белоозера, через оз. Кубенское, ходили в Устюг, куда отправляли хлеб, кожу и различные ремесленные товары для обмена у местного населения на меха.⁴⁹

Торговое движение от Устюга до Холмогор, где устраивалась меховая ярмарка, существовало уже в начале XV в. Промысловые и торговые люди спускались от Холмогор по Северной Двине в Белое море, направляясь затем к устью р. Мезень. Продолжая свой путь, они достигали р. Пеза, преодолевали короткий волок и входили в р. Цильма, а затем в широкую Печору, которой достигали Пустозерска, находившегося в низовьях реки у оз. Пустое. Некоторые ходили на р. Уса (правый приток Печоры), оттуда волоком в Сосьву (Сысву), спускались в Обь и доходили до р. Иртыш. По берегам северных морей русские охотились на белых медведей, моржей, ловили рыбу, вываривали соль, которую сбывали в Белоозеро. Одновременно русские из Устюга продолжали осваивать Вятскую землю⁵⁰ и Пермь,⁵¹ также пользуясь водным путем, прерывавшемся лишь на небольшое расстояние между реками Юг и Вятка.⁵²

До конца XV в. регулярно проводилась многолюдная ярмарка у Холопьего городка в 50 км от места впадения р. Молога в Волгу. Ярмарка была открыта ежегодно в течение четырех месяцев. Кроме русских купцов туда приезжали татары, персы, греки, немцы, поляки, литовцы, шведы, итальянцы и другие, которые занимались променом тканей, одежды, ножей, топоров, посуды, меховых и некоторых других товаров.⁵³

К концу XV в. ярмарка у Холопьего городка начала терять свое значение, все больше уступая Казани, где ежегодно проводилась летняя ярмарка на Купеческом острове. Многие русские купцы ездили в Казань ежегодно, а некоторые из них торговали в столице Казанского ханства и в зимние месяцы.⁵⁴

В рассматриваемый период известными русскими городами, торговавшими с Литвой, Польшей, ливонскими и ганзейскими городами, являлись Смоленск, Полоцк, Витебск, а также Псков. Уже в XII в. они сбывали свои товары в Двинском устье, на о. Готланд и в северогерманских городах Балтийского побережья. В договорах с северо-западными русскими областями изначально ведущая

роль принадлежала ливонским городам. «Именно Рига, — отмечал И.М. Кулишер, — вследствие своего особенно выгодного географического положения, приобретает господствующее значение в торговле и в регулировании ее, постепенно отстраняя все прочие <...> Ганза же совершенно не вмешивалась в эти дела, по-видимому по той причине, что и самое участие ее в торговле здесь все более сокращалось. Дело дошло до того, что в 1478 г. Рига прямо заявила Девентеру и другим приморским городам, что никто не может торговать с русскими в Полоцке, кроме Риги и ее округа».⁵⁵

Находясь в верхнем течении Днепра, Смоленск занимал чрезвычайно выгодное географическое положение. Близость города к Западной Двине открывала ему возможность легких сношений с Балтийским морем. Не исключено, что еще на рубеже XI—XII вв. смоляне проложили торговый путь в г. Висбю на о. Готланд.⁵⁶ После основания Риги (1201) их торговые контакты с немцами приобрели правильный регулярный характер. Немецкие купцы часто посещали Смоленск, некоторые из них постоянно гостили в этом городе. У них был свой гостиный двор с католической церковью св. Марии. В свою очередь в Риге постоянно проживало до 80 семейств русских купцов, преимущественно из Смоленска и Полоцка, которые занимали там целую улицу и имели свою церковь.

В 1229 г. был подписан важный торговый договор между смоленским князем Мстиславом Давидовичем, с одной стороны, и целым рядом ливонских, северогерманских и фризских городов (в их числе Рига, Любек, Сеет, Мюнстер, Гронинген, Дортмунд и Бремен) — с другой. Этот договор обеспечивал свободу торговли для русских купцов в городах Германии, а для немецких — в Смоленске, Витебске и Полоцке. (Это выражалось словами «а рубежа не деяти», «не бороните», «а путь им чист» и др.) Плавание по Западной Двине признавалось свободным для всех участников договора. Каждая из сторон обязалась защищать иностранных купцов, удовлетворяя их долговые претензии раньше, чем претензии своих соотечественников. Договор также включал целый ряд статей, направленных на своевременную и организованную доставку немецких товаров от границы до Смоленска. Так, смоленский тиун обязан был обеспечить их перемещение через волок, соединявший Западную Двину с Днепром.

Общее право беспрепятственного приезда было сопряжено с правом беспошлинного приезда купцов со своим товаром. («Всякому латинскому ч[е]л[о]в[е]ку свободен путе из Гочкого берега до Смоленска без мыта; тая правда иесть Роуси из Смольнеска до Гочкого берега».)⁵⁷ Впрочем, И.М. Кулишер настаивал, что на волоке уплачивался «известный сбор в обычном размере, а не только плата за транспорт товаров. В договоре 1229 г. (ст. 35) этому соответствует обязанность гостей уплатить тиуну на Волоке рукавицы <...> "ажбы товар перевьзл без держания"».⁵⁸ Более того, по приезде в город купцы обязаны были поднести княгине кусок сукна («дати им княгине постав частины»). Следовательно, таможенные платежи взимались не только проезжей пошлиной на волоке, но и в виде сбора при въезде в сам город.⁵⁹

Договор 1229 г. дошел до нас в шести списках. Ставший правовой основой торговли западнорусских городов с Ганзой в XIII—XIV вв., он почти не содержал статей, отступавших от паритетных начал и взаимных выгод русских и немцев, и тот факт, что в основу договора была положена Русская Правда, говорит о приемлемости юридической основы русского права для обеих договаривающихся сторон.⁶⁰ И.М. Кулишер тем не менее выражал сомнение относительно значительности торговли, «производимой за пределами Руси жителями Смоленска, как и Полоцка и Витебска».⁶¹ По мнению же Н.Н. Усачева, договор 1229 г. отражал «живую потребность обеих сторон, реальную практику их торговой жизни», в 1264—1265 гг. витебский князь Изяслав требовал свободы поездок для своих купцов в немецкие земли без «рубежа».⁶²

Немцы привозили в Смоленск товары обрабатывающей промышленности (сукно разных сортов, чулки, шпory, перстни и браслеты из особого стекла, мечи и др.) и продовольствие (имбирь, засахаренный горошек, миндаль, копченую семгу, треску, вино, соль и др.), а вывозили в основном сырье и сельскохозяйственные товары (меха, воск, мед, кожи, рожь, крупный рогатый скот и др.). Бывая в Смоленске, они имели право вступать в торговые отношения не только с местными купцами, но также с полоцкими и витебскими. Характер их торговли жестко не регламентировался: она могла быть как оптовой, так и розничной. Сделки по продаже привозных товаров производились на Немецком дворе. Отметим, что купленный, а тем более отпущенный со двора товар возврату не подлежал.⁶³

При покупке и взвешивании на городских весах определенных товаров немцы обязаны были платить «весчую» пошлину: с воска («от двою капию въску весцю коуна смоленская»);⁶⁴ с золота («коупити латинеский гривноу зольта, дасть весити, дати емоу весце ногата смоленская»); с серебра в гривнах («аже латинеский коупит гривну серебра, дати емоу въсцю две векши»); с серебра в изделиях («от гривны серебра по ногате смоленской»); с серебра, которое шло в переплав («от гривны серебра коуна смоленская»). Как можно заметить, с гривны серебра в слитках положено было брать в меньшем размере, чем с гривны золота и серебра в изделиях. (В случае продажи привозного золота и серебра немцы избавлялись от уплаты весчего.) Позже, около 1300 г., было заключено специальное соглашение относительно весов и весового сбора, где уже речь шла о воске, олове, меди, хмеле.⁶⁵

Несмотря на гарантии свободного пути по Двине, этот торговый маршрут был далеко не безопасен, так как, «с одной стороны, Полоцк задерживал купцов, едущих в Витебск и Смоленск, желая, чтобы они останавливались в его стенах и здесь продавали товары местным жителям (*штапельное право*), а с другой стороны, Ливонский орден препятствовал проходу судов, захватывал корабельщиков в Дюнамюнде (Усть-Двинске), литовцы совершали нападения на суда на Волоке», почему договор и предусматривал незамедлительную транспортировку товаров в этом месте, без задержки.⁶⁶ В 1270 г. орденские власти объявили закрытым путь по Западной Двине из-за якобы постоянно совершавшихся ограблений немецких купцов русскими. Под тем же предлогом в 1277 г. Орден попытался ограничить торговлю немцев пределами Ливонии, запретив им посещать русские рынки. Одновременно усиливалось давление Орды на Смоленск, что тоже создавало затруднения в торговле. В связи с изменившимися условиями витебский князь Михаил Константинович в конце XIII в. запретил немцам торговать в своем княжестве с приезжими купцами.⁶⁷ (Впоследствии по тому же сценарию действовали и литовские власти. В 1405 г. они запретили немецким купцам в Полоцке торговать с новгородцами и москвичами помимо полочан: «...занеже нас новгородци не пустят у немецкий двор торговати без своего новгородца <...> занеже на нас москвичи тамьгу емлют».)⁶⁸

В 1284 г. отношения смолян и немцев возобновились на основе договора 1229 г. («а вашоумо гостеву семо боуди поуть чист, а нашоумо гостеву боуди к вам поуть чист; а рубежа не деяти, ни нам в себе в Смоленьске, ни вам в себе в Ризе и на Гоцькомь березе коупцом»). Правительства обоих городов также условились не препятствовать взаимной торговле, даже если бы между смоленским князем и епископом или магистром случились какие-нибудь неприятности. В дальнейшем смоленский князь продолжал называть магистра братом и обещал блясти немцев в своих владениях, как своих смолян, а рижское правительство принимало на себя обязательство поступать точно так же у себя со смолянами. Не нарушалось и право транзитного перемещения товаров через Смоленскую землю, что открывало перед купечеством северогерманских городов возможность приезда в Суздаль и Москву в XIII—XV вв.⁶⁹

Во второй половине XIV в. Смоленск стал подпадать под влияние Литвы, а постоянные войны с немцами подрывали его торговлю. В 1395 г. город был завоеван литовским великим князем Витовтом. С этого времени его торговля с Ригой, Готским берегом и северогерманскими городами определялась уже в соответствии с договорами и грамотами литовских князей. Несмотря на то что Смоленск продолжал играть важную роль в торговом обмене Москвы с Литовским княжеством, его посредническое участие сдерживалось тем обстоятельством, что литовское правительство препятствовало вывозу в Северо-Восточную Русь некоторых товаров, исходя, видимо, из военно-политических соображений. Гедиминовичи также затрудняли транзитное перемещение польских и немецких товаров через свою землю на Восток, применяя «штапельное», или складочное, право во Владимире-Волынском, Луцке, Львове, Полоцке. Притесняя русских купцов, литовские таможенники — «мытники (обыкновенно евреи) — увеличивали пошлину вопреки договорам». Добиваясь отмены подобных ограничений, московскому правительству приходилось прибегать к чрезвычайным мерам. В частности, стремясь обеспечить у себя производство пороха, оно установило, чтобы нужный Европе воск сбывался за границу не иначе как в обмен на привозную селитру.⁷⁰

Тесные торговые контакты с немецкими городами поддерживал и Полоцк.⁷¹ Уже в XII в. немецкие купцы торговали на Западной Двине по взаимному соглашению с полоцкими князьями, которые «взимали контрибуцию с ливонских и леттских племен и осуществляли верховную власть».⁷² В 1210 г. полочане заключили договор с Ригой, а в 1264—1265 гг. еще два договора с Ригой, Готским берегом и Любеком, которыми подтверждались взаимные торговые обязательства, принятые сторонами в 1229 г.⁷³ В марте 1399 г. великий князь литовский Витовт разрешил рижанам свободно торговать в Полоцке «без рubeжа». Однако вскоре отношения с немцами расстроились из-за того, что те отказывались

продавать свои товары в кредит. В свою очередь Витовт известил Рижский городской совет о своем намерении издать указ, «чтобы ни один гость не ездил бы <...> далее Полоцка, а какой бы товар не привез, не продавал бы нигде, кроме как там». Одновременно он не прекращал усилий по возобновлению полномасштабной торговли Полоцка и Риги.²⁴

2 июля 1406 г. полочане заключили новый договор с рижанами о преодолении былой вражды и свободной торговле. Стороны обязались не только не чинить никаких препятствий гостям в перемещении и продаже товаров, но и защищать их в своих городах; полочане получили право свободного перемещения по территории Ливонского ордена сухим путем и водою, то же право получили и рижане в литовских землях; одновременно запрещалась розничная торговля полочан в Риге, а рижан в Полоцке; если полочанин совершал какое-нибудь преступление в Риге, то его надлежало отсылать для суда в Полоцк, и наоборот. Стороны также договорились о мерах веса в Полоцке и Риге, об обязательной присяге весцов, «что они будут правильно вешать и той и другой стороне» (взвешивая, весцы должны были отойти назад и отвести руки от весов), и о том, чтобы весчую пошлину в Риге на полочанах и в Полоцке на рижанах взимать в одинаковом размере. При споре истцу надлежало «придерживаться истца», и никто другой не имел права «вмешиваться в это дело или быть из-за него задержанным». В случае конфликта между Литвой и Ливонским орденом «купцы должны (были. — *М.Ш.*) оставаться не замешанными в это». Они могли направляться со своим товаром куда хотят «без всяких задержек и помех».²⁵

Под Ригой существовал поселок русских купцов. Некоторые из них проживали в городе постоянно, обладая недвижимостью, которой могли обеспечивать свои займы. Отдельные русские купцы поддерживали настолько тесные связи с немцами, что ручались за их долги, сделанные у немцев же. Известны примеры, когда немцы и русские становились участниками совместных торговых товариществ или же владели общей недвижимостью.²⁶ «Торговые дела, — отмечает немецкий автор Эдгар Хёш, — вынуждали русских людей селиться в Риге, к большому неудовольствию Папы, который хотел в письме от 8 февраля 1222 г. отказать "схизматикам" по крайней мере в демонстративном осуществлении особых церковных обычаев».²⁷

В XIII в. большое торговое значение приобрел г. Псков. Здесь начинались важные в торговом отношении пути, которые вели к Ивангороду, Риге и в Литву. Представляя собой сильную крепость на рубеже русских владений, Псков в течение трех веков вел упорную борьбу с немцами и литовцами, защищая западные рубежи Новгородской земли. Население города быстро росло, и в XIV в. он уже не уступал Новгороду ни в размерах, ни по числу жителей. В 1348 г. Псков добился полной независимости и был признан «младшим братом» Новгорода. Здесь располагалась немецкая контора, подчинявшаяся двору св. Петра в Новгороде. Из торговых иноземцев в городе проживало особенно много ливонцев, скупавших у русских воск и мед и через Ригу снабжавших ими всю Западную Европу.²⁸

В силу ряда причин Псков дольше сохранял свою независимость, чем Новгород. Лишь в 1510 г. он был подчинен Москве. Падение веча в Пскове сопровождалось переселением многих местных купеческих фамилий в Москву и введением московских таможенных порядков. Тем не менее в XVI в. Псков не утратил своего внешнеторгового значения. Из Москвы сюда шел Новгородский (Балтийский) торговый путь, проходивший через Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Валдай и Новгород.

С начала XIV в. наметилось оживление торговых сношений Руси с Византией (с 1453 г. — с Турцией). Черноморская торговля производилась в основном через Кафу (Феодосию) и Солдайю (Сурож, Судак) — опорные пункты Генуи и Венеции в Тавриде (Крыму). Именно там пересекались маршруты византийских купцов с русскими, которые стремились в Синоп и далее в Константинополь, где существовала постоянная русская колония: первые привозили шерстяные, бумажные и шелковые ткани, металлические и стеклянные изделия, пряности и т. д., вторые — преимущественно дорогие меха, а также лес, кожи, мед, воск, моржовый клык и т. д.²⁹

Важнейшей торговой артерией, соединявшей в XIII—XV вв. Москву с южным берегом Крыма, являлся Черноморско-Донской путь. Он шел через Коломну, Переяславль-Рязанский (Рязань), Дубок (стоял в верховьях р. Дон), затем по Дону до Таны (Азова), где существовала международная ярмарка, далее по Азовскому и Черному морям к Сурожу, минуя Кафу.³⁰

Другой торговый путь в Крым начинался в Вязьме, шел по Днепру до Киева, а затем продолжался степью до Кафы. По наблюдению Рубрука, уже в середине XIII в. купцы со всей Руси приезжали в Крым за солью и с каждой нагруженной телеги давали татарам два куска бумажной ткани пошрины.⁸¹

Еще один торговый путь из Руси в Византию пролегал через Килию — порт в Килийском гирле Дуная (северный, наиболее многоводный рукав дельты реки), и Белгород (в XIV в. генуэзская колония Монкастро, в XV в. молдавское укрепление Четатя-Алба, с 1484 г. турецкая крепость Аккерман), расположенный в Днестровском лимане Черного моря. Первостепенное значение этот путь имел для купцов из Новгорода, Твери, Смоленска. Пользовались им и московские гости.⁸²

Значение черноморских и азовских гаваней для торговли стран Средиземноморья с Восточной Европой и Средней Азией раньше других сумели оценить генуэзцы (*фряги*), укрепившиеся в Кафе (1289—1475) и некоторых других городах на южном берегу Крыма еще в XIII в. Венецианские купцы смогли составить им конкуренцию в этом отношении лишь в XIV в.⁸³

В Кафе генуэзцы обязаны были платить татарам дань в размере 3% с продажи своих товаров, за чем наблюдал особый татарский чиновник. Для управления Кафой Генуя ежегодно назначала консула, который «пользовался большою властью и носил громкий титул верховного консула Хазарской империи всего Черного моря; в его руках была печать, которую он прикладывал ко всем бумагам <...> Порядок, господствовавший в Кафе, был так привлекателен, что даже татары в своих спорах обращались к итальянцам и просили третейского суда <...> все это придавало Кафе твердое политическое устройство...».⁸⁴

Тана выступала не только в роли перевалочного пункта на пути в Византию. От нее начинался торговый путь в Поволжье (в Астрахани находился складочный пункт товаров), Среднюю Азию и даже Китай.⁸⁵ В 1316—1332 гг. здесь осели генуэзцы. Однако затем их потеснили венецианцы, которым в 1333 г. удалось получить от хана Узбека грамоту на беспошлинную торговлю драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром и т. д. Все дела в Тане разрешались венецианским консулом, татарским представителем и таможенниками. В 1344 г. город перешел под власть Орды. В середине XIV в. в соперничестве с венецианцами, византийцами и татарами генуэзцы вновь доказали свое военное превосходство на море и на суше. Они вернулись в Тану, где оставались вплоть до захвата города войсками Тамерлана (1394). Торговля и таможенное дело были вновь поставлены под контроль ордынской администрации. В Тане находился татарский начальник — *дарога*, присутствовавший при таможенном сборе. В 1471 г. на месте итальянской фактории возникла турецкая крепость Азак.⁸⁶

Особую роль в русско-византийской торговле играл Сурож, который до 60-х гг. XIV в. посещался русскими купцами чаще, чем Кафа. На это были свои причины: 1) отсюда было ближе всего до Синопа, к которому от берегов Крыма шло мощное течение; 2) долгое время в городе преобладал греческий элемент, благоволивший русским купцам; 3) сурожские итальянцы, наряду с греками исполнявшие городские должности, первоначально были венецианцами, обосновавшимися здесь в 1287 г., и русские относились к ним с большей симпатией, чем к генуэзцам, под власть которых город перешел в 1365 г.⁸⁷ «Захват Судака генуэзцами, — отмечает М.Н. Тихомиров, — тяжело отразился на русской торговле в этом городе, которая начинает теперь идти через Тану и Белгород».⁸⁸ Представляется также, что с этого времени черноморская торговля русских княжеств перемещалась в Кафу, которая в XIV в. «могла выставить 630 кораблей, не считая кораблей мелких и кораблей, принадлежавших частным лицам».⁸⁹

В XIV—XV вв. Кафа, куда съезжались купцы татарские, русские, молдавские, валахские, болгарские, сделалась крупнейшим центром работорговли и главным складочным местом европейских товаров. «Роль Кафы, — отмечают А.Г. Еманов и А.И. Попов, — особенно повышалась в годы закрытия Таны, вызывавшегося итальянско-татарскими и генуэзско-венецианскими противоречиями (1343—1348, 1355—1358, 1381—1382, 1387 гг.). В эти годы кафинские власти, опираясь на свой военный флот и гарнизон в Воспоро (Керчь), получали возможность исключительного контроля за плаваниями в Азовское море».⁹⁰ Генуэзцы и венецианцы привозили сюда различные сукна (преимущественно красные и яркие), полотно, готовое платье, посуду, металлические и стеклянные изделия, драгоценные металлы и изделия из них, зеркала, писчую бумагу, фрукты, вина (миланские, неаполитанские, апулийские, анкорские). Из Византии, Малой Азии, Ирана и Сирии в Кафу поставлялись ковры, шелковые ткани (камка, тафта), шерстяные и бумажные ткани (зуфь, киндяк, епанча, бязь), хлопок, тесьма, москательные и бакалейные товары (сахар, мыло, перец, ладан, амбра), жемчуг, драгоценные

камни и т. д.²¹ Сама Кафа во второй половине XV в. сделалась крупным производителем парчи, ювелирных изделий и вина.²²

В итальянских городах Причерноморья существовали русские колонии. В свою очередь итальянцы уже в первой половине XIV в. появились в Москве и на Севере России, пополняя ряды московской знати и высшего разряда купечества — «гостей-сурожан».²³

Захват турками многочисленных итальянских колоний в третьей четверти XV в., включая Кафу в 1475 г., нанес сокрушительный удар по черноморской торговле Венеции и Генуи. Прекратились прямые русско-итальянские связи в Крыму. Торговля по Черноморско-Донскому пути продолжалась, но ее условия становились все менее благоприятными. В частности, участились грабежи и насилия, нередко совершавшиеся с ведома крымского хана. В Кафе, Азове, Перекопе, Очакове местные таможенники чинили вопиющий произвол. Русских гостей в турецких владениях заставляли выполнять работы по укреплению Азова. В случае смерти купца его товар подвергался конфискации и т. д. Все это вынуждало Москву вести длительные переговоры с турецким султаном о положении русских купцов в Кафе.²⁴

Лишь в самом конце XV в. сторонам удалось договориться об условиях взаимного торгового обмена. Султан заверил Ивана III, что не допустит в Кафе, Азове и других своих владениях произвола и насилия по отношению к русским купцам, принудительного занижения стоимости привозных товаров, конфискации имущества умерших купцов (турецкая сторона гарантировала возврат имущества родственникам усопшего). В свою очередь государь всяя Руси разрешил подданным султана приезжать в Русскую землю и свободно торговать с уплатой обычных пошлин: «...ино им от наших пошлинников и от наших людей никоторая сила не будет, опроче пошлин на правде; где которая будет пошлина, тут то и заплатят».²⁵

Примечания

¹ Как полагает Ю.В. Кривошеев, такой подход отражает точку зрения Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилева и других «евразийцев». В большинстве же своем отечественные историки «считали и считают, что Русь, как территория и общество, не стала территорией "Джучиева улуса"» (см.: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. / Отв. ред. И.Я. Фроянов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. С. 116—117, 246—249). Так, в новейшем исследовании А.А. Горского говорится, что «Северо-Восточная Русь сосуществовала с Ордой — государством, в зависимости от которого находились с середины XIII в. русские земли» (*Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 3).

² Подробнее о спорных вопросах, касающихся содержания и форм даннической зависимости, см.: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. С. 169—252.

³ О научных результатах изучения ханских ярлыков см.: *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 73; *Каишанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X—XIV вв. М., 1996. С. 81—82; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. С. 300—310.

⁴ Не оспаривая того факта, что городские вечевые собрания XIII—XV вв. порой оказывали сильное влияние на политический процесс, и даже допуская, что князья не вели целенаправленной борьбы против вечевых институтов, нам не представляется убедительной попытка Ю.В. Кривошеева доказать, что на всем протяжении этого периода в государственном устройстве Северо-Восточной Руси фактически сохранялись и система городов-государств, и вечевая организация, продолжавшая действовать в прежнем режиме как властная организация (орган) всего народа (см.: *Кривошеев Ю.В.* 1) Становление Великорусской государственности // История России. Народ и власть. СПб., 1997. С. 176—182; 2) Русь и монголы. С. 354—401).

⁵ *Ключевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. М., 1906. С. 61.

⁶ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 357; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993, С. 139.

⁷ *Платонов С.Ф.* Лекции... С. 139—141.

⁸ Там же. С. 142—144; *Ключевский В.О.* Соч. Т. 1. С. 357.

⁹ *Платонов С.Ф.* Лекции... С. 145.

- ¹⁰. Там же. С. 140.
- ¹¹. Там же. С. 136.
- ¹². *Лимонов Ю.А.* Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // *Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто.* М., 1961. С. 63; *Даркевич В.П.* *Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин.* М., 1985. С. 399.
- ¹³. По предположению М.Н. Тихомирова, слово «бессерменин» в русских источниках XIII—XV вв. имеет два значения: 1) обозначает мусульманина или иноверца вообще; 2) служит названием определенного народа, именно камских булгар (*Тихомиров М.Н.* *Бессермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей / Отв. ред. Н.Е. Носов.* М.; Л., 1964. С. 55). Прямые торговые связи мусульманских купцов-ростовщиков с монголами сложились еще в первой четверти XIII в. Известно также, что они пользовались личным покровительством Чингисхана (*Якубовский А.Ю.* *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.* Л., 1932. Ч. 1. С. 38—42).
- ¹⁴. *Вернадский Г.В.* *История России. Монголы и Русь.* Тверь, 1997. С. 219.
- ¹⁵. См.: *Кривошеев Ю.В.* *Русь и монголы.* С. 206—211, 236. Впрочем, как полагает сам Ю.В. Кривошеев, «уже в начале 60-х годов, — после крупных выступлений горожан на Северо-Востоке Руси — от тотального откупничества ордынцы были вынуждены отказаться» (Там же. С. 225).
- ¹⁶. *Вернадский Г.В.* *История России. Монголы и Русь.* С. 222—223.
- ¹⁷. *Насонов А.Н.* *Монголы и Русь (История татарской политики на Руси).* М.; Л., 1940. С. 109, 111, 151; *Павлов П.Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // *Учен. зап. Кrasноярского гос. пед. ин-та. Сер. историко-филологическая.* 1958. Т. 13, вып. 2. С. 80—82; *Зимин А.А.* *Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // ИАН СССР. Сер. истории и философии.* 1952. Т. 9. № 1. С. 65. Солидаризуясь с С.М. Соловьевым, Б.Д. Грековым и А.Ю. Якубовским, Ю.В. Кривошеев считает, что имеются все основания вернуться к тому факту, что институт баскачества существовал в Северо-Восточной Руси до начала XIV в., а не до 1320-х гг. (*Кривошеев Ю.В.* *Русь и монголы.* С. 232—235).
- ¹⁸. *Беляев И.Д.* *Лекции по истории русского законодательства.* М., 1879. С. 271; *Насонов А.Н.* *Монголы и Русь...* С. 103—105; *Вернадский Г.В.* *История России. Монголы и Русь.* С. 203—205; *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* *Налоги в России до XIX в.* СПб., 1999. С. 13.
- ¹⁹. *Насонов А.Н.* *Монголы и Русь...* С. 135, 140.
- ²⁰. *Павлов П.Н.* К вопросу о русской дани... С. 109.
- ²¹. *Горский А.А.* *Москва и Орда.* С. 189.
- ²². *Григорьев В.* *О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству.* М., 1842.
- ²³. Там же. С. 126—127.
- ²⁴. *Ключевский В.О.* *Краткое пособие...* С. 86.
- ²⁵. *Платонов С.Ф.* *Учебник русской истории.* М., 1992. С. 112.
- ²⁶. *Соловьев С.М.* *Соч.: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев.* М., 1988. Кн. 2. С. 541—542.
- ²⁷. *Вернадский Г.В.* *История России. Монголы и Русь.* С. 217.
- ²⁸. *Козловский И.* *Краткий очерк истории русской торговли.* Киев, 1898. Вып. 1. С. 16—17; *Покровский В.* *История торговли в России // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона.* СПб., 1901. Т. 33А. С. 566—567; *Мельгунов П.П.* *Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв.* М., 1905. С. 123—126; *Бутенко В.А.* *Краткий очерк истории русской торговли.* М., 1910. С. 14.
- ²⁹. Сарай-Бату находился в дельте Волги, около современной Астрахани, а Сарай-Берке — возле г. Ленинск (Волгоградская обл.). Согласно описанию Ибн Батуты, который посетил владения хана Узбека около 1333 г., Сарай-Берке был большим и красивым городом «с широкими улицами и прекрасными рынками. В нем жило шесть "народов": монголы, аланы, кипчаки, черкесы, русские и греки — и у каждого был в городе свой район. Для защиты себя и своих

товаров иностранные купцы останавливались в особой части города, обнесенной стеной» (*Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. С. 204*).

^{30.} К концу XIV в. вывоз «золотоордынской керамики» почти прекратился в связи с упадком керамического производства в Хорезме и обострением отношений Москвы с Ордой (*Латышева Г.П. Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1959—1960 гг. в Московском Кремле) // Древности Московского Кремля/ Отв. ред. Н.Н. Воронин, М.Г. Рабинович. М., 1971. С. 223—225*).

^{31.} *Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 167, 168, 171, 172.*

^{32.} *Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 543; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках М., 1960. С. 390—398. «Когда, — указывал Н.Я. Аристов, — новгородским ушкуйникам сделалась плохая пожива на Балтийском море, от сильных преследований их шаек, они пустились на Волгу и Каму, где развилась значительная торговля. Правилom их было — убивать и грабить бессерменских купцов, а христианских только грабить; но иногда с христианскими своими собратьями они поступали хуже, чем с иноверцами. Они, при взятии городов русских, забирали с собой все ценное, а остальное имущество жгли и бросали в Волгу, жителей уводили пленными и продавали болгарам, грабили церкви, сожигали города, мучили жителей, допытываясь, куда они спрятали имущество. В отмщение за набеги ушкуйников, болгары грабили русских купцов» (*Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 256*). Имеются свидетельства, что разбоем на Волге также занимались искатели приключений итальянского происхождения (*Мельгунов П.П. Очерки... С. 131—132; Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991. С. 10—13*).*

^{33.} Так, венецианский купец и путешественник Амброджо Контарини находился с астраханским караваном в пути с 10 августа до 25 сентября 1476 г.

^{34.} *Контарини А. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 220—221.*

^{35.} Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 8; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 302.

^{36.} *Покровский В. История... С. 567; Бутенко В.А. Краткий очерк... С. 21—22; Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 59. Разбойные нападения степняков особенно усилились в условиях распада Орды. «Хан, — указывал П.П. Мельгунов, — мог давать свою опасную грамоту, даже стражу, купцы могли платить деньги, чтобы их провели в опасных местах; деньги брались, но поручиться за степняка было невозможно: он брал деньги и сообщал своим собратьям о караване купцов, а те уже нападали и разграбляли его» (*Мельгунов П.П. Очерки... С. 125*).*

^{37.} Так, в 1471—1474 гг. тверской купец Афанасий Никитин совершил путешествие в Персию и Индию. На обратном пути он посетил африканский берег (Сомали), Маскат и Турцию. Путевые записки А. Никитина «Хождение за три моря» — ценный литературно-исторический памятник (см.: *Никитин А. Хождение за три моря Афанасия Никитина/ Подгот. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов; Отв. ред. Я.С. Лурье. Л., 1986*).

^{38.} *Мельгунов П.П. Очерки... С. 160—161. В подтверждение своих слов П.П. Мельгунов приводил названия одежды, распространенные в России в тот период: армяк, куртка, чекмень, сарафан, кафтан, терлик (халат), кушак, колпак, и названия тканей: парча, камка и др. (Там же. С. 161).*

^{39.} См., например: *Носов Н.Е. Русский город феодальной эпохи: проблемы и пути изучения // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 67—68.*

^{40.} *Кучкин В.А. 1) Города Северо-Восточной Руси в XIII—XV веках (Число и политико-географическое размещение) // История СССР. 1990. № 6; 2) Города Северо-Восточной Руси в XIII—XV веках (Крепость и посад; городское население) // История СССР. 1991. № 2; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. С. 351—353.*

^{41.} *Черепнин Л.В. Образование... С. 374, 382—388, 451—452.*

^{42.} Первое летописное упоминание о сурожанах относится к 1288 г. (*Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. С. 351*). Сама же привилегированная купеческая корпорация *гостей-сурожан* сформировалась в Москве в конце XIV в.

^{43.} *Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси. IX—XVII века. Екатеринбург, 1997. С. 104—109.*

- ^{44.} *Черепнин Л.В.* Образование... С. 415—423; *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (Вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 149—150; *Перхавко В.Б.* Истоки предпринимательства на Руси // ОИ. 1998. № 6. С. 7.
- ^{45.} *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 158.
- ^{46.} *Контарини А.* 1) Путешествие в Персию... С. 228—229; 2) Рассказ о путешествии в Москву в 1476—1477 гг. // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступит. статья и коммент. Ю.А. Лимонова. Л., 1986. С. 22—23.
- ^{47.} До начала XVII в. армянские, персидские и литовские купцы останавливались на Армянском дворе (в XVII в. — Новый английский двор), который находился в Белом городе около церкви Гребеневской Божьей Матери.
- ^{48.} До 1352 г. г. Белоозеро находился у истоков р. Шексна из Белого оз.
- ^{49.} *Покровский В.* История... С. 566.
- ^{50.} В XII—XVIII вв. русское название территории в бассейне верхнего и части среднего течения р. Вятка, населенной коми, удмуртами и марийцами. В 1489 г. присоединена к Москве.
- ^{51.} В XIII—XVII вв. русское название территории от Уральских гор до рек Печора, Кама и Волга, населенной коми. В 1478 г. присоединена к Москве.
- ^{52.} *Покровский В.* История... С. 567.
- ^{53.} *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 90, 124; *Козловский И.* Краткий очерк... Вып. 1. С. 17; *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959. С. 55. Дореволюционные авторы нередко допускали неточность, отождествляя Холопий городок с Мологой.
- ^{54.} *Бутенко В.А.* Краткий очерк... С. 22.
- ^{55.} *Аристов Н.* Промышленность... С. 205; *Кулишер И.М.* История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923. С. 98.
- ^{56.} *Усачев Н.Н.* К оценке внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 209—210.
- ^{57.} Там же. С. 204—209, 215, 217; *Кулишер И.М.* История... С. 99—105; *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. Тверь, 1996. С. 360; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI—XVII веков. СПб., 1909. С. 27; *Бутенко В.А.* Краткий очерк... С. 16.
- ^{58.} *Кулишер И.М.* История... С. 104.
- ^{59.} Там же.
- ^{60.} *Усачев Н.Н.* К оценке... С. 205, 208, 214—215.
- ^{61.} *Кулишер И.М.* История... С. 105.
- ^{62.} *Усачев Н.Н.* К оценке... С. 216.
- ^{63.} *Довнар-Запольский М.В.* История русского народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1. С. 159—160; *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 91—93.
- ^{64.} Воск был главным экспортным товаром Смоленской земли. Его взвешивали на специальных весах, гири которых имели особые эталоны и хранились в Успенском соборе и Латинской церкви («немецкой божнице») Смоленска. Отметим также, что вес одной *капи* составлял четыре пуда (*Алексеев Л.В.* Смоленская земля... С. 91).
- ^{65.} *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 218; *Аристов Н.* Промышленность... С. 233—234; *Кулишер И.М.* История... С. 104. Разделяя мнение о сырьевом характере русского экспорта, Н.Я. Аристов тем не менее предостерегал от опрометчивых суждений «о малости выгод, получаемых русскими от заграничного сбыта» (*Аристов Н.* Промышленность... С. 206).

⁶⁶. Кулишер И.М. История... С. 103—104.

⁶⁷. Там же. С. 107; Усачев Н.Н. К оценке... С. 219—220.

⁶⁸. Кулишер И.М. История... С. 110.

⁶⁹. Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 535; Усачев Н.Н. К оценке... С. 217, 223. В 1250 г. свободный проезд немцев из Смоленской земли в другие области был поставлен в зависимость от разрешения смоленского князя: «...а како боудеть немьцьский гость Смоленьске, а почьнеть ся кто от них просити выноую землю, то <...> о нем ся прошати а мне с подуме поушати» (Кулишер И.М. История... С. 105).

⁷⁰. Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 535; Святловский В.В. Прimitивно-торговое государство как форма быта. СПб., 1914. С. 261; Покровский В. История... С. 567; Усачев И.Н. К оценке... С. 224; Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси... С. 85. Лишь в 1509 г. русский государь Василий III и польский король Сигизмунд I договорились, чтобы польским и литовским купцам, с одной стороны, и русским, с другой стороны, был «на обе стороне путь чист без всяких зачепок <...> без рубежа, без всякое пакости», и разрешили торговать в своих владениях любыми товарами без ограничения (СГГид. СПб., 1894. Ч. 5. № 59. С. 50).

⁷¹. С 1307 г. Полоцкое княжество входило в состав великого княжества Литовского.

⁷². Хейс Э. Восточная политика Немецкого Ордена в XIII веке // Князь Александр Невский и его эпоха; Исследования и материалы / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 68.

⁷³. Аристов Н. Промышленность... С. 205; Усачев Н.Н. К оценке... С. 219.

⁷⁴. См.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв.: [Тексты] / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977. Вып. 1. № 25, 26, 27, 31, 32.

⁷⁵. Там же. № 37. С. 100—114. Немцы привозили в Литву хлеб, соль, сельдь, копченое мясо, сукно, полотно, пряжу, рукавицы, жемчуг, сердолик, золото, серебро, медь, олово, свинец, серу, иголки, четки, пергамент, вино, пиво. Из Полоцка вывозились меха, кожи, волос, щетина, сало, воск, лес, скот, а также товары восточного происхождения: жемчуг, шелк, драгоценные одежды, оружие (Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 535—536).

⁷⁶. Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 162—166.

⁷⁷. Хейс Э. Восточная политика Немецкого Ордена... С. 70.

⁷⁸. Бутенко В.А. Краткий очерк... С. 17.

⁷⁹. Еще в 1253 г., указывая на важное транзитное значение Солдайи, посланник французского короля к монголам Гильом де Рубрук отмечал, что здесь приставали все купцы, «как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазю (*gambasio*), шелковые материи и душистые корни» (Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны // Путешествия и путешественники / Вступ. статья, коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997. С. 89).

⁸⁰. Тихомиров М.Н. Исторические связи... С. 16, 26—27. Плавание по Дону занимало 27 дней. Река была судоходна лишь весной или в дождливое лето (Покровский В. История... С. 567).

⁸¹. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. С. 91.

⁸². Тихомиров М.Н. Исторические связи... С. 30. Через Белгород также могли вывозиться в Европу товары из Таны и Кафы (Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Июль. С. 148).

⁸³. Коновалова И.Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987 г. М., 1989. С. 308.

⁸⁴. Мельгунов П.П. Очерки... С. 129.

⁸⁵. Из Кафы в Среднюю Азию тоже вели торговые пути; первый — через Трапезунд и далее через Армению и Курдистан; второй — прямо через Кавказ на Каспийское море; третий — через Дон и столицу Орды. Видимо, последний был наиболее безопасным. По утверждению историка XV в. Ибн Араб-шаха, «при хане Узбеке торговые караваны безопасно курсировали между Крымом и Хорезмом, не нуждаясь в каком-либо военном сопровождении» (Мельгунов П.П. Очерки... С. 137; Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. С. 204).

- ^{86.} Мельгунов П.П. Очерки... С. 130—131; Тихомиров М.Н. Исторические связи... С. 28—29, 33, 60. Крепость Азак была взята войсками Петра I в 1696 г.
- ^{87.} Тихомиров М.Н. Исторические связи... С. 62, 67. «Принятый в 1316 году устав генуэзских колоний на Черном море, — указывают А.А. Преображенский и В.Б. Перхавко, — запрещал генуэзцам под страхом огромного штрафа в сто золотых монет — перперов закупать и продавать, загружать и выгружать товары в Солдае» (*Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси...* С. 69).
- ^{88.} Тихомиров М.Н. Исторические связи... С. 68. Очевидно, что после захвата Сурожа генуэзцами ими было издано постановление, «чтобы в Суруже корабли итальянские не могли оставаться более трех дней, по прошествии которых должны были отправляться в Кафу» (*Мельгунов П.П. Очерки...* С. 135).
- ^{89.} Мельгунов П.П. Очерки... С. 133.
- ^{90.} Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля на Черном море в XIII—XV вв. // *Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древние и средние века: Межвузовск. сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Королев. Ростов-на-Дону, 1988. С. 77.*
- ^{91.} Мельгунов П.П. Очерки... С. 133—134, 136, 138—139; Энгельман И. История торговли и всемирных сношений. 2-е изд. М., 1870. С. 135; Черепнин Л.В. Образование... С. 399; Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля... С. 77—85; Латышева Г.П. Торговые связи Москвы... С. 226.
- ^{92.} Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля... С. 85.
- ^{93.} См.: Тихомиров М.И. Исторические связи... С. 17, 29, 30, 32, 62, 64. Некоторые из сурожан (итальянцев и греков) обосновались в Москве и явились родоначальниками купеческих династий Саларевых, Ховриных, Шиховых и др.
- ^{94.} Там же. С. 64; Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. С. 284; Черепнин Л.В. Образование... С. 398—402; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 47, 50; Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1932. № 3; Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси. С. 74—81; Riasanovsky N.V. A History of Russia. New York, 1963; 5th ed., 1993. P. 115.
- ^{95.} СГГид. Ч. 5. № 34. С. 20—21; № 36. С. 22—23.

2.2. Деньги и денежное обращение

Наступивший в XII в. *безмонетный период*, который продолжался до конца второй трети XIV в., по словам И.Г. Спасского, представлял собой «очень странное, необычное явление в истории русского денежного обращения».¹ После прекращения притока монет с Запада основной формой металлических платежных средств повсюду на Руси стало обращение крупных «неразменных» слитков, которые были удобны для испытания пробы серебра и транспортировки, но могли обслуживать лишь очень крупные торговые операции.² Особую роль в тот период играл Новгород, служивший воротами, через которые в страну поступало серебро. Именно в Новгороде привозное серебро принимало привычную и приемлемую для всей Руси форму новгородских гривен-слитков.³

«В Новгороде, — указывал И.Г. Спасский, — литье слитков из серебра, поступавшего с Запада, имело организованный характер. Оно давало определенный доход в виде пошлины, производили его облеченные доверием города ливцы, отвечавшие за соблюдение законных веса и качества слитков».⁴ В виде гривен-слитков серебро уходило дальше на восток — в русские княжества. Их масса отличалась особенной устойчивостью, соответствуя общепринятой весовой единице — гривне, или гривенке, массой около 204 г. Учитывая неизбежный угар серебра при литье слитков, В.Л. Янин настаивает на том, чтобы весовую (теоретическую) норму гривны серебра в XI—XIV вв. связывать только с полуфунтом массой 204.756 г.⁵

На протяжении XII—XIV вв. весовая норма гривны оставалась неизменной. Другое дело, что фактическая масса обнаруживаемых серебряных слитков варьировалась и была ниже теоретической нормы. В.Л. Янин объясняет это тем, что «слитки, возникнув из счетных единиц, могли дозироваться только одним способом: они выплавлялись из монет и серебряного лома, по весу, эквивалентному теоретическому весу слитка. При переплавке угар известного количества серебра неизбежен, и в силу этого вес слитка всегда окажется более низким, чем его теоретическая весовая норма».⁶ Опираясь на

ряд показаний письменных источников, этот автор считает возможным говорить о том, что рубль «безмонетного периода» ничем не отличался от «гривны серебра» массой 204.756 г.²

Система денежного счета сохранялась. По мнению И.Г. Спасского, В.Л. Янина, А.Л. Монгайта, М.Б. Свердлова и многих других авторов,

функцию кредитных денег могли выполнять меха. Так, И.Г. Спасский утверждал, что «во внутреннем обращении роль металлических малых платежных единиц могли, до известной меры, выполнять некоторые виды наиболее единообразных по своей природе товаров. Это хорошо известно относительно шкурок пушного зверя. В областях с развитым охотничьим промыслом ими оплачивались подати и различные поборы — главным образом белкой (векша, веверица)».³ Ссылаясь на многочисленные исторические свидетельства, Монгайт тоже настаивает на том, что начиная с XII в. роль товаро-денег играли связки беличьих шкурок, опломбированные свинцовыми пломбами.⁴ По мнению Е.А. Рыбиной, эквивалентами мелких денег «безмонетного периода» выступали шкурки пушных зверей (особенно малоценных пород), которые сшивались в сорочки.¹⁰ М.Б. Свердлов настаивает на том, что мелкие денежные расчеты производились на шкурки белок и куниц, которые хотя и вытирались, но продолжали принудительно использоваться в денежном обращении при участии государства.¹¹

Одновременно с мехами в роли товарных эквивалентов металлических денег («суррогатных денег») могли выступать и другие широко распространенные в хозяйстве товары — бусины, стеклянные браслеты, ножи, гвозди и т. д. Так, М.В. Фехнер полагала, что в качестве мелкой разменной монеты могли употребляться некоторые типы привозных бус, отличавшиеся стандартностью в отношении формы и веса.¹²

Говоря о денежном обращении «безмонетного периода», В.Л. Янин высказывает предположение о платежной роли волынских *шиферных пряслиц*, представлявших весьма массовые и притом предельно «стандартизованные» изделия древнерусской промышленности, распространение которых как бы шло по стопам монетного обращения предшествующей поры. В подтверждение этой версии приводится и тот аргумент, что шиферные пряслица неоднократно встречаются даже в кладках вместе с металлическими слитками.¹³ Так, в Новгороде при раскопках 1951—1962 гг. в слоях XI — первой половины XIII вв. было обнаружено более 2000 шиферных пряслиц.¹⁴

Со своей стороны И.Г. Спасский обращает внимание на *каури* — небольшие изящные раковины с Мальдивских островов Индийского океана. Тысячами они служили платежными средствами в Африке и Азии. По-прежнему их обнаруживают в погребальных комплексах Новгородской и Псковской земель. «В некоторых случаях, — считает И.Г. Спасский, — они были обнаружены даже в виде своего рода кладов».¹⁵ С XII в. этот товар поступал в Новгород из Прибалтики, и «новгородские купцы снабжали ими среднее и верхнее Поволжье, где применение каури прослеживается начиная примерно с XII в. Еще в XVI в. новгородские купцы закупали в Риге тысячами "гажьи" (змеиные. — М.Ш.) головки».¹⁶ На Руси знали эти раковины, напоминавшие череп змеи или небольшого четвероногого. Их называли *ужовками*, *жуковинами*, *жерновками*, *змеиными головками* и т. д. В польских землях в XII—XIII вв. в роли товаро-денег обычно выступали брусочки соли.¹⁷

Характеризуя «безмонетный период», И.Г. Спасский обращал внимание на то, что в письменных источниках XII—XIV вв. сохранилась терминология прежнего времени («гривно-кунная»). Иными словами, куны, резаны и другие малые платежные единицы, прекратив свое физическое существование, упоминались по-прежнему, «как будто бы стали арифметическими величинами, своего рода платежными коэффициентами».¹⁸ Спасский также настаивал на появлении в тот период времени совершенно нового платежного понятия — *мортков*, отвергая при этом попытки отождествления последних с головками белок и куниц. По его мнению, *мордки куные* являлись настоящими деньгами (кунами), физическим эквивалентом которых выступали раковины каури (раковинные деньги).

Уточняя свою позицию в вопросе о товарно-денежных отношениях «безмонетного периода», В.Л. Янин указывает, что «в XIII—XIV вв. термин *куна* уже не употреблялся для обозначения той единицы системы, которая с началом чеканки нашла воплощение в серебряной *денге*. Как показывает сопоставление таможенных норм XIV—XV вв., указанный термин был вытеснен другим — *морткой*, которая впервые встречается в документе XIII в.».¹⁹ Главнейшим структурным преобразованием в

Москве «безмонетного периода» он называет уменьшение размера гривны кун и превращение ее в $\frac{1}{10}$ часть гривны серебра: 1 гривна серебра = 10 гривнам кун = 200 морткам = 204.5 г; гривна кун = 20 морткам = 20.45 г; мортка = 1 г.²⁰ (В Новгороде считали по-другому: 1 гривна серебра = 15 гривнам кун.) В Южной Руси в XII—XIII вв. наряду с товаро-деньгами в денежном обращении по-прежнему участвовали монеты XI в., гривны, а также весовое серебро в виде фрагментов вещей и лома.²¹

Татарское иго задержало неизбежный возврат Руси к чеканке собственных денег. Ослабли внешние торговые связи. Замедлилось поступление серебра извне. Люди стремились изъять его из сферы обращения и сокрыть в кладах. Серебро вывозилось из страны, обслуживая потребности чужого государства — Орды. Одновременно с этим в Русской земле обращались и татарские серебряные слитки — *сумы* (саумы), которые имели массу новгородских.²² И.Г. Спасский также обращал внимание на то, что около середины XIV в. в восточной части Центральной Руси началось довольно ограниченное обращение монет Орды, так называемых *джучидских монет*. В ряде археологических находок конца XIV — начала XV в. татарский дирхем встречается с первыми монетами русских княжеств. Наиболее западными областями распространения Джучидских серебряных монет конца XIV — начала XV в. были Курщина и северная часть Украины.²³

Почти одновременно с джучидскими монетами к западу и юго-западу от Москвы, на территории, приблизительно ограничиваемой городами Полоцк—Тверь—Рязань—Переяславль-Хмельницкий, возникло обращение *пражских грошей*, довольно крупных серебряных чешских монет, название которых восходит к латинскому *grossus* — большой.²⁴ В Новгороде их называли грошами литовскими. В XIV—XV вв. здесь были также в ходу *лобци* и *артуги* немецкие (ливонские).

Приходившие на Русь из Западной Европы *дукаты* (золотая монета массой 3.5 г) назывались «венецскими», «цесарскими», «угорскими» и т. д. Ведущее положение Венгрии в поставке дукатов в Россию в XV в. привело к тому, что вскоре слово «угорский» стало русским термином, служившим для наименования любой золотой монеты массой 3.5 г — даже если она чеканилась в Москве.²⁵

Как считает В.Л. Янин, на рубеже XIII—XIV вв. в Северной Руси на смену длинным серебряным слиткам по норме *гривны серебра* пришли короткие горбатые слитки массой около 200 г с пониженной весовой нормой чистого серебра. Одновременно в берестяных грамотах появилось новое обозначение основной единицы новгородской денежной системы — *рубль*. После 1316 г. термин *гривна серебра* перестал встречаться в письменных источниках.²⁶

В отличие от серебряной гривны, рубль заключал в себе уже не 15, а лишь 13 гривен кун, что было эквивалентно 170.1 г серебра. Возможно, что он возник из гривны серебра путем «изъятия» из нее двух гривен кун, которые как бы были отрублены; отсюда и этимологический смысл нового термина.²⁷ Однако в низовские княжества из Новгорода по-прежнему вывозились слитки-рубли массой около 204 г серебра, которые полностью соответствовали прежней гривне или гривенке.²⁸

Рядом с рублем возникли производные и зависимые от него понятия — *полтина* и *четверть*, соответствовавшие половине и четверти ценности рубля. «Как реальную платежную единицу Новгород знал полтину <...> Четверть оставалась счетным понятием».²⁹ На поздних полтинах обязательно ставились одно или несколько различных клейм (до шести клейм). «Клеймение (его производили во многих княжествах. — М.Ш.) могло свидетельствовать о взыскании налога с ввезенного капитала, одновременно удостоверяя и доброкачественность слитка».³⁰

И.Г. Спасский считал вероятным, что «до конца XIV в. рубль был единым для всей Руси понятием, а возникновение различных местных рублей произошло позднее и целиком зависело от местных особенностей чеканки и метрологии».³¹ Одновременно он отвергал «распространенное представление, что рубленные слитки (то есть новгородская полтина весом около 100 г) и были первыми московскими рублями».³²

Во второй половине — конце XIV в. в ряде княжеств (Московском, Суздальско-Нижегородском, Рязанском, Тверском) началась чеканка собственной мелкой серебряной монеты — «денги».³³ «С конца XIV в. и в первой половине XV в. стали чеканить "свою" монету уже и многие младшие князья (Галича, Звенигорода, Серпухова, Углича, Можайска и др. — М.Ш.), державшие уделы под рукой великих князей».³⁴ По утверждению И.Г. Спасского, «можно перечислить около двадцати пяти городов,

в которых (или для которых) производилась монетная чеканка, и несколько десятков правителей, от имени которых чеканились монеты».³⁵ В скором времени мелкая монета вытеснила из обращения местные рубли-слитки, которые приобрели счетное значение. В 1534 г. основной счетной единицей денежной системы всей России сделался московский рубль.³⁶

Отмечая эти факты, И.Г. Спасский отказывался признать, что деньга была попросту заимствована от татар и настаивал на «генетической» связи новой монеты с рублем.³⁷ Действительно, несмотря на многообразие форм денежного обращения в XV в., обусловленное тем, что исходные нормы чеканки различались в зависимости от местной основы, «все русские областные системы <...> имели общий родственный элемент в виде единообразного для всех областей денежного слитка северного веса», все они возникали на весовой основе рубля.³⁸ Уже в начале XV в. масса татарской деньги, чеканившейся в торговых центрах Поволжья, соответствовала массе русской деньги, «а во второй половине XV в. русская монета вообще занимала господствующее положение на рынках Поволжья».³⁹

Несмотря на то что введение собственной чеканки при великом князе владимирском Дмитрие Донском (1362—1389) сопровождалось обновлением финансовой терминологии (деньга, алтын), в целом денежная система сохраняла большую близость с системой Правды Русской. Московская деньга имела массу около 1 г, соответствуя таким образом весовой норме куны XII в. и мортки XIII—XIV вв. Зная о том, что московский рубль был равен 10 гривнам, мы можем представить себе исходный пункт денежной системы Дмитрия Донского: 1 рубль = 10 гривнам = 200 деньгам = 204.756 г; 1 гривна = 20 деньгам = 20.47 г; 1 деньга = 1.02 г.

В самом конце правления Дмитрия Донского была проведена первая в России монетная реформа, в результате которой масса деньга была понижена до 0.92 г, что соответствовало половине *новгородской белы*; три московские деньги стали равны двум ордынским дирхемам Тохтамышша, широко распространенным в Рязани. Понижение массы московской деньга повлекло за собой изменение других единиц московской денежной чеканки: 1 рубль = 10 гривнам = 200 деньгам = 184.28 г; 1 гривна = 20 деньгам = 18.43 г; 1 деньга = 0.92 г. «Результатом этой реформы, — указывает В.Л. Янин, — было впервые осуществившееся отделение денежной единицы от весовой. Рядом со старым рублем, который отныне сохраняется лишь в виде весовой единицы — гривенки (204.756 г), появляется чисто денежная единица — рубль в 184.28 г».⁴⁰ При этом разница старого и нового рублей составляла 20.47 г, или величину одной старой гривны. Иными словами, 9 старых денег = 10 новым.⁴¹

Следующая денежная реформа, в ходе которой весовая норма московской деньга понизилась до 0.86—0.87 г, произошла около 1409 г. при Василии I Дмитриевиче (1389—1425). Вероятно, что и это преобразование было обусловлено необходимостью согласования московской денежной системы с рязанской и тверской (монеты удельных княжеств повторяли изменения норм денег своих великих княжеств). В конце правления Василия Дмитриевича весовая норма московской денги понизилась до 0.73 г.⁴²

При московском князе Василии II Темном (1425—1462) чеканка почти перестала отдаваться на откуп многочисленным ремесленникам. В Москве был создан большой, хорошо организованный монетный двор, началось количественное ограничение типов выпускаемой монеты, вводилась в обращение стандартная монета, изменялся тип удельных денег. Они становились стандартными, рядом с именами удельных владельцев на них в обязательном порядке помещалось имя великого князя московского. Некоторые типы удельных денег чеканились на Московском монетном дворе и т. д.⁴³

В ходе феодальной войны во второй четверти XV в. Василию II пришлось на время уступить московский стол галичским князьям. В 1446 г. в Москве обосновался Дмитрий Шемяка, успевший к тому времени понизить монетную норму до 0.59 г в своем княжестве. То же самое он проделал и с московской деньгой. После победы и возвращения себе московского стола Василий II не стал восстанавливать прежнюю монетную норму. Однако он запретил чеканку монеты в уделах, не останавливаясь при этом перед ликвидацией самих уделов. Раздвигая московские границы, князь также содействовал расширению зоны обращения московских денег.⁴⁴

В последние годы своего княжения Василий II понизил весовую норму деньга до 0.395 г. Это привело к очередному падению ценности московского рубля (счетного): 1 рубль = 10 гривнам = 200 деньгам = 78.92 г; 1 гривна = 20 деньгам = 7.89 г; 1 деньга = 0.395 г, что приблизительно соответствовало

$\frac{1}{2}$ новгородки. При нем также прекратилась монетная чеканка в ряде великих и удельных княжеств. С 1456 г. новгородская монета чеканилась под контролем Московского княжества, хотя и с сохранением местной метрологии.⁴⁵

Параллельно с московской существовала новгородская денежная система. Значительно отличаясь от первой, она до 1410 г. имела такой общий вид: 1 рубль = 13 гривнам кун = 91 беле = 364 кунам = 170.1 г; 1 гривна кун = 7 белам = 28 кунам = 13.08 г; 1 бела = 4 кунам = 1.87 г; 1 куна = 0.47 г.⁴⁶

В 1410 г. новгородцы «куны отложиша» стали пользоваться «лопыци и гроши литовскими и артуги немецкими», т. е. иностранной монетой. Артиг, хорошо известный в нумизматике Ливонии, в то время содержал около 0.8 г серебра и занимал промежуточное положение между белой и кунной. Подстановка артуга (артига) в новгородскую систему в качестве $\frac{1}{14}$ гривны привела к изменению общего вида последней. Таким образом, в XV в. на Русском Севере сложился особый новгородский денежный счет: 1 рубль = 15 гривнам = 216 деньгам = 170.1 г; 1 гривна = 14 деньгам = 11.04 г; 1 деньга = 0.79 г. С 1420 г. новгородцы осуществляли чеканку собственной монеты. Норма артига стала нормой новгородской деньги.

Имея массу около 0.8 г, новгородская деньга ценилась как две московские. Тип новгородской деньги сохранялся до присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. Затем надпись «*Великого Новгорода*» на несколько лет была заменена титулом великого князя, после чего (при сохранении прежней весовой нормы) и на лицевом штемпеле появилось изображение московского «ездеца».⁴⁷ В 1478 г. Новгородский денежный двор, утратив самостоятельность в чеканке монеты, стал периферийным монетным двором Московского государства, просуществовав тем не менее до 1663 г.⁴⁸

Таким образом, в конце XV в. произошло объединение московской и новгородской денежных систем. Это проявилось в том, что новгородские монеты прежней массы (0.79 г) стали выпускаться с изображением московской эмблемы — «ездеца» и надписью «*Осподарь всяя Руси*». Такие деньги получили название «Новгородок». В отличие от них московские деньги, содержавшие в своей легенде обозначение «денга московская», получили название «московок». После 1478 г. новгородская деньга фактически «встроилась» в московскую систему, получившую такой окончательный вид: 1 рубль = 100 гривнам = 100 новгородским деньгам («новгородкам») = 200 московским деньгам («московкам»); 1 гривна = 10 новгородским деньгам = 20 московским деньгам; 1 новгородская деньга = 2 московским деньгам. Как можно заметить, именно московская и новгородская денежные системы своим слиянием во второй половине XV в. породили национальную денежную систему, действующую до настоящего времени.

Примечания

¹ Спасский И.Г. Русская монетная система. 4-е изд., доп. Л., 1970. С. 62.

² Там же; Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII в. Л., 1968. С. 81.

³ Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 61.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 46.

⁶ Янин В.Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // ВИ. 1955. № 8. С. 142.

⁷ Янин В.Л. О метрологической закономерности в развитии русских монетных норм // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 19.

⁸ Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 68.

⁹ Монгайт А.Л. Рец. на кн. В.Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» // ВИ. 1958. № 3. С. 186.

¹⁰ Рыбина Е.А. Археологические очерки новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 87.

11. *Свердлов М.Б.* Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв. // ВИД. 1978. Т. 9. С. 3—16.
12. *Фехнер М.В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей середины XIII в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 47. Еще в XI в. на Русь по Волжскому пути завозились ближневосточные золотостеклянные и серебростеклянные бусы, среднеазиатские бусы из сердолика, горного хрусталя и аметиста (*Даркевич В.П.* Международные связи. С. 390).
13. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 69; *Янин В.Л.* Русские денежные системы IX—XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 365.
14. *Янин В.Л.* Русские денежные системы... С. 365. А.Л. Монгайт не разделял оптимизма В.Л. Янина по поводу обращения в качестве денег пряслиц, бус, браслетов (*Монгайт А.Л.* Рец. на кн. В.Л. Янина... С. 187).
15. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 71.
16. Там же.
17. *Котляр Н.Ф.* Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Руси (XII—XIII вв.) // ВИД. 1973. Т. 5. С. 160.
18. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 68.
19. *Янин В.Л.* Русские денежные системы... С. 366.
20. Там же.
21. *Котляр Н.Ф.* Еще раз о «безмонетном» периоде... С. 168. До этого Б.А. Романов высказывал предположение о том, что Южная Русь еще с конца XI в. отказалась от всякого монетного обращения, не считая незначительного выпуска монет тмутараканского князя Олега-Михаила Святославича (1083—1094) (*Романов Б.А.* Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 390).
22. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 71.
23. Там же. С. 72.
24. Там же.
25. Там же. С. 109. Чеканка золотых началась при Иване III.
26. Российское законодательство X—XX веков [Тексты и коммент.]: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. С. 278—279.
27. *Янин В.Л.* Русские денежные системы... С. 366.
28. До первой половины XV в. новгородский рубль оставался все тем же серебряным бруском массой около 200 г.
29. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 75.
30. Там же. С. 76.
31. Там же. С. 77.
32. Там же.
33. Лишь в XVIII в. в русском языке утвердилось написание слова «денга» с мягким знаком — «деньга».
34. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 79.
35. Там же. С. 93.
36. *Святловский В.В.* Примитивно-торговое государство... С. 136.

³⁷. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 78. П.П. Мельгунов заблуждался, полагая, что чеканке монет русские научились у татар, вследствие чего «русское слово куна заменилось татарским теньга, позднее перешедшим в нашу деньгу» (*Мельгунов П.П. Очерки...* С. 116).

³⁸. *Янин В.Л.* Русские денежные системы... С. 365.

³⁹. Там же. С. 96.

⁴⁰. *Янин В.Л.* О метрологической закономерности... С. 19.

⁴¹. Там же. С. 20.

⁴². *Янин В.Л.* Русские денежные системы... С. 367—368.

⁴³. Там же.

⁴⁴. Там же. С. 368.

⁴⁵. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 82.

⁴⁶. *Янин В.Л.* Русские денежные системы... С. 366.

⁴⁷. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 93.

⁴⁸. Там же.

2.3. Правовое регулирование торговли и таможенного дела

Законодательную основу торговой и таможенной деятельности в удельное время составляли грамоты (ярлыки) монгольских ханов на право свободной торговли в Северо-Восточной Руси, междукняжеские договоры (договорные грамоты князей великих и удельных), духовные грамоты великих и удельных князей и т. д.

Несмотря на то что удельный порядок ослабил и даже разрушил политическое (государственное) единство Русской земли,¹ ханские ярлыки однозначно свидетельствуют о том, что в XIII—XV вв. Северо-Восточная Русь представляла собой единую в торговом и таможенном отношении территорию.²

Междукняжеские договоры лишь на первый взгляд формировали отношения постоянных соперников и врагов, презиравших чужие права и свои обязанности. М.Ф. Владимирский-Буданов был совершенно прав, утверждая, что при более внимательном рассмотрении вся совокупность этих отношений представляла собой тесный союз, приближавшийся уже к государственному единству.³ «Договорами, — развивал эту же мысль С.Ф. Платонов, — определялись и взаимные отношения заключивших их князей и единство их политики по отношению к прочим князьям и внешним врагам Руси. Если князья договаривались как равноправные владетели, они называли себя "братьями"; если один князь признавал другого сильнейшим или становился под его покровительство, он называл сильнейшего "отцом" или "братом старейшим", а сам назывался "братом младшим"».⁴

В постоянный торговый и таможенный союз государств Северо-Восточной Руси входили Москва, Тверь, Рязань, Псков и Новгород, «так что в частный договор между двумя княжествами обычно включаются и все прочие».⁵ М.Ф. Владимирский-Буданов указывал и на то обстоятельство, что власти одного княжества обязаны были исполнять приговоры судов другого, а каждый свободный человек одного княжества мог преследовать должника или холопа на территории другого: «...тата, разбойника и душегубца выдати по исправе».⁶

В таможенной практике господствовали «консервативные» начала. Так, вступая в договорные отношения с князьями Северо-Восточной Руси, новгородцы стремились оградить себя от появления в их земле новых мытных застав и постоянно добивались, чтобы с новгородских купцов в Суздальской

земле взимались лишь мытные пошлины в размере двух векш (белок) с воза, ладьи, а также с короба хмеля и льна.²

Взаимные договорные грамоты великих князей московских с великими князьями тверскими и рязанскими также убедительно свидетельствуют о стремлении властей поддерживать прежний порядок в деле таможенного обложения и пресекать здесь любые возможные нововведения. Законодательство старалось лишь узаконить обычай. Так, в числе условий, заключенных в 1368 и 1375 гг. великим князем московским Дмитрием Ивановичем с великим князем тверским Михаилом Александровичем, говорилось: «А мытов ти новых и пошлин не замышляти», «а мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлине у наших гостей и у торговцев». Такие же условия были заключены в 1382 г. между Дмитрием Ивановичем и великим князем рязанским Олегом Ивановичем, а также в 1402 г. между великим князем московским Василием Дмитриевичем и великим князем рязанским Федором Ольговичем.³ Они повторялись и на протяжении XV в. во всех договорных грамотах великих князей московских с великими князьями тверскими и рязанскими. «Во всех этих грамотах, — указывал Е.Г. Осокин, — в[еликие] князья взаимно обязываются оставить таможенные пошлины в том виде, как они существовали при прадедах, дедах и отцах».² Удельные князья московского, тверского и рязанского княжеских домов постоянно принимали участие в этих договорах.

В рассматриваемый период постоянные княжеские доходы по-прежнему состояли из пошлин торговых, судных и доходов с земельной частной собственности. При этом князья московские и тверские в договорных грамотах XV в. обыкновенно требовали друг от друга, чтобы мыты состояли в следующих сборах: «...с воза пошлины деньга, с человека косток деньга, если кто поедет без воза, верхом на лошади, но для торговли, платить деньгу же; кто утаится от мытника, промытыся, тот платит с воза промыты шесть алтын да заповеди столько же, сколько бы возов ни было; промыта состоит в том, когда кто объедет мыт; если же кто проедет мыт, а мытника у заставы (завора) не будет, то промыты нет; если мытник догонит купца, то пусть возьмет свой мыт, но промыты и заповеди здесь нет. С лодьи пошлина: с доски два алтына, со струга алтын. Тамги и осмничего берется от рубля алтын; но тамга и осмничее берется только тогда, когда кто начнет торговать; если же поедет только мимо, то знает свой мыт да костки, а других пошлин нет; если же кто поедет без торгу, то с того ни мыта нет, ни пошлин».¹⁰ В договорах же XV в. князей московских с рязанскими фигурировали другие таможенные пошлины, практика взимания которых тоже освящалась стариной: «А мыта с воза и в городех денга, а с пешехода мыта нет; а тамги и всех пошлин от рубля алтын, а с лодьи с доски по алтыну, а с струга с набоем два алтына, а без набои денга; а со князей великих лодей пошлин нет».¹¹

С.М. Соловьев обращал внимание на то, что местные власти были постоянно озабочены беспрепятственным перемещением товаров по удельным землям, впоследствии составившим территорию Московского государства. Действительно, в сохранившихся договорах Великого Новгорода с князьями тверскими и московскими неизменно содержались формулировки: «А гости нашему гостити по Суждальской земли без рубежа, по Цареве грамоте», «А суждальскому гости гостити в Новгороде без рубежа, бес пакости», «А гостю гостити всякому с обе стороне, путь чист без рубежа» ит.д.¹²

В договорах между собой великие князья Северо-Восточной Руси выговаривали то же самое.¹³ Так, в договорной грамоте великих князей Дмитрия Ивановича Московского и Михаила Александровича Тверского (1368) говорилось: «А гостем и торговцем Новагорода Великого и Торжку и с пригородей дати ти путь чист без рубежа сквозь Тферь и Тферские волости». В договорной грамоте великого князя Василия Васильевича Московского с великим князем Борисом Александровичем Тверским (1451) также отмечалось: «А межи нас людем нашим и гостем путь чист без рубежа; а кто учинит рубеж <...> рубежчика <...> по исправе выдати».¹⁴ В договорных грамотах Москвы с Новгородом (1380), Рязанью (1382), Тверью (1396) везде было установлено «гостю гостити без рубежа, мыты держать прежние».¹⁵ Все это говорит о стремлении русских княжеств к упразднению таможенных границ и созданию на северо-востоке Руси «единой таможенной территории».¹⁶

Русские великие князья также распространяли условия о «наибольшем благоприятствовании» в торговле и таможенном обложении на великое княжество Литовское. Так, в мирном договоре великого князя тверского Бориса Александровича с великим князем литовским и королем польским Казимиром (1449) говорилось: «А людем нашим, гостем, поити путь чист, без рубежа и без пакости. А пошлины имати з наших людеи у Смоленску, у Витебску, в Киеве, в Дорогобужы, у Вязме, по всему твоему великому княженью, по давному, а нового не примышляти. А по моеи отчыне, великого князя

Борысове Тверского, во Тверы, в Кашыне, на Городку, в Зубцеве, по всему моему великому княженью, с ваших людей пошлины имати по давному, а нового не примышляти».¹⁷

Новгород и Псков имели аналогичные договоры с ливонскими и ганзейскими городами. Участвовали в их заключении и северо-западные русские города — Смоленск, Полоцк и Витебск. Причем если в одних случаях договоры эти распространялись на все три области, то в других Смоленск заключал их отдельно от Витебска и Полоцка, раньше оказавшихся под властью Литвы, вступавшей в самостоятельные договоры с Ригой. Так, смоленский князь Александр Глебович около 1300 г. писал в Ригу: «Како есте были в л[юб]ви с отцем моим Глебом <...> тако будете и со мною в любви. А яз тоеже любви хочю с вами. Гость ко мне пушцаите, а путь им чист».¹⁸ По договору между новгородцами и норвежцами (1326), норвежские купцы получили право свободного и беспрепятственного приезда в Новгород и Заволочье.¹⁹

Бросается в глаза однородность основных договорных обязательств сторон, что во многом обуславливалось нормами Правды Русской. И.Э. Клейненберг в этой связи отмечал, что «при заключении договоров с немцами русские всегда стойко оберегали нормы своего обычного права и очень редко допускали проникновение в свои конвенции элементов немецкого права».²⁰

Одновременно великие князья заключали сходные договоры («условия») со своими удельными князьями о сохранении старых пошлин: «А мне великому князю, — говорилось в договорной грамоте великого князя Ивана Васильевича Рязанского с младшим братом князем Федором Васильевичем (1496), — новых пошлин не замышляти; а тебе, брате, в своей отчине новых пошлин не замышляти; а ведати пошлины по старине».²¹

Несмотря на взаимные обязательства, в удельное время князья не останавливались перед введением новых таможенных пошлин и сборов вследствие увеличения денежных требований со стороны ханов или в результате прямого их повеления.²² При этом, как полагал Е.Г. Осокин, привязанность князей к «старине» проявлялась в том, «что новые пошлины никогда не приводимы были в связь и согласие со старыми, так что между таможенными пошлинами с течением времени должны были появиться налоги, падавшие под различными названиями на одно и то же действие, на одну и ту же операцию перехода предмета к потреблению».²³ Факт отсутствия во взаимных договорных грамотах князей московской линии всякого упоминания о таможенных пошлинах позволил Ю.А. Гагемейстеру утверждать, что «они в целом великом княжестве вимались на одинаковом основании и что удельные князья не имели права делать никаких в сем отношении перемен».²⁴ Е.Г. Осокин же, возражая Ю.А. Гагемейстеру в этом вопросе, резонно полагал, что обычай имел в Московском княжестве большую силу и влияние, чем в других, например в Рязани. И лишь поэтому великие князья московские «не считали нужным договариваться с удельными князьями их княжения»²⁵

В действительности великие князья обычно не препятствовали удельным князьям вносить частичные изменения и дополнения в местное пошлинное обложение. Однако законную силу такие нововведения приобретали лишь с одобрения великого князя. Так, удельный князь московской линии Андрей Васильевич Меньшой, увеличив в своей отчине количество таможенных пошлин против старых обыкновений, обращался в своем завещании (около 1481 г.) к великому князю Ивану Васильевичу: «А что есмь в своей вотчине на Вологде в городе прибавил пошлин в тамзе и в иных пошлинах, или будут мои пошлинники что прибавили пошлин; и господин бы мой князь велики пожаловал учинил пошлины все по старине, как было при моем отце при великом князи».²⁶ Сбор мыта, полагали Н.Я. Аристов и И.Я. Рудченко, главным образом шел в пользу удельных князей, но право их на учреждение мыта постоянно ограничивалось договорами как с великими князьями, так и с другими областями, в свою очередь ограниченными такими же взаимными договорами.²⁷

Великие и удельные князья делили и завещали таможенные сборы своим ближайшим родственникам. При этом они нередко дробили право пошлинного сбора по частям. Так поступали и московские князья, которые перед уходом в мир иной составляли духовные грамоты (завещания), особо оговаривая долю каждого наследника. При этом супруге — великой княгине — обычно доставалось «осмничее», а сыновьям и сиротам-племянникам — города с волостями, деревни и села с правом взимать в них тамгу и мыт. Старшему сыну всегда завещалась лучшая доля, значение которой с течением времени все больше приближалось к достоянию всего государства.

Говоря об этом, следует согласиться с Ю.Г. Алексеевым, что каждый из московских князей, «имея свой удел, был в то же время не переменным владельцем своей доли в политической власти над столицей и в доходах с ее населения».²⁸ Развивая этот тезис, отметим, что продолжительное время *московская тамга*, т. е. доходы от тамги и мытов, которые взимались в Москве и на прилегающей территории, являлась общим достоянием князей Московского дома: в 1339 г. Иван Калита (1304—1340) разделил ее между сыновьями; после бездетного Семена Гордого (1318—1353) средний сын Калиты, Иван II Красный (1326—1359), перед смертью снова разделил всю «московскую тамгу» на равные доли между сыновьями Дмитрием и Иваном, а также племянником Владимиром (1353—1410), сыном младшего брата Андрея (1327—1353). Супруга князя Ивана II, Александра, по завещанию получила третью часть «из двух жеребьев» московской тамги, доставшихся ее сыновьям. Вдова Ивана Калиты,

Ульяна, продолжала владеть «осмничим» (после смерти княгини оно было поделено на четыре равные части, между Дмитрием, Иваном, Владимиром и Александрой).²⁹

Дмитрий Донской (1350—1389) завещал в 1389 г. сыновьям свои две доли из трех «отчины Москвы» (его брат, князь Иван, умер бездетным, а кузен Владимир волен был распоряжаться доходами со своей трети). В наследство старшему Василию передавалась половина «от двою жеребьев», или третья часть Москвы и «городских пошлин», исключая, однако, тамгу. Другая половина, тоже равная третьей части Москвы, делилась между остальными сыновьями великого князя — Юрием, Андреем и Петром. Одновременно жене Евдокии завещалась третья часть московской тамги (половина от «двух жеребьев»). Третью же часть московской тамги должны были поделить между собой все его сыновья.³⁰

Василий I (1371—1425) передал сыну, будущему великому князю Василию II Темному, свою отчину — третью часть Москвы, которой ранее его благословил отец. Жена Софья наследовала третью часть «московской тамги», ранее принадлежавшую покойной матери князя, и треть других московских пошлин, право на которые принадлежало завещателю: «Треть тамги московские и всех пошлин в городе на Москве, свои жеребей».³¹ Ранее князь Владимир Андреевич Серпуховской в своей духовной грамоте (1410) завещал «свою треть тамги московские и восмничее, и гостиное, и весчее, и пудовое, и пересуд <...> и все пошлыны московские» жене Алене.³² В 1433 г. галицкий князь Юрий Дмитриевич также завещал сыновьям вотчину свою в Москве, т. е. «свои жеребей», в том числе право на сбор тамги и других пошлин, которыми благословил его в 1389 г. отец Дмитрий Донской.³³ Все это говорит о том, что в удельное время великие московские князья еще не стремились к передаче «московской тамги» в руки старших своих сыновей.

Во второй половине XV в. положение изменилось. Так, Василий II (1415—1462), к концу жизни сосредоточивший в своих руках весь московский удел, передал старшему сыну Ивану «треть в Москве», в том числе треть «московской тамги». Юрию и Андрею досталась другая треть, ранее числившаяся за князем Владимиром Серпуховским. Оставшаяся треть московской отчины со всеми доходными статьями (путями) и всеми пошлинами, включая тамгу, передавалась Борису и Андрею Меньшому: «А что моя тамга московская, и яз даю своему сыну Ивану треть тамги и со всеми пошлинами, а другую треть, князю Володимерову, сыну своему Юрью да Ондрею Болшому по половинам (через год должны были сменять друг друга. — *М.Ш.*), а третью треть даю сыну своему Борису да Ондрею Меньшому по половинам». Впрочем, право на половину дохода от трех третей «московской тамги» и всех других московских пошлин традиционным образом было закреплено за женой Марией.³⁴

Иван III вступил на великое княжение без формальной санкции Орды, нарушив тем самым важнейшую из прерогатив ханской власти, и никогда не бывал в Орде. Уничтожив в 1478 г. Новгородскую боярскую республику, он уравнивал ее со всеми другими московскими землями.

В 1485 г. капитулировала Тверская земля. Ее административно-политическая система также подверглась перестройке, а жители были приведены к присяге, став подданными великого князя московского. Аналогичным образом в состав Русского государства вливались и другие княжества Северо-Восточной Руси, включая уделы младших братьев Ивана III. Великие и удельные князья, лишённые какого-либо самостоятельного значения и перспективы, повсеместно становились служилыми людьми и подданными государя всея Руси. Таким образом преодолевалась удельная система и создавалась новая политическая система Русской земли, формировалось «целостное государство с единым политическим центром, с единым реальным правительством».³⁵

Успехи, достигнутые в объединении страны, позволили Ивану III (1440—1505) в его завещании «закрепить верховные права удельных князей в ограниченном объеме». ²⁶ Одновременно он в 1504 г. передал старшему сыну Василию (1479—1533) целый ряд политических преимуществ: «...до сих пор, — отмечал В.О. Ключевский, — все князья сонаследники совместно по участкам владели городом Москвой; Иоанн III предоставил финансовое управление всей столицей, сбор доходов с нее одному великому князю, равно как ему же принадлежал и суд по важнейшим уголовным делам во всем городе Москве и в подмосковных селах, доставшихся в удел его младшим братьям». ²⁷

По всей видимости, на рубеже XV—XVI вв. произошла коренная перемена в финансовом и политическом значении «московской тамги». Действительно, Василий III наследовал не только всю «Москву с волостями», но также право на сбор тамги, пудового, померного, с торгового, гостинного, полавочного и других таможенных пошлин. Ему лишь следовало ежегодно вознаграждать своих братьев за понесенную ими потерю, выплачивая деньгами по 100 р. на каждого: «А из тамги из московские и из всех пошлин сын мой Василей дает детям моим, а своей братье молодчии, Юрию з братьею, на всякой год по сту рублей: Юрию сто рублей, Дмитрию сто рублей, Семену сто рублей, Андрею сто рублей». ²⁸ Новое значение московского князя проявилось и в том, что удельные князья утратили право чеканить свою собственную монету. По духовной Ивана III, право чеканить монету, вести сношения с иностранными государствами предоставлялось одному великому князю московскому. Удельный князь, умирая безсыновним, не мог никому завещать свой удел, который в таком случае переходил к великому князю. Фактически завещание Ивана III явилось первым актом в истории русского государственного права, а Василий III, наделенный таким количеством прав, стал «первым государем в настоящем политическом смысле этого слова». ²⁹ Более того, присоединив к Москве Псков (1510), великое княжество Рязанское (1517), княжества Стародубское и Новгород-Северское (1517—1523) и Смоленск (1514), он завершил объединение Великороссии и превратил Московское княжество в *единое Русское государство*.

Как можно заметить, по мере преодоления удельных порядков происходило постепенное обособление государственного права от права частного. В конце XV в. управление великокняжеским хозяйством все сильнее обособлялось от общегосударственного управления, занимая по сравнению с ним все менее значительное место. ³⁰ При Иване III изменилось само титулование великого князя московского. В нем воплотилась не только мысль о князе как национальном властителе всей Русской земли, но также идеи божественного происхождения его власти (в дополнение к прежнему источнику власти от отца и деда), исторического единства Руси, континуитета политической традиции. В титулах «царь» и «самодержец» подчеркивалась самостоятельность, независимость государя всея Руси, его неподчиненность ничьей внешней власти. Однако даже в XVI в. государственное право в Московском царстве строилось по типу частного (территория государства приравнивалась к вотчине; население прикреплялось к городу, посаду и земле; управление имело характер кормления). «Московские князья, — отмечал С.Ф. Платонов, — распространяли свои удельные понятия от своего удела на всю страну и, по удельному порядку, считали себя собственниками и хозяевами всего своего огромного государства». ³¹ В.О. Ключевский тоже полагал, что не только в Иване III, но даже в его старшем сыне и внуке боролись «вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». ³²

Примечания

¹ См.: Платонов С.Ф. Лекции... С. 139—140; Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 350—357.

² Так, грамотой Менгу-Тимура, датируемой 60-ми гг. XIII в., рижским купцам дозволялось свободно торговать в Северо-Восточной Руси («гостю путь чист») (ГВНП. № 30. С. 57).

³ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 108—110.

⁴ Платонов С.Ф. Лекции... С. 144.

⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 108—109.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: СГГиД. М., 1813. Ч. 1. № 1—3, 7—11, 15, 17, 18, 20.

- ⁸. См.: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных / Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1909. С. 101; ДДГ. № 9. С. 28; № 10. С. 30; № 19. С. 55.
- ⁹. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 8.
- ¹⁰. См.: СГГид. Ч. 1. № 76, 77, 88, 89, 119, 120; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 481. Впервые формула взаимной ответственности московских и тверских князей по уплате таможенных пошлин встречается в договорной грамоте Василия Дмитриевича Московского с Михаилом Александровичем Тверским (около 1398 г.), свидетельствующей также о валюте «безмонетного периода»: «А новых ти мытов не замышляти; а на старых ти мытех имати с воза по мортке обеушной, а костки с человека мортка; а поедет на версе с торговлю, ино мортка же; а кто промытятся, ино с воза промыты по штидесят, а заповеди по шестьдесят одина колко бы возов ни было: а промыта то, где объедет мыт; а проедет мыт, мытника у зазора не будет, мыта и промыты нет; а стижет его мытник, ино возьмет свой мыт, а промыты и заповеди нет. А с лодии пошлин, с доски по два алтына всех пошлин, а более того пошлины нет, а струга алтын всех пошлин; а тамгы и осминичего от рубля алтын, а тамга и осминичее взять: а оже имет торговати, а поедет мимо, знает мыт да коски, а боле того пошлин нет» (ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 14. С. 10).
- ¹¹. СГГид. Ч. 1. № 36, 48, 65, 115, 116.
- ¹². См.: Там же. № 1—3, 7—11, 15, 17, 18, 20.
- ¹³. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 538.
- ¹⁴. Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. С. 100, 118.
- ¹⁵. *Кулишер И.М.* История... С. 39.
- ¹⁶. См.: *Блинов Н.М.* Таможенная политика России X—XX вв. М., 1997. С. 46.
- ¹⁷. ДДГ. № 5. С. 20; № 23. С. 63; № 53. С. 162; № 54. С. 164; № 83. С. 331. В 1494 г. состоялось примирение великого князя московского Ивана III с великим князем литовским и королем польским Александром Казимировичем на тех же самых условиях, которые ранее определялись в договоре отца Александра с тверским князем: «А послом нашим по нашим землям на обе стороны путь чист без всяких зацепок, а гостем нашим по нашим землям на обе стороны ездити без рубежа и без всякие пакости». Особенностью нового договора было лишь то, что Иван III выступал от имени всей Северо-Восточной Руси, включая Новгород и Псков. Неудивительно, что в грамоте особо оговаривались торговые права новгородцев и псковитян в Литовской земле, а подданных литовского князя — в Новгороде и Пскове (СГГид. Ч. 5. № 29. С. 18).
- ¹⁸. *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 29—31.
- ¹⁹. Топоним «Заволочье» в конце XI—XIV вв. обозначал области в бассейнах Онеги, Северной Двины и Мезени (с XIV в. — Двинская земля).
- ²⁰. *Клейнберг И.Э.* Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 358.
- ²¹. СГТид. Ч. 1. № 127. С. 322; Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. С. 140.
- ²². *Гагемейстер Ю.А.* О финансах древней России. СПб., 1833. С. 76; *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник Д. Мейера. Казань, 1855. С. 549.
- ²³. *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 552.
- ²⁴. *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 77.
- ²⁵. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 8; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 481.
- ²⁶. СГГид. Ч. 1. № 112. С. 272; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 9.
- ²⁷. *Аристов Н.* Промышленность... С. 222; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 9.
- ²⁸. *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 12.

- ²⁹ ДДГ. № 1. С. 9—10; № 4. С. 15.
- ³⁰ Там же. № 12. С. 33—34.
- ³¹ Там же. № 21. С. 58, 60.
- ³² Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. С. 65.
- ³³ Там же. № 29. С. 73.
- ³⁴ Там же. № 61. С. 194—197; ОР РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собр. № 335. Л. 24.
- ³⁵ Алексеев Ю.Г. 1) Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 4, 171—172; 2) «К Москве хотим»... С. 112—146; 3) Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 5—27.
- ³⁶ Капитанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 42.
- ³⁷ Ключевский В.О. Краткое пособие... С. 88.
- ³⁸ Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. № 89. С. 354—359.
- ³⁹ Ключевский В.О. Краткое пособие... С. 88—89.
- ⁴⁰ Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 249.
- ⁴¹ Платонов С.Ф. Учебник... С. 124.
- ⁴² Ключевский В.О. Соч. Т. 2. С. 121.

2.4. Торговля и таможенное дело в Великом Новгороде

После упадка Киева самым богатым и значительным русским городом сделался Великий Новгород, торговое значение которого во многом предопределялось близостью к главным речным бассейнам Русской равнины — Волге, Днепру, Западной Двине, а также связью через р. Волхов с Финским заливом и Балтийским морем. В городе проживало много искусных ремесленников, плотников, ткачей, гончаров, кожевников, оружейников, работавших преимущественно на заказ.

Новгород расположен по обоим берегам р. Волхов, недалеко от ее истока из оз. Ильмень. Правая (восточная) сторона города называлась Торговой, так как здесь находились главный городской рынок (торговище) и иноземные дворы. По правому берегу Волхова тянулись пристани, которые в Новгороде назывались *вымолами*. Левая (западная) часть Новгорода с конца X в. носила название Софийской, поскольку здесь был *детинец* (кремль), а в нем — соборный храм св. Софии и двор архиепископа — хранилище новгородской казны и законов. Обе стороны соединялись большим волховским мостом, находившимся неподалеку от торгового.

Важнейшими новгородскими «пригородами» были Псков, Ладога, Изборск и Старая Русса. Города же Волок-Ламский, Бежицы, Торжок, Великие Луки, Пустой Ржев со своими округами не принадлежали ни к одной из пятин. Первые три из них являлись совместными владениями Новгорода с великими князьями владимирскими (московскими), а последние два — с великими князьями полоцкими (литовскими).

Новгород со своими пятью *концами* (Плотницким, Славенским, Неревским, Загородским, Гончарским, или Людиным) был политическим средоточием обширной территории. По пяти концам города она разделялась на пять провинций, называвшихся *пятинами* (Обонежская, Водская, Деревская, Шелонская, Бежецкая). Владения более отдаленные и позднее приобретенные образовали ряд особых волостей («земель Новгородских»), далеко простиравшихся на северо-восток: Заволочье или Двинская земля (по р. Северная Двина), Пермь (по р. Вычегда), Печора (по р. Печора), Югра или Угра (за северным Уральским хребтом), Тре или Терский берег (территория Кольского полуострова, включая

район р. Кола), Вятка (по р. Вятка) и др. Это были зависимые от Новгорода провинции, не входившие в состав государственной территории Новгородской республики.¹

Каждая пятина Новгородской земли с пригородами в управлении зависела от городского конца, к которому была приписана. Автономия каждого пригорода выражалась в местном вече под руководством посадника. Несмотря на то что посадника обычно присылали из старшего города, зависимость младших городов от Новгорода была относительной. Псков и Ладога вообще тяготели к отделению, образованию самостоятельных волостей. В 1348 г. Новгород отказался от права посылать в Псков посадника и вызывать псковичей на суд гражданский и церковный. Таким образом, Псков сделался самостоятельным городом и стал называться «младшим братом» Новгорода.

Новгородцы широко осваивали богатства северного региона, основывали там свои колонии или опорные пункты, покупали земли у местных жителей, заставляли их платить дань (преимущественно мехами) в казну Новгорода, торговали с ними. Богатые бояре-промышленники снаряжали экспедиции из своей челяди для захвата огромных пространств северных и восточных земель с рыбными ловлями, соляными варницами и лесными охотничьими промыслами. За челядью выступали отряды свободных новгородцев — *ушкуйников*, которые занимались торговлей, промысловой деятельностью, грабили и кабелили финские племена — *мерю, весь, чудь, ижору, водь, карелов, саамов-лопарей, коми-зырян, коми-пермяков, хантов (остяков), манси (вогулов)* и др.² Торговое значение Новгорода в рассматриваемый период не могло несколько уменьшиться. Он продолжал выступать посредником в торговых сношениях между Азией, Восточной и Северной Европой. Все это вело к накоплению богатств в Новгороде, увеличению его народонаселения, расширению, украшению самого города.³

Во главе новгородского общества стояли *бояре*. Это были члены богатых и влиятельных новгородских фамилий. До XII в. они занимали высшие управленческие должности по назначению правивших в Новгороде князей, затем стали получать их от местного веча.⁴ Соперничая из-за власти, престижных и доходных государственных должностей, бояре объединялись в группы (весьма неустойчивые), блокируясь с тем или иным князем.⁵ По мнению В.Л. Янина, в состав бояр входили потомки родоплеменной знати.⁶ Возражая ему, И.Я. Фроянов относит к боярам должностных лиц — лидеров новгородской общины, которые пришли на смену родовой аристократии в результате разложения родоплеменного строя и образования территориальной социальной структуры.⁷

Не так ясно выступают в новгородских летописях слои *житых*, или *житых, людей* и *купцов*. Вероятно, житьи люди стояли близко к местному боярству. По мнению В.О. Ключевского, они были «капиталистами» средней руки, не принадлежавшими, однако, к первостепенной правительственной знати. Купцы же представлялись ему классом торговцев, который уже стоял ближе к городскому простонародью и работал с помощью боярских капиталов.⁸ М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что житьи люди были переходным классом от бояр к купцам. Он допускал, что в широком смысле категория «житьи люди» включала и купцов, которые, пользуясь наравне с боярами правом государственной службы (участие в военных походах и посольствах, в делах управления и суда) и правом землевладения, отличались от последних лишь тем, что не заседали в *совете господ* («господе»)⁹.

Новгородская феодальная республика в XII—XV вв. (Муравьев А.В. и др. Историческая география эпохи феодализма. Западная Европа и Россия в V—XVII вв. М., 1973)

У подножия социальной пирамиды находились *черные люди*. В самом Новгороде и его пригородах к этой категории населения принадлежали мелкие торговцы, ремесленники и рабочие, которые жили своим трудом, нередко кредитуюсь у высших классов. Жители пятин — *смерды* — были свободными крестьянами, которые обрабатывали государственные земли Великого Новгорода, и *половники* — арендаторы частной земли, которые расплачивались с хозяином частью (нередко половиной) собранного урожая.

В конце XI — начале XII в. Новгород заметно продвинулся в обретении самостоятельности и независимости от Киева, а также в создании республиканской формы правления: 1) возросла политическая роль *веча*, изгонявшего неугодных князей или отказывавшего в княжении нежелательным претендентам; 2) новгородский князь, формально оставаясь *наместником* великого киевского князя, частично слился с местной республиканской властью: до 1136 г. он противостоял местным органам «лишь в той мере, в какой сохранял зависимость от Киева, и настолько, насколько являлся ставленником киевского князя»; 3) возникло и легализовалось *посадничество* из представителей местных бояр, действовавшее наряду с княжеской властью; 4) новгородская администрация вытесняла представителей киевского князя в новгородских пригородах.¹⁰

В 1125 г. новгородцы сами, без участия Киева, посадили на княжеский стол Всеволода, заменив назначение избранием, т. е. заключили с князем «ряд», или договор, скрепив его обоюдной присягой — крестоцелованием. В 1126 г. они «дали посадничество» одному из своих граждан. Это произошло на вечевои площади, а не на дворе князя. Важным рубежом в утверждении вечевого строя (республики) явилось антикняжеское восстание 1136 г., после которого новгородский князь стал органом местной

власти, зависимым от веча. К 1156 г. относятся первые выборы епископа из местного духовенства. Если до середины XII в. новгородского епископа назначал и рукополагал киевский митрополит с собором епископов, то затем новгородцы на вече стали сами выбирать из местного духовенства себе владыку и уже после этого направлять его для рукоположения в Киев. К концу XII в. выборной сделалась и должность тысяцкого. Таким образом, «во второй и третьей четверти XII в. высшая новгородская администрация стала выборной».¹¹

Непростым представляется вопрос о характере политического устройства Новгорода. Не все историки советского и новейшего времени разделяют мнение об изначальной уникальности новгородского республиканского вечевого устройства. Так, Н.И. Костомаров, В.И. Сергеевич, М.А. Дьяконов, М.Н. Покровский, И.Я. Фроянов полагают, что в XII в. новгородское вече практически ничем не отличалось от народных собраний других городских общин Руси и лишь в последующий период своеобразие общественно-политического устройства Новгорода становилось все более заметным.¹²

Взгляды историков еще больше расходятся в решении вопроса о составе новгородского веча. Так, если одни ограничивают его феодальной верхушкой, то другие низводят до собрания «рядового людства». По мнению В.Л. Янина, «на протяжении XII—XV вв. Новгород являлся *боярской республикой* с особой формой государственного устройства, обозначаемой как вечевой строй. Его основой было вече — собрание богатейших граждан ("мужей"), избравших из своей среды руководителей — посадника и тысяцкого».¹³ Не соглашаясь с тем, что вече представляло собой единую в социальном отношении массу, И.Я. Фроянов предлагает рассматривать его как собрание полноправных граждан — жителей Новгорода, Пскова и Ладоги. «Именно новгородская община, — полагает И.Я. Фроянов, — распоряжалась княжеским столом и посадничеством. И только суетливость бояр вокруг должностей князя и посадника породила у ряда историков иллюзию, будто одни бояре управляли всем этим процессом».¹⁴

Основу новгородского республиканизма составлял порядок, оставшийся почти неизменным на протяжении XII—XV вв.: полноправные граждане составляли *тысячу*, городское ополчение под командой *тысяцкого*. «Эта тысяча, — писал В.О. Ключевский, — делилась на *сотни*, военные части города. Каждая сотня со своим выборным *сотским* представляла собой общество, пользовавшееся известной долей самоуправления. В военное время это был рекрутский округ, в мирное — *округ* полицейский <...> Сотни складывались в более крупные союзы, концы. Каждый городской конец состоял из двух сотен. Во главе конца стоял выборный *кончанский староста*, который вел текущие дела конца (управление, суд, заключение сделок, переговоры с иноземцами, скрепление печатью грамот Великого Новгорода и т. д. — *М.Ш.*) под надзором кончанского схода или веча, имевшего распорядительную власть. Союз концов и составлял общину Великого Новгорода <...> Совокупная воля всех этих союзных миров выражалась в общем вече города».¹⁵

Вече — верховный орган государственной власти Новгородской республики — созывалось князем, посадником или тысяцким по мере надобности. Сигналом к сбору служил звон вечевого колокола. Вечевым местом обыкновенно становился Ярославов двор. Участниками схода становились полноправные граждане Новгорода — владельцы городских усадеб (взрослые сыновья, жившие в хозяйстве отца, к их числу де относились), иногда с участием жителей Ладоги и Пскова — младших городов земли. Являясь высшим законодательным и учредительным органом, вече не только приглашало и изгоняло князя, выбирало и судило посадника и тысяцкого, но также разбирало их споры с князем, решало в *опросы войны и мира*, утверждало договоры с иноземцами и т. д.

Предварительной разработкой законодательных вопросов, предлагавшихся в виде проектов на утверждение веча, занимался *совет господ*, развившийся из совета старейшин в условиях разложения родового строя. Совет включал княжеского наместника, посадника и тысяцкого, кончанских и сотских старост, «старых» (т. е. бывших) посадников и тысяцких. Все они, кроме председателя, назывались боярами. Влияние этого аристократического совета в политической жизни Новгорода с годами становилось все более заметным.¹⁶

Исполнительными органами веча были посадник и тысяцкий. Посадник избирался из узкого круга одних и тех же боярских родов и отвечал за текущие дела гражданского управления и суда, получая за исполнение своих обязанностей доход («поралье») с назначаемой ему вечем податной территории. Он также ведал внешней политикой, наблюдал за князем, контролировал и во многом дублировал его

деятельность. Тысяцкий, опиравшийся в своих делах на помощь кончанских старост, не только возглавлял городское ополчение — «тысячу», но и председательствовал в торговом суде. М.Н. Покровский, стремившийся обосновать тезис о тесном переплетении в древний период отношений войны, торговли и разбоя, находил такое «совместительство» вполне естественным.¹⁷

К числу главных должностных лиц Новгородской республики также принадлежал *епископ* (впоследствии — *архиепископ*), возглавлявший совет господ. Он примирял вечевые распри и торговые конфликты, хранил казну и государственный архив Новгорода, разрешал поземельные сделки, руководил внешней политикой и участвовал при заключении международных торговых соглашений (скреплял своей печатью договорные грамоты), наблюдал за торговыми мерами, возглавлял церковный суд и т. д.

Осуществляя полицейские функции и являясь военачальником всех вооруженных сил в случае войны, *князь* в политической системе Новгородской республики имел сильно ограниченные полномочия. Основной источник княжеского дохода в Новгороде составляла дань с Заволочья (Двинской земли), да и ту князь обыкновенно отдавал на откуп новгородцам же.¹⁸ Несмотря на то что князь признавался новгородцами высшей правительственной и судебной властью, он все судебно-административные действия обязан был совершать не один и не по личному усмотрению, а в присутствии и с согласия выборного новгородского посадника. Даже на должности, замещаемые не по выбору, а по княжескому назначению, князь выбирал людей из новгородского общества, а не из своей дружины. Все такие назначения осуществлялись с согласия посадника.¹⁹

Князь (в отличие от родственников, княживших в городах Ростово-Суздальской земли) всегда был в Новгороде чужаком-иноземцем. Лишенный права приобретать в собственность новгородскую землю, челядь и свободно заниматься торговой и промысловой деятельностью, он не имел достаточных экономических оснований для оказания прямого влияния на городскую общину; по разным причинам не могло сложиться устойчивой общности княжеских и местных боярских интересов. (Право земельной собственности не являлось в Новгородской земле привилегией высшего служилого класса: княжеские дружинники были лишены права покупки земли, но простые горожане могли приобретать сельские участки в собственность, и не только для хлебопашества, но также с целью разведения льна, хмеля, бортничества, охоты и рыболовства.) Таким образом, князь, лишенный возможности войти в состав новгородского общества, всегда оставался для Новгорода посторонним.²⁰

Властные права веча и существенное ограничение политической компетенции князя оформлялись письменными договорами между ними. Первые три из дошедших до нас грамот излагают условия, на которых правил Новгородской землей Ярослав Ярославич Тверской, приходившийся Александру Невскому родным братом.²¹ Две из них были написаны в 1265 г. и одна в 1270 г. Позднейшие договорные грамоты лишь повторяли условия, изложенные в этих грамотах Ярослава: «...так как их содержание весьма сходно, то все они вместе составляют как бы хартию, обеспечивающую самоуправление».²² Главная общая обязанность, падавшая на князя-управленца, состояла в том, чтобы он держал Новгород «в старине, по пошлине», т. е. по старым обычаям. Он не мог «замышлять войны без новгородского слова», смещать должностных лиц без судебного разбирательства («а мужа ти без вины волости не лишати»), судить, раздавать волости, давать грамоты без посадника и т. д.²³

Князь нужен был новгородцам и для обеспечения их торговых интересов. Поэтому в договорных грамотах внимание обращалось не только на судебно-административные, но и на торговые их отношения с князем: 1) «А гости нашему гостити по Суздальской земли, без рубежа (т. е. беспрепятственно, без конфискации товаров. — *М.Ш.*), по Цареве грамоте»;²⁴ 2) «А рубеж ти, княже, межю Соудальскую землю и Новгородские) дати ти старый, како было при деде твоём и при праотце твоём Ярославе»;²⁵ 3) «А послом Новгородским и Новгородцем ездити сквозе Михайлову волость бес пакости».²⁶

Во-первых, ограждая торговые интересы новгородцев, князь гарантировал им в своем собственном княжестве свободную торговлю и личную безопасность. (Новгород остро нуждался в привозном хлебе из Низовой земли и потому стремился обезопасить себя от угрозы экономической блокады со стороны владими́ро-суздальских князей.) Во-вторых, князь не мог произвольно устанавливать таможенные пошлины. (Из договорных грамот Новгорода с Ярославом Ярославичем и всеми другими князьями следует, что с новгородских купцов в Суздальской земле полагалось взимать мыт — 2 векши с воза,

ладьи и «от хмелна короба и от лняна».) В-третьих, участвуя в торговле города с заморскими купцами, князь вынужден был прибегать к услугам новгородских посредников.²⁷ Он также не мог ни нарушать договоров Новгорода с немецкими городами, ни затворять иноземных торговых дворов, ни ставить к ним своих приставов; не должен был ставить своих мытниц по Новгородской земле.²⁸ Поскольку таможи могли быть и княжескими, и новгородскими, то остается неизвестным, каким образом таможенные сборы делились между князем и Новгородом. Ю.А. Гагемейстер допускал, что большая часть доходов от таможенной деятельности поступала в княжескую казну.²⁹

Известно, что уже в XII в. в Новгороде существовали купеческие организации, из которых известны объединения купцов при церкви св. Параскевы Пятницы и Троицкой церкви, ведущих дальнюю (зарубежную, заморскую) торговлю, и Иванское купечество. Последнее объединяло наиболее состоятельных торговцев воском.³⁰ По «Рукописанию», составленному от имени новгородского князя Всеволода Мстиславича и представлявшему собой устав общества при церкви Иоанна Предтечи на Опоках, чтобы стать «пошлым купцом», т. е. полноправным и потомственным членом «Иванского купечества» (своего рода первой гильдии новгородского купечества), требовалось сделать взнос в размере 50 гривен (10 кг) серебра: «А не вложится хто в купечество (в торговую корпорацию при церкви св. Иоанна. — *М.Ш.*), не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купец».³¹ Половина взноса шла в храмовую казну, которая могла выполнять функцию банка, ссужая заинтересованных лиц.³²

Обществу были даны важные привилегии, в том числе право контроля за взвешиванием воска и право на получение обусловленной пошлины с воцаного веса. Его совет, состоявший из двух купеческих старост под председательством тысяцкого, ведал все торговые дела и торговый суд в Новгороде независимо от посадника и совета господ, возглавляемого архиепископом.³³ Ему же предоставлялось вести дела с чужеземными гостями и приезжими купцами из других городов. Таким образом, отмечает И.Я. Фроянов, церкви придавался статус «организационного центра торговой корпорации, получившей впоследствии наименование Иванского ста».³⁴

Согласно Новгородскому уставу великого князя Всеволода Мстиславича о церковных судах, людях и мерилах торговых, к старосте церкви Иоанна Предтечи и 10 новгородским сотским наряду с епископом переходило заведование торговыми мерилками: «скалвами воцаными» (весы с двумя чашками), «пудом медовым» (весы с неравноплечим коромыслом), «гривенкой рублевой» (для взвешивания благородных металлов), «локтем Иванским» (для измерения тканей) и «всякой известью» (все, имеющее отношение к взвешиванию).³⁵

Ряд статей «Рукописания» определял порядок взимания весчей пошлины с воска, а также сам размер пошлины с купцов, торгующих воском. На этом основании в дореволюционной литературе высказывалось предположение, что иванская купеческая организация была скорее учреждением не торговым, но административно-финансовым, ведавшим дела, связанные со сбором весчей пошлины с воска.³⁶ Следует обратить внимание и на то, что для новгородцев была установлена особо льготная пошлина. Для людей из других городов она различалась в зависимости от удаленности последних от Новгорода: размер ставки убывал в связи с уменьшением расстояния от тех мест, откуда приезжали гости, торгующие воском.³⁷

Новгородские купцы, которые торговали с другими русскими землями, также были объединены в общества — предпринимательские артели (*поморские купцы, низовские купцы* и др.). В Новгороде существовали десятки таких артелей, в зависимости от товаров, которыми они промышленяли, или местности, куда ездили торговать. В дальних городах новгородцы создавали свои *фактории*. Так, в Киеве они объединялись вокруг божницы св. Михаила. Предположительно этот двор находился на Подоле — в торговом районе древнего Киева.³⁸

В XII—XIII вв. новгородцы посещали Данию, Висбю (главный город о. Готланд), Любек и некоторые другие балтийские порты (в XIII—XIV вв. — только Готланд). В Висбю была образована русская фактория. В IX—XIII вв. торговый путь на Готланд пролегал от устья Невы вдоль северного эстонского берега до Таллинской бухты и дальше, минуя острова Хийумаа и Сааремаа, через Балтийское море.³⁹ Говоря об этом, важно избежать переоценки торговой активности новгородского купечества. Экономические связи Новгорода со странами Западной Европы до XV в. были сравнительно слабыми, поездки новгородцев за границу не носили регулярного характера.⁴⁰ Начиная с

XIII в. торговля Новгорода с Западом поддерживалась, главным образом, при посредничестве немецкого купечества.⁴¹

В XIV—XV вв. внешнеторговые маршруты новгородских купцов изменились. Они перестали посещать датский и готландский берега. Одновременно наблюдалось учащение непосредственных выходов новгородцев на рынки Швеции, Пруссии и Ливонии. Особенно их привлекала соседняя Ливония, куда вели как морской, так и сухопутный пути. Н.А. Казакова указывает, что в наиболее крупных ливонских городах — Риге, Ревеле и Дерпте — русские купцы по своим торговым делам останавливались на длительное время и имели свои церкви. В Дерпте во второй половине XV в. существовал русский конец — часть города, заселенная преимущественно новгородскими и псковскими купцами. Особое русское поселение, предположительно торгового характера, находилось близ Нарвы.⁴²

Главное богатство Новгорода и основной предмет его торговли составляли различные меха, которые в огромных количествах поступали из всех новгородских земель и колоний на Русском Севере и затем вывозились в европейские страны. «Средневековая Европа, — справедливо полагал С.Г. Пушкирев, — предъявляла громадный спрос на меховые товары, ибо меха употреблялись тогда не только для изготовления теплой одежды, но были любимым украшением одежды и даже обуви всякого рода, и Новгород был поставщиком этого товара на целую Европу».⁴³

До конца XV в. *основным* поставщиком пушнины на внешний рынок выступало новгородское боярство, получавшее меха в виде ренты с зависимых от него крестьян. (Дань с северных народов не составляла основной части пушного новгородского экспорта.) С конца XV в. развернулась самостоятельная крестьянская торговля мехами. Вывозились в основном необработанные беличьи шкурки. Дорогие же меха (соболя, куницы, горностая) составляли ничтожную долю мехового экспорта. Опираясь на материалы сохранившейся деловой документации, А.Л. Хорошкевич подсчитала, что в XIV—XV вв. из Новгорода на Запад ежегодно отпускалось свыше полумиллиона меховых шкур.⁴⁴

Вторым по важности экспортным товаром был воск, заготовка которого осуществлялась в лесах Среднего и Верхнего Поволжья, районах Оки, Муромской, Рязанской, Смоленской и Полоцкой земель, где наибольшее развитие получил бортнический промысел. Хотя основным поставщиком воска на рынок выступало крестьянство, непосредственная торговля этим товаром находилась в руках гостей-оптовиков.⁴⁵ Воск продавался «кругами» и в «кусках». Первые строго соответствовали установленной весовой норме (в XIV—XV вв. ее значение постепенно увеличилось с ½ до 1 *шиффсфунта*, или с 80 до 160 кг). Масса же одного куса воска могла достигать четырех шиффсфунтов. Немецкий двор добивался покупки только чистого воска белого цвета, что нередко удостоверялось отпечатком официальной печати со словами «товар Божий». Всего в конце XV в. из Новгорода отпускалось до 300 т воска.⁴⁶

Кроме мехов и воска из Новгорода за границу вывозили мед, толстый грубый холст, паклю, шкуры, овчины, кожи, юфть, обувь, ворвань (жир морских млекопитающих), мясо, говяжий жир, свиное сало, рыбу, строевой лес, смолу, деготь, хмель, лен, коноплю, пеньку, канаты, поташ (щелочная соль),⁴⁷ щетину, персидский шелк и др. При этом А.Л. Хорошкевич обращает внимание на то, что вывоз льна, кож и пеньки начался не ранее XV в. и был незначительным.⁴⁸

В «нижние» (русские) земли Новгород отпускал меха, лен, хмель, а также иноземные товары.

Долгое время торговые сношения западноевропейских народов с Новгородом носили случайный характер, пока в X—XII вв. о. Готланд не стал центральным пунктом для северного купечества, прежде всего немецкого.⁴⁹ В начале XII в. на торговой стороне Новгорода у торгового двора уже существовала заграничная торговая фактория. Это был так называемый Готский двор с церковью скандинавского святого Олафа, основанный купцами из г. Висбю на о. Готланд. Русские (новгородские купцы-мореходы) имели в Висбю собственный гостинный двор, свои дома и свою церковь. Всего же на о. Готланд археологически выявлены фундаменты двух каменных древнерусских храмов.⁵⁰

В 1192 г. купцы из немецких городов, составившие на Готланде торговое общество (*Товарищество купцов Римской империи, посещающих Готланд*), открыли в Новгороде Немецкий двор с церковью св. Петра.⁵¹ До конца XIII в. им удавалось руководить не только обоими дворами, но и удерживать в своих руках торговлю Западной Европы с Новгородом.⁵² В XIV в. основную часть европейской торговли с

Новгородом через Балтийское море составляла торговля северогерманских городов во главе с Любеком, зародившаяся еще в XII в.⁵³

В 1259 г. Любек (с 1226 г. свободный город), Висмар и Росток заключили первый договор для борьбы с пиратами. В дальнейшем сфера их совместных действий существенно расширилась. В 1283 г. в Росток был заключен союз, впервые объединивший Любек, Росток, Висмар, Штральзунд, Грайфсвальд, Штеттин, Деммин, Анклам — главные города на южном побережье Балтики. В конце XIII в. в Любеке состоялся съезд «вендских» городов, на котором было принято решение о лишении немецкой общины на Готланде права владения печатью всего немецкого купечества. Одновременно был осуществлен перенос высшей апелляционной инстанции из Висбю в Любек.⁵⁴

В 1356 г. состоялся первый общеганзейский съезд. Важной причиной дальнейшего сближения немецких городов явились захват и разорение датским королем Вальдемаром IV Аттердагом г. Висбю в 1361 г. Окончательное оформление Ганзы в союз более чем 70 городов вендской, вестфальской, нижнесаксонской, прусской, ливонской групп во главе с Любеком произошло в 1370 г. в результате их победы над Данией.⁵⁵ В XIII—XIV вв. одновременно с оформлением Ганзейского союза (просуществовал до 1669 г.) определилась роль двора св. Петра как главного центра новгородской внешней торговли.⁵⁶

В.О. Ключевский полагал, что с усилением Ганзы немцы в Новгороде вытеснили скандинавов и стали нанимать их двор. По мнению же М.Ф. Владимирского-Буданова, оба двора (Готский и Немецкий) юридически составляли одно учреждение, одну замкнутую общину, созданную иностранцами для того, «чтобы, при невозможности пользоваться лично, в отдельности, полными правами гражданства, пользоваться ими в совокупности — коллективно».⁵⁷ Из современных исследователей схожей версии придерживается Е.А. Рыбина. По ее предположению, с образованием городской Ганзы в конце XIII в. Готский и Немецкий дворы составили единую ганзейскую контору, известную в источниках под названием «двор св. Петра», просуществовавшую в Новгороде вплоть до конца XVII в.⁵⁸

В XV в., когда начался упадок Ганзы, ключевые позиции в торговле с Новгородом перешли к ливонским городам — Дерпту, Ревелю и Риге, одновременно состоявшим в Ганзейском союзе.

Непросто складывались торговые отношения Новгорода со Швецией. В 1323 г. при посредничестве ганзейских купцов между ними был впервые заключен мирный договор — *Ореховский мир*, завершивший 30-летний период военных действий. Граница тогда была установлена по середине Карельского перешейка. Несмотря на возобновления военных действий между русскими и шведами в середине XIV в. и во второй половине XV в., она просуществовала до рубежа XVI—XVII вв. *Ореховецкий договор* 1323 г. гарантировал свободу торговли шведов в Новгородской земле, а новгородцев — во владениях шведского короля. Документальные свидетельства подтверждают факты посещения в XII—XV вв. шведами Новгорода, а новгородцами — Стокгольма и других шведских портов.⁵⁹

Главный путь иностранных купцов в Новгород пролегал по маршруту: Финский залив—р. Нева—Ладожское озеро—р. Волхов. Через волховские пороги, начинавшиеся на 24-м километре от Ладожского озера, их суда проводили особенные лодманы, которым в конце этого трудного маршрута, у Рыбацкой слободы (*Taberna piscatorum*), выплачивалась установленная плата. Затем суда останавливались у Гостинопольской пристани. Здесь в середине реки был остров «Гостинополье» (*Gestevelt*), где, по всей видимости, находились складские помещения немцев и таможенный пост новгородцев, производивших осмотр товаров и взимавших проезжую пошлину. Отсюда до Новгородской пристани оставалось немногим более 180 км.⁶⁰ Необходимость перегрузки обуславливалась тем, что с XIII в. на Балтике стали широко практиковаться перевозки товаров большими партиями; первостепенное значение получили перевозки насыпных грузов; основным типом судна сделался тяжелый и тихоходный грузовой корабль — *когг* — с глубокой осадкой.⁶¹

Уже в начале XIII в. наряду с водным путем был проторен и «горный» путь, т. е. по суше. Поначалу морские гости имели преимущества перед сухопутными, что отразилось в первых редакциях *скры* — устава Немецкого двора. Это различие просуществовало до начала XIV в., когда немецким купцам стал предоставляться «чистый путь» по суше.⁶² Гильдии морских и сухопутных купцов «делились еще на зимних и летних; зимние, — по мнению С.М. Соловьева, — приезжали осенью, вероятно, по

последнему пути, и зимовали в Новгороде; весной они отъезжали за море, и на смену им приезжали летние».⁶³

В числе привозных товаров на первом месте стояли шерстяные ткани самых различных сортов и цветовых оттенков (ипрское, скорлат, багрец, лунское, поперингское и т. д.). Главными поставщиками сукна в Новгород выступали фландрские города Гент, Брюгге, Ипр, Сент-Омер, Аррас, Дуэ, Лилль, Поперинг, Диксмюйде, Коммин, Вервик, Варнетон и другие, но были и нидерландские (Наарден, Амстердам, Лейден, Гаага), и немецкие (Аахен и Кельн), и польские (Гданьск), и английские (Лондон). В конце рассматриваемого периода «лунские» сукна из Англии стали преобладать над всеми остальными. Из Германии привозились не только шерстяные ткани, но также льняное полотно.⁶⁴ Из других импортных товаров следует указать металлы: чугун, железо, медь, олово, свинец, золото, серебро из Англии, Германии, Австрии, Чехии, Венгрии, металлические изделия, в том числе колокола, листы жести для кровли, иглы, посуду, а также краски, серу, янтарь, жемчуг, сердолик, стеклянную посуду, пергамент, перчатки, оконное стекло, муку, копченое и соленое мясо, сушеную рыбу, балтийскую сельдь, соль, масло, солод, вино, пиво, мед, сушеные плоды, пряности и др.⁶⁵ По мнению А.Л. Хорошкевич и В.М. Потина, в конце XIII — начале XIV в. серебро в стоимостном выражении составляло главную статью новгородского импорта.⁶⁶ Ввозились и другие необходимые в ремесленном производстве материалы: ртуть, мышьяк, купорос, квасцы. Так, импортируемые квасцы использовались для дубления кожи, производства пергамента.

Возможно, что поначалу привозилось и оружие.⁶⁷ Однако уже в XIII в. Ганза запрещала его продажу новгородцам под угрозой проклятия Папы Римского.⁶⁸ К этому вынуждали и требования со стороны Швеции, тоже чинившей препятствия торговле новгородцев с немцами. В 1295 г. шведский король Биргер доводил до сведения любечан и жителей других германских городов, что их торговля с Новгородом была невыгодна ему, так как усиливала его врагов (новгородцев). Тем не менее Биргер обещал не тревожить немецких купцов и разрешил им свободно приезжать в Новгород при условии, что они не будут привозить русским на продажу оружия, железа, стали и пр.⁶⁹ В начале XIV в., когда новгородцы заключили договоры со шведами, а затем норвежцами, уже ганзейские немцы стремились воспрепятствовать шведам приезжать в Новгород, поскольку опасались конкуренции, угрожавшей их намерению монополизировать торговлю Руси с Западом.⁷⁰ В дальнейшем (XII—XV вв.) шведский король и Ливонский орден продолжали принимать постановления, запрещавшие ганзейским купцам привозить в Новгород оружие, военные припасы и металлы.⁷¹ В связи с этим представляется спорным указание одного авторитетного советского издания об особой важности оружия в структуре новгородского импорта.⁷²

Наряду с оружием власти Ливонии неоднократно включали в список «стратегических» товаров зерно, препятствуя его поставке в Новгород и другие западнорусские центры. Поэтому в торговом обмене Ганзы и Ливонии с Новгородом и Псковом в XIII—XV вв. роль хлеба была весьма незначительной.⁷³ «В тех случаях, когда поставлять хлеб в русские города из Ливонии было практически невозможно, — полагает В.Б. Перхавко, — его доставляли при посредничестве купечества Выборга, принадлежавшего Швеции».⁷⁴ Однако такие торговые операции были небезопасны и далеко не всегда завершались успешно.⁷⁵ В XV в. власти Ливонии также препятствовали свободному вывозу лошадей, опасаясь усиления военной мощи Руси. Ганза и Тевтонский орден периодически накладывали запрет на поставку в Новгород серебра.⁷⁶ Как бы то ни было, торговый баланс складывался в пользу Новгорода. Вопреки стремлению немецкой стороны к меновой торговле, новгородские товары зачастую продавались за привозные серебряные деньги, которые затем поступали в местное обращение или переплавлялись в гривны.⁷⁷

Из Северо-Восточной и Южной Руси в Новгород привозили хлеб, воск, мед, а также некоторые византийские и восточные товары: шелковые и хлопчатобумажные ткани, самшит, фаянсовую посуду с белой поливой, оливковое масло, пряности и т. д. Какая-то часть последних направлялась в Западную Европу. Таким образом, новгородская торговля частично была транзитной.

Особую важность имела поставка хлеба. Поэтому неудивительно, что новгородцы постоянно добивались включения в договорные грамоты с великими князьями пункта о беспрепятственной поставке хлеба без всяких ограничений.⁷⁸ Однако на практике соглашения такого рода не всегда соблюдались: нередко Суздаль, Смоленск, Полоцк, Киев блокировали подвоз хлеба в Новгород.

Правила торговли Новгорода с немцами определялись торговыми договорами — важнейшим источником по истории внешней торговли России. Их особенностью было то, что они постоянно возобновлялись в связи с восстановлением мира и прерывавшихся новгородско-ганзейских торговых контактов.²⁹ Немецкую сторону на переговорах в XII в. представлял о. Готланд, в XIII в. — немецкая Ганза в Висбю, с конца XIII в. по 1361 г. — Любек и Висбю, с 1361 по 1392 г. наряду с Любеком и Висбю к руководству ганзейской конторой подключились ливонские города — Дерпт, Ревель и Рига, с 1392 по 1494 г. на первый план вышли ливонские города. Если при заключении *Нибурова мира* (1392) они впервые участвовали в переговорном процессе наряду с Любеком и Висбю, то все последующие торговые договоры с Новгородом от имени Ганзы заключали только ливонские города. В 1436 г. Дерпт и Ревель были уже единственными представителями от ганзейских городов на переговорах с Новгородом. При заключении нового мира с русскими в 1448 г. ганзейскую сторону вновь представляли Рига, Дерпт и Ревель.³⁰

Первый дошедший до нас торговый договор Новгорода с Готландом был заключен в 1191—1192 гг. Поскольку в нем содержалась ссылка на «старый мир», то можно предположить, что более ранний договор был заключен в первой половине XII в., вскоре после основания в Новгороде Готского двора. В договоре 1191—1192 гг. устанавливалось, что никакой конфликт, возникающий в торговых делах немцев в Новгороде или новгородцев «в немцах», не должен был становиться поводом для конфискации товаров («рубежа не творити») или для прекращения торговли. «Кроме того, — указывает Е.А. Рыбина, — договор предписывал предъявлять иск только виновному лицу, не наказывая всех немецких или новгородских купцов в случае нарушения одним из них правил торговли. Однако на практике эти правила практически не соблюдались, и поэтому они постоянно повторяются во всех последующих договорах».³¹

Характеризуя первые договоры Новгорода и других западно-русских земель с немцами, М.Ф. Владимирский-Буданов указывал, что все они содержали юридические нормы, почти тождественные по содержанию с русским правом (в этом заключалось их главное отличие от договоров с греками, искусственно приспособивавших культурное византийское право к русскому обычному). Особенностью договоров XII—XIII вв. с Готландом, ганзейскими городами, Ригой, Ливонским орденом и Швецией было и то, что в них в равной степени определялся правовой статус не только иностранцев в России, но и русских в немецких землях.³² В основном же правила торговли не оформлялись в нормах юридических памятников. Они освящались «старинной», но при этом имели силу и значение закона.³³

Другим правовым источником, позволяющим проследить характер и условия товарообмена между Новгородом и немецкими городами, была скра (*Skra, Schra, Schrcige*) — устав Немецкого двора (немецкий «судебник»), регулировавший жизнь немецкой фактории. Первый документ такого рода, сохранившийся в целом ряде списков (редакций), появился в первой половине XIII в.³⁴

Правилами внутреннего распорядка Немецкого двора вводились ограничения относительно продолжительности пребывания немецких купцов в Новгороде (как правило, она не могла превышать полгода), а также стоимости ввозимых товаров. Никто из немцев не должен был привозить в Новгород товаров больше, чем на 1000 марок серебра. В противном случае весь излишек привезенных товаров поступал в пользу св. Петра; запрещалось привозить сукно неустановленных сортов, кроить во дворе штаны и плащи или разрезать сукно, вывозить поддельный воск, покупать беличьи шкурки партиями кроме как по 250, 500, 1000 штук, брать у русских товар в кредит и вообще занимать у них что-либо под угрозой пени в 10 марок серебра с каждой занятой сотни и т. д. (скра строго предписывала обменивать наличный товар на наличный же). Все правила Немецкого двора были проникнуты духом опеки, являвшейся характерной чертой средневековья, и стремлением по возможности равномерно распределить участие в торговых операциях своих членов. «Таким образом, — указывал М.В. Довнар-Запольский, — стремясь монополизировать торговлю в руках всего купечества, контора противодействовала сосредоточению ее в руках отдельных членов».³⁵

Ганзейцы (в благополучные времена на иноземных дворах могло проживать 150—200 человек) обладали в Новгороде большими привилегиями в области гражданского права. Важнейшим было их право владения недвижимым имуществом, и притом не только внутри двора (дома, лавки, церковь), но и за пределами его (луга). Церковь служила местом складки наиболее ценных товаров, здесь находились весы, проводились деловые встречи и совещания купцов. Внутренние права и вообще устройство двора были основаны на принципе полной экстерриториальности и самоуправления. Во

главе немецкой купеческой общины стояли *ольдерман* подворья, временный представитель ее, судья и администратор и ольдерман св. Петра, ведавший кассой конторы, грамотами и статутами, хранившимися в церкви.

Обитатели двора св. Петра пользовались полной свободой в вопросах внутренней жизни: немецкие купцы судились и управлялись своим законом. Юрисдикции Новгорода они подлежали только в случаях столкновений с новгородцами. Судебные тяжбы между немцами и новгородцами относились к компетенции особого *гостиного суда* при дворе св. Иоанна, состоявшего из посадника, тысяцкого, представителей от купцов (немецких и новгородских) и, возможно, ольдермана. Уставами Немецкого двора ольдерману и его помощникам — *ратманам* — запрещалось принимать подарки свыше полумарки кун, купцам — испрашивать привилегии для личных выгод и т. д.

Таким образом, подворье ганзейских немцев в Новгороде представляло собой как бы государство в государстве. Важно также отметить, что своими постоянными правами по отношению к Новгородскому государству обладал исключительно двор св. Петра, выступавший, таким образом, в роли юридического лица. Отдельные ганзейские купцы вне его этими правами не пользовались.⁸⁶

Ганзейцам фактически удалось добиться от новгородских властей:

- 1) права беспрепятственного приезда и отъезда (даже в случае возникновения войны);
- 2) защиты со стороны местных властей своих личных и имущественных прав, возможности селиться на определенный срок;
- 3) освобождения от обычая *берегового права* (право берегового владельца на вещи и личность иностранца, потерпевшего кораблекрушение);
- 4) права на взыскание с местных жителей торговой задолженности;
- 5) непривлечения к ответственности за проступки, совершенные соотечественниками, за их убытки;
- 6) неконфискации имущества, оставшегося после смерти купца, выдачи этого имущества родному городу покойного для последующей передачи родственникам;
- 7) введения правил, облегчающих привоз и вывоз товаров, производство погрузочно-разгрузочных работ;
- 8) предоставления лоцманов и перевозчиков, возможности заготовки леса для судового ремонта и т. д.

Во избежание вывоза поддельных мехов ганзейские власти запрещали своим купцам покупать такие меха везде, где русские их продавали, — в Риге, Дерпте, Ревеле, Пскове, Полоцке и других городах. Ольдерманы св. Петра обязаны были приводить к присяге всех торговцев, чтобы они соблюдали это постановление. При заключении сделок купли-продажи немцы пользовались привилегией осматривать меха и требовать «наддачи» (*upgift*) дополнительно 30 бесплатных шкур на 1000 — своего рода компенсации за возможную недоброкачество товара. Покупая воск, они могли «колупать» его, проверяя на качество. Выгода заключалась и в том, что большие отколотые куски стоили намного дешевле, чем в кругах (напомним, что речь идет об основных товарах новгородского экспорта). В 1332 г. ганзейские власти приказали растапливать поддельный воск; всякий, кто осмеливался провозить его тайно, подвергался штрафу в 50 марок серебра. Напротив, новгородцы обязаны были производить закупки без осмотра, измерения или взвешивания, т. е. по образцам: немецкие сукна продавались *кипами* (*Stucke*) и *полукипами* (*Terling*), из которых последние заключали в себе до 17 поставов-лаkenов (1 лакен = 44 локтя); соль — мешками; мед, вино и сельдь — бочками массой 20 ливонских фунтов, или 10 пудов.⁸⁷ Таким образом, правила купли-продажи товаров при заключении сделок между новгородцами и ганзейцами обеспечивали последним широкие возможности для наживы.

Другой источник прибыли натурой заключался в том, что немцы довольно часто продавали некачественные сукна и полотна, завышали их сортность, длину; привозили разбавленные водой вина, мед, пиво в малых или неполных бочках, а соль в малых мешках и т. д.; отказывались предоставлять новгородцам товарные образцы для осмотра «на дому»; играли на разнице весовых норм в местах покупки и продажи товаров. Так, в Ревеле ласт соли заключал в себе 15 мешков; в Новгороде же ганзейцы продавали за ласт только 12 мешков, что приносило им 20% прибыли в натуральном выражении.⁸⁸

Не довольствуясь предоставленными им льготами и привилегиями, ганзейцы предъявляли новгородской стороне все новые претензии, стремясь к абсолютному контролю над посреднической торговлей между Западной Европой и Русской землей, добиваясь полного невмешательства местных властей в свои дела, претендуя на то, чтобы укрывать на своей территории местных жителей и судить их своим судом за преступления против двора св. Петра. Они хотели полностью освободиться от того тягостного *гостиного права*, которое господствовало в средние века, запрещая гостю: 1) торговать с другим гостем (пока не удовлетворены торговые интересы местных купцов); 2) торговать в розницу (за исключением ярмарочных дней); 3) вступать в непосредственные отношения купли-продажи с местным крестьянским населением; 4) доставлять товары в город произвольным маршрутом; 5) пользоваться собственными весами.⁹²

Имелись торговые привилегии и у новгородской стороны. Уже в XIII в. немецкие купцы были обязаны прибегать к услугам новгородских лодочников, проводников, лоцманов, извозчиков, носильщиков при проезде через новгородские владения. «На Неве или нижней части Волхова, — отмечает Н.А. Казакова, — происходила перегрузка немецких товаров на русские суда, и начиная с этого момента вплоть до того, как за немецкими купцами закрывались ворота двора св. Петра, они обязаны были пользоваться услугами новгородских лодочников, возчиков и носильщиков».⁹³ Потребность в перевозчиках также возникала и на обратном пути.

Долгое время Новгород отказывал немцам в праве пользоваться собственными средствами транспорта и обходиться своими людьми, желая сохранить за русскими эту отрасль хозяйственной деятельности. Лишь в 1423 г. новгородцы и ганзейцы пришли к соглашению по этому вопросу: немцы получили возможность самостоятельно транспортировать грузы небольшого размера.⁹⁴

В 1269 г. новгородцы отклонили статью немецкого проекта 1268 г. о разрешении гостевой торговли, т. е. торговли немецких купцов с не-новгородцами.⁹⁵

Торгуя с Ганзой, новгородские власти, во-первых, неустанно добивались ограничения привилегий немцев продавать соль и мед мешками и бочками, «колупать» воск и требовать наддачи к мехам, стремились не допустить ввоза поддельных сукон,⁹⁶ разбавленного вина, требовали увеличения объема бочек для вина, меда и сельди⁹⁷ и т. д.; во-вторых, пытались содействовать развитию заграничной торговли самого новгородского купечества.⁹⁸

Возможно, что в XII—XIII вв. немцам разрешалось торговать в новгородской «глубинке», допускалась ограниченная розничная торговля. Однако уже в XIV—XV вв. область торговой деятельности ганзейцев сузилась до пределов самого Новгорода, а в 1416 г. по решению вечевого схода была запрещена и розничная их торговля.⁹⁹

В целом ганзейская торговля в Новгороде была стеснена в большей степени, чем в других странах. «Причина, — отмечал И.М. Кулишер, — заключается в том, что там ганзейцы пользовались гораздо большей силой и могуществом, чем на Руси. В Англии, как и в Норвегии, большую роль играла задолженность короля и аристократии немецким купцам, в силу которой и ради получения новых займов они вынуждены были соглашаться на всевозможные льготы, доходившие до того, что в Англии ганзейцы могли торговать не только с гостями в розницу, но и в селах непосредственно с крестьянским населением, совершенно обходя английское купечество, которое не могло развиваться при таких условиях; мало того, пошлины при вывозе и ввозе товаров ганзейцы нередко уплачивали в меньших размерах, чем сами англичане».¹⁰⁰

К настоящему времени сохранилось не много свидетельств об уплате иностранцами в Новгороде таможенных пошлин и торговых сборов. «По общему мнению историков, — отмечает Н.А. Казакова, — одной из важнейших привилегий ганзейцев в Новгороде и источником больших прибылей <...> являлось почти полное освобождение ганзейских купцов от уплаты пошлин».¹⁰¹

В Гостинополье, где немцы перегружали свои товары в новгородские ладьи, с них взималась проезжая пошлина. По торговому договору 1269 или 1270 г. (мнения исследователей о датировке договора расходятся) ее ставка с каждого судна должна была составлять одну *марку кун* или гривну кун, независимо от количества товара, а с судна, груженного мясом, мукой или пшеницей, — полмарки кун (1/8 марки или гривны серебра). Остальные продовольственные товары ввозились беспошлинно.¹⁰²

В самом Новгороде взималось *весчее* (вес, пуд) — таможенная пошлина за предпродажную операцию по взвешиванию товара.¹⁰⁰ Ю.А. Гагемейстер допускал, что весовые деньги составляли «главную в Новгороде пошлину».¹⁰¹ Согласно договору 1262—1263 гг., заключенному Александром Невским с немцами, размер «весчего» за провес продаваемых или покупаемых товаров составлял две куны от *каны* (три пуда, или восемь ливонских фунтов) или с каждого положенного на скалвы (весы) весчего товара.¹⁰² По древнерусскому обычаю, весовая пошлина взималась не с продавца, а с покупателя.¹⁰³ В договоре 1269 г. размер весчего не определялся, говорилось лишь, что платить нужно по старине.¹⁰⁴ «По-видимому, — отмечал И.М. Кулишер, — и самые весы стояли на Немецком дворе <...> Но весовщик был, надо полагать, новгородец. В предъявляемых немцами требованиях назначенный весовщик должен целовать крест в уверение, что будет вешать одинаково для обеих сторон, а при взвешивании серебра гость может требовать вторичной поверки — очевидно, гости не очень доверяли весовщику и старались обезопасить себя от возможных с его стороны злоупотреблений».¹⁰⁵

П.П. Мельгунов (к сожалению, без указания источника) упоминал также о пошлине, которая взималась в Новгороде с продажи привозных иностранных товаров. «Летние гости, — уточнял он, — платили ¼% со стоимости товаров, а зимние, которые приезжали большею частью не из далеких стран, а приходили сухопутно, платили ⅛% пошлины. Пошлина уплачивалась при самой продаже товара и притом не продавцом, а покупателем; она называлась *мытом*».¹⁰⁶

Возможно также, что немецкие купцы принуждались к уплате особого налога в пользу князя. Однако с какого-то времени этот сбор утратил свое прежнее значение и, по словам Н.А. Казаковой, «был заменен обязанностью ганзейцев подносить великому князю подарки (обычно это были сукна, вина) при посещении ими Новгорода».¹⁰⁷

С таможенной точки зрения несомненный интерес представляет вопрос о транспортировке иностранных (немецких) товаров до Новгорода после их перегрузки на Неве или в нижней части Волхова. Речь идет о расценках, сроках доставки товаров, компенсации ущерба при аварии судна и т. д. Эти спорные вопросы рассматривались судом во дворе церкви св. Иоанна.

Новгородцы изначально добивались, чтобы на случай аварии ответственность немецкой стороны за наем ладьи наступала с момента отхода последней от новгородской пристани к месту погрузки. Немцы же соглашались на компенсацию, т. е. на уплату полной наемной платы за ладью, если аварию терпело уже груженое судно. Известно, что в договоре 1269 г. была закреплена позиция новгородской стороны: при аварии с немца взималась плата за наем судна, хотя бы только отправившегося за товаром.¹⁰⁸

Фрахтуя на Неве новгородские плоскодонные суда, немецким купцам приходилось платить пять марок кун (один окорок) каждому лоцману, а за провод по р. Волхов от Ладоги до Новгорода или в обратном направлении — три марки кун (половина окорока).¹⁰⁹ В 1412 г. купцы Немецкого двора сообщали в Ревель о новых постановлениях русских в отношении арендной платы за наем ладей на Неве: «С каждой ладьи, которая нанята и отправляется вверх по Неве, немцы должны были уплачивать ½ марки в пользу ладей, оставшихся пустыми. Таким образом, немцы должны были в какой-то мере компенсировать и тех лодочников, которые выехали навстречу им на Неву, но остались без работы».¹¹⁰ По прибытии в Новгород товары необходимо было доставить в гостиные дворы иноземных купцов. Перевозчики товаров в Новгороде получали за доставку к Немецкому двору 15 кун, к Готскому — 10 кун с каждой ладьи. При вывозе товаров из Новгорода плата за перевозку до берега составляла по полмарки (полгривны) кун с ладьи.¹¹¹

Длительное время камнем преткновения в новгородско-ганзейских отношениях оставался вопрос об ответственности немецкой стороны за ущерб, который терпели новгородские мореходы от пиратских нападений. Обычно стороны достигали формального компромисса: «Ганзейские города брали на себя обязательство искать ограбленный у новгородцев товар, новгородцы же обещали не подвергать репрессиям немецких купцов из-за товара, который найти не удастся».¹¹² Так, по договору Новгорода с Ригой, заключенному во второй половине XIV в., новгородцы брали на себя обязательство «не поминать вперед вреда, причиненного их купцам немецкими разбойниками перед Невею».¹¹³

В связи с активизацией русского торгового мореплавания — с конца XIV в. новгородцы стали чаще посещать порты Ливонии (Ригу, Ревель), Пруссии (Данциг) и Швеции (Стокгольм) — Новгород все настойчивей добивался от Ганзы гарантий «чистого пути за море» (в немецких землях), т. е. принятия

ганзейскими городами на себя ответственности за ограбления и другие несчастья, которые могли произойти с их соотечественниками во время морских путешествий. Однако именно в этом вопросе ганзейцы с завидной последовательностью проявляли неуступчивость и, под предлогом верности принципам «старины», отказывались гарантировать безопасность морского судоходства новгородцев и возвращение всех награбленных у них товаров.

Вопреки тому, что начиная с XII в. в каждом договоре немцы и новгородцы выражали обоюдное желание торговать свободно, не допуская насильственного захвата товаров (это выражалось словами «вольное торгованье», «путь чист», «без рубежа», «без пакости»), вся история русско-ганзейской торговли на деле сводилась к одному сплошному захвату русскими или немцами товаров посторонних лиц за убытки, действительно или якобы ими понесенные, являя «непрерывный ряд насильственных действий, основанных на идее круговой поруки между лицами, происходящими из одной и той же местности или принадлежащими к одной и той же национальности».¹¹⁴ Общая обстановка усугублялась утомительной пограничной войной «русских» и «немецких» группировок, вызванной проникновением в Восточную Прибалтику в первые десятилетия XIII в. немецких, датских и шведских духовных и светских феодалов. Целью спонтанно возникавших военных столкновений было доказать или подтвердить уважительное отношение к многочисленным местным договорам, в которых стороны пытались отыскать возможность разграничения отдельных сфер влияния.¹¹⁵

Известно, что заключенный между Ганзой и Новгородом в 1392 г. Нибуров мир гарантировал новгородским купцам беспрепятственный проезд и торговлю не только на Готланде (это было зафиксировано еще договорами XII—XIV вв.), но также в Дерптском епископстве.¹¹⁶ В мирных соглашениях 1423, 1434, 1436, 1450, 1466, 1472 гг. ганзейцы уже брали на себя обязательство оберегать новгородских купцов, как своих собственных, давать им «чистый путь горою и водою» и «управу» по всем «обидным делам» (аналогичные обязательства принимала на себя и русская сторона). В правовом отношении соответствующие статьи были несомненным шагом вперед. Однако на деле немцы не обеспечивали безопасность морской торговли новгородцев и не компенсировали их потери от пиратских нападений.

В ответ на бездеятельность немецких властей в преследовании и наказании пиратов новгородская сторона не только не останавливалась перед применением репрессий против отдельных немцев, но даже шла на разрыв политических отношений с Ганзейским союзом и Ливонским орденом. Так, в 1401 г. новгородцы задержали много ганзейских товаров, и вообще с этого времени их недоверие к Ганзейскому союзу стало проявляться вполне определенно.¹¹⁷ С 1420 г. новгородцы не раз затевали крупные распри с немцами. В этом они видели единственное средство добиться от противоположной стороны хоть какого-нибудь удовлетворения своих интересов.¹¹⁸

Как можно заметить, декларируемый в мирных соглашениях принцип индивидуальной ответственности на практике не соблюдался. Этому способствовало и то, что само торговое право в то время нередко исходило из принципа «групповой ответственности». Так, согласно договору 1269 г., в случае столкновения между новгородцем и «зимним гостем» «летний гость» за это не должен был отвечать, и наоборот. Договаривающиеся стороны нередко применяли друг против друга акцию *рубежа* (от древнерусского глагола «рути» — подвергать конфискации), которая заключалась в изъятии имущества у купца-должника, а при отсутствии самого должника — у соотечественника. Нередко «рубеж» являлся внешнеполитической акцией, направленной против города или страны, откуда прибыл купец.¹¹⁹ Целым рядом соглашений Ливонского ордена с Новгородом и Псковом в XV в. устанавливалось, что в случае столкновений между Орденом и Псковом новгородские купцы не подлежали ответственности и задержанию, и наоборот.¹²⁰

Стремясь к сосредоточению и удержанию всех нитей балтийской торговли в своих руках, Ганза начиная с XIII в. запрещала немецким купцам вступать в компании с русскими и принимать их товары для перевозок; это запрещение второй редакции скры распространялось и на компании с европейскими купцами, в первую очередь с фламандцами и англичанами. Четвертой и пятой редакциями скры (XIV в.) немцам также запрещалось привозить с собой на двор св. Петра ломбардцев, фламандцев и других неганзейцев под угрозой штрафа в 50 марок и лишения прав двора. Это правило повторялось во всех последующих редакциях скры. Яростное противодействие властей Немецкого двора вызывала и коммерческая деятельность в Новгороде Тевтонского ордена.¹²¹ На рубеже XIV—XV вв. ганзейские съезды и города, руководившие торговлей с Новгородом, вновь и вновь принимали постановления о

запрещении продажи новгородцам ранее не ввозившихся сортов сукон, торговли в кредит, поездок новгородцев по неустановленным маршрутам и т. д.¹²²

Следствием ганзейской монополии стало ухудшение качества товаров, ввозимых немецкими купцами. Ганзейские власти чинили препятствия к привозу в Новгород первосортного английского сукна, поставка которого все равно осуществлялась через Пруссию и Литву.¹²³ Источники зафиксировали торговые поездки в Новгород в XIV—XV вв. ломбардцев, голландцев (нидерландцев), литовцев.¹²⁴

Непросто, зачастую конфликтно, складывались и отношения Новгорода с Ливонским орденом. Враждебно настроенный по отношению к России Орден прилагал отчаянные усилия к тому, чтобы закрыть для нее выходы к Балтийскому морю и тем самым не допустить ее сношений с западноевропейскими странами. «Власти Ордена, — отмечал А.В. Висковатов, — в согласии с северо-восточными германскими городами не пропускали в Россию нанятых мастеров различных специальностей».¹²⁵ Они следили и за тем, чтобы иностранные купцы-неганзейцы не вступали в непосредственные торговые сношения с русскими, посещавшими Ливонию. Очевидно, по этой причине голландцам дозволялось посещать лишь приморские ливонские города в качестве шкиперов и членов судовых команд. При этом им запрещалось торговать с русскими, изучать русский язык. Аналогичные решения принимались и в отношении купцов-неганзейцев других национальностей. Причем англичанам и фламандцам запрещалось торговать не только с русскими, но и с немцами. В 1346 г. ганзейский съезд принял решение о том, чтобы все товары, предназначавшиеся для Новгорода, привозились сначала в ливонские порты Ригу, Ревель и Пернаву (Пернов, Пярну). Тем самым запрещалась доставка товаров в Новгород через Пруссию, Курляндию или Швецию по суше.¹²⁶

Надо ли говорить, что политика Ганзы и Ордена с неизбежностью возбуждала зависть и агрессию со стороны голландцев, пользовавшихся расположением датских властей, и англичан. Представляя страны, вставшие на путь мануфактурно-капиталистического производства, ориентированного на внешний рынок, они все сильнее тяготились торговой монополией, установленной ганзейскими немцами. Русские же в свою очередь все больше убеждались в преимуществах свободного торга с иностранцами.¹²⁷

В периоды обострения новгородско-ганзейских отношений купечество ливонских городов (Риги, Пернавы, Дерпта, Ревеля и Нарвы), стоявших несколько поодаль от других участников Ганзы, все равно пыталось торговать с Новгородом, нарушая тем самым ганзейскую солидарность. В этом оно находило поддержку со стороны ливонского магистра.¹²⁸

Особую активность в этом отношении проявляли купцы из Нарвы, которая не была ганзейским городом. Она неоднократно добивалась принятия в Ганзейский союз, но каждый раз этому противодействовали другие ливонские города, особенно Ревель, купечество которого опасалось нарвской конкуренции. «Нарва, — отмечает Н.А. Казакова, — была необычно выгодно расположена для ведения торговли с Новгородом и Псковом. Из Нарвы в Новгород вели два водных пути: один — по Финскому заливу, Неве, Волхову, другой — вверх по Нарове и через оз. Чудское в Псков, а из Пскова старая торговая дорога шла через Великую, Череху, затем по суше до Узы, вниз по Узе в Шелонь и оз. Ильмень. Кроме того, из Нарвы в Новгород вела сухопутная дорога, особенно часто используемая в зимнее время, когда открывалось санное сообщение. Если бы Нарва стала ганзейским городом, то благодаря своему географическому положению и удобству путей сообщения она в большом количестве привлекала бы новгородских купцов, и Ревель от этого проиграл бы».¹²⁹ Закупив различные товары в Данциге (важнейшим из них была соль), нарвитяне затем продавали их в своем городе или везли в Новгород. На границе с новгородскими владениями они вели мелкую торговлю железом, мясом, рыбой, рожью и другими товарами. Эта торговля Нарвы особенно процветала во время ганзейских запретов. Ливонский магистр защищал интересы Нарвы, которая являлась орденским городом, и поддерживал ее притязания на получение прав во дворе св. Петра.¹³⁰

В свою очередь новгородские купцы охотно посещали ливонские города, где могли приобретать соль по весу, а не мешками, как в Новгороде. Здесь перед ними открывалось больше возможностей вступить в прямые контакты с иностранными купцами-неганзейцами. В 1468 г. между Новгородом и Нарвой была достигнута договоренность об унификации вощаного веса.¹³¹

От Нарвы не отставал и Выборг, также торговавший с Новгородом в обход Ганзы. Купцы из Выборга закупали необходимые товары в прусских городах и в Ревеле, а затем продавали их новгородцам в Выборге или же в условленных местах на Неве.¹³²

После Грюнвальдской битвы (1410) Ливонский орден, стремившийся в то время к стабилизации отношений с Новгородом и Псковом, был вынужден проводить более гибкую политику. Так, в 1421 г. между Новгородом и Орденом был заключен договор, который обеспечил новгородским купцам «путь чист» для торговли в земле и городах магистра с правом покупки и продажи товаров «без вывета и без рубежа» (без исключения и без препятствий). На тех же условиях могли приезжать и торговать в Новгородскую землю и немецкие гости. Стремясь в 20—30-е гг. XV в. к сохранению мира с русскими городами, Орден отказывался поддерживать запреты Ганзы на торговлю с русскими; в то же время он стремился не допустить усиления военной мощи Новгорода и Пскова и вводил ограничения на продажу русским металлов и металлоизделий, из которых можно было делать оружие. После войны Новгорода с Орденом 1443—1448 гг. между сторонами был заключен новый договор (1448), который также свидетельствовал о значительном месте торговли в общем комплексе Русско-ливонских отношений.¹³³

В 1471 г. новгородцы потерпели поражение на р. Шелонь, и Великий Новгород был включен в состав Московского государства. Однако договор о мире, заключенный в том году между Иваном III и Новгородом, еще не посягал на ганзейскую торговлю последнего. Более того, в нем говорилось: «А в немецком дворе торговать нашей братье новгородцем; а приставов вам не приставливати, а гостем гостити без рубежа по Цареве грамоте».¹³⁴ Летом 1472 г. новгородское правительство заключило мир с Ганзой на 20 лет, очевидно, на условиях «старины». Лишь в 1478 г., когда были упразднены все политические институты боярской республики, немецкие купцы и их товары вновь подверглись аресту. 1 сентября 1481 г. между Новгородом (фактически Московским государством) и Ливонией был заключен мирный договор. Вскоре начались переговоры о заключении мира с ганзейскими городами, которые добивались восстановления прежних отношений.

Договор с Орденом (1481) был направлен на возрождение прерванных несколькими годами ранее торговых связей. При этом ряд статей отличался новизной. Так, магистр гарантировал новгородцам свободу торговли в Ливонии любым товаром, без каких-либо ограничений. Он также обещал пресечь произвол со стороны ливонских властей при вывозе лошадей из Ливонии в русские земли.¹³⁵ В Ругодиве (Нарве) русские освобождались от уплаты пошлин, если торговые сделки между ними и немцами совершались на реке без выгрузки товаров на берег, а также в случае их перегрузки на телеги для отправки в другие города Ливонии. В интересах русских продавцов воска устанавливалось соответствие нарвских весов и весовой единицы — *капи* — новгородским мерам (тем самым соглашение 1468 г. с Нарвой приобретало силу договорной нормы).

Договором полнее обеспечивались личные права и безопасность русских: при проезде через Ливонию им разрешалось нанимать по своему выбору проводников из местного населения; за повреждение у русского бороды виновный карался отсечением руки и т. д.¹³⁶ Сократилось число статей, которыми регламентировалось пребывание немцев в Новгороде. Таких статей в договоре 1481 г. всего три. В двух из них подтверждалось право немецких послов и купцов на беспрепятственный проезд и свободную торговлю в Новгороде, а также говорилось об обязательстве новгородской стороны «блюсти немчина», как своего новгородца. Третья статья отличалась новизной, запрещая немецким купцам розничную торговлю крепкими напитками в Новгороде и его пригородах. Изменение формуляра договора 1481 г. не было простой формальностью. Следует согласиться с Н.А. Казаковой в том, что оно явилось показателем происшедшего в результате создания единого Русского государства изменения в соотношении сил между Россией и Ливонией.¹³⁷

В 80-е гг. XV в. западная торговля России продолжала перемещаться в ливонские города, минуя Новгород. Правительство Ивана III, внимательно наблюдая за развитием этого процесса, добивалось от ганзейских городов Ливонии — Риги, Ревеля и Дерпта — тех же уступок, что удалось получить от Нарвы в 1481 г. Одновременно оно стремилось увязать «ливонский вопрос» в одну проблему с русско-ганзейскими отношениями.

В 1487 г. Новгород (фактически Москва) и Ганза подписали договор о 20-летнем мире, возобновивший их прежние торговые отношения. Договор содержал обоюдную гарантию «чистого пути» и

беспрепятственной торговли «по старине» для немецких купцов в Новгородской земле и для новгородцев — в немецкой. Одновременно подтверждалось, что в случае распри Новгорода со Швецией, Орденом или Нарвой немецкие купцы в Новгороде не должны задерживаться. В документе впервые была изложена правовая формула ответственности Ганзы за ограбления новгородских купцов во время их поездок за море: «Если случится новгородскому купцу зло на море от злых людей, которые имеют дом в 73 городах, то 73 города должны их искать, и если найдут они злых людей, то должны их наказать смертью и должны новгородскому купцу возратить его товар». Аналогичные обязательства принимала на себя и новгородская сторона в случае причинения ущерба немцу в Новгородской земле.¹³⁸

В договор также была включена статья о разделе спасенного имущества после кораблекрушения: «А похочет новгородец товар класти с немчином в лодью или в бус (обычное русское наименование ганзейских кораблей. — М.Ш.) в одном месте, а доспеетца притча над тем товаром на море: ино делиться немчину с ноугородцом по товару что останетца, а хитрости небыти, по крестному целованию, на обе стороны везде». По мнению И.Э. Клейненберга, речь шла о том, что «спасенный от кораблекрушения товар должен был делиться между всеми зафрахтовавшими корабль купцами, независимо от того, кому этот товар принадлежал до бедствия. Каждый участник имел право на долю спасенного, соразмерную по стоимости тому грузу, который он имел на корабле до крушения».¹³⁹

Вместе с тем при заключении договора представители Ивана III отказались от своих первоначальных требований, направленных на ликвидацию торговых привилегий Ганзы в Новгороде. Они также не стали настаивать на расширении числа договорных условий, стимулирующих заграничную торговлю новгородцев.¹⁴⁰ По всей видимости, эти уступки со стороны Ивана III имели ситуационный, тактический характер. Его стратегические цели к тому времени вполне определились: расширение международных связей, ликвидация ганзейского посредничества, утверждение независимости внешней торговли, сосредоточение ее в руках русского купечества.¹⁴¹

В 1488 г. наместник великого государя в Новгороде запретил реализацию соли мешками, а меда бочками без взвешивания. Так было покончено с одной из наиболее доходных привилегий ганзейских купцов, заключавшейся в праве продажи целого ряда товаров по образцам. К тому же немцы вынуждались к уплате торговой пошлины — *весчего* — наряду с русскими купцами. Вскоре по распоряжению великого князя было установлено еще одно правило: весовщики, приставленные к весам при церкви св. Иоанна, стали взимать по три пфеннига с каждого *шиффсфунта* (около 160 кг) взвешиваемого товара. Эта перемена не могла не привести к увеличению весовой пошлины.¹⁴² С 1489 г. ганзейские купцы обязаны были отдавать в переплав новгородским денежникам привозное серебро. На них же перекладывались и убытки от передела низкопробного серебра, которые раньше приходилось терпеть новгородцам.¹⁴³

В 1494 г. наместником Ивана III в Новгороде были ликвидированы последние привилегии ганзейцев, заключавшиеся в праве «колупать» воск и требовать меховой «наддачи». В том же году в Новгороде был закрыт Немецкий двор, где подверглись аресту 49 ганзейских купцов с конфискацией их товаров на сумму 96 000 марок. Причину этих решительных действий надо видеть в стремлении единого Русского государства проводить активную внешнюю политику на Западе и утвердиться на берегах Балтийского моря. Неудивительно, что эти шаги были предприняты после основания в 1492 г. Ивангорода — нового центра внешней торговли России.¹⁴⁴

Фактически к подрыву устоев новгородско-ганзейской торговли вела и «переселенческая политика» Ивана III. В 1478 г. из Новгорода было «выведено» более 100 боярских и купеческих семей, получивших землю во Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде и др. Подобные же «выводы» проводились в 1484, 1487, 1488 и 1489 гг. Всего по сообщениям летописей в эти годы в «низовую землю» было переселено свыше 1000 опальных бояр, житейных людей, гостей с семьями, т. е. в общей сложности до 7000 человек. Не все из них получили поместья и стали московскими служилыми людьми. Многие новгородские «заговорщики» оказались в тюрьме. На место выселенных «переводились» московские купцы и дети боярские.¹⁴⁵ Однако если Н.И. Костомаров полагал, что переселением во внутренние уезды Московского государства знатнейших новгородских фамилий Иван III достиг разрушения вековой корпорации новгородских гостей, торговавшей с Западом,¹⁴⁶ то А.П. Пронштейн призывал не переоценивать отрицательное влияние этого обстоятельства на состояние внешней торговли Новгорода, «так как на место выведенных новгородских купцов в город были переселены купцы московские, обладавшие, может быть, не столь большими, но все же значительными средствами и богатым опытом».¹⁴⁷

Как бы то ни было, Новгород и в XVI в. не лишился своего торгового значения, оставаясь крупнейшим рынком России. Важно лишь подчеркнуть, что его внешнеторговые контакты, утратив автономный, самостоятельный характер, оказались подчинены экономическим интересам единого Русского государства.¹⁴⁸ Это создавало благоприятные условия для развития экономической жизни города и вело к дальнейшему укреплению его связей с европейскими партнерами.¹⁴⁹ Торговые пути на Запад проходили теперь через Псков, который стал важнейшим пунктом перемещения русских товаров в Ригу и Литву, и Ивангород.

Неудивительно, что внешнеторговая политика Ивана III встретила противодействие со стороны Литовского княжества. В конце 80-х—начале 90-х гг. XV в. условия торговли для подданных московского государя в Литве складывались весьма неблагоприятно. Королевская администрация — «пошлинники», «мытники», «таможники», наместники и приставы — беспричинно задерживали русских купцов, захватывали их товары. Великий князь литовский запретил вывоз серебра в русские земли. Лишь в 1494 г. между Иваном III и Александром Казимировичем был подписан договор, нормализовавший на какое-то время двухсторонние торговые отношения.¹⁵⁰

Стремясь к укреплению своего положения на Западе, Москва заключила в 1493 г. договор с Данией, который положил начало длительному союзу двух стран. Помимо статей о военно-политическом союзе, направленных против Швеции, договор включал статьи о торговых сношениях. В 1497 г. было заключено перемирие со Швецией сроком на 6 лет. В отношениях с Ливонией Иван III стремился к миру. Однако Орден держал курс на военную конфронтацию, пытаясь помешать дальнейшему усилению единого Русского государства.¹⁵¹

Примечания

¹ См.: *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 72—73; *Платонов С.Ф.* Учебник... С. 62—63; *Шаскольский И.П.* О возникновении города Колы // ИЗ. 1962. Т. 71. С. 272.

² *Славянский М.* Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. СПб., 1847. С. 20—21; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 87—93; *Чиркин Г.Ф.* Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 1. С. 7—12; *Платонов С.Ф., Андреев А.И.* Новгородская колонизация Севера // Там же. С. 26—37; *Платонов С.Ф.* Учебник... С. 64; *Алексеев Ю.Г.* «К Москве хотим»... С. 8—13; *Перхавко В.Б.* Пушнина в древнерусском товарообмене (IX—XIII вв.) // ОИ. 1999. № 5. С. 167—170.

³ *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 534.

⁴ *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 80.

⁵ *Фроянов И.Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 367.

⁶ *Янин В.Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. 1 (11). С. 90.

⁷ *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 186—187.

⁸ *Ключевский В.О.* 1) Краткое пособие... С. 80—81; 2) Соч. Т. 2. С. 76.

⁹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 32.

¹⁰ *Фроянов И.Я.* 1) Мятежный Новгород. С. 185; 2) Древняя Русь. С. 338.

¹¹ *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 75.

¹² *Фроянов И.Я.* 1) Мятежный Новгород. С. 197; 2) Древняя Русь. С. 328.

¹³ См.: *Ключевский В.О.* Соч. Т. 1. С. 28.

¹⁴ *Фроянов И.Я.* 1) Мятежный Новгород. С. 198—202; 2) Древняя Русь. С. 368.

15. *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 77—78.
16. Там же. С. 79; *Платонов С.Ф.* Учебник... С. 68.
17. *Покровский М.Н.* Избранные произведения в четырех книгах. М., 1966. Кн. 1. С. 146.
18. *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 76.
19. Там же.
20. *Платонов С.Ф.* Учебник... С. 68.
21. Ярослав Ярославич — родоначальник тверских князей. Он «наследовал Александру Невскому на Владимирском великом княжении, и на протяжении более полувека Тверь была важнейшим политическим центром этого княжения» (*Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III. С. 12).
22. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 66.
23. СГГид. Ч. 1. № 1. С. 1; *Ключевский В.О.* Краткое пособие... С. 75.
24. Договорная грамота Новгорода с Ярославом Ярославичем 1270 г. // СГГид. Ч. 1. № 3. С. 4. Слова «по Цареве грамоте» означают, что первоначально грамота с привилегиями для Новгорода была получена у хана Орды Менгу-Тимура (1266—1282), который неизменно проявлял заинтересованность в поддержке балтийской торговли через Новгород и ее распространении на Восток. Подтверждая права и привилегии Новгорода, этот ордынский хан неизменно выражал готовность защищать его «от любых нападков со стороны великого князя Владимирского, он также настаивал на продолжении политической связи между Новгородом и великим князем». В XIV в. Орда продолжала защищать торговые права новгородцев от произвола владимирского князя (см.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 534, 541; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь... С. 111—115; *Вернадский Г.В.* История России. Монголы и Русь. С. 177—179; *Лимонов Ю.А.* Из истории... С. 61).
25. Договорная грамота Новгорода с Михаилом Ярославичем 1308 г. // СГГид. Ч. 1. № 8. С. 9. Михаил Ярославич (1271—1318), князь тверской (с 1285 г.), великий князь владимирский (1305—1317), был убит в Орде.
26. Договорная грамота Новгорода с Михаилом Ярославичем 1317 г. // СГГид. Ч. 1. № 14. С. 18.
27. Там же. № 1, 2, 3; ОР РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собр. № 335. Л. 1—6; ГВНП. № 14, 15, 19, 26; *Бережков М.Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879. С. 230, 231. Князья, приглашенные в Новгород, иногда злоупотребляли своим положением, вступали в непосредственные торговые сношения с немцами, продавая им продукты из своих «низовских» княжеских имений. Так, например, поступали Ярослав Ярославич и его сын Александр (*Лимонов Ю.А.* Из истории... С. 61).
28. СГГид. Ч. 1. № 1, 2, 3; ОР РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собр. № 335. Л. 1—6; ГВНП. № 14, 15, 19, 26; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 18; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 534; *Ключевский В.О.* Соч. Т. 2. С. 61. По мнению И.М. Кулишера, первоначально князь имел свой двор, где происходил обмен его собственных товаров на иноземные; позже новгородцы, опасаясь соперничества князя в торговле с немцами, потребовали, чтобы князь не имел никакого непосредственного отношения к Немецкому двору и торговал бы в нем только через посредство новгородцев: «...а хто придет з великого князя товаром, торговати им з Новгородци в немецком двор» (*Кулишер И.М.* История... С. 36).
29. *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 36, 64.
30. Российское законодательство... Т. 1. С. 274; *Рыбина Е.А.* О торговых пошлинах и санкциях в средневековом Новгороде // От мытной заставы до современной таможни. Новгород, 1996. С. 8; *Преображенский А.А., Перхавко В.Б.* Купечество Руси. С. 53—59.
31. Рукописание князя Всеволода, XIII в. // Российское законодательство... Т. 1. С. 263. Впрочем, данный памятник содержит целый ряд анахронизмов, свидетельствующих о его происхождении во второй половине XIII — начале XIV в., а не между 1130—1137 гг., как считалось ранее (Там же. С. 262, 269—292).
32. *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 145.
33. См.: *Ключевский В.О.* Соч. Т. 2. С. 76; Рукописание князя Всеволода... С. 262—264, 271, 269—192.

- ³⁴. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. С. 313.
- ³⁵. См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 176—177, 187; Новгородский устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерах торговых // Российское законодательство... Т. 1. С. 250—253. Подобно «Рукописанию», этот памятник представляет собой компиляцию XIII — начала XIV в. (Там же. С. 249, 290—292).
- ³⁶. *Удинцев В.А.* История обособления торгового права. Киев, 1900. С. 13.
- ³⁷. Так, низовские гости, приезжавшие из Владимиро-Суздальской земли, должны были заплатить в Новгороде с берковца (10 пудов) вошаную пошлину в размере 0.25 гривны серебра и 0.5 гривенки перца; полоцкие и смоленские — 2 гривны кун; новоторжцы — 1.5 гривны кун; новгородцы — 6 мордок (0.6 гривны кун) (Российское законодательство... Т. 1. С. 263, 265, 276—279).
- ³⁸. *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 181; *Спицын А.А.* Торговые пути Киевской Руси // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 252; *Лихачев Д.С.* Новгород Великий. Л., 1945. С. 10; *Рыбина Е.А.* Археологические очерки... С. 22.
- ³⁹. *Шаскольский И.П.* Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в II—XIII вв. // Географический сборник. М.; Л., 1954. Вып. 3. С. 156.
- ⁴⁰. *Казакова Н.А.* Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. // ИЗ. 1954. Т. 47. С. 263.
- ⁴¹. Там же; *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 209—213, 239; *Кулишер И.М.* История... С. 51—54.
- ⁴². *Казакова Н.А.* Из истории торговой политики... С. 267.
- ⁴³. *Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С. 63.
- ⁴⁴. *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 45—121. |
- ⁴⁵. Там же. С. 121—154.
- ⁴⁶. *Хорошкевич А.Л.* 1) Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV—XV веках // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 293, 304; 2) Торговля... С. 138—139.
- ⁴⁷. Поташ вываривался из древесной или травяной золы и находил применение в производстве мыла, тугоплавкого и хрустального стекла.
- ⁴⁸. *Гагемейстер Ю.А.* О финансах... С. 209, 212—213; *Славянский М.* Историческое обозрение... С. 71; *Аристов Н.* Промышленность... С. 202—203; *Хлебников Н.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 463; *Никитинский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 164—169; *Довнар-Запольский М.В.* История... Т. 1. С. 156—157; *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 3-е изд. М., 1918. С. 183; *Вернадский Г.В.* История России. Киевская Русь. С. 132; *Хорошкевич А.Л.* Торговля... С. 155—159.
- ⁴⁹. *Славянский М.* Историческое обозрение... С. 15—19; *Кулишер И.М.* История... С. 49; *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 4.
- ⁵⁰. *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы... С. 15—25; *Толочко П.П.* Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сб. науч. тр. АН УССР. Ин-т археологии. Киев, 1990. С. 119.
- ⁵¹. В отличие от деревянной церкви св. Олафа, церковь св. Петра изначально была из камня. Она являлась хранилищем товаров немецких купцов, казны и архива конторы, а также церковных ценностей; там же хранились весы большие (безмен) и малые.
- ⁵². *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы... С. 25.
- ⁵³. *Шаскольский И.П.* Жалованная грамота Михаила Федоровича любекским купцам 1636 г. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей / Отв. ред. Н.Е. Носов. М.; Л., 1964. С. 358; *Рыбина Е.А.* Иноземные дворы... С. 5. В 1227 г. в битве в Борнхеведе союз Любека и северогерманских князей нанес поражение королю Дании

Вальдемару II. «Эта победа, — отмечает Матти Клинге, — положила конец господству Дании на Балтике» (*Клинге М. Мир Балтики. Кеуруу, 1995. С. 35*).

⁵⁴. Рыбина Е.А. Иноземные дворы... С. 5.

⁵⁵. В ходе военных столкновений Дании с немецкими городами, возобновившихся с 1361 г., последние, заключив в Кельне союз для ведения войны против Дании (1367), нанесли ей жестокое поражение в Штральзунде (1370). В том же году был подписан позорный для Дании мир, приведший к расширению торговой гегемонии Ганзы в Северной Европе.

⁵⁶. Кроме немецкой фактории в Новгороде в разное время существовали шведский, датский, английский, псковский, тверской, половецкий, смоленский торговые дворы (см.: *Рыбина Е.А. Иноземные дворы... С. 7, 124—140; Пушкарев С.Г. Обзор... С. 63*).

⁵⁷. См.: *Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. С. 61; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 386*. Конторы Ганзы находились в Брюгге (Фландрия), Лондоне, Бергене (Норвегия), Венеции и других, а поле ее торгово-посреднической деятельности простиралось на Англию, Францию, Брабант, скандинавские государства, а также на Псков, Смоленск, Витебск и Полоцк.

⁵⁸. *Рыбина Е.А. Иноземные дворы... С. 6*. В XV в. новгородцы уже не различали Готский и Немецкий дворы, называя первый немецким речным, а второй — горным, т. е. верхним, что соответствовало местоположению дворов (Там же. С. 73).

⁵⁹. *Казакова Н.А. Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 100, 102—103*.

⁶⁰. *Славянский М. Историческое обозрение... С. 72; Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 535; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Ч. 1. С. 350; Мельгунов П.П. Очерки... С. 78; Брим В.А. Путь из варяг в греки // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1931. № 2. С. 255*.

⁶¹. *Никитинский А.И. История... С. 144; Клинге М. Мир Балтики. С. 34—35*.

⁶². *Рыбина Е.А. Иноземные дворы... С. 108—109*.

⁶³. *Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 40—41*.

⁶⁴. *Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 160—213*.

⁶⁵. *Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 209, 212—215; Славянский М. Историческое обозрение... С. 71; Аристов Н. Промышленность... С. 203—204; Хлебников Н. Общество... С. 463; Никитинский А.И. История... С. 157—158, 163—164; Мельгунов П.П. Очерки... С. 86—87; Любавский М.К. Лекции... С. 183; Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. 154—155; Вернадский Г.В. История России. Киевская Русь. С. 132; Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 213—336. С XIII в. торговля янтарем была монополизирована Тевтонским орденом, сделавшимся единственным поставщиком этого товара в русские города (*Рыбина Е.А. Археологические очерки... С. 62*).*

⁶⁶. *Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 263—307; Потин В.М. 1) Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 88; 2) Древняя Русь... С. 75*.

⁶⁷. *Аристов Н. Промышленность... С. 204*.

⁶⁸. *Довнар-Запольский М.В. История... Т. I. С. 155; Казакова Н.А. Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 84, 86*. В 1229 г. папа Григорий IX запретил католикам торговать с русскими под тем предлогом, что последние препятствовали распространению в Прибалтике и Финляндии римско-католического христианства (*Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 11*).

⁶⁹. *Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 542—543; Никитинский А.И. История... С. 106, 157; Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 11—12*. Ганзейское влияние в Швеции в рассматриваемый период было весьма сильным. Достаточно сказать, что Стокгольм, основанный в середине XIII в., до 1471 г. был разделен на немецкую и шведскую части, каждая из которых имела собственного бургомистра. Таким же образом был разделен и Висбю (см.: *Клинге М. Мир Балтики. С. 42*).

⁷⁰. *Никитинский А.И. История... С. 143; Мулюкин А. С. Приезд иностранцев... С. 12*.

- ⁷¹ Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 3. С. 14; Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1897. Т. 21. С. 249; Рыбина Е.А. Археологические очерки... С. 72; Хорошкевич А. Л. Торговля... С. 310—311. Игнорируя эти запреты, немецкие купцы «нагружали железом бочки из-под сельдей и под видом этого товара привозили в Русь требуемый металл» (Никитинский А.И. История... С. 157).
- ⁷² См.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. М., 1953. Ч. 2. С. 170. По мнению А.И. Никитинского, «главнейший род металлических изделий — оружие — подвергнут был чуть ли не абсолютному запрещению и ввоз его возможен был, кажется, не иначе, как путем контрабанды». А.Л. Хорошкевич тоже считает, что ввоз оружия в Новгород «был ничтожен» (Никитинский А.И. История... С. 163; Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 315).
- ⁷³ См.: Перхавко В.Б. Хлеботорговля в Древней Руси // ОИ. 1996. № 4. С. 18—19.
- ⁷⁴ Там же. С. 19.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Казакова Н.А. Из истории торговой политики... С. 273; Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 280—284, 322—323.
- ⁷⁷ Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 213.
- ⁷⁸ См.: ГВНП. № 13. С. 26; Перхавко В.Б. Хлеботорговля... С. 20—22. Зерно на новгородском рынке продавалось кадами (1 кадь = 14 пудов, или около 229 кг), четвертями и осьминками (соответственно четвертая и восьмая часть кади). В обычные года цена одной кади ржи не поднималась выше одной-двух гривен серебра. Пшеница стоила вдвое дороже, а овес — вдвое дешевле ржи (Перхавко В.Б. Хлеботорговля... С. 23).
- ⁷⁹ Не все договоры, заключенные между Новгородом и Ганзой, являлись таковыми в полном смысле слова, многие из них представляли собой скорее проекты договоров. «Лишь в некоторых из них имеются имена заключивших договор лиц, их подписи, печати, говорится, что на этом обе стороны целовали крест. В других случаях эти внешние признаки договора, действительно заключенного, отсутствуют. Иногда же из самого содержания документа видно, что он является только проектом» (Кулишер И.М. История... С. 49).
- ⁸⁰ Кулишер И.М. История... С. 50; Рыбина Е.А. Иноземные дворы... С. 25. Уже в 1360 г. Риге принадлежал один из ключей казны св. Петра, а в 1363 г. этот город распоряжался 1/3 двора, ливонской, в то время как Любек и Висбю — остальными «третями».
- ⁸¹ ГВНП. № 28, 29, 30, 31; Рыбина Е.А. О торговых пошлинах... С. 13.
- ⁸² См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 91—92.
- ⁸³ Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 151—153; Никитинский А.И. История... С. 138—140; Кулишер И.М. История... С. 76, 95—96; Казакова Н.А. Из истории торговой политики... С. 263.
- ⁸⁴ «За три с половиной столетия, — отмечает Е.А. Рыбина, — было создано семь редакций этого документа, из которых последняя относится к 1603 г. Все эти редакции можно разделить на две части, одну из которых составляют три первые скры, содержащие древнейшее право Немецкого двора в Новгороде, каждый раз дополняемое новыми статьями уголовно-юридического и процессуального характера. Ко второй части относятся IV—VII редакции скры, совершенно отличные от трех первых и состоящие главным образом из постановлений, касающихся внешнего распорядка двора и различных решений торгового и правового характера» (Рыбина Е.А. Иноземные дворы... С. 10).
- ⁸⁵ Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 152. Учитывая нестабильность новгородской торговли, ганзейские власти также неоднократно издавали строгие постановления с угрозами, чтобы не давать русским ни товара в кредит, ни денег займы (Аристов Н. Промышленность... С. 211—212).
- ⁸⁶ Славянский М. Историческое обозрение... С. 22—29; Соловьев С.М. Соч. Кн. 2. С. 535; Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 20—22; Мельгунов П.П. Очерки... С. 78—80; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 386—387; Кулишер И.М. История... С. 64, 88—89; Казакова Н.А. 1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в. // ИЗ. 1949. Т. 28. С. 114; 2) Из истории торговой политики... С. 263.
- ⁸⁷ Аристов Н. Промышленность... С. 212—213; Никитинский А.И. История... С. 170, 267—268, 271; Казакова Н.А. 1) Из истории сношений Новгорода... С. 115; 2) Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 32; Хорошкевич А.Л. 1) Торговля... С. 136; 2) Русское государство... С. 69. «Лакены продавались в свернутом виде, в обертке, которая служила

образчиком содержимого. На обертке имелась пломба, удостоверявшая доброкачественность товара» (Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода... С. 115).

⁸⁸. Никитинский А.И. История... С. 171—172, 271—272; Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 157; Клейнберг И.Э. Цена, вес и прибыль в посреднической торговле товарами экспорта в XIV — начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 32—46; Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 169. *Ласт* — самая крупная единица массы в Ливонии (1 ласт = 4800 фунтов = 125 пудов).

⁸⁹. Кулишер И.М. История... С. 47.

⁹⁰. Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода... С. 116.

⁹¹. Никитинский А.И. История... С. 144—146; Кулишер И.М. История... С. 70.

⁹². Рыбина Е.А. Иноземные дворы... С. 38.

⁹³. Порядок торговли сукнами нередко становился предметом обсуждения новгородских и ганзейских купцов. Причем немцы неоднократно шли на уступки, прекращая на время ввоз тех или иных сортов тканей (Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 181—185, 199).

⁹⁴. Под нажимом новгородцев в 1405 г. ганзейцы были вынуждены ввести штрафные санкции за продажу вина малыми бочками и за его фальсификацию, они также ввели на своем дворе должность «проверяльщика вина» (Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 332).

⁹⁵. См.: Казакова Н.А. Из истории торговой политики... С. 265. Стремясь обеспечить личную и имущественную безопасность своих купцов в Ливонии, Новгород в договорах с Ливонским орденом не настаивал на жестких формулировках (как в случае с ганзейскими городами), дорожа военно-политической стабильностью на западной границе. Он довольствовался включением в договоры с Орденом одной лишь общей гарантии беспрепятственной торговли новгородцев в Ливонии (см.: Там же. С. 265—266).

⁹⁶. Никитинский А.И. История... С. 147—151; Довнар-Запольский М.В. История... Т. 1. С. 154; Кулишер И.М. История... С. 69; Казакова Н.А. 1) Из истории сношений Новгорода... С. 121; 2) Из истории торговой политики... С. 264.

⁹⁷. Кулишер И.М. История... С. 77. В то время как англичане, фламандцы, норвежцы почти не выезжали за свои пределы, ибо ганзейцы, противодействуя свободе мореплавания, стремились не допустить англичан в Норвегию, а фламандцев в Балтийское море, новгородцы не прекращали собственной активной торговли с немецкими городами (Там же. С. 78).

⁹⁸. Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода... С. 114. Достаточно сказать, что в Новгороде *тамга* (торговая пошлина) была введена лишь в конце XV — начале XVI в., а в Пскове она появилась только в 1510 г. (см.: Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 88).

⁹⁹. См.: Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 47; Славянский М. Историческое обозрение... С. 72; Аристов Н. Промышленность... С. 232; Кулишер И.М. История... С. 71; Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода... С. 114. Немцы хлопотали, чтобы у Гостинопольской пристани их товары только осматривались мытниками, а сама проезжая пошлина взималась в Новгороде, «чтобы избавиться от платежа пошлин в том случае, когда бы на пути следования с ладьей случилось какое-либо несчастье» (Никитинский А.И. История... С. 135).

¹⁰⁰. См.: Казакова Н.А. 1) Из истории сношений Новгорода... С. 114; 2) Из истории торговой политики... С. 263, 282. Возможно, что уже в XII в. годовой доход от весчего сбора с продажи воска составлял 100 гривен серебра. Кроме того, взимались особые пошлины с взвешивания металлов и соли (Аристов Н. Промышленность... С. 228, 230).

¹⁰¹. Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 145.

¹⁰². ГВНП. № 29. С. 57. В русском языке слово *капь* служило общим выражением понятия «гиря». Весовая норма капи была определена в договоре 1269 г.: «В капи должно быть весу 8 ливских фунтов» (ГВНП. № 31. С. 61).

¹⁰³. Аристов Н. Промышленность... С. 233; Казакова Н.А. Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 31; Хорошкевич А.Л. Торговля... С. 142—143. И.М. Кулишер разделял ошибочное суждение дореволюционной историографии о том, что в 1260 г. взвешивание пудами по просьбе немцев было упразднено: «Поуд отложихом, а скалви поставихом по своей воли и по любви». На самом же деле в договоре речь шла о замене старых весов на весы прогрессивной конструкции. Впрочем, ссылаясь на ст. 26 договора 1269 г. и на другие соглашения с немцами, Кулишер как бы дезавуировал предыдущее высказывание, подчеркивая, что новгородцы «взвешивали все же не на немецкие, а на русские весовые единицы, применяя капь, обычную в Новгороде» (Кулишер И.М. История... С. 71).

- ¹⁰⁴. «Как фактически производилось обложение пошлиной, неизвестно. Когда в конце XV в. вновь встал вопрос, никакой ссылки на прежний порядок или указания на его изменение не было сделано» (*Хорошкевич А.Л.* Вывоз воска... С. 295).
- ¹⁰⁵. *Кулишер И.М.* История... С. 71—72. По мнению И.Э. Клейненберга, до середины XIII в. единственным орудием для взвешивания тяжелых, крупногабаритных товаров в международной торговле Новгорода являлся *пуд* — весы с неравноплечим коромыслом, неподвижной точкой опоры и подвижной гирей. Затем пуд был заменен *скалвами* — равноплечими коромысловыми весами для взвешивания русских отпускных товаров, например воска, что было закреплено в договоре Великого Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами в 1262—1263 гг. (*Клейненберг И.Э.* Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.) // ВИД. 1973. Т. 5. С. 148).
- ¹⁰⁶. *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 80—81.
- ¹⁰⁷. *Казакова Н.А.* Из истории сношений Новгорода... С. 114—115.
- ¹⁰⁸. ГВНП. № 31. С. 59; *Кулишер И.М.* История... С. 69.
- ¹⁰⁹. ГВНП. № 31. С. 59; *Аристов Н.* Промышленность... С. 232; *Перхавко В.Б.* Хлеботорговля... С. 20.
- ¹¹⁰. *Казакова Н.А.* Из истории сношений Новгорода... С. 120.
- ¹¹¹. ГВНП. № 31. С. 61; № 42. С. 76; *Аристов Н.* Промышленность... С. 232; *Кулишер И.М.* История... С. 69.
- ¹¹². *Никитинский А.И.* История... С. 141—143; *Казакова Н.А.* Из истории сношений Новгорода... С. 126.
- ¹¹³. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 2. С. 535.
- ¹¹⁴. *Никитинский А.И.* История... С. 260—264; *Кулишер И.М.* История... С. 50, 56. В западной историографии высказывается мнение о том, что и военные столкновения на северо-западных русских рубежах начала 1240-х гг. (Невская битва и Ледовое побоище) представляли собой локальные приграничные конфликты, которые не оказали существенного влияния на многообразные отношения Востока и Запада, лишь заметно притормозили их оживленный и выгодный двусторонний обмен (*Хеш Э.* Восточная политика Немецкого Ордена... С. 65—74).
- ¹¹⁵. *Хеш Э.* Восточная политика Немецкого Ордена... С. 65—74.
- ¹¹⁶. *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 81.
- ¹¹⁷. *Никольский С.* О внешних таможенных пошлинах. М., 1865. С. 46.
- ¹¹⁸. См.: *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 104, 106, 110, 112—116, 123, 124, 126—127.
- ¹¹⁹. *Рыбина Е.А.* О торговых пошлинах... С. 11.
- ¹²⁰. *Кулишер И.М.* История... С. 58.
- ¹²¹. *Никитинский А.И.* История... С. 140—141; *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 83.
- ¹²². *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 86—87.
- ¹²³. См.: *Казакова Н.А.* Из истории торговой политики... С. 266—267; *Кулишер И.М.* История... С. 95—97. «Прусские города, — отмечается в книге Н.А. Казаковой, — являлись членами Ганзы, однако купцы их не пользовались в Немецком дворе в Новгороде равными с другими ганзейскими купцами правами. В начале 90-х годов XIV в. прусские города поднимают вопрос об уравнивании своих купцов в правах в новгородской конторе, в частности о праве для них иметь своего ольдермана. Одновременно прусские города выдвигают требование о предоставлении их купцам права на беспрепятственный проезд в Новгород сухим путем через Ливонию и привоз польских сукон» (*Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 85).
- ¹²⁴. *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 13. В XIV в. сложилась традиция заключения договоров новгородцев с великими князьями литовскими.

- ¹²⁵. *Висковатов А.В.* Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб., 1994. С. 15.
- ¹²⁶. *Казакова Н.А.* 1) Из истории торговой политики... С. 267; 2) Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 34, 85, 118—119, 126; *Семенов А.* Изучение... Т. 3. С. 12.
- ¹²⁷. *Семенов А.* Изучение... Т. 3. С. 12.
- ¹²⁸. Там же. С. 13; *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 105.
- ¹²⁹. *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 99—100.
- ¹³⁰. Там же. С. 100.
- ¹³¹. В крупных ливонских городах имелись православные церкви, игравшие роль объединяющих центров русского купечества; их помещения использовались под товарные склады.
- ¹³². *Никитинский А.И.* История... С. 256—257; *Казакова Н.А.* 1) Из истории торговой политики... С. 264, 267; 2) Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 100—101, 108. Невская торговля имела полулегальный характер, так как обычно велась в периоды блокады Новгорода, когда нарушались нормальные условия экономических связей и отношений.
- ¹³³. *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 57, 60—67.
- ¹³⁴. ОР РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собр. № 335. Л. 9; *Казакова Н.А.* Из истории торговой политики... С. 269.
- ¹³⁵. До этого магистр Ордена запрещал вывоз в Россию коней, которые стоили дороже двух марок.
- ¹³⁶. См.: *Казакова Н.А.* Из истории торговой политики... С. 271—275.
- ¹³⁷. *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 165—170.
- ¹³⁸. *Кулишер И.М.* История... С. 79; *Казакова Н.А.* 1) Из истории торговой политики... С. 277—278; 2) Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 182—195. Согласно новгородско-ливонскому договору 1493 г., ливонские власти также взяли на себя обязательство защищать русских послов и новгородских купцов не только на суше, как было зафиксировано в 1481 г., но и на море (*Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 177—178).
- ¹³⁹. *Клейнберг И.Э.* Кораблекрушение... С. 354. Эта статья, исходившая из норм новгородского права, без изменения перешла затем в русский проект договора с Ганзой 1510 г. и в договор 1514 г. Тем самым норма из местной новгородской превращалась в общерусскую и «вводилась в сферу международных отношений» (Там же. С. 353, 359).
- ¹⁴⁰. *Казакова Н.А.* Из истории торговой политики... С. 279.
- ¹⁴¹. Там же. С. 262, 288.
- ¹⁴². Там же. С. 282; *Никитинский А.И.* История... С. 273, 283—284; *Хорошкевич А.Л.* 1) Вывоз воска... С. 295; 2) Торговля... 143—144. «На жалобу ганзейцев по поводу нововведений в торговле солью и медом великий князь ответил, что он не принуждает немецких купцов к обязательному взвешиванию: они могут продавать свои товары "по старине", без взвешивания <...> он обязывает взвешивать соль и мед своих подданных, новгородцев, а делает он это потому, что они много раз жаловались, что в прежние времена ласт меда или соли весил 120 ливонских фунтов, а теперь не больше 80 или 90» (*Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 197).
- ¹⁴³. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 70.
- ¹⁴⁴. *Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 136—138; *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 198, 273. Аналогичные процессы в европейских странах протекали с некоторым опозданием: контора Ганзы в Брюгге была закрыта позднее; ликвидация ганзейской фактории в Бергене произошла в 1558 г.; «Стальной двор» Ганзы в Лондоне был закрыт в самом конце XVI в.
- ¹⁴⁵. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 192; *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 195; *Скрынников Р.Г.* История Российская. II—XVII вв. М., 1997. С. 190—192; *Перхавко В.Б.* «Выводы»

и «своды» купцов в феодальной России // Купечество России: XV — первая половина XIX века; Сб. статей / Отв. ред. А.В. Семенов. М., 1997. С. 112—115.

¹⁴⁶. Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 2.

¹⁴⁷. Проништейн А.П. Великий Новгород... С. 129—130.

¹⁴⁸. См.: Варенцов В.А. Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI—XVII веках. Исторический очерк. Документы и материалы. Новгород, 1996. С. 6. Контора Ганзы, формально восстановленная в 1514 г., продолжала существовать в Новгороде до конца XVII в.

¹⁴⁹. Проништейн А.П. Великий Новгород... С. 129.

¹⁵⁰. Черепнин Л.В. Образование... С. 407—408; Хорошкевич А.Л. Русское государство... С. 68—69; Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси. С. 84—85.

¹⁵¹. Война Ливонии и России (1501—1503) завершилась подписанием в 1503 г. перемирия сроком на 6 лет, а затем мирного договора в 1509 г. сроком на 14 лет, который восстановил двухсторонние торговые сношения.

3. Внешнеторговые связи и таможенная политика России в XVI в.

3.1. Общее состояние торговли

До конца XVI в. внутренний рынок Русского государства оставался узким, товарность экономики отличалась низким уровнем. Несмотря на определенные успехи в кожевенном деле, металло- и деревообработке и речном судостроении, в городах отсутствовал целый ряд промышленных отраслей: совершенно не развивалось сукноделие, отставало литейное производство. В хозяйственном отношении страна представляла как бы «сеть еще недостаточно связанных между собой местных рынков» и поэтому не испытывала значительной нужды в международном товарном обмене. Только небольшое число товаров, удовлетворявших требованиям привилегированных слоев населения или которые не могли быть сделаны на Руси за отсутствием материала (например, предметы из меди, олова), в небольшом количестве ввозилось из-за границы.¹

Тем не менее во второй половине XVI в. заметно увеличилось число товарообменных операций, захвативших как землевладельческие верхи, так и мелких производителей — крестьян. В сельской местности и небольших городах появились многочисленные торжки и ярмарки, которые обслуживали в первую очередь местные районы, страна покрывалась сетью больших и мелких рынков сырья и деревенских ремесленных товаров. Постепенно преодолевалась хозяйственная изоляция отдельных районов, которые все сильнее сближались в экономическом отношении друг с другом, создавались значительные областные рынки, охватывающие несколько районов. Одновременно складывались широкомасштабные, оживленные и постоянные торговые связи между отдаленными городскими и сельскими рынками.²

Кризис в сельском хозяйстве и землевладении во второй половине XVI в. оказал влияние на развитие менового хозяйства, ускорил разработку естественных ресурсов страны как с целью вывоза за границу, так и для внутреннего обмена. Тогда же в Двинском устье завязалась торговля с Англией, Нидерландами и некоторыми другими иностранными государствами, которая в определенной степени заменила сношения с Балтийским регионом. Внешняя торговля способствовала расширению товарно-денежных отношений и вела к установлению более *тесных* связей между отдельными рынками.³

Главное средоточие русской внутренней и внешней торговли в XVI в. находилось в Москве, по-прежнему поражающей иностранцев обилием и разнообразием привозимых товаров.⁴ Самое торговое время в русской столице приходилось на зиму, в особенности для тех, кто приезжал из Литвы, потому что в летние месяцы техническое состояние торгового пути через Смоленск было просто ужасным. Каждый торговый человек, привозивший в Москву свои товары, обязан был являть их таможенным головам и целовальникам, которые не только составляли им подробную опись, но и представляли на благоусмотрение государя. Н.И. Костомаров отмечал, что приезжие купцы не имели права торговать, «пока не окончится выбор для великокняжеской казны». В связи с этим возникали задержки и

стеснения, побуждавшие торговых иноземцев охотнее ездить в Новгород, «где это правило не наблюдалось в такой строгости <...> а потому-то англичане, приехавшие в Россию, нашли Новгород в торговом отношении значительнее царской столицы».⁵

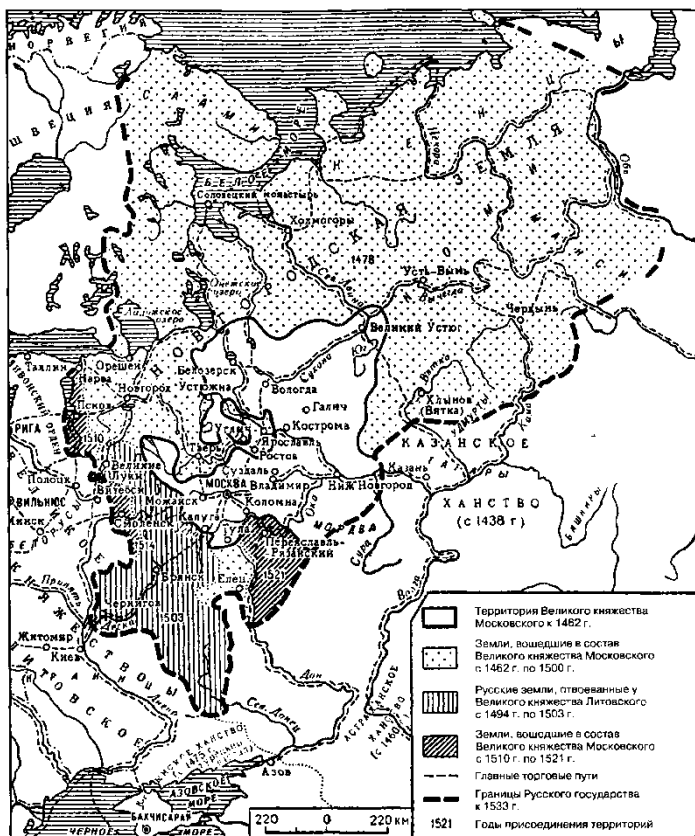
Торговля в Москве была в основном сосредоточена в Китай-городе, где издавна находился городской торг. Вдоль Красной площади перед Кремлем тянулись ряды, в каждом из которых торговали каким-нибудь одним товаром. Основные магистральные улицы Китай-города (Никольская, Ильинка и Варварка) были заполнены торговыми помещениями. Здесь же находились Гостиный и Купеческий дворы для приезжих купцов, а неподалеку от них — Устюжский, Английский, Армянский и Литовский гостиные дворы.⁶

Постоянный торг (или ярмарка) был в Белоозере — перевалочном торговом пункте между Новгородом и Северо-Востоком России. Сюда съезжались купцы из Твери, Новгорода и других городов, а также из окрестных монастырей, имевших в то время значительные обороты. В свою очередь белозерские торговцы производили значительные закупки беломорской соли, которую перепродавали приезжим купцам. В XVI в. не только сам город, но и прилегающие к нему селения начали приобретать торговый характер.⁷

При Иване III торговля из Холопьего городка была перенесена в окрестности г. Молога, находившегося недалеко от впадения р. Молога в Волгу: «А что есми свел торг с Холопья городка на Мологу, — завещал великий московский князь в своей духовной грамоте, — и тот торг торгуют на Молозе съезжался, как было при мне, а сын мой Дмитрией емлет пошлины, как было при мне, а лишних пошлин не прибавливает ничего, а сын мой Василей и мои дети того торгу на свои земли не сводят, ни заповеди в своих землях не чинят к тому торгу ездити».⁸ По свидетельству немецкого дипломата барона Герберштейна, посетившего Россию в 1517 и 1526 гг., это была самая многолюдная ярмарка «изо всех существующих во владении московского государя», куда кроме шведов, ливонцев и русских съезжалось много татар и других торговых иноземцев. Торговля носила исключительно меновой характер: восточные товары обменивались на западные и русские.⁹ С 1560 г. Молога уступила свое торговое значение селу Весь Егонская, которое принадлежало Симонову монастырю.¹⁰

В первой половине XVI в. продолжал удерживать свои позиции г. Дмитров. Находившийся к северо-востоку от Москвы, этот город открывал важный путь к Волге и являлся средоточием соляной, рыбной и хлебной торговли. Здесь проживало много богатых купцов, привозивших Каспийским морем и Волгой восточные товары.¹¹

Из городов Волжского бассейна крупнейшими торговыми центрами в первой половине XVI в. были Ярославль, Нижний Новгород и Балахна. В Ярославле широко торговали салом, хлебом, воском и кожами. Позиции Нижнего Новгорода в регионе резко усилились после того, как Василий III, стремясь подорвать торговое значение Казани, велел организовать ярмарку в Нижнем и под страхом тяжелого наказания запретил московским купцам ездить на казанскую ярмарку, которая ежегодно собиралась на Купеческом или Гостином острове, недалеко от устья р. Казанка, и привлекала купцов из России, Средней Азии, Ирана и Закавказья.¹²

Образование Русского централизованного государства (1462—1533 гг.) (Муравьев А.В. и др. Историческая география эпохи феодализма. Западная Европа и Россия в V—XVII вв. М., 1973)

С образованием единого Русского государства установился довольно строгий порядок приезда иностранных купцов. Для них были открыты лишь «порубежные города». Для поездки вглубь страны торговому иноземцу требовалось иметь *жалованную грамоту* московского государя или *государеву проезжую грамоту* — простой пропуск, своего рода разовое разрешение.¹³

Основанием для беспрепятственного проезда иностранных купцов во внутренние города страны служили также договоры Московского государства с Ливонией, Данией, Ганзой, Швецией, Польшей, Пруссией, Турцией и другими, в которых особо оговаривалось право иностранных купцов на самый приезд в Россию и обратный выезд. В особых случаях воеводы порубежных городов доносили о приезде иностранцев государю, запрашивая у него особого указа — разрешения на пропуск. Неудивительно, что в XVI в. не все иностранцы могли торговать в Москве. Туда приезжали преимущественно поляки; немцы, шведы и ливонцы ездили в Новгород.¹⁴

По свидетельству иностранцев, «в первой половине XVI века в Москву могли приезжать для торговли только купцы польские, литовские и из некоторых восточных стран; во второй половине XVI века туда были допущены еще купцы шведские и английские; но купцам из Ливонии и Германии открыты были только рынки в Новгороде и Пскове».¹⁵ К примеру, договоры 1503, 1523, 1527, 1537, 1542, 1549, 1553, 1556, 1567, 1570 гг. с Польшей говорят о праве приезда русских купцов в Польшу, а польских в Россию в одних и тех же выражениях: «А твоим (русским. — М.Ш.) купцем изо всих твоих земель во вси наши земли приехати со всяким товаром и торговати на всякий товар, а приехати им и отъехати доброволно без всяких зачепок. А нашим (польским. — М.Ш.) купцем изо всих наших земель во вси твои земли приехати со всяким товаром и торговати на всякой товар, а приехати им и отъехати доброволне без всяких зачепок».¹⁶

В 1526 г. шведский посол убедил Василия III предоставить подданным шведского короля право свободной торговли по всему Московскому государству. Этот пункт фигурировал и в русско-шведских договорах, подписанных Еленой Глинской и Иваном IV.¹⁷ Во второй половине XVI в. шведы получили право не только приезжать в Москву, Казань и Астрахань, но также совершать транзитные поездки в Индию и Китай, хотя и с тем условием, что русским купцам позволялось из Швеции выезжать в Любек,

Антверпен и Испанию.¹⁸ Впрочем, купцы из Швеции редко проникали дальше Новгорода лишь потому, что предпочитали приграничную торговлю.

Московское правительство неоднократно обращалось к датскому королю, подтверждая право его подданных свободно приезжать в Россию. Заявления об этом делались и в отношении купцов из Римской империи. Так, Иван IV напоминал германскому императору через папского посла Антонио Поссевино, что «всяким римским людем, и торговым и цесаревы области» разрешалось приезжать в Россию «и торговати поволно».¹⁹ С тем же Поссевино была послана и *опасная проезжая грамота* «на венецейских послов, и на посланников, и на гонцов и на торговых людей». В этой грамоте были определены условия свободного приезда и отъезда купцов Венецианской республики: «Которые гости, и купцы и торговые люди, и с ними попы римского закону, венецейского князя Николая придут к нам с его послы, и с посланники и с гонцы, или опричь послов, и посланников и гонцов, гости, и купцы <...> из Венеции придут к нам в наши государства, на которые места ни буди по сей нашей проезжей грамоте: и тем его гостем, и купцом, и торговым людем и попом потомуж по нашей земле, земле по Псковской, и по Ноугородцкой, и по Смоленской, и по Казанской, и по Астраханской, сухим путем и водяным, и до нашего государства града Москвы приехати и назад от нашего государства отъехати, по нашим землям, дорога чиста, со всеми их людми, и с животы и со всякими товары безо всякого задержанья и обиды, и торговати всякими товары в наших государствах по нашим указом, как всяким иноземцем Италейские страны».²⁰

До середины XVI в. городское население разделялось на две основные группы: *гостей* и *посадских людей*. При этом первая из них распадалась на «меньших», «средних» и «больших» гостей, а вторая — на «молодших», «средних» и «лучших» людей. Несмотря на существенные различия, все они образовывали единые городские общины, управление которыми находилось в руках купеческих старост. Затем в среде торговых людей произошла более глубокая дифференциация: в столице обосновались *гости*, *гостиная*, *суконная* и *черная сотни*, а в других городах — *посадские* и *слободские люди*, организованные в сотни. При этом каждая сотня разделялась на лучших, средних и меньших (молодших) членов. Критерием такого деления служила их зажиточность и обширность торговых оборотов или капиталов.²¹

К высшим слоям посадского населения относились гости, торговые люди гостиной и суконной сотен, замкнутые в особые общины или корпорации со своими выборными, различавшиеся правами. Представители каждой сотни могли претендовать на замещение определенных государственных и общественных должностей и требовать фиксированной компенсации за нанесенное им бесчестье. «Сотни, — указывал Н.И. Костомаров, — составляли корпорации, обязанные повинностями, относящимися до городского порядка, а главное, до выборов в должности. Поэтому сотни выбирали из своих членов служилых на очередь, и когда приходила надобность, стоявший на очереди должен был принимать должность, в которую назначался».²²

Основную группу лиц, впервые получивших от имени царя Ивана IV звание гостя, составляли *сурожане* и *суконники*²³ проживавшие в Москве, Новгороде, Пскове, Коломне, Муроме, Твери, Казани, Вологде, Поморье. Назначение каждого гостя оформлялось специальным правительственным указом (грамотой). Иногда выдавались грамоты, возводившие в звание гостя сразу двух братьев. Всего выявлено 70 человек, принадлежавших во второй половине XVI в. к этой корпорации.²⁴ Наличие у гостей вотчин и поместий сближало их с представителями военно-служилого класса и заставляло служить в финансовых органах государства.²⁵

А.Д. Градовский отмечал, что гости, считая себя служилыми людьми больше, чем посадскими, спорили с дьяками о том, у кого чин выше. Сами они претендовали на то, чтобы стоять в бюрократической иерархии на одной ступеньке с думными дьяками.²⁶

К гостиной сотне первоначально (в 60-е гг. XVI в.) принадлежало около 100 чел., что втроекратно превышало число гостей, а в конце XVI в. — свыше 300 чел., в то время как число гостей осталось прежним.²⁷ По мнению Б.Н. Флори, в конце XVI—XVII в. московское привилегированное купечество «превратилось в сословную группу с двойственными социальными функциями. С одной стороны, перед нами часть городского населения, занятая торгово-предпринимательской деятельностью, которая в силу этого (независимо от своих особых привилегий) имеет объективно общие интересы со всем сословием горожан. С другой — перед нами группа лиц, составляющих часть финансового аппарата

феодалного государства и заинтересованных в его успешном функционировании, т. е. в успехе эксплуатации сословия горожан со стороны феодалного государства, что находится в прямом противоречии с объективными интересами этого сословия. Все это, несомненно, делало крайне сложными и противоречивыми взаимоотношения между привилегированным купечеством столицы и другими слоями сословия горожан».²⁸

Во второй половине XVI в. практиковались «своды» в Москву зажиточных торговых людей из провинциальных городов, расположенных во всех основных районах страны. Все они имели ту особенность, что не вели к встречному переселению столичного купечества в провинциальные посады. Неудивительно, что их результатом стало исчезновение верхнего привилегированного слоя горожан в провинциальных посадах.²⁹

Московская торговля выдвинула сравнительно немного крупных оптовых торговцев или заводчиков, специализировавшихся на каком-нибудь одном торговом деле. «Даже очень крупный московский купец стремился захватить в свои руки самые разнообразные предметы торговли, старался закупать где можно было и что можно было повыгоднее, старался ничего не держать на складе, как можно скорее пускать в оборот. Оттого почти и не было фирм, торговавших тем или другим определенным товаром».³⁰

Нередко русские купцы объединяли свои капиталы и товары, вели торговые операции совместно. «Дух общинности, — указывал Н.И. Костомаров, — исконная и отличительная черта великорусского народа в старину, — скреплявший торговцев в их посадах, сотнях, слободах, соединял их торговые предприятия и способствовал образованию компаний и товариществ или складчин».³¹ В состав *складничеств* (с XVII в. — *товариществ*) обычно входило до пяти физических лиц, обычно состоявших в родственной связи. О распределении доходов между «складниками» точных сведений нет, но можно предположить, что основная масса прибыли использовалась для дальнейшего развития дела.

Условия внутреннего обмена в Московском государстве и странах Западной Европы существенно различались. В России торговыми пунктами служили как города, так и села. Уже на рубеже XV—XVI вв. обширная Новгородская область была усеяна так называемыми *рядками*, т. е. такими пунктами, в которые съезжались окрестные жители в определенное время для ярмарочного торга. По-видимому, эти рядки не имели постоянных жителей. В собственно московских областях также существовал ряд сел, важным занятием жителей которых являлись торговля или сельская промышленность. Были они и в Тверском уезде. Небольшие по числу жителей, такие села иногда обладали относительно значительным количеством лавок и лавочных мест, сосредоточенных на рынке. Одновременно они выступали в роли центров торговли окрестных селений. Таким образом, уже в XVI в. меновое хозяйство успело основательно укорениться во многих русских областях. Важно подчеркнуть и то, что в торговой деятельности принимало участие не только городское население, но и другие элементы общества: крестьяне, служилые люди, светские и церковные землевладельцы и т. п.³²

В каждом крупном городе и даже во второстепенном торговом пункте непременно находился гостинный двор, а то и не один. На нем должны были останавливаться, складывать свои товары и торговать все приезжие торговцы, исключая тех, кто привозил незначительное количество товара. На гостинном дворе всегда стояли избы, где за определенную плату купцы могли получить ночлег и пользоваться столом; «размер платы, а иногда также и обязательные для дворника кушанья определялись особыми уставными грамотами».³³

Сама торговля происходила в небольших помещениях: лавках (4—6 кв. саж.), полулавках, в четвертях лавок, даже в восьмых. Поэтому даже крупные оптовики отличались от мелких торговцев лишь тем, что имели в одном и том же городе иногда по 10—20 лавок.³⁴ А.П. Пронштейн отмечал такую особенность русской отпускной торговли, как «отсутствие специализации торговцев на определенных видах товаров».³⁵ Московские гости и торговые люди не только продавали самые разнообразные товары во многих лавках одного и того же города, но наиболее крупные из них стремились разбросать свои торговые и промышленные операции по провинции. Поэтому одного и того же купца можно было встретить и на соляных промыслах в Перми, и на рыбных в Поволжье, и на Архангельской ярмарке; и в роли откупщика какой-либо доходной статьи, и в должности таможенного или кабацкого головы и т. п.³⁶

В рассматриваемый период таможенные и кабацкие сборы были важнейшей статьёй денежных поступлений в казну. По свидетельству англичанина Дж. Флетчера, весь доход Московского государства в конце XVI в. составлял 1 430 000 р. (без учета дохода, вносимого в казну мехами из Сибири, Печоры и Перми).²¹ При этом Москва платила 12 000 р. пошлинных денег, Псков — 12 000, Казань — 11 000, Смоленск — 8000, Нижний Новгород — 7000, Новгород Великий — 6000, Вологда — 2000, Кострома — 1800, Ярославль — 1200, Торжок — 800, Тверь — 700 р.²²

Примечания

- ¹. См.: Русская история в очерках и статьях / Под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912. Т. 3. С. 312—313; *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Изв. 1955. Т. 53. С. 260; *Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 128; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 22; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 49; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 21—22.
- ². *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 25, 38, 40—44; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия... С. 22.
- ³. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 46; Русская история... Т. 3. С. 313—314; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 29, 65.
- ⁴. См.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 157—187.
- ⁵. *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 5.
- ⁶. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 182—183; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 373—375; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 87—93.
- ⁷. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 3.
- ⁸. ДДГ. № 89. С. 360.
- ⁹. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 124; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 195; Русская история... Т. 3. С. 323—324; *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959. С. 55.
- ¹⁰. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 41; *Шемякин А.И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000. С. 31—33.
- ¹¹. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 5; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 195; *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 178—184.
- ¹². *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 9; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 206, 215; *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд. // Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 31. С. 6, 44.
- ¹³. А.В. Демкин допускает неточность, полагая, что «имеющий жалованную грамоту купец или его приказчик мог приехать во внутренние районы России (Москву) и обратно» только при наличии полученной в Посольском приказе особой проезжей грамоты на право беспрепятственного передвижения. На самом же деле «пожалованному» купцу не требовалось добиваться проезжей грамоты при въезде. Необходимость в ней возникала лишь при отъезде из страны или в случае временной отлучки из Москвы (см.: *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 43).
- ¹⁴. *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 43; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI—XVII веков. СПб., 1909. С. 32—34, 37—38, 173—174. В XVII в. окончательно установились два маршрута, которыми приезжали иностранные купцы и их приказчики к Москве: 1) Архангельск — Холмогоры — Тотьма — Устюг Великий — Вологда — Ярославль — Ростов — Переяславль-Залесский — Москва; 2) Новгород (Псков) — Торжок — Тверь — Москва.
- ¹⁵. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 226; *Герберштейн С.* Записки... С. 90.
- ¹⁶. СГГид. М., 1894. Ч. 5. № 97. С. 98—99; № 102. С. 106; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 174.

17. *Цветаев Д.В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 144.
18. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 204.
19. *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 179.
20. Там же. С. 179—180.
21. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 139—142; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 33; *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (Вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 146, 149, 152.
22. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 142.
23. Гости-сурожане вели значительную отпускную торговлю через Черное море с западноевропейскими и восточными странами, а суконники — через Балтийское и Белое море с Западной Европой.
24. *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 23—25, 33, 58, 94. В состав торговой элиты XVI в. входили И.М. Антонов, И.И. Афанасьев, Ю.Б. Глазев, И. Котков, М.П. Подушкин, А.Ф. Строганов, В. Сузин, Ф. Д. и А.Д. Сырковы, А.А. Хозников — представители могущественных купеческих кланов. К посадской верхушке также принадлежали фамилии Ивашевых, Корюковых, Таракановых, Фалелеевых, Цвилленевых, Ямских и др. (*Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 51—52; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 26—58).
25. *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество... С. 148—149, 158.
26. *Градовский А.Д.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. С. 166—167.
27. *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 218, 221—222.
28. *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество... С. 159.
29. Там же. С. 153—156. «Своды» зажиточных слоев населения из западных русских городов практиковались и в конце XV — начале XVI в. после их присоединения к Русскому государству. Однако переселенных тогда размещали не только в Москве, но и в других городах центра страны, «а им на смену переселялись богатые купцы с основной территории государства» (Там же. С. 153).
30. Русская история... Т. 3. С. 326.
31. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 154.
32. См.: Русская история... Т. 3. С. 321—322. В XV—XVI вв. торговлей не возбранялось заниматься и представителям других сословий. Так, в самом конце XVI в. в Туле «посадским черным людям принадлежало всего 20 проц. торговых поместий, все остальные 80 проц. находились в руках частью ратных людей (30 проц.), среди которых были стрельцы, пушкари, частью служилых людей всякого рода; упоминаются среди торгующих и четыре монастырских старца, и игумнов слуга и многие другие» (*Кулишер И.М.* История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923. С. 154).
33. *Кулишер И.М.* История... С. 174; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 43.
34. Например, московским гостям Юдиным только в столице принадлежало до 30 каменных лавок (*Введенский А.А.* Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924. С. 10).
35. *Пронштейн А.П.* Великий Новгород... С. 152.
36. Русская история... Т. 3. С. 326.
37. *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии. Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 64.
38. Там же. С. 62.

3.2. Торговые отношения с европейскими странами

В начале XVI в. произошло оживление европейской торговли России, стремившейся к расширению прямых торговых контактов и созданию благоприятных условий для торговли с европейскими странами, минуя посредничество Ганзы. Этой цели отвечали статьи русско-литовских договоров 1503 и 1508 гг. и русско-датских договоров 1506 и 1516 гг. Так, *согласно последним*, русским купцам в Дании и датским в России предоставлялись гарантии беспрепятственного проезда и торгов, защиты со стороны местных властей и справедливого суда.¹

В условиях конфронтации и разрыва отношений с Ганзой (1494—1514) Россия восполняла нехватку меди, олова, проволоки, металлической посуды и некоторых других товаров, которые могли использоваться в военном деле, ввозом через Литву и Выборг, а серебра через Польшу и Литву (впрочем, литовский путь, пролежавший через Смоленск, имел в то время ограниченное торговое значение); пушки, свинец, ядра и порох для пушек, а также формы для отливки орудий привозились из Дании. Несмотря на запреты Ливонского ордена и Ганзейского союза, ливонские и ганзейские города тайно торговали с Русью при посредничестве Выборга. Нарва поддерживала оживленные связи с ивангородским купечеством. Таким образом, «экономические потребности ливонских городов, жизненно заинтересованных в торговле с Россией, брали верх над соображениями политическими», и, несмотря на русско-ливонскую войну 1501—1503 гг., «торговля Ревеля с Россией продолжалась в довольно значительном объеме». В 1506—1507 гг. «явочным порядком» возобновилась русско-немецкая торговля в Нарве и Дерпте. В 1509 г. был заключен договор между Ливонским орденом и наместниками Василия III в Новгороде и Пскове, на какое-то время восстановивший традиционные торговые связи с ливонскими городами.²

В рассматриваемый период Россия продолжала вывозить воск и пушнину, однако в структуре экспорта происходили серьезные изменения. Традиционные экспортные товары постепенно вытеснялись кожей, салом, ворванью, льном и пенькой — продуктами сельского хозяйства и поташом — продуктом лесопереработки. Одновременно в ливонские города из России вывозились ремесленные изделия: железные сошники, косы, топоры, гвозди, жечь, хомуты, рукавицы, свечи, синяя крашенина, мыло и т. д. Хлеб и лес еще не фигурировали в числе товаров свободного рынка и не продавались за границу. В привозе фигурировали сукна фландрского, английского и немецкого происхождения, *камка*³ красная и лазоревая, бархат, атлас красный, бумага итальянского и французского производства, сера, квасцы, нефть, краска, мыло, лекарства, сельдь, мед, вино, орехи, специи и т. д.⁴

Поскольку Россия в то время не располагала ресурсами благородных и цветных металлов, необходимых для развития металлообрабатывающих ремесел, гражданского и военного строительства, производства вооружений и ремесленных инструментов, ввоз меди, свинца, олова, оружия и боеприпасов имел принципиальное значение. Однако по причине периодической блокады торговых путей Ливонским орденом и Литовским государством поставка этих товаров не была стабильной. Так, с 1495 г. ливонские города соблюдали запрет на вывоз в Россию меди, свинца, чугуна, проволоки; в 1498 г. к числу запрещенных к вывозу товаров добавились пушки, селитра, доспехи. В 1507 г. литовские и ганзейские города наложили запрет на вывоз в Россию цветных и благородных металлов. Через два года к ним присоединился Ливонский орден, запретивший вывоз котлов, олова и проволоки (запрет действовал до 1514 г.).⁵

В 1514 г. Ганза и новгородские наместники Василия III подписали договор о возобновлении торговых связей, содержащий ряд взаимных уступок. В частности, снимались ограничения на поставку в Новгород серебра и военных материалов: немецким купцам разрешалось торговать «без всякие хитрости, всяким товаром, без вывета, и солью, также и серебром, и оловом, и медью, и свинцом, и серою; а заповеди ни которому товару не чинити». При взвешивании соли, сельди и меда немцы должны были платить «весчее», размер которого определялся «по старине». При разборе уголовных дел предусматривалось присутствие представителей другой стороны. В разделе о торговом мореплавании стороны договорились о дележе спасенного имущества после кораблекрушения и возвращении потерпевшим владельцам их судов вместе с грузом. За спасение и сбережение такого груза устанавливалась оплата в размере 10% его стоимости. Ганза давала гарантию неприкосновенности русским церквам и жилым кварталам в немецких городах и, наконец, вынуждена была отказаться от предоставления помощи Польше и Литве.⁶

Впрочем, торговля России с Ганзейским союзом в XVI в. уже не играла прежней роли. По мнению Н.И. Костомарова, причиной тому «было соперничество англичан, отстранявших всеми силами иностранных торговцев, внутреннее ослабление союза через взаимные несогласия, соперничество с ливонскими городами, искавшими извлечь для себя личные выгоды из этой торговли, и, наконец, тяжелые и продолжительные военные обстоятельства в Прибалтийском крае».² Б.Н. Флоря обращает внимание на то, что режим торговли, установленный в Прибалтике сначала Ганзейским союзом, а затем немецким патрициатом ливонских городов, исключал возможность прямых контактов русских купцов с западноевропейскими партнерами. Это заставляло Москву искать возможности и способы преодоления торгового посредничества ливонских купцов.³ Однако в первой трети XVI в. ни англичанам, ни французам, ни итальянцам так и «не удалось закрепиться в балтийской торговле с русскими».²

К началу 1530-х гг. вновь оживились русско-литовские и русско-польские торговые связи. В какой-то мере это подтверждается жалобой русского посла королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду I Старому в 1532 г. на Виленского, полоцкого, витебского воевод, а также шкловского и дубровенского наместников, притеснявших русских торговых людей. К концу первой трети XVI в. русское купечество достигло Люблина, Сандомира и некоторых других польских городов. В первой половине XVI в. русско-польская торговля стала приобретать самостоятельное значение. По мнению польских историков, экспорт из России составлял третью часть товарооборота Литвы и Польши, и «его объем в этом направлении <...> во много раз превышал русский экспорт через балтийские порты». Полоцкие и витебские купцы не только занимались посредничеством в торговле Смоленска с Ригой, но также сами приезжали торговать в Смоленск, Псков, Новгород, Великие Луки и другие города западного региона России. Смоленский западный экспорт середины XVI в. в основном состоял из конопли, воска, древесного угля, мехов. Из Литвы импортировались западноевропейское сукно, бархат, полотенца, шитые золотом, серебром и шелком, драгоценности и ювелирные украшения, соль и т. д. Важной статьёй импорта по-прежнему оставались металлы и металлоизделия. Несмотря на то что их вывоз с территории Литвы искусственно сдерживался на протяжении всей первой половины XVI в., серебро, медь, олово, свинец, оружие и другие запрещенные товары привозились контрабандным путем.¹⁰

До открытия англичанами Двинского устья в середине XVI в. крупнейшим рынком России и главным пунктом ее торговых сношений с Западом продолжал оставаться Новгород, «связанный в экономическом отношении с крупнейшими городами и областями Российского государства».¹¹ С разных сторон сюда стекались купцы: москвичи, тверитяне, смоляне привозили мед, воск, меха, соль, рыбу, лес, пеньку, лен, уголья; фламандцы, литвины, шведы, голландцы (нидерландцы) и ганзейские немцы — шерстяные сукна, шелковые и хлопчатобумажные ткани, цветные и драгоценные металлы, металлоизделия, вина, пиво, серу, киноварь, бумагу и т. д. В числе экспортных товаров по-прежнему фигурировали меха, воск, мед, лен, пенька, канатная пряжа, мясо, сало, обработанные и сырые кожи, рыба, ворвань, моржовая кость, соль, строевой лес, пиломатериалы, смола, деготь, слюда и т. д. В городе находились торговые дворы немецких и нидерландских купцов. Основная торговля была сосредоточена в рядах на Торговой стороне. Русские купцы, связанные с заграничными контрагентами, торговали в «Великом», или «Корыстном», ряду, который также известен как «Сурожский», «Большой» или «Пробойный» (по названию улицы, вдоль которой он тянулся). Торговля привозным сукном и шелковыми тканями производилась в суконном ряду.¹²

В Пскове крупная торговля была сосредоточена на «Большом торгу». Самым богатым из расположенных здесь рядов являлся Сурожский ряд, предлагавший преимущественно иностранные товары: сукна, тафту, камку, среднеазиатские зендени, шелк, золото, серебро и т. д. До начала Ливонской войны 1558—1583 гг. важными внешнеторговыми пунктами также являлись Немецкий и Шведский *гостинные дворы*. Вместе с тем следует отметить, что главное место в псковском торговом обороте занимали не привозные иностранные товары, а продовольствие и местные ремесленные изделия.¹³

В 1570 г. Новгород сильно пострадал от опричного погрома. В 1571 г. были ликвидированы податные привилегии *сурожан* — самой богатой и влиятельной группы новгородских торговых людей: «А что была у сурожан государева жалованная грамота, в проезде и о всяких государевых пошлинах, и государь тое грамоты отставил; а велел у сурожан имати все свои пошлины по старине». Около 60 человек сурожан и их детей было перевезено в Москву.¹⁴ Колоссальный ущерб торговле Новгорода, а также Пскова и Смоленска был причинен Ливонской войной.

Во второй половине XVI в. в Новгороде продолжали действовать гостиные дворы на Торговой стороне (двор был предоставлен немцам), на Софийской стороне (оптовый рынок), Шведский, Псковский и Тверской. Гостиные дворы находились в заведовании голов, которые смотрели за порядком, начальствовали над дворниками и производили суд между остановившимися на гостиных дворах русскими и чужеземцами. В городе было несколько торговых площадей, где торговали лесом, сеном, лошадьми и т. д. Разного рода кустари: квасники, рукавичники, железники, скорняки, сапожники и пр. торговали своими изделиями при собственных мастерских.¹⁵ Однако последствия опричного лихолетья, мора и Ливонской войны оказались для новгородского посада поистине катастрофическими. Прекратил свое существование институт купеческих старост. Чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение обстановки в городе, туда были переселены горожане из Валдая, Тихвина, Боровичей и возвращена группа жителей, ранее «выведенных» в Москву. Однако, поскольку среди них почти не встречалось купцов, можно предположить, что правительство мало заботилось о восстановлении прежнего торгового и купеческого значения Новгорода.¹⁶ Лишь в самом конце XVI — начале XVII в. наметился новый подъем новгородской торговли.¹⁷

В последней четверти XVI в. традиционная роль Новгорода во внешней торговле России перешла к Пскову. Здесь находилось пять гостиных дворов, 1250 лавок, амбаров, клетей и других торговых помещений.¹⁸ По свидетельству англичанина Вундерера, Псков в конце XVI в. «был наполнен иностранными купцами». Из письма ревельского совета в Любек (1593) следует, что торговля с русскими через Псков на протяжении веков составляла для жителей ганзейских городов «один из главных источников пропитания и благосостояния».¹⁹

Центральная товарная биржа Пскова размещалась на Немецком дворе — складочном месте для привозных товаров, обычной тарой для которых служили мешки и бочки. Здесь производился осмотр немецких товаров и заключались торговые сделки русских торговых людей с иностранцами. Несмотря на то что обычай предписывал лишь осматривать сукна «с лица и с изнанки», запрещая ощупывать и мерить, русские покупатели настаивали на тщательной товарной экспертизе. Поскольку не каждый интересовался целым поставом сукна, многие покупали отдельными кусками — «участками» или отрезами. Со своей стороны, торговые иноземцы склоняли русских купцов продавать меха на выбор. Однако последние проявляли несговорчивость, по-прежнему предлагая для покупки товарные партии по сорок шкурок.

Весчие привозные товары (соль, лен, воск и др.) взвешивались в «вешей палате», находившейся на Московском дворе. «Весцу» из псковичей вменялось в обязанность взвешивать «прямо», дабы «не провесить душу свою». Преобладала меновая торговля, при которой «придаток» вносил тот, чей товар имел меньшую стоимость. Иногда половина товара променивалась на товар, а другая оплачивалась серебром. Каждый из участников сделки сам объявлял цену своему товару, торговался. Проявляя взаимную неуступчивость, купцы нередко обращались к посредничеству *промежника* (маклера) и т. д.²⁰

Проанализировав словарь и разговорник Тонни Фенне, относящийся к началу XVII в., А.Л. Хорошкевич дает подробное представление о товарной номенклатуре псковского торгового дела в XV—XVI вв. Так, в числе экспортных товаров фигурировали: меха соболя, ласки, норки, куницы, бобра, рыси, песца, выдры, зайца, горноста, белки, разных сортов лисиц и др.; лен (в самых различных стадиях обработки); выделанные кожи (белые и красные юфти, белые и красные телятины, тим и красный тим, белый и красный шар, сафьян, поталья, ровдуга, ирха и т. д.); воск (в конце XVI — начале XVII в. его экспортное значение фактически отступило на второй план); сало (топленое и сырое); ворвань; полотно и холст; деготь и т. д. Среди привозных товаров на первом месте стояли немецкие сукна среднего качества — дортмундские и мюнстерские: «новогонское», «амборское», «скорлат», «ипское», «блитсина» или «еренки» (каразея), «поперингское», «брюкиш» (от фландрского г. Брюгге), «трекунское», «лунское», «аспид» или «стамет», «колтырское», «стамбрет», «полубрюкиш», ватман — сермяжное сукно серого цвета, сукно с искрой и т. д. Многие из перечисленных тканей, имея коммерческое название по географическому месту их производства, относились к XV — первой половине XVI в. и в начале XVII в. уже не встречались. В широком ассортименте были представлены шелковые ткани различных сортов — аксамит, «камка с серебром или с золотом», обьярь, куфтерь — лучший сорт итальянской камки, бархат «рытый», «узурчатый» («ворсатый») и «посконный», атлас, тафта, изуфть, паволока и мухояр; список привозных товаров продолжали: крупная, грубая соль (продавалась на вес ластами или мешками); сельдь; золото «волоченное», «битое», «сусальное», «литое», «черленое» или «хретое», «пряденое», а также в виде монет, проволоки и изделий; ефимочное серебро и серебряные изделия; медь «чистая», «битая», «гнутая», а также в виде утиля или изделий —

котлов, перстней и т. д.; железо (жесть, сталь, проволока, прутовое и луженое железо и т. д.); олово и свинец; драгоценные камни и стекло; огнива и кремни; гарус — грубая хлопчатобумажная ткань; бумага, мыло, вино и т. д.²¹

В XVI в. самым важным русским портом на Балтике, через который осуществлялась морская торговля с Западной Европой, был Ивангород. С целью привлечения иностранных и русских купцов Иван III распорядился установить здесь весы для взвешивания соли и воска. Этого оказалось достаточно, чтобы к правому берегу Наровы уже в начале XVI в. зачастили скандинавские купцы — датчане и шведы. После нормализации политических отношений с Ганзой (1514) регулярными стали торговые связи Ивангорода с Ревелем и Любеком, в 1520—1530-е гг. — с Нидерландами. Таким образом, укрепилась роль Ивангорода как перевалочной базы в русско-западноевропейской торговле. Русские купцы, направляясь в Ливонию, должны были сначала посетить Ивангород, чтобы получить разрешение на торговлю с Нарвой. Те же из них, которые собирались отправиться в Ревель (морским путем), обязаны были отчалить от пристани Ивангорода, не делая остановки в Нарве. При этом среди отпускных товаров по-прежнему преобладали воск, лен, конопля, рыбий жир, ворвань, меха,²² сало и др. Среди привозных — первое место занимали оружие и цветные металлы, золото и серебро в виде слитков и монеты, сера, квасцы.²³ Хотя ввоз цветных и благородных металлов заметно увеличился в 1520—1530-е гг., тем не менее он не покрывал потребностей внутреннего рынка России.²⁴

Своеобразную роль в торговле с Западом играло село Наровское, расположенное в устье Наровы при впадении в нее р. Росонь. Его жители (в конце XV в. в селе насчитывалось 62 двора) занимались не только рыболовством и земледелием, но также держали постоянные дворы для торговых людей, несли лоцманскую службу, встречая и провожая купеческие суда. Тесно связанное с Ивангородом село Наровское в первой половине XVI в. фактически являлось морскими воротами России.²⁵

Утверждаясь на берегах Балтийского моря, в 1557 г. в устье Наровы на низменном правом берегу реки русские приступили к созданию морского порта, затем на первый план выдвинулась задача завоевания ливонских гаваней. В самом начале Ливонской войны русские войска захватили Нарву, которая на время стала морскими воротами России на Западе. Стремясь создать исключительные условия для «нарвского мореплавания», Иван IV предоставил купечеству Нарвы значительные привилегии: «...право самоуправления, свободу вероисповедания, право на беспощинную закупку основных товаров на рынках России».²⁶

Появление в Нарвской пристани кораблей из отдаленных государств Западной Европы грозило ганзейским городам большими потерями. Поэтому немцы не афишировали переход города в руки Ивана IV. Англичане, имевшие к тому времени продолжительную связь с Ригой и Ревелем, до 1560 г. ничего не знали о нарвской торговле. В 1560 г. их корабли, принадлежавшие Московской компании, впервые посетили Нарву, «и с тех пор начались постоянные сношения англичан через этот порт с важнейшими торговыми городами Московского государства, которые сужали приходившие к Нарве корабли своими товарами. Какие выгоды получала компания от этой торговли, можно заключить по известию о торговой поездке агента ее Гудсона, который в 1567 г. приплыл в Нарву с товарами на 11 000 фунт. стерл.; товары эти состояли из сукна, каразей и соли; при продаже их компания получила 40% прибыли».²⁷ Достаточно активно торговали в Нарве подданные французского короля: нормандцы (особенно руанцы), бретонцы, ларошельцы, парижане и орлеанцы, приходившие за воском, кожами, салом, льном, пенькой и другими товарами.²⁸

Препятствуя морской торговле России, ревельские пираты задерживали и захватывали торговые суда, направлявшиеся к Нарве. Поскольку ущерб от этих нападений был значительным, московские воеводы нередко обращались к ревельскому *рату*, жалуясь на убытки, которые несла от тех действий нарвская торговля.²⁹ Не меньшую опасность представляли и разбойные нападения шведских и польских пиратов.³⁰ Опасаясь военного усиления Москвы с помощью Англии, польский король всеми силами внушал английской королеве мысль о предосудительности торговли с Иваном IV и угрожал захватывать корабли, направлявшиеся в Нарву.³¹ Зная об этом, Гудсон тем не менее убеждал правление компании прислать в Нарву весной 1570 г. 13 кораблей за русскими товарами, предварительно вооружив их огнестрельным оружием. Действительно, английские суда встретили 6 кораблей польских каперов и сразились с ними, после чего один неприятельский корабль ушел, другой был сожжен, «остальные 4 были приведены в Нарву и 82 человека пленных выданы были московскому воеводе».³²

В 1581 г. шведы захватили Нарву, а затем и все побережье Финского залива, что фактически привело к нарушению сложившихся к тому времени торговых связей по Балтийскому морю. Особенно сильно это ударило по интересам Франции, побудив ее искать сношений с Россией северным морским путем.³³ По условиям *Плюсского перемирия* (1583) Швеция аннексировала Нарву, Ивангород, Ям (Ямбург, Кингисепп), Копорье, расположенные близ Финского залива, Орешек и Корелу (Кексгольм, Приозерск) на берегу Ладожского озера, а также Гдов на берегу Чудского озера. Таким образом Россия оказалась отрезанной от Балтийского побережья. Свободными для внешней торговли оставались лишь гавани на Мурманском берегу, а также узкая полоска земли в устье Невы на побережье Финского залива, заключенная между реками Стрельна и Сестра. После перехода Нарвской пристани в руки шведов ганзейские немцы пытались привлечь новгородских и псковских купцов в Ревель, однако те продолжали отправлять лен, пеньку, сало, воск и кожи в Нарву.³⁴

После заключения *Тявзинского мирного договора* со Швецией (1595) часть южного побережья Финского залива с городами Ям, Копорье, Ивангород, отвоеванными у Швеции еще в 1590 г., а также Орешек, Корела и Невское устье перешли к России. По условиям «вечного мира», в Нарве (Ругодиве) могли торговать только шведские и русские подданные, а купцы из других европейских стран лишь по специальному разрешению шведских властей. В Ивангороде торговля русских с подданными шведского короля и купцами из других стран запрещалась вообще. Русские купцы получили возможность «без задержанья ездить во все места в Свейскую, в Финскую и в Чюхонскую землю (Эстляндию. — *М.Ш.*), где сами захотят ехать, торговати и промышляти тем обычаем, как изстари бывало». Одновременно предусматривалась свободная торговля шведских купцов в России. Пошлины надлежало платить согласно местным правилам. Купцам из других государств запрещалось приставать к русскому берегу Финского залива, в устьях рек Луга и Невы, а также «искати пристаней <...> по иным рекам и местом». Они получили право свободно приезжать для торговли только в Выборг и Ревель (Кольвань). Шведы должны были пропускать в Россию лишь тех европейских купцов, которые провозили «узорочные» товары, годные «его царского величества х казне», но и те товары они должны были обязательно «объявлять и записывать» в Ревеле или в Выборге. Таким образом, Швеции фактически удалось установить на Балтике монополию в торговом посредничестве между Россией и странами Западной Европы.³⁵

Согласно историческим источникам, уже в 50-х гг. XVI в. у Мурманского берега регулярно появлялись торговые суда норвежцев, датчан и голландцев, заходившие в бухту у мыса Кигор (Кегор) — северной оконечности полуострова Рыбачий. Иностранцы привозили золото, серебро, серебряную посуду, олово, ювелирные изделия (позолоченные кольца, украшения для поясов, ожерелья с серебряными цепочками), жемчуг, разные сукна, муку, пиво, вино, выменивая эти товары у русских, лопарей и карел на местные — треску, семгу, рыбий жир, пушнину, сало и кожи морских животных.³⁶ Вероятно, в те же годы иностранцы стали посещать и Печенгскую губу (В.А. Кордт ошибался, полагая, что это произошло в 1564 г.), где завели торговлю с богатым Печенгским монастырем, выменивая у монахов на свои привозные товары треску, семгу и рыбий жир. Затем они появились в Кольской губе и на Соловках. Развитие этой торговли продолжалось и в последующие десятилетия.³⁷

В 1570-х—первой половине 1580-х гг. центр мурманской торговли переместился в Кола, расположенную на мысу у впадения р. Кола в залив на расстоянии 75 км от моря.³⁸ Этот незамерзающий порт превратился в крупный центр русской внешней торговли с Западной Европой, где наряду с местными продавались товары, привозимые из внутренних районов страны. Только из Нидерландов к берегам Баренцева и Белого морей ежегодно приходило 20—30 нидерландских судов.³⁹ Следует согласиться с И.П. Шаскольским, что «до 1585 г. Кола вместе с Печенгой и Кегором имели большее значение для внешней торговли России, чем гавани в устье Северной Двины».⁴⁰

По сообщению агента Московской компании Стивена Берроу, посетившего Кигор в 1557 г., главный надзор за торговлей и сбор пошлин принадлежал московскому чиновнику, но кроме него здесь присутствовали с той же целью чиновники датский и шведский. Накануне открытия ярмарки московский чиновник осматривал товары у лопарей и карел, подвластных московскому государю, и давал им разрешение на продажу; так же поступали и другие чиновники.⁴¹ Затем, в начале 1580-х гг., датчанам удалось потеснить русских. В 1581 г. английская королева доводила до сведения Ивана Грозного, что датский король, называя Кольское побережье своей землей, запрещал английским купцам торговать в Коле и Печенге, заставляя их платить пошлины. Несмотря на крайнее истощение России в ходе Ливонской войны, московский царь квалифицировал поведение датчан как самоуправство, незаконное посягательство на его «искони вечные вотчинные земли волость Колу и

Печенгу» и обещал принять против нарушителей прежних русско-датских договоренностей решительные меры.⁴² В 1582 г. в Колу прибыл первый русский воевода Аверкий Иванович и построил для торговли с норвежцами двор с *важней* — торговыми весами, а в 1583 г. второй воевода М.Ф. Судимантов поставил в Коле острог.⁴³ Не желая уступать, датский король Фредерик II отправил в 1584 г. в Лапландию своих представителей для сбора дани и десятины с русских, лопарей, карел, монастырей, деревень «и всех подданных Лапландии». В ответ Федор Иванович (1584—1598) послал в августе 1585 г. грамоту королю Дании, заявив о своих правах на Печенгский монастырь и на лопские волости. Стороны так и не смогли договориться, территориальный спор между ними продолжался в XVII в.⁴⁴

Согласно сохранившейся русской «Торговой книге», или «Памяти товарам», в 1575—1585 гг. нидерландские, брабантские и фландрские купцы привозили к Мурманскому берегу металлы и металлические изделия (олово, ртуть, медную и железную проволоку и т. д.), химические вещества и лекарственные препараты (квасцы, купорос, нашатырь, мышьяк, сулему, камфару и т. д.), сахар и изюм, специи и пряности (перец, корицу, гвоздику, шафран, анис, имбирь и т. д.). Из России вывозились: пенька (трепаная конопля), пряжа канатная, канаты, смола, деготь, вар смоляной, сера еловая, зола, воск, слюда оконная, клей-карлук, железо сошное, гвозди сапожные, мыло, нефть (транзитный товар), пушнина, бобровая струя, кожи (лосевые, телячьи и яловичные), хлеб (пшеница, греча), лен чесаный, мясо, сало говяжье, масло (коровье и растительное), мед и т. д. Огромным спросом пользовались треска, семга, сало и кожи морских животных. Нидерландские купцы проявляли большой интерес к этой торговле, так как она приносила высокие прибыли. Например, в России пуд льна чесаного стоил 27 алт. 3 д., в Нидерландах — 40 алт., одна шкура черной кошки в России — 2 алт., в Брабанте — 3 алт. 2 д.; семга Кольская на Мурманском берегу — 2 р. бочка, в Нидерландах — 3 р. 32 алт., в Брабанте — 3.5—4 р.⁴⁵

Примечания

¹ Устойчивые русско-датские политические и экономические отношения сложились еще при Иване III. После подписания в 1493 г. «Докончания о мире и дружбе» датские купцы стали чаще бывать в русских городах, в Москве возникла датская купеческая колония. С середины 1520-х гг. русско-датские торговые отношения на время прекратились. В 1562 г. был заключен новый двухсторонний договор. Согласно ему, датским купцам было предоставлено право торговать в Новгороде, Пскове, Ругодиве (Нарве) и других русских городах, а русским — в Датском королевстве, что было затем подтверждено в договоре Ивана IV с Фредериком II от 28 августа 1578 г. (*Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 140; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 64).

² СГГиД. Ч. 5. № 58; *Казакова Н.А.* 1) Малоизвестные источники о русско-прибалтийской торговле конца XV — начала XVI в. // ВИД. 1968. Т. 1. С. 274; 2) Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 293—310; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 72. До подписания русско-ганзейского договора 1514 г. ливонским купцам запрещалось привозить и торговать в Новгородской земле солью. Объективно этот запрет должен был способствовать развитию русской соледобывающей промышленности и поэтому «может рассматриваться как одно из очень ранних проявлений русского протекционизма». Однако ливонские города (особенно Ревель), которые на этот раз были отстранены от непосредственного участия в переговорном процессе, возмущались введенным русской стороной запретом, так как считали его для себя крайне тяжелым и унижительным (*Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 248—251, 259, 309).

³ Шелковая одноцветная ткань, изготовленная из нитей разной толщины. Благодаря этому узор выступал над фоном в зависимости от освещения.

⁴ *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 22—45; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 6.

⁵ *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 22, 38—39, 54—55, 70—73; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 7; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия... С. 21. Военные столкновения с великим княжеством Литовским имели место в 1487—1494, 1500—1503, 1507—1508, 1512—1514, 1517—1518 гг.

⁶ СГГиД. Ч. 5. № 65; *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 335; *Клейнберг И. Э.* Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 359—360. Ганзейская контора в Новгороде вновь открылась в 1514 г. и до конца XVI в. находилась в ведении ливонских городов. По-видимому, при Иване IV купечеству ганзейских городов была впервые выдана жалованная грамота на право торговли в Московском государстве. Самая же ранняя из сохранившихся грамот (1593) относится к царствованию Федора Ивановича (*Шаскольский И.П.* Жалованная грамота Михаила Федоровича любекским купцам 1636 г. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей / Отв. ред. Н.Е. Носов. М.; Л., 1964. С. 359).

7. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 33—34.
8. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 6.
9. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 63.
10. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 222; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 179; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 54—58; *Воронин В.А.* Торговые связи Полоцка с городами Русского государства в первой половине XVI в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 15—19.
11. *Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 117; *Варенцов В.А.* Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI—XVII веках: Исторический очерк. Документы и материалы. Новгород, 1996. С. 6.
12. *Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 133—134, 140; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 148; *Тихомиров М.Н.* Россия... С. 307—308. Незадолго до начала прямых сношений России с Англией нидерландские купцы лишились своих льгот за какие-то противозаконные действия, но затем восстановили их, заплатив 30 000 р. (*Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 223).
13. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 145—147.
14. ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 282. С. 325; *Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 149; *Зимин А.А.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв.: Сб. статей / Отв. ред. Н.М. Дружинин. М., 1964. С. 44.
15. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 89—91; *Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 111—127, 140; *Варенцов В.А.* Торговля... С. 6—18.
16. См.: *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество... С. 155—156.
17. *Проништейн А.П.* Великий Новгород... С. 45, 134.
18. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 39, 43, 144—145; *Тихомиров М.Н.* Россия... С. 340—345.
19. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 223.
20. *Хорошкевич А.Л.* Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII в. (к изданию словаря Тонни Фенне) // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 48—56.
21. *Хорошкевич А.Л.* Из истории... С. 41—47.
22. В XVI в. меха по-прежнему пользовались повышенным спросом со стороны внешнего рынка. Европейский Север России и Сибирь доставляли обильное количество «мягкой рухляди». Больше всего ценились соболя, затем куницы, горностаи, белки, лисицы, выхухоли и др. Русские были очень искусны в выделке мехов, их сортировке, а также и в подделке. Меха шли в разные страны, и не только в Западную Европу, но также в Грецию, Турцию, куда вообще покупались лучшие соболя, затем в Персию и Китай. Меха были не только предметом торговли: царь дарил их своим слугам, посылал в подарок европейским дворам или в виде субсидии, например, крымскому хану (см.: *Русская история...* Т. 3. С. 314).
23. *Квасцы* использовались в стекольном производстве, при дублении кож, очищении шерсти и для закрепления краски.
24. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 40—43, 61—62; *Четик Г.С.* Часовой Принаровья: Краткий исторический очерк. СПб., 1996. С. 8—10.
25. *Косточкин В.В.* Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки Наровы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1953. № 52. С. 26; *Казакова Н.А.* Русско-Ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 304.
26. *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX—XVII вв. М., 1997. С. 286.

- ²⁷ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 223—224. Англичане привозили в Нарву и военные товары, которых правительство королевы Елизаветы не позволяло вывозить из своей страны «ни к какому иному государю на свете» (*Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875. Приложение № 33. С. 138).
- ²⁸ *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений XV и первой половины XVII вв. Тбилиси, 1959. С. 5—6.
- ²⁹ *Кордт В.А.* Очерк сношений Московского государства с Республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. 15—16.
- ³⁰ Официальные русско-шведские отношения до конца 1570-х гг. отличались неопределенностью. В 1569 г. шведский король предлагал России прекратить военные действия в Прибалтике и Ливонии и заключить договор о мире и свободной торговле на обе стороны: «...волна дорога торговати в нашей земле в торговых городех в финских и в ливонских по всем странам нашего королевства земле, а против того нашим поддатным купцом к вашему велеможнейшему величеству и руским и ливонским землях пустили торговати». Однако соглашение не состоялось (ОР РНБ. Ф. 885. Эрмитажное собр. № 550/2. Л. 80 об.).
- ³¹ *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях. СПб., 1865. С. 83—84; *Толстой Ю.* Первые сорок лет... Приложение № 9. С. 31—32; № 13. С. 32—33.
- ³² *Толстой Ю.* Первые сорок лет... Приложение № 33. С. 138; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 224; *Гамель И.* Англичане в России... С. 43, 54, 105.
- ³³ *Жордания Г.* Очерки из истории... С. 7—10.
- ³⁴ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 222, 223.
- ³⁵ *Цветаев Д.В.* Протестантство... С. 145—147; *Шаскольский И.П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964. С. 25—27, 213—214; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 61. Тязвинский мирный договор не ратифицировался русской стороной вплоть до заключения в 1609 г. в Выборге нового соглашения между Россией и Швецией.
- ³⁶ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 217—218; *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Сб. 1960. Вып. 17. С. 239, 244.
- ³⁷ *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 19—26; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1933. № 10. С. 731; *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля... С. 240—243. Торговля со стороны Печенгского монастыря, основанного в 1532 г., носила активный характер: для сбыта собственных товаров монахи на своих судах ходили в норвежский порт Вардегус (Там же. С. 240).
- ³⁸ *Шаскольский И.П.* О возникновении города Колы // Изв. 1962. Т. 71. С. 276—277. Первые известия о Кольском поселении относятся к 1565 г. Тогда это было заурядное «рыбачье становище» из трех домов. Однако в конце 60-х — начале 70-х гг. Кола превратилась в значительный торговый порт и поселение, в котором в 1574 г. насчитывалось 44 двора. Это объясняется тем, что, во-первых, она располагалась на берегу Кольского залива — самого большого фиорда Кольского полуострова, являющегося огромной незамерзающей гаванью. Во-вторых, Кола возникла в том месте, куда в середине XVI в. была проложена единственная дорога, пересекавшая Кольский полуостров (Там же. С. 275—278).
- ³⁹ *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля... С. 242—243; *Шаскольский И.П.* О возникновении... С. 278; *Флоря Б.Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // Сб. 1973. Вып. 36. С. 130.
- ⁴⁰ *Шаскольский И.П.* О возникновении... С. 278.
- ⁴¹ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 218.
- ⁴² Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 8—9, 11.
- ⁴³ *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 26.
- ⁴⁴ Там же. С. 27—29, 52.
- ⁴⁵ Торговые книги // Временник МОИДР. 1850. Кн. 8. Материалы. С. 1; Торговая книга // ЗОРСА. 1851. Т. 1. Отд. III. С. 129—136; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. № 202. С. 364—370; *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля... С. 229—236, 246, 248—256. «Торговая книга» советовала русскому купцу совершать оптимальные торговые сделки на

Мурманском берегу. 10 000 пудов конопля трепаной стоили 3300 р., 2000 пудов сала говяжьего желтого — 1190 р., 1000 пудов масла коровьего — 600 р., 1000 пудов льна чесаного — 825 р., 100 бочек мяса говяжьего соленого — 200 р., 1000 пудов канатов и канатной пряжи — 430 р., 500 бочек смолы — 660 р., 1000 пудов дегтя — 500 р., 1000 пудов воска — 2310 р., 4000 кож яловичных сырых — 924 р., 4000 шкурок куницы — 1320 р., 500 шт. бобров — 1000 р., 100 000 шт. белки — 1320 р., 1000 шт. песка — 150 р., 300 шт. черной кошки — 15 р.

3.3. Восточная и черноморская торговля

Основными торговыми контрагентами России на Юге и Востоке являлись Турция, Азербайджан, Иран, Средняя Азия, Ногайская Орда, а также Казанское и Астраханское ханства (до середины XVI в.).

После захвата турками Кафы «путь на юг стал путем не столько русско-европейской, сколько русско-турецкой торговли». В этих условиях правительство продолжало поощрять русских купцов, которые по-прежнему участвовали в южной торговле, добиваясь от властей Османской империи соблюдения старых правил торговли.¹

В начале XVI в. отношения России с Турцией вполне определились, в Москве появились первые турецкие купцы. Василий III и турецкий султан Селим I проявили обоюдное стремление к укреплению добрососедских отношений.² В 1515 г. они подписали мирный договор, благоприятствующий свободной торговле двух стран. «А торговым людям нашим и вашим торгом и без торгу, — говорилось в их договорной грамоте, — слободно ходили и ходят без всяких зацепок и обид в береженьи и в оборони и да торгуют по своей воли как хотят, а им не будет ни которая досада, или сила».³ Договор 1515 г. был подтвержден в 1520 г. Торговые отношения России и Турции продолжались при Иване IV, Федоре Ивановиче, а затем перешли в XVII в.⁴ О заинтересованности турецкой стороны в развитии политических и торговых отношений с Россией говорит уже тот факт, что ею были предприняты некоторые меры по охране Донского пути. В Кафе были снаряжены три военных корабля («каюка»), вооруженных пищальями, которые весной 1521 г. вышли для противодействия речным разбойникам к Переволоке.⁵

Основной торговый путь в Азов, Кафу, Турцию и другие мусульманские страны пролегал через Данков, расположенный в верховьях Дона. Погрузка судов обыкновенно производилась осенью по причине мелководья Дона в летний период. До Азова плыли 20 дней. Здесь находилась ярмарка, где русские меха, кожи, металлические изделия выменивались на шелковые и шерстяные материи и драгоценные камни, пряности турецких и татарских купцов. Затем русские купцы направлялись к Кафе — главной пристани Крыма, где встречались с турецкими, татарскими, армянскими, персидскими, бухарскими купцами. Они также систематически посещали турецкие центры шелкоткачества — Токат, Бруссу и Константинополь.⁶

Помимо Донского пути, торговые люди ездили в Турцию степными дорогами через территорию Крымского ханства, а также через литовские земли и Киев. Опасаясь разбойничьих нападений, купцы нередко присоединялись к дипломатическим посольствам, а иногда даже входили в их состав. По свидетельству Контарини, в Киев съезжалось множество московских купцов, торговавших в Кафе мехами. Несмотря на необходимость платить «литовскую пошлину» за транзит, торговые люди предпочитали ездить именно этой дорогой, так как маршрут через Путивль был небезопасным.⁷

Основную массу турецкого импорта составляли дорогие шелковые ткани: камка «мисюрская» (из Египта), «бурская» (из г. Брусса), «шамская» (из Сирии), «адамашка» (из Дамаска) и «царегородское дело», атлас «бурский», бархат и опояски «бурские», *тафта*⁸ «шамская», «такатцкая» (из г. Токат), производившиеся в ремесленных центрах Оттоманской империи; в привозе также были: *зуфь*⁹ «ангурская» (из г. Анкара), «костоманка» (из Малой Азии) и «турская», бумажные ткани: бязь «халяпская» (из г. Халеб, или Алеппо, в Сирии), *нестрядь*,¹⁰ кушаки «турские» и «мисюрские», тесьма «турская», краска бакан, мыло «халяпское» и «грецкое» и др.¹¹ К середине XVI в. турецкие купцы освоили посредничество в торговых связях России с Южной Европой, с которым до конца XV в. успешно справлялись итальянцы.¹²

После завоевания Казани (1552) и Астрахани (1556) установились прямые и систематические торговые связи России с ханствами Средней Азии, Азербайджаном и Персией. Русские купцы стали постоянно бывать в Дербенте и Шемахе — столице Ширванского ханства, откуда вывозили шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные ткани, москательные товары, пряности, транзитную нефть и т. д. Затем

их путь лежал в Тебриз, Казвин, Кашан — самые оживленные города Персии и даже в Ормуз, где добывался самый крупный в мире жемчуг («гурмыжские зерна»). Маршрут в Среднюю Азию пролегал вдоль северо-восточного берега Каспия до Мангышлака, затем вел к озеру Сара-Камыш, через г. Селлизгор или Везир в Ургенч — столицу Хивинского ханства.¹³

Астрахань в рассматриваемый период сделалась главным пунктом восточной торговли России, где постоянно гостили купцы бухарские, юргенские (хивинские), кизылбашские (иранские), гилянские, шемахинские, ногайские, армянские, турецкие и др. Русская казна содержала для них два гостиних двора — Гилянский и Бухарский. Имеются также сведения о существовании здесь третьего двора — Русского.¹⁴ Агенты Английской компании сообщали, что каждое лето к низовьям Волги ходило до 500 больших и малых судов за солью и рыбой.¹⁵

Русские купцы привозили в Астрахань и отпускали в восточные страны сырые и обработанные кожи (красную юфть), меха, воск, мед, деревянные ларцы и посуду, седла и конскую сбрую, хлеб и другие съестные припасы, водку, зеркала, кошельки, моржовую кость, музыкальные инструменты (накры, зурны, бубны), гвозди, ножи, топоры, сабли, рогатины, железные наконечники и древки стрел, кольчуги, серебряные московские кубки, стопы, ковши, золотые перстни, позолоченные рукомытники и лохани и др. Как можно заметить, в экспорте на Восток преобладали товары отечественного ремесленного производства. Однако оружие и железо можно было привозить либо тайком, либо по специальному разрешению правительства (обычно в виде подарков — «поминков»). К числу второстепенных экспортных товаров относились холст, полотно, крашенина, шерстяные и полотняные одежды (однорядки, кафтаны, тегиляи), слюда, зерно (пшеница, греча), мука, сало, масло. В режиме реэкспорта в незначительных размерах вывозились европейские сукна, цветные металлы (олово, свинец, медь), ртуть, стекло, писчая бумага и др.¹⁶

В восточном импорте преобладали шелковые и хлопчатобумажные ткани, кожи, сваленные шерстяные материи белого цвета, из которых делались красивые и хорошо защищавшие от дождя епанчи, ковры, предметы вооружения и конского снаряжения, керамика, благородные металлы, самоцветы, пряные корни, мускус, серая амбра, ремень. Бухарские, хивинские и изюрские (из г. Везир) купцы привозили хлопчатобумажные (*бязи, миткали, зендени, киндяки, кисеи*), полшелковые (*чары*), шелковые (*дороги*) и льняные (мелли) ткани, седла, краски и др. Персидские купцы — шелк-сырец, *камку* («иесскую» или «ездинскую» (из г. Иезд) и «кизылбашскую», *объяри, байберек, бархат, атлас, тафту*, нитки, сафьян, холодное оружие (сабли в ценной оправе, топоры, кинжалы, ножи) и другие предметы вооружения, музыкальные инструменты (тулумбасы и небольшие бубны), роскошные седла, ковры, драгоценные камни, пряности, сухофрукты, нефть и т. д. Еще при Василии III ногайские мурзы выхлопотали себе право поставок в Москву большого количества лошадей. Их и пригоняли табунами по 30—40 тыс. голов ежегодно.¹⁷

Приезд восточных купцов в Московское государство был обеспечен особым указом государя, когда он в ответ на просьбу около 1558 г. Бухары и Хивы «дорогу гостем дати» разрешил приезжать в Астрахань бухарским и хивинским купцам, а вслед за этим отправил как в Бухару и Хиву, так и в Шемаху и Ташкент грамоты о купечестве, разрешившие восточным купцам торговлю не только в Астрахани, но и в других русских городах.¹⁸ По мнению же М.В. Фехнер, восточным купцам не разрешалось торговать дальше Казани. (Главным объектом казанской торговли были привозные ткани и ногайские лошади; на вывоз продавались местные товары — кожи, воск, мед и меха.) В Москву они могли приезжать лишь при наличии жалованных и проезжих грамот или в случае привоза казенных товаров от своих государей.¹⁹ В целом же деятельность восточных купцов была территориально ограничена Астраханью, Казанью, Путивлем, Великим Новгородом, Тарой и Тобольском, т. е. пограничными русскими городами. Это делалось для того, чтобы плотнее охватить торговлю пошлинным обложением и увеличить таможенный доход государства.²⁰

Примечания

¹ Черепнин Л.В. Образование... С. 401; Хорошкевич А.Л. Русское государство... С. 50, 67.

² СГГиД. Ч. 5. № 61, 64.

³ Там же. № 70. С. 69.

- ⁴. Там же. № 93; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 173, 182—183.
- ⁵. *Сыроечковский В.Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1932. № 3. С. 232.
- ⁶. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 198—199; *Фехнер М.В.* Торговля... С. 12—14. Все перевозки по Черному морю осуществлялись исключительно турецкими судами. За проезд от Кафы до Константинополя на рубеже XVI в. брали по 120—200 д. с человека и до 100 д. с «рухляди» (Там же. С. 14).
- ⁷. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 199—200; *Сыроечковский В.Е.* Пути... С. 217; *Фехнер М.В.* Торговля... С. 10—11, 15—18. В числе товаров, которые вывозились из Крыма в Москву, автор середины XVI в. Михалон Литвин называл драгоценные камни, шелковые и золотом шитые ткани, ладан, фимиам, шафран, перец и др. (*Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 208).
- ⁸. Обычно одноцветная ткань без узоров.
- ⁹. Шерстяная ткань.
- ¹⁰. Грубая льняная или бумажная ткань из белых и цветных ниток типа холста.
- ¹¹. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 182; *Фехнер М.В.* Торговля... С. 66—71.
- ¹². *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 50.
- ¹³. *Фехнер М.В.* Торговля... С. 22—40. С середины XVII в. столицей Хивинского ханства становится Хива.
- ¹⁴. *Фехнер М.В.* Торговля... С. 42; *Гусарова Е.В.* Об астраханской торговле и ее роли в формировании градостроительной структуры центра Астрахани // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 113—115.
- ¹⁵. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 195; *Хлебников П.Х.* Астрахань в старые годы: Вторая половина XVI века. СПб., 1907. С. 60. В устьях Волги производился лов рыбы для внутреннего потребления. В больших количествах она доставлялась в Москву и другие города. Рыбная ловля давала еще один экспортный товар — паюсную, или «мятую», икру, которая в больших количествах вывозилась за границу через Архангельский порт (Русская история... Т. 3. С. 314—315).
- ¹⁶. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 207; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 181; *Фехнер М.В.* Торговля... С. 6, 43—44, 51—66. В меньшей степени кожи и реэкспортные товары вывозились в Турцию (Там же. С. 52, 65—66). Волжский путь (особенно от Казани до Астрахани) был небезопасен. Поэтому вблизи Переволоки и ниже по течению создавались сторожевые посты. Так возникли Самара (1586), Царицын (1588) и Саратов (1590) (Там же. С. 19—21).
- ¹⁷. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 207—208; *Герберштейн С.* Записки... С. 91; *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 353; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 181—182; *Фехнер М.В.* Торговля... С. 43—44, 66, 72—97. Персидские ткани отличались отсутствием геометрической правильности и однообразия орнаментации, присущих турецким тканям; они украшались не только растительным орнаментом, но и узором, изображавшим людей и животных (Там же. С. 72).
- ¹⁸. *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 196.
- ¹⁹. *Фехнер М.В.* Торговля... С. 44—46.
- ²⁰. Там же. С. 50.

3.4. Русско-английская торговля в Двинском устье

В середине XVI в. было положено начало регулярным торговым сношениям Московского государства с Англией. Само появление англичан у берегов Белого моря было обусловлено их соперничеством с испанцами и португальцами и стремлением к открытию новых стран и новых торговых путей в Индию и Китай. Убедившись к середине XVI в., что пройти в Тихий океан, огибая Америку с севера, невозможно, они попытались проникнуть в южноазиатские страны северо-восточным морским путем.¹ С этой целью в мае 1553 г. из Темзы отправилась экспедиция Уиллоуби—Ченслера (Ченслора).

Она закончилась неудачно: два корабля из трех, направленных на поиски северо-восточного прохода в Тихий океан, были затерты в арктических льдах у лапландского берега. Однако третий корабль — «Эдуард Благое Предприятие» — в августе 1553 г., достигнув Корельского устья Северной Двины, причалил вблизи монастыря св. Николая. Так состоялось «открытие» англичанами на северо-восточном краю Европы страны Московии.

От гавани св. Николая английские путешественники отправились «на малых судах» в Холмогоры. Здесь капитан «Эдуарда» Ричард Ченслер, выдавая себя за королевского посла, дождался разрешения царя на проезд в Москву, куда отправился 23 ноября, оставив корабль на зимовье в Унской губе в устье Двины.² В русской столице он удостоился почетной аудиенции Ивана IV и подал ему грамоту от имени короля Эдуарда VI, адресованную ко всем вообще владыкам северных стран. Русский царь милостиво принял «Рыцаря с товарищи». Пожелав установить прямые отношения с Англией, в особенности для получения оружия, «которого поляки и шведы не хотели пропускать», он «велел им ходити с торгом безопасно» и «дворы им велел ставити и покупати».³ Ченслер был с почестями отпущен из Москвы, зимовал около корабля и весной 1554 г. отбыл морем на родину.⁴

По возвращении в Лондон Ченслер содействовал созданию общества для торговли с Россией. Так возникла Русская или Московская компания английских купцов (*Moscovie company of the merchants adventurers*), ставшая первой в истории Англии компанией коммандитного типа, организованная по принципу *joint-stock*. (Ее члены являлись держателями акций и несли все затраты, расходы и прибыль сообща.)

В феврале 1555 г. король Филипп и королева Мария утвердили устав нового общества. Его членам были предоставлены исключительные права торговли с Московским государством и другими странами, которые могли встретиться на севере, северо-востоке или северо-западе от Англии. При этом всякая попытка со стороны соотечественников, не принадлежавших к обществу, нарушить его исключительные торговые права каралась конфискацией их судов и товаров.

Первоначально в компании насчитывалось свыше 200 чел. К 1565 г. число компаньонов возросло до 400, к концу столетия упало до 80, но к началу XVII в. вновь увеличилось до 100—150 чел. Правление компании состояло из одного-двух губернаторов, один из которых считался главным и проживал в Москве, четырех консулов и 24 ассистентов. Поскольку члены компании сами почти никогда не ездили в Россию, они назначали в Москву, Вологду и Ярославль для непосредственного надзора за факторами и слугами и управления, сношений с русским правительством наемных агентов, которые «должны были лишь в точности исполнять предписания правления». Их власть над подчиненными была настолько значительной, что те без позволения не могли даже выходить на улицу. Агенты также имели безусловное право наказывать строптивых и нерадивых сотрудников.⁵

Специальной инструкцией 1555 г. агентам компании предписывалось: изучать социальную, бытовую, культурную, правовую жизнь русского народа; собирать и анализировать сведения о финансах, налоговой системе, торговле, конъюнктуре местного рынка, свойствах русских товаров, счете, мерах длины, массы и т. п.; вести торговлю с соблюдением русских законов и уплатой в срок всех причитающихся пошлин; соблюдать правила приличия и вежливого обращения с местным населением («не трогать женщин»); подкупая русских людей, выведывать у них разные тайны (англичан особенно интересовала дорога в Китай) и т. д.⁶ Компания также обозначила своим агентам русские товары, спрос на которые в самой Англии был велик. К их числу принадлежали воск, сало, ворвань, лен, обработанная пенька (канаты) и дешевые меха (беличьи, лисьи, куньи). Меньшую роль в английском вывозе играли мачты, смола и некоторые другие товары, перевозка которых обходилась слишком дорого. К числу малопривлекательных для компании товаров относились и дорогие русские меха, имевшие в самой Англии незначительный сбыт. Возможно, что свою роль здесь сыграло распоряжение английского правительства (1560) не носить иноземных мехов.⁷

В 1555 г. Ченслер вновь отправился в Москву. На этот раз он прибыл в роли посла с официальным поручением от английского правительства завести торговлю с Московским государством. (Через два года в Лондон было отправлено первое русское посольство.) В декабре 1555 г. Иван IV даровал Московской компании первые привилегии. С этого времени ее представители могли свободно приезжать и выезжать из России. Разрешалась беспошлинная торговля, хотя и с условием, чтобы привозные товары сначала предъявлялись для выбора и закупки в царскую казну. По отношению к ним

не применялось «береговое право»: в случае крушения судна, принадлежавшего компании, гарантировалось возвращение всего спасенного имущества. В 1556 г. англичане получили в подарок дом в Москве на Варварке у церкви св. Максима, в котором разрешалось держать меры и весы с царским клеймом, а в 1564 г. — право покупки двора в Вологде или в Холмогорах и возведения товарных складов, где найдут удобную пристань.⁸

В сентябре 1567 г. царь пожаловал компании новую грамоту, значительно расширившую ее прежние права и привилегии. За ней закреплялись дома, приобретенные к тому времени в Москве и других городах. В этих местах допускалась розничная торговля. Также разрешалось учреждение складов в Холмогорах, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Великом Новгороде, Пскове, Ругодиге (Нарве) и Юрьеве-Ливонском (Дерпте). В зону беспошлинной торговли компании вошли новые русские города — Казань, Астрахань, Нарва и Дерпт. Англичане получили право транзитной торговли с Шемахой, Бухарой, Самаркандом и другими землями Востока (главным образом с Персией). Таможенникам запрещалось вскрывать английские тюки. Наконец, только английским судам, принадлежавшим Московской компании, предоставлялось право приставать на всем северном побережье (всем чужеземцам, включая англичан, если они не являлись сотрудниками компании, запрещалось причаливать в устьях Северной Двины, Мезени, Колы, Печоры и других привлекательных для торговли местах).⁹

1569 год явился «кульминационным пунктом» в истории успехов, достигнутых Московской компанией у верховной русской власти.¹⁰ Англичанам удалось добиться новых привилегий: заказывать денежным дворам в Москве, Новгороде и Пскове переделку собственного серебра в русскую монету;¹¹ завести канатную мануфактуру в Вологде; вести разведку рудных запасов на Вычегде (Вологодская область) и основать металлургическое производство.¹² Им было разрешено захватывать иностранные корабли, которые попытались бы участвовать в беломорской торговле, с тем, однако, условием, чтобы половину добычи отдавать в царскую казну. С этого времени «англичанам, заведшим отдельную от общества торговлю в Нарве, запрещено было ее продолжать».¹³ Компанейским же англичанам разрешалось заводить конторы и подворья в городах, держать русских работников,¹⁴ «жить везде в России по своему закону» — право суда и наказания английских подданных переходило к главному агенту компании, русские власти были обязаны оказывать ему содействие в высылке из страны англичан, не принадлежавших к компании. За преступления и махинации факторов и слуг компании ответственность и ущерб положено было взыскивать непосредственно с виновных и т. д. В случае столкновения англичанина с русским им полагалось судиться в опричнине и притом только в Москве.¹⁵

Во второй половине 1560-х гг. Иван IV настойчиво добивался самых тесных отношений с Англией, однако его предложение о военно-политическом союзе было отклонено английской королевой. Это вызвало сильное раздражение русского царя, отменившего в конце 1570 г. все льготы, предоставленные жалованной грамотой 1569 г.¹⁶ Лишь в результате посольской миссии Антония Дженкинсона (1571—1572) компании было обещано восстановление привилегий в прежнем объеме, включая право торговли с Персией.¹⁷ Однако, поскольку напряженность в отношениях России и Англии не спадала,¹⁸ можно предположить, что в 1572 г. англичане так и не дождались обещанных льгот. На это также указывает послание английской королевы Ивану IV, в котором она поручила находившихся в России членов компании высокому покровительству московского государя.¹⁹

В дальнейшем, сохраняя глубокий интерес к развитию прямых контактов с Москвой, английская сторона продолжала упорствовать в нежелании обременять себя военно-политическими обязательствами. Неудивительно, что в торговой политике царя Ивана все сильнее просматривался «здоровый практицизм». Так, английскому посольству Даниила Сильвестра (1573—1574) пришлось добиваться новой жалованной грамоты для Московской компании. Видимо, такая грамота, возобновившая ее привилегии, была получена в 1574 г. Однако вернуться к рубежу 1569 г. англичанам не удалось. Отныне их торговля ограничивалась собственно русскими городами; поездки в Казань и Астрахань допускались лишь с разрешения царя (таким образом, персидская торговля ставилась под вопрос); торговля разрешалась с уплатой таможенных пошлин, хотя и в половинном размере против других иностранцев и русских торговых людей.²⁰

Уже в самом начале своей деятельности в России Московская компания ставила своих агентов в известность о намерении монополизировать торговлю России с Западом, добиваясь, «чтобы они предлагали русским по возможности выгодную цену за их товары, чтобы эти купцы охотнее везли свои товары в Вологду к англичанам, чем в Новгород к купцам ганзейским».²¹ Она и в дальнейшем

продолжала хлопотать о том, чтобы все товары из России и Персии сначала поступали северным путем в Англию и уже затем «через английские руки распространялись далее во Фландрию, Германию, Францию, Испанию и Италию».²³ Одновременно англичане интересовались тканями, которые привозились в Россию из Риги, Ревеля, Польши и Литвы, «с подробным описанием их ширины и длины, цвета и цены, и какое количество их можно сбыть в год, чтоб такое же могла заготавливать компания».²³ Стремясь «помешать утверждению в Москве постороннего влияния, которое находили для себя невыгодным», они не гнушались действовать «не совсем чистыми средствами».²⁴

Неудивительно, что появление англичан в Белом море не на шутку встревожило их торговых конкурентов: «Когда Ченслер приехал в Москву и вступил в переговоры о торговле англичан с Россией, компания нидерландских купцов в Новгороде обратилась к царю с письмом, взводя на англичан разные клеветы и, между прочим, стараясь уверить царя, что это — морские разбойники, которых следует задержать и посадить в тюрьму».²⁵ В ответ на стремление Московской компании вытеснить из России других иноземных купцов, включая англичан, не принадлежавших к компании, последние стали преследовать ее суда и агентов, одновременно жалуюсь русскому царю на то, что компания препятствовала их приходу к северным русским берегам.²⁶

Дело в том, что торговые привилегии в России предоставлялись не всем англичанам вообще, а лишь агентам Московской компании. Другие торговые англичане (*interlopers*), пренебрегавшие строгими запрещениями королевы, действовали в России как бы незаконно. Составляя конкуренцию компании, они подчас переманивали к себе ее слуг и даже агентов, получавших весьма скромное жалованье и недовольных запрещением торговать за свой счет. Так возникали целые «нелегальные купеческие общества». Неудивительно, что официальные представители Московской компании постоянно домогались от русских властей применения в отношении своих «диких» соотечественников репрессивных санкций и побуждали королеву Елизавету вести переписку с царем Иваном о выдаче «непослушных подданных, неблагодарных граждан своего отечества» для последующего препровождения их в Англию.²⁷

Более того, не все агенты и слуги Московской компании, производившие торговые операции и займы на общий счет, действовали солидарно и добросовестно. Некоторые из них, злоупотребляя своим положением, оформляли кабальные соглашения на многие тысячи рублей не только за себя, но и за товарищей по компании (занимали «на все товарищи»). Это приводило к недоразумениям. Так, в 1586—1588 гг. русское правительство, обвиняя компанейских англичан в нарушении установленных правил торговли, самовольных выездах в Смоленск и Псков без проезжих грамот, предоставлении таких грамот посторонним лицам ит.д., пыталось переложить финансовую ответственность с частных должников на компанию в целом. Компанейские англичане защищались, отказываясь платить по кабальным записям «посторонних» лиц, и в 1589 г. через посредство самой королевы ходатайствовали перед русским царем, чтобы в Москве и в других городах с англичан при ведении дел требовали «представления записки от одного из членов общества, без чего последнее не будет отвечать за операции и долги отдельных лиц».²⁸

Получив значительные торговые преимущества, англичане стали широко торговать с Россией. После 1555 г. они ежегодно в конце мая — начале июня посылали в Россию несколько торговых судов, чтобы к осени вернуться в Англию с русским товаром. В 1570-е гг. компания направляла уже от 6 до 10 кораблей ежегодно.²⁹ Их якорная стоянка находилась на рейде перед Корельским (Никольским) устьем Двины. На Ягорном острове, расположенном между Корельским и Пудожемским устьями, напротив монастыря св. Николая, компанией были возведены дом и товарные склады, где происходила торговля. Отсюда привозные товары на дощаниках и насадах вывозились к Холмогорам и Вологде. Таможни на острове не было: торговля производилась свободно; привозили и вывозили любые товары.³⁰

Уже в 1557 г. компания отправила в Россию 4 корабля с товарами, в числе которых находилось 25 тюков толстого сукна, один тюк фиолетового и один алого, 40 тюков бумажной материи, 518 кусков гемпширской каразеи, а именно: 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой, 5 коричневой и 2 желтой, и 9 бочек олова. Из письма компании к агентам от 1560 г. следует, что она посылала в Россию *бастр* (сахарный песок желтого цвета), изюм, чернослив и миндаль. Агент Московской компании и дипломат Джером Горсей сообщал о закупке в Англии для русского царя позолоченных алебард, пистолей, ружей и другого военного снаряжения, разных аптекарских снадобий, органов, клавикордов и других музыкальных инструментов, кармина, жемчуга, дорогой посуды и др. Из счета, представленного Ивану IV агентами компании, видно, что в 1574 г. для царя было взято 12 пудов

сахара по 8 р. пуд и 200 стоп бумаги по 20 алт. стопа; в 1576 г. — меди на 1082 р., в 1577 г. — разного сукна несколько кусков, в 1580 г. — свинца на 267 р. и 15 кусков толстого сукна на 210 р. и т. д.³¹

В дальнейшем англичане продолжали привозить сукно и хлопчатобумажные ткани, металлы (свинец, олово, медь), оружие, селитру, вино, сахар, перец, сельдь, миндаль, изюм, чернослив, посуду, бумагу, лошадиные сбруи, органы, клавикорды, лекарства, соль и другие товары английского, французского, испанского, гамбургского происхождения. Вывозились: воск, сало, масло, мясо (солонина), ворвань, дешевые меха, лен, конопля, пенька, канатная пряжа, канаты, кожи, маты и т. д. На Русском Севере компания занималась рыболовством, моржовым и китовым промыслами. Хлеб в числе товаров русско-английской торговли в XVI в. в источниках упоминается крайне редко.³²

В числе привозных товаров особое место занимали оружие и боеприпасы (селитра, сера, свинец). Поставка этих товаров вызывала негативную реакцию со стороны Польши, Ганзейского союза и Швеции и поэтому не афишировалась. Английскому правительству не раз приходилось заверять другие государства, что его подданные «не снабжают Россию оружием».³³ Случалось, что и сами англичане уклонялись от ввоза оружия, срывали поставку военных товаров. Так, в мае 1584 г. Федор Иванович обращался к Елизавете с просьбой, чтобы «воинской <...> товар доспехи и медь и олово и серу и нефть и свинец и ямчугу и всякое оружие что к ратному делу пригожаецца велела к нашему государству пропускати из своего государства и из иных государств без задержанья».³⁴ Более того, добиваясь от английской королевы бесперебойной поставки оружия и боеприпасов, русское правительство предлагало обменивать их на любые русские товары без ограничения. Неудивительно, что в 1588 г. Федор Иванович писал Елизавете: «И мы учинили впредь в своем г[осу]д[а]рстве указ свой твоим торговым людем и всяким иноземцом разных государств: хто вывезет зелье и ямчугу и серу и свинец, и тот бы товар меняли по договору с нашими торговыми людами на наш товар, на воск, а хто не вывезет товару того зелья и ямчуги и свинцу, тем гостем воску из нашего государства не выпускать».³⁵

К концу царствования Ивана IV в устьях Северной Двины образовалась международная сезонная ярмарка. 4 марта 1583 г. был подписан царский указ об основании Архангельска, и уже в следующем году состоялась закладка города в 40 верстах ниже Ягорного острова на Пурнаволоцком мысу, где находился Архангельский монастырь.³⁶ Тогда же был издан указ о том, чтобы иностранцы приходили на своих кораблях исключительно к новой пристани и перенесли туда свои дома. Уже в навигацию 1585 г. к Архангельску пришли голландские, гамбургские и некоторые английские корабли. Лишь компанейские англичане не торопились, тем более что в 1586 г. они получили привилегию остаться на Ягорном острове. (В 1591 г. правительство все же заставило англичан переселиться в Архангельск и перенести туда товарные склады.)³⁷ Уже к лету 1586 г. в Архангельске завершилось строительство таможенной избы и частных дворов для приема русских и иноземных гостей, которые через год были перенесены «с верхнего конца на нижний конец города». В 1587 г. была поставлена важня, «чем были созданы уже все необходимые условия для нормального ведения торговых операций и контроля за ними со стороны русской администрации».³⁸

Хотя по краткости навигации (всего три месяца) и по отдаленности нового северного города от главных европейских рынков торговля в нем представляла большие неудобства, правительство России очень дорожило возможностью непосредственных сношений с Европой через Белое море.

Главная контора Московской компании находилась в Москве, в Китай-городе, вблизи церкви св. Варвары, напротив церкви св. Максима Исповедника (Максима Юродивого). (Английский двор в Москве почти на сто лет сделался средоточием европейской торговли для России.) Конторы и подворья компании были также открыты в Вологде, Ярославле, Новгороде и Пскове, Казани, Астрахани, Костроме и некоторых других городах. В Холмогорах компаньоны устроили предприятие по производству канатов, где 8 мастеров ежегодно переделывали в канаты 90 000 фунтов пеньки.³⁹

После Архангельска важнейшим центром северной торговли была Вологда. Именно отсюда начинался Беломорский торговый путь, который вел по рекам Сухоне и Северной Двине в Холмогоры, а затем в Архангельск (к этому водному пути также тяготели Великий Устюг, Тотма, Сольвычегодск, Яренск и Усть-Сысольск). «Через Вологду, — отмечает Е.Б. Французова, — осуществлялись сухопутные коммуникации с Ярославлем, а также Костромой и другими городами Верхнего Поволжья, а значит, осуществлялась связь Северного речного пути с Волжским. От Вологды начинался сухопутный тракт

на столицу русского государства Москву (через Ярославль, Ростов Великий, Переяславль), описанный еще путешественниками XVI в. Вологда имела пути сообщения с Белоозером, Каргополом, Важским уездом. Через Вологду, в частности, лежал путь на Важскую Благовещенскую ярмарку, известную с конца XVI в. Все это делало Вологду важнейшим звеном российской транспортной системы и превращало ее в крупнейший узловой центр торговли». ⁴⁰

До основания Архангельска, в XVI в., Вологда уже была главным складочным местом английских товаров. Н.И. Костомаров отмечал, что «товары, нагружаясь в устье Двины с кораблей на суда, шли прямо в Вологду, и весь путь по Двине и Сухоне был исключительно в руках англичан». В Вологде ими был построен канатный двор. Англичане, обратив внимание на лен, производившийся в окрестностях Вологды, тем более утвердились в намерении основать в этом городе главный торговый пункт, «ибо лен до того времени стекался в Новгород, где англичане должны были выдерживать конкуренцию с торговцами других городов, между тем в Вологде они были исключительно господами этой торговли». ⁴¹ Наряду со льном преобладающими товарами на вологодском рынке являлись хлеб, воск, пенька и сало. ⁴²

Таким образом, быстро процветавшая Вологда подрывала торговое значение Новгорода, а после основания Архангельска она сделалась перевалочным пунктом между Москвой и внутренними русскими городами, с одной стороны, и Архангельском и Европой — с другой. «В "продолжение зимы, — указывал Н.И. Костомаров, — товары на санных подводах стекались в Вологду со всей России <...> Товары приходили преимущественно из Москвы, но также из Ярославля и Костромы. Эти товары лежали в Вологде на складе до полой воды; с наступлением навигации начиналась их нагрузка в дощаники и насады и отправка до Архангельска. Обыкновенная плата за провоз с пуда была 15 коп. Равным образом в Вологду приезжали иностранцы и делали большой закуп для отправки в Архангельск». ⁴³

Крупным центром меховой торговли являлся Великий Устюг, куда съезжались купцы и промысловики из Пермской, Печорской, Угорской и других отдаленных северных областей. Больше известностью пользовалась лишь Никольская ярмарка в Холмогорах, куда на оленях из Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска привозили редкие и дорогие меха — собольи, куны, лисьи белые, черные и рыжие, заячьи и горностаевые. По свидетельству англичанина Джона Гасса, здесь также торговали тюленьим жиром, солью, семгой, треской и т. д. Затем все эти товары отвозились в Новгород, Вологду и Москву и другие города страны. В Новгороде их сбывали нидерландским и ливонским купцам. По примеру Вологды, Холмогоры превратились в важный пункт складки английских товаров. Здесь также был открыт английский канатный двор. ⁴⁴

Широкой известностью в XVI в. пользовалась ярмарка в селе Лампожня (Лампас), находившаяся в краю ненцев (самоедов) недалеко от впадения р. Мезень в Белое море. Она проводилась дважды в году на Лампоженском острове, «самом южном и самом большом из дюжины известных по именам островов на реке Мезени», притягивая русских и иностранных купцов, привозивших сюда из Холмогор сукна, оловянную и медную посуду. Эти товары обменивались у местного населения на пушнину, оленьи шкуры, моржовую кость и другие северные продукты, которые через Пинегу отправлялись в обратном направлении. ⁴⁵ Агенты компании доносили, что во внутренних областях Русского государства они почти не встречали иноземных конкурентов, везде пользовались большим доверием русских купцов, которые охотно предлагали им свои товары, «зная их как хороших покупателей и исправных плательщиков». ⁴⁶

Примечания

¹ Еще в 1525 г. в Риме был опубликован рассказ Дмитрия Герасимова, отправленного с посольским поручением от московского государя к папе Клименту VII. В этом сочинении, вскоре переведенном на многие европейские языки, содержалось утверждение о том, что северо-восточную Азию и северо-западную Америку разделяет пролив (так называемый Анианский пролив).

² Толстой Ю. Первые сорок лет... С. 3; Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера. Пг., 1923. С. 62—63.

³ ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 138; Толстой Ю. Первые сорок лет... С. 4; Любименко И.И. История торговых отношений России с Англией, XVI в. Юрьев, 1912. Вып. 1. С. 7—8; Кулишер И.М. История.. С. 116. Ивану IV удалось добиться намеченной цели. Вскоре «шведский король Густав I писал датскому королю, что англичане привозят в Московское

государство оружие и военные припасы, вследствие чего оно становится все более опасным для своих соседей, а потому просил воспрепятствовать приходу английских кораблей в Белое море» (*Покровский В.* История торговли в России // Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1901. Т. 33А. С. 568).

4. *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля России (XVII в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1980. С. 138.

5. *Цветаев Д.В.* Протестантство... С. 25; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 91—97; *Любименко И.И.* 1) История торговых отношений... С. 10—11, 15, 19, 27—30; 2) Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // ЖМНП. 1916. Ноябрь, декабрь. С. 2, 148; 3) Торговые сношения России с Англией и Голландией... С. 732—734; *Кулишер И.М.* История... С. 116. В конце 60-х гг. Ивану IV жаловались английские купцы, не принадлежавшие к обществу, которые обвиняли своих привилегированных соотечественников в стремлении монополизировать торговлю с Россией и других кознях (*Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 29).

6. *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1989. Кн. 4. С. 50—51; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 209; *Кулишер И.М.* История... С. 116—117.

7. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 4. С. 51; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 215—216. Московская компания также проявляла интерес к русским козам, которые в большом количестве вывозились голландцами и немцами, металлам (медь и железо), красильным веществам, предписывая своим агентам высылать их образцы в Англию.

8. Сб. РИО. Т. 38. С. 94; *Цветаев Д.В.* Протестантство... С. 26—27; *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 37, 42, 60—61.

9. *Толстой Ю.* 1) Первые сорок лет... С. 16—17; 2) Обзор первых сорока лет сношений между Россией и Англией. (1553—1593). СПб., 1875. С. 17; Сб. РИО. Т. 38. С. 94—95; Русская история... Т. 3. С. 332; *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 42—43; *Кулишер И.М.* История... С. 117. Поездки англичан в Персию начались в 1558 г. и продолжались до 1581 г., а также в период с 1589 по 1597 г. (см.: *Толстой Ю.* Первые сорок лет... С. 12—16; *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 40, 42, 53; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 35).

10. *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 44.

11. «Государево величество велел своим денежным мастерам во всяких местах на тех гостей ефимку переплавляти и денги делать беспошлинно, только б гости платили за уголье и мастером за дело». Таким образом, с каждого сданного талера англичане получали на руки немногим меньше 42 коп. Это была серьезная льгота, учитывая, что другие иностранцы могли получить необходимую им для торговых оборотов русскую монету только на русском рынке. Вместе с тем продолжает оставаться неясным вопрос о том, «долго ли разрешал Иван IV англичанам переделывать их ефимки на Московском или ином денежном дворе, и не было ли это разрешение всего-навсего разовым, как особая любезность небывалым гостям» (*Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. С. 60; *Спасский И.Г.* 1) Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 1961. С. 11; 2) Русские ефимки: Исследование и каталог. Новосибирск, 1988. С. 10).

12. Полученное железо англичане могли вывозить с уплатой незначительной пошлины (по 1 д. за фунт). За это они должны были обучать русских производственному мастерству и продавать в казну железо по установленной цене (*Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 44, 46, 91).

13. Остальным иностранцам разрешалось торговать в Ивангороде и ливонских городах, захваченных Россией в ходе Ливонской войны (*Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 46).

14. Англичанам запрещалось лишь использовать русских в качестве своих торговых агентов (Там же).

15. *Толстой Ю.* 1) Первые сорок лет... С. 22; 2) Обзор... С. 19—23; *Любименко И.И.* 1) История торговых отношений... С. 44—46; 2) Торговые сношения России с Англией... С. 2, 30—31; *Кулишер И.М.* История... С. 117.

16. *Толстой Ю.* Первые сорок лет... С. 24—25. «А грамоту б еси которую еся к тебе послали о торговом деле, — писал Иван IV к Елизавете 24 октября 1570 г., — прислала к нам хотя к нам тое грамоты и не пришлет и нам по той грамоте не велети делати ничего» (Там же. Приложение № 28. С. 110).

17. Там же. С. 27. В личной беседе с Дженкинсоном, состоявшейся в мае 1572 г., Иван IV объявил английскому послу о своем решении возобновить привилегии Московской компании и пожаловать ей грамоту. Одновременно царь отправил письмо к Елизавете, в котором заверял ее: «И мы для тебя твоих гостей пожаловали во всех своих государствах торговать им велели повольною торговлю и пропускати их велели из своих государств во все государства куды похотят безо всякого задержания и обиды» (см.: Там же. Приложения № 33. С. 139; № 34. С. 145; № 35. С. 146).

- ¹⁸. В письме Ивана IV Елизавете от 20 августа 1572 г. вновь звучала досада, вызванная участием шотландских военных наемников на стороне шведов, сношениями некоторых английских купцов с польским королем, но главное — неготовностью английского правительства к возобновлению переговоров о военно-политическом союзе (*Толстой Ю.* Первые сорок лет... Приложение № 36. С. 148—160).
- ¹⁹. *Гамель И.* Англичане в России... С. 106—108, 281. Возможно, что дружественный тон письма повлиял на позицию России. Во всяком случае, 15 апреля 1573 г. Иван IV ответил королеве. В своем послании он заверял Елизавету в том, что по ее просьбе предоставил Московской компании «полную свободу торговли», а «диких» англичан выслал из страны. В ответном письме от 26 июля 1573 г. Елизавета благодарила русского царя за предоставленные компании торговые привилегии (Там же. С. 108, 282).
- ²⁰. Сб. РИО. Т. 38. С. 95; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 93; *Толстой Ю.* 1) Первые сорок лет... С. 29; 2) Обзор... С. 23—24; *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 9; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 185; *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 47—48, 116—117; *Лурье Я.С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей / Под ред. А.А. Зиминой, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 429. В последующий период Иван IV продолжал обвинять Елизавету в неискренности, угрожая еще больше ограничить и даже отменить привилегии Московской компании (см.: *Толстой Ю.* Первые сорок лет... Приложение № 40. С. 187).
- ²¹. *Толстой Ю.* Первые сорок лет... Приложение № 7. С. 27; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 188—193; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 211; *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // ИАН СССР. Отделение обществ. наук. 1932. № 2. С. 94.
- ²². *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 94.
- ²³. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 212.
- ²⁴. Там же. С. 211.
- ²⁵. Там же. С. 210.
- ²⁶. Там же. С. 219.
- ²⁷. *Толстой Ю.* Обзор... С. 8; *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 103, 105, 11, 126—127; *Кулишер И.М.* История... С. 122—123. Правительство и парламентские запреты не действовали. Так, несмотря на запрещение Тайного совета королевы некомпанейским англичанам торговать в Нарве (1564), в 1565 г. множество «случайных» купцов продавали в этом городе сукно в розницу, сбывая тем самым оптовую цену. В 1567 г. Нарву посетило до 70 английских кораблей, доставивших главным образом сукно, металлы (свинец, олово, медь), серу, вино, причем не только из Англии, но также из Нидерландов, Испании, Франции, Италии и Шотландии. «Посланы они были образовавшимся в Англии обществом для торговли с Нарвой, в составе 46 членов, во главе которого стоял один из бывших агентов компании...» (*Любименко И.И.* 1) История торговых отношений... С. 107; 2) Торговые сношения России с Англией и Голландией... С. 735; *Кулишер И.М.* История... С. 122).
- ²⁸. Сб. РИО. Т. 38. С. 186—245; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 23; *Любименко И.И.* 1) История торговых отношений... С. 59, 103—105; 2) Торговые сношения России с Англией... С. 145—147.
- ²⁹. *Флоря Б.Н.* Торговля России... С. 130.
- ³⁰. *Гамель И.* Англичане в России... С. 91, 92; *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 50—51. Еще два устья Северной Двины к северу от Пудожемского устья назывались Мурманским и Березовским.
- ³¹. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 212—213.
- ³². *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 79—80; Сб. РИО. Т. 38. С. 217—221; *Гамель И.* Англичане в России... С. 38—39; *Толстой Ю.* Первые сорок лет... С. 9; *Любименко И.И.* 1) История торговых отношений... С. 75—93; 2) Торговые сношения России с Англией... С. 3, 166. Среди английских привозных товаров на первом месте стояли различные сукна. Поощряя развитие суконного производства, правительство Англии неоднократно запрещало компании вывозить за пределы страны невыделанное и неокрашенное сукно. Особым спросом в России пользовалось широкое сукно (*broadcloth*) и более грубая каразея (*kersey*); излюбленным цветом у русских считался голубой (*Любименко И.И.* 1) История торговых отношений... С. 75—76; 2) Торговые сношения России с Англией... С. 153).
- ³³. *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 81, 115—119.

- ³⁴. СГГид. Ч. 5. № 139. С. 186; *Прончатов Н.Ф.* Англо-русские отношения в конце XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Горький, 1955. С. 11.
- ³⁵. Сб. РИО. Т. 38. С. 203. Объявив в 1588 г. воск заповедным товаром, правительство поставило себя в затруднительное положение. Более того, в 1589 г. в Архангельске таможенный голова фактически спровоцировал конфликт, запретив любые товарообменные операции, пока не будет реализован казенный воск. В конечном счете правительство было вынуждено дезавуировать своего таможенного представителя, обвинив его в превышении полномочий. Однако значительное количество воска в том году так и осталось не распроданным (*Флоря Б.Н.* Торговля России... С. 137—138).
- ³⁶. ААЭ. Т. 1. № 318. В 1584 г. из Москвы на Двину прибыли воеводы П.А. Нащокин и З.Н. Волохов, которые «Архангельской город деревянной поставили одним годом на Пур наволоке (мыс в дельте Северной Двины. — *М.Ш.*) над Двиною рекою, за 30-ть верст от устья тоя Двины реки. А поставили город круг Архангельского монастыря и съехали к Москве. И после того присланы на Двину приказные люди дети боярские» (ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 169).
- ³⁷. *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 56—57; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 18, 19. Гамбургские купцы установили прямые торговые связи с Россией через Архангельск в последней четверти XVI в. (*Мартенс А.* Гамбургские купцы в Москве в XVII в. // *Немецкие предприниматели в Москве: Сб. статей / Сост. В.А. Ауман. М., 1999. С. 46).*
- ³⁸. *Флоря Б.Н.* Торговля России... С. 134.
- ³⁹. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 215.
- ⁴⁰. Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. / Сост. и авт. введения Е.Б. Французова; Отв. ред. М.Я. Волков. М., 1983. С. 4.
- ⁴¹. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 80—81.
- ⁴². *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 195, 213—214; *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска // *Морской сборник. 1889. № 10. С. 112.*
- ⁴³. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 81.
- ⁴⁴. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 196, 214; *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 84.
- ⁴⁵. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 8; *Гамель И.* Англичане в России... С. 39—40.
- ⁴⁶. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 219—220.

3.5. Торговая и таможенная политика России в конце XVI — начале XVII в.

После взятия шведами Ругодива (Нарвы) в 1581 г. царь Иван IV повелел поставить у Холмогор город и всяким торговым иноземцам приходиться к «Двинскому городу и пристанищу морскому». По окончании Ливонской войны к Архангельскому порту зачастили фламандцы, голландцы, немцы и англичане, не принадлежавшие к компании.¹ Развернулась их конкуренция с англичанами и между собой, что было к немалой выгоде русских.²

Препятствуя доставке в Москву западного оружия, военного снаряжения и опытных мастеров, поляки, ганзейцы, датчане и шведы нападали на английские, голландские, французские и другие суда, направлявшиеся к северным берегам России. Путь вдоль побережья Норвегии не был безопасным, поскольку датский король Фредерик II направил в Баренцево море эскадру военных кораблей для перехвата торговых судов, не имевших разрешения на проезд от датского правительства. Он добивался, чтобы все корабли, направлявшиеся в гавани Белого моря, платили ему за проход между Исландией и Норвегией пошлину, подобную той, которая взималась за проход через пролив Зунд. Пиратские действия со стороны датчан вызвали гневную реакцию русского царя. В 1582 г. Иван IV направил Фредерику II грамоту, содержащую ряд упреков: «А дорога к нашей вотчине, х Колмогорам, и х Коле волости, и к иным пристанищам морским, не ново почалася <...> А дорога морем болшим окяном к нашей вотчине х Колмогорам за много лет была, с тех мест лет за сорок. А приезжали из Аглинские земли немцы и из ыных государств по нашему жалованью; а подаваны им наши грамоты жаловалные и дворы нашем государстве». Далее царь ставил в вину датчанам их морской разбой

вблизи его «вотчины на море у Колы и у Колмогор», давая понять, что эти «новые дела» к добру не приведут.³

Очевидно, что главная причина пиратства заключалась в соперничестве Англии, Нидерландов, Франции, Швеции, Дании и некоторых других стран, активно выступавших в то время на арене мировой торговли и стремившихся выбить конкурентов из различных стран посредством насильственных действий.⁴ Обороняясь от морских разбойников, купечество вооружалось. Так, отправляя в 1582 г. девять кораблей к гавани св. Николая, Московская компания обеспечила их сильной артиллерией и военными людьми под командованием вице-адмирала, которые получили подробные инструкции, как действовать в случае встречи на пути с неприятелем.⁵ Голландцы тоже отбивались от пиратов всеми силами. В отличие от них, французы вступили в переговоры с датским королем и обеспечили свою безопасность ценой серьезных уступок: согласились платить пошлину за право проезда, обязались не провозить меди, свинца, пушек, ядер, боевых припасов, не брать с собой товаров, принадлежавших купцам других наций, и т. д. В 1583 г. было положено начало политическим сношениям Франции и России. В том же году французы с разрешения Ивана IV впервые побывали в Коле.⁶

Русское правительство приветствовало появление в устьях Северной Двины фламандцев, голландцев, ганзейских немцев и французов, которые в 60—70-е гг. XVI в. ходили к Нарве. Стремясь привлечь их к участию в беломорской торговле, оно решительно отвергало притязания английской королевы на то, чтобы исключительными торговыми правами в России обладала Московская компания, призывало Елизавету не препятствовать приходу «некомпанейских» англичан и других торговых иноземцев к русским северным пристаням.⁷

Наряду с пятью северными пристанями, предоставленными англичанам в 1584 г. (в устьях рек Печенга, Варгуза, Мезень, Шума и у «Корельского пристанища»), две пристани — в Пудожемском устье (в 15 верстах от Ягорного острова) и на Коле — были отданы голландцам, которые незадолго до того водворились в Пудожемской гавани, поставив на берегу двор и амбар. На Коле также было разрешено приставать французам.⁸ Помимо контролируемых правительством северных портов, въезд иностранцам в Россию был воспрещен. В 1586 г. торговля из Колы была перенесена в Архангельск. С этого времени в Коле разрешалось торговать лишь треской, палтусом, рыбьим жиром и ворванью.⁹ В связи с этим русский царь извещал датского короля, что «в Коле волости торгу есмь быти не велели, зан[е] же в том месте торгу быти непригоже: то место убогое».¹⁰

В октябре 1585 г. Федор Иванович направил французскому королю Генриху III грамоту, по которой всем французским купцам разрешалось приходить к Холмогорской пристани (Архангельску), другим порубежным и внутренним городам страны с правом торговать и беспрепятственно выезжать из России. Затем, в марте 1587 г., Федор Иванович подписал жалованную грамоту товариществу французских купцов в Париже, возглавляемому Жаком Параном. Она была обращена к воеводам и другим должностным лицам Архангельска, Холмогор, Ярославля, Москвы, Новгорода и Пскова, которым вменялось в обязанность предоставлять приезжавшим от имени компании Парана французам «по-вольную торговлю», взимая с них лишь половину тех пошлин, которые вынуждены были платить другие торговые иноземцы.¹¹ На другую французскую компанию, резидентом которой в России был Мельхиор де Мушерон, и на отдельных французских купцов указанные льготы не распространялись.¹²

Отдельные компании нидерландских купцов также «пользовались правом вести оптовую торговлю и уплачивать половину пошлины».¹³ Первой из их числа, вероятно, была компания, возглавляемая Марком Фогеларом и Адрианом Зебрехтсенем, деятельность которой в России началась еще при Иване IV. «Может быть, — допускал В.А. Кордт, — уже при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове, а во всяком случае при Василии Шуйском нидерландцы Марк Юстуссон де Фогелар и Адриан Лукассон Зебрехтсен платили лишь половину пошлин».¹⁴ А.В. Демкин в этом вопросе более категоричен, полагая, что уже Федор Иванович предоставил этим иностранцам «право уплачивать половину таможенных пошлин. Грамота подтверждалась его преемниками».¹⁵ Как бы то ни было, И.М. Кулишер допускал неточность, полагая, что с середины 1580-х гг. все голландцы «получили право торговать в различных городах с уплатой половинной пошлины».¹⁶

Нидерландским купцам в России, составлявшим торговые компании, также предоставлялось право иметь дворы в Москве, Архангельске, Вологде, Холмогорах и Усть-Колы, благодаря чему они

освобождались от обязанности «ставиться» на общих гостиных дворах.¹² При этом некоторые из них освобождались частично или полностью от таможенных пошлин, но делалось это с целью поощрения за их «службу» или в виде компенсации за понесенные убытки.¹³

В 1584 г. (при Федоре Ивановиче) Московской компании была предоставлена новая жалованная грамота, в которой фактически подтверждались привилегии и запреты 1574 г. Компанейские англичане по-прежнему могли приезжать в Москву и внутренние русские города, явля таможенным головам свои товары для отбора в казну (оплата таких товаров предусматривалась, но делалось это не всегда), и торговать, уплачивая половину положенных пошлин: «А пошлин с них всяких с их товаров емлют тамги и проезжего половину во всем государстве нашем где коли приехав учнут торговати по нашему уложению где как в таможе наши уставные грамоты а другой половины тамги с них не емлют нигде ни в котором городе».¹⁴

Одновременно англичанам запрещалось привозить в Россию чужие товары, бывать в Казани и Астрахани без царского разрешения, торговать в розницу в своих дворах, привлекать подданных московского царя для закупки по городам русских товаров или для реализации на русском рынке товаров компании, кабалить русских людей, превращая в «закладней», держать на московском дворе больше одного русского работника, высылать в Англию людей компании без царского разрешения, «оставлять или хранить имущество» русских людей «или путем залогов скрывать его». В Москве право суда и расправы над англичанами переходило к государственному казначею и дьяку Посольского приказа, а в городах — наместникам и воеводам. Таким образом, англичанам не удалось вернуть себе ранее утраченную привилегию на «беспошлинную» чеканку монеты.¹⁵

Благодаря участию англичанина Джерома Горсея, сумевшего добиться расположения Бориса Годунова, в 1586 или 1587 г. компании была пожалована новая грамота, освободившая ее от уплаты пошлин. Однако ни один из запретов 1584 г. не был устранен. Не были восстановлены и привилегии 1569 г.: «1) что английские товары не будут обыскиваться царскими чиновниками, 2) что никто кроме компании не будет иметь право торговать северным путем, 3) что ни один англичанин, не принадлежащий к компании, не может торговать через Нарву без особого разрешения королевы под страхом конфискации своих кораблей и 4) что агент может с помощью русских властей высылать всякого англичанина, который явится в Россию без особого разрешения королевы».¹⁶ Особое недовольство компании возбуждало новое распоряжение русских властей о записи в Холмогорах всех привозимых из Англии товаров, впрочем, без права местной администрации раскрывать тюки.¹⁷

Из английского источника известно, что в 1589 г. компании было вновь отказано в исключительных торговых привилегиях, и лишь по настоянию английского посла Джайлса Флетчера (1588—1589) ей было вновь разрешено торговать с уплатой половинной пошлины, хотя в действительности благодаря ходатайству Годунова компания не платила ничего.¹⁸ Из письма Федора Ивановича королеве Елизавете также следует, что в 1589 г. англичанам удалось вернуть себе прежнюю льготу приезжать в Казань и в Астрахань «и во все государства за Хвалимское (Каспийское. — *М.Ш.*) море, в Перситцкую землю, тож и Кизылбаская земля, и в Бухары и в Шемаху и во все тамошние государства ездити торговати».¹⁹

Во время переговоров с Дж. Флетчером русское правительство вновь отвергло монополистические притязания Московской компании. При этом оно стремилось внушить английскому дипломату мысль, что с потерей «Ругодивского пристанища» (Нарвы) в 1581 г. проведение прежней политики, ведущей к ограничению международной торговли в Архангельске, стало невозможно.²⁰ В 1597 г. англичанам удалось незначительно продвинуться вперед в утверждении своей торговой монополии в России. В том году в Архангельск был послан царский указ с предписанием не выпускать из города во внутренние области голландцев и других иноземцев, включая англичан, не принадлежавших к компании. Однако этот указ оставался в силе недолго.²¹ Уже в 1598 г. царь Борис (1598—1605) выдал Московской компании новую жалованную грамоту, которая повторяла привилегии 1586 г. и не давала компанейским англичанам никаких новых преимуществ и никак не ограничивала торговлю других иноземцев из других стран. Таким образом, каждый желающий мог участвовать в торговле с Россией.²² В 1599 г. некоторые нидерландские купцы уже имели на руках новые жалованные грамоты, позволявшие приезжать во внутренние города страны. Другие ходатайствовали о выдаче или возобновлении проезжих и жалованных грамот.²³ Если в 1570-х гг. XVI в. к устьям Северной Двины ежегодно прибывало от 6 до 10 английских торговых судов, то в 1580-х гг. — до 14 английских, голландских, датских, а в 1590-х — до 25 английских и голландских.²⁴

В исторической литературе существуют различные мнения относительно хозяйственной ситуации в России в конце XVI в. Так, одни авторы полагают, что в 1590-е гг. стала проявляться тенденция к улучшению экономического положения. В связи с этим высказывается предположение, что внутренний рынок вступил в процесс стабилизации, успешно поднималось хлебопашество, снижались цены на предметы первой необходимости, прежде всего на сельскохозяйственную продукцию, а в конце XVI — начале XVII в. наметилось оживление торговли со странами Северной и Западной Европы.³⁰ Согласно же другой точке зрения, кризис в России, начавшийся в 1570-е, продолжался и в 1590-х гг. Причем он не только охватил всю территорию страны, но и продолжал расширяться и обостряться. По-прежнему значительные массивы площадей не возделывались или разрабатывались «наездом», без соблюдения основных принципов агрикультуры. Зброшенные земли все чаще зарастали лесом. Численность населения центральных районов к концу XVI в. не достигла предкризисного уровня. Сокращение посевных площадей вызывало повышение хлебных цен и полуголодное существование широких слоев населения.³¹

Как бы то ни было, в конце XVI — начале XVII в. укрепились связи России с городами Прибалтики. Некоторые купцы из Нарвы, Риги и Ревеля даже добивались перехода под власть России. Вопреки условиям Тязвинского мира произошло упрочение торговых отношений с Данией: купцам — подданным датского короля — было пожаловано право свободного приезда в Россию и разрешено учреждение торговых дворов в Новгороде, Пскове и Ивангороде.

В самом конце XVI — начале XVII в. наметилось сближение с северогерманскими городами, экономические интересы которых также оказались ущемлены Тязвинским миром. Между 1598 и 1600 гг. были выданы жалованные грамоты любекским купцам Е. Мейеру и Б. Тунеману, которым разрешалось приезжать в Архангельск, на Двину, в Усть-Колу, Новгород, Псков, Смоленск и Москву с уплатой полных пошлин. В 1603 г. купечеству Любека было пожаловано право свободного приезда в пограничные и внутренние русские города с платежом лишь весовых пошлин.³² Кроме того, по жалованной грамоте 1603 г. любекские немцы избавлялись в порубежных таможенных от осмотра и оценки привозных товаров. Им разрешалось: устраивать дворы в Архангельске, Пскове, Новгороде и Ивангороде; нанимать приказчиков и дворников; держать и варить «про себя» «питье»; переделывать привозные ефимки и серебро в русские деньги; судиться в Москве и т. д.³³ Однако, поскольку «любекские немцы» стали под видом своих сограждан привозить с собой в Россию нидерландских, гамбургских и других иноземных купцов, избегавших таким способом пошлинного обложения, правительство Бориса Годунова в 1604 г. отменило эту привилегию и вновь ввело полное взимание пошлин с любекских товаров.³⁴

Еще в конце XVI в. англичане преобладали в торговле с Россией. В 1582 г. в Архангельск пришло 9 английских кораблей и 6 голландских, в 1600 г. — 12 английских и 9 голландских.³⁵ Однако в начале XVII в. голландцам удалось серьезно потеснить своих торговых конкурентов. Не помешало этому и распоряжение Бориса Годунова от 8 июня 1601 г. о запрещении пропускать дальше Архангельска нидерландских, брабантских и датских гостей (кроме представителей Московской компании) без царского указа даже при наличии у них государевых жалованных грамот, поскольку многие нидерландские купцы тут же выхлопотали у русского царя новые грамоты, «снова разрешавшие им торговлю внутри Московского государства». Несмотря на то что распоряжение царя от 8 июня формально отменено не было, оно фактически утратило свое значение «ввиду тех исключений, которые делались для отдельных нидерландцев».³⁶ В начале XVII в. нидерландцы направляли к Архангельску до 30—40 кораблей, каждый из которых, по сообщению английского современника, вдвое превосходил английский. В 1604 г. в Архангельск пришло всего 29 кораблей, в том числе 17 голландских и 9 английских. Всего в том году было доставлено в Архангельск из-за границы товаров на сумму 148 849 р., в том числе тканей на 40 240 р. (38.21%), драгоценностей — 29 927 (28.4%), металлов и металлоизделий — 16 088 (15.28%), бумаги — 6381 (6.07%) и т. д.³⁷

Согласно сохранившейся торговой книге конца XVI — начала XVII в., в Россию широко ввозились: сукна «брюкиш», «полубрюкиш», «аглинское» (английские), «свицкое» (шведское), «лимбарское» (лимбургское), «брабантское», «настрафиль», «новоесское», «рословское», «четцкое», «колтырь», «утрофим», «вlossкое», «еренга», «муравское», «лятчина», «багрец», «шарлот» (французское) и др.; гарус, бархат, камки, тафты, кружева; «пряденое золото»; драгоценные камни: яхонты, бирюза, шпинели (лалы), красно-фиолетовые аметисты (вареники), гранаты (венисы) и др.; жемчуг; специи (анис, ревен, гвоздика, кардамон, перец, шафран, ладан, тмин, фимиам, мускат и т. д.); «соли и краски» (купорос, квасцы, мышьяк, нашатырь, сулема, камфора, ртуть, бура, киноварь); металлы

(серебро, медь, олово, железо, свинец); золото листовое и сусальное; хлопчатая и писчая бумага, нитки, иглы, масло деревянное; вина «мушкатель» (десертное вино из мускатных сортов винограда), «романья» (от названия бургонской деревни Романэ), «ренское», «конарское», «бастр», «алкат», «шпанское» (испанское) и другие, винный уксус, сахар, лимоны, чернослив, грецкие орехи, миндальные ядра, лекарственные травы и т. д. Как можно заметить, основная часть импорта (всего в торговой книге было перечислено 170 видов товаров) состояла из предметов роскоши. В их число не входили лишь соли, краски и металлы.³⁸

В 1604 г. доля голландцев в русском импорте через Архангельск составляла 54.66%, англичан — 40,25% и французов — 5.09%.³⁹

Русский экспорт на рубеже XVI—XVII вв. в основном состоял из кож, говяжьего сала, поташа и мехов (эти товары составляли 61% экспорта). В числе отпускных товаров также значились: хлеб (пшеница, греча), льняное семя, масло коровье и растительное, мясо, черная икра, рыба (треска и семга), рыбий жир, ворвань, лен, пенька, конопля, смола, вар, деготь, свиная щетина, воск, слюда, зола, рыбий клей и т. д. Таким образом, в структуре экспорта преобладало сырье. Готовые изделия: гвозди сапожные, сошное железо, мыло, канаты и рукавицы — составляли его незначительную часть. К примеру, Московская компания англичан закупала в России лен, пеньку, смолу, готовые снасти и крупные канаты, маты, все сорта мехов, воск, войлок для шляп, кожи, поташ, льняное и конопляное масло, икру и т. д. Канаты и другие корабельные снасти продавались английской казне для удовлетворения нужд королевского военного флота. В конце XVI в. за один год компания вывезла из России на 15 500 фунтов канатов, отвечавших самому высокому критерию качества.⁴⁰ Французы вывозили меха, семгу, икру, рыбий жир, воск, сало, кожи, в том числе лосиные и козловые, свиную щетину, лен, пеньку, лес, смолу, деготь и т. д.⁴¹

Обложение торговых иноземцев было сравнительно невысоким. *Тамга* с иностранных товаров во второй половине XVI в. обычно составляла 4 деньги с рубля или 2% с цены; также взималось *осмничее*, *весчье*, *рукозное*, *судовое* и пр.⁴²

В Смутное время произошли определенные изменения в ассортименте привозных товаров. В связи с колоссальной потребностью России в сырье для чеканки собственной монеты увеличился ввоз западноевропейских серебряных талеров. Так, в 1604 г. нидерландские купцы привезли 75 564, английские — 30 554, французские — 14 986 талеров. Всего в том году было ввезено 121 104 талера — 43 495 р., что составило 29.2% стоимости русского импорта через Архангельск.⁴³

Европейские талеры — *эфимки*,⁴⁴ известные в России с середины XVI в., — за редким исключением во внутреннем денежном обращении участия не принимали. Вместе с привозным серебром в слитках они служили лишь сырьем для чеканки русской «ходячей монеты». При этом любой русский или иноземный собственник серебра имел право обмена (продажи) его на копейки, деньги и полушки.⁴⁵ Русские купцы также могли привозить серебро на денежные дворы для передела в русскую монету.⁴⁶ Поскольку копейки, деньги и полушки чеканились на проволоке, их исходное сырье было высокой пробы (низкопробное серебро плохо вытягивается). Однако при оплате крупных сделок русская «ходячая монета», отличаясь неровностью формы и малой покупательной способностью, сильно уступала европейской валюте.⁴⁷

Торговля серебром была предметом особого внимания русского правительства, которое было постоянно озабочено привлечением в страну благородных металлов и стремилось не допустить их вывоза за рубеж.⁴⁸ К концу XVI в. были выработаны система закупочных цен на талеры, порядок приемки их на денежных дворах и нормы выхода готовой продукции (копеек) из иностранного сырья.

Русское правительство ежегодно устанавливало обменный курс талера на копейки. Эта «указная» цена талера и становилась «предельной рыночной ценой для русских покупателей», и возможное отступление от нее могло быть только в сторону уменьшения. Монетный двор в Москве оставался совершенно недоступным для иностранцев. «Поэтому в каждый перешедший в руки русского купца или казны талер автоматически закладывалась прибыль, реализуемая только на Монетном дворе». ⁴⁹ Талеры принимались в зависимости от массы и пробы. В XVI — начале XVII в. «рыночная» цена одной высокопробной монеты массой 28.438 г соответствовала 36—36.5, а реальная — 42 коп.

Заказчик при переделе серебра получал из монетного двора по 38 или 38.5 коп. за каждый сданный талер.²⁰

Иностранцы, посещавшие Россию, отмечали эту особенность русского денежного обращения. Так, капитан Жак Маржерет, находившийся здесь с 1590 по 1606 г., сообщал, что русские платили за талер двенадцать алтын (36 коп.), затем перепродавали на монетный двор. Как можно заметить, прибыль владельца ефимков от их перечеканки после сдачи на денежный двор составляла около 5—7%. Немецкий путешественник Адам Олеарий тоже отмечал, что русские охотно принимали привозные талеры и тотчас же отправлялись с ними на монетный двор.²¹ Следовательно, несмотря на ограниченное поступление европейской монеты на рынки северных городов, талеры были знакомы различным категориям населения Московского государства. Они выменивались у иностранных купцов на русские товары, отличаясь от других привозных товаров лишь тем, что котировались по официальному курсу.

Установленная государством цена продажи талеров в казну в большинстве случаев или превышала рыночную, или совпадала с ней. Поэтому купцу было выгоднее сдать талеры на денежный двор или продать в казну, чем использовать во внутренней торговле. По предположению И.Г. Спасского, до начала XVII в. «выпуск новой монеты и обновление ее запаса в обращении в значительной мере, если не в основном, находились в руках купечества, которое доставляло на денежные дворы огромные массы западного серебра для переделки в русскую монету в порядке индивидуальных заказов».²²

Несмотря на то что торговля на ефимки не возбранялась, их ограниченное обращение в качестве монеты в середине—второй половине XVI в. имело место лишь в «порубежных» русских городах.²³ Для широчайших масс населения России ефимок до 1655 г. оставался «невидимкою».²⁴

Примечания

¹ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 93. Первое голландское судно (капитан — Ян ван Валле) вошло в Пудожемское устье Северной Двины в 1577 г.

² Русская история... Т. 3. С. 333.

³ *Жордания Г.* Очерки из истории... С. 21—22. Грамота Ивана IV не вразумила Фредерика II. Датские пираты продолжали нападать на торговые суда голландцев (*Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 263).

⁴ *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 52—54; *Любименко И.И.* История торговых отношений... С. 113—119; *Кулишер И.М.* История... С. 122; *Флоря Б.Н.* Торговля России... С. 121—151. В конце XVI в. обострились отношения Англии и Испании, вступивших в ожесточенную борьбу за гегемонию в Европе и за преобладание в морской колониальной торговле. Испания ревниво следила за успехами северной английской торговли. Стремясь вовлечь Россию в антитурецкую коалицию, испанские агенты внушали царю мысль о захвате английских судов с товарами. Они же скрупулезно подсчитывали число английских судов, возвращавшихся к английским берегам с русскими товарами (Россия и Италия; Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Пг., 1915. Т. 3, вып. 2. С. 313, 314, 318—320; *Прончатов Н.Ф.* Англо-русские отношения... С. 13—16).

⁵ *Кулишер И.М.* История... С. 122; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 210.

⁶ *Жордания Г.* Очерки из истории... С. 30—35, 43—49, 93, 124.

⁷ Сб. РИО. Т. 38. С. 179—185, 199—202; *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 67—70. «И ты б, сестра наша любная, Елисавет королевна, — говорилось в грамоте Федора Ивановича 1587 г., — нам свою братцкую любовь показала: гостем своим заказывать не велела и из своей земли oprичь тех своих гостей, которые в нашей жалованной грамоте написаны имяны, иных своих гостей англичан с товары и иных г[осу]д[а]рств гостей с товары пропусти велела к нашему к морскому пристанищу, к Двинскому городу...» (Сб. РИО. Т. 38. С. 183).

⁸ Сб. РИО. Т. 38. С. 95. Пудожемское устье постепенно мелело. В XVII в. англичане неоднократно ходатайствовали о разрешении приходить в Архангельск Березовским устьем, которое было глубже и безопаснее Пудожемского. В 1629 г. Карл I мотивировал эту просьбу тем, что английские суда к тому времени стали значительно крупнее и были вынуждены останавливаться на открытом месте, где их приходилось с большой опасностью, расходами и потерей времени разгружать и вновь нагружать. В 1645 г. с аналогичной просьбой обращались к вступившему на русский престол Алексею Михайловичу власти Нидерландов. Лишь в 1656 г., когда очевидным стало полное обмеление Пудожемского устья, приказано было всем ходить новым путем — Березовским устьем (*Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 181; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 19—20).

- ⁹. Кордт В.А. Очерк сношений... С. 56. Можно согласиться с Э.Д. Рухмановой в том, что тот двухсторонний товарный поток, который до 1586 г. шел через Колу, в дальнейшем переместился в Архангельск. Однако ее утверждение, что «с 1586 г. через Архангельск шла торговля теми же товарами и в тех же пропорциях, в каких она шла до этого времени через Колу», содержит некоторое преувеличение, поскольку к тому времени у России уже существовали многолетние торговые связи с Англией через устья Северной Двины, Холмогоры и Вологду (см.: Рухманова Э.Д. Архангельская торговля... С. 140).
- ¹⁰. Мулюкин А. С. Приезд иностранцев... С. 49.
- ¹¹. Любименко И.И. История торговых отношений... С. 52; Жордания Г. Очерки из истории... С. 56—58, 68, 86. Первый французский корабль (капитан Жан Соваж) вошел в устье Северной Двины в 1586 г.
- ¹². Жордания Г. Очерки из истории... С. 108—109.
- ¹³. Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 35.
- ¹⁴. Кордт В.А. Очерк сношений... С. 268.
- ¹⁵. Там же. С. 47.
- ¹⁶. Кулишер И.М. История... С. 122.
- ¹⁷. Любименко И.И. История торговых отношений... С. 114.
- ¹⁸. Кордт В.А. Очерк сношений... С. 268. Федор Иванович неоднократно уверял королеву Елизавету в том, что нидерландские и другие купцы не были освобождены от пошлин. Так, в сентябре 1585 г. он писал в Англию: «Которые гости и торговые люди приезжают в наше государство <...> и с тех со всех с торговых людей емлют пошлину всю сполна по нашему указанию, а с твоих гостей мимо всех емлют половину пошлины». В июне 1587 г. царь Федор снова обращал внимание Елизаветы на то, что при Иване IV с компанейских англичан взималась половинная пошлина, а с французских, испанских, нидерландских и иных торговых иноземцев «с их товаров пошлину емлют с полна по прежнему». В 1588 г. в царской грамоте двинским таможенным целовальникам поручалось собирать таможенные пошлины с русских и иностранных купцов, кроме англичан (Сб. РИО. Т. 38. С. 165, 183; ААЭ. Т. 1. № 338).
- ¹⁹. СГГид. Ч. 5. № 141. С. 188.
- ²⁰. Там же. С. 187—189; Сб. РИО. Т. 38. С. 141—144; Бантыш-Каменский И.Н. Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 94; Ладыженский К. История... С. 9; Любименко И.И. История торговых отношений... С. 49—50, 122.
- ²¹. Сб. РИО. Т. 38. С. 176—179; Бантыш-Каменский И.Н. Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 95; Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 150—155; Любименко И.И. История торговых отношений... С. 50—51. Освобождение Московской компании от уплаты пошлин позволило ей экономить ежегодно 2000 фунтов стерлингов (Ключевский В.О. Сказания иностранцев... С. 219).
- ²². Любименко И.И. История торговых отношений... С. 51.
- ²³. Там же; Бантыш-Каменский И.Н. Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 97.
- ²⁴. См.: Толстой Ю. Первые сорок лет... Приложение № 68. С. 347—349.
- ²⁵. Статейный список приезда и пребывания в России английского посла, Елизара Флетчера // Временник МОИДР. 1850. Кн. 8. Материалы. С. 16; Флоря Б.Н. Торговля России... С. 136—137. В ответе московского правительства английскому представителю (1589) говорилось: «Всяким торговым людям изо всея земли из Аглинские и всяким иных земель торговым людям ходить торговать на Холмогоры и в Новгород и во Псков повольно по прежнему» (Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 35).
- ²⁶. Кордт В.А. Очерк сношений... С. 74.
- ²⁷. Любименко И.И. История торговых отношений... С. 53; Русская история... Т. 3. С. 334; Кулишер И.М. История... С. 118, 123. И все же положение Московской компании в России было более привилегированным, чем в Англии. В своей стране она не была избавлена от необходимости уплачивать ввозные и вывозные пошлины. Лишь иногда ей давались разрешения на беспошлинный вывоз в Россию некоторых английских товаров (в основном оружия) и на временный беспошлинный ввоз в Англию некоторых русских товаров (Любименко И.И. Торговые сношения России с Англией... С. 26—27).

- ²⁸ Кордт В.А. Очерк сношений... С. 75—76. Так, из челобитной грамоты архангельского воеводы Осипко Супонева и подьячего Рохмашки Воронова на имя царя Бориса Годунова следует, что четыре нидерландских купца просили о разрешении совершить торговую поездку в Москву, а в случае невозможности по крайней мере зазимовать в 1600—1601 гг. в Холмогорах с товарами, не проданными «у корабельной пристани», т. е. у Архангельска (Сб. РИО. Т. 38. С. 381).
- ²⁹ Флоря Б.Н. Торговля России... С. 130—134.
- ³⁰ Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 99, 101; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. С. 150; Мельникова А.С. Русские монеты... С. 50.
- ³¹ См.: Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 178—201.
- ³² Согласно Н.Н. Бантыш-Каменскому, по грамоте 1603 г. любчане получили привилегию платить таможенные пошлины «в полы» по сравнению с другими торговыми иноземцами (*Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений... Ч. 2. С. 192*).
- ³³ Шаскольский И.П. Жалованная грамота... С. 359; Флоря Б.Н. 1) Русско-польские отношения и балтийский вопрос. М.; Л., 1964. С. 73—76, 91, 170—185; 2) Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI — начале XVII вв. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе М., 1966. С. 10—25; *Хорошкевич А.Л. Из истории... С. 37; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 54—55. В сочинении В. Покровского ошибочно говорится о том, что грамота 1603 г. была предоставлена Ганзейскому союзу в целом. Неточность допускает и А.В. Демкин, утверждая, что привилегия была пожалована Любеку «и ряду ганзейских городов» (*Покровский В. История... С. 568; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 35*).*
- ³⁴ Шаскольский И.П. Жалованная грамота... С. 361; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 35, 54.
- ³⁵ Кулишер И.М. История... С. 128. По-видимому, Н.Ф. Прончатов допускал преувеличение, полагая, что в XVI в. Московская компания англичан ежегодно отправляла в Россию от 10 до 15 кораблей (*Прончатов Н.Ф. Англо-русские отношения... С. 11*).
- ³⁶ Сб. РИО. Т. 38. С. 422—423; Кордт В.А. Очерк сношений... С. 77—78; Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 37.
- ³⁷ Кордт В.А. Очерк сношений... С. 285; Флоря Б.Н. Торговля России... С. 144—146. Голландцы продолжали торговать и при Лжедмитрии I (1605—1606), получив от него жалованную грамоту. Не подвергались они притеснениям и при царе Василии Шуйском (1606—1610), продолжая привозить в Москву военные припасы (*Кордт В.А. Очерк сношений... С. 79—81, 105*).
- ³⁸ Торговые книги. Кн. 8. Материалы. С. 7—22; Торговая книга. Т. 1. Отд. III. С. 118—129; Сборник Муханова. № 202. С. 353—364; *Огородников С.Ф. Очерк истории... № 10. С. 114—115; Кулишер И.М. История... С. 135—136. Называя Торговую книгу справочником по внешней торговле России, который использовался в торговой практике на протяжении длительного промежутка времени, М.М. Громыко датирует ее периодом 1575—1585 гг., когда главными пунктами русской внешней торговли являлись Нарва и Мурманский берег (*Громыко М.М. Русско-нидерландская торговля... С. 234—235*).*
- ³⁹ Флоря Б.Н. Торговля России... С. 142—144. И в конце XVI в., и в годы Смуты, и при первых Романовых торговля с Францией не прекращалась, хотя и не носила регулярного характера. В отличие от голландцев и англичан, приезжие французы не имели в Архангельске ни собственной пристани, ни дворов, ни амбаров и ставились на немецком гостинном дворе, используя царские амбары (*Жордания Г. Очерки из истории... С. 97—100, 116—117, 120, 372*).
- ⁴⁰ Торговые книги. Кн. 8; *Огородников С.Ф. Очерк истории... № 10. С. 114; Кулишер И.М. История... 139—140; Любименко И.И. 1) История торговых отношений... С. 85—88; 2) Торговые сношения России с Англией... С. 158. По данным английского дипломата Джайлса Флетчера, меха, которых в 1589 г. было отпущено на сумму 400—500 тыс. р., оставались главным предметом русского вывоза. На втором месте стоял воск — 10 000 пудов, на третьем — кожи — 30 000 штук. Кроме того, вывозили ворвань, икру, лен, пеньку, соль, деготь, слюду и некоторые другие товары. Лен и пенька вывозились в незначительном количестве по причине «больших и невыносимых налогов» (см.: *Флетчер Дж. О государстве Русском. С. 30*).*
- ⁴¹ *Жордания Г. Очерки из истории... С. 140—153*.
- ⁴² *Лодыженский К. История... С. 10*.
- ⁴³ Флоря Б.Н. Торговля России... С. 145. Этим автором была допущена неточность в подсчете, приведшая к занижению доли привозных талеров в русском импорте. «Всего, — писал он, — в сумме было ввезено 111 104 талера — 39 997 р., что составляет несколько более ¼ стоимости всего имущества иностранных купцов» (Там же).
- ⁴⁴ *Ефимок* (польск. *Joachimik*, от названия города в Чехии *Joachimsthal* — Иоахим-сталь, ныне *Jachymov* — Яхимов; нем. *Joachimthaler*) — с середины XVI в. русское название однотипной европейской серебряной монеты — талера массой около 29 г.
- ⁴⁵ В годы правления Елены Глинской (1535—1538) в стране была проведена денежная реформа, в результате которой на смену разрушенной кризисом монетной стопе в 2.6 р. пришла новая — 3 р., просуществовавшая до начала XVII в. Монетные дворы перешли к чеканке из гривенки серебра массой 204.75 г не 260 *денег-новгородок*, а 300 *копеек*. Это позволило за короткий срок покончить с монетами периода удельной раздробленности, оформить и закрепить национальную денежную систему. После проведения реформы чеканка монеты сосредоточилась на казенных денежных дворах в Москве, Новгороде, Пскове, Твери, а право откупа, которое частично бытовало на рубеже XV—XVI вв., было окончательно упразднено. С образованием в середине 90-х гг. XVI в. в Москве Денежного приказа были окончательно преодолены пережитки удельной раздробленности в денежном хозяйстве страны и сделан следующий шаг в оформлении национальной денежной системы. Копейка — серебряная монета с изображением всадника с копьём, = 1/100 рубля, с весовой нормой 0.68 г — сделалась основой единой монетной системы Русского государства. После Ивана IV (до петровского времени их называли *новгородками*) выпуск копеек не останавливался ни при одном правительстве. Создание копейки-новгородки окончательно определило десятичный строй московской счетно-денежной системы: 1 рубль = 2 полтины = 100 Новгородок (копеек) = 200 денег = 400 полуденег (полушек). Монета с весовой

нормой 0.34 г стала называться *новой московкой*. Русская денежная система была по преимуществу счетной: денежные единицы — рубль, полтина, гривна, алтын — реально не существовали и были только счетными понятиями, которые выражались определенным количеством мелких серебряных монет — копеек, денег и полушек. При этом вплоть до начала XVIII в. народ и государственные учреждения России признавали только старинный московский счет на деньгу, никогда не упоминая копейку-новгородку. За деньгой по-прежнему следовал счетный *алтын* (от татарского «алты» — шесть), равный шести деньгам или трем копейкам (см.: Шумилов М.М. История торговли и таможенного дела в России IX—XVII вв. СПб, 1999. С. 189—191).

⁴⁶ Е. Глинская оставила в силе и узаконила «право свободной чеканки», т. е. право любого владельца «сырого» серебра доставить его на денежный двор и потребовать передела в русскую монету (Спасский И.Г. Денежное хозяйство... С. 14).

⁴⁷ Мельникова А.С. Русские монеты... С. 33, 154—155.

⁴⁸ «А золото б и серебро всякое купцы (иностранные. — М.Ш.) меняли на псковские товары или б продавали псковичам на деньги, да на те б деньги товар же во Пскове покупали. А денег бы русских и золота и серебра явленного однолично изо Пскова не возили»; «Да таможником же беречи накрепко, чтоб московские гости и торговые люди всех городов Московского государства <...> и иноземцы, денег, и серебра, и золотых, и судов, и пуговиц серебряных и золотых, в сундуках и в коробях и в ящикех, из Новагорода в Литву, и в немцы, и в иные города, не возили однолично никуда <...> и у которого человека нибуди выймут таможники заповедного товару, денги, или серебро, и золотые, и суды серебряные, и пуговицы золотые и серебряные, а будет товар повезут из Новагорода, а кого в том уличат, и таможником тех людей приводить к диаком» (цит. по: Чистякова Е.В. Новоторговый устав 1667 года // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 110; ААЭ. Т. 1. № 282. С. 324—325).

⁴⁹ Спасский И.Г. Русские ефимки. С. 10.

⁵⁰ Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века // ЗНО РАО. СПб., 1910. Т. 2. С. 100; Мельникова А.С. Русские монеты... С. 33—35, 197; Быков А.В. Ефимки на русском Севере в первой половине XVII в. // Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда, 1995. Вып. 1. С. 4. Масса талера уравнивалась 43.5—44.5 коп., но при его перечеканке выходило не более 42 монет копеечного достоинства 960-й пробы.

⁵¹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи и Великого княжества Московии // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступит. статья и коммент. Ю.А. Лимонова. Л., 1986. С. 249; Оlearий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 228.

⁵² Спасский И.Г. Денежное хозяйство... С. 11. По оценке И.Г. Спасского, до конца XVI в. за ефимок не платили больше 36 коп., а выходило из него 40—42 коп. (Спасский И.Г. Русская монетная система. 4-е изд., доп. Л., 1970. С. 121).

⁵³ Спасский И.Г. Денежное хозяйство... С. 11. В 1600 г. нидерландский купец Ульян Ульянов добивался у царя Бориса Годунова разрешения на поездку в Псков для покупки местных товаров на те свои ефимки, которые он привез в Москву из Архангельска (Кордт В.А. Очерк сношений... Приложение № 6).

⁵⁴ Спасский И.Г. Русские ефимки. С. 7, 11.

4. Торговая и таможенная политика России в XVII в.

4.1. Торговля с европейскими странами через Архангельск

Пережив Смутное время, Россия возобновила свою торговлю с Западной Европой через Архангельск — свой единственный морской порт, расположенный на правом, восточном берегу Северной Двины. Первоначально административным и торговым центром города являлся нижний посад, где были срублены два гостиных двора. Первый из них, предназначавшийся для русских гостей, вмещал 84 амбара, 22 лавки и сарай, стоявший севернее Немецкий двор — 86 царских амбаров. Здесь же стояли амбары «немецких заморских гостей и торговых немец».¹ Вокруг дворов находились купеческие амбары и лавки, а возле причалов — две таможни. Против гостиных дворов стоял деревянный мост, служивший местом для выгрузки и погрузки товаров. В 1631 г., реагируя на жалобу нидерландских послов, обративших внимание русских властей на недостаточность одного моста, было принято решение о выделении из казны необходимых средств на постройку второго, чтобы в одном месте можно было разгружать, а в другом нагружать суда.²

В середине XVII в. на берегу Двины торговали Английский, Голландский и Русский гостиные дворы, где каждый купец имел отдельный амбар под товары и конторку — комнату для оформления торговых сделок.³ После того, как в мае 1667 г. «великий пожар» уничтожил почти весь нижний посад с гостиными дворами, таможнями и прилегающими строениями, ярмарки стали проводиться в верхнем посаде, где русские и иноземные купцы и администрация быстро организовали торговые ряды, лавки, амбары, и в скором времени в городе возобновилась нормальная жизнь.

В 1668 г. на месте прежних гостиных дворов началось каменное строительство, завершившееся возведением в 1671—1684 гг. двухэтажного гостиного двора-крепости, обращенного главным фасадом к реке. Южная часть здания называлась Русским гостиным двором, северная — Немецким гостиным двором. В каждой из них со стороны набережной были свои проезжие ворота. Оба этажа здания предназначались под склады купеческих товаров. Против гостиных дворов стояли три деревянных моста, служивших пристанями для выгрузки товаров: английский, голландский и русский. По

укрепленному обрубом берегу, от таможи, находившейся в западной (лицевой) части Немецкого двора, до угла Русского двора сплошным рядом тянулись деревянные, коженые лавки и немецкие амбары. Между ними выделялся гостиный амбар, или *гостины хоромы*, где англичане и голландцы, имевшие соответствующую привилегию от русского правительства, «складывали свои товары отдельно от прочих».⁴

В Архангельске ежегодно проводились международные ярмарки, имевшие также всероссийское значение. К определенному сроку у северного города собиралось так много купцов, что активность торговой жизни самой Москвы на время ослабевала. По словам англичанина Сэмюэла Коллинза, который в 1659—1666 гг. являлся врачом царя Алексея Михайловича, не только частные купцы, но и сам царь отправлял в Архангельск большое количество кож, воска, поташа, пеньки, льна для обмена на привозные шелковые ткани, сукно, парчу, бархат и другие товары.⁵

У иностранных купцов были свои резоны отдавать предпочтение северному маршруту перед балтийским. По подсчетам Родеса, затраты по перевозке товаров из-за границы в Москву или из Москвы за границу через Архангельск были ниже в сравнении с расходами по перемещению товаров через Балтийское море, Ревель Нарву и Ниеншанц, так как во втором случае приходилось платить пошлины и при проходе судов через пролив Зунд, и в Лифляндии. Кроме того, купцы принимали во внимание, что балтийский маршрут проходил через владения Швеции, которой в то время принадлежали бывшие ливонские города.⁶

Ярмарка в Архангельске сначала проводилась в течение одного месяца — августа. С 1663 г. «по челобитью иностранцев», обративших внимание московских властей на то, что «ярмарка бывает поздно и только месяц, а корабельный ход от города бывает, за морозами, опасен», она была продлена и стала проводиться с 1 июня по 1 сентября. Однако и после этого торговые иноземцы продолжали прибывать к устью Северной Двины не раньше второй половины июля, зачастую вынуждая русских купцов понапрасну ожидать в порту и сбывать свои товары перед самым закрытием ярмарки по заниженной цене.⁷ К тому же цены во время ярмарочного торга были подвержены сильным колебаниям. Пытаясь хоть как-то стабилизировать рынок, заморские купцы прекращали или ограничивали на время ввоз тех или иных товаров.⁸ Сознавая ненормальность такого положения, московское правительство установило в 1679 г. бессрочность ярмарочной торговли в Архангельске.⁹

В начале рассматриваемого периода англичане продолжали ввозить в Россию окрашенное сукно, свинец, олово и другое, а также «узорочные» товары и драгоценные камни, лучшие из которых отбирались для царя в обмен на казенные товары. Так, по росписи 1613 г. они поставили в казну «29 зерен жемчуга, 29 камней яхонтов лазоревых, половинки жемчуга, низанные по белому атласу — 144 зерна, 2 объера — 51¼ аршин, 4 камки разных цветов — 73¾ арш., 6 поставов сукна багрецу, 7 поставов сукна лундышу (лондонское сукно) разных цветов, причем товары эти были оценены англичанами в 875 рублей 25 алтын». Напомним, что поставка компанией товаров казне осуществлялась по цене английского рынка.¹⁰

В 1614 г. царь Михаил Федорович (1613—1645), желая быть в «братской любви и в крепкой дружбе» с английским королем Яковом I, подписал жалованную грамоту, разрешив «аглинским гостем сер Томасу Смигу Книхту с товарищи» по-прежнему приходить на кораблях в Двинскую землю, беспрепятственно привозить товары в Москву и другие внутренние города с правом их беспошлинной продажи. В царской грамоте перечислялись различные пошлины (явка, тамга, замытная, свальная, проезжая, судовая, мостовщина, перевоз, с головы), которых «имати есмя не велели». Предусматривался лишь таможенный досмотр за провозом товаров: архангельским «приказным людем и целовалником» надлежало требовать у англичан «их товаром и руским товаром, что их товару придет и пойдет, роспис за их руками, чтоб таможником их товары, что у кого будет немецких и русских, были в ведоме, а товаров их не пересматривают, и кип не развязывают нигде, как учнут из Нового Архангилского города в наше государство к Москве свой товар отпустить...».¹¹

Экономическая карта Русского государства в XVII в. (Сахаров А.М. Очерки истории СССР. XVII век. М., 1958)

Представителям Московской компании удалось удержать за собой дворы в Архангельске, Холмогорах, Вологде, Ярославле и в самой столице («у Максима»), Однако им по-прежнему запрещалось: привозить на продажу чужие товары; торговать в розницу («в аршин», «в розвес»); использовать русских торговых людей в роли своих торговых агентов по розничной реализации и в качестве «закладней», получавших кредиты на товарную закупку за пределами городского рынка. Как и прежде, англичане обязывались брать при отъезде царские товары и выменивать их на то, в чем нуждалась казна. В основных своих положениях документ 1614 г. соответствовал жалованной грамоте Лжедмитрия I (1605), подтвержденной в 1607 г. царем Василием Шуйским. В том же ключе были составлены грамоты 1617 и 1621 гг.¹²

В 1623—1624 гг. в принципах деятельности Московской компании произошли существенные изменения. В письме английского короля от 30 мая 1623 г. до сведения русского царя доводилось, что «торговля, которая раньше велась совместно на общий капитал <...> теперь будет вестись поименованными в привилегии вашего величества лицами и их помощниками, наследниками и факторами раздельно, каждым человеком за себя».¹³ Таким образом, вместо торговли на общий капитал члены компании попытались перейти к самостоятельной торговле каждого на свой собственный риск и капитал. Заслуга этого открытия принадлежит И.И. Любименко, которая также утверждала, что подобные стремления англичан царское правительство оставляло без внимания.¹⁴ С ней соглашается А.В. Демкин, который тоже считает, что компания типа *joint-stock* была преобразована в общество типа *regulated*, «когда каждый член торгует на собственный капитал, на свой страх и риск». В 1626 г. была выдана очередная жалованная грамота 22 членам Московской компании по прежнему образцу. В

новой жалованной грамоте 1628 г. на имя 23 членов компании на первом месте стоял уже не Т. Смит, а новый губернатор, хорошо известный в России Джон Меррик.¹⁵

Несмотря на то что в рассматриваемый период долги Московской компании росли, а деловая репутация падала, она оставалась крупнейшим внешнеторговым партнером России. Англичане продолжали ввозить сукно, металлы (олово, свинец и медь), колониальные товары, а также вина, оружие и военные материалы (мушкеты, шпаги, порох и др.), аптекарскую посуду, хирургические инструменты, лекарства. В то же время они резко ограничили поставку хлопчатобумажных материй (по-видимому, в этой области инициативу у них перехватили голландцы). Оружие привозилось реже, чем при Иване IV. Новым явлением стал импорт лекарственных средств.¹⁶ Вывозились по-прежнему: пенька, смола,¹⁷ канаты, а также воск,¹⁸ рыба, икра, ворвань, китовый ус, хлеб¹⁹ и некоторые другие товары.²⁰

Уже в начале царствования Михаила Федоровича голландцам удалось перехватить торговую инициативу и стать главными поставщиками в Россию колониальных товаров (шелк-сырец, краски, *москательные товары*, *камлоты*, парчи, штофные изделия), а также сукон и холстов собственного производства.²¹ В своем донесении от 4 сентября 1618 г. Генеральным штатам резидент Нидерландов Исаак Масса сообщал из Архангельска: «Англичане здесь осрамлены, а наша речь теперь в силе <...> в течение 50 лет (от торговли с англичанами. — *М.Ш.*) царь не получил никакой выгоды, между тем как от голландцев ежегодно поступают значительные суммы в таможенную <...> Сколько здесь прежде англичан уважали, столько их ныне презирают; сколько они прежде здесь гордились, столько они теперь повесили нос и сделались чрезвычайно ласковы к нам; им, впрочем, быть нельзя иначе, и если не представится какое-либо средство, то компания их рухнет в этом году, так как у них в этом году именно прибыло лишь 3 корабля в Архангельск, а наших было более 30, продавших весь почти товар».²²

По-прежнему угрозой безопасному плаванью в северных широтах представляли датские военные корабли, курсировавшие у Кольского побережья. Лишь в 1622 г. Генеральные штаты утвердили проект Амстердамского адмиралтейства о защите своих торговых судов, после чего они стали приходить в Архангельск в сопровождении трех военных кораблей.²³ В 1630 г. к северному порту пришло 100 голландских и лишь несколько английских кораблей. В 1658 г. среди 80 судов было всего 4 английских.²⁴ В 50-е гг. XVII в. в устьях Северной Двины ежегодно бросало якорь от 40 до 50 кораблей под голландским флагом.²⁵

В XVII в. нидерландские купцы по-прежнему не имели сплоченной и цельной организации по типу Московской компании англичан. Они объединялись в товарищества численностью в 2—3 человека, которые торговали на общий капитал или выступали как индивидуальные предприниматели. Многие из них сами в Россию не приезжали, но направляли сюда своих *факторов* — доверенных лиц. Привилегии, которые им предоставлялись довольно часто, отличались разнообразием. В одних случаях выдавались только проезде грамоты и разрешения на оптовую торговлю во внутренних городах страны, в других — предоставлялось право суда в Посольском приказе, давалась привилегия на содержание дома (дворы нидерландских купцов находились в Архангельске, Вологде, Холмогорах, Москве, Ярославле, Новгороде и Пскове) и т. д. Таможенное обложение поначалу производилось на прежних основаниях, и ставки таможенных пошлин в первые десятилетия XVII в. почти не отличались от существовавших в конце XVI в.²⁶ «Некоторые нидерландские компании (например, де Фогелара—Кленка), — указывает А.В. Демкин, — продолжали пользоваться правом уплачивать половину таможенных пошлин».²⁷

По жалованной грамоте Михаила Федоровича (1613), опиравшейся на аналогичные документы царствований Федора Ивановича и Василия Шуйского, представителям компании Фогелара—Кленка разрешалось: свободно приезжать в пограничные и внутренние города, а также беспрепятственно выезжать из страны; платить половину таможенных пошлин; находиться под юрисдикцией Посольского приказа; не присягать на суде («целовать крест»), от чего не были избавлены их люди; иметь дворы в Москве, Архангельске, Вологде, Холмогорах и в Усть-Коле; держать вино про свой обиход; нанимать дворников. Дворы, принадлежавшие компании, исключались из посадского тягла; ее члены подлежали местному суду лишь в случае совершения тяжких уголовных преступлений (душегубство, татьба, разбой с поличным) и т. д. В марте 1614 г. этой же компании была пожалована новая грамота, дополнившая предыдущую освобождением на три года от уплаты таможенных пошлин.

По прошествии этих лет вновь надлежало платить половину пошлин. В декабре 1613 г. подобную же грамоту получила компания К. де Молдина, впрочем, без освобождения от уплаты пошлин.²⁸

По всей видимости, таможенное обложение нидерландских купцов — основных поставщиков оружия в Россию — не было для них слишком обременительным. В донесении И. Массы Генеральным штатам (1618) сообщалось о редком доброжелательстве русской стороны по отношению к нидерландским купцам, злоупотребляя которым последние утаивали от таможи половину своего товара и платили таким образом лишь половинную пошлину. По словам Массы, нидерландские купцы в Архангельске с продажи и покупки своих товаров в 1618 г. «не заплатили более двух со ста пошлин», т. е. 2%.²⁹ Как бы подтверждая слова нидерландского резидента, царь Михаил Федорович в своем послании Генеральным штатам (1619) не только выражал им свою благодарность за безвозмездную помощь порохом и свинцом, но также ставил в известность об издании нового указа, исполнение которого воеводами и приказными людьми предусматривало предупредительное отношение к нидерландским подданным и торговцам «свыше всех остальных иноземцев», оказание им дружбы и содействия и дозволение «торговать в его царского величества государствах по царским жалованным грамотам». ³⁰ В 1628 г. в ответ на просьбу Генеральных штатов царь повелел безвозмездно отпустить в Нидерланды 92 бочки селитры стоимостью в 10 тыс. гульденов. (Вскоре он сам запрашивал нидерландские власти о возможности покупки и вывоза 10 000 ружейных стволов.)³¹

Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что царская грамота 1619 г., запрещавшая причинять обиды и притеснения иностранцам, требовать с них лишних пошлин, строго соблюдалась. Напротив, нидерландские послы в 1631 г. обращали внимание русской стороны на факты, свидетельствующие о введении новых пошлин и сборов, увеличении ставок пошлин, завышении таможенной стоимости ввозимых товаров и т. п. Поэтому в 1631 г. воеводам, дьякам и приказным людям тех городов, где торговали нидерландские гости, были вновь направлены царские грамоты со строгим наказом не чинить нидерландским торговым людям никаких притеснений, обид, задержек и помех в торговле, но во всем их оберегать. Таможенным головам и целовальникам повелевалось взимать таможенные пошлины справедливым образом, по уставным грамотам, «лишних же пошлин с голландских торговых людей и с их товаров не требовать».³²

В 20—30-е гг. XVII в. жалованные грамоты выдавались и по запросам отдельных нидерландских купцов (без права заводить собственные дворы в городах и, как правило, с уплатой полных пошлин).³³ В 1640—1642 гг. в правительственных кругах обсуждался вопрос о привилегиях компании Фогелара—Кленка. В 1640 г. вышел указ, обязавший ее платить таможенные пошлины в полном объеме. Однако уже в 1642 г. компания смогла добиться восстановления привилегии платить половину таможенных пошлин. Ей также удалось удержать за собой московский двор в Китай-городе (до 1652 г.).³⁴

Среди получателей жалованных грамот значились и гамбургские купцы, пользовавшиеся в России такими же торговыми правами, что и отдельные нидерландские купцы.³⁵ От любекских купцов, продолжавших придерживаться ганзейских традиций, они отличались тем, что представляли «открытую группу». Многие гамбургцы были тесно связаны семейными и родственными узами с нидерландскими купцами. Как справедливо указывает А. Мартенс, их коммерческие фирмы, игравшие ведущую роль в торговле с Россией, «в большинстве были нидерландского происхождения». Привозя в Архангельск оружие, ефимки, узорочные и многие другие товары, выполняя царские поручения, гамбургские купцы становились постоянными соискателями различных торговых льгот, что способствовало их предпринимательской деятельности в России.³⁶

К настоящему времени установлено, что в XVII в. деловые отношения с Россией поддерживали 644 нидерландских (М. де Фогелар, Г. Кленк, К. де Моллин, Д. и Й. Бернартсы, А. Виниус, Ф. Акема, Д. Артман, А. Гутман, В. Меллер и Д. Руц и др.), 319 английских и 210 гамбургских (Бутенант, Кенкель, Марселисы, Нордерман, Прал, Сиверсы, З. Белкенс, Ф. Ферпортен и др.) купцов и их приказчиков. Причем если численность первых была стабильно высока начиная с 1620-х гг., то «основная масса английских коммерсантов прослеживается в источниках за первую половину XVII в. <...> основная масса гамбургцев — 145 человек — торговала в России в 60—90 гг. этого столетия».³⁷ В 1695—1700 гг. в России торговало 50 западноевропейских купцов, из них голландцев было 29, англичан — 6, гамбургцев — 7, прочих — 8 чел.³⁸

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что торговый капитал Нидерландов в XVII в. преимущественно играл посредническую роль.⁴³ Основную массу товаров, доставляемых в Россию на голландских судах, составляли товары из Франции. Большая часть русского экспорта также направлялась во Францию. «Таким образом, — отмечал И.М. Кулишер, — оказывается, что торговля с Московским государством производилась в сущности в широких размерах не Голландией, а Францией».⁴⁴

Что же позволило голландцам потеснить англичан на русском рынке и утвердиться в роли посредника русско-французской торговли?

По мнению И.М. Кулишера, причины здесь были следующие: 1) Нидерланды имели больше судов, чем Франция (свыше половины кораблей через Зунд проходили под голландским флагом); 2) строительство судов в Нидерландах по целому ряду причин обходилось дешевле, чем во Франции; 3) нидерландские матросы отличались особенно хорошей подготовкой и выучкой («там, где на французском судне необходимо (было. — *М.Ш.*) 12 матросов, голландское ограничивается восемью»;⁴⁵ они были неприхотливы в еде, довольствуясь камбалой, сыром, пивом, водой и небольшим количеством водки; рацион французов неизменно включал свежий хлеб, свежее мясо, хорошие сухари, вино и разные водки); 4) нидерландские купцы были сведущи в морском деле и в случае необходимости с успехом подменяли матросов; они были и состоятельнее французских коммерсантов, почти всегда возмещая непредвиденные расходы в случае форс-мажорных обстоятельств; 5) хорошо осведомленные о положении дел и общественных настроениях в России голландцы неплохо знали и свою клиентуру; сбывая русским товары в кредит, они умели отличать среди них добросовестных плательщиков от недобросовестных;⁴⁶ 6) в Амстердаме было учреждено общество морского страхования, которое располагало 60 военными кораблями, сопровождавшими голландские торговые суда и охранявшими их от нападений пиратов.⁴⁷

В свою очередь современный шведский автор О.Е. Андерссон акцентирует внимание на достижениях в области финансов и финансового управления в Нидерландах, где впервые осознали, что потребности внутренней и внешней торговли «могли быть удовлетворены только банком с некоторой формой общественно-государственных гарантий. Поэтому первый общественный центральный банк для всех этих целей и был основан городом Амстердамом. Это быстро сделало Амстердам предпочтительным местом для всех типов коммерческих, промышленных, политических и культурных трансакций <...> Рост доходов и благосостояния был, конечно, очень сдвинут в пользу расширяющегося класса торговых капиталистов, которые доминировали в экономической, политической и культурной жизни Амстердама (рассматривавшегося Фернаном Броделем в качестве столицы мировой экономики того времени)».⁴⁸

Исследователь из Финляндии М. Клинге отмечает, что голландцы в то время опережали другие нации в области текстильного и сахарного производства, деревообработке и строительстве кораблей. Он особо подчеркивает существенный «инновационный вклад изгнанных из Франции гугенотов и изгнанных из Испании и других мест евреев» и укоренившуюся в купеческой республике протестантскую духовную культуру горожан, которые обеспечили «предпринимательство, усердие и инвестиции в расширение торговли, а не в атрибуты внешнего блеска».⁴⁹

Как бы то ни было, правительство Нидерландов исходило из убеждения, что благосостояние и само существование их республики основывались на успехах внешней торговли и мореплавания. Ради защиты свободы внешней торговли оно препятствовало образованию монополий, даже в хлебной торговле.⁵⁰ В связи с этим заслуживает внимания вывод И.И. Любименко о том, что главной причиной конечного торжества нидерландских купцов были не моральные их качества или особые таланты и не преимущества «свободных форм» их торговой организации, а поддержка и покровительство их торговле со стороны собственного правительства.⁵¹ К этому следует добавить, что нидерландские купцы больше серебра тратили на подкуп должностных лиц и щедрее кредитовали русских купцов. Отличаясь большей настойчивостью в достижении своих целей, они распускали клеветнические измышления против своих основных конкурентов, делали все, чтобы «унизить и осмеять англичан».⁵²

Русское правительство особенно дорожило отношениями с Нидерландами, принимая во внимание исключительную роль этой страны в удовлетворении казенной надобности в пушках, ружейных стволах, пищалях, пистолетах, порохе, сабельных полосах, ядрах, алебардах, протазанах, другом

военном снаряжении и военных припасах.⁴⁹ В Москве ценили и то, что из Нидерландов приезжало много военных, оружейников, врачей и других специалистов. Покровительство Москвы по отношению к голландцам можно объяснить и тем, что их главный торговый конкурент, англичане, в 40-е гг. XVII в. погрязли в гражданской войне, а в следующем десятилетии оказались в глубоком промышленном, аграрном и финансовом кризисе. Война с Испанией, разразившаяся в конце 1650-х гг., надолго подорвала внешнюю торговлю Англии.⁵⁰

Примечания

¹. На Немецком дворе размещалась большая часть амбаров нидерландских и гамбургских купцов, а также московских торговых иноземцев. Англичане использовали под складку товаров собственные дворы в архангельских посадах. Французы арендовали царские амбары (*Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений XV и первой половины XVII вв. Тбилиси, 1959. С. 118—120).

². Отчет нидерландских послов Альберта Бурха и Иогана ван Фелтдриля о посольстве их в Москву в 1630—1631 гг. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. 99, 100, 111. По свидетельству шведского резидента Иоганна де Родеса, иностранные суда могли загружаться непосредственно у Архангельской пристани лишь наполовину. Доставку остальных товаров с большими затруднениями осуществляли специальные плавсредства, которые в случае неблагоприятных погодных условий часто терпели бедствие прямо перед городом (*Куриц Б.Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 189).

³. *Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 189.

⁴. *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. 1889. № 9. С. 120—130; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // ЖМНП. 1916. Ноябрь, декабрь. С. 28; *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля России (XVII в.) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1980. С. 142—143.

⁵. *Коллинз С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / Перевод с англ. П. Киревского // ЧОИДР. М., 1846. Кн. 1. С. 19.

⁶. *Кулишер И.М.* История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923. С. 132; *Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 181—187; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... // Морской сборник. 1889. № 10. С. 128—129.

⁷. ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 141; *Кулишер И.М.* История... С. 133.

⁸. *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 174.

⁹. С этого времени каждый, кто не успел продать или променять свои товары во время ярмарки, мог «сложить их в амбары и лавки и торговать по произволу» (*Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 66).

¹⁰. *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 152—153.

¹¹. *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI—XVII веков. СПб., 1909. Приложение 6. С. 270—275.

¹². Там же; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 100—101; *Шаскольский И.П.* Жалованная грамота Михаила Федоровича Любекским купцам 1636 г. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей / Отв. ред. Н.Е. Носов. М.; Л., 1964. С. 360, *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 44—46. И.И. Любименко полагала, что до подписания Столбовского мира со Швецией (1617) англичанам приходилось довольствоваться частными правительственными разрешениями и большей частью торговать с уплатой пошлин и что первая грамота царя Михаила Федоровича на имя губернатора компании Томаса Смита была дана в июле 1617 г. (*Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 12).

¹³. *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 143.

¹⁴. Там же. С. 143, 145.

¹⁵. *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 45—46.

- ¹⁶ *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 155—157, 174—175. В середине XVII в. продажная цена английской бумажной материи в России составляла 1.5—3 р. за кусок, кровельной меди — 4.5—6 р. за пуд, олова — 5—7.5 р. за пуд, писчей бумаги — 1.2—1.4 р. за стопу, перца — 5—8 р. за пуд и т. д. (Там же. С. 174).
- ¹⁷ До 1625 г. Московская компания сохраняла за собой исключительное право на вывоз из России смолы, затем смоляную монополию перехватили нидерландские купцы. Англичане вынуждены были ходатайствовать о свободной покупке смолы «для канатного дела и для корабельной починки» (Там же. С. 159—160).
- ¹⁸ В связи с возросшим внутренним потреблением воска отпуск этого товара резко сократился (Там же. С. 161—162).
- ¹⁹ Несмотря на самые серьезные хлопоты, англичанам не удалось преуспеть в хлебной торговле (Там же. С. 175).
- ²⁰ Там же, С. 158—175.
- ²¹ Там же. С. 181—182. В отличие от англичан, стремившихся к сбыту за границей товаров своей мануфактурной промышленности, голландцы вели посредническую торговлю самыми разнообразными товарами, скупая их не только в европейских странах, но и вывозя из колоний (*Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 год // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1933. № 10. С. 745).
- ²² Записки о России XVII-го и XVIII-го века по донесениям голландских резидентов // Вестник Европы. СПб., 1868. Кн. 8. Август. С. 802.
- ²³ Там же. С. 798, 803; *Кордт В.А.* Очерк сношений Московского государства с Республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. 262—267.
- ²⁴ *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 286; *Кулишер И.М.* История... С. 128.
- ²⁵ *Белое М.И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII века // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 61. По данным С.Ф. Огородникова, Архангельскую гавань посетили в 1600 г. — 21, в 1604 г. — 29, в 1618 г. — 43, в 1621 г. — 67, в 1634 г. — 54, в 1655 г. — 67, в 1658 г. — 80, в 1668 г. — 37, в 1669 г. — 47, в 1670 г. — 30, в 1673 — 33, в 1693 — 49 иностранных кораблей. Большинство из них принадлежало голландцам и англичанам, но были также суда из Гамбурга, Бремена, Дании и Пруссии (*Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 127—128).
- ²⁶ *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 280—281; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 194; *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией и Голландией... С. 736—737, 743—745.
- ²⁷ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 36—37.
- ²⁸ ААЭ. Т. 3. № 17. С. 19—21; *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 102—104; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 47—48.
- ²⁹ Записки о России XVII-го и XVIII-го века... С. 803.
- ³⁰ *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 172.
- ³¹ Там же. С. 209. Тем не менее в 1630/31 г. правительство Михаила Федоровича решительно отказало послам Генеральных штатов, которые добивались режима свободной торговли для нидерландских купцов, а также исключительных прав на вывоз из России хлеба и селитры в обмен за предоставление русской стороне права беспрепятственного вывоза из Нидерландов заповедных голландских товаров (пушек, пищалей, разного оружия, пороха, свинца, других военных припасов) (Там же. С. 234—244).
- ³² См.: Отчет нидерландских послов... С. 97—110.
- ³³ Записи таможенных книг Вологды 1634/35, Тотьмы 1634/35 и Устюга Великого 1633—1636 гг. свидетельствуют, что в то время многие нидерландские купцы продолжали удерживать за собой привилегию платежа торговых и проезжих («проплавных») пошлин в половинном размере. Некоторые из них совсем освобождались от таможенного обложения (см.: Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. / Сост. и авт. введения Е.Б. Французова; Отв. ред. М.Я. Волков. М., 1983. С. 94, 247—248, 281, 358, 375, 379, 425 и др.; Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633—1636 гг. / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 120, 122, 147—153, 289, 291, 293, 295, 540—542, 544—546, 548 и т. д.).

- ³⁴ Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 39, 48—52. Компания Фогелара—Кленка продолжала торговать с уплатой половины таможенной пошлины и после смерти ее основателей, что следует из челобитной «жалованной грамоты» русских торговых людей 1646 г. (см.: ААЭ. Т. 4. № 13. С. 19).
- ³⁵ Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 53—54.
- ³⁶ Мартенс А. Гамбургские купцы в Москве в XVII в. // Немецкие предприниматели в Москве: Сб. статей / Сост. В.А. Ауман. М., 1999. С. 44—54.
- ³⁷ Там же. С. 26—27; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 24—33.
- ³⁸ Захаров В.Н. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // Изв. 1985. Т. 112. С. 184.
- ³⁹ Белов М.И. Россия и Голландия... С. 58.
- ⁴⁰ Кулишер И.М. История... С. 129.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 130; Жордания Г. Очерки из истории... С. 193—197.
- ⁴³ См.: Кулишер И.М. История... С. 129—130. В самом конце XVI в. голландцы изобрели *флейт* — «океанское, но гораздо более экономически эффективное по сравнению с каравеллой судно, которое в течение двух веков доминировало на морях. Голландское превосходство в судостроении было признано так широко, что это побудило царя Петра Великого инкогнито посетить Голландию, чтобы лично изучать науку и искусство судостроения» (Андерссон О.Е. Регионы-ворота мировой экономики: введение // Ворота в глобальную экономику / Перевод с англ. под ред. В.М. Сергеева. М., 2001. С. 10).
- ⁴⁴ Андерссон О.Е. Регионы-ворота мировой экономики. С. 11.
- ⁴⁵ Клинге М. Мир Балтики. Кеуруу, 1995. С. 78. Лишь в XVIII в. Англии удалось потеснить Голландию в торговле с Россией. Однако и после этого российско-голландский товарообмен продолжал возрастать. Если в середине XVIII в. к российским берегам приходило 300—400 голландских судов, то в 1773—3 777 гт. — свыше 600. Не только в первой половине, но даже в 80-х гг. XVIII в. в России существовал вексельный курс исключительно на Амстердам (см.: Кулишер И.М. История... С. 190).
- ⁴⁶ Кордт В.А. Очерк сношений... С. 7, 208.
- ⁴⁷ Любименко И.И. 1) Торговые сношения России с Англией... С. 189; 2) Торговые сношения России с Англией и Голландией... С. 745.
- ⁴⁸ Коллинз С. Нынешнее состояние России... С. 38—39; Любименко И.И. 1) Торговые сношения России с Англией... С. 189; 2) Торговые сношения России с Англией и Голландией... С. 745.
- ⁴⁹ Кордт В.А. Очерк сношений... С. 300; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 198.
- ⁵⁰ Архангельский С.И. Экономическое положение Англии в 50-е годы XVII в. // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1933. № 1. С. 31—60.

4.2. Балтийская торговля

Своеобразно в рассматриваемый период складывались русско-шведские торговые отношения. В условиях Смуты шведы оккупировали Карелию, все земли по течению Невы, а также Новгород, который удерживали с 1611 по 1617 г. На захваченной территории были установлены торговые *преференции* для шведских купцов. Так, согласно памяти новгородским таможенным головам от 2 октября 1612 г. в Новгороде продажные товары, доставленные «немцами свейских городов», подлежали пошлине алтыну с рубля (3%), в таком же размере облагались покупные русские товары, вывозимые «свейскими немцами» из Новгорода. Торговые операции купцов из других стран облагались в двойном размере: «А которые не свейских городов немцы учнут приезжать с товарами, и с

их товаров иметь с рубля по два алтына; а купив товар в Великом Новгороде поедут из Новагорода, и с их товаров иметь с рубля по два ж алтына».¹

Факт льготного таможенного обложения торговых людей из Швеции подтверждается «Таможенной записью 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье» (при впадении Охты в Неву напротив Смольного монастыря), где шведы в 1611 г. построили земляное укрепление, получившее затем название Ниеншанц — Невское пристанище, Невский острог, Невские Канцы, Канцы, Ниен. Весной 1615 г. по распоряжению шведского военачальника Эверта Горна здесь был установлен новгородский таможенный пост, где велено было собирать «государеву таможенную пошлину с торговых немецких и русских людей, которые ездили с Невского устья в Орешек и в Новгород и назад и которые немецкие и русские люди торговые стоя торговали на Невском устье». По утверждению Г.М. Коваленко, «пост в Невском устье стал первой новгородской пограничной таможней. В мае—октябре 1615 г. сюда пришло 14 торговых судов — из Нидерландов, Стокгольма, Норчепинга, Выборга, Ревеля, Нарвы, Ивангорода и других городов. На них везли главным образом продукты питания: мясо, рыбу, масло, хлеб, муку, зерно, соль, мед, сыр, солод, яблоки, а также алкогольные напитки: водку, вино, пиво».² Привозные товары торговых иноземцев оценивались в рублях и облагались по ставке «с рубля по два алтына» (6%), в то время как «свецкие люди» платили пошлину «с рубля по алтыну» (3%). От уплаты пошлин были освобождены товары, поступающие на имя шведских военачальников Якоба Делагарди и Самуила Коброна.³

По условиям *Столбовского «вечного мира»* между Россией и Швецией, вступившего в силу в 1618 г., к Швеции перешла вся Ижорская земля с русским побережьем Балтийского моря, с городами Ям, Копорье, Орешек, а также правый берег р. Нарова с Ивангородом. Таким образом, на многие десятилетия Россия оказалась совершенно отрезанной от Балтийского побережья. В договоре было записано право подданных одного государства свободно и беспрепятственно вести торговлю на всей территории другого государства. Отныне купцы из Шведского королевства могли «вольно и беспомешно» приезжать с торговой целью в любой русский город, им также разрешалось иметь торговые дворы в Москве, Новгороде и Пскове. Освобождения от пошлин при этом не предусматривалось. Их уплату надлежало производить в «прямых таможнях», т. е. по месту торговли.

Русские торговые люди в Швеции наделялись аналогичными правами. В то же время они не имели права выезжать в другие европейские страны. В подвластных Швеции портах им запрещалось вступать в непосредственные торговые отношения с приезжими иностранными купцами. Это закрепляло за купечеством прибалтийских городов Риги, Ревеля, Нарвы, Дерпта, а также Выборга и Стокгольма монопольное право на посредничество в балтийской торговле России со странами Западной Европы. Русские и шведские купцы на территории другого государства могли торговать только в городах. Им запрещалось вести розничную торговлю с ремесленниками, крестьянами и другими категориями населения, кроме торговых людей.⁴

Захват Швецией морского побережья России и всей Восточной Прибалтики вызвал еще одну перемену в балтийской торговле, положив начало прямой русско-шведской торговле.⁵ Если в XVI — начале XVII в. русские торговые люди не бывали в Стокгольме и не вступали в прямые торговые сношения с тамошними купцами, то с 1626 г. начались их регулярные поездки в шведскую столицу. В 1637 г. в Стокгольме был устроен русский гостиный двор, просуществовавший весь XVII в. и ставший единственным местом в Западной Европе, куда ежегодно приезжали десятки торговых людей из Новгорода, Тихвина, Олонца и Ладоги.

С самого начала прямая русско-шведская торговля носила преимущественно активный характер с русской стороны. Шведские купцы, стесненные в оборотных средствах и не имевшие значительного опыта активной морской торговли, в ней почти не участвовали и крайне редко предпринимали торговые поездки через Балтийское море в русские владения. Неудивительно, что под именем торговавших в русских городах «свейских торговых людей» скрывались прибалтийские немцы из Ревеля, Риги и Нарвы.⁶

Соперничая с Англией и Нидерландами в торговле с Россией, Швеция не только стремилась к достижению господства над балтийской торговлей, но также пыталась отвлечь русскую торговлю от Архангельска к Ревелю, Нарве и Ниеншанцу. Большие надежды при этом возлагались на Ниеншанц, населенный шведами, немцами, русскими и ижорцами. Шведский король Густав II Адольф и его

преемники в XVII в. намеревались превратить его в крупный центр экспортно-импортной торговли с Россией. В 1632 г. Ниеншанцу были предоставлены права, льготы и привилегии шведского коронного города. Уже в 1638 г. здесь существовала таможня.⁷ В том же году Ниен получил право вести торговлю с иностранцами и отправлять свои морские суда во все владения Швеции и в зарубежные страны.⁸

Приезжая в Ниен, русские торговые люди останавливались на постоя у местных жителей. Часть товаров распродавалась на месте, остальные вывозились в Стокгольм и другие города Швеции. Важно отметить, что на всем протяжении XVII в. в экспорте русской стороны преобладали ремесленные изделия: простые дешевые ткани (полотно, холст, точиво, крашенина, сермяжное сукно), выделанные шкуры и кожи, кожаные изделия, рукавицы, мыло, ножи, пилы, плуги, поташ и даже селитра. Одновременно вывозились сырые кожи, обработанные меха, лен, пенька, хмель, сушеное мясо, говяжье и свиное сало, сушеная и вяленая рыба, хлеб, транзитный шелк, шелковые ткани и покрывала.⁹

Первое место в русском импорте из Швеции через Ревель, Нарву и Ниеншанц занимала медь различных сортов. В основном она приобреталась в слитках и в виде металлического лома («медь ветошь» или «обрески»). Вывозились также медные деньги и *плоты* — большие доски из высокосортной меди с вычеканенным на них королевским вензелем, которые затем шли на переплавку, листовая латунь («зеленая медь»), медная проволока, готовые изделия — кубы и трубы — оборудование для винокурения, котлы, кувшины, тазы и т. д. Вторым по значению вывозным товаром являлось «прутовое» и «досчатое» (слитки в виде доски) железо. В меньшем количестве в Россию поступали сталь в бочках, кровельное железо и металлоизделия — железные ножи, топоры, лопаты, якоря, гвозди и др.¹⁰

Из цветных металлов ввозились в небольших количествах серебро в слитках и изделиях, олово и оловянная посуда, а также свинец, поставляемый в Стокгольм из Англии, сера и некоторые другие товары. Важнейшим видом металлических изделий были предметы вооружения: пушки, ядра, мушкеты, холодное оружие, доспехи и металлические пластины для их изготовления.¹¹ Однако, как указывал И.П. Шаскольский, «вывоз предметов вооружения производился лишь эпизодически, большей частью в результате официальных сношений между обоими правительствами».¹² Железо, медь и металлические изделия составляли в 1685 г. около 92%, в 1697 г. — более 98, а в 1698 г. — более 95% общей стоимости товаров, вывозимых из Стокгольма русскими купцами. Их доставка осуществлялась в основном на судах новгородских, тихвинских, олонечких и ладожских торговых людей через Ниеншанц. Часть железа и меди поступала в Россию в результате транзитной торговли, при посредничестве немецких и частично шведских купцов через Ригу, Ревель, Нарву и Ниеншанц.¹³

Несмотря на заинтересованность двух стран в торговом обмене, отношения между ними в рассматриваемый период складывались противоречиво, а порой конфликтно, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы. В 1630—1640-е гг. русские люди, торговавшие в шведских владениях, неоднократно обращались с индивидуальными и коллективными челобитьями к русскому правительству, добиваясь защиты своих интересов на территории Швеции. Они требовали «довольной торговли» во всех местах, с представителями всех сословий и со всякими приезжими людьми, добивались права розничной торговли, хотя это расходилось с буквой Столбовского мира, жаловались на повышение пошлин и на то, что их стали взимать не в «прямых таможнях», а в пограничных городах с еще не проданных товаров. Не нравилось им и то, что уплату пошлин заставляли производить не медными деньгами, как раньше, а ефимками, запрещали вывозить из Шведского государства медные деньги и т. п. Русские послы доводили эти и некоторые другие требования до шведской стороны.¹⁴

К числу характерных можно отнести челобитье 1639 г. в Посольский приказ ладожских торговых людей А. Романова и П. Прокофьева. Они жаловались на то, что в Канцах над ними было учинено форменное насилие: тамошний таможенник фактически принудил их уступить соболей за вознаграждение, вдвое уступавшее фактической стоимости пушнины.¹⁵ В 1642 г. в Посольский же приказ обращался новгородский торговый человек Ф. Степанов. Он сообщал, что в Канцах с его непроданного товара взysкивалась пошлина, чего прежде не делалось.¹⁶ В обоих случаях за подписью царя Михаила Федоровича направлялись грамоты шведской королеве Кристине. В одной из ответных грамот Кристине ссылались на свой указ 1642 г., согласно которому купцы, уплатившие налог в Ниене, могли затем беспошлинно торговать в Швеции, располагая прямыми отписями («пасами»), «что с тех их товаров в Невском устье пошлина взята».¹⁷

Купцы возмущались и тем, что, уплатив пошлины в пограничном Ниеншанце и получив там квитанции об уплате пошлин, они не избавлялись от повторного досмотра у стокгольмской пристани привозных русских товаров. Возникали также осложнения другого порядка: «...канецкий таможенник, — указывает Э.Д. Рухманова, — часто умышленно вписывал в "пасы" меньше товаров, чем было на русских судах, и тогда при проверке в других шведских портах таможни конфисковывали излишки русских товаров. Кроме того, канецкие бургомистры стали взимать на свои городские расходы с каждого проходящего на запад русского судна от 50 копеек и выше (в зависимости от размеров судна). При вывозе товаров из Швеции по невшскому пути русские торговые люди платили пошлины в Швеции».¹⁸

В 1640-е—первой половине 1650-х гг. шведские власти отвергали все русские претензии. Вместе с тем в 1643 г. в Ниене было введено льготное пошлинное обложение товаров, привозимых из России: с них полагалось взимать *лицент* — торговую пошлину в размере 2% и *порторий* — вывозную (транзитную) пошлину в размере 1%. Устанавливался фиксированный перечень русских товаров, подлежащих обложению пониженной пошлиной. В нем значились различные меха, бараньи шкуры, юфть, ворвань, окорока, сало, воск, лен, пенька и шелк. «Все остальные товары, — уточнял И.П. Шаскольский, — не вошедшие в этот список, должны были облагаться обычной (более высокой) пошлиной».¹⁹ Шведы также разрешили «повольную торговлю» во время ежегодных городских ярмарок, «когда русским разрешалось вести торговлю оптом и в розницу, и не только с купцами данного города, но и с людьми всех других сословий, и с приезжими крестьянами, и с иноземными купцами, но также только в пределах данного города».²⁰

В 1648 г. в Швеции был принят новый таможенный устав, согласно которому отменялись таможенные пошлины с продажи любых русских товаров, привозимых в Ниеншанц, Нарву и Ревель. Более того, русские торговые люди получили право вести здесь оптовую торговлю с приезжими гостями из третьих стран без посредничества местного купечества, складировать и вывозить любые товары. При этом они были избавлены от платежа пошлин с покупки. Лишь при вывозе их товаров из Ниена, Нарвы и Ревеля морским путем с них взималась незначительная пошлина — *порторий* в размере 2%.²¹ Русским купцам разрешалось торговать в розницу мехами, юфтью, сафьяном. Впрочем, это правило не распространялось на мыло, рукавицы, тюфяки, одеяла и некоторые другие товары, правом продажи которых в розницу обладали лишь подданные шведского короля.²²

По всей видимости, Россия не придавала слишком большого значения всем этим торговым и таможенным уступкам со стороны Швеции. Не смирившись с территориальными потерями, она в 1656 г. начала войну за возвращение Ижорской земли. В ходе военных действий, продолжавшихся до 1658 г., Ниеншанц был уничтожен русской армией и на время прекратил свое существование. «Русские гостиные двory в Стокгольме, Риге, Ревеле и Нарве, — указывал И.П. Шаскольский, — шведские гостиные двory в Новгороде и Москве и использовавшийся шведскими подданными-купцами немецкий гостинный двор в Пскове были закрыты, находившиеся во дворах товары подданных враждебной стороны были конфискованы местными властями».²³

Русско-шведские торговые контакты возобновились после заключения Кардисского мира (1661), который восстановил условия Столбовского договора. Одновременно был расширен перечень внутренних русских городов, где официально разрешалось торговать шведским подданным-купцам. Они могли беспрепятственно приезжать туда по проезжим грамотам, выданным шведской местной администрацией. Русская сторона также взяла на себя безусловное обязательство по выдаче шведским подданным проезжих грамот на обратный проезд с указанием вывозимых товаров. Аналогичные обязательства взяла на себя шведская сторона.²⁴

Однако и после подписания Кардисского мира русско-шведские торговые и таможенные отношения продолжали развиваться сложно, конфликтно, вызывая необходимость в продолжении двухсторонних переговоров. Так, в 1663 г. на дипломатическом уровне до шведской стороны доводилось, что в Стокгольме, Риге, Кольвани, Канцах и других городах Швеции русским купцам чинились «невольности и помешки и задержание в торговле и обиды».²⁵ На переговорах в Плюссе (1666) снова говорилось о многих задержаниях, несправедливостях, «помешках» в торговле, которые приходилось терпеть русским подданным на шведской территории.²⁶

Шведские чиновники по-прежнему препятствовали вывозу из своей страны медной монеты и «плотов», но особенно ефимков и золотых, вырученных русскими торговыми людьми от продажи своих товаров.²² Канецкие таможенники допускали грубый произвол при осуществлении таможенного контроля и таможенного оформления товаров, а также при начислении пошлин. В 1673 г. тихвинские посадские люди рассказывали в Новгородской приказной палате, что и после Плюсского договора в Канцах таможенники переписывали их товар и взимали с него пошлину ефимками любскими и золотыми, «а своими медными деньгами пошлин не емлют».²³ «Таможенник, — отмечает Э.Д. Рухманова, — часто не вписывал в "пасы" некоторые русские товары. Для взвешивания многих весовых товаров он использовал берковцы. Канецкий берковец равнялся 8 пудам, а стокгольмский 10 пудам. В Стокгольме при перевесе обнаруживались излишки товаров, которые конфисковывались в шведскую казну».²⁴

Впрочем, целый ряд обоснованных претензий имела и шведская сторона. Так, русские купцы, ремесленники и крестьяне, годами проживавшие в Канцах, уклонялись от уплаты налогов и повинностей, приходившихся на горожан. Больше того, фактически пользуясь теми же правами, что и местные жители, они продавали в розницу товары не только русского, но также иностранного происхождения (шелк, ткани, бархат и др.). Русских обвиняли и в том, что они привозили в Ниен своих скорняков, жестянщиков и других ремесленников, скупавших в окрестностях города сырье и материалы, которые затем перерабатывались в мануфактурные изделия; последние продавались на местном рынке как импортные товары.²⁵ Отметим и тот факт, обративший на себя внимания шведского правительства, что русские купцы широко скупали у финских ремесленников медные водосточные трубы. Пользуясь тем, что пошлина с вывозимых из шведских владений мануфактурных изделий была намного ниже, чем с необработанной меди, они вывозили и медный лист, предусмотрительно свернутый в трубы.²⁶

Как бы то ни было, экспорт товаров в Швецию через Ниеншанц составлял примерно третью часть балтийской торговли России. К Невскому устью ежегодно приходило свыше 100 купеческих судов, до половины из которых были русскими.²⁷ Торговлю через Ниен продолжали держать в своих руках новгородские, тихвинские, ладожские, олонечские торговые люди, напрямую связанные с купечеством Швеции. Незадолго до начала Северной войны Канцы и Стокгольм начали посещать и небогатые русские торговые люди, ремесленники и даже крестьяне.²⁸ В самом начале Северной войны десятки их были арестованы в Швеции. Одновременно у них было конфисковано товаров на огромную по тем временам сумму — 300 000 р.²⁹ Во второй половине XVII в. ведущими центрами балтийской торговли, ориентированными на российский рынок, по-прежнему оставались подвластные шведскому королю Нарва, Рига и Ревель. В этих прибалтийских городах экономически господствовали немецкие купцы. Имея хорошую организацию и значительные капиталы, они осуществляли торговое посредничество между Россией и странами Западной Европы.

Важным посредствующим рынком в торговле ближайших к ней городов Ливонии и Московского государства с приморскими странами Западной Европы выступала Нарва, отпускавшая товары того же ассортимента, что и Ниеншанц. Основная масса русских тканей, рукавиц и около половины мыла и небольшая часть кож, часть льна, пеньки, рогож, пушнины вывозилась отсюда в Стокгольм, но большая часть льна, пеньки, рогож, пушнины и кож — в Любек и за пределы Балтийского моря.³⁰

В Ригу по Западной Двине и прямой дорогой через Нейгаузен (Новгородок) из России привозили мыло, кожи, хлеб, смолу, лен, пеньку, мед, воск, сало, меха, которые затем переправлялись в Пруссию, Швецию, Данию и Германию.³¹ В Ревель вела удобная сухая дорога из Пскова. Во второй половине XVII в. внешняя торговля составляла в Пскове половину товарооборота, зафиксированного в таможенных книгах. Кожы сырые и деланные прочно занимали главное место в псковском вывозе.³² Русско-прибалтийская торговля через Ригу и Ревель, ориентированная на Любек, отличалась тем, что в ее ассортименте среди отпусковых товаров преобладало сельскохозяйственное сырье, отсутствовали ткани и изделия из кожи.³³

Стремясь ослабить торговую монополию шведов и подвластных Швеции немецких купцов Нарвы, Риги и Ревеля, русское правительство держало курс на укрепление торговых связей с Любеком, а через него — со всей Германией. С этой целью купечеству г. Любек в 1636 и 1652 гг. были выданы жалованные грамоты. Согласно первой из них, «любским немцам» разрешалось не только приезжать в Московское государство «со всякими товарами», но и торговать «повольною торговлею» в Москве (право торговать в русской столице немцам предоставлялось впервые), Новгороде и Пскове. Однако по

сравнению с грамотой 1603 г. отменялась беспошлинная торговля и запрещался передел ефимков и серебра в русские деньги. Грамотой 1652 г. подтверждались условия предыдущей грамоты 1636 г. Лишь англичане, шведы да несколько нидерландских купцов пользовались большей полнотой торговых привилегий.³⁹

Примечания

¹. ААЭ. Т. 2. № 212. С. 271.

². Коваленко Г.М. Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье. Новгород, 1998. С. 6.

³. Там же. С. 6—13.

⁴. ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 1. № 19; *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // ИАН СССР. Отделение обществ. наук. 1932. № 2. С. 96; *Шаскольский И.П.* Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб., 1994. С. 4, 9, 18. Подданные шведского короля и русского царя пренебрегали запретом и торговали в приграничной полосе по селам и по деревням без уплаты таможенных пошлин. По этому поводу правительство Михаила Федоровича заводило переписку с новгородскими воеводами и добивалось, чтобы «свейского короля русские и немецкие люди» торговали исключительно в городах, чтобы «пошлине истери не было» (ААЭ. Т. 3. № 180. С. 262—263; *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998. С. 127).

⁵. История Швеции / Отв. ред. А.С. Кан. М., 1974. С. 224.

⁶. *Шаскольский И.П.* 1) Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в. // *Международные связи России в XVII—XVIII вв.* (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 10—13; 2) *Экономические отношения...* С. 12—13, 61—62, 73—84, 127.

⁷. Э.Д. Рухманова относит учреждение таможни в Канцах к 1642 г. (*Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля по невшскому пути и город Канцы (XVII в.) // *Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сб.* Петрозаводск, 1976. С. 152).

⁸. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 156; *Шаскольский И.П.* Русская морская торговля... С. 138, 143. При этом правительство Швеции не вынашивало планов по перенесению русской торговли из Архангельска на Балтику, хотя идеи такого содержания одно время высказывались в правящих кругах Швеции (*Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 193—297; *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России... С. 62—63).

⁹. *Шаскольский И.П.* 1) Об основных особенностях... С. 16—20; 2) Русская морская торговля... С. 49, 50—53, 167—175; *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 148—150, 156—158. В 1630-е гг. шведам было разрешено производить беспошлинную закупку селитры на «вольном рынке», что было для них весьма затруднительно, поскольку обычно этот товар находился среди заповедных и покупателем его выступала царская казна. В 1639 г. шведскому правительству было предоставлено взаймы три тысячи пудов селитры из казенных запасов сроком на один год (*Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 40—41, 59—60).

¹⁰. *Шаскольский И.П.* 1) Об основных особенностях... С. 22—30; 2) Русская морская торговля... С. 56—77; *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 147, 150—151, 157, 158; *Варенцов В.А.* Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI—XVII веках. Исторический очерк. Документы и материалы. Новгород, 1996. С. 59. Швеция в XVII в. занимала первое место в Европе по производству и экспорту меди и железа. На долю этих двух товаров приходилось свыше 80% шведского экспорта, что позволяло ей держать под контролем соответствующие сегменты европейского рынка (см.: *Шаскольский И.П.* 1) Об основных особенностях... С. 23; 2) *Экономические отношения России...* С. 10, 44—46, 68—71; *Клинге М.* Мир Балтики. С. 78).

¹¹. *Шаскольский И.П.* Об основных особенностях... С. 30—31; *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 148; *Варенцов В.А.* Торговля... С. 59.

¹². *Шаскольский И.П.* Об основных особенностях... С. 30.

¹³. Там же. С. 25—26; *Варенцов В.А.* Торговля... С. 59. Ассортимент западноевропейских и шведских товаров, которые поставлялись в Россию по каналам балтийской торговли, фактически не различался в зависимости от того, ввозились ли они через Ниеншанц или же через Нарву и Ревель (*Шаскольский И.П.* Русская морская торговля... С. 175—177).

¹⁴. См.: *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 153; *Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 88—130.

¹⁵. РШЭО. № 74. С. 111—112.

¹⁶. Там же. № 86. С. 120.

¹⁷. Там же. № 88. С. 122; *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 152. «Раньше, — пишет Э.Д. Рухманова, — русские торговые люди, проезжая через Канцы в Швецию и возвращаясь оттуда, уплачивали пошлины в том пункте, где они торговали, т. е. в Швеции. В Канцах платилась ввозная и вывозная пошлина только за те товары, которые там продавали или покупали русские торговые люди. Теперь русские торговые люди, проезжая через Канцы в Швецию, должны были платить транзитную пошлину в канецкой таможене, которая выдавала "пасы", документы об уплате таможенных сборов» (Там же).

¹⁸. *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 152—153; *Шаскольский И.П.* Экономические отношения.. С. 90—91, 95. Русские купцы и дальше продолжали жаловаться на то, что в Стокгольме их заставляли проходить повторный таможенный досмотр, а «порубежново города канецких воевод и приказных людей письмам не верят» (РШЭО. № 93. С. 130).

¹⁹. *Шаскольский И.П.* Русская морская торговля... С. 143.

²⁰. *Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 94—96, 124—126. Со своей стороны, представители Швеции на переговорах выражали недовольство по поводу того, что в Новгороде их соотечественникам-купцам за складку и хранение товаров на собственном гостином дворе приходилось платить «амбарщину». Шведы возражали против принудительного курса обмена ефимков, неверных весов на торговых дворах. Особенно их возмущал установленный с начала 30-х гг. таможенный сбор в размере 25 коп. с воза, который налагался на извозчиков, перевозивших шведские товары от границы до Новгорода и Пскова, так как это автоматически повышало тариф с каждого воза на четверть рубля, и т. д. (*Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 55, 98—103, 116—118, 123).

²¹. Тем не менее порторий был важнейшей статьёй бюджета Ниеншанца. К примеру, в 1691 г. из общей суммы городского бюджета 5792 талера эта пошлина составляла 3995 талеров (*Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 56).

²². *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Ч. 2. С. 66; *Курц Б.Г.* Состояние России... С. 185; *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 153—154; *Шаскольский И.П.* 1) Русская морская торговля... С. 143—144; 2) Экономические отношения... С. 113, 124, 128. Впрочем, в Ниеншанце русским запрещалось напрямую торговать с приезжими купцами солью, сельдью и вином, так как торговля этими товарами была привилегией канецких горожан (*Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 154).

²³. *Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 133.

²⁴. Там же. С. 163—170.

²⁵. РШЭО. № 167. С. 261.

²⁶. Там же. № 184. С. 299—300; *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700) // ЖМНП. 1898. Май—июнь. С. 345.

²⁷. *Шаскольский И.П.* Об основных особенностях... С. 33. Летом 1659 г. шведские власти «запретили русским торговым людям покупку меди и медных денег в шведских владениях у частных лиц (на вольном рынке); было сохранено право лишь покупать медь и медные деньги у шведской казны по цене, устанавливаемой самим шведским правительством, и в размерах, строго регулируемых правительственными органами» (*Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 152).

²⁸. РШЭО. № 205. С. 331.

²⁹. Там же. № 247. С. 430; *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 162.

³⁰. *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц. С. 119; *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 160.

³¹. *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц. С. 115.

³². *Рухманова Э.Д.* Русско-шведская торговля... С. 151; *Коваленко Г.М.* Русско-шведские отношения в XVII в.: Уч. пособие. Петрозаводск, 1982. С. 33—34.

³³ Рухманова Э.Д. Русско-шведская торговля... С. 158; Коваленко Г.М. Русско-шведские отношения... С. 30; Шаскольский И.П. Русская морская торговля... С. 45—46. В 1703 г. после недельной осады Ниеншанц был захвачен русскими войсками и переименован в Шлотбург.

³⁴ Рухманова Э.Д. Русско-шведская торговля... С. 158—159.

³⁵ Пийримяэ Х.А. 1) Русско-шведские экономические отношения и нарвская торговля в 1661—1700 гг.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тарту, 1962. С. 15—18; 2) Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661—1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли города Нарвы // СС. Таллин, 1962. Вып. 5. С. 41—72, 87—92; 3) Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661—1700 гг. // СС. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 45—60.

³⁶ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 224; Шаскольский И.П. Экономические отношения... С. 13, 64, 84.

³⁷ Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Изв. 1950. Т. 34. С. 203; Хорошкевич А.Л. Из истории русско-немецких торговых и культурных связей начала XVII в. (к изданию словаря Тонни Фенне) // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 36, 42, 47, 56. По мнению И.П. Шаскольского, основными торговыми партнерами псковичей в XVII в. по-прежнему были прибалтийско-немецкие купцы из Риги и Нарвы и в меньшей степени из Ревеля и Дерпта (Шаскольский И.П. Об основных особенностях... С. 14).

³⁸ Пийримяэ Х.А. Торговые отношения... С. 46—50, 72—76, 88—91.

³⁹ ПСЗ I. Т. 1. № 80; Шаскольский И.П. Жалованная грамота... С. 361—363; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 55.

4.3. Торговые связи со странами Востока

Уже в 1614 г. правительству Михаила Федоровича удалось восстановить и нормализовать торговые отношения с Персией.¹ В 1628 г. товары от шаха, привозимые в Астрахань персидскими купцами, были освобождены от пошлин.² Персы, армяне, бухарцы, крымские и ногайские татары, индийцы возобновили поставку в южный русский порт шелковых, хлопчатобумажных, золотых и серебряных парчовых тканей, ковров, шелка-сырца разных цветов, рубинов, бирюзы, жемчуга, ревеня, широких сабель персидской закалки и других товаров. В 1616—1617 гг. Михаил Федорович в переписке с хивинским ханом выражал свое согласие на то, чтобы хивинцы по-прежнему приезжали в Астрахань и другие русские города. В 1620 г. он писал о том же в Бухару.³

Из Персии привозились крашенный шелк-сырец, камки, выбойки, бархаты, зендени и дороги, вышитые золотом и серебром, киндяки, сатин, другие хлопчатобумажные и шерстяные ткани, шелковые платки, ковры, одеяла, сафьян, краска индиго, ладан, нефть, сорочинское пшено (рис) и т. д.⁴ Стремление русского правительства монополизировать торговлю с этой страной, главным образом шелком-сырцом, послужило причиной выдачи 31 мая 1667 г. жалованной грамоты Армянской торговой компании, находившейся в Персии. С этого времени компания могла привозить в Россию шелк-сырец, торговать им, уплачивая пошлины в Астрахани, Москве, порубежных городах и Архангельске, а также вывозить его нераспроданную часть в европейские страны. Русские купцы, лишившись права транзитной шелковой торговли с Европой, стремились вернуть себе все утраченные выгоды и торговые привилегии. Вскоре они добились своего. По царскому указу 1673 г. Армянской компании вновь разрешалось продавать шелк и ткани только русским купцам.⁵ Особенностью торговых сношений с Персией было и то, что русское правительство препятствовало вывозу из страны металлов. Так, по указу от 28 февраля 1677 г. русским торговым людям запрещалось продавать кизылбашским купцам золото в монете и серебро в изделиях; сделки же по олову и меди допускались в пределах до 20 пудов.⁶

Бухарские купцы, которые держали под контролем всю среднеазиатскую торговлю, привозили хлопчатобумажные, льняные, пеньковые и шерстяные материи, кушаки, халаты и, возможно, ремень. С Турцией развивалась сухопутная торговля через Бессарабию: «Турецкие купцы привозили в Москву драгоценные камни и разные ткани и вывозили отсюда кожи и меха, белый моржовый зуб, из которого в Турции искусно делали рукоятки кинжалов».⁷ Из тканей особенно ценился турецкий бархат малинового цвета с золотыми, серебряными или разноцветными шелковыми узорами и малиновые атласы с золотыми узорами, шелковые кушаки, пояски.⁸

Во второй половине XVII в. получили развитие прямые торговые контакты с Китаем. «Русско-китайская торговля, — отмечает А.Н. Копылов, — осуществлявшаяся в первой половине XVII в. из пределов Западной Сибири и главным образом через посредничество среднеазиатских купцов, во второй половине века стала перемещаться из Западной Сибири в Восточную, и в ней стало быстро возрастать участие русского купечества».⁹ Самая старая дорога в Цинскую империю, по которой можно было доехать до Пекина за 4—5 месяцев, вела через Туркестан и Бухару; другой путь пролегал через города Тобольск и Тара, далее вдоль Иртыша к его верховьям, затем через калмыцкие и монгольские степи, но он предполагал путешествие продолжительностью 9—10 месяцев в один конец; в 70-е гг. XVII в. был открыт третий путь, который шел из Селенгинска через р. Кяхта, монгольские степи и пустыню Гоби и позволял купцам обернуться за четыре месяца; наконец, был открыт маршрут от Иркутска, через Байкал, вдоль р. Уда, по рекам Чита, Ингода и Шипка к Нерчинску, а от него водой по рекам Шилка и Аргунь к Цурухайтую и через Маньчжурию в Пекин. Путь от Нерчинска до Пекина можно было преодолеть за полтора месяца. К 1680-м гг. он сделался главным в прямой торговле России с Китаем.

В Китай вывозились в основном сибирские меха, а также разные «русские товары» (сукна, полотно, юфти, кожи цветные, моржовая кость) и отдельные товары из Западной Европы. Однако запрещалось продавать иноземцам и вывозить из страны огнестрельное оружие, свинец и порох. В привозе были: шелковые ткани (камка, атлас, лаудан, фанза, байберек), шелк-сырец и шелковые нитки, хлопчатобумажные ткани (китайка, самца, даба, стамедь), драгоценные камни (рубины, топазы, лалы), серебряная и фарфоровая посуда, мускус («кабардин»), бобровая струя, чай, бадьян и др.¹⁰ При этом очевидность факта наводнения «китайским» товаром рынков сибирских городов позволила О.Н. Вилкову сделать вывод о том, что «в XVII в. Сибирь была экономической колонией не только для "родного" русского центра, но и для китайского соседа, открывшего широкую торговую экспансию на сибирский рынок».¹¹

В 1689 г. между Россией и маньчжурской Цинской империей был подписан Нерчинский договор, который формально узаконил существовавшую торговлю. Однако договор «ни фактически, ни юридически не определил русско-китайскую границу в Приамурье».¹² После его подписания «цинское правительство по-прежнему чинило препятствия и ограничения торговым делам и не разрешало китайским купцам выезжать в Россию».¹³ В 1693 г. цинское правительство издало «Правила сношений с русскими», касавшиеся торговых, политических и пограничных вопросов. «Относительно торговли, — отмечает Е.Л. Беспрозванных, — в "Правилах" говорилось: "Когда русские купцы будут приходить в Пекин для торговли, их число не должно превышать 200 человек, и они должны приходить только 1 раз в 3 года. Они должны пользоваться собственными лошадьми и верблюдами. Их товары не должны облагаться пошлиной, но и они не должны торговать контрабандными товарами. По прибытии в Пекин они должны селиться в "русском доме" и могут оставаться в Пекине 80 дней. Провианта от казны они получать не будут"».¹⁴ В 1698 г. Петр I повелел отправлять караван из Москвы в Нерчинск не ежегодно, а через год, чтобы избежать наплыва в восточный острог русских товаров и падения на них цены.¹⁵

В связи с перемещением центра тяжести крупной сибирской торговли в конце XVII в. произошло резкое падение доходов внутренних таможен Сибири (Тобольской, Енисейской и др.) при одновременном увеличении поступлений от деятельности других таможен — Иркутской и Нерчинском основанных в 1682 и 1684 гг. соответственно.¹⁶ В значительной степени этим было обусловлено появление «пошлинных статей» для Сибири 1693 г., а затем «новых таможенных статей» 1698 г., подробно регламентировавших не только внутреннюю, но и внешнюю торговлю с Китаем.¹⁷

Примечания

¹ Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 113.

² Костомаров Н. Очерк торговли... С. 46.

³ Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 196. Право торговли бухарских и хивинских купцов в России затем неоднократно подтверждалось московским правительством (Там же. С. 196—197).

⁴ См.: Куриц Б.Г. Состояние России... С. 155.

- ⁵. ПСЗ I. Т. 1. № 409, 514, 539; *Восканян В.* Новоторговый устав и договор с Армянской торговой компанией // Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки. 1947. № 6. С. 29—43. В 1673 г. Армянской компании была выдана новая жалованная грамота, согласно которой ее представители могли привозить из Персии шелк-сырец в Россию «и продавать русским купецким людям повольную цену; а если чего русские купецкие люди не покупают, и те товары имать в государеву казну по договорной цене» (ПСЗ I. Т. 1. № 539).
- ⁶. ПСЗ I. Т. 2. № 678.
- ⁷. *Олеарий А.* Описание путешествия... С. VIII; *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 354, 361—362; *Трусевич Х.* Посольские и торговые сношения России с Китаем до XIX в. М., 1882. С. 12—14; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 207—208; *Кулишер И.М.* История... С. 133—134.
- ⁸. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 294, 297, 298.
- ⁹. *Копылов А.Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в.: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М., 1961. С. 359.
- ¹⁰. ПСЗ I. Т. 3. № 1474, 1654; *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера... С. 153; *Яковлева П.Т.* Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 125—126, 132, 135—136. В 50—60-е гг. XVII в. «камки китайские» и другие шелковые материи составляли примерно 90% в русском импорте из Китая (*Трусевич Х.* Посольские и торговые сношения... С. 268).
- ¹¹. *Таможенные книги сибирских городов XVII века: Сургут и Тара* / Гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 16.
- ¹². *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М., 1983. С. 57.
- ¹³. *Яковлева П.Т.* Русско-китайская торговля... С. 133.
- ¹⁴. *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье... С. 65.
- ¹⁵. ПСЗ I. Т. 3. № 1654. Всего за время с 1693 по 1718 г. в Китае побывало 10 русских казенных караванов, причем частные торговцы до 1706 г. могли провозить свои товары вместе с казенными (*Беспрозванных Е.Л.* Приамурье... С. 72).
- ¹⁶. *Яковлева П.Т.* Русско-китайская торговля... С. 124, 138; *Копылов А.Н.* Таможенная политика... С. 359.
- ¹⁷. ПСЗ I. Т. 3. № 1474, 1654.

4.4. Внешнеэкономический и таможенный потенциал Архангельской ярмарки

Западноевропейские страны постоянно нуждались в полуфабрикатах, сырье и продовольственных товарах из России и вывозили их в больших количествах. Однако точное количество отпускаемых за границу русских товаров установить практически невозможно. По оценке А.В. Демкина, «общий тоннаж торгового флота, направлявшегося ежегодно в европейские порты с русскими товарами, колебался в пределах 4000—24 000 тонн».¹ Согласно сохранившейся «Росписи товаров, вывозимых за один год из Архангельска» (датируется концом 30-х—началом 40-х гг. XVII в.), экспортный потенциал северного порта составлял 430 500 р.² По мнению Э.Д. Рухмановой, основная масса русских отпускных товаров имела ремесленное происхождение. «Больше всего, — отмечает она, — вывозилось мехов — на 200 000 руб. (46.5% суммы вывоза). Это, прежде всего, соболя, затем лисы и бобры. Меха шли на экспорт почти всегда в обработанном виде <...> Значительной частью вывоза была красная и белая юфть, или юхта, особый сорт мягкой кожи. Особенно ценилась белая юфть, очень дорогая кожа, которую выбеливали особым сложным способом, применяя при выделке глину, поташ».³

В числе важных отпускных товаров также фигурировали *сафьян* — выделанная козловая кожа различных сортов; *русское сукно*, или ватман; *крашенина* — крашеный и лощеный холст, чаще всего синий; добротное льняное полотно разных цветов; *тик* — плотная льняная ткань с рисунком в виде продольных полос, служившая обивочным материалом, для изготовления матрацев, тюфяков и т. д.⁴ По оценке Э.Д. Рухмановой, стоимость продовольственных и сырьевых товаров составляла 98 500 р., или

23.6% объема экспорта. В их числе фигурировали: сало московское, ярославское, костромское, вологодское, устюжское, тотмское, холмогорское; пенька, а также лен-сырец, льняное чесаное волокно, кудель, льняное семя и пакля из Псковской, Новгородской, Костромской, Ярославской и Вологодской земель.⁵

Ценным источником, позволяющим судить об архангельской торговле середины XVII в., также является сохранившаяся выписка из Архангельских таможенных книг с перечислением товаров, которые ежегодно вывозились из Архангельского порта в начале 1650-х гг., с указанием их количества и стоимости. Документ был отправлен из Ревеля в Стокгольм Родесом и получен королевской канцелярией 6 ноября 1653 г.⁶

Согласно выписке, товары в зависимости от фиксированной величины их таможенной стоимости располагались в следующем порядке: выделанные кожи (юфть и сафьян) — 336 065 р., или 28.9% от всей суммы вывоза; хлеб (рожь, ячмень и пшеница) — 250 000 р., или 21.5%; сало — 126 588 р., или 10.9%; поташ — 120 000 р., или 10.3%; меха (соболь, белка, куница, норка, лисица и др.) — 98 059 р., или 8.4%. Как можно заметить, на долю этих товаров приходилось почти 80% русского вывоза. Список экспортных товаров продолжают кожи (лосиные, козловые, бараньи, телячьи, воловьи), шпик и мясо, персидский шелк (транзитный товар), черная икра, свиная щетина, полотно, воск, москательный товар (бобровая струя, ремень, агарик), хлопчатая бумага, холст, рогожи, бобровая шерсть, ворвань, смола, деготь, слюда и др. Общая стоимость архангельского отпуски оценивалась Родесом в 1 164 676 р.⁷ «За исключением кож, полотна и грубого крестьянского сукна (иностранцы называли его ватманом), — указывал К.В. Базилевич, — все остальные товары представляли собой сырье, получавшееся в сельском хозяйстве или являвшееся продуктами *лесных промыслов*, звероловства и рыболовства».⁸ Напротив, акцентируя внимание на вывозе из страны «изделий русского ремесла и промыслов», Э.Д. Рухманова настаивает, что ремесленная продукция (выделанные кожи, меха, полотно, ватман, слюда, мыло, перчатки и рукавицы) составляла в русском экспорте приблизительно 40%, а с «лесными товарами» (поташ, смола, деготь, воск) — 52%.⁹

Анализируя документ, составленный Родесом на основе записей Архангельской таможи, К.В. Базилевич допускал, что он мог и не быть типичным для других лет.¹⁰ Так, в списке шведского резидента отсутствовала пенька, тогда как отпуск ее был значительным: в 1636 г. только англичанами было отправлено к Архангельскому порту из Холмогор 24 120 пудов пеньки, а в 1637 г. было отправлено из Вологды в Холмогоры 25 760 пудов пеньки. По данным московских таможенных книг, с 1 ноября по 14 мая 1667 г. голландцами было отправлено из Москвы в архангельском направлении около 30 000 пудов пеньки. Однако если принять во внимание среднюю цену пеньки на внутреннем рынке по 4 р. за берковец (163.8 кг), то этот вывоз не должен был превышать 10—12 тыс. р.¹¹ Следует обратить внимание и на то, что Россия в 1667 г. заключила торговое соглашение с Персией, по которому подданные шаха получили право непосредственно один раз в три года доставлять в Архангельск примерно по 900 пудов шелка-сырца на сумму в 40 500 р.¹²

С точки зрения выяснения структуры и масштабов русского экспорта через Архангельский порт несомненный интерес представляет «Перечень товаров, вывезенных из Архангельска, вместе с их ценами и стоимостью, в 1655 году», отправленный в том же году из России Кромвелю английским послом Вильямом Придо.¹³ Объем экспорта в том году вследствие сильной эпидемии чумы был сравнительно невелик, составив всего 663 250 р. По-прежнему главным отпускным товаром значилась красная юфть стоимостью 225 000 р., на долю которой приходилось 33.9% суммы вывоза. (По свидетельству этого англичанина, обыкновенно выделанных кож отпускалось не 50, а 90—100 тыс. пудов на сумму 405 000—450 000 р.). Стоимость поташа составляла 162 000 р. (24.4%), мехов — 110 000 р. (16.6%), сала — 54 000 р. (8.1%). За ними (по мере убывания удельного веса в структуре экспорта) следовали: кожи, икра, канатная пряжа, персидский шелк, судовые снасти и канаты, свиная щетина, ремень, льняной холст и сукно, воск, смола и т. д.¹⁴

Свидетельство о русской торговле в 1674 г. шведа Иоганна Кильбургера также позволяет утверждать, что в 1660—1670-е гг. количественные показатели и сама структура экспорта из России существенно не изменились (среди отпускных товаров кожи составляли 46.8%, а лосины — 4.7%), а сумма годового архангельского вывоза превышала миллион рублий.¹⁵

Совокупный годовой объем русского экспорта во второй половине XVII в. составлял 1.5—1.8 млн р.¹⁶ Примерно 75% внешнеторгового оборота России осуществлялось через Архангельск.¹⁷

Экспортный и таможенный потенциал Архангельска непрерывно возрастал. Если во второй половине XVII в. он не всегда достигал и 1 млн р., то в первом десятилетии XVIII в. среднегодовой вывоз (экспорт) через Архангельск в среднем составлял 1.6—1.7 млн р. Своего апогея внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки достиг в 1715 г., когда к северному порту пришло 230 иностранных судов, а сумма таможенных сборов достигла 286.6 тыс. р.¹⁸

В начале XVIII в. номенклатура отпускных товаров насчитывала около 40 наименований. Главными из них по-прежнему были юфть, пенька, говяжье сало, льняные ткани. На их долю в 1710 г. приходилось 78.3%. Однако соотношение основных группировок экспортных товаров изменилось: продуктов сельскохозяйственного производства (сырья) вывозилось примерно на такую же сумму, что и предметов промышленного, мелкотоварного производства (изделий), к числу которых относились юфть, поташ, льняные ткани, канаты, веревки, рогожи, смольчуг, смола, мыло, клей-карлук и др. В 1710 г. в структуре русского вывоза через Архангельск доля первых составляла 47.5%, а доля вторых — 44.4%.¹⁹

Основные группы привозных товаров определились еще в XVI в. и в рассматриваемый период не претерпели каких-либо изменений. Увеличилось лишь число товарных подгрупп и товарных позиций. Согласно счетным выписям иностранных купцов, составленным в Архангельской таможене в 1710 г., весь ассортимент импортных товаров насчитывал свыше 500 наименований, «в том числе 73 вида тканей, 58 видов галантерейных изделий, 47 — посуды и утвари, 20 — одежды и обуви, 38 — красок и химикалий». ²⁰ Больше всего (82.2%) в том году через Архангельск было ввезено шерстяных тканей, металлов, химических, винно-водочных и шелковых изделий.²¹

Стоимостная же оценка русского импорта из-за недостаточности источников поддается лишь весьма приблизительному определению. Если из донесения английского посла в Москве В. Придо следует, что в 1655 г. в Россию через Архангельск было ввезено товаров на 2 млн талеров, а через Нарву и Ригу — более чем на 200 тыс. талеров, т. е. более, чем на 1 млн и на 100 000 р. соответственно,²² то, согласно счетным таможенным выписям, на Архангельской ярмарке в 1710 г. западноевропейцами было продано товаров на сумму в 1 233 141 р.²³ По подсчетам же Н.Н. Репина, импортный товарооборот Архангельска в 1704 г. составил 955 800 р., а в 1710 г. — 1 207 809 р.²⁴

Во-первых, в XVII в. западноевропейские купцы привозили в город на Северной Двине разные текстильные материалы: 1) *шерстяные ткани (сукно)*: брюкиш, полубрюкиш, аглинское (английское), полуаглинское, лундыш (лондонское), ипское или ипрское (из г. Ипр), свицкое (шведское), голландское, анбурское или амборское (гамбургское), тангермондское (из округа Магдебург), лимбарское (лимбургское), брабантское, шарлат или скорлат (французское), скотцкое (шотландское), муравское (моравское), четцкое (богемское), утрофим (утрехтское), настрафиль, еское, новоесское, рословское (из Згожельца), колтырь, кострыш, трекунское, поперингское или новогонское (из Фландрии), шебединское, мехельское, влосское (итальянское), мышенское, лятчина или летчина (польское), еренка, еренга или яренки (ирландское), каразея (из *Kersey* в графстве Кент), облякиш, гловское, инбарское, жеганское (из Нижней Силезии), колтырь, ватман (сермяжное сукно серого цвета), стамед или стамбред, камлот, трип (шерстяной бархат), дерюга, саржа, раш (плотная саржа без ворса), кронраш, кирза, фирлот, мoger; отдельные сорта тканей различались по цветам: багрец, кармазинная, полукармазинная, светло-серая, фрянцовская черная и т. д.;²⁵ 2) *шелковые ткани* (особенно во второй половине XVII в.): парча; бархат венецикий, бурский, бурматный, литовский, красный, вишневый, черный; камка венецикая, бурская, цветная, евская, куфтерь (особый сорт камки); коломенка; адамашка немецкая, есская, итальянская, амстердамская и т. д.; обьярь золотая и серебряная; отлас или атлас амстердамский, голландский, болонский, красный, лазоревый, травчатый, нетравчатый;²⁶ муар; тафта шамская (из Шемахи), бурская, веницейская, немецкая, таканская или такадская (из Токата), лукская, зеленая и лазоревая; мухояр, саржа, сатин, штоф, гробгрин и т. д.; 3) *хлопчатобумажные ткани* (особенно во второй половине XVII в.): мухояр (употреблялся преимущественно на покрывку шуб и верхних одежд), гарус, бумазея, бумбазены, бомбазин, киндяк (крашенная набойчатая ткань), миткаль, байка, плис и т. д.

Во-вторых, важной статьей привоза были металлы и металлоизделия, ассортимент которых также был значительным: 1) *железо* белое листовое, проволока, железные гвозди; ножи стырские, Чацкие (датские), свицкие (шведские), угорские; ножницы, висячие замки, иголки, булавки, котлы, топоры, косы; мушкетеры, самопалы, алебарды, протазаны, сабли, панцири и т. д.;²¹ 2) *медь* красная и желтая однопечатная, труппчатая; красная котельная, зеленая в котлах и в тазах, колокольная, кровельная; медная проволока, тазы, лохани, братины, струны, трубы, рукомошники, паникадила, колокола и т. д.; 3) *олово* брусчатое (брусками), лычное (полошовое), рогожное (свертками), прутшовое; оловянная посуда: блюда, тарелки, чашки, стаканы, кружки и т. д.; 4) *свинец*;²² 5) *золото* (нюрнбергское, венецианское, миланское, гамбургское) и *серебро* в монете, слитках (прутьях) и изделиях; золотая и серебряная посуда (кубки, братины, стопы, ковши, солонки, чарки, кружки), украшения (кольца, перстни, серьги, пуговицы, бляхи и т. д.); золото и серебро пряденое, волошовое, цевочное (для вышивания), а также канитель, проволока (венецианская и голландская), бить, галуны, фольга или блестики, мишура (поддельное золото или серебро) и т. д.

В-третьих, следует выделить и такой раздел товаров, как химические продукты, краски, красители, дубильные вещества: лазоревая и стенная (краски), бакан, сурик, ярь, белила, сурьма, киноварь, сулема (ртути хлориды), квасцы, индиго, купорос, бура, сера, ртуть, мышьяк, скипидар, ладан (темьян); сандал желтый, синий, красный, чернильные орешки.

В-четвертых, важную статью привоза составляли алкогольные напитки и уксус: мускатель, романея, аликанте, Канарское, бастер или бастр, малвазия, испанское, французское, ренское или рянское, жунское, церковное красное, разные водки и т. д.; уксус романейский, ренский (с травкой и без травки) и т. д.

В-пятых, значительным разнообразием отличается продуктовый раздел: сахар головной белый и желтый, коробчатый, на спицах, горшечный (мелис); сахар на гвоздике, на корице, на миндальных ядрах, на имбире; леденец белый и красный, имбирь в патоке; винные ягоды, изюм, финики, вареный имбирь, вареные в сахаре лимоны и арбузы, оливки, лимоны, чернослив, сушеная слива и груши, грецкие орехи, миндальные ядра; перец черный и дикий, имбирь сухой, корица, гвоздика, шафран, мускат, мускатный цвет, анис, камфора; масло деревянное, сельдь, «сарацинское пшено» (рис) и т. д.

В-шестых, в незначительном количестве привозились: яхонты синие (сапфиры) и красные (рубины), лалы (шпинели), изумруды, вареники (аметисты), бирюза, бечеты (гиацинты), ящурь, достоканы (топазы), винисы (гранаты) и другие драгоценные камни; жемчуг бурмитский и зерновой; стекло, хрусталь, фарфор, гребни слоновой кости, зеркала, бутылки, посуда; бумага и бумажные товары, например игральные карты; ленты, шляпы, гребни и другие потребительские товары, а также шкурки канадского бобра, китовый ус и т. д.²³

Примечания

¹ Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 72.

² Флоря Б.Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // СВ. 1973. Вып. 36. С. 144; Рухманова Э.Д. Архангельская торговля... С. 145.

³ Рухманова Э.Д. Архангельская торговля... С. 145—146. В первой половине XVII в. отечественная промышленность достигла больших успехов в производстве юфти, служившей основным материалом при изготовлении обуви, сумок, седел и т. д. С 30-х гг. Россия обеспечивала этим товаром едва ли не всю Европу. Центрами юфтяного производства, удовлетворявшими постоянно возраставший спрос на «русскую кожу», были Ярославль, Кострома, Вологда, Нижний Новгород, Суздаль, Шуя, Псков (Русская история в очерках и статьях / Под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912. Т. 3. С. 315; Рухманова Э.Д. Архангельская торговля... С. 146).

⁴ Рухманова Э.Д. Архангельская торговля... С. 146—147.

⁵ Там же. С. 147. Представляется, что Рухманова искадила направленность русского экспорта, включив «мягкую рухлядь» в число произведений ремесла. Меха все же относились к числу продуктов лесных промыслов, несмотря на то что основательная обработка сближала их с ремесленными изделиями.

⁶ Рухманова Э.Д. Архангельская торговля... С. 147.

- ⁷. См.: *Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 163—167. Обобщая сведения других торговых иноземцев, В.О. Ключевский полагал, что в XVII в. главными отпускными товарами из России по-прежнему были мед, воск и меха. Не оспаривая свидетельства Олеария о продаже «в иные годы» русскими купцами за границу мехов более чем на миллион рублей, он допускал, что вывоз мехов даже усилился (*Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 225).
- ⁸. *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 96. Базилевич выделял все кожи вообще (не только обработанные, но и сырые) в одну товарную группу с удельным весом 32.2% к общей стоимости вывоза.
- ⁹. *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля... С. 148.
- ¹⁰. *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 95. По свидетельству Родеса, прибывшему в Архангельск летом 1652 г., в 1652—1654 гг. торговля на Севере России переживала спад из-за англо-голландского морского соперничества (*Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 125—126, 131, 132, 139, 238—239).
- ¹¹. Там же. В списке Родеса также отсутствовали данные о вывозе через другие пограничные пункты: Новгород, Псков, Смоленск, Путивль, Свинскую ярмарку и Астрахань, хотя известно, что отдельные товары (например, пенька и лен) в больших количествах отпускались через Новгород и Псков; огромные партии мехов проходили через Смоленск, Вязьму и Свинскую ярмарку.
- ¹². *Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 151, 153, 167.
- ¹³. Э.Д. Рухманова полагает, что этот документ «является выпиской из архангельской таможенной книги 1655 г. и представляет собой сводную ведомость, которая содержала сведения о русских товарах, отправленных в Западную Европу в 1655 г.» (*Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля... С. 151).
- ¹⁴. *Архангельский С.И.* 1) Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в. // Исторический сборник. М.; Л., 1936. С. 125, 140; 2) Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // Изв. 1939. Т. 5. С. 139—140; *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля... С. 149—151. В вывозе 1655 г. по-прежнему не было пеньки, хотя в отдельные годы поставка этого товара за границу были значительной. Так, в 1662 г. из Архангельска было отпущено 199 153 пуда пеньки на сумму почти в 100 000 р. (*Репин Н.Н.* К вопросу о связи внешнего и внутреннего рынка России во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Архангельского порта) // Вестн. МГУ. Серия 9. История. 1970. № 6. С. 63).
- ¹⁵. *Кильбургер И.* Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России // *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера... С. 93—107; *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля... С. 151; *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. I. С. 99.
- ¹⁶. *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 96.
- ¹⁷. См.: *Буганов В.И.* Мир истории. Россия в XVII в. М., 1989. С. 72.
- ¹⁸. *Репин Н.Н.* 1) Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 178; 2) Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты): Учеб. пособие. Омск, 1989. С. 14, 24.
- ¹⁹. *Репин Н.Н.* 1) Изменение объема... С. 185; 2) Внешняя торговля через Архангельск и Петербург в 1700—начале 60-х годов XVIII в.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1986. С. 19; 3) Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России... С. 24—27. Одной лишь юфти из Архангельска в Западную Европу вывозилось: в 1702 г. — 147.1 тыс. пудов за 588 400 р., в 1703 г. — 186.2 тыс. пудов за 744 800 р., в 1710 г. — 150.6 тыс. пудов за 602 400 р. (см.: *Козинцева Р.И.* Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Изв. 1973. Т. 91. С. 275).
- ²⁰. *Захаров В.Н.* Торговля... С. 193.
- ²¹. *Репин Н.Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России... С. 36.
- ²². *Архангельский С.И.* Экономическое положение... С. 55.
- ²³. *Захаров В.Н.* Торговля... С. 194.
- ²⁴. *Репин Н.Н.* 1) Внешняя торговля через Архангельск... С. 20; 2) Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России... С. 38.

²⁵. «Чаще всего, — указывает А.В. Демкин, — в таможенных книгах и росписях товаров сукна указывались в кипах, поставах, косяках и половинках. Одна половинка могла состоять из 20—50 аршин сукна. Косяк был равен или уступал поставу. В поставе объединялись две половинки, а кипа сукна включала в себя 10—20, а иногда и более, половинок» (Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Ч. 1. С. 77).

²⁶. Бархат, камка, обьярь, атлас, вышитые или вытканые золотом и серебром, относились к числу наиболее ценных шелковых тканей.

²⁷. Ввоз в Россию металлов, металлоизделий, оружия и боеприпасов из Голландии, Англии, Швеции и других европейских стран находился под особым контролем правительства, которое запрещало продавать «татарам и прочим инородцам» железо, медь, олово, свинец, панцири, доспехи, шеломы, сабли, копыя, «зелье пушечное и пищальное», «серу горячую» и др. На местах за этим следили таможенники и воеводы. Однако, поскольку продажа оружия была весьма прибыльным делом, торговые люди вели ее незаконно, даже «несмотря на опасность потерять жизнь» (ААЭ. Т. 3. № 241. С. 362; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 198; Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. С. 173).

²⁸. При царе Алексее Михайловиче всякий мог свободно покупать свинец, только записывая в таможене, и привозить в Москву для обмена в казне на деньги (Костомаров Н. Очерк торговли... С. 201).

²⁹. ААЭ. Т. 1. № 331; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 188—299; Кордт В.А. Очерк сношений... С. 282—283; Ключевский В.О. Сказания иностранцев... С. 221; Куриц Б.Г. Сочинение Кильбургера... С. 331—340; Флоря Б.Н. Торговля России... С. 146—150; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Ч. 1. С. 77 и др.

4.5. Деньги и денежное обращение. Таможенный доход России

В ходе денежной реформы, проводившейся в конце 1612 — начале 1613 г., правительство царя Михаила Федоровича приступило к чеканке копеек по четырехрублевой стопе с весовой нормой 0.51 г. Это привело к тому, что легковесные монеты нового образца стали постепенно вытеснять копейки Ивана Грозного и его преемников, чеканенные по трехрублевой стопе. В последующие годы весовая норма копейки продолжала снижаться: в 1618—1622 гг. до 0.50 г; к концу 1625 г. до 0.49 г; в 1626 г. до 0.48 г, а фактически до 0.45—0.46 г. Одновременно подскочила цена талера, за который вскоре стали давать 48—50 копеек. В стремлении предотвратить вывоз за границу тяжеловесной монеты правительство в 1620 г. запретило русским торговым людям расплачиваться ею с иностранцами и менять на привозные деньги иностранного происхождения, включая *ефимки*. После 1626 г. из талерного серебра перестали выжигать примеси и доводить его чистоту до 960-й пробы. Копейки стали чеканиться из серебра «талерной пробы», которая варьировалась от 800 до 960. В результате выход копеек при переделе одного талера подскочил с 50—52 до 56—64. Неудивительно, что старую копейку продолжали скупать у населения и выводить из обращения.¹

В середине XVII в. правительство царя Алексея Михайловича (1645—1676) приступило к чеканке крупных серебряных монет, ориентируясь на величину немецкого талера. Трудно согласиться с мнением, что потребность в монете более крупной, чем копейка, была вызвана успехами внешней торговли, поскольку внешнеторговый баланс страны в 1653 г. приобрел резко выраженный пассивный характер.² Скорее мысль о введении в денежное обращение монет крупного номинала возникла у правительства в связи с восстанием Богдана Хмельницкого в 1648 г., предстоящей войной с Польшей и необходимостью снабжения армии на территории Украины и Белоруссии, т. е. за пределами старой государственной границы. Заманчивым представлялся и фискальный результат такой денежной операции.³

Как бы то ни было, царским указом от 8 мая 1654 г. повелевалось перечеканить 893 620 привозных талеров в русские рубли, для чего предусматривалось сбить немецкие клейма «наглатко» и «учинить на ефимках чеканы против денег». Прямым результатом деятельности по изготовлению *рублевых ефимков* и *четвертин полуполтинников* («четвертков»), приравнивавшихся 25 коп. (доходность операции составляла 100%), стало обесценение рубля, фактическая стоимость которого упала до 56—64 коп. Иностранцы начали подделывать рублевые ефимки, внося в счет таможенных платежей один поддельный рубль вместо двух следуемых ефимков. Одновременно возникли непреодолимые технические затруднения, связанные с чеканкой серебряных рублевых ефимков.⁴

В 1655 г., когда обнаружилась ошибочность затеи с чеканкой неполноценных рублей, начался выпуск *ефимков с признаком* (талера с круглым «копеечным чеканом») и прямоугольным клеймом с

датой «1655»), получивших официальную оценку в 64 коп. «Таким образом, — отмечал И.Г. Спасский, — клейменный ефимок становился полноценной монетой: он уравнивался на весах именно шестидесятью четырьмя копейками». ¹ Одновременно клеймились и получали ту же цену *голландские патагоны*, хотя они покупались по 48 коп., т. е. по более низкому курсу, чем талеры, которые официально котировались по 50 коп.

В литературе существуют различные точки зрения относительно принудительной котировки «ефимка с признаком» в 64 коп. По-прежнему преобладает мнение, что «ефимки с признаком», чеканившиеся на Старом Московском денежном дворе, «приравнивались к 64 копейкам, т. е. к тому количеству серебряных копеек, которое по весу было эквивалентно весу талера». ² Однако еще И.И. Кауфман ставил под сомнение факт чеканки 64 коп. «ефимочной пробы» из одного талера. Он утверждал, что «ефимок с признаком» массой 28.438 г (средний вес покупного талера) уравнивался лишь 58 коп.: «В серебряной копейке, — полагал он, — было $10\frac{2}{3}$ долей, а в ефимке — 640 долей. Следовательно, ефимок собственно стоил $640 : 10\frac{2}{3} = 58 \frac{2}{11}$ копейки. Чтоб увеличить прибыль казны, увеличили стоимость ефимка до 64 копейки». ³ Нельзя также исключить, что, выпуская «ефимки с признаком» по 64 коп., Алексей Михайлович имел в виду сравнить их с национальной валютой страны-противника, т. е. с польскими талерами (злотыми), ценившимися по 64 коп. ⁴

Возможно, что после 1654 г. рублевые ефимки были приравнены к «ефимкам с признаком» и ходили вместе с ними по 64 коп., а полуполтинники или *четвертки* — по 16 коп. ⁵ Однако нельзя исключить, что рублевые ефимки до 1658—1659 гг. ходили по 100 коп. В защиту этой версии в свое время приводились два аргумента: во-первых, правительство под угрозой наказания принуждало принимать рублевые ефимки, «почем даваны из государевой казны»; во-вторых, именно эта монета, отличавшаяся явно завышенной ценой, вызывала наибольшее недоверие населения, которое спешило избавиться от нее в первую очередь. ⁶

Война с Польшей за обладание Украиной, которую начал Алексей Михайлович в 1654 г., вызвала резкое увеличение государственных расходов. Дорого обходились реорганизация армии, развертывание новых формирований стрелецких, драгунских, рейтарских и солдатских полков. Приходилось платить иностранным военным специалистам, закупать в больших размерах оружие и военное снаряжение и т. д.

Изыскивая необходимые средства в условиях, когда сорвалась попытка внешнего займа в Венеции, правительство не ограничилось усилением косвенного обложения. С 1655 г., следуя предложению царского постельничего боярина Ф.М. Ртищева (в числе инициаторов монетной реформы также называют патриарха Никона и думного дворянина А.Л. Ордина-Нащокина), оно начало систематически выпускать в обращение медные полтинники, полуполтинники, гривенники, затем «проволочные» грошевики, алтынники, копейки и другие мелкие монеты, которые по виду и массе не отличались от серебряных и ходили по нарицательной стоимости последних. Так началась история медных денег. Если не считать расходов, связанных с чеканкой новой монеты, «чистый» доход от ее выпуска должен был составить 3 952 000 р., а с учетом дохода от перечеканки серебряных ефимков — около 4 175 000 р. Это была огромная сумма, приблизительно в два раза превосходившая общий государственный бюджет в последней четверти столетия и почти в 10 раз — расход на содержание полков иноземного строя во время Смоленской кампании 1654 г. ⁷

Правительственные указы предписывали принимать медную монету с принудительным курсом при погашении казенного долга и уплате всех пошлин и налогов, а торговым людям торговать ими «без всякого сум-ненья». Впрочем, новая денежная система вводилась исключительно для Европейской России. Закон категорически воспрещал обращение медных денег в Сибири. Расчеты с иностранцами по внешней торговле также надлежало производить «звонкой» монетой. ⁸

Несмотря на то что рыночное отношение серебра к меди составляло тогда 60—62.5: 1, «металлические кредитки» первое время заменяли серебряную монету. Встреченные с недоверием, они тем не менее ходили первое время *al pari* (наравне) с серебряными монетами. (Всего за девять лет было выпущено и поступило в сферу обращения примерно 20 000 000 медных р.) Казна получила громадную выгоду, так как фактическая стоимость меди, необходимой для чеканки монеты на 100 р., составляла всего 160 д., т. е. меньше рубля. ⁹

Однако вскоре правительственный контроль над выпуском медной монеты стал ослабевать. Это вело к тому, что, с одной стороны, количество медных денег в обращении стало превышать потребность в денежных знаках. С другой стороны, серебро «вымывалось» из обращения. Поэтому уже через полтора года после начала монетной операции правительство попыталось ограничить некоторые функции новых денег и изъять у населения серебро. Одной из первых попыток в этом направлении стал именной указ, подписанный в декабре 1655 г.: царь потребовал погасить задолженность перед государством, образовавшуюся на 1 сентября 1655 г., старыми серебряными мелкими деньгами. В июле 1656 г. таможенному голове в Бежецкий Верх была послана грамота о сборе $\frac{2}{3}$ таможенных пошлин серебряной монетой старого и нового чекана и только $\frac{1}{3}$ — медными полтинниками, алтынниками, грошевиками и мелкими деньгами. Стремясь привлечь в страну настоящие талеры, правительство в 1656 и 1657 гг. запрещало русским людям торговать с иностранцами на рублевые ефимки, четвертины и медные ефимки. Серебром собирались «полонянничные деньги».¹⁴

В конце 1658 г. усилилась эмиссия медных денег, породившая значительную инфляцию. Этому способствовало и то обстоятельство, что денежные мастера и поставленные над ними верные головы и целовальники нередко с целью быстрого обогащения привозили на Монетный двор купленную на стороне медь и переделывали ее в монету вместе с казенной.¹⁵ Все нарушения за взятки покрывались ответственными лицами, и прежде всего царским тестем боярином И.Д. Милославским. В 1658—1659 гг. правительство пыталось организовать принудительный обмен новых серебряных монет (ефимков и четвертин «с признаками») на медные деньги: торговые, посадские и уездные люди должны были везти ефимки и четвертины в Москву и обменивать их в Приказе Большой казны по указной цене на мелкие медные деньги. Оно также принудительно скупало за медные деньги экспортные товары у русских купцов, вводя их в разорение, выплачивало медной монетой жалованье ратным людям, вызывая товарный дефицит, дороговизну, голод, нужду, усиливая социальную напряженность. Спротивляясь властям, население по возможности избавлялось от медных денег. Крестьяне отказывались везти в город продовольствие и припасы, бунтовали, нападали на монетчиков, которых приходилось вооружать огнестрельным оружием.¹⁶

Тем временем рынок продолжал наводняться медной монетой, которая все больше обесценивалась. Если в 1657 г. медные деньги ходили наравне с серебряными, то в 1658—1659 гг. за рубль серебром давали уже около 110, в 1660 г. — 150, в 1661 г. — 240 медных копеек. Одновременно с увеличением *лажа* между медной и серебряной денежными системами наблюдался рост цен, на рынке образовалось две цены — на «белые» и «красные» деньги; затем возникла острая нехватка основных продуктов питания. В особенно трудном положении оказались города — потребители привозного хлеба из других уездов. В связи с этим росло недовольство населения финансовой политикой правительства, вылившееся в московское восстание («медный бунт») 1662 г. Бегство от медных денег в том году стало всеобщим: зимой за 100 серебряных копеек давали 4, весной — 6, летом — 8 медных рублей. В 1663 г. серебряный рубль ценился сначала в 9, а к середине июня — в 15 р. медью. 4 июня 1663 г. правительство вынуждено было издать указ «Об уничтожении в Москве и в прочих городах денежного медного дела, о заведении в Москве серебряного монетного двора, о выдаче жалованья серебряными деньгами и о сборе пошлин таковою же монетою», отменивший принудительный курс на медные деньги и возобновивший чеканку и обращение серебряной монеты. Именной указ от 15 июня 1663 г. подтвердил взимание таможенных пошлин и налогов вообще серебряными деньгами.¹⁷

Не ограничившись этим, власти потребовали прислать в Приказ Большой казны маточники и чеканы с монетных «денежного медного дела дворов» Москвы, Новгорода и Пскова. Медные деньги, находившиеся в приказах, опечатывались. Частным лицам, которым вообще запрещалось держать медные деньги у себя, велено было либо перелить их в изделия, либо доставить в казну, которая за каждый рубль медью сначала выплачивала 10, а потом 2 деньги серебром, или копейку, что почти соответствовало рыночной стоимости меди.¹⁸ Преступников и прочих нарушителей по монетной части ожидало суровое наказание. Им заливали в горло расплавленный металл, отсекали конечности, били кнутом, отбирали имущество, ссылали в Сибирь с женами и детьми и т. д.¹⁹

По всей видимости, уже в 50-е гг. XVII в. произошло восстановление весовой нормы копейки на уровне 1626 г. (0.48 г). Как и раньше, фактический вес копейки, составляя 0.45—0.46 г, «отставал» от нормативного на 0.02—0.03 г.²⁰ Новоторговый устав 1667 г. вновь узаконил прежние «полномочия» копейки во внутренней торговле, после чего ее весовая норма не пересматривалась до начала 1680-х гг. При этом 100 копеек по-прежнему составляли один счетный серебряный рубль массой 46 г.²¹

В самом конце царствования Федора Алексеевича (1676—1682) весовая норма копейки была понижена до 0.42 г, что в практическом воплощении составляло 0.39—0.41 г. Во всяком случае, как утверждает А.С. Мельникова, «копейки Ивана и Петра Алексеевичей²² чеканились уже по новой весовой норме, теоретической величиной которой был вес в 0.42 г, а фактическим весом 0.39—0.41 г».²³

С 1698 г. проволочная копейка чеканилась по новой весовой норме — 0.28 г (1/100, талера). Затем появилась целая серия серебряных монет — 50, 25, 10, 5 и 3 копеек. Указом от 18 мая 1701 г. запрещалось хождение старых монет. Приказы и частные лица должны были присылать их на денежный двор для передела и обмена на новые с выдачей за старый рубль 110 новых копеек.²⁴ С 1704 г. начался выпуск рублевиков по весовой норме талера (28 г). Их чеканили без сплавки прямо на талерах, которые предварительно обжимались для удаления прежней чеканки. «Таким образом, — отмечал А.И. Юхт, — все основные номиналы новой денежной системы вошли в обращение в 1700—1704 гг. В основу ее был положен десятичный принцип с присущим России денежным счетом, ведущим начало с XV—XVI вв.: рубль — гривенник — копейка. Производные же путем деления единиц пополам: рубль — полтина, гривенник — пятак, копейка — деньга — полушка. Со старым счетом на деньги и алтыны было покончено, денежные суммы исчислялись в рублях и копейках».²⁵ Следует также согласиться с И.И. Кауфманом, утверждавшим, что Петр I (правил с 1689 г.) в 1698 г. повторил маневр царя Алексея Михайловича 1654 г., но действовал иначе: обновление денежной системы «начали снизу, чтобы ввести ее, как следует, снизу вверх».²⁶

В начале царствования Михаила Федоровича в рядовых северных городах России таможенный и кабацкий сборы обычно обеспечивали две трети обыкновенных денежных поступлений. Весомой была их доля и в крупных торговых центрах страны: в Нижнем Новгороде таможенные сборы обеспечили 62.2% поступлений в 1614 г., 55.0% — в 1619 г., 56.3% — в 1620 г.; в Новгороде Великом — 30.5% в 1620 г. и 25.2% в 1625 г. В Тотьме из 2337 р., предусмотренных к сбору в 1620/21 г., 32% составлял оклад таможенного сбора и 36% — оклад кабацкого сбора.²⁷

Ослабление военного напряжения с начала 1620-х гг. вызвало хозяйственное оживление. Перестав прибегать к сборам *пятинных денег*,²⁸ правительство способствовало тем самым росту таможенных и кабацких сборов. Только за десять лет их размер в Устюге, Соли Вычегодской, Тотьме увеличился в три раза.²⁹ В Архангельске за 10—15 лет после окончания Смуты поступления от таможенной деятельности увеличились в два раза. Во второй половине 20-х гг. XVII в. таможенные сборы в северном городе составляли около 18 тыс. р. в среднем за год, значительными были и размеры «колмогорских пошлин».³⁰

Начавшаяся в 1632 г. война с Польшей вновь поставила государственные финансы в критическое положение. Только на содержание полков иноземного строя, незадолго до того созданных, расходовались сотни тысяч рублей. Поэтому Земский собор 1634 г. снова ввел «пятую деньгу», сбор которой за 1633/34 г. составил свыше 300 тыс. р. Чрезвычайное обложение торговых людей (помимо «пятины» с них также взимались «кормовые» и «стрелецкие» деньги) породило «великую мирскую скудость»: «торгов не было, а на кабаке пит было некому». Неудивительно, что с начала 1630-х гг. таможенные и кабацкие доходы в Устюге, Соли Вычегодской, Тотьме перестали увеличиваться.³¹ Упали и почти целиком перешли в Архангельск доходы Холмогорской таможни.³² Представители купеческих верхов жаловались, что «оскудение и обнищание» было вызвано «государевыми беспрестанными службами и пятинными деньгами», засильем иностранных конкурентов и произволом воевод. Плачевными для казны оказались результаты «кабацкой реформы» 1652 г., проводившейся с целью сократить производство и потребление водки в интересах оживления хлебного экспорта: кабацкие сборы за 1652—1653 гг. сократились не меньше чем на 30%.³³

По причине обострившихся финансовых затруднений правительство вновь прибегло к экстраординарным сборам в виде единовременных процентных сборов на капитал и имущество. 20 марта 1654 г. впервые был установлен сбор «десятой деньги» с торговых и посадских людей.³⁴ В 1655 г. царь решился на «заем» (фактически — частичную конфискацию) монастырских капиталов.³⁵ В 1662 г. правительство дважды прибегло к сбору «пятой деньги» с объявленного под присягой имущества и дохода всех торговых и посадских людей. Эти сборы взимались медными деньгами и расходовались не только на жалование ратным и служилым людям, но и на оплату реквизируемых «указных товаров». «По расходной книге Приказа Денежного двора (сюда направлялись «пятинные деньги». — *М.Ш.*), — уточнял К.В. Базилевич, — с 22 сентября 1662 г. по 22 мая 1663 г., то есть за период 8 месяцев, им было выдано в Большой приход и Сибирский приказ на "указные товары" 569 573 рубля. Кроме того, в

городах было выдано из сбора пятинных денег 97 038 руб.»³⁶ За 1662—1676 гг. реквизируемые товары, стоимость которых была определена в 621 475 р. на серебро, были реализованы за 686 243 р. Таким образом, по официальной оценке казна получила от операции 64 769 р. чистой прибыли, но в действительности ее экономический результат был гораздо выше, поскольку оплата указных товаров производилась медной монетой по заниженной цене.³⁷

В 1668 г. снова собирали десятую деньгу, в 1671 г. — пятнадцатую, в 1673 г., 1678—1679 гг., 1680 г. — снова десятую деньгу.³⁸ Все эти чрезвычайные налоги фактически превратились в постоянную добавку к посошной подати (поземельному, подворному и промысловому налогу). Одновременно происходило понижение удельного веса косвенных (таможенных и кабацких) сборов среди других доходных статей государственного бюджета.

Среднегодовой доход от деятельности Архангельской таможни в 1650—1680-е гг. составлял 71 857 р. серебром.³⁹ Для сравнения: в 1653 г. Архангельская таможня получила таможенных сборов 43 950 р., а Новгородская таможня — 3338 р.⁴⁰ По предположению немецкого путешественника Адама Олеария, побывавшего в России в 30-е гг. XVII в., в Астрахани, втором по значению центре внешней торговли страны, ежегодно собиралось таможенных пошлин на сумму 12 000 р., или 24 000 талеров.⁴¹ Подтверждением особой роли Архангельской таможни может служить и то обстоятельство, что все таможенные сборы, поступающие из Великого Новгорода, Пскова, Вологды, Нижнего Новгорода, Архангельска и других поморских и пограничных городов в Новгородскую четверть,⁴² составляли в конце XVII в. всего 100 000 р.⁴³

Помимо доходов от заповедных статей и таможенных сборов государственная казна имела еще один источник поступлений от внешней торговли. Речь идет о монетной регалии, являвшейся одним из наиболее устойчивых источников казенной прибыли. Так как внешнеторговый баланс страны обычно отличался активностью, иностранцам приходилось приплачивать русским известное количество золотой и серебряной монеты.

Ежегодно в Архангельск привозились десятки тысяч ефимков (на одном корабле привозилось иногда до 80 000 ефимков). Имеются свидетельства, что с них брали пошлину как с товаров.⁴⁴ Как и прежде, во внутреннем денежном обращении России европейская валюта участия не принимала. Из Архангельска основная масса золота и серебра в слитках, изделиях и монете доставлялась в Москву. По дороге в Вологодской таможне благородные металлы обычно являлись только «в проезд».

Не играя роли всеобщего товарного эквивалента, привозные ефимки оставались в России лишь особым сортом привозного серебра, которое отбиралось в казну и перечекивалось на денежных дворах в русскую «ходячую монету» с некоторой выгодой для правительства.⁴⁵ Так, в 1604 г. чужеземцы привезли 121 104 талера, общая масса которых могла составить 3.4—3.5 т, а стоимость — почти третью часть стоимости всех привозных товаров.⁴⁶ Еще в XVI в. был определен «указной вес» ефимков, по которому их следовало принимать в казну. По мнению И.И. Кауфмана, «и в продолжении всего XVII в., даже в начале XVIII в. таможням предписывалось покупать ефимки по 7 на гривенку, по 14 ефимков на фунт <...> предписание имело только смысл указания, чтобы выбирались самые тяжелые ефимки различных стран (немецких, нидерландских, романских), которых на гривенку идет 7, в смысле предела, от которого запрещено далеко уклоняться».⁴⁷ Фактически же в Россию попадали талеры из различных государств: немецкие (любские), голландские, шведские (свейские), польские (лятские), французские, испанские, цесарские (австрийские), датские, брауншвейгские, прусские, брабантские, гелдернские, шлезвигские, рьяльские (реалы?), «крыжовые» или крестовые и другие, различавшиеся массой и пробой серебра. Поэтому лишь в идеале масса покупного ефимка приближалась к 28.438 г. Действительно, если любских ефимков на фунт приходилось 14, то «крыжовых», которые ценились на две копейки дешевле, — целых 15.⁴⁸

Возможно, в начале XVII в. еще сохранялся порядок в монетном деле, когда любой русский купец мог заказать чеканку монеты. Однако затем произошло сближение рыночной (около 48—50 коп.) и фактической (из очищенного талера получалось приблизительно 48 коп. четырехрублевой стопы) цены ефимка, что свидетельствует о резком снижении доходности операций по перечекивке иностранной монеты.⁴⁹ Поэтому еще при Михаиле Федоровиче стал практиковаться другой порядок в монетном деле. В 1621 г. было издано правительственное распоряжение о введении государственной монополии на покупку ефимков: «А у которых приезжих немец будут в привозе ефимки и те все ефимки покупати

и в таможенные пошлины имати на государя, а мимо государевы казны ефимков никому покупати не велети, о том заказати накрепко, чтоб ефимки в покупке ни у кого не были».⁵⁰ Стремясь извлечь выгоду из монетной регалии, правительство в ходе денежной реформы 1626—1627 гг. пошло на скрытую порчу монеты, одновременно запретив частным лицам покупать и переделывать талерное серебро.

Несмотря на то что после 1626 г. копейки стали чеканить из серебра «талерной пробы»,⁵¹ на официальном уровне неизменно утверждалось о прежней «чистоте» русской копейки.⁵² Денежное хозяйство страны было полностью централизовано и поставлено под контроль государства. В конце 20-х или в начале 30-х гг. XVII в., когда были закрыты денежные дворы в Новгороде и Пскове, вся чеканка монеты сосредоточилась в Москве. С этого времени иностранцы, привозившие в Псков золотые и ефимки, должны были променивать их на русские деньги «из московской присылки». На эти деньги они обязывались покупать русские товары, с продажи которых взималась определенная пошлина, «а с ефимков де таможенной пошлины по государеве грамоте 138 г. (1630 г. — *М.Ш.*) не емлют».⁵³ Монетный двор стал самостоятельно закупать талеры для казенной надобности в обмен за «готовые деньги». Разовые поручения по приобретению серебряной валюты могли выполнять и обычные купцы, но по предварительному соглашению с казной.⁵⁴

В 1649 г. была окончательно установлена государственная монополия на закупку всего ввозимого из-за границы монетного серебра. Известие об этом содержится в царском наказе 1649 г. таможенной администрации Архангельска: «А у которых приезжих немец будут в привозе ефимки, и те ефимки покупать на государя <...> а мимо государевой казны ефимков никому покупать не велеть, и о том заказать накрепко <...> чтоб никто ефимков на себя без государева указу не покупали, а которые русские люди учнут ефимки покупать или менять безъявочно, и гостю Василью и головам с товарищи про то сыскивати накрепко, и по сыску те ефимки отписывати на государя за то, чтоб впредь не повадно было никому мимо государева указу делать».⁵⁵

Возможно, что в начале царствования Алексея Михайловича был издан указ, продиктовавший торговую цену ефимка в 50 коп. Как бы то ни было, но неопределенность с курсом иностранной валюты сохранялась до конца 40-х гг. XVII в.⁵⁶ Иностранцы жаловались новому царю, добиваясь официального решения по этому вопросу.⁵⁷ В 1649 г. был окончательно установлен курс («указная цена») обмена валют: «...в нынешнем во 157 году октября в 15 день <...> которые <...> торговые люди учнут свейном за ефимки деньги давать или которые учнут на товары ефимки менять, и чтоб они деньги им давали по твоему государеву указу, за любский ефимок по полтине, а за крыжовой по штинатцати алтын (48 коп. — *М.Ш.*)».⁵⁸ Почти буквальное повторение этого распоряжения встречается в наказах таможенной администрации Архангельска 1649, 1654 и 1667 гг.⁵⁹ Когда ефимков в привозе было много, иностранцам разрешалось везти их к Москве, чтобы там за них получить русские деньги по указной цене. Одновременно перед гостем в Архангельске ставилась задача не останавливаться перед принуждением съехавшихся к торгу купцов покупать «на государя» предлагаемые ефимки за свои деньги с последующим обменом в Москве на деньги же «без всякого ущерба».⁶⁰

Ради пополнения валютных резервов казна также кредитовала торговых людей, «выдавая вперед денги под кабалы за будущие ефимки, которые ей должны были быть доставлены».⁶¹ Впрочем, эта практика продолжалась до навигации 1667 г. Тогда же правительство перестало предоставлять торговым иноземцам отсрочки в уплате ефимочных пошлин, которые раньше можно было заплатить зимой в Москве. В мае 1667 г. царь повелел гостю и голове «с товарищи» в Архангельске «имать ефимки за пошлину по полтине ефимок в вес, а денег в ефимки в долг не отдавать, и в таможенных пошлинах отнюдь никому сроков не давать, и в таможенных книгах в доимке ни на ком пошлин не писать». В противном случае доимку следовало доправить на госте и его подчиненных.⁶²

Реализация монетной регалии после 1626 г. вновь сделалась доходнейшей статьей бюджетных поступлений, особенно в период проведения денежной реформы царя Алексея Михайловича, когда ефимки, принимавшиеся по 50 коп., после накладки штемпеля котировались по 64 коп. Вероятно, поэтому и возникли свидетельства иностранцев о 30% доходности казны от перечекировки ефимков. Действительно, занижая стоимость ефимка до 78% его реальной цены, казна выигрывала по 28 коп. на каждом променянном рубле.⁶³ В 1664—1681 гг. из ефимочного серебра ежегодно чеканилось монеты на сумму 58 315 р., в 1682—1694 гг. — до 205 667 р., а в 1695—1699 гг. — 508 283 р. Перечекировка иностранной монеты не прерывалась ни на один год, а доход от этой операции сделался постоянной статьей бюджета. Среднегодовая прибыль от передела ефимков составила в 1684—1693 гг. 41 702 р. и поднялась до 80 944—86 421 р. в 1694—1695 гг.⁶⁴

До последней четверти XVII в. в России составлялись лишь местные бюджеты по уездам и бюджеты отдельных приказов. Поэтому вопрос о размере совокупного дохода Московского государства в XVII в. относится к числу наиболее сложных. К примеру, Г.К. Котошихин определял его для середины XVII в. в 1 911 000 р., предварительно подсчитав, что Приказ Большой казны приносил 300 тыс., Приказ Большого прихода — 500 тыс., центрально-областные (четвертные) приказы — 162 тыс., поступления от сибирских мехов составляли 600 тыс., доходы от кружечных сборов — 100 тыс. р. в год и т. д.⁴⁵

В 1680 г. была составлена первая в истории России роспись государственных доходов и расходов. Она была далека от бюджета в современном понимании и представляла собой механически соединенные данные о доходах и расходах по отдельным приказам. Согласно росписи 1680 г., общая сумма поступлений в государственную казну (с учетом недоимки по окладу, доимки по окладу прошлых лет и неокладных сборов) приближалась к 1.5 млн р. По подсчетам П.Н. Милюкова, на прямые налоги (стрелецкая подать, ямские и полоняничные, пятинные и десятинные деньги и прочие) приходилось 44% от суммы денежных поступлений, на косвенные (таможенные и кабацкие) — 53.3% и на прочие «неокладные» сборы — 2.7%. Как можно заметить, имеющиеся показатели поступлений от таможенной деятельности и продажи водки (П.Н. Милюкова и Г.К. Котошихина) не так уж сильно разнятся между собой.⁴⁶

В принципе, основные параметры бюджета, установленные П.Н. Милюковым, не отрицались и советской историографией, хотя по оценке С.М. Троицкого, который специально занимался этим вопросом, удельный вес прямых налогов в конце XVII в. был более значительным и составлял около 50%.⁴⁷ В любом случае, таможенный доход являлся важнейшим источником финансовых поступлений. При этом на долю Архангельской таможни приходилось: в 1650-е гг. — 68 650 р., в 1660-е — 68 446 р., в 1670-е — 71 463 р., в 1680-е — 78 870 р. (в среднем за год).⁴⁸ Учитывая, что все пограничные таможни обеспечивали порядка 100 тыс. р., можно предположить, что основная часть таможенных денег поступала в казну из внутренних таможен Московского государства.

Примечания

¹ См.: Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. С. 167, 174; Спасский И.Г. 1) Русская монетная система. 4-е изд., доп. Л., 1970. С. 117—118, 121; 2) Русские ефимки: Исследование и каталог. Новосибирск, 1988. С. 10, 14—15; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер; Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. № 97. И.И. Кауфман полагал, что в царствование Михаила Федоровича из гривенки серебра чеканилось сначала 400, затем 425 и 432 коп. В период с 1630 по 1680 г. монетная стопа при чеканке копеек и денег уже не изменялась (Кауфман И.И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века // ЗНО РАО. СПб., 1910. Т. 2. С. 99, 101).

² В 1652 г. в Архангельске отмечалось падение торговли, вызванное англо-голландским морским соперничеством (Куриц Б.Г. Состояние России... С. 131).

³ Козловский И. Краткий очерк истории русской торговли. Киев, 1898. Вып. 1. С. 37; Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905. С. 192; Бутенко В.А. Краткий очерк истории русской торговли. М., 1910. С. 28; Гейтц Ф.Ф. Ефимки // НС. М., 1913. Т. 2. С. 179; Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663) // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1935. № 3. С. 203—206; Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 128 и др. Находившаяся в русском денежном обращении мелкая монета причиняла большие неудобства при совершении крупных сделок. Немецкий путешественник Адам Олеарий, описавший Московию 30-х гг. XVII в., свидетельствовал, что русские купцы во время торгов прятали деньги в рот, набирая иногда до 50 штук за раз, но при этом продолжали говорить и торговаться, так, что «зритель» не замечал этого обстоятельства (Олеарий А. Описание путешествия... С. 228).

⁴ Гейтц Ф.Ф. Ефимки. С. 186—187; Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663). С. 207, 212—215. К изготовлению серебряных рублевых ефимков приступили с 4 июня, а серебряных ефимочных четвертков — с 7 июня 1654 г. Последние представляли собой рассеченные на четыре части и штемпелеванные ефимки, «хотя будет и не круглы».

⁵ Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 128. П.П. Мельгунов и В.А. Бутенко Допускали неточность, полагая, что на чеканку одного русского рубля в 1654 г. шло 2 ефимка (см.: Мельгунов П.П. Очерки... С. 192; Бутенко В.А. Краткий очерк... С. 28).

⁶ Мельникова А.С. Русские монеты... С. 203.

7. *Кауфман И.И.* Серебряный рубль... С. 109—110. Обращаем внимание на то, что $640: 10\frac{2}{3} = 60$, что, впрочем, не нарушает логики рассуждения данного автора.
8. *Гейтц Ф.Ф.* Ефимки. С. 188.
9. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 128. В 1655 г. было надчеканено до 800 000 ефимков, после чего их выпуск прекратился (Там же).
10. *Гейтц Ф.Ф.* Ефимки. С. 189—190.
11. *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663). С. 210—211. Базилевич допускал, что решение о выпуске медных полтинников, полуполтинников, гривенников и алтынников было принято в одно время с изданием указа от 8 мая 1654 г. Первоначально из одного фунта меди стоимостью 12 коп. предполагалось выпускать монет различного достоинства на сумму 10 р. (Там же. С. 207—210).
12. ПСЗ I. Т. 1. № 204; *Гейтц Ф.Ф.* Ефимки. С. 187; *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича... С. 214, 216, 222. С переходом на выпуск новой серебряной и медной монеты была прекращена чеканка мелких серебряных денег старого чекана.
13. *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663). С. 209, 220, 226. Медные деньги не являлись полноценными кредитными деньгами, так как не подлежали размену на серебро и золото. Скорее они напоминали позднейшие неразменные бумажные деньги.
14. *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663). С. 223—224; *Гейтц Ф.Ф.* Ефимки. С. 186—187.
15. Механизм преступной деятельности приставленных к монетному делу голов, гостей, торговых людей гостинной и суконной сотен и разных слобод и других раскрывался в грамоте от 8 июля 1663 г. воеводе Туринского острога Матвею Трегубову: «...сносили и свозили и сторонним людям сносить и свозить давали, и медь привозя свою и принимая у сторонних людей в деньги делали многожды, и от того воровства обогатели большим богатством, и на те воровские деньги дворы и всякие заводы и промыслы построили, а покупали и заводили большою дорогою ценою; да на тех же воров смотря с тех денежных дворов товарищи их Денежные ж мастера, бегая, воровали на Москве и в городех, делали медные ж воровские деньги <...> и тем медные деньги одешевили, и от тех их воровских высоких цен в рядах всякие товары и запасы вздорожали, а ратные всяких чинов люди и иноземцы от того их воровства поизнуждались...» (ПСЗ I. Т. 1. № 344).
16. *Гейтц Ф.Ф.* Ефимки. С. 189; *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663). С. 225.
17. ПСЗ I. Т. 1. № 338, 339. Даже те торговые люди, включая иностранцев, которые явили свои товары в таможеню до 15 июня 1663 г. и в таможенные книги записали, а не продали, или продали на медные деньги, но в казну пошлин не платили, или платили, но не сполна, «а в тех деньгах давали по себе поруки», обязаны были с 15 июня вносить в счет уплаты пошлин серебряные монеты, причем платить следовало «против цены серебряных денег, как в котором месяце и числе какие товары купили на серебряные деньги» (Там же. № 342).
18. Там же. № 338, 343; *Толстой Д.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С. 194—196; *Козловский И.* Краткий очерк... С. 37—38; *Мельгунов П.П.* Очерки... С. 192—194; *Бутенко В.А.* Краткий очерк... С. 28—29.
19. ПСЗ I. Т. 1. № 344, 348. Фальшивые деньги, при чеканке которых в серебро подмешивали медь, свинец или олово в различной пропорции, представляли серьезную проблему в XVI—XVII вв. Почти от каждого царствования остались указы о наказаниях денежным ворами. Не позднее февраля 1637 г. была восстановлена смертная казнь за изготовление фальшивых монет и операции с ними, за укрывательство фальшивомонетчиков и др. Уложение 1649 г. особо предостерегало денежных мастеров. Фальшивомонетчику грозила мучительная казнь: ему заливали в горло расплавленный металл. Однако подобные меры не вели к пресечению зла, потому что подделка приносила огромную прибыль, да и технология изготовления фальшивых денег не была особенно сложной (Законодательные акты... Тексты. № 236; Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 23. Гл. V, ст. 1).
20. *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 209.
21. *Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 137.
22. В 1682—1689 гг. правительницей Русского государства при двух малолетних царях — Иване V и Петре I — была их старшая сестра царевна Софья Алексеевна.

- ²³ Мельникова А.С. Русские монеты... С. 209, 228—229. По мнению И.И. Кауфмана, изменение монетной стопы произошло при царевне Софье в 1682 г., и суть перемены заключалась в понижении массы копейки на $\frac{1}{2}$, когда из гривенки серебра чеканилось уже 504 коп. вместо 432. И.Г. Спасский тоже полагал, что понижение массы 100-копеечного рубля с 46 До 38 г имело место в первый год регентства Софьи (1682) (Кауфман И.И. Серебряный рубль... С. 119; Спасский И.Г. Русская монетная система. С. 137).
- ²⁴ ПСЗ I. Т. 4. № 1855.
- ²⁵ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 15.
- ²⁶ Кауфман И.И. Серебряный рубль... С. 123.
- ²⁷ См.: Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 17; Коломиец А.Г. Государственные финансы России в XVII столетии // Финансы. 1995. № 12. С. 49—50.
- ²⁸ Чрезвычайный правительственный сбор в размере 20%, который собирался с 1614 г. по месту жительства под руководством присылаемых из Москвы «пятинщиков». По мнению одних исследователей, «пятина» взималась с чистого годового дохода, других — с наличного движимого капитала либо пятой частью товаров, либо их денежным эквивалентом (см.: Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 68—70).
- ²⁹ Коломиец А.Г. Государственные финансы... С. 50.
- ³⁰ Изюмов А.Ф. Размеры русской торговли XVII века через Архангельск в связи с необследованными архивными источниками // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 6. С. 254, 257.
- ³¹ Коломиец А.Г. Государственные финансы... С. 50.
- ³² Изюмов А.Ф. Размеры... С. 257. Сумма летних таможенных сборов («в корабельный приход») и зимних («в осень и зиму после корабельной пристани») в Архангельске продолжала возрастать: в начале 30-х гг. она превысила 20 тыс. р., а затем (с учетом поступлений от Холмогорской таможни) был преодолен и 30-тысячный рубеж (Там же. С. 254).
- ³³ Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663). С. 205—206.
- ³⁴ Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 8. По свидетельству Г.К. Котошихина, пятинные деньги сначала собирались в размере «двдцатой денги», потом «десятой денги» и так продолжалось «не по один год». А.И. Маркевич допускал, что «десятая денга» могла взиматься и в период с 1655 по 1661 г. (см.: Котошихин Г.К. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984. С. 284. Гл. 9, ст. 8; Маркевич А.И. Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века. Одесса, 1895. С. 131—132).
- ³⁵ Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663). С. 217—218.
- ³⁶ ПСЗ I. Т. 1. № 322, 329; Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 74.
- ³⁷ Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 66.
- ³⁸ См.: Маркевич А.И. Григорий Карпович Котошихин... С. 132.
- ³⁹ Подсчитано по: Изюмов А.Ф. Размеры... С. 255—256. Пользуясь другими материалами, Н.И. Костомаров определял сумму таможенных сборов в Архангельске в размере 70 000 тыс. р. в год (Костомаров Н. Очерк торговли... С. 76).
- ⁴⁰ Изюмов А.Ф. Размеры... С. 255; Баренцев В.А. Торговля... С. 64.
- ⁴¹ Олгарий А. Описание путешествия... С. 402.
- ⁴² Один из центрально-областных приказов в XVI—XVII вв.
- ⁴³ Огородников С.Ф. Очерк истории... № 10. С. 140—141.
- ⁴⁴ См.: Ключевский В.О. Сказания иностранцев... С. 221; Спасский И.Г. Русские ефимки. С. 8.

- ⁴⁵ См.: *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 14; *Зверев С.В.* Западноевропейские монеты в русском денежном обращении в период смуты начала XVII в. // *Международный нумизматический альманах «Монета»*. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 13.
- ⁴⁶ *Флоря Б.Н.* Торговля России... С. 145; *Зверев С.В.* Западноевропейские монеты... С. 13.
- ⁴⁷ *Кауфман И.И.* Серебряный рубль... С. 107; *Гейтц Ф.Ф.* Ефимки. С. 181.
- ⁴⁸ *Гейтц Ф.Ф.* Ефимки. С. 197.
- ⁴⁹ В 1620 г. в Архангельске закупка ефимков для казны производилась по казенной (уставной) цене, равной 46 коп. за ефимок. Рыночная же цена ефимка в то время составляла 48—50 коп. (*Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 170).
- ⁵⁰ *Изыюмов А.Ф.* Размеры... С. 252.
- ⁵¹ По заключению Ф.Ф. Гейтца, поступавшие в Россию ефимки были не ниже 83%, а в большинстве случаев 85½ пробы, которой и присваивалось наименование «ефимочной пробы» (*Гейтц Ф.Ф.* Ефимки. С. 197).
- ⁵² *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 174, 178, 198. По мнению И.Г. Спасского, правительство Михаила Федоровича негласно отказалось от ранее обязательной очистки металла талеров от примеси меди между 1635—1645 гг. (*Спасский И.Г.* Русские ефимки. С. 15).
- ⁵³ *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав 1667 года // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 110.
- ⁵⁴ *Спасский И.Г.* Русские ефимки. С. 15.
- ⁵⁵ ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. № 55. С. 189—190; *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 198. По мнению И.Г. Спасского, закупка серебра государством была монополизирована около 1648 г. Тогда же «прекратили очистку талерного серебра от примесей и выход копеек с 50—52 подскочил до 64!» (*Спасский И.Г.* Русская монетная система. С. 121).
- ⁵⁶ Во время переговоров с русской стороной в 1647 г. шведские послы жаловались, что в Новгороде и Пскове привозные ефимки шведских подданных-купцов обменивались «по принудительному официальному курсу, по 48, 47 и 46 коп. за ефимок» (*Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 100—101).
- ⁵⁷ РШЭО. № 94. С. 133.
- ⁵⁸ Там же. № 100. С. 141.
- ⁵⁹ ДАИ. Т. 3. № 55. С. 190; № 116. С. 410; СПб., 1853. Т. 5. № 40. С. 185; *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 197. Курс 50 коп. за талер оставался неизменным на протяжении второй половины XVII—XVIII в. (*Юхт А.И.* Русские деньги... С. 10).
- ⁶⁰ ДАИ. Т. 3. № 55. С. 190; № 116. С. 410—411; *Спасский И.Г.* Русские ефимки. С. 16. Начиная с 1654 г. на деньги разрешалось покупать одни лишь любские ефимки «по полтине ефимок на вес <...> по 14 ефимков в фунт»; «крыжовые» ефимки запрещалось не только покупать, но и принимать в счет таможенных платежей по причине снижения пробы серебра (ДАИ. Т. 3. № 116. С. 410; Т. 5. № 40. С. 185).
- ⁶¹ *Кауфман И.И.* Серебряный рубль... С. 117—118.
- ⁶² ДАИ. Т. 5. № 40. С. 200. Родес отмечал, что в середине XVII в. московские власти иногда давали купцам отсрочку в уплате таможенных пошлин. С годами это вело к накоплению таможенной недоимки и побуждало правительство принимать энергичные меры к взысканию задолженности (*Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 228).
- ⁶³ *Мельникова А.С.* Русские монеты... С. 197. «И ис тех ефимков или ис серебра, — указывал Г.К. Котошихин, — в серебряных денгах царю бывает прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходит дешевою ценою, а в деле московских денег выходит из ефимка по дватцати по одному алтыну по две денги (64 коп. — М.Ш.)» (*Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 251. Гл. 7, ст. 9).
- ⁶⁴ *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 148—149.
- ⁶⁵ См.: *Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 246, 250, 258, 260—261, 273. Гл. 7, ст. 7, 9, 10, 16—20, 48. Данные Котошихина подтверждаются свидетельством уроженца Курляндии Якова Рейтенфельса о том, что ежегодный

доход русского царя «по достоверному счету, в общей сложности, значительно превышает два миллиона рублей» (*Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуа, 1680 / Перевод с лат. А. Станкевича. М., 1905. С. 108).

^{66.} *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 74, 78.

^{67.} *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII в. // Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв.: Сб. статей / Отв. ред. Н.М. Дружинин. М., 1964. С. 294.

^{68.} Подсчитано по: *Изымов А.Ф.* Размеры... С. 255—256.

4.6. Участие казны во внешней торговле

В XVII в. произошло усиление государственного вмешательства в сферу внешнеэкономических отношений.¹ По-прежнему некоторые товары, находясь вне сферы свободного обращения, считались монополией царской казны. Родес включал в этот список хлеб, шелк-сырец, ремень, икру.² Г.К. Котошихин в числе «указных товаров» называл хлеб, шелк-сырец, пеньку, поташ, смольчуг и ремень, привозимый из Сибири, полагая, что их скупка у населения финансировалась из Приказа Большого прихода.³ К.Н. Лодыженский к числу товаров, отпуск которых из страны был воспрещен, относил ямчуг (селитру), находивший применение в пороховом деле, хлеб (в тех случаях, когда цена его в самой России поднималась настолько, что являлось опасение голода) и кречетов — дорогую, редкую птицу.⁴ Дополняя перечень Родеса такими товарами, как ворвань, моржовая кость, карлук (рыбий клей), слюда и корабельный лес, К.В. Базилевич обращал внимание, что их удельный вес в общей стоимости русского экспорта был невелик, и «поэтому их монополизация не могла существенным образом повлиять на частную торговлю». Признавая, что правительство прибегало к изъятию на определенное время из сферы свободной торговли тех или иных товаров в качестве «указных», он также настаивал на том, что царская торговля товарами, на которые не существовало государственной монополии (кроме пушнины), носила более или менее случайный характер и производилась по мере потребности в иностранных товарах и ефимках.⁵

Продолжая эту тему, Р.И. Козинцева предложила разделить все товары, которыми торговала казна, на две группы: «...на продажу одних казна присваивала себе монополию, на продажу других не присваивала. Торгуя товарами второй группы, казна выступала как обычный продавец наряду с русскими купцами, а иногда как привилегированный продавец, имевший преимущественное право первоочередной продажи».⁶ В любом случае, даже обособляя проявления торгового монополизма от участия государства в торговле обычными товарами, важно подчеркнуть факт значительного участия казны во внешней торговле России XVII в.

В XVI в. вывоз хлеба еще не стал заметным явлением в хозяйственной жизни страны. Возможно, что главным препятствием этому были значительные путевые издержки, «которые почти полностью покрывали разницу между закупочной ценой на Руси и ценами на внешних рынках, что делало экспорт зерна в соседние страны невыгодным».⁷ Затем, в 20-е — начале 30-х гг. XVII в., вследствие частых войн, разрухи, недородов, высоких ввозных и вывозных пошлин, установленных Швецией в контролируемых ею портах Балтийского моря и т. д., когда страны Западной Европы стали испытывать хлебный голод, а хлебные цены, отличаясь крайней неустойчивостью, непрерывно росли, было положено начало широкому экспорту из России зерна и некоторых других сельскохозяйственных продуктов.⁸ В последующий период поставки хлеба в Англию, Нидерланды, Данию и Швецию по просьбам тамошних государей приобрели регулярный значительный характер.⁹

Основным продавцом хлеба в XVII в. выступала казна, обычно чинившая различные препятствия его свободному вывозу за границу, несмотря на постоянные домогательства со стороны англичан, голландцев, шведов и др. Причина запрета, по мнению К.В. Базилевича, «заключалась в быстром росте внутреннего потребления хлеба благодаря возрастанию неземледельческого населения, вывозу хлеба в собственные колонии и переработке в вино».¹⁰ Н.И. Костомаров отмечал, что, «по старинным понятиям, вывозить в большом количестве хлеб за границу считалось опасным и вредным».¹¹

Главным местом сбыта зерна за границу был Архангельск, куда ежегодно свозилось до 10 000 ластов ржи, пшеницы и ячменя,¹² которые находились там до возвышения цен и в конце концов продавались

по 20 р. за ласт. Царь охотнее давал разрешение на вывоз хлеба, если обмен производился на пушки, мушкеты, снаряды и другие товары военного назначения.¹³

В некоторых случаях, удовлетворяя (полностью или частично) ходатайства тех или иных государств и непосредственно торговых иноземцев, правительство выдавало конкретным лицам особые разрешения на закупку известного количества зерна. После этого Посольский приказ посылал от себя одну грамоту воеводе той области, где предполагалось совершение сделки, с уведомлением о разрешении, а другую — архангельскому воеводе с приказом не препятствовать вывозу купленного хлеба за море. Таможенники обязаны были задерживать и конфисковывать хлеб, вывозимый за границу «без государеву указу». В отдельные же годы правительство вовсе снимало запрет на покупку иностранцами хлеба у русских купцов. Вывоз зерна не требовал уже специального разрешения, достаточно было уплатить вывозную пошлину.¹⁴

Слюда добывалась в Керетской волости Кольского уезда и разрабатывалась до 1668 г. промысловыми людьми Соловецкого монастыря. При царе Алексее Михайловиче только казна могла торговать кусками слюды, размер которых превышал аршин (72.12 см) в длину и ширину, «ибо и с частных промыслов брали царскую десятину лучшими кусками, а обрезки оставляли людям».¹⁵

Длительные монополии также устанавливались на торговлю ревенем, икрой, рыбьим клеем, моржовой костью, мехами и другими товарами. Ревень, к примеру, привозили из Бухарин, и главное место его складки находилось в Тобольске. В 1657 г. торговля ревенем была запрещена под угрозой смертной казни. «Привозившие в Тобольск ревень, — отмечал Н.И. Костомаров, — должны были отдавать его начальству, которое препровождало его в казну».¹⁶ При Федоре Алексеевиче купцы могли доставлять ревень в Москву на продажу в казну самостоятельно, предварительно получив в Тобольске проезжую грамоту с точным указанием его количества.¹⁷ «Вывозили его немного — примерно 150 пудов в год, но ценился он высоко — по 50 руб. за пуд. В 1686 г. торговля ревенем была отдана на откуп».¹⁸

Исключительным достоянием царской казны были астраханские рыбные промыслы. Они либо находились в ведении «верных голов и целовальников», либо отдавались на откуп или в оброк. Те же из них, которые оставались без производства работы, назывались «порозжими».¹⁹ «С конца 60-х годов, — указывает Р.И. Козинцева, — монополию на экспорт икры получила компания гамбургских купцов (Филипп Ферпортен и Арнольд Бельтгенс), заключившая договор на 10 лет о приеме из Приказа Большого дворца 400 бочек икры ежегодно (примерно 16 тыс. пудов) по 3 ефимка за пуд». Ежегодно это приносило до 40 000 ефимков. При явке в таможене икры другими лицами ее следовало конфисковывать, сообщая об этом в Приказ Большого дворца.²⁰

При Алексее Михайловиче в казенную монополию была обращена торговля моржовой костью («рыбьим зубом»). Если в первой половине XVII в. промышленникам полагалось отдавать десятую часть в доход государства, то с 1649 г. всю кость надлежало привозить в таможену, которая принимала товар, выплачивая сдатчику «деньги по оценке». Свободная торговля костью ставилась под запрет, на всех торгах велено было «отбирать рыбий зуб и отсылать в казну».²¹

Традиционным экспортным товаром также являлся рыбий клей («карлук»), который вырабатывался на дворцовых, митрополичьих, монастырских и «иных» учугах Нижней Волги из отходов белуг. При этом клей с дворцовых учугов продавался по более высокой цене, чем с других. «Чтобы устранить конкуренцию, — указывает Р.И. Козинцева, — Приказ Большого дворца в 1689 г. установил новый порядок продажи клея, подтвержденный в 1690 и 1692 гг.: клей со всех учугов отбирался "на великого государя" дворцовыми промышленниками; его отсылали в Москву и там продавали из приказа. Клей, записанный в Московской Большой таможене, требовалось присылать в приказ, а обнаруженный в других городах у торговых людей — конфисковывать».²²

1620—1640-е гг. стали временем расцвета пушных промыслов в Мангазейском, Енисейском уездах и Якутии. Одни лишь мангазейские промыслы до начала 1640-х гг. давали в среднем около 1000 сороков соболиных шкурок (до 40 тыс. шкурок). Обычно меха подвергались первичной и окончательной обработке на месте или в Москве. С середины XVII в. Мангазея стала давать меньше мехов, и русские промысловые люди двинулись за ними на Енисей и Лену. Вследствие этого меховой экспорт сократился в два-три раза.²³

Ядро меховой торговли постоянно находилось в руках правительства. Купцам оставались «избытки». «Торговцы, покупая меха в Сибири, обязаны были давать в казну десятого зверя и притом самого лучшего; сверх того начальство могло у промышленников и торговцев во всякое время отобрать в казну меха, коль скоро они окажутся высшего достоинства. Кроме употребления мехов на царское жалование, казна вела ими значительный торг. Торговля эта поручалась гостям и целовальникам из торговцев <...> Стараюсь привлечь в Россию серебро, правительство давало поручения гостям и целовальникам в Архангельске променивать меха на ефимки». ²⁴ В Архангельске казенные меха продавались в первую очередь.

Стремясь монополизировать торговлю наиболее ценными видами сибирских мехов, правительство уже в 1630—1640-е гг. обязывало таможенных голов принимать в царскую казну «самые добрые соболи и лисицы черные и чернобурые и бурые и бобры черные у кого объявятца у служивых и у торговых и у промышленных людей», оценивая эти меха «тамошнею ценою» и расплачиваясь за них казенными деньгами. ²⁵ По словам Г.К. Котошихина, из свободной торговли исключались дорогие соболиные меха: если у кого находили соболей, цена которых превышала 20 р. за пару или 300 р. за 40 шкур, то такие меха подлежали безденежной конфискации в пользу царя. ²⁶ В 1675 г. вводился запрет на торговлю голубыми и черными песцами. Одновременно повелевалось «у проезжих торговцев отбирать этого рода меха и выдавать за них деньги». В 1684 г. правительство вообще запретило соболиный промысел. С этого времени торговые люди «могли приобретать пушнину лишь на гостиных дворах у ясачных людей после полной уплаты последними ясака». Согласно новоторговым статьям 1693 г., торговые, промышленные и служилые люди обязаны были являть в сибирских таможах соболей и другую «мягкую рухлядь», отдавая за право заниматься промысловой деятельностью «от девяти десятым зверем», или 10% от стоимости явленной таможенникам пушнины. В 1697 г. в связи с упадком пушных промыслов частным торговцам было совершенно запрещено покупать в Сибири меха соболей и чернобурых лисиц, и купцам, желавшим вести такого рода торговлю, приходилось приобретать дорогие меха исключительно в казне. ²⁷

Периодически правительство накладывало запрет на вывоз за границу соли. «Так при царе Михаиле Федоровиче в Пскове запрещено было под смертной казнью вывозить соль за рубеж». ²⁸

С 1630-х гг. исключительным достоянием царской казны сделалась смола, производство которой было распространено на Ваге, в Устьянских волостях, в районе Каргополя. Крестьянам, занимавшимся смолокурением, было запрещено продавать смолу непосредственно иностранцам: сначала ее приобретали головы и целовальники, а уже затем казна перепродавала иностранцам. «Исключение, — по словам Р.И. Козинцевой, — составляли англичане, получившие право откупать ее для своих канатных заводов, находившихся в России». Так, с 1659 по 1664 г. вывозная торговля смолой была на откупе у англичанина Гебдона, поэтому «все производители должны были сбывать ее непременно этому откупщику». ²⁹

Из свободного торгового оборота также периодически исключался ряд продуктов переработки древесины: поташ и смольчуг (густая смола). ³⁰ Однако, несмотря на то что торговля этими товарами была сильно стеснена участием казны, они составляли постоянный предмет вывоза.

Важнейшим экспортным товаром являлся поташ, находивший широкое применение в суконном, мыловаренном и стекольном производстве Нидерландов и Англии. ³¹ «В Московии покупали его бочками и продавали в Архангельске на вес <...> пудами, хотя и в бочках». ³² Центры поташного производства в России находились в Поволжье (Нижний Новгород), а также в брянских, путивльских и курских лесах. При этом казенные поташные заводы под надзором выборных целовальников сосуществовали с частными предприятиями («будными станами»). Большинство их принадлежало крупным землевладельцам, служилым людям и монастырям, некоторые — гостям и торговым людям. Со всех заводов собиралась в пользу царя десятая бочка. ³³ К концу XVII в. основной базой поташного производства сделались казенные заводы. В период с 1690 по 1706 г. они находились в ведомстве Приказа Большой казны, отвечавшего также за реализацию готовой продукции. ³⁴

В условиях финансового кризиса 1660—1661 гг. правительство поручало отдельным приказам независимо друг от друга скупать на медные деньги в казну поташ, смольчуг, юфть, пеньку и лен, т. е. те русские товары, которые пользовались наибольшим спросом со стороны zahraniчного рынка. Затем эти товары продавались иностранцам на серебро. Так, в 1661 г. крупную сделку на продажу 100 тыс.

пудов казенной пеньки («литовской») заключил Иван Гебдон, отправленный русским правительством в Амстердам. Эту пеньку покупатели должны были принять в Архангельске и беспошлинно вывезти в Нидерланды. 9 февраля 1662 г. был установлен временный запрет на свободный вывоз *поташа, смольчуга, юфти, пеньки, говяжьего сала и соболей*. (Согласно таблице, составленной Родесом в 1653 г., поташ, смольчуг, юфть, говяжье сало и соболи оценивались в 643 613 р., что превышало 55% стоимости русских отпускных товаров, вывозимых через Архангельск; пенька тоже в больших количествах вывозилась за границу, преимущественно через Новгород и Псков.)³⁵

Объявив государственную монополию, правительственные агенты из выборных людей немедленно приступили к изъятию «указных товаров» у населения, чтобы обеспечить их доставку к ярмарочному торгу в Архангельске летом—осенью 1662 г. Частным торговцам запрещалось продавать «указные товары» непосредственно иностранцам, казна сама рассчитывала выручать за них ефимки и русские серебряные деньги. Во главе всей операции был поставлен окольный Р.М. Стрешнев, объединивший в своих руках управление Приказом Большого прихода и Сибирским приказом. Технический аппарат был построен на основе обязательного привлечения и обязательной повинности торгового и посадского населения. Его возглавили 5 гостей и торговых людей гостиной сотни и 15 торговых людей суконной сотни, обязанных покупать, обменивать и продавать товары.³⁶

На деле эта необычная правительственная акция явилась самой настоящей реквизицией товаров, поскольку скупка производилась на обесценивающиеся медные деньги по ценам, которые существенно отставали от реальных. К тому же казна не всегда могла рассчитаться за товар даже по казенной оценке. Реквизиция поташа и смольчуга прямо затронула интересы крупных землевладельцев, а пеньки (особенно в первый год) — оптовиков и крупных экспортеров, которые уже скупили товар и готовились к его вывозу в Архангельск и за границу. Неудивительно, что торговые и промысловые люди оказывали сборщикам указных товаров «упорное пассивное сопротивление».³⁷

Во время ярмарочного торга 1662 г. казне удалось продать и променять 2920 бочек поташа, 35 972 пуда пеньки и 10 434 пуда «юфтей красных кож». При этом обнаружилось, что многие иностранные купцы не спешили покупать русские товары за талеры и по монополюно высоким ценам. Это вынуждало правительство предпринимать шаги по вывозу их за границу при помощи собственных агентов или путем продажи на серебро русским торговым людям, которые уже от себя продвигали товары на внешнем рынке. Однако в ливонских городах продавцы казенных товаров встретили решительное сопротивление со стороны немецких купцов — подданных шведской короны, возмущенных нарушением условий Кардисского договора о свободной торговле. Шведские власти не только воспротивились продаже русских товаров за валюту, но также запретили вывоз в Россию золотых и ефимков. Они даже перешли в дипломатическое наступление против русской стороны, под напором которого последней пришлось восстановить для шведских подданных свободную торговлю «заповедными товарами».³⁸

Установленная государством монополия на торговлю шестью «указными товарами» продолжалась до 1 сентября 1662 г. Действительно, из грамоты в Пермь Великую, в Чердынь и Соликамск воеводе Голенищеву от 30 января 1663 г., а также из памяти вятскому таможенному голове и целовальникам от 20 февраля 1663 г. следует, что с 1 сентября 1662 г. «указные товары» были обращены в свободную продажу. Одновременно вводилось положение о взимании «двойной пошлины» с товаров, продаваемых иностранцам: «А вместо тех указных шти товаров, для пополнения серебра, на время велено иметь повышенную пошлину против прежнего вдвое, по гривне с рубля, серебряными денгами, против цены». Таким образом, отменяя с 1 сентября 1662 г. казенную монополию, правительство взамен ввело повышенную 10-процентную пошлину серебром с продажи товаров «в отвоз в иные государства».³⁹ Отмечая этот исторический факт, К.В. Базилевич тем не менее настаивал, что «торговля казенными товарами происходила каждый год, постепенно уменьшаясь в размере вплоть до 1676 г.».⁴⁰

В 1662—1663 гг. на оплату реквизируемых товаров из приказов и из местных средств было истрачено 1 432 093 р. медными деньгами. Затем их основная часть была реализована в Архангельске, а также в Новгороде и Пскове. Особенно большое значение имели результаты распродажи «указных товаров» в 1662 и 1663 гг. На Архангельской ярмарке 1662 г. от продажи указных товаров было получено деньгами 133 791 р. и иностранными товарами (сукном, камкой, атласом, бархатом и оловом в изделиях) на 75 176 р. Кроме того, было отдано товаров в долг иностранным купцам на 14 498 р. Часть иностранных товаров, полученных в обмен на «указные товары», была затем реализована в Москве за наличные и в кредит. Итог следующего года был менее благоприятным, так как иностранцы

стремились платить за русские товары не серебром, а своими товарами. Однако даже то серебро, которое было получено в первый год операции, позволило правительству уже в середине 1663 г. объявить об отмене медных денег и приступить к восстановлению серебряной денежной системы.⁴¹

С 70-х гг. XVII в. существовал откуп на вывозную торговлю льняным семенем. Первоначально он находился у Вологжанина посадского человека Б. Окопишника, а с 1688 г. на пять лет перешел к гостю И. Панкратьеву.⁴²

Примечания

- ¹ Еще Дж. Флетчер обращал внимание на такие проявления государственного монополизма в сфере торговли, как принудительная скупка по заниженной цене товаров у русских людей через специальных «нарочных» и последующая продажа этих товаров русским и иностранным купцам; изъятие на время из свободного торгового оборота некоторых товаров; принудительная скупка иностранных товаров и перепродажа их русским купцам; монопольная распродажа товаров (меха, хлеб, лес и др.), поступивших в казну в порядке уплаты прямого налога (никто не смел продавать те же самые товары до особого распоряжения) (*Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 67*).
- ² *Куриц Б.Г. Состояние России... С. 153, 157, 159.*
- ³ *Котошихин Г.К. О Московском государстве... С. 291—292. Гл. 12, ст. 1. На шелк, черную икру, смолу, поташ, ремень и другие казенные товары правительственные агенты выменивали у иностранных купцов пушки, ружья, порох и другие «стратегические» товары (*Огородников С.Ф. Очерк истории... № 10. С. 115*).*
- ⁴ *Лодыженский К. История... С. 13.*
- ⁵ *Базилевич К.В. 1) Коллективные челобитья... С. 97; 2) Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 74.*
- ⁶ *Козинцева Р.И. Участие казны... С. 325.*
- ⁷ *Перхавко В.Б. Хлеботорговля в Древней Руси // ОИ. 1996. № 4. С. 25.*
- ⁸ *Кордт В.А. Очерк сношений... С. 177—179; Мельникова А.С. Русские монеты... С. 171; Шаскольский И.П. Экономические отношения... С. 9.*
- ⁹ *Перхавко В.Б. Хлеботорговля... С. 25.*
- ¹⁰ *Базилевич К.В. Коллективные челобитья... С. 96.*
- ¹¹ *Костомаров Н. Очерк торговли... С. 211.*
- ¹² *Ласт* — мера емкости = 20 четвертей, что приблизительно соответствовало 100—120 пудов (*Куриц Б.Г. Сочинение Кильбургера... С. 380*).
- ¹³ *Любименко И.И. Торговые сношения России с Англией... С. 166, 170—171. По сведениям Родеса, в 1653 г. из России было вывезено 10 000 ластов ржи, ячменя и пшеницы по 25 р. за ласт (*Куриц Б.Г. Состояние России... С. 163*).*
- ¹⁴ *Кордт В.А. Очерк сношений... С. 180—186; Любименко И.И. Торговые сношения России с Англией... С. 166—169. В 1628 г. представителям Швеции было разрешено беспроцентно закупать в Архангельске значительное количество хлеба для вывоза за границу. Однако по поручению шведского правительства этот хлеб передавался нескольким голландским купцам, которые производили его закупку и отвозили на своих судах в Амстердам и другие голландские порты, где продавали, извлекая чистый доход в пользу заказчика. Тем самым Россия оказывала соседнему государству, воевавшему с Польшей, финансовую субсидию. Шведам лишь следовало официально договариваться с русским правительством о размерах и условиях этих закупок, продолжавшихся до 1634 г. (*Шаскольский И.П. Экономические отношения... С. 30—32, 42, 46—47, 56—59, 65*).*
- ¹⁵ *Кильбургер И. Краткое известие... С. 104; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 206; Огородников С.Ф. Очерк истории... № 10. С. 114.*
- ¹⁶ *Костомаров Н. Очерк торговли... С. 241.*

- ¹⁷. Там же.
- ¹⁸. *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 320.
- ¹⁹. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 247.
- ²⁰. Там же. С. 252; *Кильбургер И.* Краткое известие... С. 94; *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 312—313; *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 145.
- ²¹. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 255—256.
- ²². *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 315—316.
- ²³. *Рухманова Э.Д.* Архангельская торговля... С. 146, 148.
- ²⁴. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 257, 258. По всей видимости, в Сибири введение «десятиной пошлины с сибирских товаров, ото всякого зверя от девяти десятое — с соболей и с куниц, и с лисиц, и с бобров, и с песцов, и с белок, и с горностаев, и со всякие мягкие Рухляди», а также взимание десятой части с привозных «русских товаров» стало практиковаться с конца XVI в. (*Копылов А.Н.* Таможенная политика... С. 332).
- ²⁵. *Копылов А.Н.* Таможенная политика... С. 338.
- ²⁶. *Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 247. Гл. 7, ст. 7.
- ²⁷. ПСЗ I. Т. 3. № 1474; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 257—261; *Копылов А.Н.* Таможенная политика... С. 339, 358.
- ²⁸. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 194.
- ²⁹. Там же. С. 229; *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 297—298.
- ³⁰. *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 97.
- ³¹. В самом конце XVII в. Англия вывозила из России 72.9% потребляемого ею поташа (*Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Ч. 1. С. 102),
- ³². *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 229.
- ³³. Там же. С. 228; *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 68.
- ³⁴. *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 303.
- ³⁵. ААЭ. Т. 4. № 130. С. 178—179; *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 52—55, 62; *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 283.
- ³⁶. *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 64.
- ³⁷. Там же. С. 62—64, 69.
- ³⁸. Там же. С. 65; *Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 178—182.
- ³⁹. ПСЗ I. Т. 1. № 332; ААЭ. Т. 4. № 139. «Повышенные новоприбыльные гривенные пошлины», ложившиеся тяжелым бременем на русских гостей, продававших свои товары торговым иностранцам «в отвоз в иные государства», взимались до 1 февраля 1667 г. (ДАИ. Т. 5. № 32. С. 163—164).
- ⁴⁰. *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 65, 73. Всего за время существования монополии (с 1662 г. по 1675/76 г.) в казну было поставлено 254 839 пудов поташа, 8515 бочек смольчуга, 33 910 пудов юфти, 163 797 пудов пеньки, 19 299 пудов говяжьего сала и 326 сороков 29 соболей (в том числе 187 сороков 31 соболя были взяты безденежно у торговых людей в виде четвертой доли). Кроме того, из Сибирского приказа поступило в продажу 55 сороков соболей ценой в 5300 р., а также белок и лисиц на 4700 р. (Там же. С. 66—67).

⁴¹ *Базилевич К.В.* 1) Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663) С. 240; 2) Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 66—67; 3) Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 41. С. 22.

⁴² *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 290.

4.7. Конкуренция русских торговых людей с иностранцами. Начало политики торгового протекционизма

По завершении Смуты царь Михаил Федорович твердо заявил о своем намерении прекратить самоуправство архангельских воевод и приказных людей, чинивших торговым иноземцам «обиды и бесчестье и убытки великие». 10 августа 1616 г. он направил в Архангельск указ, повелев английским, нидерландским, гамбургским и всем остальным «разных земель гостем и торговым людям» присылать в случае притеснений со стороны воевод и приказных людей свои челобитные в Москву, в Посольский приказ.¹ С этого времени правительство возобновило практику предоставления торговым иноземцам широких прав и привилегий в области торговли и промыслов. В отдельных случаях им даже разрешалось нанимать собственную вооруженную охрану. Так, по договору, заключенному в 1634 г. с Голштинией, купцам голштинской компании дозволялось привозить с собой до 400 вооруженных людей для защиты во время транзитного движения по Волге в Персию.²

На особом положении по-прежнему были купцы из Швеции и Польши. По мнению А.С. Мулюкина, «когда с этими нациями у нас не было войны, то все отношения с ними регулировались мирными договорами, которые <...> в XVI веке были заняты и самым правом приезда шведских и польских купцов в Россию, а в XVII веке это право само собою подразумевалось, как предшествующее действиям, на которые управомочивали договоры шведов и поляков в XVII веке».³

Действительно, купцы — подданные шведского короля — имели право свободного приезда в русские города, пользовались различными торговыми льготами на основании межправительственных договоров и лишь в платеже пошлин подвергались местным условиям, «без всяких особых привилегий».⁴ Однако московское правительство и воеводы порубежных городов нередко чинили им в этом различные препятствия, фактически нарушая договорные обязательства. Так, в 1631 г. Михаил Федорович предписал воеводам пропускать к Москве только крупных оптовиков, хотя такого ограничения в русско-шведских договорах не содержалось. На усмотрение воевод было также предоставлено «в каждом отдельном случае решение вопроса о возможности данному шведскому купцу проехать к Москве».⁵ Русские власти продолжали стеснять шведскую торговлю и в последующие годы, умышленно ограничивая ее Псковом, Новгородом и Москвой.⁶

После Смуты польские и литовские купцы утратили прежнее право свободного приезда в Москву и другие внутренние города России. По условиям *Поляновского мира* (1634) им разрешалось торговать лишь в пограничных городах. И только после заключения *Андрусовского перемирия* (1667) в русско-польских торговых отношениях наметились позитивные тенденции. По указу от 28 ноября 1672 г. подданные польского короля вновь получили право свободной торговли в Москве (исключая винную и табачную торговлю) с платежом пошлин по Новоторговому уставу 1667 г.¹

Все остальные иностранные купцы различались правами в зависимости от национальности (подданства) и содержания выданных им жалованных или проезжих грамот. В Москву и другие внутренние города они могли приезжать лишь при наличии жалованных или проезжих грамот. В указе царя Михаила Федоровича, изданном между 1618 и 1621 гг., архангельским воеводам было велено следить за тем, чтобы торговые иноземцы, приезжавшие в Архангельск без жалованных грамот, не отпускались оттуда в Москву и другие города без государева указа. Тех же торговцев, у кого были проезжие грамоты лишь до Москвы, запрещалось отпускать в другие города, кроме столицы. Это правило продолжало действовать и в последующие годы, о чем говорит указ царя и патриарха (1627), подтвердивший запрет приезда иностранных купцов для торговли в Москву без жалованных грамот.² При поездке в другой русский город или в случае выезда из страны торговый иноземец должен был подать прошение на царское имя и получить в Посольском приказе проезжую грамоту.³

Обычно торговые иноземцы приезжали в порубежные города без каких-либо грамот вообще. В отношении некоторых из них воеводы извещались заранее. Для решения вопроса о пропуске в Москву

и внутренние города страны других воеводы посылали запрос в Посольский приказ, откуда в каждом конкретном случае выдавались проезжие грамоты.¹⁰ Если торговый иноземец, не имевший жалованной грамоты, собирался зимовать в Холмогорах, он должен был через архангельского воеводу обратиться за разрешением к царю. Аналогичным образом ему следовало поступить и в том случае, когда он хотел уехать сам, оставив зимовать в Холмогорах своих людей с непроданными товарами.¹¹

Нередко иностранцы добивались жалованных и проезжих грамот незаконным путем, подкупая дьяков и приказных людей. Так они приобщались к различным торговым привилегиям и даже избавлялись от уплаты таможенных пошлин. Иногда они торговали в Москве и других внутренних городах вообще без жалованных грамот или на основе лишь проезжих грамот.¹² Случалось, что иностранцы передавали или продавали свои жалованные грамоты другим, «и последние спокойно торговали под именем тех, кому даны грамоты, называя себя то их братьями, то племянниками, то приказчиками; ибо всякая такая жалованная грамота распростиралась не только на одно лицо, но и на тех, которые состояли с ними в одном торговом капитале, и даже на тех, которые у них служили».¹³ Как бы то ни было, но царские указы, направляемые воеводам, дьякам и приказным людям порубежных городов и обязывающие их задерживать иностранцев, пытавшихся следовать в Москву без соответствующих жалованных или проезжих грамот, зачастую игнорировались и имели «ограниченное применение».¹⁴

В 1616 г. московское правительство запретило русским подданным указывать торговым иноземцам путь на Енисей или в Мангазею — русский город в Западной Сибири. Даже в случае появления последних в тех краях русским торговым и промышленным людям запрещалось вступать с ними в торговые сношения. В 1629 г. царским указом архангельскому воеводе повелевалось предотвращать появление иностранцев в Пустозерске и низовьях Печоры. Указами 1649, 1664, 1667 гг. строго запрещалось пускать иностранцев к какому бы то ни было северному береговому поселению, кроме Архангельска и Колы.¹⁵

Время пребывания иностранных купцов обычно ограничивалось продолжительностью ярмарочного торга, по завершении которого они должны были сразу же уезжать. Лишь в том случае, если им не удавалось по какой-либо причине покинуть страну или распродать свой товар, они могли просить царя о продлении своего пребывания или о передаче товаров на ответственное хранение. Имеется указание 1620 г. о том, что и восточные купцы должны были выезжать после распродажи своих товаров. В любом случае их пребывание в России не могло превышать одного года. «Конечно, — подчеркивал А.С. Мулюкин, — далеко не все иностранцы были настолько корректны по отношению к русским порядкам. Бывали случаи, что иностранцы долго жили в России, занимаясь именно торговлей, но такое проживание было фактом, а не правом. Лишь только центральное правительство узнавало об этом, оно сейчас же и выселяло их за границу, в качестве нарушивших установленные правила иностранной торговли».¹⁶

В привилегированном положении находились англичане, которые пользовались правом беспошлинной торговли. Они лишь были обязаны предъявлять товары в царскую казну для выбора и уступать их по той цене, по которой они продавались в самой Англии, не привозить чужих товаров под видом своих, «не вывозить шелку за границу и не привозить табаку».¹⁷ Начиная с 1587 г. представителям Московской компании запрещалось нанимать русских людей в качестве своих торговых порученцев и заключать с ними кабальные сделки, чреватые «закладничеством».¹⁸

Постоянно пользовались значительными правами и льготами нидерландские купцы. Однако и они, подобно другим торговым иноземцам, должны были продавать в Архангельске свои привозные товары в казну по выбору уполномоченных государя, соглашаясь на «прямую цену».¹⁹ Немецким купцам, за исключением гамбургских и любекских, запрещалось приезжать в Россию.²⁰ Вообще же нидерландцы, гамбуржцы, любекцы и бременцы никогда не имели организации, которая хоть отдаленно напоминала бы Московскую компанию англичан. «Появившиеся в России купцы и их приказчики, — указывает А.В. Демкин, — принадлежали к различным компаниям, действовавшим, как правило, на их родине. Отдельным купцам и компаниям выдавались жалованные грамоты (лишь некоторые нидерландские компании пользовались правом торговать с уплатой половины пошлин. — *М.Ш.*), но основная масса торговцев приезжала по чужим жалованным грамотам либо вообще не имела таких грамот».²¹

Около 1630 г. Михаил Федорович грамотой на имя короля Франции разрешил подданным последнего торговать в Московском государстве.²² В 1656 г. Алексей Михайлович предоставил право свободной

торговли в России всем венецианцам. В письме венецианскому дожу Франциску Молина от 23 ноября он писал: «Вашим торговым людем в нашу царского величества сторону со всякими товары ездить указали». ²³ В конце 1650-х гг. право свободной торговли было пожаловано всем флорентийцам. ²⁴

Восточным же купцам и греческим в XVII в. чаще всего запрещалось приезжать в Москву. Первых нередко останавливали в Казани, позволяя отправляться к Москве только крупным оптовикам и тем, у кого имелись на руках проезжие грамоты. Остальным разрешалось торговать лишь в Астрахани, Казани и Нижнем Новгороде. Торговлю же греческих купцов правительство обычно ограничивало южными городами, главным образом Путивлем. ²⁵

По мнению И.И. Любименко, шведы, датчане, немцы имели сравнительно легкий доступ в Россию потому, что были протестантами; к католикам же и после Смуты испытывались глубокая ненависть и упорное недоверие. В этом она видела причину того, что «завязавшиеся было через Беломорский путь в XVI веке сношения с французами при Романовых почти совершенно сошли на нет». ²⁶ С таким подходом решительно не соглашался А.С. Мулюкин, стремившийся доказать, «что принадлежность купцов к католичеству не играла в глазах московского правительства роли при определении прав католиков на торговлю». ²⁷

Евреи пользовались правом въезда в Московское и Новгородское государства лишь до начала XVI в. Из грамоты польского короля Сигизмунда II на имя Ивана IV от 21 мая 1550 г. видно, что запрещение еврейским купцам приезжать в Россию появилось задолго до 1550 г. В ответе русского царя (1550) до польского короля доводилось: «...и нам в свои государства жидом никак ездити не велети, занже в своих государствах лиха никакова видети не хотим». Об этом же говорилось в известной избирательной грамоте московских бояр для королевича Владислава (1610). ²⁸ После присоединения Могилева к России в 1654 г. царь Алексей Михайлович распорядился о выселении евреев из города: «А жидам в Могилеве не быти и житья никакого не имети», ²⁹ Именным указом 12 сентября 1676 г. Московской Большой таможене запрещалось регистрировать товары, привозимые «утайкою» еврейскими купцами, «для того, что по указу великого государя евреям с товары и без товаров из Смоленска пропускать не велено». ³⁰ В Московском перемирном договоре России и Польши от 3 (13) августа 1678 г. стороны вновь обязались свободно пропускать «на обе стороны» с любыми незапрещенными товарами торговых людей «обоих великих государей», «кроме жидов». ³¹

Промежуточное положение между западноевропейскими и русскими купцами занимали так называемые *московские торговые немцы* (иноземцы). Действительно, Россия для них была постоянным местом жительства, а для большинства и родиной. «Вообще, — отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов, — иностранцы оседлые тотчас же делались подданными государства и, след[овательно], переставали быть иностранцами». ³² Торговые иноземцы (их группа существовала с 1599 г.) выполняли различные торговые и дипломатические поручения царского правительства, участвовали в становлении промышленных мануфактур, поставляли казне различные товары, информировали правительство о событиях в Западной Европе, платили чрезвычайные подати, в челобитных на царские имя употребляли выражение «холоп твой», иногда получали от царя жалованные грамоты со званием гостя и т. д. Источники не указывают уже их национальности. «Большинство исследователей, и не без оснований, — полагает В.Н. Захаров, — включают их в состав русского купечества. Но их можно рассматривать и как особую группу купцов иностранных, наиболее глубоко укоренившихся в России. Они принадлежали к иностранной колонии в Москве, имевшей особый правовой статус, не входили в состав русских купеческих корпораций, посадских общин. В то же время они сохраняли непосредственные связи с западноевропейским рынком и кредитом <...> участвовали наряду с другими западноевропейскими купцами в торгах по откупам казенных экспортных товаров, переводили деньги за границу, регулярно отправляли товары в Англию, Нидерланды и получали их оттуда». ³³

Выявив в России XVII в. всего 113 московских торговых иноземцев (Вестовы, Марсовы, Кельдерманы и др.), А.В. Демкин также отмечает, что московские торговые иноземцы в правовом отношении ничем не отличались от других иностранцев, обладавших жалованными грамотами (свободная торговля, свободное перемещение товаров при наличии проезжих грамот, неподсудность местной администрации, кроме тяжких уголовных преступлений, нетяглый статус собственных дворов и т. д.), звание же гостя для них «имело скорее почетный характер и являлось поощрением за большие заслуги. Гости из числа западноевропейцев не входили в корпорацию русских гостей». ³⁴

До середины XVII в. многие торговые и служилые иноземцы имели собственные дома в Москве. Однако по царскому указу 1627/28 г. неправославным иноземцам запрещалось держать на своих дворах прислугу из русских людей, «чтоб в том христианским душам осквернения не было и без покаяния не помирали бы». (По мнению церковных властей, служба православных людей у некрещеных иноземцев вела к несоблюдению первыми христианских обрядов.)³⁵ Уже в 1630-е гг. западноевропейцев, отказавшихся от крещения в православие, вынуждали к переселению за Покровские ворота. Не позднее 2 марта 1643 г. был издан царский указ, запретивший иностранцам покупать дворы у русских людей «на Москве в Китае, и в Белом городе, и за городом в слободах». Одновременно было решено закрыть все протестантские церкви, находившиеся вблизи православных.³⁶

В 1652 г. указом царя Алексея Михайловича для проживания иностранцев была выделена особая слобода за Земляным городом на берегу р. Яуза, получившая название «Кукуй». В конце XVII в. в Новой немецкой слободе (первая Иноземская слобода, основанная еще в 1559 г. для выходцев из Ливонии, сгорела в начале XVII в. во время Смуты) насчитывалось 200 домов и проживало 1500 человек, большинство которых были выходцами из Германии, меньше — из Нидерландов и Англии.³⁷ В связи с тем, что по Уложению 1649 г. *кирхи* — церкви лютеран и кальвинистов — могли находиться лишь за Земляным городом, в Немецкой слободе мирно сосуществовали пять церковно-приходских общин: две лютеранские, реформаторская (голландская), католическая и англиканская.³⁸

Иностранцев, торговавших в Московском государстве по жалованным грамотам русского царя, можно было судить только в Посольском приказе.³⁹ Так, по жалованной грамоте 1614 г., выданной Московской компании, в этом приказе вершился суд над английскими гостями, их приказчиками и людьми по искам русской стороны, исключая душегубство, воровство и разбой с поличным. Все судебные иски англичан тоже подлежали рассмотрению в Посольском приказе. Лишь торговые и долговые претензии Московской компании к подданным русского царя надлежало разбирать местным судам, дьякам и другим приказным людям.⁴⁰ Если же англичанин обвинял русского, то последнего отдавали ему на поруки до разбирательства дела в Посольском приказе.⁴¹ Когда в 1620 г. губернатор Московской компании Джон Меррик ходатайствовал, чтобы для англичан был назначен особый попечитель из высших бояр, «то ему ответили, что их ведают и будут ведать в одном Посольском приказе, и о делах их будут доносить царю думные посольские дьяки». В 1631 г. послы Нидерландов добились для всех своих купцов освобождения от подсудности областным учреждениям, воеводам и дьякам и получили привилегию обращаться в случае обиды с жалобой прямо к царю и патриарху. Все иски к ним должны были разбираться посольскими дьяками в Посольском приказе.⁴²

Несмотря на то что и другие иноземцы состояли в ведении Посольского приказа, «когда случалось какое-нибудь дело, какая-нибудь жалоба иностранца на русского, — дело производилось в том приказе, в котором ведом был ответчик. Такой приказ требовал к своему суду иностранцев, и тут-то начиналось судебное волокитство <...> По Уложению (1649 г. — *М.Ш.*), все иноземцы, жившие в России, должны были судиться тем же судом, как и подданные Московского государства. В 1653 г. дана была грамота голландцам и вообще всем торговым иноземцам на право быть судимыми в одном Посольском приказе». Отличительная особенность судопроизводства иностранцев заключалась еще и в том, что их не предавали пыткам. «Но в половине XVII века, — указывал Н.И. Костомаров, — в 1661 году, персияне, тезики и греки (об иноземцах других наций не известно) подвергались торговой казни за продажу табака». По свидетельству Г.К. Котошихина, накануне принятия Новоторгового устава 1667 г. Посольский приказ не только ведал всех московских и приезжих торговых иноземцев, но также судил и чинил расправу над ними.⁴³

Конкуренцию иностранцам могла составить лишь крайне немногочисленная группа крупных русских оптовиков, принадлежавших к полуслужилому сословию *гостей*.⁴⁴ Это была высшая категория привилегированного русского купечества, которую по мере необходимости пополняли наиболее состоятельные и услужливые выходцы из гостиной и суконной сотен, а также из посадских людей, разбогатевших на торгах и промыслах. Однако не все, пожалованные в высшие купеческие корпорации, должным образом справлялись с обязанностями управленцев и хозяйственников по финансовой части, некоторые из них беднели и социально опускались. Во многом поэтому правительство вынуждено было регулярно зачислять в звание московского гостя десятки новых богачей из провинциальных посадов.⁴⁵ В 1600—1630 гг. через корпорацию гостей прошло 73 чел., в 1631—1650 гг. — 55 чел., в 1651—1675 гг. — 84 чел., в 1676—1699 гг. — 85 чел. Если в первой половине XVII в. численность гостей колебалась от 15 до 35 чел. в году, то в 1651—1675 гг. — от 21 до 54 чел., а в 1676—1699 гг. от 45 до 61 чел.⁴⁶ По свидетельству Г.К. Котошихина, годовой торговый

оборот каждого из гостей составлял от 20 до 100 тыс. р. Однако к настоящему времени доказано, что официальной нормы капитала не существовало. Более того, поскольку «приоритет отдавался службе», то корпорация гостей далеко не всегда пополнялась из среды только самых богатых купцов.⁵⁰

После 1613 г. пожалованным «гостиним именем» выдавались персональные царские грамоты, в которых перечислялись их заслуги (верная служба в головах или целовальниках у соболиной казны, в таможах, на кружечных дворах и т. д.), послужившие основанием для пожалования, а также права и привилегии. В 1648 г. корпорация гостей получила новую единую грамоту, и «выдача персональных грамот на чин гостя с перечислением всех дарованных льгот потеряла прежнюю обязательность».⁵¹ Гости могли ездить в пограничные государства, находившиеся в мирных отношениях с Россией, и торговать разными товарами, кроме заповедных, совершать сделки с земельной собственностью и т. д.⁵² Они освобождались от суда и расправы воевод и дьяков тех городов, где торговали, и судились в определенном приказе (в Москве и области — в Приказе Большой казны, в областных городах — в соответствующих четьях); имели право не целовать креста сами; могли взыскивать с обидчика штраф в размере 50 р., что в 10 раз превышало аналогичный штраф в пользу представителей зажиточных средних слоев; могли держать «в домах своих, про свой обиход» спиртное; освобождались во время пути от мытов, перевозов, мостовщин, головщин и других пошлин; не исполняли различных податей и повинностей, падавших на торговых посадских людей; их дворы освобождались от тягла, постоев и всяких тяглых повинностей и т. д.⁵³

К гостям примыкали торговые люди *гостиной* и *суконной сотен*, каждая из которых в XVII в. во много раз превышала по численности корпорацию гостей. Достаточно сказать, что в 1600—1620 гг. состоялось 228 пожалований в гостиную сотню, в 1621—1630 гг. — 248, в 1631—1650 гг. — 395, в 1651—1670 гг. — 220, в 1671—1690 гг. — 431, в 1691—1699 гг. — 281.⁵⁴ Уже в царствования Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского торговые люди гостиной сотни обладали почти всеми правами гостей. Они не могли лишь свободно выезжать за границу⁵⁵ и покупать вотчины, «сверх того, члены гостиной сотни по обязанности и по очереди были выбираемы в должности, а гости освобождались от выбора товарищами, но назначались по особому царскому распоряжению». Несмотря на то что торговые люди суконной сотни обладали меньшей полнотой прав по сравнению с вышестоящими категориями купечества, им тоже дозволялось держать «на свой обиход» вино и покупать беспошлинно съестных припасов на 60 р., «по человеку смотря». Вместе с детьми, племянниками и людьми они подлежали суду областных воевод только при совершении уголовных преступлений и в случае «встречного суда».⁵⁶

Повышение социального статуса торгового человека, его переход в высшие разряды купеческого сословия обуславливались размером находившихся в обороте капиталов, значением занимаемой должности и результатами служебной деятельности. Пожалованные в звание гостя обязаны были переезжать в Москву. В первые годы царствования Михаила Федоровича правительство добивалось этого категорично. Однако затем оно не только разрешило гостям, переехавшим в Москву, по-прежнему владеть дворами, лавками и иной недвижимостью в других городах при условии уплаты за них тягла, но и вообще перестало настаивать на переезде. Это вело к укреплению прослойки привилегированного купечества в провинциальных торговых центрах. Согласно Соборному уложению 1649 г., выходцы из черных сотен и посадских людей, пожалованные в гостиную и суконную сотни, также должны были проживать в столице. Переезжавшим в Москву надлежало «тяглые свои дворы и с промыслы продать тех же городов посадским тяглым людям». В противном случае им следовало по-прежнему платить тягло «с тех своих городских тяглых дворов и с тех промыслов в городех з городскихми с посадскими людьми».⁵⁷

К середине XVII в. в России окончательно сформировалось сословие торговых людей, обособившееся от других категорий городского и сельского населения. Соборное уложение 1649 г., прикрепив посадских к тяглу и посадской общине, предоставило им исключительные права на торговую-ремесленную деятельность. Впредь лавки, погреба и варницы в пределах городской черты могли держать лишь одни государевы посадские тяглые люди. Представители других сословий, занимавшиеся торговлей, обязаны были либо продать свои заведения торговым посадским и слободским людям, либо сделаться тяглыми и платить подати наравне с ними. Впрочем, существовали исключения из этого правила: стрельцы, казаки, драгуны и некоторые другие социальные категории, промышленявшие торговлей, избавлялись от тягла и тяглых служб. Более того, после издания Уложения московские гости и привилегированные купеческие сотни продолжали испытывать торговую конкуренцию со стороны крестьян, светских и духовных феодалов. Фактически «утверждавшаяся в

Уложении монополия посадских на торгово-промышленные занятия в черте города не была реализована на практике».⁵⁸

Техника товарищеского дела в России оставалась весьма несложной. Компанейские отношения торговых людей были простой складчиной на отдельное торговое дело и не продолжались на сколько-нибудь длительные сроки. К примеру, если один из купцов, торговавших в складчину, отправлялся в деловую поездку с товаром и деньгами, а в пути подвергался нападению и ограблению, то товарищ не мог требовать «тех товаров и денег своей половины». Если же сыском не подтверждалось, что утрата имущества и денег произошла по причине форс-мажорных обстоятельств, то ответчику следовало возместить своему компаньону стоимость его части имущества.⁵⁹ По мнению А.И. Каминки, эта и некоторые другие статьи Соборного уложения свидетельствуют о том, что к середине XVII в. «нормы торгового права не получили сколько-нибудь серьезного развития».⁶⁰

Многочисленные льготы и привилегии, предоставленные торговым иностранцам, ставили русских торговых людей, бедных капиталами и к тому же отягощенных очень высоким промышленным налогом (20% с дохода), «в положительную невозможность соперничать с иностранцами, которые были зажиточнее сами по себе и опирались на обильные капиталы их отечества. Вследствие этого, вся деятельность русских купцов должна была ограничиться внутренним, мелочным торгом, к которому иностранцы не допускались».⁶¹

Даже во второй половине XVII в. торговые обороты русских экспортеров юфти (дубленой кожи), сала, пеньки и льна (за эти товары шла основная борьба) значительно уступали размаху торговых операций иностранных скупщиков (торговые сделки производились в Москве, Ярославле, Вологде, Новгороде, Пскове и некоторых других городах). Достаточно привести такой пример: за период с 1 ноября 1666 г. по 14 мая 1667 г. через Московскую Большую таможенную было отправлено в Ярославль и Вологду к Архангельску: русскими торговыми людьми — 411 возов (примерно 8220 пудов) пеньки, 64 бочки поташа, 65 бочек смольчуга и 22 479 яловичных кож; иностранцами — 29 533 пудов пеньки, 1087 бочек поташа и 672 бочки смольчуга, «количество кож было незначительным, причем кожи отправлялись в необработанном виде».⁶² Нетрудно подсчитать, что соотношение по пеньке было 1:3, смольчугу — 1:10, поташу — 1:17. Мелкие же и средние скупщики зависели от иностранного капитала и легко превращались в его агентов.⁶³

Иностранцы, вывозившие из страны поташ, «совершенно не зависели от русских купцов». Они либо производили поташ на собственных предприятиях, либо покупали его у русских владельцев поташных заводов. Кожа также покупалась в местах ее выделки, где цены стояли ниже, чем на ярмарке в Архангельске. Таким образом, в обоих случаях иностранцы избегали посредничества крупной русской торговли.⁶⁴ Подобным же образом заморские гости скупали и пеньку (трепаную коноплю, грубое лубяное волокно), служившую сырьем для производства канатов, веревки и шпагата. При этом голландцы сами перерабатывали пеньку в пряжу на своих дворах. Англичане этим не занимались, но в договорах с русскими на поставку пряжи они постоянно оговаривали качественные параметры, которым та должна была соответствовать. Пряже следовало быть «доброй, тонкой, какову прядут на аглинских на гостиных дворах».⁶⁵

Осуществляя закупку русских товаров, иностранцы зачастую действовали с нарушением местных законов и обычаев, нанося значительный ущерб государственной казне и еще больше затрудняя положение русских торговых людей. «Для того, чтобы иметь возможность приобретать товары вне городов, непосредственно у производителей и по мелким статьям, — писал И.М. Кулишер, раскрывая сам механизм правонарушения, — иностранцы нанимают русских людей, которые по их поручению, "от них" торгуют, являются "закупнями" <...> Не совершая сами запрещенных сделок, иностранцы через посредство "маломочных" русских людей достигают своих целей — последние как бы за собственный счет покупают у производителей товар как оптом, так и мелкими статьями, покупают его и у других иностранцев».⁶⁶

Поставка товара производилась по заранее заключенному договору, напоминавшему сделку по денежному кредиту (о поставке каких-либо товаров обычно не говорилось). Как правило, вся сумма или часть денег выплачивались русским поставщикам при оформлении заказа. К примеру, «в 1641 г. крестьянин вологодского помещика Ортемья Елмаметова Пантелейко Петухов подрядился со своими детьми на поставку 1400 пуд пряжи на сумму 700 р. англичанам Цысарю Адамсу и Роману Иванову.

Деньги были полностью получены при заключении договора. Поручителями были сам помещик Ортемий Елмаметов и все крестьяне его поместья. Пряжа поставлялась частями». ²² По заключенному в 1643 г. договору с приказчиком английского гостя Томаса Сомса крестьянин Иван Палагин, постоянно проживающий в Москве, в Огородной слободе, должен был поставить 2000 пудов доброй вяземской пеньки — не гнилой, не мокрой и не песчаной «и во всем без изъяна». Стоимость товара была определена в 620 р., из которых при заключении договора подрядчик получил 100 р. Выплата же основной суммы предусматривалась при поставке последней партии пеньки в обусловленный срок. ²³

Кредитные сделки, оформлявшиеся в виде *кабал* (от *арабск.* — расписка, обязательство), «не подпадали под запретительные статьи Новоторгового устава, так как собственно торговыми операциями не считались». ²⁴ После высылки англичан из внутренних городов России в 1649 г. Приказу сыскных дел было поручено заниматься ликвидацией дел Московской компании. В течение двух лет англичане предъявили в приказ «претензий по неисполненным договорам и кабальным долгам на общую сумму 26 857 р. 5 ал. В эту сумму вошли лишь долги, взыскание которых не могло быть произведено самими англичанами». ²⁵ В частности, в 1649 г. английскими представителями в Приказ сыскных дел к взысканию были поданы две записи и кабала на общую сумму 940 р. на поручителя по этим подрядам Ортемья Елмаметова. Поскольку же ко времени подачи иска подрывавшиеся на поставку пеньки крестьяне умерли, то в тюрьму был посажен сам помещик и два его крестьянина. ²⁶ Описывая этот случай, К.В. Базилевич допускал, что реальная задолженность крестьян могла быть меньше указанной суммы (к тому времени пряжа могла быть частично поставлена, записи же и кабала возвращались при полном расчете).

Таким образом, «мелкие русские посредники могли даже при полном отсутствии собственных оборотных средств вести относительно крупные операции по скупке товаров, нужных для иностранных торговых предприятий». ²⁷ Нанимаясь к иностранцам комиссионерами или агентами, «закупни» «брали от них деньги и ездили делать для них закупы, а через то подрывали русских оптовых торговцев». ²⁸ Неудивительно, что русские купцы-оптовики все время добивались указа, чтобы «маломочные люди у свеян (шведов) и у инех чюжеземцов денег тайно в подряд не имали и товаров на неметцкие деньги не покупали»; ибо торговля русских на деньги, занимаемые ими у иностранцев, и комиссионерство разоряют русских купцов, которые «в долгах побиты на правежих». ²⁹

Запрет на розничную торговлю иностранцев также бездействовал. «Практика торговли, — отмечал Базилевич, — выработала приемы, с помощью которых иностранные купцы, юридически не совершая правонарушений, продавали товар по розничным ценам». ³⁰ Механизм реализации сводился к тому, что русским покупателям открывался кредит на более или менее продолжительное время с уплатой денег в обусловленный срок. Обычно он составлял два-три месяца, реже доходил до шести-семи месяцев, иногда до года. «Юридическим документом этих сделок была денежная кабала, выдававшаяся на сумму стоимости товара, которая устанавливалась выше оптовой стоимости». ³¹ В отличие от обычных займов, преследовавших ростовщические цели, в этом случае кредитованная сумма выдавалась до обусловленного срока без роста. Если же деньги за взятый товар в обусловленный срок не вносились, то начислялся обычный процент. По рассказу Адама Олеария, русские торговые люди покупали у английских купцов один или несколько кусков сукна по 4 талера за локоть, с обязательством уплаты денег через полгода или год. Затем они продавали сукно лавочникам за наличные деньги по 3—3.5 талера за локоть, но внакладе при этом не оставались, поскольку деньги тут же помещались в другие товары и успевали сделать три оборота до срока расплаты за взятый товар. ³²

Агенты по продаже иностранных товаров вербовались главным образом исходя из специализации торговых рядов: сурожского, суконного, ветошного, шапочного, серебряного, мыльного, овощного и др. «Некоторые из торговых людей имели долгие и прочные связи со своими иностранными поставщиками и брали товары на весьма крупные суммы». ³³ При этом иногда они добивались и той привилегии, чтобы возвращать непроданный товар иностранцу-оптовику. Так, в 1633 г. двое русских торговых людей согласились взять у англичанина Ивана Ульянова четыре половинки сукна с уплатой денег только под тем условием, что товар «пойдет». В случае торговой неудачи сукно можно было вернуть обратно. ³⁴

По коммерческим результатам такого рода сделки ничем не отличались от розничной продажи при посредстве собственных агентов. Иностранцы привлекали «закупней» для совершения и совсем незаконных операций. Нанимая их в Архангельске и «избегая таможенной бдительности», они

продавали беспошлинно свои товары в Холмогорах, «показывая вид, как будто бы товары были уже куплены русскими в Архангельске».⁸⁰

Против засилья иностранцев во внутренней и внешней торговле России постоянно протестовали русские купцы-оптовики. Их требования, возраставшие на протяжении первой половины XVII в., изложены в *челобитьях* и заявлениях 1627, 1635, 1637, 1639, 1642, 1646, 1648—1649 гг. Если в первом из них купечество Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Костромы, Вологды лишь умоляло государя запретить иноземцам торговать во внутренних городах, пользоваться собственным транспортом, обрабатывать на месте сырье, нанимать русских приказчиков, подолгу находиться в стране, то в последних двух купцы определенно добивались запрета на торговлю англичан и других иностранцев во внутренних городах России.⁸¹

Вскоре после кончины Михаила Федоровича в 1646 г. русские купцы били челом его преемнику на царском троне, Алексею Михайловичу, призывая лишить англичан и других иноземцев торговых привилегий. Они свидетельствовали, что вскоре после Смуты представители Московской компании во главе с Джоном Мерриком, зная, что им в торгах от Московского государства прибыль большая и желая овладеть русской торговлей, через подкуп думного дьяка Петра Третьякова получили из Посольского приказа грамоту, чтобы торговать у Архангельска и в городах Московского государства 23 купцам, но начали приезжать в Московское государство человек по 60—70 и больше, понастроили себе домов в русских городах, жили «без съезду», перестали продавать свои товары у Архангельска русским оптовикам, везли их прямо в города, где придерживали, ожидая благоприятной конъюнктуры; русские же товары они стали покупать сами, «своим заговором», через посылаемых по городам и селам покупателей, «закабалая и задолжа многих бедных и должных русских людей», затем беспошлинно вывозили их в Архангельск, где тайно продавали купцам других наций, голландским, брабантским и гамбургским немцам; по приезде англичане избегали таможенного контроля, брали в таможах выписи, «а в выписях товаров своих не пишут и десятой доли». Столько же и даже меньше они записывали в таможах Москвы и внутренних городов. Одновременно купцы выражали беспокойство падением качества импортных товаров («сукна худые и тянутые»), а также тем, что англичане привозили в Москву чужие товары: золото пряденое, бархат, камки, тафты, сельдь голландскую и другое, фактически выступая в роли комиссионеров по их беспошлинной реализации.⁸²

Действительно, росписи на все привозные и отпускные товары, которые англичане обязаны были представлять таможенной администрации, зачастую составлялись недобросовестно. Это позволяло обходить запрет на привоз товаров из других стран и скрывать часть ввоза, на который мог явиться спрос со стороны русской казны, чтобы продать товар с большей выгодой на сторону. Однако, как утверждает И.И. Любименко, «англичане имели основание опасаться, что по росписям, в случае временной порчи отношений, русское правительство будет задним числом требовать пошлин, поэтому и к самой подаче росписей они относились отрицательно и не раз жаловались на это стеснение, тщетно пытаясь добиться его отмены. Русские купцы в 1649 г. утверждали, что англичане показывают лишь 0.1 часть привозимых товаров».⁸³

Фактически русские купцы расписывались в том, что не в силах были тягаться с англичанами «и не могли ничего ни купить у иностранцев, ни продать им без посредства англичан. Случалось, что русский гость, решившись на конкуренцию с англичанами, посылал свои товары в Архангельск; но члены компании сговорятся и понизят цену, а, напротив, ценность иностранных товаров повысят, так что русский торговец принужден бывает уехать назад, истратившись напрасно за провоз».⁸⁴ В челобитной 1646 г. русские купцы жаловались и на голландцев, умышленно то повышавших, то понижавших цены на товары с целью воспрепятствовать самостоятельным поездкам русских в Амстердам. Укоряя иностранцев в неблагодарности, челобитчики добивались ограничения зоны торговой деятельности своих конкурентов в России пределами Архангельска, просили правительство не предоставлять иностранцам откупов и не позволять им нарушать условия жалованных грамот.⁸⁵

Однако не прекращавшиеся ходатайства московских гостей не находили отклика и поддержки у основной массы русских купцов. Вероятно, что из-за отсутствия в русской купеческой среде корпоративной солидарности постоянно нарушалось и действовавшее в стране торгово-таможенное законодательство. Напомним, что торговые операции иностранцев с маломочными русскими людьми отличались взаимовыгодным характером: первые обходили установленные для них ограничения, а вторые находили себе заработок, выполняя торговые поручения иностранцев.⁸⁶

Известно, что оптовую торговлю в России иностранцы могли вести только с московскими купцами или купцами города пребывания. Оптовики постоянно домогались, «чтоб иноземцы приезжим торговым людям товаров своих не продавали и у них ничего не покупали <...> а продавали б в тех городех купецким людям того города, в коих они станут торговать, а у них також товары всякие покупали, а не у приезжих».⁸² «Получалась, — полагал И.М. Кулишер, — особая привилегия для москвичей, в ущерб купцам всех прочих городов — иностранная торговля отдавалась в руки первых, становилась монополией московских гостей и торговцев, как и купцов порубежных городов».⁸³

Для отправления финансовой и другой службы всякий торговый человек, возведенный в звание гостя, обязан был переселиться в Москву. В столице также предписывалось жить представителям гостиной и суконной сотен — нижестоящих привилегированных купеческих корпораций. В 1647 г. правительством было принято решение о вызове из провинциальных городов в Москву «лучших местных торговцев».⁸⁴ «Московские гости и торговые люди, — писал Н.И. Костомаров, — были ближе к правительству, чем торговцы других городов, и поэтому переход в московские списки торговых людей из других городов был почетен и совершался не иначе, как по милости правительства».⁸⁵

Согласно И. Кильбургеру, московские гости — царские коммерц-со-ветники и факторы — неограниченно управляли торговлей во всем государстве. «Это есть корыстолюбивая и вредная коллегия, довольно многочисленная, имеет начальника, или старшину, и все они — купцы; они также имеют среди себя несколько немцев, именно: Клинк Бернгардт и Фогелер в Амстердаме и Томас Келлерман в Москве. Они проживают в разных местах по всему государству и имеют под видом своего звания право повсеместной первой покупки, хотя это не всегда бывает к выгоде царя, а так как, однако, они не в состоянии одни одолеть так далеко рассеянной торговли, то назначают во всех больших городах одного, двух или трех из живущих там знатнейших купцов, которых под видом царских факторов заставляют пользоваться хотя не именем, но привилегиями гостей и препятствуют, по большей части ради своей частной выгоды, торговле во всех концах. Но это замечает и хорошо знает простой купец, потому и говорит плохо о гостях, и можно опасаться, что если когда-нибудь произойдет бунт, то шеи всех гостей будут свернуты чернью <...> Они беспрестанно думают о том, чтобы <...> нигде не позволить никакой свободной торговли, чтобы только они могли тем лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы».⁸⁶

Таким образом, интересы в русской торгово-купеческой среде были разобщены и даже противоположны: 1) маломочные и средние торговые люди были заинтересованы в иностранном присутствии; 2) московские оптовики, обладавшие правовыми и фактическими преимуществами, позволявшими им покупать у иностранцев лучшие товары, утаивать их от казны, выступать в роли ростовщиков, злоупотреблять своей властью в пользу свойственников и друзей и т. д., домогались ограничения иностранной торговли.

Долгое время правительство фактически игнорировало ходатайства русских купцов, так как просто не могло удовлетворить их многочисленные просьбы. Необходимость заставляла его постоянно подтверждать привилегии чужеземцам.⁸⁷ Вместе с тем бюрократизация государственного аппарата, постоянный рост бюджетных и внебюджетных расходов вынуждали правительство искать дополнительные источники финансовых поступлений. Это все более сближало его позицию с настроениями и запросами московских купцов, экономическое влияние которых со временем становилось все более весомым. Протесты посадских верхов, близких к правящему классу и постоянно служивших в торговых и финансовых операциях, мало-помалу настроили верховную власть против иностранцев.⁸⁸ «К середине XVII в., — утверждает А.Г. Маньков, — социально-экономические процессы, связанные с началом образования всероссийского рынка и постепенным включением России в систему мировой торговли, все настойчивее ставили перед самодержавием вопрос о необходимости политики протекционизма в отношении отечественного торгового капитала».⁸⁹

После 1 июля 1646 г. правительство отменило беспошлинную торговлю англичан, обязав их наравне с купцами других наций и русскими с 1 сентября 1646 г. платить в Архангельске рублевую пошлину: 8 д. с весчих (подлежащих взвешиванию) и 6 д. с невесчих товаров, т. е. 4% и 3% с цены соответственно, и полденьги с рубля в неделю вместо мелких сборов — амбарных, важных, мостовых, дрягильских и др. В случае отъезда во внутренние города все иностранцы платили дополнительную проезжую пошлину в половинном размере — 4 и 3 д. (2% и 1.5%) с рубля соответственно.⁹⁰ Одновременно были аннулированы прежние жалованные грамоты иностранных купцов; грекам, любчанам и голландцам въезд во внутренние города разрешался лишь при наличии особых жалованных грамот с «красной

печатью».⁹⁶ Очевидно, что указ царя Алексея Михайловича об отмене беспошлинной торговли явился неожиданностью для англичан, чьи потери вылились в значительную сумму. Голландцы оценивали ущерб главного своего конкурента в 60 000 фунтов в год. Сами же купцы Московской компании оценивали понесенные ими убытки в 50 000 фунтов стерлингов.⁹⁷

Дальнейшие шаги в этом направлении проводились под предлогом мести английским революционерам, казнившим в 1649 г. короля Карла I. Момент был благоприятным еще и потому, что у России в тот момент не было договорных отношений ни с одним государством, кроме Швеции. Когда русское правительство замыслило выдворить всех иностранцев в пограничные города, оно запросило мнения выборных на Земском соборе 1648—1649 гг. дворян, гостей, торговых и посадских людей о возможных международно-правовых последствиях такой акции. Выборные отвечали, что «по вечному де докончанью и по утверженной грамоте, велено в Московском государстве торговать одним свийским немцом». Важно отметить и то, что купеческое челобитье 1648—1649 гг. было поддержано дворянами от стольников до городских дворян и детей боярских, выборных уложенного собора, одновременно подавших челобитную с просьбой ограничить деятельность иностранных купцов Архангельском, запретив им торговать в Москве и других городах. Таким образом, дворянство продемонстрировало солидарность с отечественным торговым капиталом, который выступал посредником между помещичьим хозяйством и рынком.⁹⁸

Спустя четыре месяца после утверждения Соборного уложения вышел именной указ царя Алексея Михайловича от 1 июня 1649 г. «О высылке Английских купцов из России и о приезде им токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли Российской поступки, особливо же за учиненное в Англии убийство Короля Карла I», согласно которому члены Московской компании сохранили за собой лишь право приезда в Архангельск и только с условием уплаты пошлины и с тем, чтобы сразу после окончания торгов уезжать обратно.⁹⁹

Формальной причиной отмены специальной государственной жалованной грамоты, о выдаче которой хлопотал сам английский король, стало «большое злое дело» англичан, которые «всею землею <...> Государя своего, Карлуса Короля убили до смерти». Однако при более внимательном знакомстве с документом в нем обнаруживается почти нескрываемое раздражение правительства России против англичан, которые продавали казне свои товары по завышенной цене, хотя должны были давать «по своей по заморской цене без прибытка»; тайно привозили табак; «тайным же обычаем» покупали и вывозили шелк-сырец; торговали другими заповедными товарами; вступали в сговор с другими торговыми иноземцами, брали у них товары и «провозили те чужие товары от Архангельского города к Москве, и на Москве, и в городах для пошлин, не являли, и продавали за свои товары, также и с Москвы и из городов, покупая русские товары на многих иноземцев, будто на себя, провозили к Архангельскому городу беспошлинно ж и отпускали за море за свои ж товары, тайным делом», от чего «государеве казне чинились убытки многие», и т. д.¹⁰⁰

В именном указе 1649 г. приводились и другие претензии русской стороны, ранее высказанные в купеческих челобитьях и на Земском соборе 1648—1649 гг.¹⁰¹ В нем прямо говорилось, что представители Московской компании привозили товары низкого качества и искусственно завышали на них цены; беспошлинно торговали в Архангельске чужими (неанглийскими) товарами, выдавая за свои; стремились монополизировать поставку и реализацию в России особо дефицитных и доходных товаров, не давая русским оптовикам ничего ни купить и ни продать. «А как государевы торговые люди приедут к городу (Архангельску. — *М.Ш.*) на ярмонку, — говорилось в указе, — и вы заморские лучшие товары у иноземцев выкупаете сами на деньги, и на русские товары заменяете, а русских товаров у русских людей купить иноземцам заказываете и сказываете им цену малую» и т. д. Видя этот «заговор», русские торговые люди были вынуждены продавать свои товары за бесценок или отвозить назад. Многие из них разорялись и прекращали поездки к Архангельску. Важно также отметить, что купеческие аргументы в указе были изложены не сами по себе, а в связи с фискальной претензией правительства, которое не собиралась больше терпеть от недобора пошлинных сборов.¹⁰²

После уничтожения льгот и высылки в порубежные города англичане стали платить в казну по 6000 р. таможенных пошлин ежегодно.¹⁰³ По-видимому, им пришлось закрыть свои канатные дворы в России и переключить внимание на скупку и вывоз пеньки, смолы, поташа и мачтового леса (производство канатов было перенесено в саму Англию).¹⁰⁴ Лорду Д. Колпеперу, посетившему Москву в 1650 г. по поручению наследника английского престола Карла II, не удалось добиться восстановления

беспощинной торговли даже для немногих купцов, сохранивших верность короне. Все его попытки в этом отношении были отвергнуты в самой категоричной форме.¹⁰⁵

Потрясения, вызванные указами 1646 и 1649 гг., оказались непосильными для Московской компании, которая в скором времени окончательно утратила прежнее значение. Количество ее членов, пользовавшихся в Англии монопольным правом на торговлю с Россией, сократилось до 12 чел. Вскоре после визита в Москву чрезвычайного посла Нидерландов Я. Бореля (январь 1665 г.), Посольский приказ расторгнул незадолго до того подписанный торговый контракт с англичанами, запретив им вывоз смолы. В том же году английского короля уведомили о закрытии Архангельска для посещения английских кораблей по причине морового поветрия в Лондоне, что на время привело к полному прекращению русско-английских торговых связей. Лишь в 1699 г. Московская компания была преобразована в «открытое» общество, объединив многие торговые фирмы и акционерные общества, многих крупных купцов и промышленников Англии, включившихся в торговлю с Россией.¹⁰⁶

Известно, что русские хлопотали и о высылке нидерландских купцов.¹⁰⁷ Однако последние удержались. Видимо, решительность правительства спасовала перед тем обстоятельством, что голландцы, поставляя в Россию порох, свинец, тысячи мушкетов, ружей и пистолетов, активно помогали в перевооружении ее армии. Пользуясь особым доверием Алексея Михайловича, они выполняли его различные поручения в Западной Европе, выступая в роли дипломатических посредников, политических информаторов русского царя и т. д. В донесении королеве Кристине шведский резидент Карл Поммеренинг сообщал, что «голландские и другие иностранные купцы с большим трудом добились, что им дозволено опять приезжать из Архангельска в Москву, таким образом русские гости еще не могут достигнуть своей цели».¹⁰⁸ «Если и раньше, — отмечает К.В. Базилевич, — голландский торговый капитал чувствовал себя на русском рынке сильнее английского, то, после ликвидации английской торговой компании, торговля голландцев и старого ганзейского города Гамбурга уже не встречала больше сильных и опасных соперников».¹⁰⁹ С этого времени нидерландские и гамбургские купцы при наличии годовых проезжих грамот, которые выдавались Посольским приказом, могли торговать в Москве и внутренних городах России, не опасаясь конкуренции со стороны англичан. По словам французского дипломата на службе польского короля де ла Невилля, после отмены торговых привилегий Московской компании голландцы весьма преуспели в развитии ярмарочной торговли в Двинском устье. В конце XVII в. в Архангельске одновременно находилось более 200 «торговцев», большинство из которых на зимний период приезжало в Москву.¹¹⁰ Удержалось на российском рынке и немецкое купечество из города Любек. Так, в 1652 г. 5—6 любекских купцов имели право на беспрепятственный провоз своих товаров в Москву.¹¹¹

В последней четверти XVII в. нидерландские и гамбургские купцы в России торговали «общим заговором», создав в Москве совместную «компанию», с которой считались как с юридическим лицом. Во всех делах Посольского приказа за «компанией» признавались определенные права, имущественная и общая ответственность. Перед царскими властями ее представлял стряпчий, который как бы состоял коммерческим советником при резиденте Нидерландов. Во главе «компаний» стояли два видных нидерландских купца Даниил Гартман и Альфред Гутман, добившиеся в 1687 г. для себя и для своих клиентов царских жалованных грамот на беспрепятственную торговлю в Москве, Архангельске, Новгороде и Пскове с уплатой полных пошлин. Им также дозволялось «дворы держать безо всякого отягчения <...> и с дворов своих податей не платить». В 1679—1684 гг. нидерландский резидент периодически напоминал Посольскому приказу о выдаче «компаний» грамот на проезд из Архангельска в Москву и разрешении беспощинной доставки товаров для «личного обихода». В коллективных челобитных «компаний» также высказывались пожелания о сроках Архангельской ярмарки, состоянии гавани в северном порту, поведении таможенников, найме русской прислуги и др.¹¹²

Примечания

¹ Кордт В.А. Очерк сношений... С. 172—173.

² Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 55—56. Компания голштинских купцов получила право на беспощинную торговлю с Персией и Индией сроком на 10 лет, за что согласилась вносить в царскую казну ежегодно по 600 000 ефимков. Соглашение с Голштинским двором осталось на бумаге «из-за нежелания голштинской стороны уплачивать установленную Россией сумму за предоставленное право» (Олеарий А. Описание путешествия... С. VII—IX, XII; Соловьев С. Московские купцы в XVII в. // Современник. СПб., 1858. Т. 71. С. 435; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 37).

3. Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 181.
4. Костомаров Н. Очерк торговли... С. 40.
5. Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 204.
6. Там же. С. 205; Шаскольский И.П. Экономические отношения... С. 93. Шведских подданных-купцов не пропускали из Пскова и Новгорода в Москву и другие внутренние города, а также не разрешали выезд за рубеж без проезжих грамот, выправление которых воеводами порубежных городов нередко становилось причиной длительных задержек и злоупотреблений. Эта практика продолжалась до подписания *Валиесарского договора* (1658), в текст которого была внесена формулировка, «в которой подробно оговаривалось, что торговые люди в пограничном городе другого государства должны предъявлять проезжие грамоты, выданные властями города, из которого они приехали, и когда будет удостоверена подлинность проезжих грамот, воеводы или губернаторы пограничного города и лежащих далее на пути следования внутренних городов должны беспрепятственно пропускать торговых людей до места, где они собирались торговать, не требуя дополнительных документов на право проезда и не чиня им никаких иных препятствий» (Там же. С. 101—102, 119, 121, 123, 126—127, 138—139).
7. См.: Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 199—201; ПСЗ I. Т. 1. № 532, 536; Т. 3. № 1467. А.Г. Маньков полагает, что по указу 28 ноября 1672 г. право свободной торговли в Москве (кроме заповедных товаров) было предоставлено только литовцам, белорусам и украинцам — выходцам из-за «литовского рубежа». Что же касается купцов из Польши, то их правовой статус подводился под общие нормы для иностранных купцов: «им было разрешено торговать лишь в порубежных городах. В Москве закон допускал торговлю только тех, кто приезжал с послами» (Маньков А.Г. Законодательство и право... С. 153).
8. Кордт В.А. Очерк сношений... С. 272—273; Законодательные акты... Тексты. № 157.
9. Кордт В.А. Очерк сношений... С. 277.
10. Цветаев Д. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 239; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 57.
11. Кордт В.А. Очерк сношений... С. 276.
12. Там же. С. 272—273.
13. Костомаров Н. Очерк торговли... С. 58.
14. Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 34—35.
15. Там же. С. 49.
16. Там же. С. 60—62.
17. Рудченко И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 39; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 29.
18. Костомаров Н. Очерк торговли... С. 21, 29.
19. Там же. С. 33. Подчас это приводило к ущемлению интересов торговых иноземцев. Так, в 1631 г. нидерландские послы доводили до царских бояр и дьяков, что их соотечественники терпели ущерб из-за того, что таможенные люди в Архангельске запрещали им продавать «известные товары», откладывая их якобы для царского обихода и назначая весьма низкую цену (самой сделки при этом не совершалось). Продержав у себя товары неделю-две, таможенники затем отказывались от них, возвращая владельцу «под тем предлогом, что они не пригодились». Это приводило к тому, что товары к моменту закрытия ярмарки оставались непроданными. Поэтому царь Михаил Федорович и патриарх Филарет вынуждены были послать в Архангельск к таможенным людям свой указ, требуя, чтобы необходимые для казны товары голландских гостей они принимали «по настоящей цене, платили деньги немедля и не причиняли убытков торговцам» (Кордт В.А. Очерк сношений... С. 277; Отчет нидерландских послов... С. 101, 111—112).
20. Говоря о русско-немецких торговых сношениях, нельзя не отметить, что по указу 1688 г. и двум грамотам 1689 г. к Архангельску, Смоленску, Пскову «и к иным» городам было дозволено приезжать купцам из Пруссии на общих с другими иностранцами основаниях (ПСЗ I. Т. 3. № 1330, 1332).
21. Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 32, 35.

- ²² Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 195.
- ²³ Там же. С. 180.
- ²⁴ Там же. С. 180—181.
- ²⁵ ПСЗ I. Т. 2. № 659, 693; Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 208—211.
- ²⁶ Любименко И.И. Торговые сношения России с Англией... С. 181.
- ²⁷ Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 221. Не соглашаясь с тем мнением, что главной причиной «слабости» и «вялости» русско-французских торговых отношений были религиозные разногласия двух стран (правительство Франции официально исповедовало католическую религию, к которой русское правительство и духовенство относились с большой подозрительностью), Гиви Жордания тем не менее признает факт более недоверчивого отношения в Москве к французам, чем к англичанам, голландцам и немцам, датчанам и шведам (*Жордания Г. Очерки из истории...* С. 191—192).
- ²⁸ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 388—389; Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 221—228.
- ²⁹ АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 88. С. 227.
- ³⁰ ПСЗ I. Т. 2. № 662.
- ³¹ Там же. № 730. Постановление договора 1678 г. было дословно повторено в договоре с Польшей 1686 г. Лишь после вхождения в состав Российской империи литовско-русских земель со значительным процентом еврейского населения Екатерина II декларировала права новых подданных (1786), а затем, в 1791 и 1794 гг., позволила евреям селиться в Малороссии и Новороссии (Там же. № 1186).
- ³² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 387.
- ³³ *Захаров В.Н.* Торговля... С. 185—186.
- ³⁴ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 27—28, 32—33, 55—57.
- ³⁵ Законодательные акты... Тексты. № 166. С. 138. В дальнейшем этот указ вошел в Соборное уложение 1649 г. Русским людям по-прежнему запрещалось находиться в холопстве у некрещеных иноземцев «по крепостям и доброволно» (Соборное уложение... С. 111. Гл. XX, ст. 70).
- ³⁶ Законодательные акты... Тексты. № 296. С. 204. Указ 1643 г. явился источником статьи 40 Соборного уложения (Гл. XIX), имевшей аналогичное содержание. Запрещая иностранцам покупать дворы и дворовые места в Москве, правительство шло навстречу пожеланиям русских купцов (Соборное уложение... С. 103, 308—309. Гл. XIX, ст. 40).
- ³⁷ *Невилль де ла Фуа.* Записки о Московии / Предисл., подгот. текста, перевод с фр. и коммент. А.С. Лаврова. М., 1996. С. 135, 175; *Ковригина В.А.* Немецкая слобода в Москве конца XVII — начала XVIII века // ВИ. 1997. № 6. С. 144—145. После издания указа 1652 г. лишь крупные купцы, сотрудничавшие с казной, сумели избежать переселения в Новую немецкую слободу. Среди ее жителей они появились на несколько десятилетий позже (*Мартенс А.* Гамбургские купцы... С. 54—55). Всего к концу XVII в. в России находилось до 18 000 военных, купцов, мастеров и врачей «из немцев» (*Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 181).
- ³⁸ Соборное уложение... С. 103. Гл. XIX, ст. 40; *Кильбургер И.* Краткое известие... С. 181—182; *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 269—270; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 387—388; *Ковригина В.А.* Немецкая слобода... С. 145.
- ³⁹ Посольский приказ возник в 1601 г.
- ⁴⁰ Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 274—275.
- ⁴¹ Любименко И.И. Торговые сношения России с Англией... С. 17—18.
- ⁴² Там же. С. 31.

- ⁴³ Кордт В.А. Очерк сношений... С. 271—272, 276; Отчет нидерландских послов... С. 110.
- ⁴⁴ Соборное уложение... С. 31, 183. Гл. X, ст. 1; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 59—60. По утверждению А.В. Демкина, обладатели обычных проезжих грамот тоже подлежали юрисдикции Посольского приказа, и в этом заключалась «единственная реальная льгота», которой они пользовались (*Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 57).
- ⁴⁵ *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 57. Употребление табака рассматривалось правительством и церковью наравне с пьянством, игрой в карты и т. д. В правительственных кругах также считали, что реализация на внутреннем рынке табака вводила подданных в разорение и становилась причиной вывоза из страны за границу значительных денежных сумм (*Чулков М.* История законодательства о табачной промышленности в России до Екатерины II // Юридический сборник Д. Мейера. Казань, 1855. С. 503—504).
- ⁴⁶ *Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 240—241. Гл. 7, ст. 2.
- ⁴⁷ А.Д. Градовский справедливо указывал, что полуслужилый статус гостей был обусловлен казенным характером многих отраслей торговли, которые им поручались (*Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 167, 172).
- ⁴⁸ *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (Вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 159.
- ⁴⁹ Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 608; *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 137—153; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 98, 103, 111 — 116, 148—151, 170, 171.
- ⁵⁰ *Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 287. Гл. 10, ст. 1; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 95—96. Отечественная история. Т. 1. С. 608; *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. ... С. 137—153; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 98, 103, 111—116, 148—151, 170, 171.
- ⁵¹ *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 150.
- ⁵² Хотя мы и не располагаем фактами, свидетельствующими о сильном приливе представителей купеческой верхушки в разряд крупных земельных собственников, гости, указывал А.А. Преображенский, «имели право владеть вотчинами, покупать и продавать их», что само по себе внушало им «представление о некоей близости к господствующему сословию дворян-землевладельцев» (*Преображенский А.А.* Русское купечество XVII века: социальный облик, самосознание // Купечество России: XV — первая половина XIX века: Сб. статей / Отв. ред. А.В. Семенов. М., 1997. С. 76).
- ⁵³ Отечественная история. Т. 1. С. 607—608; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 139—142. К числу наиболее влиятельных принадлежали купеческие фамилии Строгановых, Никитниковых, Шориных, Светешниковых, Хозиных, Веневитовых, Юдиных, Юрьевых, Стояновых, Гурьевых, Чистых, Микляевых и др.
- ⁵⁴ *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 248, 297—298, 381, 385.
- ⁵⁵ Если русских купцов и отпускали за границу, то лишь «с крепкою порукою и с особым дозволением, которое получить было не легко. Если ж бы торговец вздумал поехать самовольно за границу, то у него отбиралось все имущество, родственников его подвергали пыткам, допрашивая, с какой целью он уехал, а после пыток отправляли в ссылку» (*Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 161).
- ⁵⁶ *Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 287. Гл. 10, ст. 2; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 140—142; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 172—173; Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1900. Т. 30А. С. 942; Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 609; М., 1971. Т. 13. С. 948; Отечественная история. Т. 1. С. 608—609.
- ⁵⁷ Соборное уложение... С. 102. Гл. XIX. Ст. 34; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 143—144; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк... С. 33; *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 96, 385.
- ⁵⁸ Соборное уложение... С. 99—101, 294—295. Гл. XIX, ст. 1—5, 11, 12, 15—17; *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве... С. 59—60.
- ⁵⁹ Соборное уложение... С. 63. Гл. X, ст. 276. По линии русского права статья 276 Соборного уложения уходит корнями в Правду Русскую. «Ст. 54 Троицкого I списка Пространной правды бесспорно служит для нее дальним прецедентом» (Там же. С. 227).

- ⁶⁰ *Комита А.И.* Очерки торгового права. 2-е изд. СПб., 1912. Вып. 1. С. 73.
- ⁶¹ *Лодыженский К.* История... С. 18.
- ⁶² См.: *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 104.
- ⁶³ См.: Там же. С. 103.
- ⁶⁴ Там же. С. 99.
- ⁶⁵ Там же. С. 100.
- ⁶⁶ *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 29—30; *Кулишер И.М.* История... С. 169—170.
- ⁶⁷ *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 100.
- ⁶⁸ Там же. С. 101.
- ⁶⁹ *Захаров В.Н.* Торговля... С. 206.
- ⁷⁰ *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 106.
- ⁷¹ Там же. С. 100—101.
- ⁷² Там же. С. 104.
- ⁷³ *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 95.
- ⁷⁴ *Кулишер И.М.* История... С. 170.
- ⁷⁵ *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 104.
- ⁷⁶ Там же. С. 105.
- ⁷⁷ *Олеарий А.* Описание путешествия... С. 206—207. По словам Олеария, московские купцы отличались смышленостью, хитростью, лукавством и подозрительностью, высоко ставили в купце ловкость и изворотливость; на обман они не смотрели «как на дело совести», способность к «надувательству» считали даром Божиим, без которого не следовало и приниматься за торговлю (Там же. С. 181).
- ⁷⁸ *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 105.
- ⁷⁹ Там же. С. 106.
- ⁸⁰ *Кулишер И.М.* История... С. 170.
- ⁸¹ *Смирнов П.П.* Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцев 1627 года // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1912. Кн. 23. Приложение. С. 97—102; *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 109—128; *Маньков А.Г.* Законодательство... С. 137—138.
- ⁸² ААЭ. Т. 4. № 13. С. 15—17.
- ⁸³ *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 30.
- ⁸⁴ ААЭ. Т. 4. № 13. С. 18; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 30.
- ⁸⁵ ААЭ. Т. 4. № 13. С. 18—21. В Архангельске цены на поташ, кожу, пеньку, меха, воск превышали московские вдвое (*Чистякова Е.В.* Новоторговый устав... С. 116).
- ⁸⁶ См.: *Кулишер И.М.* История... С. 170.

⁸⁷. Там же. С. 168—169.

⁸⁸. Там же. С. 169. Надо сказать, что и купцы порубежных городов сильно уступали приезжим оптовикам. Так, поданным таможенных книг Архангельска за 1686—1691 гг., «сумма валового оборота горожан во время ярмарки не превышала 6—10 тысяч рублей» (*Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 145).

⁸⁹. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 128.

⁹⁰. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 84.

⁹¹. *Кильбургер И.* Краткое известие... С. 164.

⁹². См.: *Платонов С.Ф.* Учебник русской истории. М., 1992. С. 180; *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 117—118. Торговые обороты отдельных иностранных купцов, обладавших жалованными грамотами, в первой половине XVII в. были настолько значительными, что одних только таможенных пошлин каждый из них ежегодно платил 500—2000 р. (см.: *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 50—54).

⁹³. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 61.

⁹⁴. *Маньков А.Г.* Законодательство... С. 139.

⁹⁵. ДАИ. Т. 3. № 42, 55; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 82. С. 246; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 113; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 186; *Базилевич К.В.* 1) Коллективные челобитья... С. 118—120; 2) Элементы меркантилизма... С. 10; *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 35; *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Изв. 1955. Т. 53. С. 283; Законодательные акты... Тексты. № 314.

⁹⁶. *Мулюкин А.С.* Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912. С. 340; *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав... С. 112—113.

⁹⁷. В петиции 1653 г. Государственному совету они сообщали о том, что торговые сношения Англии и России продолжались около столетия: «...till in 1646 Alexea Michaelowitsh the present Emperor took away our privileges, imposed large customes on us, and seized goods of great value by fraud. We had to forbear trading to a loss of 50 000 £» (*Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 12, 151; *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 119; *Александренко В.Н.* Участие английского тайного совета в дипломатических сношениях Англии с Россией // ЖМНП. 1889. Декабрь. С. 278).

⁹⁸. Сборник князя Хилкова. № 82. С. 249; *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 171; *Маньков А.Г.* Законодательство... С. 137—139.

⁹⁹. ПСЗТТ. 1. № 9.

¹⁰⁰. Там же. В дальнейшем правительство России продолжало напоминать англичанам о подлинных причинах лишения их привилегий (ДАИ. Т. 3. № 55. С. 186—188; № 116. С. 407—408, 411—412; Т. 5. № 40. С. 182, 186—187).

¹⁰¹. К.В. Базилевич уточнял: «В 1648 г. первоначальное заявление торговых людей о высылке иноземцев было сделано не на самом Земском соборе, а в комиссии кн. Н.И. Одоевского, разработавшей Соборное уложение, теми выборными представителями, которые в ней участвовали. По этому челобитью была составлена выпись в доклад царю» (*Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 112).

¹⁰². Там же; Сборник князя Хилкова. № 82. С. 238—241, 250—252.

¹⁰³. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев... С. 220—221.

¹⁰⁴. *Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией... С. 159, 161, 175. Несмотря на крах 1649 г., компания продолжала успешно развивать свой китовый промысел. Преодолевая острую конкуренцию, она ежегодно вывозила в Англию до 1600 т ворвани и значительное количество китового уса (Там же. С. 175).

¹⁰⁵. *Рогинский З.И.* Миссия лорда Колпепера в Москву (из истории англо-русских отношений в период Английской буржуазной революции XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 92—94, 101. Затем, в периоде 1661 по 1697 г., английские представители 15 раз возбуждали вопрос об отмене указа 1649 г., но безрезультатно (*Маньков А.Г.* Законодательство... С. 140).

¹⁰⁶. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений... Ч. 1. С. 119; *Белов М.И.* Россия и Голландия... С. 62; *Захаров В.Н.* Торговля... С. 184, 187. Вместе с тем А.С. Мулюкин обращал внимание на то, что и после 1649 г. другие английские компании получали жалованные грамоты в 1659, 1661, 1664, 1689, 1690 гг. (*Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 193).

¹⁰⁷. Любопытно, что в одном из купеческих челобитий просьба о запрете нидерландским и гамбургским купцам привозить товары во внутренние города страны исходила не только от русских оптовиков, но и от самих иностранцев, в основном нидерландцев и гамбургцев, которые не имели жалованных грамот и были вынуждены торговать исключительно в Архангельске *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 41).

¹⁰⁸. *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 112. В 1650 г. компанию де Фогелара—Кленка лишили привилегии по уплате пошлин, обязав платить наравне со всеми, а в 1652 г. у них отобрали двор в Китай-городе. По новому указу в 1662—1667 гг. компания снова платила половину таможенных пошлин, а после 1667 г. — полную пошлину по Новоторговому уставу (*Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 50).

¹⁰⁹. *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья... С. 120. Согласно донесению английского посла В. Придо, почти все товары, ввезенные в 1655 г. в Россию через Архангельск, принадлежали голландским купцам (*Архангельский С.И.* Экономическое положение Англии... С. 55).

¹¹⁰. *Невилль де ла Фуа.* Записки о Московии. С. 175, 236.

¹¹¹. *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 41.

¹¹². *Белов М.И.* Россия и Голландия... С. 66—68, 71; *Мартенс А.* Гамбургские купцы... С. 54—55. По данным А.В. Демкина, жалованные грамоты нидерландским купцам выдавались: в 1687 г. — Д. Артману, в 1689 г. — А. Гутману и в 1694 г. — К. Каненгитеру (*Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 52—53).

5. Таможенные платежи в XIII — первой половине XVII вв.

5.1. Классификация таможенных платежей

В «удельное время» и в последующий период появились новые виды таможенных платежей, усилилась их дифференциация. В XIII в. пошлины взимались уже не только с определенного количества, но также в зависимости от стоимости взвешиваемого товара (при определении «вес-чего сбора»).¹ Не ранее XIV в. в актах встречаются понятия *осмничего* и *косток*. В XV в.

появились *явка*, *годовщина*, *порядное*, *роговое*, *пятно*, *контарное*, *задние колачи*. С XVI в. в источниках упоминается

о *замытной*, *рукозобной*, *свальной*, *подъемной*, *дрягильской*, *покоренной*, *привязной пошлинах*, не известных в XIII—XV вв.²

Определенное влияние на развитие таможенного дела Руси оказали монгольские завоеватели. Говоря об этом, Е.Г. Осокин полагал, что они оказали насильственное и решительное воздействие на таможенную систему, ускорив распространение таможенных пошлин.³ Возражая ему, И.Д. Беляев настаивал на том, что все монгольское влияние на русскую систему таможенного обложения ограничилось введением во второй половине XIII в. новой торговой пошлины — *тамги*, от которой произошел глагол «тамжить», т. е. взыскивать пошлину — тамгу.⁴

Как бы то ни было, начиная с XIII в. место на рынке или ярмарке, где «тамжили» товар, стало называться таможней. Служилый человек, бывший мытником или пятенщиком, становился таможником, или таможенником. В том случае, если взимание пошлин отдавалось княжеской администрацией на откуп (вероятно, откупная система была заимствована у монголов), то таможенным делом заведовали «откупные таможенники». В толковом словаре русского языка В.И. Даля можно прочитать: «В таможе очищают привозной или отпусковой товар мытом, пошлиной и тамжат его, клеймят, пятнают, прикладывают тамгу или клеймо».⁵

Как можно заметить, в XIII — первой половине XVII вв. произошло значительное усложнение (разветвление, дифференциация) системы таможенных платежей. Только в восьми таможенных книгах Курска (1619—1653/54) зафиксировано 15 наименований различных таможенных пошлин, взимавшихся с участников оптовой товарной и конской торговли.⁶ Вяземские таможенники в период 1649—1654 гг. взимали с торгующих 19 видов пошлин.² Всего же существовало свыше 50 различного

рода и наименования пошлин и сборов. Важнейшими из них были *тамга, явка, замыт, осмничее, померное*, которые, отличаясь ярко выраженной фискальной направленностью, взимались по праву князей требовать известных платежей от своих подданных.⁸ Фактически же всякая услуга, оказанная торговцу, оплачивалась какой-нибудь особой пошлиной.

Система таможенных пошлин и сборов отличалась сложностью и запутанностью. Каждый товар, поступавший в продажу, подвергался оплате несколькими сборами, которые нередко взимались независимо один от другого⁹ и приходились «под различными названиями на одно и то же действие, на одну и ту же операцию перехода предмета к потреблению».¹⁰ Иногда один и тот же сбор взыскивался неоднократно, например *мостовщина*. Не было единства и в понятийном аппарате таможенного дела: одному и тому же названию пошлины могло придаваться и широкое, и узкое значение; нередко одним и тем же термином обозначались пошлины, которые различались по существу, и т. д.¹¹ По словам Д.А. Толстого, запутанность системы таможенного обложения «состояла в ее излишней дробности, во взимании с одного и того же предмета разного рода таможенных пошлин, и преимущественно в произвольности, которую она часто допускала».¹² Впрочем, она не лишена была и правомерности, поскольку пошлины взимались именно с известного товара соразмерно его количеству, потребительным свойствам и стоимости, а также в связи с установленными нормами таможенно-правового регулирования.

Первые попытки классификации и систематизации различных пошлин и сборов предпринимались еще в дореволюционной историографии. Так, Д.А. Толстой различал три вида таможенных пошлин («по троякому образу ведения торговли»): 1) внутренние пошлины взимались внутри государства на торгах и мытах; 2) внешние — с привозимых из-за границы и вывозимых туда товаров; 3) транзитные — за провоз через территорию государства иностранных товаров.¹³ При этом к разряду собственно внутренних сборов он относил *тамгу, весчее, осмничее, контарное, подъемное, припуск, померное, пятенное, писчее, отвозное, гостинное, поворотное, амбарное, порядное, головищину, отвоз, посаженное, поплашное, свальное, роговое, явку, грузовую, рукозобную, дрягильскую и привязную пошлины* и др.¹⁴ В.И. Сергеевич же включал сборы за переправу через мосты и реки, с мер и весов, *писчее* и *явку* в разряд фискальных пошлин, а *мыт, гостинное, амбарное* и *тамгу* — в разряд косвенных налогов. Одновременно он отождествлял тамгу в обширном смысле с *пудом, весчим, явкой, гостинным, порядным* и другими пошлинами.¹⁵

Принципиально иной критерий классификации был предложен Ю.А. Гагемейстером, Е.Г. Осокиным и С.Н. Никольским, которые разделили все таможенные пошлины на две категории. К первой были отнесены проезжие (проездные) пошлины, взимавшиеся за право перемещения товара, ко второй — торговые пошлины и сборы, падавшие на различные торговые операции и действия.¹⁶ Объясняя главное отличие проезжих пошлин от торговых, В.О. Ключевский подчеркивал, что они взимались за право провоза товара (с количества возов или лодок). Он также предложил разделить торговые пошлины на два разряда: во-первых, на сборы за право купли-продажи (*тамга* и *осмничее*) и, во-вторых, на сборы за предторговые действия, имевшие целью подготовить товар к продаже.¹⁷ Таким образом, все многообразие таможенных платежей в XIII — первой половине XVII вв. было сведено, во-первых, к проезжим или заставным пошлинам и сборам, которые взимались за право провоза товара вне зависимости от его количества и стоимости (сначала в городах, а с XIII в. также в селах и уездах), и, во-вторых, к торговым пошлинам и сборам (адвалорные и специфические ставки), которые взимались за право торговли и за совершение предпродажных действий в зависимости от количества товара и его таможенной стоимости (сначала в городах, а с середины XVI в. и в сельской местности).¹⁸

На основании изложенного к числу проезжих (заставных) пошлин и сборов могут быть отнесены: 1) *мыто* (сухое и водяное), или *проезжее* — проезжие пошлины вообще; 2) *проезд, прохожая пошлина* — сборы за право отъезда с товаром; 3) *перевоз, мостовщина, проезжее* — пошлины за пользование обустроенными путями сообщения; 4) «с головы», *задние колачи, костки* — пошлины с физических лиц, перевозчиков, компаньонов, экспедиторов, проводников и др.

Классификация же торговых пошлин и сборов XIII — первой половины XVII вв. может быть представлена следующим образом: 1) *явка*,¹⁹ *замыт, узолки, судовая подъемная грузовая* и *поворотная пошлины* — полуторговые-полупроезжие, полуличные-полувещные пошлины; 2) *тамга, весчее, осмничее, порядное*,

поместное, *искусное, номерное, рогозинное, покоренное, плошки* — собственно торговые пошлины; 3) *пятно, писчее, роговое, привязное, головщина* («с головы») — пошлины с продажи скота и людей «в полницу»; 4) *гостиное, анбарное, полавочное* — пошлины за размещение, устройство, охрану купцов и их товаров; 5) *весовое (весчее), пудовое, контарное, свальное, подъемное, рукозобное, номерное, припуск* — другая группа пошлин за предпродажное обслуживание и др.

Примечания

- ¹. *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 3.
- ². *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник Д. Мейера. Казань, 1855. С. 545.
- ³. Там же. С. 540—546.
- ⁴. *Беляев И.Д.* Рец. на кн. Е.Г. Осокина «Внутренние таможенные пошлины в России» (Казань, 1850) // Москвитянин. 1850. № 22. С. 57. Тамга: 1) клеймо, тавро; родовой знак собственности у некоторых кочевых народов, в частности у монгольских скотоводов; ею метились лошади, верблюды и другой скот, находившиеся в общей собственности рода, или предметы (оружие, керамика, ковры и др.), изготовленные членами рода. Впоследствии тамга сделалась знаком семейной и личной (частной) собственности, соответствуя гербу или печати. Изображение тамги можно встретить на монетах. Золотоордынские ханы выдавали ярлыки с печатью алой или синей — тамгой; 2) металлическая пломба, привешивавшаяся к товару, оплаченному пошлиной, или печать; 3) внутренний налог (пошлина) в некоторых странах Востока и России после монгольского нашествия в XIII в. Фискальный по своей природе, он взимался со всех продаваемых товаров, преимущественно деньгами. «В обширном (расширительном. — *М.Ш.*) смысле, — полагал Д.А. Толстой, — тамга означала пошлину со всех продававшихся товаров, равно как с привозившихся на рынок, с отвозившихся с него и провозившихся» (*Толстой Д.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С. 77).
- ⁵. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 389.
- ⁶. *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). М., 2001. С. 276.
- ⁷. *Раздорский А.И.* Таможенная система в Вязьме в XVII веке (по данным таможенных книг 1649/50—1679/80 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 261.
- ⁸. *Лодыженский К.* История... С. 4.
- ⁹. Там же. С. 5.
- ¹⁰. *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 552.
- ¹¹. *Лодыженский К.* История... С. 4.
- ¹². *Толстой Д.* История... С. 73.
- ¹³. Там же. С. 72.
- ¹⁴. См.: Там же. С. 76—77.
- ¹⁵. *Сергеевич В.И.* Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 469—472.
- ¹⁶. *Гагемейстер Ю.А.* О финансах древней России. СПб., 1833. С. 77; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 2—4; *Никольский С.* О внешних таможенных пошлинах. М., 1865. С. 52.
- ¹⁷. *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 6. С. 163—165.
- ¹⁸. См.: *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 546; *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги // Сб. правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества при Московском университете. М., 1897. Т. 7. С. 251.

¹⁹ По формальным признакам *явку* почти невозможно отличить от *годовщины* или *пошлины за проезд*, принадлежавших, как нам представляется, к числу проезжих пошлин.

5.2. Проезжие пошлины

1) *Перевоз (перевозное)* — пошлина за право перемещения людей, товаров, скота с одного берега реки на другой. Лодочные и паромные переправы («перевозы») содержались как казною, так и частными лицами с разрешения правительства.¹

2) *Мостовщина* — пошлина с транспортных средств и физических лиц за право проезда (прохода) по мосту. Взималась мостовщиками в пользу правительства и частных лиц, содержавших мыты с разрешения правительства.

3) *Мыто* — общее название пошлин с транспортных средств — возов, саней или судов, осуществлявших транзитное перемещение товара или его доставку к месту торговли. В XIII в. *мыто сухое* повсюду называлось «мытом», с конца XV в., как правило, — пошлиной «с возов» или «с саней», «подужным» и «Полозовым». В XVI—XVII вв. *мыто сухое* нередко называлось просто проезжей пошлиной; *мыто водяное* называлось по-разному: «посаженным», «носовым», «шестовым», «побережным», «судовой пошлиной», «привязной пошлиной», «проплавными пошлинами» и т. д.²

Проезжие пошлины взимались в денежной или натуральной форме, в зависимости от места, времени, величины, особенностей и количества транспортных средств. Так, в XIV в. за провоз ржи в Двинской земле с каждой ладьи мытники (заставщики, лодейщики, побережники) брали по *пузу* (полтора пуда) ржи. «При этом, — отмечает В.Б. Перхавко, — проезжие и таможенные сборы взимались не один раз».³ Если в договорных грамотах князей московских с тверскими 1451, 1462 и 1484 гг. ставка мыта водяного определялась словами «с доски два алтына, со струга алтын», то в грамотах с князьями рязанскими 1402, 1433, 1447 и 1483 гг. содержалась другая формулировка: «...с лоды с доски по алтыну, а с струга с набой два алтына, а без набой денга».⁴ По таможенной грамоте Дмитрова (1521) с проезжих торговых людей пошлина также взималась в зависимости от того, «колко будет в паузке во дне досок». Наместнику полагалось взимать «с доски с донные по алтыну». При этом «две доски откосные» считались за одну.⁵ Таким образом, при начислении пошлины в расчет принималось число досок в днище ладьи и различие стругов «с набоем» и «без набоя».

В Новгородской уставной таможенной грамоте 1586 г., в которой подробно перечислялись различные типы речных судов, ставка «судовой пошлины» варьировалась в зависимости от типа судна и характера привозного товара: «...с хлебных и с рыбных с больших лодей и с соляных барок <...> по десяти московок; а с карбасов с корельских и с лодей, которые с угольем, и с поромов и с учанов, по четыре московки; и с байдаков и с носадов с хлебных и с лодей с дровяных по три московки; а с лодок смотря по товару, по две московки, и по московке, и по полуденги, и менши». Одновременно предусматривалась «привязная пошлина», которая взималась в размере ранее уплаченной судовой пошлины, когда «гости из судов товар свой продадут да в Нове же городе покупают иной товар, да учнут класти в те же суды».⁶ Грамотой 1588 г. двинским таможенным целовальникам устанавливалось, что двинянам, которые отправлялись к Устюгу или Вологде с солью и рыбой, надлежало заплатить на месте «с насаду по двадцати алтын, а с среднего судна по полтине, а с меньшого по четыре гривны».⁷ Согласно же царской таможенной грамоте 1592 г. о сборе торговых пошлин в селах Чаранде и Коротком, размер «водяной пошлины» ставился в зависимость от длины судна: с 10 сажень⁸ полагалось взимать один рубль, «а боле будет десяти сажень и им имати по расчету».⁹

В Устюге Великом с прибытия каждого судна из Архангельска и Холмогор положено было заплатить пошлину «с лотки» («с каюка», «с судна», «с обласа» и т. д.) в размере 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90 и 100 коп.; если же длина судна составляла 10 сажень и больше, то ставка проезжей пошлины составляла одну гривну (10 коп.) с сажени. Дополнительно взимались «побережное» — 2 гривны (20 коп.), «записное» — 2 алт., да «гостиное» — 2 алт. с человека. За право отчалить взималось «с лотки» по 15, 20 и 40 коп.¹⁰

С транзитных судов в Устюге Великом взималась *прохожая пошлина* в размере одной гривны с сажени (дополнительно взимались *побережное* — 2 гривны; да *записное* — 2 алт.). В летний период с транзитного суда, направлявшегося от Устюга к Двинскому устью, требовалось заплатить 5 коп. с сажени.¹¹

До конца XV в. ставка мыта сухого обычно составляла деньгу с воза, но затем увеличилась, варьируясь в зависимости от того, откуда приезжал купец. Так, по Новгородской таможенной грамоте 1571 г., с торговых людей из Ивангорода, Яма, Корелы, Русы, Торжка, с Двины и «изо всех городов и из волостей Новгородские земли» предусматривалось взимать «с саней» по 4 московки, с иногородних людей из Москвы, Твери, Рязани, Смоленска, Пскова по 2 новгородские деньги, а с иностранцев по алтыну, т. е. в полтора раза больше, чем с русских.¹² Размер же мыта водяного до конца XV в., как правило, был одинаков для судов одного размера. Но затем и с одинаковых судов в разных местах, даже в одно и то же время, брали различные судовые пошлины. При этом обычно не проводилось различий между русскими торговыми людьми и иностранцами.¹³

С порожних транспортных средств мыта не платили. Хотя сухое мыто всегда взималось с возов товарных, но для предупреждения уклонений от пошлины уже с XIV в. иногда стали подвергать мыту и верховых, едущих с товаром. При обратном проезде мыт взимался только с излишне проехавших возов против первоначального их числа.¹⁴

4) Проезд (*проезд и узелцовые пошлины, отъезд, отвоз, государева таможенная проезжая пошлина или проезжая пошлина*) — пошлина с сухопутного транспортного средства (телеги, воза или саней), груженого товаром, явленным в «отвоз» или «в проезд». Речь идет о товарах транзитных, покупных или оставшихся нераспроданными, которые должны были следовать в другие города. По Новгородской таможенной грамоте 1571 г., всякий торговый человек, доставивший в Новгород товар на судне, а затем после перегрузки его на телеги отправлявшийся дальше в Псков, Ивангород «или в иные города куды нибуди», обязан был заплатить таможенникам 4 московки с телеги. В начале XVII в. размер «проезда» в Новгороде составлял с каждого воза 5 д., независимо от потребительных свойств и стоимости вывозимого товара. В Вологде в 30-е гг. XVII в. взималась *проезжая пошлина* с явленной «в проезд» русской и иностранной валюты или товаров в размере 3 алт. 2 д. (10 коп.) с каждого воза или саней. При этом от проезжей пошлины были избавлены те местные купцы, которые вывозили из города собственные товары (в этом случае с них взималось «свалу и отвозу, записки и на бумагу» или «отвозу» 4—7 д. с лошади или транспортного средства). Курская таможенная книга 1619 г. свидетельствует, что *отвоз* платили из расчета 2 д. за один воз или подвод. В Вязьме *отвоз* брали с русских купцов размере 3 коп. с воза, с иностранцев — 12 коп.¹⁵ Таможенная документация города Романова 1634/35 г. свидетельствует, что местные жители платили *отвоз* в размере 1.5 д. с телеги.¹⁶ Нетрудно заметить, что расхождение в размерах этой пошлины было значительным.

Иногда «проезд» принимал название других пошлин. Так, согласно выписке из Приказа Большого прихода 1629 г., если привозные товары в Москве не продавались, а объявлялись «в проезд», то за право вывоза таких товаров из столичного города положено было взимать «узолки» из расчета по 5 д. с товарного воза.¹⁷

5) Головщина (*с головы*) — личная проезжая пошлина, встречающаяся в источниках с конца XV в. Взималась с людей, сопровождавших товар в случае привоза его в город или на Торжок, а также при транзитном проезде.¹⁸ Иногда брали головщину и с людей, находившихся на порожнем судне.

Оклад головщины (обычно от полденги до 2 алт. с человека) устанавливался в зависимости не от величины транспортного средства или количества привозного/транзитного груза, а от статуса приезжего/про-езжего человека, а также от того, являлся ли он местным жителем, иногородним или иностранцем. Так, согласно Новгородской таможенной грамоте 1571 г., каждый приезжавший в город с товаром коренной житель или «окологородец» платил «по полденге по новгородской» или «по денге по московской»; с иногороднего русского торгового человека взималось «с головы по денге по новгородской»; каждому прибывшему на торговом судне иностранцу полагалось заплатить 2 д. новгородские.¹⁹ С местных жителей иногда и вовсе не брали головщины.

В Устюге Великом с прибывшего на чужом судне купца взималась пошлина *с себя приезде* в размере 2 алт. с человека. При отплытии взимался *отъезд* в том же размере. Торговые люди, проплывавшие мимо города, наряду с *прохожей пошлиной* с судна должны были платить *проплавные пошлины с себя* в размере 2 алт. с человека.

Разновидностью головщины была *шестовина*, взимаемая с «деловых людей», которые сопровождали товар на судне. В XVII в. ставка *шестовины* в Вологде составляла 4 д. с человека.²⁰ В Устюге Великом с

«яржжных людей» также взималось по 4 д. с человека («с ярышки и с повара»), а дополнительно с двинского носника и с кормщика — по гривне с человека, «с сухонского носника» — 5 алт. 2 д., т. е. 16 коп. В Тотме с яржжных взималось по 5 д. с человека, а с носника и с кормщика — 4 алт., т. е. по 6 коп. с человека.²¹

б) Задние колачи — та же годовщина, но в уменьшенном размере (полденьги с человека). Взималась на обратном пути следования торговых людей.²²

7) Костки — дополнение к мытной пошлине с проводников, идущих при товарном обозе (по деньге с человека).²³ И.Д. Беляев полагал, что и *головщина*, и *костки* представляли ту же самую личную пошлину, взимавшуюся с торговых людей при проезде, в то время как мыт собирался с возов и с судов; название косток было древнее, а головщина появилась позднее; следовательно, костки являлись все той же годовщиной, но лишь со старым названием.²⁴ Возражая ему, Е.Г. Осокин различал эти две пошлины. Он полагал, что с конца XV в. «головщина заменила для городов костки», которые после этого взимались лишь в селениях, где не было торжков.²⁵ Более того, «там, где брали головщину с проезжих торговых людей, не брали с них косток».²⁶

8) Пошлина за приезд, проезд и отъезд — личная проезжая пошлина с торгового человека, явившего таможенникам свой товар. Заменяла проезжую пошлину с транспортных средств. Согласно таможенной книге Устюга и Устюжского уезда 1633/34 г., с явки товара, привезенного на продажу, положено было заплатить «с лошадей приезду» или «с лошади и с проводника» 2 алт.; за право отъезда с товаром и деньгами — «с себя отъезду» или «с лошадей» («с лошади и с проводника») в том же размере или «с себя и с лошади» — 4 алт. С товара, явленного «в проезд», взимался «проезд с лошади и с проводника» в размере 2 алт., или «проезд с лошади и с себя» — 4 алт. Поскольку продавец привозного товара обычно что-нибудь покупал на товарные деньги, то с него взимали отъезд «с лошадей» по 2 алт. с лошади и дополнительно взыскивали личную пошлину «с себя». Если же купец вывозил из Устюга какую-то часть своего привозного товара, он платил еще и «с себя за приезд и отъезд». Если в городе происходила перемена лошадей, то таможня взимала за транзит товаров двойную проезжую пошлину: сначала «с приезду» или «с проездом» по 2 алт. с лошади, затем «с новонаемных лошадей отъезду» в том же размере. С проезжавших без товара взимали «проезд с себя и с лошади» тоже в размере 2 алт. с человека.

С человека из Сибири, явившего сибирский товар (меха) «в проезд», взималось «приезду сибирского» — 8 алт. 2 д. (25 коп.) с человека. В том же размере взимался личный сбор с купца за проезд в Сибирь. Если человек из Сибири после распродажи своего товара возвращался в Сибирь, с него также взимался «сибирский отъезд» в размере 25 коп.²⁷

Примечания

¹ Пословицы: «Товар перевозить — перевоз платить», «За морем телушка полушка, да Дорог перевоз».

² Осокин Е. Несколько спорных вопросов... С. 546; Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 251—252.

³ Перхавко В.Б. Хлеботорговля в Древней Руси // ОН. 1996. № 4. С. 25. Согласно Двинской уставной грамоте 1398 г., с проходящих купеческих судов в Устюге и Вологде взималось по два пуза соли (ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 13. С. 8—9).

⁴ См.: СГГид. М., 1813. Ч. 1. № 36, 48, 65, 76, 77, 88, 89, 115, 116, 119, 120. *Набомяна* зывались доски, набивавшиеся к бортам мелких судов для их возвышения.

⁵ ААЭ. Т. 1. № 170. С. 138.

⁶ Уставная таможенная грамота Новгорода Великого 1586 г. // ААЭ. Т. 1. № 332. С. 401—402.

⁷ ААЭ. Т. 1. № 338. С. 408.

⁸ *Сажень* — русская мера длины = 3 аршинам = 7 футам = 2.1336 м.

⁹ ААЭ. Т. 1. № 356. С. 432. В XVII в. размер этой пошлины увеличился. По свидетельству нидерландских посланников Бурха и Фелтдриля (1631), в Устюге и Тотме с сажени в то время взималось по 5—6 алт. (с 10 сажен — 1.5—1.8 р.). К

тому же таможенные люди стали измерять длину судна не от носа до кормы («от одной иглы до другой»), а по внешнему объему судна. По новому расчету с баржи брали уже по 8 р., в то время как прежде лишь 3 р. (*Кордт В.А.* Очерк сношений Московского государства с Республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. 271; Отчет нидерландских послов Альберта Бурха и Иогана ван Фелтдриля о посольстве их в Москву в 1630—1631 гг. // Там же. С. 99).

¹⁰. Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633—1636 гг. / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 11—296.

¹¹. Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 14, 15, 25 и т. д.

¹². ААЭ. Т. 1. № 282. С. 321—322.

¹³. Там же. № 170. С. 138—139; № 338. С. 408—411; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 23—24; *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 251. Справедливости ради следует отметить, что в 30-е гг. XVII в. вологодские таможенники взимали с каждого приходившего судна «привязного» по 10 и по 40 коп. Первую ставку обычно приходилось платить местным купцам, являвшим дощаники с привозным товаром, а вторую — иностранцам (Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. / Сост. и авт. введения Е.Б. Французова; Отв. ред. М.Я. Волков. М., 1983. С. 60, 65—66, 71, 77—78, 83—85, 88, 91, 94 и т. д.).

¹⁴. См.: *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 22—23; *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 251.

¹⁵. ААЭ. Т. 1. № 282. С. 321; Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457; *Шумилов М.М.* Русские таможенные пошлины в начале XVII века // Учен. зап. Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1996. № 1. С. 57; *Раздорский А.И.* 1) Торговля Курска... С. 278; 2) Таможенная система в Вязьме... С. 262.

¹⁶. *Шемякин А.И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000. Приложение № 11. С. 177.

¹⁷. СГГид. М., 1822. Ч. 3. № 80.

¹⁸. *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 253; *Кулишер И.М.* История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923. С. 179.

¹⁹. ААЭ. Т. 1. № 282. С. 321—322; *Кулишер И.М.* История... С. 179.

²⁰. Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457.

²¹. Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 11—296, 409—599.

²². *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 253.

²³. Относительно происхождения и содержания самого термина единого мнения не существует. У одних авторов *костки* ассоциируются с «гостинцем» — большой проезжей дорогой, у других — с латинским «*costa*» — берегом, у третьих — с «гостем». Таким образом, в первом случае под *костками* понимается проезжая, во втором — береговая, в третьем — гостинная пошлина.

²⁴. *Беляев И.Д.* Рецензия на кн. Е.Г. Осокина... С. 60—61.

²⁵. *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 559.

²⁶. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 34. Уточняя это различие, Е.Г. Осокин полагал, что если головщина взималась лишь при проезде людей с товаром мимо городов и торжков, то «костки были собираемы на каждом мыте, след., и в селениях, где не было торгов» (*Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 559).

²⁷. Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 11—296.

5.3. Пошлины переходного типа

1) Явка (*явленное, явчая пошлина*) — платеж, взимаемый с конца XV в. за явленные таможенникам товары и деньги на товарную закупку. Пройти через таможенную декларацию, декларировав свой товар, «не складывая с воза и из судна», обязаны были все приезжие купцы, но явка взималась только с тех из них, кто привозил товар (деньги) с намерением торговать. В специальной книге записывались «для спору» имя торгового человека, место жительства, название и происхождение привезенного товара, размер взысканной пошлины — «явки» или «явленного».

Заявление товара (декларирование) было обязательным условием совершения других предторговых действий, самой сделки купли-продажи, а значит и уплаты всех торговых пошлин. Явка взималась один раз, иногда подменяя собой все торговые и проезжие пошлины в какой-либо местности, что сближало ее с торговыми пошлинами. На ее переходный характер от проезжей пошлины к торговой указывает и то, что она взималась одновременно как с транспортных средств, так и с лиц, объявлявших о своем приезде с товаром.¹

Размер явки обычно составлял несколько денег с торгового человека. Как правило, явочную пошлину взимали с иногородних торговых людей и иностранцев, но не с местных жителей, «и величина ее определялась расстоянием между постоянным местожительством торговца и местом уплаты».² Местные купцы тоже обязаны были заявить о своем привозном товаре в таможенную, но обычно явки не платили.³ Так, по Новгородской таможенной откупной грамоте 1586 г., иногородним русским торговым людям явку полагалось платить в размере «с головы с человека по четыре московки». С иностранцев же, исключая англичан, предусматривалось «явки с головы с человека имати по два алтына».⁴

Сбор явки — личной пошлины — продолжался и в XVII в. Так, в Курске в это время взимали явку, явку и херное, явку херное и записки и т. д.⁵ Устюжские таможенники взимали с местных жителей, торговавших сельскохозяйственными и лесными товарами, пошлину «с себя явки» в размере 4 д. с человека. Иногородние же торговые люди платили «приезду», или «с себя приезду», «с себя явки гостиного», или «с лошадей», или «с лошадей приезду» или «с лошади и с проводника» в размере 2 алт. с человека или с лошади. Если же они привозили товар из Сибири, то платили «с себя монгазейского приезду» («с себя сибирского приезду») 8 алт. 2 д., или по 25 коп. с человека.⁶ Как можно заметить, «пошлина за проезд», если она взыскивалась с хозяина товара или его представителя, фактически выполняла функцию «явки».

Одновременно термин «явка» приобретал смысловое значение явки-декларирования: «явил товару», «явил продать», «явил товару продать»; появились проезжие и торговые пошлины с «явочным» оттенком: «прохожая пошлина явка»,⁷ «явка с саней»,⁸ «пошлины и явка», «свал и явка», «пошлины и свал и явка», «пошлины и свал и явка и отвоз», «явка и весчее и свал и херное», «явка записка херное полозовое» и т. д.⁹

2) Судовая подъемная грузовая пошлина (*подъемные пошлины, судовая проезжая пошлина, проезжая грузовая* и т. д.) — формально проезжая, но фактически торговая пошлина, ставка которой определялась в зависимости от количества перевозимого на судне товара. Так, согласно Двинской уставной таможенной грамоте 1560 г., таможенные откупщики в Холмогорах обязаны были «имать судовые подъемные пошлины, с насаду и з дощаника <...> с тысячи по два рубля и по две гривны, а со ста пуд по семи алтын и по две деньги» с тех торговых людей, «кто приедет с Вологды или с Устюга или откуда нибуды на Колмогоры».¹⁰ По уставной таможенной грамоте, двинским таможенным целовальникам 1588 г. холмогорским таможенникам надлежало взыскивать со всех торговых людей, исключая англичан, с любых весчих товаров, перемещаемых мимо Холмогор на различных судах, «с тысячи пуд по два рубли и по две гривны, а со ста пуд по семи алтын и по две денги <...> а которой насад или дощаник, или какое судно нибуды, подымет болши тысячи пуд, или меньше, и с тех судов велено имати пошлина по тому же расчету».¹¹ Предположительно после Смуты ставка грузовой пошлины в Холмогорах была увеличена до 3.3 р. с 1000 пудов. Фактически же, как свидетельствуют нидерландские послы в России (1631), таможенные люди при оценке кож и других товаров брали по 4 и 5 р. с 1000 пудов.¹²

3) Замыт (дословно — вместо мыта) — торговая (рублевая) пошлина, введенная в XVI в. для замены мыта и проезжих пошлин вообще.¹³ Если мыто взималось за проезд с товаром, то замыт — за проезд с

правом торговать (участвовать в совершении сделок купли-продажи). Таким образом, он как бы представлял собой пошлину и за право проезда, и за право торговли.

Замытная пошлина взыскивалась со всякого продажного товара, а также с денег, предназначенных на его покупку.¹⁴ В уставных таможенных грамотах размер замыта неизменно составлял 1 д. с рубля таможенной стоимости без различия товара, места, откуда он был привезен, и маршрута следования. Записи таможенных книг также свидетельствуют, что ставка замыта равнялась 0.5% с продажной цены товара.¹⁵

Однако означает ли это, что *замытную пошлину* следовало уплатить уже при въезде в город? С.А. Шумаков отвечал на этот вопрос утвердительно. Вместе с тем имеется немало свидетельств об уплате замытных и других торговых пошлин лишь в связи с заключением сделки купли-продажи.

В XVII в. *замытная пошлина* все реже встречается в уставных таможенных грамотах, поскольку в большинстве поздних грамот все пошлины, дублирующие рублевую, были уничтожены.¹⁶

4) Поворотное (*поворот, подворное, дворовая пошлина*) — пошлина за право вывоза покупного товара с гостиного двора. Взималось дворниками или воротниками с покупателя. Как правило, поворотному подлежали большие товарные партии.¹⁷ Особенностью этой пошлины было и то, что она не зависела от личности и местожительства купца и фактически представляла развернутый тариф — свод адвалорных и специфических ставок с отвоза товаров. В частности, перечень ставок, детализировавших поворотную пошлину, приводится в таможенной откупной грамоте новгородцу Ивану Филатову (1586) о сборе поворотной пошлины на гостиных дворах в Великом Новгороде (см. табл.).

Таблица

Название товара	Ставка	
	адвалорная	специфическая
Белка шувайская и устюжская, с тысячи		4 д.
Соболя, с сорока		1 алт.
Куницы, с сорока		2 д.
Бобры, с десятка		2 д.
Юфть и «всякая мелкая рухлядь», с рубля	0.5 д.	
Сукно (брюкиш, аглинское, полубрюкиш, колтырь), с постава		3 д.
Сукно (новоипское, трекуньское, еское, рословское), с постава		1 д.
Шелк, с литры		0.5 д.
Тафта бурская и таканская, с косяка		4 д.
Камка, с косяка		2 д.
Бархат, зуфь, мухойр, бязь, с косяка		0.5 д.
Весчие товары: медь, олово, свинец, сера, киноварь, бумага, воск, перец, хмель, с рубля	0.5 д.	
Жемчуг, с рубля	0.5 д.	
Золото и серебро пряденое, с литры		2 д.
адвалорная	специфическая	
Косы литовские, с десятка		0.5 д.
Краска, с кади		2 ал. 4 д.
Мед, с кади		1 д.
Слива, с бочки		0.5 д.
Осетры и шевриги длинные, со штуки		6 пулов
Осетры, белуги и шевриги свежие, со штуки		0.5 деньги
Семга, лососи, сиги «и всякая мелкая рыба», с воза		4 д.
Семга, со штуки		3 пула
Стерляди свежие, со ста		3 д.
Стерляди, со штуки		3 пула

Как можно заметить, в конце XVI в. в Новгороде практиковалось обложение в зависимости и от количества, и от массы, и от фактурных особенностей, и от таможенной стоимости явленных товаров. В рассматриваемом контексте «поворотное» имело скорее характер торговой, чем проезжей пошлины.

5) Узольцовое (*узелки, узолки, узловое, поузолецина*) — сбор с местных жителей за право вывоза купленного товара в другой город. Взималось по представлении товара в таможенню для обвязки и наложения таможенных знаков — «узолков», чтобы нельзя было продать во время пути. С товаров «весчих» *узольцовое* взималось с каждой установленной весовой или объемной меры или каждого товарного места (от полденги до нескольких денег), а с «невесчих» — с воза. Иногда обложение *узольцовым* производилось с рубля ценности груза. Товары, вывозившиеся в небольших количествах, этой пошлине не подлежали: «А повезет новгородец <...> из Новгорода воск... — говорилось в уставной таможенной грамоте Новгорода Великого 1571 г., — и им имати у таможников узолки, сколко кругов, столко узолков, за таможничю печатью; а таможником у них имати с круга по три денги; а повезет кто воску мелкого пуд, или два, или три, и таможником у них не имати ничего»; «А купит суздаец в городе в Суздале бочку рыбы, или кадь рыбы, или бочку селдей, или лукошко икры, или корсочную икру, или рогозину или мех или пошев соли, — можно прочесть в уставной таможенной грамоте Суздаля 1606 г., — и повезет из города куды нибудь, и им имати у таможников узолки за таможенную печатью, а таможникам у них со всего с того с одного имати тамги по полуторе денге»; таможенной грамотой о сборе пошлин в Гороховце 1633 г. предусматривалось: «А повезет из города гороховлянин же товар свой всякой, куды нибудь, и им имати в таможе узолки за таможенную печатью; а у них имать со всего с того отвозу с рубля по полуторе денги. А кто повезет из города же воск кругами, и им имати в таможе по тому же узолки за таможенную печатью, а у них имати с того воску отвозу с пуда по денге».¹⁸ Очевидно, что наложение таможенных знаков должно было предостеречь купца от совершения незаконных операций по купле-продаже в пути, а также служило гарантией беспрепятственного перемещения товара.

Примечания

¹ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 22. С. 38—41, *Шумаков А.С.* Древнерусские косвенные налоги. С. 258. Возражая И.Д. Беляеву, который, настаивая на тождестве «явки» и «годовщины», Е.Г. Осокин справедливо подчеркивал различие между ними на том основании, что «годовщина была личною проезжею пошлиною, а явка личною торговою. Поэтому годовщина взимаема была только при проезде мимо городов и торжков или при провозе товаров в города и торжки, что и составляло при этой пошлине окладное действие, явка же собиралась при объявлении товара и намерении торговать» (см.: *Беляев И.Д.* Рец. на кн. Е.Г. Осокина... С. 62; *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 563).

² *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 564; *Кулишер И.М.* История... С. 180.

³ *Шумаков А.* С Древнерусские косвенные налоги. С. 258.

⁴ ААЭ. Т. 1. № 332. С. 401.

⁵ Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Отв. ред. С.И. Котков. М., 1982. С. 81—245.

⁶ Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 11—600.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ ААЭ. Т. 3. № 241. С. 360; *Шумилов М.М.* Русские таможенные пошлины... С. 57.

⁹ Памятники южновеликорусского наречия... С. 81—210.

¹⁰ *Чаев Н.С.* Двинская уставная таможенная откупная грамота 1560 г. // *Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 год.* Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 200. «А вологжане или устюжане приедут на Колмогоры в насадах или в дощанике или в каких судех нибуди, а оставят те суды на зимовище, а купят соль на Холмогорах, а поедут в тех же судех на Устюг или к Вологде, и таможником имати *подъемные пошлины* по тому же розсчету» (Там же).

¹¹ Уставная таможенная грамота двинским таможенным целовальникам 1588 г. // ААЭ. Т. 1. № 338. С. 408.

¹² *Кордт В.А.* Очерк сношений... С. 270; Отчет нидерландских послов... С. 99.

¹³ Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 257.

¹⁴ Там же. С. 258.

¹⁵ См.: Шумилов М.М. Русские таможенные пошлины... С. 59.

¹⁶ См.: Николаева А.Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // ИЗ. 1950. Т. 31. С. 259.

¹⁷ ААЭ. Т. 1. № 331; Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 46, 61—64; Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 260. По мнению М.Ф. Владимирского-Будаева, эту пошлину могли собирать и при ввозе товаров в гостинный двор (Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 204).

¹⁸ ААЭ. Т. 1. № 282. С. 321; Т. 2. № 65. С. 145; Т. 3. № 241. С. 360.

5.4. Торговые пошлины

1) *Тамга* — торговая, вещная, фискальная пошлина за право торговли привозным товаром. В XIV в. тамга иногда называлась «торговой пошлиной», а в XVI в. — «рублевой пошлиной». Взималась преимущественно в денежной форме, составляя фиксированную долю продажной («таможенной») стоимости товара.

Тамга взималась с различных привозных товаров, исключая пшеницу, рожь, овес, солод, ячмень, коноплю, гречу, горох, крупы, толокно и т. п. С конца XV в. тамгой облагались и деньги приезжих купцов, на которые производились товарные закупки. В этом случае взимаемая пошлина могла называться *искусным* (*кунным*, *скунным*) — от древнерусского слова «куна».¹ Некоторые продовольственные товары (соль, сушеная рыба), дрова облагались тамгой в зависимости от ситуации. Не подлежали ей и съестные припасы стоимостью менее 2 алт. За редким исключением, не платили тамгу и с продажи товаров местного производства («Кто продает свое домашнее, тот тамги не дает; а который имеет прикупом торговати, и тот тамгу дает»)².

Различались и сами принципы обложения тамгой: 1) с целого ряда товаров она взималась не с цены, а с самого предмета. «Так, — отмечал Д.А. Толстой, — взималась пошлина деньгами с известного количества хмеля, с известной величины сукна, кожи, холстов, овчин, понев и т. п.»;³ 2) для отдельных сельскохозяйственных продуктов ее оклад определялся «с воза» или «саней»;⁴ 3) иногда тамга взималась в натуральном выражении, например, в виде десятого с мелких товаров: рогож, лык, мочалок, лаптей, меда, воска, хмеля и т. д.;⁵ 4) с товаров весчих тамга могла взиматься в большем размере, чем с товаров невесчих; 5) с «лесного товара» (бревна, дрова, доски, рогожи, хомуты, лыки, зола, гробы) тамга взималась в меньшем размере; 6) иногда ставка тамги зависела от вида и типа транспортного средства, доставившего товар.⁶ Однако, как справедливо указывал С.А. Шумаков, если ставка тамги устанавливалась по количеству или качеству товара, то тут имеем дело с тамгой в обширном смысле или же со смешением ее с другими пошлинами.⁷

Непростым представляется вопрос о «технологии» взимания главной торговой пошлины. Так, Д.А. Толстой, Н.Я. Аристов, С.Н. Никольский полагали, что тамгу платили при совершении самой сделки купли-продажи с товаров, действительно проданных (непроданные товары не облагались тамгой).⁸ Им возражали Е.Г. Осокин, В.И. Сергеевич, С.А. Шумаков, по мнению которых, таможенное обложение совершалось прежде продажи товаров, при самом их привозе.

Действительно, уже при явке приезжие купцы обязаны были назвать цену привозным товарам. В свою очередь головы и целовальники производили таможенную оценку, которая и принималась во внимание при начислении и уплате пошлин. «Следовательно, — утверждал Е.Г. Осокин, — тамга падала не на действительно рыночную цену товаров, а на оценочную, которая могла быть или ниже настоящей цены, или выше».⁹ Так, согласно Суздальской уставной таможенной грамоте (1606), таможенным головам и целовальникам Суздаля надлежало у приезжих гостей, торговых людей Московского государства и иноземцев «их товары ценити прямо вправду (чего которой товар стоит так и ценити), да и те всякие товары и товаром цену писати в книги перед собою подлинно, да по тем книгам у гостей и у торговых людей имати таможенником в Суздаде на посаде и в торжинех, которые к Суздальской тамге приписаны, таможенные всякие пошлины».¹⁰

В.И. Сергеевич и С.А. Шумаков также были убеждены, что тамга взималась со стоимости привозного товара «по особой оценке» до разгрузки его на гостином дворе. В этом они усматривали «чисто татарский обычай», укоренившийся лишь там, где татарское присутствие было непосредственным (в Новгороде и Пскове тамга была введена лишь после их покорения Москвой).¹¹ Возражая Н.Я. Аристову, С.А. Шумаков настаивал, что уплата тамги лишь иногда происходила при продаже товаров, чаще же при самом привозе их из города и села. Причем оценка товара производилась таможенными головами и целовальниками при участии «добрых и лучших людей» после объявления торговыми людьми цены своих товаров при самой явке. В защиту тезиса о взимании тамги с оценочной стоимости товара Шумаков приводил и тот аргумент, что «необходимость предварительной явки делала невозможным неплатеж тамги». ¹² К этой же версии склонялся и А.Ц. Мерзон. На основании глубокого изучения таможенных книг XVII в. этот автор пришел к выводу о фактической невозможности представителям местной таможенной администрации «установить цены реальных торговых сделок, совершаемых многочисленными клиентами таможи». ¹³

Наиболее обстоятельно рассматриваемый вопрос был изучен К.В. Базилевичем. Во-первых, им было установлено, что явленный товар во всех случаях подлежал количественной оценке со стороны представителей таможи. При этом в таможенной книге против записей на полях указывалось имя того целовальника, который «считал» товар. Во-вторых, обычно в одной и той же таможе применялись и оценка по «продажной цене», и «условная таможенная оценка». В последнем случае заявленная или реальная рыночная цена купеческого товара подвергалась пересмотру. Если же таможенная пошлина взыскивалась в конце года, то в большинстве случаев «при регистрации актов продажи заносилось лишь количество проданного товара без указания цены. Последняя устанавливалась после окончания года, когда подводился итог всем годовым операциям... Цена, установленная в конце года, не могла быть фактической ценой конкретных сделок купли-продажи». В-третьих, экспертная (условная) оценка таможи могла почти совпадать с рыночной ценой текущего года, а могла и значительно отличаться от последней. Именно она и преобладала в отношении количественной регистрации товаров и их стоимости в большинстве городов на европейской части страны. Немаловажную роль при такой оценке «играл субъективный момент, зависевший и от степени подготовленности и опыта лица, производившего оценку, и от стремления избежать недобора, связанного с длительной московской волокитой, губительно действовавшей на собственные торговые занятия». ¹⁴

Таким образом, вопреки тому, что многими уставными таможенными грамотами «верным людям» и откупщикам вменялось в обязанность справедливо оценивать товары, не корыстоваться пошлинами и «под опасением государевой опалы» не брать «посулов и поминков», нередкими были случаи, когда в таможе произвольно завышались, а иногда и занижались (с целью привлечения иногородних купцов) количество и стоимость привозных товаров по сравнению с рыночными ценами, а сами товары задерживались на длительное хранение. Порой случалось, что явленный товар, уже оплаченный тамгой, не находил сбыта. По предположению Е.Г. Осокина, уплаченная пошлина при вывозе непроданного товара не возвращалась; она как бы засчитывалась (на товар накладывались узолки и печати, а купцу выдавалась выпись, увольнявшая его от уплаты пошлин в другом месте при продаже). Зачет тамги с привозных денег производился подобным же образом. ¹⁵ Как можно заметить, реальная торговая практика вступала в противоречие с предписанием уставных грамот о невзимании тамги с привезенного, но непроданного товара.

Спорным остается и вопрос о размере тамги. Так, И.Я. Рудченко определял обычную ставку тамги в 1 алт. с рубля, или 3%. П.П. Мельгунов также полагал, что «пошлины, которые обыкновенно татары брали с торгующих купцов, равнялись 3%». И.П. Козловский бездоказательно утверждал, что «обычная таможенная пошлина равнялась 7 деньгам с рубля стоимости товара». ¹⁶

В то же время из уставных таможенных грамот и таможенных книг следует, что обычная ставка тамги составляла 4 московские деньги с рубля таможенной стоимости товара, или около 2%. ¹⁷ Справедливо определяя минимальное и максимальное значения тамги в 3 и 7 д. с рубля соответственно, Д.А. Толстой отмечал, что «чаще других встречающаяся величина тамги есть полторы деньги с местных жителей и четыре деньги с жителей прочих областей». ¹⁸ К.Н. Лодыженский соглашался с ним, также указывая, что наиболее часто встречались оклады тамги от полутора до 4 д. с рубля, или от $\frac{3}{4}$ % до 2%. ¹⁹ Вместе с тем этот автор допускал принципиальную неточность, определив экстремумы тамги в пределах $\frac{1}{4}$ —7% с цены. Ошибался и И.М. Кулишер, который некритически воспроизвел эти данные, воспользовавшись таблицей К.Н. Лодыженского. Фактически он разделил мнение, что, по Новгородской таможенной грамоте 1571 г., тамга взималась в размере « $\frac{3}{4}$ проц. с горожан, 2 проц. с

жителей области, 4 проц. с иногородних, 7 проц. с иностранцев». Более того, приравняв деньги к копейке, а алтын к шести копейкам, И.М. Кулишер допустил целый ряд других неточностей, утверждая, например, что «по Белозерским грамотам 1498 г. и 1551 г. с горожан взимается $\frac{1}{2}$ проц., столько же с жителей области, с иногородних же 6 проц» (на самом деле $\frac{1}{4}$ % и 3%).²⁰ К сожалению, эти ошибочные суждения дореволюционных авторов (со ссылками на К.Н. Лодыженского) продолжают воспроизводиться в современной учебной и научной литературе.²¹

По нашему мнению, максимальная ставка тамги не могла значительно превышать 3%. Во-первых, тамга не являлась единственной таможенной пошлиной. Во-вторых, на протяжении XIII — первой половины XVII вв. таможенное обложение торговых людей непрерывно возрастало. В-третьих, оклад единой рублевой пошлины (1653), составлявшей 5% цены товара, никак не мог уступать размеру тамги предыдущего периода, поскольку был призван компенсировать вообще все пошлины, взимавшиеся до того времени в Московском государстве.²² Даже пошлина с иностранцев, торгующих в Москве и других городах, кроме Архангельска, была определена Торговым уставом 1653 г. в 2 алт. с рубля, или 6% с цены. Что же до Новгородской таможенной грамоты 1571 г., то следует обратиться к самому источнику, из которого следует, что таможенникам положено было взимать пошлину с торговых иноземцев «с рубля с новгородского по семи денег по новгородскую». Зная о том, что рубль новгородский соответствовал в то время 2 р. 5 алт. 2 д. московским, т. е. 216 коп., а новгородская деньга ничем не отличалась от московской копейки, несложно подсчитать, что максимальная ставка тамги в XVI в. составляла около 3.2%.²³

Следует иметь в виду, что нередко за *тамгой* скрывались другие пошлины. В ряде случаев она взималась «с помещения на воз». Иногда ею назывались *узолки*, *номерное* и даже *мыто*. Пошлина с продажи недвижимости также могла называться «тамгой». Вместе с тем такие пошлины, как *поштучное* (с продажи коровы), *пятенное* (с продажи или мены лошади), с продажи дома, двора и другие, со временем приобрели фактическое значение рублевой пошлины — *тамги*.

Платили тамгу и продавец, и покупатель, «впрочем, — как отмечал Е.Г. Осокин, — обыкновенно только приезжий».²⁴

2) Вещее (*вес, с весу, весовое, весчая пошлина, весчие деньги, пудовое* и т. д.): 1) пошлина за взвешивание на казенных весах «весчих», или «весовых», товаров, к числу которых принадлежали металлы, соль, икра, масло сливочное, сало, воск, мед, квасцы, пенька, ладан, тимьян и др.;²⁵ 2) разновидность рублевой пошлины, взимавшейся таможенными пудовщиками, весовщиками и их «робятами» одновременно и за взвешивание, и за право продажи (с конца XVI в. операцию по взвешиванию могли производить сами торговые люди, хотя и под контролем пудовщика).²⁶

Как правило, сбор «с весу» представлял собой фискальное дополнение к тамге, а размер его, уступая ставке тамги, обычно составлял 2 д. с рубля, из которых одна взыскивалась с покупателя, а другая — с продавца. Так, согласно уставным таможенным грамотам Дмитрова (1521), Новгорода (1571), Суздаля (1606), за взвешивание «весчих» товаров с русских торговых людей взималось как с покупателя, так и с продавца по деньге с рубля.²⁷

Размер *вещего* мог варьироваться в зависимости от свойств товара и от того, из каких мест приезжал торговый человек (с иногородних и торговых иноземцев *вещее* взималось в большем размере). В указанных выше грамотах с иноземцев (а по Дмитровской грамоте — также и с русских торговых людей из Новгорода, Пскова и Твери) за взвешивание воска, меди, свинца, олова, икры, меда и т. п. пудовщикам полагалось «имати с купца по две денги (с рубля. — *М.Ш.*), а с продавца по две денги ж (с рубля. — *М.Ш.*); а взвесит рогозину или мех или пошев соли, и таможником у них имати с того с одного с купца по две денги, а с продавца по две денги ж».²⁸

В торговле «весчими» товарами встречались ограничения. Зачастую их не разрешалось продавать в розницу. Прежде всего этот запрет распространялся на торговлю иногородних купцов: «...приезжим торговым людям соль продавать <...> рогожами, а мелкою статьею, в пуды и в полпуды и в чети, продавать иногородним торговым людям не велено».²⁹ От *вещей пошлины* были избавлены купцы и продавцы товара на сумму меньше 5 алт.³⁰ После 1653 г. *вещее* взыскивалось только с покупателя в виде мелочного дополнения к рублевой пошлине.

3) Осмничее (*осминичее, осьмничвв, осмичве, осьмичее, восмичее, восменичее, восмичье* и т. д.) — одна из древнейших торговых пошлин, первые достоверные известия о которой, по словам С.А. Шумакова, относятся к 1328 г. Этот автор также допускал возможность появления термина «осмничье» наряду с термином «торговое» еще в домонгольское время в связи с отделением торгового значения мыта от проезжего.³¹

Осмничее взималось со всех товаров, кроме хлеба, а также с денег, на которые совершались товарные закупки. До XVI в. его размер был совершенно одинаков с размером тамги, и лишь затем последний сделался сравнительно большим.³² По словам Е.Г. Осокина, «нет никакой возможности указать, на основании источников, различие между тамгой и восменичим».³³ На тождество тамги и осмничего указывали также Ю.А. Гагемейстер и С.А. Шумаков, допускавшие при этом, что *осмничее* могло поначалу собираться с товаров «меримых», в то время как тамга — с клейменных.³⁴ Говоря о параллельном существовании *тамги* и *осмничего*, В.И. Сергеевич высказывал и ту догадку, что первая взималась с продавца, а последняя — с покупателя.³⁵ В этом его поддерживал С.А. Шумаков.³⁶

Как бы то ни было, но в XVI—XVII вв. осмничее представляло уже фискальное дополнение к тамге в размере 1—2 д. с рубля и взималось с продавца, хотя, вероятно, оплачивал эту пошлину тот, кто являлся покупателем привозного товара. В пользу такой версии говорит и то обстоятельство, что оклад *осмничего* оставался постоянным, независимо от колебаний в размере тамги. Так, уставной таможенной грамотой Дмитрова (1521) предусматривалось, что торговый человек из волостей Московской земли должен был заплатить с привозного товара тамгу «с рубля по три денги, да за *восмничье* <...> по дензе с рубля»; с новгородских, псковских и тверских купцов и иноземцев надлежало взять тамгу «с рубля по алтыну, да за *восмничье* имати таможником с того ж рубля по дензе».³⁷ В уставной таможенной грамоте Гороховца (1633) прямо говорилось об уплате покупателем пошлины (без названия) с привозного русского товара в размере 2 д. с рубля. Если продавался иностранный товар, то «две денги поряду» (пошлина имеет явный смысловой оттенок осмничего) взыскивались на торговом иноземце, которому надлежало «взяти их на купце».³⁸

4) Порядное — адвалорная ставка, которую платили местные жители, избавленные от тамги с денег, если они покупали товар из гостиного Двора для перепродажи в розницу (через лавку). Впервые упоминается в Белозерской таможенной грамоте 1497 г. Обложению порядной пошлиной подлежал ограниченный перечень товаров «весчих» (мед, соль, икра, рыба) и «меримых» (хмель). Ее также взимали с товарного помещения, с бочки или кади рыбы, рогозины или пошева соли. Во всех этих случаях ставка порядного составляла 1.5—2 д. с рубля таможенной стоимости.³⁹ По мере того как выравнивались условия торговли русских людей, с местных лавочников требовали уплаты все новых сборов. Так, по Гороховецкой грамоте 1633 г., с продажи через лавку товара, уже оплаченного порядной пошлиной, таможенные головы обязаны были «имати с продавца весчего и замыту с рубля по две денги да свального с десяти пуд по денге».⁴⁰

5) Поместное — пошлина, приближавшаяся по своему значению к *порядному*. Взималась с товаров в том случае, если кто-либо, купив на гостином дворе, не свозя с места, там же и продавал. В таможенной откупной грамоте новгородцу Ивану Филатову 1586 г. прямо говорилось: «А кто купит на гостином дворе соль или рыбу, а с гостина двора не повезет, а станет продавать на гостиних дворах, и тем людям давати поместного: с рогозины полденги, с бочки рыбы полденги, а с лука икры денга, с меха соли полденги, с бочки селдей, рыбы со всякие бочки по полуденге».⁴¹

6) Померное (*помер, померные деньги*) — пошлина с продажи товаров меримых: с хлеба (пшеница, рожь, овес, ячмень, солод, просо, гречиха, пшено, крупы, мука), с огородных и садовых культур (горох, бобы, мак, репа, лук, чеснок, яблоки), с хмеля, конопли и семени конопляного, с грибов, ягод, орехов, золы, с мелкой сухой рыбы и др. Взималось с известной меры, а не с рубля. Мерами служили бочки, кади, четверти, осмины (осьминки), полуосмины, кипы и т. д. В зимнее время померное взималось и с товарного воза, что указывает на сезонный характер этой пошлины.⁴² Так, в 30-е гг. XVII в. с каждого воза с товарным хлебом вологодские таможенники собирали *свалу и номеру и за откуп коморного* по 10 коп.⁴³

Обыкновенно же за единицу меры, по которой рассчитывалась померная пошлина, принимались «четыре четьи московских». В этом случае размер померной пошлины колебался от полденги до двух денег, но обычно составлял деньгу с четырех четвертей московских. Принято считать, что ее

взыскивали только с продавца, а с покупателя не брали. В таможенной откупной грамоте новгородцу Пятому Андрееву 1587 г. прямо говорилось: «А имати померная пошлина с продавца, а с купца померные пошлины не имати ничего».⁴⁴ Вместе с тем в практике таможенного дела XVII в. допускалось, что плательщиком *помера* становился покупатель.⁴⁵ «Померный» товар величиной менее осмины от *номерной пошлины* освобождался.⁴⁶

От осмничего *номерное* отличалось тем, что взималось с меры, в то время как осмничее — с рубля. Поэтому и встречаем в актах, что с одного и того же товара взимались и *восмничее*, и *номерное*.⁴⁷

7) Покоренное — дополнение к *номерному* (*корец* — мера). Эта пошлина взималась только с хлеба: зимой с воза, а летом с судна «по корцу с верхом» с четырех четвертей.⁴⁸

8) Плошки — разновидность *номерной пошлины* (*плошки* — мера соли).

9) Rogozинное — пошлина с местного торгового человека — покупателя соли. Из таможенной книги Вологды 1634/35 г. следует, что ее размер устойчиво составлял 9 д. с меха соли.⁴⁹

10) Головщина — личная пошлина с продажи человека в «полницу» (рабство). Ее размер составлял 20 д. с человека (по алтыну наместнику, дьяку и таможенникам, да 2 д. приставу наместника) за оформление соответствующей грамоты.⁵⁰ Взыскивалась с покупателя.

11) Пятно (*пятно и писчее*, *пятенные* или *пятинные деньги*, *пятно и пошлины*) — 1) пошлина с товаров, поступавших в розничную торговлю;⁵¹ 2) регистрационный сбор с продажи или промена лошадей, дополнявший рублевую пошлину. Первоначально взимался с клеймения лошади при купле-продаже, о чем свидетельствует жалованная грамота звенигородского князя Юрия Дмитриевича Саввина Сторожевскому монастырю 1404 г.⁵² Удостоверяя действительность сделки, пятно взималось за наложение таможенником клейма (пятна) на купленную или променянную лошадь. В Москве этим занимались *пятенички*, а в областях — пошлинные люди или пятенчики под надзором наместников и волостелей. Образец клейма (*пятна*) наместника заносился в таможенную книгу; в ней же производилась запись о продавце, покупателе и самой лошади — какой она масти и каких примет.

Пятно (1—4 д.) и *писчее* (1 д.) раскладывались поровну на покупателя и продавца: «Кто купит лошадь, или продаст, и с купца лошади по денги, а с продавца по денги же». Со временем ставка пятна увеличилась до 6—8 д. с лошади. В дореволюционной историографии сложилось мнение, что его стали взимать с покупателя, а продавец ограничивался платежом рублевой пошлины.

Однако в реальной жизни все обстояло сложнее. «В конской торговле Курска, — отмечает А.И. Раздорский, — в первой половине XVII в. действовал особый порядок таможенного обложения, причем, по крайней мере на протяжении этого времени, он претерпевал достаточно серьезные изменения. В 1619 г. здесь существовало два вида сборов — *рублевая пошлина* («пошлина») и с *шерсти*. Оба они уплачивались продавцом лошади, а покупатель от каких-либо сборов был освобожден. Размер рублевой пошлины был дифференцированным и составлял 1.25% от стоимости лошади (1.25 коп. с рубля) для курян и 2.5% (2.5 коп. с рубля) для жителей других городов и уездов <...> В 1623/24 г. наблюдается уже иной порядок взимания таможенных пошлин с участников конской торговли. Во-первых, куряне стали платить рублевую пошлину в том же размере, что и иногородние торговцы: 2.5% от стоимости лошади. Во-вторых, деньги с шерсти уплачивал уже не продавец, а покупатель, причем размер этой пошлины возрос в пять раз — с 1 до 5 коп. <...> В 1626/28 г. в курской торговле опять вводится новый порядок обложения. Прежде всего, покупатель и продавец при уплате пошлин поменялись местами. Рублевую пошлину (по-прежнему составлявшую 2.5%) платил уже покупатель, а деньги с шерсти — продавец. Появляется новый фиксированный сбор — *записка*, уплачиваемый продавцом. Общая сумма денег, уплачиваемых с шерсти и с записки, составляла 6 коп. По данным таможенной книги 1641/42 г., размер сбора с шерсти составлял 5 коп., с записки — 1 коп. Аналогичный порядок уплаты пошлин в конской торговле действовал в 1628/29, 1641/42, 1647/48, 1653/54 гг.».⁵³

Конскую же торговлю Устюга Великого в 30-е гг. XVII в. отличало то, что и продавец, и покупатель лошади платили пятно в обязательном порядке и в одном и том же размере — 4 д. с акта купли-продажи. Каждый из них платил и рублевую пошлину. Разница заключалась лишь в том, что местный

человек с продажи лошади или явки денег на покупку платил 3 д. с рубля (1.5%), а иногородний торговый человек — 5 д. с рубля (2.5%).⁴⁴

Нередко сбор пятенных денег отдавался казной на откуп; монастыри освобождались от уплаты пошлин с покупки лошадей по тарханским грамотам, иногда им разрешалось иметь свое пятно и взимать пошлину «с лошади» в монастырскую казну; должностное лицо могло получить пятно «в корм».⁴⁵

12) Роговое (привязное) — пошлина за привязывание на рынке скотины. Ее размер составлял от 1.5—2 д. с головы крупного рогатого скота. Взыскивалась и с продавца, и с покупателя.

13) Поводное — сбор за вручение *пятещицом* купленной лошади покупателю. Взыскивался только с покупателя.

Примечания

¹ Если сделка купли-продажи совершалась на «товарные деньги», полученные с продажи привозного товара, то с такой покупки обычно пошлин не взималось.

² Толстой Д. История... С. 79; Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 255.

³ Толстой Д. История... С. 77—78.

⁴ Там же. С. 78. «А привезут кто <...> лен, лук, чеснок, орехи, яблока, мак, золу, деготь, и им (таможенникам. — М.Ш.) у них (торговых людей. — М.Ш.) имати с воза и с саней по Дензе» (см.: ААЭ. Т. 1. № 134. С. 100; Т. 2. № 21. С. 71).

⁵ Лишь в 1697 г. взимание тамги произведениями, или товарами, было окончательно запрещено.

⁶ См.: Тихонов Ю. Л. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // ИЗ. 1955. Т. 53. С. 270.

⁷ Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 255.

⁸ Толстой Д. История... С. 79; Никольский С. О внешних таможенных пошлинах. С. 52; Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 225; Рудченко И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 13. В пользу этой версии свидетельствуют записи сохранившихся таможенных книг Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 гг., Вологды 1634/35 г., Устюга 1633/34 г., Великих Лук 1669—1676 гг.: пошлине подлежал лишь проданный товар; явленный же, но непроданный либо переписывался в таможенные книги следующего года, либо беспрепятственно вывозился в исходный пункт, либо отпускался в «отвоз» (в последнем случае купец платил «проезд» или «свалу и отвозу») (см.: Шумилов М.М. Русские таможенные пошлины... С. 57; Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457; Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 11—600; Таможенные книги города Великие Луки 1669—1676 гг. / Подгот. к печати А.В. Юрасов. М., 1999. С. 185, 188, 191 и др.).

⁹ Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 100. Это подтверждается и жалобой нидерландских послов (1631), возмущенных тем, что товары их соотечественников в Москве оценивались гораздо выше их действительной стоимости и благодаря этому облагались «неправильной пошлиной», а товары, оставшиеся непроданными, подвергались перед возвратом в Архангельск (в нарушение прежних обычаев) вторичной «таможенной очистке» (Кордт В.А. Очерк сношений... С. 271).

¹⁰ ААЭ. Т. 2. № 65. С. 144.

¹¹ Сергеевич В.И. Лекции... С. 471; Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 254.

¹² Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 256. В пользу этой версии свидетельствует отчет нидерландских послов 1631 г., из которого следует, что московские таможенники произвольно завышали стоимость привозных товаров вдвое, а затем по такой оценке взимали пошлины (Отчет нидерландских послов... С. 99).

¹³ Мерзон А.Ц. Таможенные книги XVII в. М., 1957. С. 30.

¹⁴ Базилевич К.В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // ПИ. 1936. Вып. 2. С. 80—90.

¹⁵ Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 101—106.

- ¹⁶ Рудченко И.Я. Исторический очерк... С. 14; Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX—XVII вв. М., 1905. С. 117; Козловский И. Краткий очерк истории русской торговли. Киев, 1898. Вып. 1. С. 21.
- ¹⁷ См.: Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 264—265.
- ¹⁸ Толстой Д. История... С. 78—79.
- ¹⁹ См.: Лодыженский К. История... С. 5—6.
- ²⁰ См.: Кулишер И.М. История... С. 181.
- ²¹ Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 60; Кисловский Ю.Г. История таможенного государства Российского. М., 1995. С. 34; Российское таможенное право. Учебник для вузов / Отв. ред. Б.Н. Габричидзе. М., 1997. С. 19; Блинов Н.М. Таможенная политика России X—XX вв. М., 1997. С. 60.
- ²² В Сибири в XVI—XVII вв. главной таможенной пошлиной было «десятое», представлявшее в глазах современников единую пошлину с «торгового», «соболиного», «соляного», «рыбного» и других тамошних «промыслов» русских людей. «Десятая пошлина, — отмечает А.Н. Копылов, — была значительно тяжелее основной торговой пошлины европейской части Русского государства — рублевой, которая в XVI — первой половине XVII в. находилась в основном на уровне 4—5 д. с рубля и никогда не поднималась выше пяти процентов (10 д. с рубля)» (Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в.: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М., 1961. С. 345).
- ²³ ААЭ. Т. 1. № 282. С. 322. В чрезвычайных условиях смутного времени, когда Новгород находился под властью шведов, ставка рублевой пошлины действительно поднималась до 6%. Согласно памяти новгородским таможенным головам от 2 октября 1612 г., с привозных товаров иностранных купцов надлежало взимать по 2 алт. с рубля. В таком же размере тамгой облагались и покупные русские товары, которые вывозились иностранцами из Новгорода. Одновременно создавались преимущества для шведских купцов, которые должны были платить рублевую пошлину в размере алтына, т. е. 3% (О взыскании пошлин с немецких людей, приезжающих из Швеции. Память новгородским таможенным головам 1612 г. // ААЭ. Т. 2. № 212. С. 271).
- ²⁴ Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 98.
- ²⁵ Взималась в размере нескольких денег с каждого подъема. К примеру, в Устюге Великом в 1933/34 г. это составляло по 4 д. за один подъем (Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 11—600).
- ²⁶ Д.А. Толстой полагал, что «первая грамота, устранившая пудовщиков от непосредственного взвешивания товаров, относится к 1592-му году» (Толстой Д. История... С. 81).
- ²⁷ ААЭ. Т. 1. № 170. С. 139; № 228. С. 323; Т. 2. № 65. С. 146. В Вологде в 1630-е гг. пошлина «с весу» взималась со всех явленных в продажу товаров в размере 0,5% с цены (Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ААЭ. Т. 4. № 202. С. 257. Иногда это правило нарушалось. Так, устюжские таможенники разрешали приезжим купцам продажу сала, воска, меда и других весчих товаров «врознь в вес». В этом случае последним приходилось платить не только с продажи привозного товара, но и «с купцов» (Таможенные книги Московского государства XVII в.... Т. 1. С. 31, 159, 187, 190 и др.).
- ³⁰ ААЭ. Т. 1. № 228. С. 324; № 363. С. 446; Т. 2. № 65. С. 146; Толстой Д. История... С. 81.
- ³¹ Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 256—257.
- ³² Там же. С. 257.
- ³³ Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 111.
- ³⁴ Гагемейстер Ю.А. О финансах... С. 84; Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 256—257.
- ³⁵ Сергеевич В.И. Лекции... С. 472.
- ³⁶ Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 257.

- ³⁷. Уставная таможенная грамота Дмитрова 1521 г. // ААЭ. Т. 1. № 170. С. 139.
- ³⁸. ААЭ. Т. 3. № 241. С. 362.
- ³⁹. ААЭ. Т. 1. № 134. С. 100; АСЭИ. Т. 3. № 23. С. 41; *Толстой Д.* История... С. 89; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 107.
- ⁴⁰. ААЭ. Т. 3. № 241. С. 361.
- ⁴¹. ААЭ. Т. 1. № 331. С. 399. И.Д. Беляев и Е.Г. Осокин относили поместное к разряду гостиных пошлин (см.: *Беляев И.Д.* Рец. на кн. Е.Г. Осокина... С. 63; *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... С. 566).
- ⁴². ААЭ. Т. 1. № 100. С. 78.
- ⁴³. Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457.
- ⁴⁴. ААЭ. Т. 1. № 335. С. 404. Из сохранившейся таможенной книги Тотьмы 1634/35 г. следует, что помер взимался с продавца хлеба в размере одной деньги «с чети» (Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 11—600). Сам способ начисления помера — специфической пошлины — располагал к тому, чтобы его взимали по факту таможенной оценки явленного на продажу хлеба, т. е. еще до продажи (Там же. С. 67, 69, 100 и др.).
- ⁴⁵. В Устюге Великом помер взимался с покупки хмеля в размере 12.5 коп. скипы товара (Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 33, 39, 40, 47, 57, 171, 174, 177 и т. д.).
- ⁴⁶. *Толстой Д.* История... С. 84. Для меры товаров по всем торгам рассылались так называемые «пятенные меры» с государевым клеймом (Там же).
- ⁴⁷. Там же. С. 85. Иногда явленный на продажу хлеб оценивался в рублях и облагался рублевой ставкой (см.: Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 472—476, 478, 484—485 и др.).
- ⁴⁸. ААЭ. Т. 1. № 335. С. 404. На корце ставилось то же клеймо (пятно), что на «государевой пятенной мере» (Там же).
- ⁴⁹. Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457.
- ⁵⁰. ААЭ. Т. 1, № 134. С. 100; № 282. С. 321.
- ⁵¹. *Раздорский А.И.* Торговля Курска... С. 279.
- ⁵². *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов... 543; АСЭИ. Т. 3. № 53а.
- ⁵³. *Раздорский А.И.* Торговля Курска... С. 278—279.
- ⁵⁴. Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 130—139.
- ⁵⁵. ОР РНБ. Ф. 558. Собр. М.П. Погодина. № 1564. Л. 41—41 об.; Судебники XV—XVI веков / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина; Комментар. А.И. Копанева, Б.А. Романова и Л.В. Черепнина. М.; Л., 1952. С. 174—175, 332; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 80—83; *Шумаков С. Л.* Древнерусские косвенные налоги. С. 261.

5.5. Платежи за предпродажное обслуживание

1) Гостиное — первоначально (с XII в.) — это личный сбор, так называемая «гостиная дань», однородная с явкой, взимавшаяся за сам привоз товара на торг. С конца XV в. — плата за остановку в гостинном дворе (сверх платы за помещение). «Уже при Иване III, — отмечал С.А. Шумаков, — запрещается приезжим торговцам складывать товары вне этих (гостиных. — *М.Ш.*) дворов. Позднее везде, где были казенные амбары и лавки, приезжие были обязаны складывать товары в них».¹ Человек без товаров мог остановиться, где хотел, но в некоторых городах и купец с деньгами, приехавший за товаром, должен был остановиться в гостинном дворе. Таким образом, в конце XV в. термин «гостиное» приобрел новое значение. Прежнее же его значение перешло на «явку».² По предположению И.Д. Беляева, *гостиная пошлина* состояла из четырех частей: из *подвортного* или *повортного* (за право

въезда на гостиный двор), *анбарного* (за складку товара в амбар), *свального* (за складку товара с судна или с воза) и *привязного* (за право причалить у торговой пристани).³

Величина гостиного могла зависеть от числа приезжих купцов, складировавших свои товары в гостином дворе: если их было мало, то гостиного собирали по деньге с человека, а если много, то в таком случае по 3 д.⁴ Взимание гостиного производилось гостинными дворниками или гостинщиками, находившимися под заведованием местной администрации, только с иногородних и иностранцев, обязанных останавливаться на гостиных дворах и из них торговать.

Местные жители совсем избавлялись от этой повинности. Иногородние могли быть освобождены от складки на гостином дворе и уплаты гостиного лишь при условии уплаты «анбарщины». Впрочем, существовало немало местных исключений из этого правила. Так, псковичи и немцы должны были останавливаться в Новгороде на своих дворах.⁵ С товаром, ценность которого не превышала 2 руб., разрешалось не заезжать в гостиный двор, но с ним нельзя было появляться на частных подворьях. Таким маломощным купцам только и оставалось, что стоять на торгу.⁶ «С купца, не явившегося дворникам, и с того, у кого он сложил свой товар, — отмечал С.А. Шумаков, — взимался штраф (50 копеек — 2 рубля с обоих), смотря по ценности товара и амбара и по тому, сколько времени купец уклонялся от этой повинности. Иногда конфисковывались самые товары или даже и заезжие дворы <...> Провинившиеся же иностранцы высылались из города».⁷

В дальнейшем содержание гостиного пошлины продолжало изменяться. В XVII в. она уже взималась «с оценки товаров, помещаемых в гостином дворе, на рубль, или по штукам товара».⁸ Нетрудно заметить, что это сближалось с тамгой. Вместе с тем гостиное приобретало характер мелочного личного сбора с приезжих торговых людей.⁹

2) Анбарное (амбарное, анбарщина) — пошлина за наем амбара на гостином дворе, за складку товара в устроенном для этого месте. Ее размер (1—7 д. в неделю) зависел от спроса на амбары, а также от количественных и фактурных особенностей привозного товара.¹⁰ В.И. Сергеевич полагал, что *анбарное* служило псевдонимом *гостиной пошлины*.¹¹ Вместе с тем имеются свидетельства о том, что *анбарное* представляло собой особую пошлину и взималось наряду с *гостинным*. Так, согласно таможенной книге Устюга и Устюжского уезда 1633/34 г., размер гостиного с приезжих купцов неизменно составлял 2 алт. с человека. *Анбарное* же высчитывалось в зависимости от продолжительности пребывания купца в городе, исходя из расчета 7 д. в неделю.¹² В некоторых городах *анбарное* с местных жителей совсем не взималось или взималось в меньшем размере, чем с приезжих. Иногда этот сбор отдавался на откуп. В дальнейшем *анбарщина* представляла собой процентный сбор с цены товара, т. е. взималась по оценке с рубля.¹³ Иногда за пребывание в гостином дворе и хранение товаров в дополнение к *анбарному* взимались *соровое позамочное* и *придверное*, упоминаемые в курской таможенной книге 1641/42 г. При этом А.И. Раздорский отмечает фиксированный характер этих пошлин: «амбарщина — 10 коп., соровое позамочное — 4 коп., придверное — 1 коп. В случае, если одну партию товара являли в таможеню два лица, то каждый из них амбарщину и придверное уплачивал по отдельности».¹⁴

3) Поливовочное — пошлина за наем казенной лавки или за право торговли в собственной. Ее размер варьировался в зависимости от размера лавки и свойств товара.

4) Конторное — 1) разновидность весчего (от слова *контарь*, или *гентарь* — весовой единицы XIV—XV вв. массой в 2.5 или 3 пуда); 2) пошлина с продажи соли (контарь — весы для соли).

5) Подъемное («с подъему») — пошлина за поднятие весчего товара и его установку на весах (за доставку сваленной на берегу соли в склады).¹⁵ Взималось на рынках весовщиками (пудовщиками) как с продавцов, так и с покупателей. Размер подъемного составлял, как правило, со 100 пудов по деньге; иногда «с подъему» или «с подъему и припуску» взималось по 1 д. с продавца и 1 д. с покупателя товара.¹⁶

6) Свальное — плата за разгрузку возов, саней, подвод, судов, за складку товара при его взвешивании, при помещении в гостиные дворы; при продаже товара большими количествами (возами) «в развес»; при выгрузке соли. Размер этой пошлины составлял несколько денег с воза или саней (обычно 2—4 д.). Иногда свальное брали за разгрузку целого судна, иногда — с известного числа пудов («с меду, и с

икры с двадцати пуд по две денги»), иногда — с определенной тарной единицы («с рыбы с бочки по денги»), с каждого отдельного товара («с мяса с свиньи по полуденги»).¹² Материалы курских таможенных книг XVII в. дают основание полагать, что этот сбор также мог иметь регистрационный характер.¹³

7) **Рукозобная пошлина** — за перенесение товара с возов, саней или судов в гостиный двор и за взвешивание их. Величина пошлины определялась тяжестью товара. Взималась и с купца, и с продавца, иногда с одного купца.¹⁴

8) **Дрягильное** — обязательный сбор за участие в соляной торговле, взимавшийся в дополнение к вещей пошлине.

9) **Померное** — сбор за измерение сыпучих товаров бочками или их долями.

10) **Припуск** — сбор за наведение весов в равновесие при взвешивании товаров или за дополнительный подъем при взвешивании. Взимался как с купца, так и с продавца.¹⁵ Из таможенной книги города Вологды 1634/35 г. следует, что ставка *припуска* устойчиво составляла 7 д. с каждого подхода, а общий оклад этого сбора (по числу припусков) делился поровну между продавцом и покупателем.¹⁶

11) **Поплашное** — сбор за право торговать бревнами, досками, дровами, обобщенно называвшихся «плахами»: «А поплашное имати таможником с дров, с воза по плашке по тонкой, каковы дрова».¹⁷

12) **Поштучное** — сбор за право торговать мясом.¹⁸

13) **Записки и на бумагу** — сбор за оформление сделки.¹⁹

14) **Херное** — сбор за оформление сделки (от слова «херить», т. е. ставить крестик, отметку в документе) и т. д.

Примечания

¹ Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 259.

² Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 56. Упоминания *гостиного* в прежнем значении встречались и в более позднее время. Так, в грамотах Пскова 1550 г. и Шуи 1614 г. *явка и гостиное* взимались при проезде торговых людей мимо указанных городов: «А кто иногородец торговый человек едет мимо г, Шую на санях или на вьюках и с того явки и гостиное имати по две денги» (Николаева А.Т. Отражение... С. 251).

³ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 191.

⁴ Толстой Д. История... С. 88; Аристов Н. Промышленность... С. 225; Сергеевич В.И. Лекции... С. 471.

⁵ ААЭ. Т. 1. № 298. С. 361.

⁶ Там же. № 230. С. 225.

⁷ Шумаков С.А. Древнерусские косвенные налоги. С. 259. К.В. Базилевич также указывал, что «контроль над регистрацией товаров в таможенной избе, который осуществляли голова с целовальниками, принадлежавшие или к составу местного населения, или лично торговавшие в данном пункте и во всяком случае хорошо знавшие торговых людей и отношения, существовавшие между ними, очень затруднял» попытки иногородних *купцов* торговать «от имени подставных *лиц*, принадлежавших к местному посаду и подлежавших льготному обложению» (Базилевич К.В. К вопросу об изучении... С. 77),

⁸ Толстой Д. История... С. 88.

⁹ В 1630-е гг. в Вологде таможенники взимали *гостиное и тепловое* в размере 2 д. с человека (Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457).

- ¹⁰. В 1630-е гг. в Вологде практиковалось взимание *анбарщины* за целый год в размере 1.3 р., а в Устюге Великом — 1.82 р., т. е. за сутки одна деньга (Там же; Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 11—600).
- ¹¹. *Сергеевич В.И.* Лекции... С. 471.
- ¹². Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 11—600.
- ¹³. ААЭ. Т. 1. № 338. С. 409. В Вологде в 1630-е гг. с цены явленной в продажу соли взималось *анбарщины*, *анбарщины* и *сторожевого* или *анбарщины* и *записки* и *на бумагу* в размере около 0.1% (Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457).
- ¹⁴. *Раздорский А.И.* Торговля Курска... С. 277.
- ¹⁵. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 204.
- ¹⁶. *Николаева А.Т.* Отражение... С. 248.
- ¹⁷. ААЭ. Т. 1. № 338. С. 409; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 65; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 204. В XVI в. соль продавалась мехами, рогозинами (каждая заключала в себе 6 или 10 пудов) и лубьями (третья часть рогозины), а не на пуды. Так, в Каргополе отвечавшие за разгрузку привозной соли «козаки» (рабочие, находившиеся в заведовании местных таможенников) «должны были складывать ее в стопы, а при продаже приезжим купцам набивать в рогожи, и брали за это по полуденьге от рогозины или меха» (*Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 190, 193).
- ¹⁸. *Раздорский А.И.* Торговля Курска... С. 277.
- ¹⁹. *Толстой Д.* История... С. 82—83.
- ²⁰. Там же. С. 82.
- ²¹. Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457.
- ²². ААЭ. Т. 1. № 362. С. 444.
- ²³. *Сергеевич В.И.* Лекции... С. 472.

5.6. Эволюция таможенных платежей в первой половине XVII в.

Процесс унификации внутренних торговых пошлин и сборов, протекавший особенно интенсивно с середины XVI в., в основном завершился с принятием Торгового устава (1653). К тому времени тамга с лошадей, скота, мяса, птицы, льна, лука, орехов и некоторых других сельскохозяйственных товаров по общему правилу взималась уже не с количества товара, а с его цены.¹ Прекратилась практика сбора таможенных платежей в натуральном выражении.

Тамга и другие пошлины, обыкновенно взимавшиеся в виде фиксированного процентного отчисления с таможенной стоимости товаров, обезличивались, принимая название «рублевых пошлин». Так, в Вологде за право покупки весчих товаров: воска, меда, рыбы, икры, изюма, винной ягоды, сала, железа, щетины, пеньки, пеньковой пряжи, льна и других местные купцы платили «рублевую пошлину» в размере 0.5%, хотя по своему значению она мало чем отличалась от порядной и перекупной пошлин.² «Рублевыми» в Вологде назывались и пошлины с продажи привозных товаров и явки денег на товарную покупку.

Некоторые торговые пошлины (*весчая*, *замытная*, *осмничее*, *узольцовое* и др.) сливались с тамгой (рублевой пошлиной), повышая тем самым ее удельный вес в общей сумме таможенных сборов.³ Уже в Новгородской таможенной грамоте 1571 г. содержалось предписание местным таможенникам взимать с продажи соли единую пошлину — «тамгу, вес и узольцовое» в размере 3 московок «с пошева соли русские с луба».⁴ В 30-е гг. XVII в. приезжий торговый человек в Гороховце платил рублевую пошлину с товара и денег в размере 3%. Если же иногородец привозил на продажу весчий товар, то с того товара таможенникам надлежало «имати с продавца рублевая пошлина с рубля по 8 денег», т. е. 4% таможенной стоимости.⁵ В 1634—1635 гг. вологодские таможенники взимали «рублевого и замыту» с

товара, явленного приезжими людьми, 2%, а местными — 1% (в обоих случаях ставка обычной рублевой пошлины увеличивалась на 0.5%). Требование же уплаты «рублевого и замыту и весу» автоматически вело к повышению размера пошлины с приезжего торгового человека до 2.5% таможенной стоимости товаров, а с местного — до 1.5%.⁴ В таможенно-правовых источниках исследуемого периода довольно часто встречается формулировка: «а тамги и осминичего от рубля алтын». В этой связи В.И. Сергеевич высказывал предположение, что «иногда брали тамгу с осминичим — это высшая мера тамги, она доходила до шести денег с рубля». В свою очередь Е.Г. Осокин и И.Д. Беляев совершенно справедливо отмечали, что размер пошлины в этом случае составлял не два алтына, а только один, т. е. *тамга* и *осминичее* как бы составляли одну нераздельную общую плату, равную 3% таможенной стоимости товара.⁵ Так складывались предпосылки к введению единой ставки *рублевой пошлины* в масштабах всей страны, и эту тенденцию уже не могло поколебать введение в начале XVII в. с фискальной целью многочисленных мелочных сборов за торговое обслуживание в виде *свального, взрезного, сносного, збивального* и т. п.¹⁰

Некоторые проезжие пошлины и сборы за предпродажное обслуживание приобретали не свойственный им прежде характер адвалорных ставок и взимались в виде установленного процента от таможенной стоимости товара. К примеру, в Вологде с цены явленной в продажу соли местные и приезжие торговые люди обязаны были заплатить «свалу» 0.3%.¹¹ Незадолго до принятия Торгового устава 1653 г. в Борисоглебской слободе Ярославского уезда местные покупатели платили с продажной цены товара «припуску» 1%: «...которые крестьянишка купят в Борисоглебской слободе на торгу какой товар и в контар припустят, и с того товаренку припуску иметь с рубля по две денги». Фискальным дополнением к тамге становился и «поворот». В Вологодской таможене поворотную пошлину взимали с явленных денег (на покупку) и товаров (в продажу) в размере 0.1%.¹² В заявлении нидерландских послов Бурха и Фелтдриля (1631) отмечались «некоторые неправильности», возникшие незадолго до того в практике взимания таможенных пошлин. Послы указывали думным дьякам на то, что *мостовые, паузочные* и *дрягильские* пошлины в Архангельске почему-то стали взиматься с цены товаров, тогда как прежде эти сборы были иными, а именно: *мостовые* и *паузочные* деньги взимались по 1.5 р. с каждого торгового человека или амбара, а *дрягильские деньги* уплачивались в зависимости от количества, объема и массы товара.¹³ Согласно выписке из Приказа Большого прихода, учиненной по случаю приезда в Москву посла Франции с предложением дозволить французским купцам торговать в России (1629), с иностранных товаров, которые после доставки в Москву объявлялись «в отъезд», взимали проезжую пошлину по 1 д. с рубля¹⁴ и т. д.

Приступив к осуществлению политики торгового протекционизма, правительство принуждало иностранных купцов к уплате таможенных пошлин в повышенном размере. Так, в 20—30-е гг. XVII в. условием экспорта русских товаров, привозимых в Архангельск из Москвы, становилась уплата пошлины в размере 0.5% таможенной стоимости, «если даже с этих товаров и были уже уплачены все государевы пошлины и тамги». В самом начале 50-х гг. XVII в. или несколько ранее за право привоза иностранцами своих товаров во внутренние города страны и вывоза русских товаров за границу с них стали взимать особую *проезжую пошлину*, заменившую *головщину, мостовые, паузочные, дрягильские, грузовые, проезжие с судов, возов и саней* пошлины и т. д. Вопреки своему названию новая пошлина имела адвалорное содержание и представляла собой исторический аналог экспортно-импортной пошлины. По свидетельству Иоганна де Родеса, в 1652 г. за право провоза товаров от Новгорода к Москве сверх привычной проезжей ставки, составлявшей «5 алтын с каждых саней», взималась пошлина в размере 1.5% с «невесчих» и 2% с «весчих» товаров. За право провоза товаров от Архангельска к Москве иностранцу также надлежало заплатить 1.5—2%. В Холмогорах с него дополнительно взималась *грузовая пошлина* в размере 0.5%; он также платил *проезжую пошлину* за провоз товара до Вологды в размере 12 коп. с воза, *мыт* или *мостовую пошлину* за провоз от Вологды до Москвы — 6 коп. с воза и в самой Москве — 15 коп. с воза. За право вывоза русских товаров за границу иностранец снова должен был заплатить 1.5—2% проезжей пошлины.¹⁶

В этой связи трудно согласиться с С.Ф. Огородниковым в том, что ставка ввозной/отпускной пошлины в Архангельске в период с 1555 по 1649 г. постоянно составляла 5% со 100 талеров, поскольку такой пошлины в XVI — начале XVII в. вообще не существовало.¹⁷ Недостаточно обоснованным представляется и вывод А.В. Демкина о том, что уже в конце XVI в. при провозе товаров из Архангельска вглубь страны с иностранцев дополнительно взималось 3—5% «в качестве проезжей пошлины». Автор допускает и ту неточность, что, определяя предельную норму таможенного обложения в конце XVI — первой половине XVII в. на уровне 7—8%, суммирует торговые пошлины,

которые положено было платить с продажи привозных товаров в порубежных городах, с проезжими пошлинами, которые взимались за право провоза иностранных товаров во внутренние города страны.¹⁸

С конца XVI в. в порубежных городах таможенные пошлины с торговых иноземцев иногда назывались *большой таможенной пошлиной* или *большой тамгой* и записывались в таможенные книги отдельно от других сборов.¹⁹ Впервые на это явление обратил внимание Е.Г. Осокин, усмотрев в нем «первую мысль об отделении внешних таможен от внутренних».²⁰ И.М. Кулишер полагал, что «особой большой тамгой» назвалась пошлина, учрежденная в XVI в. специально для иностранцев.²¹

Действительно, из царской грамоты двинским таможенным целовальникам (1588) следует, что в Архангельске «большую таможенную пошлину» или «большую тамгу» взимали исключительно с иностранцев и записи об этом фиксировались в особой таможенной книге (записи о взимании свальной и замытной, поворотной и анбарной пошлин производились в других таможенных книгах).²² Однако можно предположить, что существовала и другая причина, побуждавшая к обновлению понятийного аппарата таможенного дела. Речь идет об утверждении в таможенной практике обычая начисления и взимания совокупных таможенных платежей, что не могло не отразиться в таможенном правосознании и нормах таможенного права. Отсюда представляется вероятным, что в состав упомянутой «большой тамги» наряду с тамгой (рублевой пошлиной)²³ могли войти какие-то проезжие пошлины и сборы за предпродажное обслуживание, исключая «свальную», «замытную», «поворотную» и «анбарную» пошлины.²⁴

Уникальным источником, свидетельствующим об эволюции таможенного обложения в России, является таможенная книга Великого Новгорода 1610/11 г., отразившая ситуацию накануне шведской оккупации (июль 1611 г.). Она содержит ценнейшую информацию о внутренних таможенных сборах начала XVII в., принципах и размерах пошлинного обложения.²⁵

Документация таможенной книги свидетельствует о том, что еще задолго до введения единой рублевой пошлины на местах стремились к рационализации системы таможенных платежей. Так, в Новгороде в роли основного таможенного платежа в то время выступала «большая тамга». В зависимости от характера явленного товара (товаров) и местожительства торгового человека она имела свое особое название и фиксированный размер. Терминологическая конкретизация «большой тамги» осуществлялась путем включения в каждое из ее видовых определений таких компонентов, как «поголовное», «узелцовое», «полозовое», «весовое», «порядное», за которыми прежде стояли особые пошлины.²⁶ К примеру, «большая тамга» в виде *тамги и поголовного* взималась с продажи скота, свежей рыбы, кожи, мехов, тканей, горшков, прочей кухонной утвари, сена, воска, дров, дегтя и многих других товаров. Ее размер с новгородских жителей не превышал 1% от продажной цены товара, зафиксированной в таможенной книге, с иногородних купцов — незначительно превышал 2%.

Оплате *тамгой и поголовным и полозовым* подлежали фактически те же самые товары: кожа, шкуры, лен, хмель, пенька, вяленая рыба, животное масло, сыр и т. д. Как правило, основанием для наложения этой пошлины служила запись в таможенной книге о доставке товара на возах (санях). Как и в предыдущем случае, ее размер с новгородца не превышал 1% от таможенной стоимости. Остальные торговцы были вынуждены оплачивать привезенный товар 2-процентной пошлиной. Исключением здесь являлся хмель, ставка обложения которого иногда достигала 2.5%.

Соленая икра и рыба в бочках подлежали в одних случаях *тамге и поголовному и полозовому*, в других — *тамге и поголовному и узелцовым пошлинам*, в третьих — *тамге и поголовному и полозовому и узелцовым пошлинам*. При этом размер таможенного обложения новгородцев достигал 1% стоимости товара или незначительно превышал его. С иногородних купцов, привозивших на продажу рыбу бочечного посола, взималась пошлина в размере 2.5%.

С явленной на продажу соли взимались либо *тамга и поголовное и полозовое*, либо пошлины с включением «узелцового» компонента. Это отразилось в названии «большой тамги», видовой разновидностью которой стала *тамга и поголовное и полозовое и узелцовые пошлины*. Размер этой пошлины с новгородца устойчиво превышал 1%, а с иногороднего купца — 3%.

В тех случаях, когда явленная соль поставлялась в лубах, рогожах, мехах и учитывалась в таможене не только как «меримый», но и как «весчий» товар (имела фиксированную массу в берковцах и пудах), с

нее как бы дополнительно взимался *весчий сбор*, который также включался в совокупный оклад «большой тамги». Последняя становилась *тамгой и поголовным и Полозовым весом и узелцовыми пошлинами с купцов и продавца* (в явочных записях новгородцев) или *тамгой и поголовным и Полозовым и весом и узелцовым* (в явочных записях иногородних купцов). Обычно размер пошлины с «весчей» соли, поставленной новгородцами, незначительно превышал 2%. При этом уплата ее возлагалась не только на продавца, но и на покупателя. Ставка же пошлинного обложения иногородних торговцев, осуществлявших поставку «весчей» соли в Новгород, превышала 4% от таможенной оценки.

Товаром особого рода являлся мед. «Большая тамга», которой он облагался, вместо «полозового» и «узелцового» включала «весовой», а также «порядный» («подрядный») компоненты. При всех обстоятельствах размер пошлинного обложения меда, привозимого на продажу новгородцами, постоянно превышал 2% таможенной стоимости и был самым высоким в сравнении с обложением других товаров. С иногородних торговых людей чаще взыскивалась *тамга и поголовное и полозовое и с меду весу и порядок*, размер которой обычно превышал 3%.

Товары, явленные иностранцами, в таможенном отношении ничем не отличались от товаров иногородних торговцев. Вина, краски, сукна, порох, бумага, ладан, квасцы, металлы и другие ничем не выделялись из общей номенклатуры привозимых в Новгород товаров и подлежали *тамге и поголовному и полозовому*, размер которого составлял чуть более 2%.²⁷

В повседневной практике таможенным головам и целовальникам, ведавшим сбором пошлин, постоянно приходилось иметь дело с партиями разнородных товаров, которые являлись одновременно. Можно предположить, что это сильно затрудняло при начислении «большой тамги». В то же время со взиманием *замытной пошлины* недоразумений никогда не возникало. При всех обстоятельствах ее размер устойчиво составлял 0.5% от таможенной оценки явленного товара (группы товаров), что позволяет установить средний размер «большой тамги» в Великом Новгороде: средняя ставка последней с товаров, явленных новгородцами, составляла 1.15%, а с «приезжих людей» — 2.70%.²⁸

Прямые указания на характер и размер ставки «пошлины большой», которая начиная с 40-х гг. XVII в. взималась в порубежном Архангельске, содержатся в царских грамотах, наказах и памятях на Двину (1649, 1654, 1659, 1667). Источники свидетельствуют, что она состояла из двух компонентов: во-первых, торговой пошлины с продажи товаров «не с весчих» (3%) и «весчих» (4%), и, во-вторых, единой пошлины за *воженные, мостовые, дрягильские, анбарные* и вообще за «всякие мелкие пошлины» со всех товаров (1%). Нетрудно подсчитать, что ставка «пошлины большой» с продажи «невесчих» и «весчих» товаров в Архангельске достигла к тому времени 4—5% с цены. Она-то и была затем закреплена в Новоторговом уставе 1667 г.²⁹ Это подтверждается свидетельством Родеса о том, что еще до принятия Торгового устава 1653 г. в Архангельске взималось 4—5% с продажной цены привозных «невесчих» и «весчих» товаров.³⁰

Взималась ли «большая тамга» во внутренних городах страны? В любом случае, имеются основания утверждать, что уже в 1630—1640-х гг. московские таможенники применяли совокупные таможенные платежи. Только этим объясняется тот факт, что размер таможенного обложения импорта в русской столице составлял 4—5%. Согласно выписке из Приказа Большого прихода (1629), с товаров, явленных в Московскую таможню торговыми иноземцами, взимались пошлины «с товару с невесчего, с сукон, с камок, с жемчугу, с ефимков с рубля по осми денег (4%. — *М.Ш.*), а с весчих со всяких товаров пошлин емлют по десяти денег (5%. — *М.Ш.*), да подужного, на котором возу товар привезут, емлют по гривне, да писчего и хереного с статьи по два алтына по четыре деньги...».³¹ Имеются свидетельства и самих иностранцев о взимании в русской столице пошлин с продажи «невесовых» товаров в размере 4%, а «весовых» — 5%.³²

Как можно заметить, еще задолго до принятия Торгового устава 1653 г. в России складывались предпосылки к превращению многочисленных таможенных сборов, появившихся в период удельной раздробленности, в единую рублевую пошлину, ставшую с середины XVII в. основным таможенным платежом в Русском государстве.

Примечания

- ¹. Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 268.
- ². Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457. Порой среди весчих товаров упоминается хмель.
- ³. См.: Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 267—270.
- ⁴. ААЭ. Т. 1. № 282.
- ⁵. ААЭ. Т. 3. № 241. С. 360—361.
- ⁶. Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457.
- ⁷. См.: ААЭ. Т. 1. № 14; СГГид. Ч. 1. № 76, 77, 88, 89, 119, 120.
- ⁸. Сергеевич В.И. Лекции... С. 471.
- ⁹. Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 102; Беляев И.Д. Рец. на кн. Е.Г. Осокина... С. 64.
- ¹⁰. Базилевич К.В. К вопросу об изучении таможенных книг... С. 72; Николаева А.Т. Отражение... С. 259, 261.
- ¹¹. Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457. Более того, *свальное* зачастую комбинировалось с другими сборами, которые в прежнее время взимались независимо друг от друга. Так проявились пошлины: *свалу и явки, свалу и отвозу, пошлин и свалу и явки, пошлин и свалу и явки и отвозу, свалу и полозовицины, с воза свалу и повороту, повороту и свалу, весу и свалу, записки и на бумагу, рублевого и весу, свалу и замыту, гостиного, записки и на бумагу, свалу и номеру и за откуп коморного* и др. (см.: Там же; Памятники южновеликорусского наречия. С. 81—259).
- ¹². Шемякин А.И. История таможенного дела... Приложение № 16. С. 183.
- ¹³. Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг. С. 22—457.
- ¹⁴. Кордт В.А. Очерк сношений... С. 270; Отчет нидерландских послов... С. 97—99.
- ¹⁵. СГГид. Ч. 3. № 80.
- ¹⁶. См.: Курц Б.Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 131—132, 175, 177; Кордт В.А. Очерк сношений... С. 270—271. При отправке русских товаров из Москвы в Архангельск и дальше за границу иностранец избавлялся от уплаты пошлины, если стоимость вывозных товаров не превышала цены ввезенных. В противном случае излишние товары оплачивались пошлиной в размере 4—5%. Кроме того, за проезд от Москвы до Вологды полагалось заплатить «узолки» (3 коп. с воза), «мыгт» (6 коп. с воза), «проезжую» (12 коп. с воза) и «грузовую» пошлину в Холмогорах в размере 0.5% (Курц Б.Г. Состояние России... С. 175, 177, 179).
- ¹⁷. Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. 1889. № 10. С. 133.
- ¹⁸. Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 61. Можно согласиться с А.В. Демкиным в том, что норма предельного таможенного обложения в первой половине XVII в. действительно составляла 7—8%. Однако она достигалась путем арифметического сложения ставок «проезжей пошлины» с иностранцев (1.5—2%), «рублевой пошлины», которую им приходилось платить в Москве (4—5%), и сохранявшихся проезжих и других мелких сборов.
- ¹⁹. См.: Уставная таможенная грамота двинским таможенным целовальникам 1588 г. С. 410.
- ²⁰. Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 106.
- ²¹. Кулишер И.М. История... С. 181. Косвенным подтверждением этой версии служит тот факт, что в самой ранней из обнаруженных к настоящему времени Двинских таможенных грамот — Двинской уставной таможенной грамоте 1560 г., — характеризующей ситуацию на начальный период освоения торговыми иноземцами сухоно-двинского пути, отсутствует всякое упоминание о взимании «большой тамги» (см.: Чаев Н.С. Двинская уставная таможенная откупная грамота... С. 199—203).
- ²². ААЭ. Т. 1. № 338.

- ²³ Ссылаясь на сведения иностранцев, А.В. Демкин указывает, что в Архангельске с 80-х гг. XVI в. «пошлина составляла 1.5—2% (в зависимости, вероятно, от того, был ли товар весчим, или не весчим)» (Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1.С.61).
- ²⁴ Для сравнения, в Холмогорах иностранные купцы (кроме пожалованных англичан) должны были платить с продажи своих «невесчих» товаров 2%. Дополнительно с них взимались замытная, весчая (с «весчих товаров»), судовая проезжая пошлины, посаженное, поголовное и некоторые другие таможенные сборы (ААЭ. Т. 1. № 338).
- ²⁵ Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов/Под ред. В.Л. Янина. СПб., 1996.
- ²⁶ Отдельно от «большой тамги» взимались лишь *замыт*, *поворотное*, *проезд* и *анбарное*.
- ²⁷ См.: Шумилов М.М. Русские таможенные пошлины С. 56—61.
- ²⁸ Иногда таможенники отдельно фиксировали цену меда и соли — товаров, особо рентабельных в таможенном отношении. При этом, однако, «большая тамга» начислялась со всей товарной партии.
- ²⁹ Таможенные книги Великого Новгорода... С. 84, 199; Шумилов М.М. Русские таможенные пошлины... С. 59.
- ³⁰ ААЭ. Т. 4. № 111. с. 152; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. № 55. С. 185—186; № 116. С. 406; 1853. Т. 5. № 40. С. 181; Изюмов А.Ф. Размеры русской торговли XVII века через Архангельск в связи с необследованными архивными источниками // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 6. С. 257.
- ³¹ Курц Б.Г. Состояние России... С. 175, 177.
- ³² СГГид. Ч. 3. № 80.
- ³³ Кордт В.А. Очерк сношений... С. 271; Курц Б.Г. Состояние России... С. 131, 177.

5.7. Штрафные санкции в таможенном деле

Говоря о фискальной роли таможни, нельзя умолчать о штрафных санкциях и денежных начетах за различные нарушения таможенных правил. В этой связи следует отметить, что еще с незапамятных времен великие князья запрещали торговым людям прокладку новых дорог и угрожали жестокой физической расправой тем, кто пытался перемещать товары в обход «пошлых дорог», где находились мытные заставы.¹ Уклонение от явки и платежа мыта, преждевременная складка товара (до явки таможенникам) рассматривались как серьезные таможенные правонарушения. «Промытившегося» торгового человека наказывали штрафом — промытом, а нередко и конфискацией товара в пользу государя: «А которой товар промытил, и тот товар таможником имати у них на государя царя и великого князя»; «Который гость где промытится, мыто проедет, не заплативши, тот товар свои тратит».²

Важно также определить место штрафных денег в ряду доходных статей бюджета страны. Известно, что С.М. Соловьев включал штрафные деньги в состав мыта — проезжей пошлины.³ К.Н. Лодыженский тоже рассматривал штрафы — *заповедь* и *промыт* — в одном ряду с другими проезжими сборами.⁴ По нашему мнению, в период XIII — первой половины XVII вв. штрафы представляли собой самостоятельный разряд таможенных сборов, часть из которых законным путем переходила в руки местной администрации и самих таможенников, стимулируя их служебное рвение в борьбе контрабандой и другими таможенными правонарушениями.

1) Промыт, промыта — первоначально это пеня за неплатеж мыта, которая взималась вместе с заповедью: «А кто промытится, ино с воза промыты по штидесят, а заповеди шестьдесят одина, колько бы возов ни было».⁵ Штраф взимался с воза, судна или иного транспортного средства по 6 алт. с воза. По мнению Е.Г. Осокина и С.А. Шумакова, в таком размере он сохранялся до конца XV.⁶

В XVI—XVII вв. характер *промыта* изменился: он стал штрафом за неуплату таможенных пошлин вообще, сблизившись в этом отношении с *протамгой* и *заповедью* — личной пошлиной: «А которые гости и торговые люди <...> учнут торговать в государеве опришнине, на Торговой стороне, а таможником товаров своих не явят, и таможником на них промыт имати по сей (Новгорода Великого

1571 г. — *М.Ш.*) уставной грамоте».³ В одном из источников конца XVI в. термины «промытная заповедь», «заповеди промытные», «заповедные деньги», «промытные деньги» фигурируют как синонимы.³ Ставка промыта увеличилась до 2 р., из которых один рубль шел государю (царю), а другой — таможенникам (откупщикам): «А которой человек Московского государства, и новгородские и псковские земли, и иноземец, промытится, и откупщику имати промыта два рубли московская, половина на государя царя и великого князя, а другая откупщику».²

2) Заповедь (заповедные деньги) — личная пеня с торгового человека, при взимании которой поначалу обращалось мало внимания на количество, стоимость товара или число товарных транспортных средств. Со временем заповедь превратилась в многофункциональный штраф: 1) за неявку товара таможенникам; 2) за неуплату пошлины при продаже (покупке) лошади; 3) с купца, складировавшего свой товар в доме частного лица помимо гостиного двора, и с домохозяина, укрывшего товар на своем дворе;¹⁰ 4) за продажу «померного» товара в обход таможи, т. е. за неуплату *померной пошлины* (взимался как с купца, так и с продавца);¹¹ 5) за использование меры неустановленного образца, так называемой «непятенной меры»;¹² 6) за продажу весчего товара «без весу», не в «таможной пуд», т. е. за неуплату *весчей пошлины*;¹³ 7) за хранение в частном доме весов;¹⁴ 8) за неявку в таможную купленного и выменанного серебра;¹⁵ 9) за неуплату судовой пошлины;¹⁶ 10) за неуплату привязной пошлины с животного;¹⁷ 11) за неуплату пошлин вообще¹⁸ и т. д.

По-видимому, до конца XV в. ставка заповеди была та же, что и промыта, т. е. 6 алт. с человека.¹⁹ Затем максимальный размер этого штрафа увеличился до 2 р. и более с человека.²⁰ Как правило, половина заповеди взималась на купце, а другая половина на продавце. Если размер штрафа составлял 2 р., то из этих денег один рубль шел государю (наместнику), а другой — лицам, отвечавшим за сбор таможенных пошлин. Впрочем, иногда вся заповедь принадлежала государю.²¹ При этом неизменным оставался личный характер штрафа.

3) Протамга, протаможье — штраф за нарушение таможенных правил. Взимался в том случае, если торговый человек «протамжил» или «промытил». Глагол «протамжить» означал и тайный провоз товара (в обход таможи), и преждевременную складку товара с воза или из судна до явки таможенникам (до записи товара в таможенную книгу), и остановку торгового человека на частном подворье, минуя таможду, и уклонение от уплаты таможенных пошлин вообще: кто «не явя таможником сложит товар свой с воза и из судна, и он то протамжил»; «А кто учнет каким товаром торговать безпошлинно, а таможником товару своего у записки не явит, и на тех людех имати протаможья по два рубля на человеке»; «А которые люди не учнут таможником с своего товару таможенных пошлин <...> платити, а таможники на которого человека доведут в протаможье, и им имати на тех людех протаможье по два рубля»; «А кто не явися в таможе сложит товар свой с воза или с судна, сколько ни будь, или у кого во дворе объявятся неявленные товары, в таможе не записываны, и он протамжил».²²

Величина *протамги* зависела от стоимости «протаможенного» товара. Если цена последнего составляла 2 р. и более, то полагалось взять *протамгу* или *протаможье* в размере 2 р., из которых один рубль шел наместнику или царю (после ликвидации наместничьего управления), а другой — таможенникам. Если же стоимость «протаможенного» товара не превышала 2 р., то надлежало взыскать *протаможье* в размере «тридцати алтын без гривны», т. е. 0.8 р., которые тоже делились поровну (по 80 денег-московок) между наместником (царем) и таможенниками, и т. д.²³ «Местами, — указывал С.А. Шумаков, — отбирается и весь товар или же часть его».²⁴

Высокий штраф предусматривался за торговлю «по селом», «по деревням», «по волостем» и «по монастырем», т. е. за пределами городов и тех сел, где существовали официально учрежденные рынки и таможи. В случае обнаружения и поимки с каждого участника такой незаконной сделки купли-продажи взималось *заповеди и протаможья* по 2 р., которые делились поровну между наместником и таможенниками. Сам же товар подлежал конфискации в пользу великого князя (царя).²⁵

Строго каралась и остановка приезжего торгового человека на частном подворье у местного жителя в обход гостиного двора. Это таможенное правонарушение каралось штрафом, который нередко назывался протаможьем или заповедью.²⁶ В некоторых случаях товар (или часть его) и сами дворы отбирались на царя, а непосредственные нарушители преследовались в судебном порядке.²⁷ При этом

пристав, штрафовавший нарушителей, «во всяком протаможье» и «во всякой заповеди» имел право на получение «хоженого» в размере четырех денег.²⁸

Известно, что в XVII в. в ряде городов Юга и Севера России (Курск, Старый Оскол, Гороховец, Устюг Великий) размер протаможья (промыты, заповеди) составлял 2 р. 12.75 коп. и 2 р. 13 коп.²⁹ По-видимому, это были фиксированные штрафные сборы, которые взимались с нарушителей, продавших/покупавших безъявочно и беспошлинно товаров на сумму не менее 2 р. Так, если в Устюге торговый человек пытался избежать таможенного контроля или не мог документально подтвердить происхождение привозного товара из Сибири, его принуждали заплатить штраф — протаможье в размере 2 р. 12.75 коп. Более того, такой товар (деньги) оценивался и облагался всеми установленными пошлинами в двойном размере (5% «с покупки и за продавца»). Если у транзитного торгового человека из Сибири, платившего «с сибирского приезде» 25 коп., обнаруживалось расхождение наличных товаров с таможенной выписью («сибирской грамотой»), то ему приходилось платить «с того прибылого и с несталого товару» рублевую пошлину «с покупки и за продавцов», т. е. в двойном размере. В том случае, если приезжий торговый человек являл устюжским таможенникам не сибирских соболей, а какой-либо другой товар, не имея выписи, свидетельствующей о покупке привозного товара и платеже пошлины с денег, то с продажи такого товара взималась двойная рублевая пошлина «с покупки <...> да за продавца». Кроме того, в двойном размере взыскивались *гостиное* и *амбарное*. По сути, двойная пошлина «с себя и за продавца» взималась и в том случае, если приезжий торговый человек, ранее явивший в таможеню деньги на покупку, не мог указать, «у кого он тот товар купил».³⁰

4) *Отвод* — штраф за отклонение судна от берегов с целью неплатежа мыта. Взимался деньгами, «смотря по величине судна».³¹

5) *Пропитанье (заповедь пропятенье)* — личный штраф в размере 2 р. за продажу лошади без пятна (фактически заповедь), взимавшийся как с продавца, так и с покупателя: «А хто купит лошадь в своей волости или выменит, — говорилось в статье 95 Судебника 1550 г., — а до такова ж дни не запятнает и в книги не запишет, и уличат его в том, и на том, кто купит или выменит, взяти наместнику или волостелю или пятенщику пропятения два рубля».³² Важно отметить, что по закону половина пропятанья доставалась таможенникам: «А кто продаст лошадь или купит кто, а не явя таможником ни пятня, ино с него заповеди пропятенья два рубля, рубль наместнику, а рубль пятенщиком»; «А кто купит лошадь, или продаст, или выменит, в городе (Новгороде Великом. — *М.Ш.*) <...> а пятенщиком не явят, а лошади не запятнает, а кого в том уличат, и на том пропятенья рубль ноугородской, половина на государя царя и великого князя, а другая откупщику».³³ Если же право на сбор пятна принадлежало монастырю, то и штрафные деньги в этом случае взимались в пользу монастыря, а княжеским таможенникам запрещалось штрафовать монастырских крестьян-нарушителей.³⁴

Примечания

¹ См.: *Шемякин А.И.* История таможенного дела... С. 16.

² Там же; *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М., 1989. Т. 2, ч. 2. Стб. 1547.

³ *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 2. С. 481.

⁴ *Лодыженский К.* История... С. 5.

⁵ Докончание великого князя московского Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем (около 1396 г.) // ДДГ. С. 40—42. «Шестьдесят, — допускат С.М. Соловьев, — должно быть, то же самое, что промыт» (*Соловьев С.М.* Соч.: Кн. 2. С. 658).

⁶ *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 25; *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 252.

⁷ ААЭ. Т. 1. № 282. С. 326.

⁸ Там же. № 335. С. 405.

⁹ Таможенная откупная грамота новгородцу Ивану Филатову (1586) // ААЭ. Т. 1. № 332. С. 401.

- ¹⁰. «И которые торговые люди, не являясь таможником, учнут на подворье с товаром ездити и товар свой с саней и с телег и с юка складывали, и таможником на тех людех имати заповеди по гривне» (ААЭ. Т. 1. № 362. С. 444); см. также: ААЭ. Т. 1. № 342. С. 414—415; № 366. С. 453.
- ¹¹. «А кто продаст всякого жита воза два или три, без меры, ино кто купит не в их (померщиков. — *М.Ш.*) пятенную меру, ино с них заповеди два рубля»; «А кто четыре чети московских жита какова ни продаст, а не явя померщиком, или кто учнет продавати или купили не в их пятенную меру, ино с них заповеди взяти рубль» (ААЭ. Т. 1. № 263, С. 297; № 363. С. 447).
- ¹². Уже в XV в. издавались распоряжения о том, чтобы мерить жито княжескими «печатными» мерами. Нарушитель платил «заповедь» в размере двух рублей (ААЭ. Т. 1. № 100. С. 78).
- ¹³. За незаконную продажу на 2 р. и более размер штрафа составлял 2 р. При продаже на меньшую сумму, но более чем на 15 коп., полагалось взыскать сумму, соответствующую стоимости сделки (*Чаев Н.С.* Двинская уставная таможенная откупная грамота... С. 201). В другой таможенной грамоте также говорилось: «А кто продаст, или кто купит, мех соли, или кадь соли, или кадь меду, или рогозину соли, или лукно соли, или луб соли, или пошев соли, или икры лукно, или корсок икры, или иного съестного товару *без весу*, на два рубля, или более дву рублей, ино с них заповеди два рубля, рубль на продавце, а другой рубль на купце, рубль на царя и великого князя, а другой рубль таможником; а кто продаст, или кто купит, всякого съестного товару *без весу* менши дву рублей, ино с них заповеди взяти толко на колко товару продал, половина на царя и великого князя, а другая половина таможником» (Уставная таможенная грамота Веси Егонской 1563 г. // ААЭ. Т. 1. № 262. С. 297).
- ¹⁴. «А пуда себе не держати никому: а кто учнет пуд держати, а того в том уличат, или у кого выймут пуд, ино в том заповеди два рубли» (Уставная таможенная грамота Новгорода Великого 1571 г. // ААЭ. Т. 1. № 282. С. 324).
- ¹⁵. Там же. С. 325.
- ¹⁶. Новгородскому откупщику Ивану Филатову в 1586 г. предписывалось: «...на тех людех, которые с судов пошрины не платя из Новагорода съедут, имати заповеди по два рубля» (ААЭ. Т. 1. № 332. С. 402).
- ¹⁷. Там же.
- ¹⁸. «А которые торговые люди не учнут с товаров своих, по сей уставной грамоте (О сборе пошлин в селе Холму в пользу Бежецкого Антониева монастыря; 1641. — *М.Ш.*), таможенных пошлин платить, а таможники на того человека в протаможье доведут, и на тех людех имати заповеди по два рубли на человеке» (ААЭ. Т. 3. № 300. С. 444).
- ¹⁹. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошрины... С. 25; *Шумаков С. А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 252.
- ²⁰. ААЭ. Т. 1. № 134. С. 101; № 332. С. 402; № 334. С. 403; Т. 3. № 300. С. 444.
- ²¹. ААЭ. Т. 1. № 335. С. 405; Т. 3. № 241. С. 364; *Толстой Д.* История... С. 81—85; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошрины... С. 42; *Чаев Н.С.* Двинская уставная таможенная откупная грамота... С. 201—202 и др.
- ²². ААЭ. Т. 1. № 134. С. 100; № 338. С. 410; № 362. С. 444; Т. 3. № 241. С. 364.
- ²³. ААЭ. Т. 1. № 134. С. 100; № 263. С. 296—297; АСЭИ. Т. 3. № 23. С. 42. В Новгороде за неявку таможенника товара стоимостью «на рубль на новгородской (соответствовал 432 д. московским. — *М.Ш.*), или сколько нибуды боле рубля», обязан был заплатить «протаможья» рубль новгородский. «Протамживший» же своего товара «на полтину на новгородскую» (216 д. московских) или более обязан был заплатить штраф в размере полтины новгородской «без гривны». Столько же взималось за попытку уклониться от уплаты померной пошрины. Штраф в этом случае именовался «заповедью» или «промытной заповедью» (ААЭ. Т. 1. № 282. С. 323; № 335. С. 404).
- ²⁴. *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 258. Согласно таможенной грамоте Гороховца (1633), с «протамжившего» торгового человека положено было взыскать: «...товару его треть, а две трети товару его отдать ему назад; а будет того товару рублей на десять, или менши, ино с него протаможья взятии два рубли; а кто продаст товар на рубль, или болши рубля, ино товар ему назад, а с него протаможья взяти 26 алтын 4 денги», т. е. 0,8 р. (ААЭ. Т. 3. № 241. С. 364).
- ²⁵. ААЭ. Т. 1. № 263. С. 296; АСЭИ. Т. 3. № 22. С. 39; № 23. С. 43; *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 258.
- ²⁶. «А кто приедет приезжей человек, с каким товаром нибуды, на санях или в судне, а на гостине дворе не станет, — говорилось в уставной таможенной грамоте Суздаля 1606 г., — а станет стояти опрично гостина двора с товаром у кого нибуды, а не на гостине дворе, а дворнику его укажут, что он стал не на гостине дворе, а у дворников не отпросясь, и

того обыскав да на том человеке, у кого во дворе стал, взяти полполтины; а кто станет, на том дворником полполтины же, да на том взяти анбарного дворником смотря по их товару; а приставу на том же стоялце взяти за хоженое четыре денги» (ААЭ. Т. 2. № 65. С. 147).

²⁷ См.: ААЭ. Т. 1. № 282. С. 325—326.

²⁸ ААЭ. Т. 1. № 263. С. 297; Т. 2. № 65. С. 147; *Чаев Н.С.* Двинская уставная таможенная откупная грамота... С. 202.

²⁹ См.: Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 18, 20, 41, 104; Памятники южновеликорусского наречия. С. 88; *Раздорский А.И.* Торговля Курска... С. 279. «А кто поедет мимо Гороховец, — говорилось в уставной таможенной грамоте Гороховца 1633 г., — а таможенные пошлины в таможе не заплатит, или кто лошадь продаст или купит в таможе не являся, и на том взяти заповеди на государя два рубли 4 алтына полторы денги <...> А кто продаст или купит соли, или кадь меду, или пошев икры, или иного весчего товару, без весу, на два рубли, или болши дву рубли, и с них заповеди взяти на государя два рубли 4 алтына 2 денги» (ААЭ. Т. 3. № 241. С. 364).

³⁰ Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 21, 26, 28, 111, 169, 174 и т. д.

³¹ *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 252.

³² Судебники XV—XVI веков. С. 175.

³³ ААЭ. Т. 1. № 134. с. 100; № 332. С. 401; АСЭИ. Т. 3. № 23. С. 42.

³⁴ АСЭИ. Т. 3. № 53а. С. 81.

6. Таможенное управление в XVI—XVII вв.

6.1. Центральные финансовые органы Русского государства

Особенности развития в XVI—XVII вв. торговли и таможенного дела в России определялись формированием централизованного, служилого, самодержавно-бюрократического государства с его обширным казенным хозяйством, запутанной финансовой системой, включавшей множество различных податей и сборов, денежных и натуральных, внешних и внутренних, прямых и косвенных, с продажи товаров или только за их провоз. Аппарат по сбору пошлин становился все более централизованным, а таможенное обложение — регламентированным.¹

В XVI—XVII вв. органами центрального управления выступали *приказы* — специальные учреждения, развившиеся из тех первоначально единоличных и временных правительственных поручений, которые великий князь московский давал своим боярам и вольным слугам.² Приказы действовали именем государя и являлись высшими правительственными и судебными инстанциями. Источником зарождавшейся приказной системы Н.П. Лихачев считал личную великокняжескую канцелярию и канцелярию Боярской думы,³ А.К. Леонтьев — дворцовые учреждения,⁴ А.А. Зимин — Боярскую думу, Казну и Дворец.⁵

По мнению Ю.Г. Алексеева, исходным моментом в процессе формирования приказной системы могла стать перестройка органов великокняжеского дворцового и вотчинного управления в связи с приданием им ряда управленческих функций общегосударственного значения. Допускается, что уже в конце 60-х — начале 70-х гг. XV в. начали функционировать военное и дипломатическое ведомства — будущие *Разрядный* и *Посольский* приказы.⁶ Вместе с тем автор полагает, что при Иване III «дворцовое ведомство имело сравнительно ограниченные функции, а на канцелярию Боярской думы в это время нет никаких намеков (как, впрочем, и на саму Думу как таковую). Именно Казна в силу многообразия своих функций и стала, по-видимому, колыбелью приказного аппарата нового Русского государства».⁷ Сама же Казна могла состоять «из нескольких заведений, закрепленных за соответствующими дьяками, каждый из которых имел свой объект хранения и ответственности и подчинялся казначею, как главе ведомства». Наряду с ней к хранению «казны» великого князя также были причастны Дворец и некоторые другие ведомства.⁸

По-видимому, на рубеже XV—XVI вв. «дворцовые» дьяки отделились от «великокняжеских», входивших в состав Казны.⁹ Одновременно произошло выделение великокняжеской Казны —

центрального финансового подразделения великокняжеской канцелярии — в самостоятельное ведомство с сохранением за ней ряда функций по дворцовому управлению (сбор оброчных денег, закупка у русских и иностранных купцов товаров и т. д.).¹⁰ Заметную роль в организации этого первого «приказа», по словам Р.Г. Скрынникова, «сыграл византийский финансист и купец П.И. Ховрин-Головин, потомки которого были казначеями на протяжении нескольких поколений».¹¹

Казна контролировала многочисленные источники бюджетных поступлений: от эксплуатации частновладельческих и черных волостных земель, казенной промышленности и торговли, чеканки монеты, таможенной деятельности (сбор торговых и проездных пошлин), сдачи на откуп пятенной и амбарной пошлины и т. д. Здесь судили сборщиков дани, откупщиков тамги, гостей, купцов гостиной и суконной сотен, торговых людей, сюда поступали судебные пошлины и штрафные деньги. Государевы вотчинники, городовые приказчики, даньщики, пошлинники, таможенники сдавали в Казну собранные деньги, требуя взамен расписки с указанием вида и размера вносимых платежей. Именно казначеям и дьякам великого князя обязаны были в первую очередь являть свои привозные товары иностранные купцы. По мнению А.К. Леонтьева, уже с начала XVI в. таможенные пошлины принимал «специально выделенный для этого дьяк».¹²

Не позднее первой половины XVI в. из личного управления дворцового и казначея возник *Приказ Большого дворца* (упоминается с 1547 г.), ведавший всеми дворцовыми имениями и монастырскими землями; ему также были подчинены 36 городов с их уездами и множество волостей и сел в разных городах. Управление дворцовым хозяйством включало и сбор от сдачи отдельным лицам в оброк великокняжеских кабаков, таможен, мельниц, рыбных промыслов и т. д.¹³

В 1554—1555 гг. из состава Казны выделился *Приказ Большого прихода* (упоминается с 1573 г.), ставший вскоре главным финансовым органом государства. Он осуществлял управление таможенным делом, ведал Московскую Большую таможду, наблюдал за правильностью мер и весов на всей территории Русского государства, отвечал за поступление таможенных пошлин, мытов, перевозов, мостовщин, денег ямских, пищальных и приметных, доходов с гостиных дворов, лавок, погребов, ведал городовое, засечное и ямчужное дела, выступал в роли судебной инстанции при столкновениях таможенников и откупщиков с населением и т. д.¹⁴ Таким образом, Приказ Большого прихода отвечал за поступление не только косвенных налогов.¹⁵ «Областью его ведения, — указывал П.А. Садиков, — было получение первостепенных общегосударственных доходов».¹⁶

Со временем от Большого прихода отделились Новая четверть, Большая таможня, Померная изба, Мытная изба и некоторые другие, составившие особые ведомства.¹⁷ В 1665 г. из-под его опеки вышли таможни южных городов, которые стали подчиняться *Разрядному приказу (Разряду)* — государственному учреждению, ведавшему службой всех категорий служилого населения и основными вооруженными силами в XVI— первой половине XVII в.¹⁸ Однако, несмотря на сужение роли Приказа Большого прихода, «еще в начале XVII в. он сохранял свое значение центрального финансового учреждения».¹⁹ Именно на этот приказ Новоторговый устав 1667 г. возложил заведование делами торговых людей, сложившихся к тому времени в особое сословие, и охрану их «от воеводских налогов».²⁰

Управление и взимание налогов в отдельных исторических областях, которые вошли в состав единого Русского государства, осуществляли территориальные или центрально-областные органы управления с территориально-местным кругом деятельности.²¹ К их числу принадлежали московские приказы *Казанского дворца*,²² а также *Новгородской, Устюжской, Галицкой, Костромской и Владимирской* четвертей, или четей, выделившиеся из Приказа Большого прихода в последней четверти XVI в. Одни из них являлись дворцами (центральными учреждениями) присоединенных к Москве удельных княжеств и земель, другие, как указывал П.Н. Милуков, «создавались не исторически, а, вероятно, особым правительственным распоряжением или рядом таких распоряжений».²³

Каждый из этих «четвертных приказов» имел строго очерченный территориальный предмет ведомства. Так, *Новгородская четверть* (с 1670 г. — Новгородский приказ) ведала городами с пригородами и уездами: Арзамас, Архангельск, Вологда, Вятка, Кайгород, Кеврола и Мезень, Кола, Кунгур, Новгород, Нижний Новгород, Олонец, Псков, Пустозерск, Соликамск, Старая Русса, Чердынь, Яренск. *Устюжская четверть* ведала Бежецком, Великими Луками, Великим Устюгом, Вязьмой,

Дмитровом, Епифанью, Звенигородом, Клином, Можайском, Пошехоньем, Ржевом, Рузой, Солью Вычегодской, Старицей, Тотьмой, Устюжиной Железопольской, Чарондой. *Галицкая четверть* (с 1690 г. — Галицкий приказ) — Белевом, Белоозером, Галичем, Карачевом, Кашином, Каширой, Коломной, Мещовском, Новосилем, Парфеньевом, Солью Галицкой, Суздаlem, Унжей, Чернью, Чухломой, Шуей, Юрьевом-Польским. *Костромская четверть* Ростовом, Ярославем и Костромой. *Владимирская четверть* (с 1686 г. — Владимирский приказ) — Волховом, Боровском, Вереей, Владимиром, Волоколамском, Воротынском, Данковым, Заволочьем, Зарайском, Калугой, Карачевом, Крапивной, Лухом, Михайловом, Орлом, Переяславлем-Рязанским, Путивлем, Ржевой Пустой, Ростиславлем, Сапожком, Тарусой, Тверью, Торжком, Тулой.²⁴ По свидетельству Григория Котошихина, в компетенции четей находились и таможенные доходы.²⁵ М.Ф. Владимирский-Буданов указывал на преимущественно финансовый характер ведомств четвертей.²⁶

Время создания *Приказа Большой казны* тоже не поддается точному определению. По-видимому, это произошло в царствование Ивана IV.²⁷ Вначале Приказ Большой казны отвечал за поступление в государеву казну прямых налогов с тех городов, сел и деревень, которые не подчинялись напрямую ведомствам с территориальной компетенцией. Затем в сферу его деятельности вошло управление горным делом и казенной промышленностью (Тульский оружейный завод). В ноябре 1613 г. в Москве было образовано особое ведомство на правах приказа — *Денежный двор*, который в 1625/26 г. был подчинен Приказу Большой казны.²⁸ Здесь осуществлялся передел ефимков и чеканилась русская «ходячая монета».

А.К. Леонтьев высказывал предположение, что «появление новых финансовых органов — четвертей и их постепенное формирование в важнейшие финансовые судебно-административные приказы свидетельствовало о начавшемся процессе падения значения Казны в общей системе государственных органов».²⁹ По нашему мнению, в связи с увеличением числа четвертных приказов, каждый из которых отвечал за реализацию налоговой политики на подведомственной ему территории, правильнее говорить о сужении фискальной компетенции приказов Большого прихода и Большой казны.

В связи с выделением в отдельное управление территорий за Уралом в 1637 г. был учрежден *Сибирский приказ* (с 1599 г. Сибирью управлял Казанский дворец).³⁰ Он ведал назначением и сменой местной администрации, обороной, дипломатическими сношениями с приграничными государствами, финансовыми, фискальными и таможенными вопросами, управлением всеми категориями населения; поставлял ко двору меха, шелка и др., руководил поиском полезных ископаемых и организацией первых рудников и заводов в Сибири. Главное подразделение Сибирского приказа — Соболиная казна — ведало приемом казенных товаров (пушнина, моржовая и мамонтовая кость, ремень, китайские товары) и продажей их за рубежом. Управление Соболиной казной, оценка и продажа мехов находились в руках ежегодно назначаемых голов и целовальников, присягавших в том, чтобы «им тое царские казны не красть, и соболей своих худых и иные мяжкие рухляди в казну не приносить и не обменивать».³¹

В конце XVI — начале XVII в. управление питейными сборами (доходы от кружечных дворов) и суд по делам о тайной продаже вина и табака были изъяты из ведомства Большого прихода и переданы специальному приказу — *Новой четверти*, которая существовала с 1597 г. и отличалась своим названием от других четвертей, уже образованных к тому времени.³² Компетенция нового приказа распространялась на ту же территорию, с которой в Приказ Большого прихода поступали таможенные сборы.³³

С конца 60-х гг. XVII в. функционировал Приказ городской, каменных житниц, купецких дел (*Приказ Купецких дел*), подчиненный в 1678 г. Сибирскому приказу. Он ведал оценкой мехов и другими вопросами, помогая «купецким людям во всех порубежных городах от иных государств обороною, и во всех городах от воеводских налог защитою и управою».³⁴ Однако, когда в 1681 г. власти попытались поручить московскому купечеству «надзор за купечеством провинциальным и за всеми городскими сборами», оно под благовидным предлогом уклонилось от этой «невыгодной привилегии».³⁵

Как можно заметить, в XVI—XVII вв. в России не существовало единого финансового учреждения с общегосударственной компетенцией. Фактически финансовые вопросы в той или иной мере приходилось решать почти всем московским приказам, которых было не менее 40. Кроме того, в Москве находились *Большая таможня*, *Посольская новая таможня* (занималась оформлением

иностранных товаров), *Мытная изба* (сюда предъявлялись подлежащие пошлинному обложению скот, сено и другие «лесные товары», кроме хлеба),³⁶ *Померная изба* (здесь собирали померную пошлину с привозного хлеба, огородных культур, грибов и ягод, *Конюшенный приказ* и др. Впрочем, Е.Г. Осокин отмечал, что «отделение в Москве Большой таможни от Померной избы и Мытни сделано (было — *М.Ш.*), кажется, единственно для удобства взимания рублевых пошлин, из которых почти только пошлины, падавшие на предметы роскоши, поступали в Большую таможню: другие поступали в Померную избе, или в Мытню».³⁷ По мнению же В.Н. Захарова, через Московскую Большую таможню «проходила основная масса товаров».³⁸ Как бы то ни было, Московской Большой таможне приходилось еще выполнять функции палаты мер и весов, снабжавшей местные таможни эталонными образцами единиц массы, объема и длины.³⁹

Вторая половина XVII в. характеризуется упадком земского начала и усилением бюрократических тенденций в центральном и местном управлении Московского государства. При царе Федоре Алексеевиче (1676—1682) правительство пыталось соединить однородные органы и упростить систему центрального управления. Стремясь к преодолению раздробленности финансовых функций и сосредоточению их в Приказе Большой казны, оно тем не менее не сразу решилось на радикальные административные преобразования. Вначале попытались централизовать руководство приказами путем введения в состав их судейских коллегий одних и тех же лиц. Так, в период с октября 1676 по май 1677 г. боярин И.М. Милославский и его ближайшие сподвижники возглавляли важнейшие финансовые приказы: Большой казны, Большого прихода, Новгородской, Владимирской, Новой и Галицкой четвертей.⁴⁰

Наконец, 22 мая 1680 г., вышел царский указ о переходе Большой таможни, Померной и Мытной изб, городских таможен и всяких денежных доходов, «которые были ведомы Приказу Большого прихода», в ведомство Приказа Большой казны. Ему также были поручены таможни, кабаки, кружечные дворы и денежные доходы Новгородского приказа, Владимирской, Новой и Галицкой четей, кроме судебных пошлин. (В компетенции Приказа Большого прихода после 1680 г. остались только оброчные лавочные и «неокладные» пошлины с купцов.) В связи с этим было решено «снести Новгородской приказ и Большой приход и Володимирскую и Галицкую чети в одно место, чтоб челобитчикам по тем разным приказам лишние волокиты не было».⁴¹ Приказ Большой казны становился высшей судебной и бюрократической инстанцией для гостей, гостиной и суконной сотен и всех вообще торговых людей, а также мастеров серебряного дела.⁴² После передачи финансовых функций четвертей (кроме сбора стрелецких денег) Приказу Большой казны сами они были объединены с Посольским (Новгородская, Владимирская, Галицкая и Устюжская четверти) и со Стрелецким (Костромская четверть) приказами.

По указу от 11 ноября 1680 г., к Приказу Большой казны перешла фискальная и таможенная компетенция Приказа Большого двorca.⁴³ В сентябре 1683 г. вышел царский указ о передаче конских площадок, которые непосредственно не подчинялись Конюшенному приказу, в ведомство Приказа Большой казны под управление местных таможенных голов.⁴⁴

Важно отметить, что и после проведения финансовой реформы Приказ Большой казны не сделался единственным органом, отвечавшим за поступления от таможенной деятельности, так как наряду с ним продолжали существовать Казанский дворец, Разряд, Сибирский, Посольский, Стрелецкий и другие приказы, наделенные финансовой компетенцией. Так, в Сибирский приказ в 1698 г. поступило 40 209 р. таможенных сборов, а в 1699 г. — 56 539 р.⁴⁵ Не только Большая таможня, но и Померная изба в Москве продолжали выступать в роли промежуточного звена, своего рода «главков» таможенно-фискальной системы.⁴⁶

Примечания

¹ См.: Тихонов Ю.А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Изв. 1955. Т. 53. С. 289.

² Термин *приказ* в смысле учреждения впервые встречается в 1512 г. Широкое его употребление в приложении к учреждениям определенного типа стало практиковаться не ранее второй половины XVI в. (Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1898. Т. 25. С. 187; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 52).

³ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки. СПб., 1888. С. 3.

4. *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы... С. 21.
5. *Зимин А.А.* 1) Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // *ИЗ.* 1971. Т. 87. С. 285; 2) *Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории).* М., 1982. С. 253.
6. *Алексеев Ю.Г.* 1) Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 4; 2) *Судебник Ивана III. Традиция и реформа.* СПб., 2001. С. 154.
7. *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 276.
8. Там же. С. 258—259, 273—277.
9. *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 253.
10. *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы... С. 45—47.
11. *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX—XVII вв. М., 1997. С. 268.
12. *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы... С. 49.
13. *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб., 1999. С. 435; *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд. СПб., 2000. С. 437—438; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы... С. 38. П.Н. Милюков полагал, что первоначально Большой дворец один ведал все доходы Московского государства (*Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. С. 25).
14. *Любавский М.К.* Лекции... С. 438; *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 254—255, 272, 278, 280; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы... С. 177—178; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 370; *Устюгов Н.В.* Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // *Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей / Отв. ред. Н.М. Дружинин.* М., 1964. С. 137; *Советская историческая энциклопедия.* М., 1968. Т. 11. Стб. 559. П.Н. Милюков по времени относил образование Большого прихода к последней четверти XVI в. По его мнению, именно тогда произошло отделение государственных доходов из доходов дворцовых, собираемых Большим дворцом (*Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 25).
15. Такое мнение высказывалось в дореволюционной историографии (см., например: *Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°».* 7-е изд. М., [1917]. Т. 33. Стб. 461).
16. *Садиков П.А.* Очерки... С. 279.
17. *Беляев И.Д.* История... С. 437, 438. До 1680 г. сохранялась подведомственность Большой таможни, Померной и Мытной изб Приказу Большого прихода.
18. *Устюгов Н.В.* Эволюция приказного строя... С. 148.
19. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 24—25.
20. *Рудченко И.Я.* Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 42.
21. Там же. С. 138; *Садиков П.А.* Очерки... С. 213; ПРП. М., 1956. Вып. 4. С. 104.
22. Приказ был учрежден после завоевания Иваном IV Казанского царства. «В его ведении, — указывал И.Д. Беляев, — находились все города этого царства, а также все другие города, лежащие по Волге между Казанью и Астраханью. Казанский приказ назначал во все эти города наместников и других чиновников и заведовал управлением и доходами в этих городах» (*Беляев И.Д.* История... С. 435).
23. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 24—26. Первые упоминания в актах о Галицкой четверти относятся к 1606 г., Костромской четверти — к 1627 г., Владимирской четверти — к 1629 г. (*Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона.* СПб., 1892. Т. 7. С. 910; СПб., 1895. Т. 16. С. 413; Т. 25. С. 194).
24. Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.; Сб. документов. Т. 1 / Сост. Т.Б. Соловьева (отв. сост.), Т.А. Лаптева. М., 2004. С. 490, 493, 498.

- ²⁵ *Котошихин Г.К.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984. С. 260. Гл. 7, ст. 16—19.
- ²⁶ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 189.
- ²⁷ Такая точка зрения была обычной в дореволюционной историографии (см.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 188; Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. 25. С. 192); Н.В. Устюгов, Н.Ф. Демидова и А.С. Мельникова допускают неточность, утверждая, что до 1622 г. существовал лишь один финансовый приказ с общегосударственной компетенцией — Приказ Большого прихода. Из книги С.К. Богоявленского «Приказные судьи XVII века», на которую ссылаются эти авторы, не следует, что Приказ Большой казны был образован в январе 1622 г. С.К. Богоявленский и не стремился установить время образования Приказа Большой казны. Он лишь датировал 1622/23 г. наиболее ранние из сохранившихся документов этого приказа, подчеркивая, что московский пожар 1625/26 г. уничтожил почти все архивы московских приказов; от некоторых из них вообще не осталось никаких следов, кроме косвенных указаний на само их существование в XVI в. (см.: *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 4, 24, 43; *Устюгов Н.В.* Эволюция приказного строя... С. 144, 148; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы... С. 16; *Советская историческая энциклопедия.* Т. 11. Стб. 560; *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1862 год). М., 1989. С. 175).
- ²⁸ См.: *Устюгов Н.В.* Эволюция приказного строя... С. 144.
- ²⁹ *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы... С. 177.
- ³⁰ Из Москвы в Сибирь путь шел водой до Нижнего Новгорода и Соликамска, дальше — волоком до Верхотурья, а затем — через Туринск и Тюмень, водой до Тобольска (основан в 1587 г.).
- ³¹ *Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 246. Гл. 7, ст. 7; Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. 7. С. 910; Т. 16. С. 413; Т. 25. С. 194—195; *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат России в XVII веке // *ИЗ.* 1982. Т. 108. С. 126; *Привилегированное купечество России...* С. 497.
- ³² Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. 25. С. 193. По Н.В. Устюгову, Новая четверть была создана в 1619 г. для управления питейными сборами (*Устюгов Н.В.* Эволюция приказного строя... С. 148).
- ³³ Поэтому нельзя согласиться с мнением, что Новая четверть была учреждена «для сбора питейных (кабацких) доходов на всей территории страны» (*Привилегированное купечество России...* С. 493).
- ³⁴ Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. 25. С. 195. Н.Ф. Демидова относит образование этого приказа к 1664 г. (*Советская историческая энциклопедия.* Т. 11. Стб. 564).
- ³⁵ См.: ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 2. № 876, 879, 880; *Милуков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 86.
- ³⁶ За работу Померной избы отвечали таможенный голова, ларечный и выборные целовальники. Они обязаны были осматривать каждый пришедший с хлебным грузом струг и выяснять: какой хлеб, сколько мерою, по какой цене. На хлебных торжках они собирали померную, а после 1653 г. — рублевую пошлину. «Вообще, — указывал Н.И. Костомаров, — целовальники Померной избы обязаны были наблюдать за правильностью мер, чтоб везде были казенные четверики и чтоб закупщики не отступали от установленных правил. Собирая пошлины, они записывали в книги: сколько с кого взято, чей хлеб, откуда привезен, — и вели таким образом статистику хлебной торговли» (*Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 209—210).
- ³⁷ *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 130. Доход Померной избы, составляя в конце XVII в. 20—30 тыс. р. в год, был важной статьей бюджетных поступлений (*Оглоблин Н.* Московская померная изба // *ЧОИДР.* М., 1889. Кн. 2. С. 19—22).
- ³⁸ *Захаров В.Н.* Таможенное управление в России в XVII в. // *Государственные учреждения России XVI—XVIII вв.* / Под ред. Н.Б. Голиковой. М., 1991. С. 55.
- ³⁹ *Шемакин А.И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000. С. 106.
- ⁴⁰ *Милуков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 64—65; *Устюгов Н.В.* Эволюция приказного строя... С. 160—161.
- ⁴¹ ПСЗ I. Т. 2. № 824. Об этом же свидетельствует царская грамота, присланная из Приказа Большой казны в Олонек 22 октября 1680 г., в которой говорилось: «...в городех, которые были ведомы таможенными и кабацкими сборы и всякими денежными доходы в Новгородском приказе, и в Болшом приходе, и в Володимерской и в Галицкой четвертях, таможенные пошлины и кабацкие прибыли собирают выборные головы и целовальники на вере; и, по его великого государя указу, велено те доходы ведать в Приказе Болшие казны» (АИ. СПб., 1842. Т. 5. № 125. С. 214).

⁴² См.: Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1. С. 5; Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. 25. С. 192; Любавский М.К. Лекции... С. 281; Советская историческая энциклопедия. Т. 11. Стб. 560.

⁴³ «В нынешнем во 189 году ноября в 11 день, — говорилось в указе царя Федора Алексеевича, — указали мы великий государь в городех и в уездах, которые ведомы в Приказе Большого дворца, таможни и кружечные дворы денежными сборы ведать в Приказе Большие казны, и у тех сборов верным головам и целовальникам быть тем же» (ДАИ. СПб., 1859. Т. 7. № 66/V. С. 317). Ранее, 8 ноября 1680 г., по указу царя Белозерская таможня, подчинявшаяся до того Приказу Большого дворца, была передана в ведомство Приказа Большой казны (Там же. № 66/IV. С. 315).

⁴⁴ ПСЗ I. Т. 2. № 1044.

⁴⁵ Милоков П.Н. Государственное хозяйство... С. 113. После 1699 г. предметы ведомства Приказа Большой казны перешли к *Московской бурмистерской палате* (ПСЗ I. Т. 3. № 1674).

⁴⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52 935. Л. 1—5.

6.2. Организация местного финансового управления

До середины XVI в. местное управление и суд осуществлялись через систему *кормлений*, т. е. через *наместников* и *волостелей* с их штатом *тиунов*, *доводчиков* и *праветчиков*, власть которых ограничивалась и регламентировалась Судебником 1497 г., уставными грамотами, выдаваемыми местному населению, и *доходными списками*, которые получали кормленщики.¹ Назначение их именовалось пожалованием и всецело зависело от воли государя. Государственную регламентацию размера наместничьего корма осуществляло ведомство казначея. Этим достигалось решение двоякой задачи: частной — получения фиксированного корма и государственной — управления. Поскольку в состав корма неизменно входили таможенные пошлины с иногородних купцов,² можно утверждать, что именно наместникам и волостелям в то время принадлежало главенство в таможенном управлении на местах. В начале XVI в. их задачи усложнились. С этого времени они должны были всячески помогать великокняжеским таможенникам,³ собиравшим пошлины в Казну, «и во всем их от сторон остерегать, равно как и смотреть за точным исполнением обязанностей» со стороны голов и целовальников с тем, чтобы они «таможные пошлины собирали <...> неоплошно, с великим раденьем, и сами б ничем не корыстовались и никому по дружбе и по посулом не норовили».⁴

Если же право на получение таможенных денег принадлежало какому-либо монастырю, то сборщики пошлин назначались монастырским владыкой (игуменом, архимандритом) и подчинялись ему. Например, в царской грамоте Симонову монастырю (1563), удостоверявшей его право собирать пошлины с торгов в селе Весь Егонская, говорилось: «...а брати у них, в том их торгу тамга, и пуд, и померное, и все таможные пошлины, в их монастырьском селе в Веси Егонской, тем людем, которым архимандрит Феоктист с братьею прикажет».⁵

С 30-х гг. XVI в. в стране параллельно развивалось губное управление (губных старост). «Впоследствии, — указывал М.Ф. Владимирский-Буданов, — губные учреждения (губные избы. — *М.Ш.*) заменяли собою все областное управление. При отмене наместничьего управления в уездах вовсе не стало органов правительства, которое, не имея на кого возложить приказные дела (финансовые и административные), нередко обращалось к губным старостам. В некоторых городах до введения воеводского управления губные старосты правили на правах воевод (например, в Шуге)».⁶

До отмены системы кормлений (в середине XVI в.) лишь в редких случаях сбор таможенных пошлин полностью или частично изымался из ведения наместников. В связи же с отменой наместничьего корма и установлением оброка с посадов и волостей, получивших земские учреждения, сбор таможенных пошлин повсеместно передавался земским мирам. Выборная власть сосредоточивалась в *земской избе*. Н.И. Костомаров писал, что здесь «заседали земский староста, ларечный целовальник — блюститель общинной казны, и земские целовальники. Они составляли правление посада, заведовали сбором податей, собирали мир или посадское собрание и хранили казну <...> Для сбора торговых доходов выбирались таможенные головы и целовальники, составлявшие таможенное управление, иногда же этих таможенников в посады правительство назначало само».⁷ По итогам избрания таможенников в земской избе составлялся «выбор», т. е. документ с указанием имен вновь избранных и «за руками» (за подписями) всех выборщиков. «Тем самым, — указывает А.И. Шемякин, — от лица земского мира

удостоверялись личные и деловые качества каждого из выбранных: "что он человек самой доброй и государево дело его станет". Кроме того, такой порядок давал возможность в случае недобора таможенных денег взыскать не только с верных голов и целовальников, но и избравших их представителей земского мира, зафиксированных в "выборе": "А буде он за их выбором о государеве деле, где будет у збору, радеть не учнет и учинит что худое, и на них выборных людех наша великого государя пеня"³. При этом специального указа, направленного на ограничение власти наместников в области взимания таможенных пошлин, не издавалось.²

Местное таможенное управление обычно соединялось с управлением питейных сборов, а должность таможенного головы соединялась с должностью головы кабацкого. Историк С.М. Соловьев об этом писал: «Земский староста сзывает посадских людей в земскую избу: пришел царский указ, велено выбрать голову и целовальников к таможенному сбору; но кого выбрать? Надобно выбрать людей с состоянием, которые могли бы отвечать за недобор; но таких нет, кто был побогаче, те выбраны на кружечный двор. Мир решил — слать челобитную к царю, что выбирать некого, велел бы великий государь прислать голову из Москвы. Но из Москвы прислать некого, здесь свои службы, и в город шлетя другой указ: выбрать к таможенному сбору того же голову и целовальников, которые выбраны к кабацкому сбору, таким образом, одни и те же посадские люди должны были нести две тяжелые службы.¹⁰ Нередко таможенным головам поручали дела по финансовому управлению банями, сбору денег с лавок и шалашей, со сплава дров, с приготовления кваса и другие заботы, непосредственно не относящиеся к таможенному делу.¹¹

Примечания

¹ *Беляев И.Д.* История... С. 438—444; *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 254—255.

² Так, в начале XVI в. государеву наместнику в Дмитрове были отданы в кормление проплавные и поголовные пошлины с проходивших торговых судов (*Шемякин А.И.* История таможенного дела... С. 15).

³ У наместников и волостелей были свои сборщики пошлин, у великого московского князя — свои.

⁴ *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 256; *Толстой Д.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С. 116.

⁵ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 263. С. 295.

⁶ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 196.

⁷ *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 149—150.

⁸ *Шемякин А.И.* История таможенного дела... С. 45.

⁹ См.: *Николаева А.Т.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Изв. 1950. Т. 31. С. 245. А.И. Шемякин справедливо указывает, что отмена кормлений в масштабах всей страны растянулась на многие годы и что «еще в конце XVI века некоторые города, уезды и волости управлялись по-прежнему кормленщиками, получавшими содержание в том числе и от сбора таможенных пошлин» (*Шемякин А.И.* История таможенного дела... С. 36).

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52 929. Л. 1—5; *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1991. Кн. 7. С. 88.

¹¹ *Захаров В.Н.* Таможенное управление... С. 58—60.

6.3. Воеводское управление

Еще в первой половине XVI в. в некоторые — главным образом пограничные — города назначались *воеводы* с властью военного управления, а также *дьяки* для управления финансового. В результате осуществления административной реформы Ивана Грозного, упразднившей кормленческую систему (1555/56), воеводы укоренились в местном управлении. При этом бывшие наместники и волостели (кормленщики) нередко сами превращались в воевод.¹ Дальнейшее распространение

приказно-воеводского управления произошло в Смутное время. М.Ф. Владимирский-Буданов объяснял это тем, «что смутная эпоха обнаружила необходимость иметь в каждом городе военную власть и, сверх того, такой орган управления, который бы связывал провинцию с центром и простирали свою власть на все классы провинциального общества (а не на одних тяглых людей)».² Во второй четверти XVII в. местное управление (военное и гражданское) окончательно сосредоточилось в руках воевод, действовавших по «наказам» (инструкциям) московских приказов, которым они подчинялись. Воеводское управление с присущими ему *съезжими* или *приказными избами* стало повсеместным явлением.³

Власть воевод на местах укоренялась с единственной целью — обеспечить централизацию государственного управления. Формально их денежно-вещевое довольствие определялось уже не поборами с местного населения, не кормлением, а государевым жалованьем. От наместников воеводы отличались еще и тем, что не могли сами назначать на управленческие должности своих людей: их помощниками были государевы приказные люди, высший надзор за которыми принадлежал правительству. Назначение воевод производилось царем и Боярской думой обычно на один-два года. Управляя городами и областями, они подчинялись тому приказу, в ведомстве которого состоял город. При замещении воеводы дьяки соответствующего московского приказа составляли *наказ*, определявший круг обязанностей нового служителя, и *грамоту* его предшественнику с сообщением о назначении нового лица в съезжую избу и с указанием передать ему все текущие дела, составить соответствующие отчетные документы и выехать для отчета в Москву. Иногда само население ходатайствовало за то или другое лицо или просило о продлении полномочий прежнего воеводы. В больших городах воеводскую власть одновременно осуществляло несколько человек, например, в Астрахани — 3—4, в Пскове — 2—3. В таком случае один из воевод считался главным. В товарищах у них были дьяки или подьячие. Кроме подьячих в приказной избе были тиуны, праветчики, приставы, рассыльщики, сторожа и другие «приказные» люди, приводившие в исполнение приказания воеводы.⁴

Не обладая правом непосредственного вмешательства в сбор пошлин,⁵ воевода обязан был осуществлять общий надзор за деятельностью таможенной избы, следить за правильностью мер и весов, используемых при продаже товаров; по получении соответствующей грамоты из Москвы он назначал выборы таможенного головы и целовальников, а затем утверждал их в должности;⁶ иногда учреждал в волостях новые таможенные заставы и направлял туда целовальников для сбора пошлин; заслушивал финансовые отчеты таможенных голов и целовальников;⁷ в обязанности воеводы также входило пресекать любые действия (или бездействия) таможенников, которые могли нанести ущерб казне, преследовать контрабандистов и других нарушителей таможенных правил, применять против них репрессивные меры, направлять в помощь таможенникам служилых людей для усмирения злых неплательщиков пошлин, нарушителей таможенных правил и обыскиваемых⁸ и т. д.

Кроме того, в Архангельске воевода надзирал за тем, чтобы служилые люди (дети боярские) и целовальники, обязанные предотвращать вынос из гостиных дворов товаров без уплаты пошлин, «ни у кого ничего себе не имели, а по немецким бы камором не ходили, а были б на гостиных дворах для береженья безотступно, а в таможенные б сборы ни во что не вступались, чтоб от них таможенному сбору порухи никакой не было».⁹ Зачастую воеводе приходилось выступать в роли посредника в сношениях таможенного головы с соответствующим центральным приказом,¹⁰ вмешиваться в конфликты таможенников с купцами, а также разрешать торговые споры между русскими и иноземцами, если голова сам не мог «рассудить дела»,¹¹ он осуществлял общее таможенное управление, если в уезде было несколько таможен.

Однако при известных обстоятельствах воеводы не имели прямого отношения к выборам таможенных голов. Они не могли произвольно сменять таможенников, не в праве были контролировать их действия или подменять в сношениях с московскими приказами. На основе изучения записной книги приказа Устюжской четверти 1630 — начала 1640-х гг. Л.А. Тимошиной удалось доказать, что «сама система замещения старых служителей новыми в отношении и воевод, и таможенных голов, хотя назначение и тех, и других происходило на разных уровнях государственной власти, была принципиально одинакова <...> Совершенно одинаковой в обоих случаях была и процедура передачи и приема дел, а также порядок отчетности перед вышестоящей инстанцией (приказом Устюжской чети. — М.Ш.)». Более того, деятельность воевод в связи с выборами целовальников и приведением их к присяге носила в основном организационный характер, «пригодность же к службе в целовальниках конкретных людей определялась самими таможенными головами, которые в случае несогласия с представленными кандидатурами имели право обратиться в Устюжскую четверть с ходатайством о выборе иных людей.

Такие просьбы, исходившие от лиц, непосредственно заинтересованных в высоких деловых качествах своих ближайших помощников, как правило, удовлетворялись». И наконец, «таможенные головы вели самостоятельную переписку с Москвой, получали оттуда грамоты, адресованные непосредственно в таможду, минуя съезжую избу, и отправляли с столицу свои отписки».¹² Независимость голов от воевод должна была усилиться при Алексее Михайловиче, когда они стали большей частью назначаться прямо из Москвы «или выборы их утверждались в четвертных приказах». К тому же воевод неизменно обязывали помогать головам в отпращивании ими должности.¹³ Следовательно, надзор за головами зачастую не давал воеводам каких-либо особых прав над ними.

Некоторые воеводы были уполномочены производить следствие о злоупотреблениях таможенных голов и целовальников и наказывать виновных.¹⁴ Если же голова назначался царским указом или имел наказ из московского приказа, воевода имел право отставлять и наказывать одних лишь таможенных целовальников. На голову он должен был писать государю, а затем дожидаться соответствующего предписания о производстве следствия и «доправке» денег. В некоторых городах воеводы не имели даже права отставлять и наказывать целовальников, и в случае извещения о злоупотреблениях им полагалось писать об этом государю в Москву.¹⁵ К примеру, в городах Устюжской четверти вся ответственность за своевременное поступление таможенных пошлин и сборов лежала исключительно на головах и целовальниках, и все санкции в отношении этих лиц являлись прерогативой не местных воевод, а центральной власти — приказа Устюжской чети. Даже к расследованию причин недоимки в сборе таможенных пошлин и других злоупотреблений в сфере таможенной деятельности местный воевода мог приступить лишь по получении специальной грамоты из Москвы. О результатах сыскных мероприятий воевода опять же должен был докладывать в Устюжскую четь, по наказу которой работали таможенные головы. Именно московский приказ определял степень вины последних и выносил решение о мере наказания.¹⁶

В Архангельске воевода отвечал за то, чтобы приходящие суда становились в положенном месте (у пристани, напротив таможи), а корабельщики исполняли все официальные предписания. Когда иностранное судно вставало под разгрузку, воевода и дьяк должны были распорядиться о составлении таможенным головой (гостем) и его товарищами *рописи*, свидетельствующей, откуда пришел корабль, какие на нем торговые люди, кто на нем корабельщиком и кормщиком, сколько на нем «деловых людей», т. е. матросов, и какие привезены товары. С этой целью на каждое прибывшее судно архангельский воевода направлял для расспроса одного дьяка, стрелецкого сотника в сопровождении таможенных целовальников. При этом никто из них не должен был осматривать привозные товары, поскольку торговые иноземцы записывали их в таможе сами, когда сходили на берег. Составленная роспись представлялась в съезжую избу воеводе, в обязанность которого входило отправить ее на государево имя в Посольский приказ в Москву.¹⁷ В более поздний период от архангельского воеводы требовали присылки отчетов («отписок») о прибытии иностранных судов и «рописей» всяким привозным товарам в московский приказ — Новгородскую четверть. Причем соответствующие бумаги надлежало посылать «с нарочными гонцы наскоро, не изжидая приходу всех кораблей, чтоб нам (государю. — *М.Ш.*) про корабельной приход, сколко в котором числе и которого государства кораблей к Архангелскому городу придет и сколко на них каких товаров и людей будет, ведомо б было вскоре».¹⁸

Сохранился документ 1613 г., свидетельствующий о том, что архангельские воеводы не только выясняли через таможенного голову, целовальников и гостей о наличии привозных «узорочных» товаров и составляли им роспись, но также отвечали за отбор и покупку дорогих тканей, драгоценных камней, золотой и серебряной посуды «для государевой казны». При этом они не только «имали» на государя любые узорочные товары, которые русские купцы осмеливались покупать или выменивать у иностранцев, но и поощряли купцов совершать такие сделки за свой счет с доставкой купленного в Москву, где и производилось возмещение вынужденных расходов согласно «ценовой росписи». Если же иностранный товар приобретался по прямому воеводскому указанию, то покупка оплачивалась «из двинских таможенных и из кабацких доходов». Воеводы также обязаны были следить за тем, чтобы товары Московской компании продавались по «прямой цене» английского рынка, «без прибыли и без провозу».¹⁹

В финансовом и экономическом отношениях земские и губные выборные органы власти формально были независимы. Хотя воевода возглавлял местную полицейскую службу, ему запрещалось подменять излюбленных голов и старост в денежных сборах и в «мирские делах». Однако, поскольку в Московском государстве выборная (общественная) и приказная власти не были строго разграничены, а

различие надзора и управления было весьма условным, воеводы постоянно вмешивались в сферу деятельности губных и земских учреждений. Воеводский надзор (контроль) за перемещением товаров и людей, за всем процессом раскладки и взимания налогов, воеводский *правеж* (взыскание недоимок) открывали дорогу для больших злоупотреблений со стороны воеводской власти. «Воеводы и приказные люди, — указывал Н.И. Костомаров, — под разными предлогами сохранения порядка хватали торговцев, сажали в тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали насильно товары, били торговцев батогами», заводили дела на купцов по искам заведомых «ябедников» и т. д.²⁰ Учитывая, что в более ранний период неправомерные поборы сверх установленных законом пошлин широко практиковались наместниками, воеводские злоупотребления в какой-то мере представляются частью традиции кормлений.²¹

Таким образом, воеводы на местах обладали реальной административной и полицейской властью. Поневоле таможенникам приходилось считаться с этим обстоятельством и «с пониманием» относиться к злоупотреблениям со стороны органов местного управления. Действительно, обязанные пресекать махинации таможенных голов и купцов при провозе, обмере, оценке товаров, воеводы активно «корыстовались» при этом. Подчас они подменяли таможенников при регистрации товаров, за взятки пропуская торговых людей без явки в таможенную, брали на себя сбор таможенных и кабацких пошлин, запускали руку в таможенный ларь, ссужали собранные таможенные и кабацкие деньги за проценты посадским людям, назначали в таможенную угодных себе лиц, освобождали от службы за взятки и т. д.²² В свете же раскрываемых воеводами различных таможенных нарушений московские власти предпочитали не обращать внимания на их собственные прегрешения и злоупотребления, хотя личные доходы воевод от незаконного сбора пошлин могли составлять сотни рублей. Как справедливо указывает Г.П. Енин, «негативная реакция из центра в отношении воевод проявлялась лишь в чрезвычайных случаях <...> Правительство лишь имитировало борьбу с воеводскими таможенными поборами, изредка наказывая особенно злостных корыстолюбцев, но, как правило, тут же прощая их».²³

Оказывая влияние на решение торговых дел, нанося порой ущерб развитию торговли и промыслов, воеводы настраивали против себя верхи посадских людей (городского населения). На Земском соборе 1642 г. гости, указывая на невыносимую тяжесть податей, на вред для государства от торговых привилегий, предоставленных иностранцам, жаловались и на то, что «обнищали и оскудели до конца» от воевод, чинивших торговым людям задержание и насильства в проездах, и напоминали, что «при прежних государях в городах ведали (выборные) губные старосты, а посадские люди судились сами промеж себя, а воевод в городах не было».²⁴

Вместе с тем выборное начало и неоплачиваемая работа стоявших во главе таможенного сбора голов, целовальников и старост, их подотчетность московским приказам обеспечивали известную независимость таможенных учреждений от воевод. Постепенно воеводы отстранялись от заведования таможенными и кабацкими сборами. Вместе с этим убывала и зависимость от них голов и целовальников.²⁵ Начиная с 20-х гг. XVII в. правительство пыталось упорядочить властные полномочия воевод. Так, в 1620 г. им запрещено было не только участвовать в торговле, но даже что-либо покупать у посадских, кроме продовольственных товаров.²⁶ В наказах сибирским таможенным головам 1635 г., выданных непосредственно в Приказе Казанского дворца, содержались прямые указания на то, чтобы осмотр товаров, сбор пошлин и конфискация незаконно провозимых товаров находились в их «одноличном» ведении. Воеводам категорически запрещалось «вступатца» в таможенное дело, т. е. делать произвольные распоряжения.²⁷ А.Н. Копылову удалось установить, что 22 декабря 1645 г. по докладу боярина Н.И. Одоевского царь повелел, чтобы во всех сибирских городах, кроме Тобольска, «проездом» торговых и промышленных людей ведали таможенные головы. За сибирскими воеводами по-прежнему оставалось лишь «право надзора за исправностью несения службы таможенными головами, которые были обязаны ежемесячно или "как удобнее по делу" относить воеводе в съезжую избу таможенные книги, мягкую рухлядь и деньги и давать финансовый отчет».²⁸

В 1638 г. двинским воеводам было запрещено ведавать торговых людей, их суда и товары. Все это предоставлялось таможенным головам. Согласно наказам 1649, 1654 и 1659 гг., двинским воеводам также запрещалось «считать» голов, но полагалось надзирать за ними и доносить царю в случае злоупотреблений.²⁹ «В 1646 г., — отмечает Е.В. Чистякова, — из юрисдикции ряда сибирских и двинских воевод были изъяты вопросы проезда торговых людей и провоза товаров. В 1651—1652 гг. это решение было отменено, но уже в 1665 г. 30 семьям Енисейска разрешили подчиняться в этих вопросах таможенному голове».³⁰

Как можно заметить, уже в первой половине XVII в. властные полномочия сибирских и двинских воевод были весьма ограниченными. Однако в масштабах всей страны такая практика была скорее исключением. Как утверждал Б.Н. Чичерин, «большую часть воеводы имели в таможенном и питейном управлении власть надзирающую и распорядительную». Поэтому головы постоянно жаловались на произвол воевод, на невозможность исполнять свои обязанности в полном объеме.³¹

Тенденция к ограничению власти воевод в вопросах, касающихся торговли, транспортировки товаров, найма транспортных рабочих, разрешения торговых споров, контроля за деятельностью таможенных голов («гостя с товарищи»), получила продолжение и развитие и в статьях 1, 2, 18, 35, 88 и 89 Новоторгового устава 1667 г. Архангельский таможенный голова получил полную возможность чинить «всякую полную расправу» в торговых делах. Местный воевода не мог вмешиваться в деятельность таможни, чтобы царской казне в сборах «порухи не было». Его влияние ограничивалось лишь тем, «что без их ведома не должен был становиться на якорь и отходить иноземный корабль».³²

Эти ограничения распространялись на всю страну, включая Сибирь (ст. 35).³³ Кроме того, все спорные торговые дела русских и иноземцев предоставлено было судить одним таможенным головам. Все чаще издавались распоряжения, лишавшие воевод власти надзирать за головами и целовальниками: им запрещалось считать голов и целовальников в собранных деньгах, а велено только смотреть, чтобы они работали с радением, не допуская злоупотреблений. В случае доноса воеводы и приказные люди обязаны были производить следственные мероприятия и докладывать о результатах в Москву.³⁴ Если в ходе следствия они корыстно потворствовали подозреваемым, то рисковали лишиться своих поместий, вотчин и всего имущества.³⁵ Однако, несмотря на то что после издания Новоторгового устава «верные должности» еще сильнее обособились от воеводского управления, сближаясь одновременно с земским управлением, воеводские власти продолжали вторгаться в сферу торговли и таможенных отношений, пытались регулировать цены, конфисковывали товары, производили другие незаконные действия.³⁶

Решающий шаг в замене ответственности воевод по финансовым делам соответствующей ответственностью посадских общин, действовавших под надзором московских приказов, был сделан в первый год царствования Федора Алексеевича. По завершении финансовой реформы 1679—1681 гг. местная приказная администрация была полностью отстранена от участия в сборе прямых и косвенных налогов, за ней сохранялись лишь «расправные дела» и суд.³⁷ В 1685 г. правительство вновь наказало двинским воеводам проявлять по отношению к иностранным купцам «презрение и бережение, и налогов никаких им самим и никого чинить не допускати». Обязанные следить за приходом и отплытием военного голландского корабля, они по-прежнему не могли вмешиваться в торговые дела иностранных купцов во время Архангельской ярмарки, им также было отказано в праве ведать работных людей и *вожей* (лоцманов).³⁸ Тем не менее до конца XVII в. воеводское вмешательство в деятельность голов и целовальников сохранялось, причем само правительство мирилось с двойным надзором, тяготевшим над «верными» таможенниками со стороны воевод и приказов.³⁹

Одновременно происходило усиление воеводской власти в решении других вопросов. Так, в 1687 г. при самой гавани Архангельска была учреждена застава (в дальнейшем — брандвахтенный пост) во главе со стрелецким полковником Семеном Ружинским, которому было поручено наблюдать за тем, чтобы неприятельские корабли не могли входить в двинские устья и чтобы с купеческих судов до таможенного досмотра на пути их следования к городу не был свозим на берег никакой товар. В 1688 г. права Ружинского — смотрителя гавани, подчиненного воеводе, — были расширены. Полковнику поручались санитарный контроль за приходящими кораблями, надзор в полицейском отношении за безопасностью самого города, расстановка караула у амбаров, чуланов и лавок на гостином дворе, надзор за правильным производством торговли, «чтоб меняли и продавали оптом, а не в розницу, чтоб на гостиных дворах не сидели с огнем, чтоб русские ночью не вели с иноземцами контрабандной торговли и чтоб иноземцы не плавали по сторонам и не покупали тайком русских товаров, а оказавшихся виновными представлял воеводе в съезжую избу. Ему предоставлено было разбирательство дел между торговцами, суд по долговым обязательствам и взимание судебных пошлин».⁴⁰

Примечания

¹ Зимин А.А. «Приговор» 1555/56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве // История СССР. 1958. № 1. с. 181—182.

- ². *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 197.
- ³. *Градовский А.Д.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1. С. 170, 175; *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат... С. 126—127.
- ⁴. См.: *Беляев И.Д.* История... С. 438—444, 529—534; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 197; *Тимошина Л.А.* Воеводское и таможенное управление в первой половине XVII в. (на примере городов Устюжской четверти) // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII в.*: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 256. При этом «система кормлений» продолжала действовать. Во второй половине XVI—XVII вв. она по-прежнему была основным способом содержания городских воевод и провинциального аппарата управления в целом (см.: *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб., 2000. С. 1—351).
- ⁵. «Некоторые пошлины с продаваемых товаров, — указывал Б.Н. Чичерин, — с рыбы, с соли, десятичная пошлина с товаров, смотря по тому, причислялись ли они к таможенным или составляли особую статью, находились иногда в исключительном ведомстве воевод, иногда заведовались таможенными головами, иногда теми и другими вместе» (*Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 220).
- ⁶. Обычно на местах выборы голов и целовальников проводились по решению воеводы. Получив царскую грамоту, он давал соответствующее предписание земским старостам и целовальникам, затем отсылал в Москву «выборные списки», заверенные избирателями или местными священниками, и приводил новых таможенных сборщиков к присяге. При этом воеводе запрещалось произвольно менять результаты выборов (*Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 223, 416—417; *Захаров В.Н.* Таможенное управление... С. 54, 65, 71; *Шемякин А.И.* История таможенного дела... Приложение № 20. С. 189).
- ⁷. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 191, 222, 226. В Сибири, где воеводы обладали особенно широкими полномочиями, «деятельность <...> таможенных голов до начала 20-х годов XVII в. проходила под непосредственным руководством местных воевод» (*Копылов А.Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. // *Русское государство в XVII в.*: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М., 1961. С. 333).
- ⁸. Тем не менее нельзя полностью согласиться с утверждениями В.Н. Захарова об усилении зависимости таможенных голов от воевод, обладавших реальной полицейской и военной властью, а также о том, что «все распоряжения по таможенному управлению шли из Москвы через воевод» (см.: *Захаров В.И.* Таможенное управление... С. 66—67). Опираясь на документы Устюжской чети, Л.А. Тимошина показала, что в случае необходимости привлечения пристава или стрельцов для взыскания каких-либо недоимок «таможенный голова обращался не к воеводе, а непосредственно в Устюжскую четь. В ответ в города посылались две грамоты — самому голове и воеводе. Первому предписывалось взять столько служилых людей, "сколько человек пригож", а второй был обязан, помимо своей воли или желания, обеспечить необходимое число стрельцов. Такое постоянное отправление распорядительных грамот в два адреса не ставило и не могло поставить таможенных голов в позицию подчиненности воеводскому управлению, так как предписания исходили из центрального приказа и были равно обязательны и для одной, и для другой стороны. Более того, воеводы не имели права самостоятельно проводить какие-либо карательные операции, связанные со сбором недоимок по таможенным и кабацким платежам или с конфискацией корчемного вина. Инициатива в таких действиях должна была исходить от лиц таможенного управления, и отряды стрельцов или приставы в периоды взыскания долгов по таможенным пошлинам или напойным деньгам находились в непосредственном подчинении таможенных и кабацких голов или целовальников» (*Тимошина Л.А.* Воеводское и таможенное управление... С. 258).
- ⁹. ААЭ. Т. 4. № 111. С. 153; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. № 116. С. 436.
- ¹⁰. Так, отчитываясь об исполнении полученной 18 июня 1600 г. царской грамоты, предписывавшей следить за соблюдением хлебной монополии и правил торговли в Архангельске, тамошние воевода и подьячий сообщали в Москву, что они «о том русским людям заказали и головам таможенным памяти дали и велели того беречи накрепко, чтоб русские люди хлебных запасов и заповедных товаров немцам на корабли тайно не продавали» (Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 381).
- ¹¹. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 226—227.
- ¹². *Тимошина Л.А.* Воеводское и таможенное управление... С. 256—257, 259.
- ¹³. *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 175, 182.
- ¹⁴. Близость верных таможенных голов и целовальников к ларю с собранными пошлинными деньгами и питейной прибылью нередко становилась причиной различного рода служебных злоупотреблений. Торговые люди и их представители нередко жаловались на них, обвиняя в незаконных поборах, аресте товаров, принудительном задержании, грубом, оскорбительном обращении, доходившем до рукоприкладства, и других «насильствах» (см.: *Шемякин А.И.* История таможенного дела... Приложения № 16, 23, 24, 27, 33).

15. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 225.
16. *Тимошина Л.А.* Воеводское и таможенное управление... С. 257, 259.
17. *Кордт В.А.* Очерк сношений Московского государства с Республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. 281—282.
18. ААЭ. Т. 4. № 111. С. 153.
19. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 65. С. 175—181.
20. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 163. Иногда воеводы тайком приставали к торговым складничествам (товариществам), хотя им запрещалось торговать каким-нибудь образом (Там же. С. 155).
21. *Енин Г.П.* Воеводская таможенная пошлина в XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 248, 253—254.
22. Там же. С. 249—251; *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 170, 171; *Захаров В.И.* Таможенное управление... С. 68—69; *Кисловский Ю.Г.* История таможни государства Российского. М., 1995. С. 31.
23. *Енин Г.П.* Воеводская таможенная пошлина... С. 249, 251. См. об этом: *Енин Г.П.* Воеводское кормление... С. 1—351.
24. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 185.
25. *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 182; *Демидова Н.Ф.* Государственный аппарат... С. 132.
26. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 163.
27. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 230; *Копылов А.* // Таможенная политика... С. 334. По предписанию 1635 г., «верхотурский воевода давал голове целовальников и служилых людей, вручал ему наказ, получал от него ежемесячно собранные деньги и книги, давал в сборах отчет государю, наказывал ослушников, выдавал торговым людям проезжие грамоты, не имея, впрочем, права считать таможенного <...> голову и надзирать за его управлением» (*Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 230).
28. *Копылов А.Н.* Таможенная политика... С. 335. Хотя проезжие грамоты стали выдаваться таможенными головами, но торговые люди по приезде в город по-прежнему обязаны были являться в приказную избу, туда же головы и целовальники приносили собранные Деньги; воеводы продолжали взыскивать недоимку по таможенным сборам и подвергать наказанию контрабандистов (*Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 232).
29. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 230—231.
30. *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав 1667 года // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 121.
31. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 231—232.
32. Новоторговый устав 1667 года // Российское законодательство X—XX веков [Тексты и коммент.]: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986. Т. 4. С. 118, 123, 130; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 77. С 1646 г. в Архангельске действовал особый порядок выпуска иностранных судов. Обеспечивая его, местная таможня должна была всякий раз извещать воеводу о задолженности выезжавших иностранцев перед царской казной и русскими подданными. Следовательно, окончательное решение о вывозе из страны русских товаров принималось именно воеводской администрацией (Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер; Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. № 309).
33. Новоторговый устав... С. 123; *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав... С. 121—122.
34. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 233. Голов и целовальников велено было «считать» в московских приказах, для чего воеводы по истечении года высылали их с книгами и собранными деньгами в Москву (Там же. С. 233—234).
35. ПСЗ I. Т. 2. № 679.

- ³⁶ Градовский А.Д. История местного управления... Т. 1 С. 182; Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII века // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1966. С. 69.
- ³⁷ Градовский А.Д. История местного управления... Т. 1. С. 186; Милюков П.Н. Государственное хозяйство... С. 86.
- ³⁸ ПСЗ I. Т. 2. № 1129. В 1685 г. лоцманский промысел был объявлен свободным, изъят из ведомства воеводы и подчинен Архангельской таможне (Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. 1889. № 10. С. 117—118).
- ³⁹ ПСЗ I. Т. 3. № 1655; Чичерин Б.Н. Областные учреждения... С. 239; Градовский А.Д. История местного управления... Т. 1. С. 182.
- ⁴⁰ ПСЗ I. Т. 2. № 1248; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 77; Огородников С.Ф. Очерк истории... № 10. С. 141—143. Согласно царской грамоте на Двину (1659), архангельский воевода и раньше должен был высылать к Березовскому и Пудожемскому устьям детей боярских или сотника со стрельцами, чтобы предотвратить заход военных кораблей в Двину (ААЭ. Т. 4. № 111. С. 155).

6.4. Служба таможенных откупщиков, голов и целовальников

Несовершенство системы органов центрального и местного управления Русского государства проявлялось и в том, что правительство в то время еще не имело возможности поручить взимание торговых и проезжих пошлин, разных натуральных налогов, заведование казенными промыслами и торговыми операциями (винными, хлебными, соляными, рыбными и др.), сортировку, распределение и торговлю казенными товарами непосредственно своим чиновникам. Недостаток подготовленных людей на должности сборщиков налогов и руководителей торгово-промышленных предприятий с середины XVI в. восполнялся путем привлечения профессионалов из состава гостей привилегированных сотен. Нормальное функционирование финансового аппарата обеспечивалось за счет «принудительного пополнения столичного купечества за счет наиболее состоятельной части населения провинциальных городов».¹ Тяглые посадские общества также были обязаны поставлять правительству обширные кадры бесплатных работников — голов, целовальников, сторожей, извозчиков и т. д. Гарантией добросовестного отношения к служебным обязанностям являлась не только присяга на верность, но и имущественная состоятельность агента, его способность материально возместить причиненный казне ущерб.

Н.И. Костомаров указывал, что гостям, составлявшим своего рода «главный финансовый штаб» царя, поручались «самые высшие торговые и финансовые должности, а торговые люди гостиной сотни были у них товарищами; суконники выбирались в должности, меньшие по сравнению с теми, в которые выбирались торговцы гостиные; например, гости назначались таможенными головами, гостинники у них старшими, а суконники меньшими целовальниками; или же торговец гостиной сотни выбирался головой, а суконники у него товарищами. Сверх того, гостей посылали головами в самые важнейшие торговые города, а гостинники выбирались во второстепенные».²

Гости, а иногда и представители гостиной сотни надзирали над пристанями, рыбными и соляными промыслами; им поручали покупать для царской казны товары и производить от казны торговые операции, заключать подряды с иноземцами; при необходимости они выступали в роли советников царя по экономическим вопросам и даже являлись политическими шпионами.³ По словам В.О. Ключевского, «это были настоящие рекрутские наборы купечества в казенную службу», которые нередко производились вопреки воле лиц, возводимых таким образом в высшие чины торгово-служилой иерархии.⁴ А.Д. Градовский характеризовал таможенную службу голов и целовальников как тягло, тяжелую повинность, возложенную государством на посадских и торговых людей.⁵ Эта таможенная повинность, отбываемая в пользу государства за поручительство избирателей, не только отвлекала торговых людей от их основной профессиональной деятельности, но еще угрожала им разорительными штрафами и конфискациями, «если бы их "оплошкою и нерадением" учинился в государевых сборах недобор...».⁶ Неудивительно поэтому, что в 1646 г. ярославцы, вологжане, костромичи и «всех городов торговые люди» обращались к царю с челобитной, прося об освобождении от тягостной службы по приему ефимков на Архангельской ярмарке с последующей доставкой в Москву.⁷

Как самому голове, так и подчиненным ему целовальникам строго запрещалось производить любые коммерческие операции за собственный счет. Перед вступлением в должность по сбору мытов и перевозов целовальники клялись в том, чтобы им «на перевозех будучи перевозные деньги сбирати в правду <...> другу не дружити, а недругу не мстити, и лишка перевозных денег себе не имати, и <...> перевозных денег не красти и хитрости <...> казне не чинити некоторыми делы».⁸ Для многих таможенная служба являлась обременительной, тягостной, разорительной повинностью еще и потому, что приходилось оценивать товары приезжих купцов. По неумелости оценщиков возникали споры и недоразумения с иностранцами. В 1658 г. архангельский таможенный голова жаловался на то, «что холмогорские целовальники люди пахотные, и потому не умеют осматривать товаров». Лишь после этого было решено командировать на ярмарку в Архангельск опытных таможенников.⁹

В России практиковались два основных способа таможенного управления и взимания таможенных сборов: во-первых, *откупной*, введенный еще монголами и преобладавший в XVI — первой половине XVII в., и, во-вторых, *верный*,¹⁰ получивший развитие во второй половине XVII в. В каждом конкретном случае предпочтение отдавалось тому из них, который обеспечивал более дохода. Если в некоторых местностях сборы постоянно отдавались на откуп (только в случае недостатка желающих воеводы приводили к присяге верных голов и целовальников), то в местах обширного ярмарочного торгового дела, где таможенный сбор был значительным, предпочтение неизменно отдавалось казенному («верному») управлению. Так, например, было заведено в Архангельске.¹¹

Непосредственное управление таможенным делом в уездах осуществлялось из *таможенных изб*. Здесь хранились сундуки или ящики с документацией, печати, собранные деньги и т. д. Во дворе размещались амбары для хранения товаров, орудия измерений: весы, ведра приемные, ковши, хлебные меры, железные шупы для проверки товаров в возах и бударах.¹² В XVII в. таможи (таможенные избы) имелись почти в каждом уездном городе. Как правило, в городе устраивалась одна таможенная изба, в которой взимались пошлины со всех видов товаров. Она управлялась таможенным откупщиком или таможенным головой, избираемым или назначаемым из гостей, торговых и посадских людей, государственных крестьян и некоторых других сословных групп.

Отличительной особенностью откупного способа непосредственного управления таможенным делом было то, что функции откупщиков могли исполнять как физические, так и «юридические» лица. В роли последних выступали монастыри, посадские и сельские общины, которые назначали собственных сборщиков и контролировали их деятельность.

Решение об отдаче на откуп таможенных пошлин¹³ в какой-либо местности принималось либо московским приказом, либо областным воеводой. Так, монастыри и светские феодалы просили царя разрешить торговлю в одном из владельческих сел с предоставлением кому-либо из местных крестьян прав таможенного откупщика. В случае если монарх проявлял добрую волю, соответствующий московский приказ издавал распоряжение, в котором определялись откупные условия.¹⁴ Иной раз откупная статья отдавалась добровольному соискателю, который являлся в приказ и обещал платить больше, чем предусматривалось казенным окладом. В этом случае царь подписывал соответствующий указ воеводе, который уже от себя давал наказ, поручая обратившемуся посадскому человеку сбор таможенных пошлин и даже исполнение некоторых полицейских обязанностей.¹⁵ В городах Центрального Черноземья (Воронеж, Тамбов, Козлов, Белгород, Елец и др.), где суммы сбора таможенных денег были сравнительно невелики, претенденты на должность таможенного откупщика сразу подавали письменную заявку воеводе. Если их было несколько человек, то преимущество имел предложивший более выгодные для казны условия. Особое внимание при этом обращалось на размер «наддачи» сверх таможенного дохода прежних лет. Тот, кто указывал большую сумму «наддачи», имел больше шансов на получение откупа.¹⁶ В любом случае откупщику выдавалась особая откупная таможенная грамота, в которой точно и подробно определялись все откупные условия: виды и размеры платежей, подлежащих взысканию в пользу откупщика, порядок и способы их взимания, место и сроки уплаты и т. п.¹⁷

Откупщик принимал на себя обязательство уплаты правительству «известной суммы денег в известные сроки», что подтверждалось его «поручниками», которые, в случае неплатежа откупщика, обязаны были погасить его задолженность.¹⁸ С этой целью подьячие осматривали и описывали дворы «поручников».¹⁹ «Если вместе с таможенным сбором отдавалась на откуп таможня со всеми ее принадлежностями, — уточнял Д.А. Толстой, — то с откупщиков бралась особая плата и расписка в принятии тех помещений».²⁰ В период своей таможенной деятельности откупщики пользовались

большими привилегиями, в частности освобождались от суда «по всяким против них искам, исключая татинных (воровских. — *М.Ш.*) и разбойных дел».²¹

Хотя к откупщикам и не приставлялось должностных лиц, призванных следить за их действиями при сборе пошлин, тем не менее они состояли под надзором наместников, воевод и дьяков. Представители местной администрации контролировали правильность таможенных мер и весов, оказывали помощь откупщикам в законном взимании пошлин, следили за тем, чтобы они не утаивали штрафы и не корыстовались ими, посылали служилых людей к неплательщикам пошлин и «заповедных» денег, вручали «доправленные» деньги откупщикам и т. п. Если же местная администрация не исполняла этих своих обязанностей, а откупщик по этой причине оставался в убытке, то недобор обыкновенно взыскивался с наместника (воеводы).²²

Как правило, продолжительность откупного срока не превышала одного года. Еще до его истечения (за один-два месяца) откупщик обязан был отказаться от продления откупа, сообщив об этом в московский приказ.²³ В противном случае ему и его поручникам приходилось платить прежние откупные таможенные деньги за следующий год. С откупщика также могли потребовать «наддачу», размер которой обыкновенно с каждым годом возрастал. Иногда ему разрешалось за лишний месяц содержания откупа заплатить деньги, соразмерные с годовой откупной суммой.²⁴ Прежнему откупщику могли принудительно продлить контракт из-за просрочки на две недели платежа откупных денег, а также при условии, что на новый откупной срок не находилось добровольных соискателей.²⁵

Иной раз откуп приобретал характер принудительной государственной службы, напоминая «верную» систему. Так, навязав турчасовским посадским людям откуп каргопольских и турчасовских таможенных пошлин в 1554/55 г., законодатель также установил для них и план по сбору таможенных пошлин на уровне предыдущего года — 2912 р. 62 коп. Причем в случае недоимки турчасовцы обязаны были разверстать недобранные деньги «по себе» и «те деньги полнити от себя».²⁶ Аналогичный факт приводит В.Н. Захаров, отмечая, что «в процессе перехода от откупов к "верной" системе возникли своего рода промежуточные или смешанные формы организации таможен. Так, во Пскове в 1634/35 г. таможенный сбор был на откупе у москвича Лужнецкой слободы И. Скорнякова. Какого-либо отчета о своей деятельности Скорняков не представил и в следующем году от откупа отказался. Других откупщиков найти не удалось, тем более что сумма откупа была весьма значительной и составляла 3295 руб. Тогда этот сбор был отдан на откуп всему посаду, которому пришлось внести деньги и взять на себя организацию таможенного сбора, поручив его кому-либо из псковичей».²⁷

По причине возросшей недоимки, а также из-за непрекращавшихся злоупотреблений со стороны откупщиков в 1681 г. откупная система в таможенном деле повсеместно была отменена. В конце XVII в. «верные» сборщики получили численное преобладание в низовом звене таможенной службы.²⁸ Тогда же было принято несколько законодательных актов о запрещении крестьянам брать на откуп таможенные и питейные сборы. По мнению В.Р. Тарловской, в этом проявилось стремление правительства «передать сбор пошлин в руки выборных целовальников, которые могли выбираться и из крестьян».²⁹

А.Д. Градовский обоснованно утверждал, что «верное управление», эпизодически практиковавшееся в XVI в. и получившее широкое распространение при Михаиле Федоровиче Романове, было вызвано объективной невозможностью подвести таможенное и кабацкое управление ни под начала управления приказного из-за воеводского самоуправства, ни под начала земского управления по причине всеобщей нищеты и запустения после Смуты.³⁰ В глазах правительства оно имело и то преимущество, что избавляло от поиска откупщиков, зачастую не выполнявших своих финансовых обязательств перед казной, не соблюдавших правил ведения документации, и позволяло перекладывать организацию сборов и решение связанных с этим вопросов на купеческие корпорации и посадские общества.³¹ В целом ряде случаев переход таможен в «верные» руки был обусловлен домогательствами частных лиц, обещавших, в случае назначения, собирать больше прежних откупщиков.³² При Алексее Михайловиче значение термина «верный» заключалось в том, что главная ответственность «за правильный и бездоимочный сбор» таможенных и кабацких денег во всем государстве возлагалась на голов и целовальников.³³

«Верный способ» означал, что в таможене по выбору и в соответствии с очередью служили торговые и посадские люди, иногда уездные крестьяне. «Назначение в головы, — указывает В.Н. Захаров, —

всегда оформлялось в виде царского указа, но в соответствии с выборами купеческих корпораций, которые устанавливали и очередность».³⁴ В главные таможи (Московскую Большую, Архангельскую, Новгородскую, Макарьевскую, Астраханскую) голова назначался из московских гостей — представителей купеческой верхушки. Ему в помощь придавались торговые люди гостиной и суконной сотен, а также целовальники из других городов. За недостатком гостей, людей гостиной и суконной сотен выборные головы назначались из городских и посадских людей, но, как правило, из лиц, не принадлежавших к тому городу, куда они назначались. Это практиковалось с целью снижения вероятности злоупотреблений в таможенном деле.³⁵

Таможи, где пошлины собирались «на вере», имели определенную внутреннюю структуру. Начальник таможенной избы назывался *головой*. В крупных торговых центрах голов могло быть двое. Тогда один из них считался «товарищем» и находился в подчинении у своего коллеги.³⁶ Таможенному голове подчинялись целовальники — самая многочисленная категория таможенных служащих. Вспомогательный персонал таможен набирался из подьячих, истопников, сторожей, рассыльных, ходоков, дрягилей (грузчиков) и др.

В 1681 г. именным указом царя Федора Алексеевича официально был установлен порядок замещения должности таможенного головы, невзирая на служебные очереди:³⁷ 1) гостям, торговым людям гостиной и суконной сотен предписывалось выбирать голов в Московскую Большую таможню из своей среды, а в таможи провинциальных городов — из известных им посадских людей; 2) если последних не обнаруживалось, то выбирать в головы предоставлялось населению городов; 3) при отсутствии или малочисленности посадского населения разрешалось выбирать в головы людей из стрельцов, казаков, драгун, пушкарей, затинщиков, воротников, плотников и из иных чинов, которые проживали в тех городах; 4) в случае же малочисленности упомянутых служилых людей выбирать надлежало из среды дворцовых и монастырских крестьян; 5) за неимением в уездах тех городов дворцовых и монастырских крестьян голову следовало выбирать из посадских и из служилых людей других городов. Обязанность выбирать голов и целовальников обыкновенно возлагалась не на всех жителей, а только на «лучших людей», способных нести службы. Формальными критериями, по которым сословные общества призывались отбирать кандидатов в головы, ларечные и рядовые целовальники, являлись: профессионализм, зажиточность, прямотушие, правдивость, грамотность. Впрочем, последнее условие не было обязательным.³⁸

Обычно устанавливалась очередность семей, из которых выбирались головы. Однако в случае необходимости действовал другой принцип: головами приказывалось «выбирать самых добрых и знающих, пожиточных и правдивых людей, кому в сборе государственной казны можно верить, чтобы в том сборе пред прошлыми годами учинить прибыль для пополнения государственной казны».³⁹

Избранный голова приводился к присяге. При Алексее Михайловиче запись ее была следующей: «Аз [имя] целую сей святой и животворящий крест Господень, государю своему, царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси на том, что быти нам у его государева, царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси дела [место] в таможенных головах, и будучи [имя] у его государева дела в таможе сбирати его государева, царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси казна с великим раденьем, в правду, без всякие хитрости, по сему государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси крестному целованью и по уставной грамоте; а таможенными сборами самим нам не корыстоваться, и государевых печатных мер не убавливать и не переменять, и на свои расходы и на торговлю государевых денег себе не имать и никому не давать; и мне [имя] ни на каких людех лишних денег не сбирать и государевыми таможенными деньгами будучи у таможенного сбора, не торговать и тем не корыстоваться и за своими промыслы и за торгом не ходить, и быть безпрестани у таможенного сбора. Также мне [имя] голове над целовальники в таможе смотреть и беречь того накрепко, чтобы целовальники у таможенного сбора, у продажи, и у запасов у покупки были без отлучно, с раденьем и не пьяни, и денег не крали; а клали б деньги за Головину печать в ящики, а мимо ящиков государевых денег никуды не клали; и лишних пошлин с товаров не имали, а имали бы пошлину со всяких товаров и с хлеба по уставной грамоте, и указных мер досматривать по часту, чтоб не переменяли и не убавливали, и никакие хитрости не чинили для своей корысти; а увижу аз [имя] или у кого сведаю, которые целовальники в таможенном сборе учинят какую хитрость, и мне [имя] о том сказать воеводе и писать о том к государю, к Москве, прямо в правду, и ничего мне не утаить никоторого дела. В том я [имя] целую сей святой и животворящий крест Господень государю своему и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси на том на всем, как в сей записи

писано». ⁴⁰ По Соборному уложению 1649 г., право на крестоцелование имели лица мужского пола от 20 лет и старше. ⁴¹

Вступая в должность, таможенный голова по распоряжению воеводы принимал от своего предшественника или прежнего откупщика уставные таможенные грамоты, «все таможенные дела и всякий таможенный завод»: месячные печати, печатные трубки и молотки, весчие контари, терези, пудовые гири и фунты, сосуды, мерные бочки и т. д., удостоверяясь при этом в правильности различных мер; иногда он принимал и деньги, в чем давал две расписки, одна из которых направлялась в Москву, а другая в съезжую избу. ⁴² Отсутствие таможенной грамоты вынуждало голову руководствоваться книгами сборов за предыдущие годы. ⁴³

Продолжительность таможенной службы выборных голов и целовальников обычно не превышала одного года. А.Д. Градовский указывал, что правительство сознательно ограничивало срок службы, так как понимало всю тяжесть повинности исполнять таможенное дело на началах «обыкновенной службы». ⁴⁴ В Архангельске же срок пребывания гостя в должности в первой половине XVII в. составлял два года-год в самом городе и еще год в Холмогорах, но затем сократился до трех месяцев. Несмотря на то что гость в северный город стал назначаться лишь на время навигации и ярмарки, остальные таможенники (таможенный голова — помощник гостя, их «товарыщи» и «двинские целовальники») были обязаны пребывать в Архангельске и Холмогорах до 1 сентября следующего года. ⁴⁵

Как правило, поставление голов происходило в первый день нового года, начинавшегося 1 сентября (Семен день), или спустя два-три месяца после их избрания. Хотя новый таможенный голова обычно вступал в должность после 1 сентября, его расчеты с предшественником производились именно на эту дату, что вынуждало прежнего голову оформлять особую «отпись» с указанием суммы денег, собранных за период после 1 сентября. ⁴⁶ Д.А. Толстой справедливо указывал, что «это делалось для спору, чтобы в том году меж их сборов смут не было и в сметной бы в городской список написать было всякие сборы безсмутно сентября с 1-го числа сентября же по 1-е число». ⁴⁷

Целовальников, состоявших при голове, обыкновенно было несколько человек, однако их число никогда не определялось указами. Воеводе или голове всегда предписывалось выбирать «сколько пригоже» или «сколько было в прежнем году», а в случае необходимости можно было прибавить. Обычно воевода приводил выборных целовальников к присяге. Иногда это делал голова, который в исключительных случаях имел право нанимать целовальников в дополнение к выборным. ⁴⁸ «Большей частью, — указывал Б.Н. Чичерин, — целовальники считались товарищами голов, когда они вместе назначались из Москвы или вместе выбирались местными жителями; но если голова был прислан из Москвы или назначен царем из посадских людей другого города, тогда местные целовальники не считались уже товарищами, а были только подчиненными служителями». ⁴⁹

Целовальники принимали непосредственное участие в сборе пошлин, «записывали полученные деньги, клали их в ларцы, запечатанные печатью головы, но не иначе, как в присутствии всех их». ⁵⁰ Старший из целовальников, имевший доступ к таможенной казне, хранившейся в специальном ящике — «ларе», назывался «ларечным», или «ларешным». Среднее положение занимал «третий» целовальник. Рядовую службу несли «караульные» целовальники, охранявшие таможенную избу, и «ходячие» целовальники, собиравшие пошлины на торговых площадях. Им помогали таможенные дьячки (вели документацию и денежный счет), таможенные сторожа и истопники, или каморники, которые выполняли свои обязанности за небольшое фиксированное жалование. ⁵¹

В круг обязанностей головы и его помощников входило: 1) фиксировать все привозные на продажу (покупку) товары и деньги; 2) осуществлять досмотр товаров против городских таможенных выписей и проезжих грамот, отбирать в казну протаможенные товары, «записывая их особенной статьей в книги», взимать штрафные деньги за нарушение таможенных правил; 3) лично присутствовать при заключении важнейших торговых сделок; 4) держать под контролем процесс ценообразования и непосредственно влиять на определение таможенной стоимости товаров; 5) взимать таможенные пошлины и сборы; 6) следить за воеводами, дьяками и подьячими и их родственниками и людьми, чтобы они никакими товарами не торговали, на соболиные и иные промыслы не отпускали, и деньгами с торговыми людьми не складывались, и чтобы не провозили с собой товаров больше, чем официально разрешалось или следовало из проезжих грамот; 7) записывать все собранные и израсходованные

деньги в таможенные книги, отделяя различные виды таможенных пошлин, означая время, место их взятия, лицо и товары, с которых она взята (в особом счетном списке надлежало «всякие деньги росписать помесечно порознь, сколка в котором месяце каких денег собрано, и что сверх окладу прибрано или не добрано»); 8) выдавать торговым людям на их товары городовые таможенные выписи и проезжие грамоты «за государевыми печатями» с указанием отпущенных товаров, «и что с них взято пошлин» и т. д.; 9) обеспечивать приоритет казны (московского государя) в приобретении иностранных товаров; 10) «свивати и связывати дрягилом», запечатывать печатью покупные товары, вывозимые в другие русские города и за границу; 11) выдавать деньги из сумм таможенных и кабацких пошлин на местные городские нужды;⁵² 12) приобретать все необходимое для осуществления таможенной деятельности и т. д.

С целью увеличения пошлинного сбора по торговым дням голова посылал целовальников по сельским торжкам и ярмаркам.⁵³ Вне его компетенции оставались лишь те торговые места, где пошлины взимали откупщики или монастыри (при наличии у них такой привилегии), а также особо отдаленные районы, жители которых непосредственно вносили в казну установленную сумму в счет торговых пошлин.

Постоянный персонал таможни обычно состоял из нескольких человек (в городах среднего размера — 1—2 *подьячих*). Эти люди назначались воеводами, иногда правительством, получали жалованье от казны или пользовались писчей деньгой от письма всяких бумаг. «Иногда, — отмечал Б.Н. Чичерин, — они нанимались казною и получали наемную сумму из сборных денег. Если же выбор их возложен был на местных жителей, то последние давали выборным подмогу, или же просто нанимали их по уговору».⁵⁴ Избрание подьячих на таможню или кружечный двор отвечало интересам казны, «так как в этом случае отпадала необходимость платить им жалование из казенных доходов».⁵⁵ Расходные книги таможен северных русских городов свидетельствуют, что в 30-е гг. XVII в. годовое государево жалованье таможенных дьяков и подьячих «за таможенное и кабацкое письмо» или «за таможенное всякое письмо» обычно составляло 10—12 р. на человека.⁵⁶

В Архангельской таможне число подьячих было значительным и постоянно увеличивалось: с 5 чел. в 1650-х гг. до 9 в конце 1660-х и до 22 к 1670 г.⁵⁷ В Архангельской таможне до 1648 г. подьячие сидели «из писчей деньги». Затем им было положено государево жалованье 100 р. в год на восьмерых, а в дополнение велено было брать с торговых людей писчее по 2 д. с каждого пошлинного рубля на государя.⁵⁸ До самого конца XVII в. при Архангельской таможне состояли переводчики, которые зачастую привлекались к решению вопросов, возникавших у иностранцев с русскими оптовиками. На них же возлагались обязанности по наблюдению за порядком в корабельной гавани и выгрузкой балласта (в специально отведенных местах), по выведыванию у торговых иноземцев информации, представлявшей определенный военно-политический и экономический интерес в глазах правительства.⁵⁹

Таможенная документация включала «рописные списки», «приходные книги», «расходные книги», «отпускные книги», «обыскные книги», «товарные ценовые росписи» и др. Отмечая разнообразие таможенных книг как по форме, так и по содержанию, К.В. Базилевич указывал, что «в ведении черновых записей и при составлении беловых книг⁶⁰ головы и подьячие руководствовались книгами за прежние годы, "примериваясь" к выработавшейся практике и к сложившимся обычаям таможенной избы».⁶¹ В Архангельске, например, гость обязан был вести ежедневную запись прихода иностранных кораблей, фиксируя, «сколько пришло на тех кораблях каких заморских товаров и кто на них торговых людей». В таможенных книгах также велась подробная запись товаров, отправленных из Архангельска в Москву и другие города страны. По требованию правительства гость отсылал в столицу выписи из таможенных книг, свидетельствующие о покупке товаров в Архангельске русскими людьми, с указанием, какой товар, сколько его, кому принадлежит, с кем отправлен.⁶² Как правило, все таможенные книги содержали сведения о составе торговых людей, ассортименте товаров, их продажной цене. Однако если в начале рассматриваемого периода преобладали подробные записи, то со временем произошел переход к самым кратким. К.В. Базилевич обращал внимание на то, что «точная количественная регистрация товаров по каждому виду в некоторых случаях заменялась названием рода товара и указанием в самой общей форме — "москотильная продажа", "рыбная продажа", "соляная продажа" или даже "товарная продажа"».⁶³

Примечания

- ¹. *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве. (Вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С. 159.
- ². *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 141.
- ³. К примеру, «в 1650 г. велено было набрать знающих людей и послать в Ригу, Ревель и шведские владения, чтоб выведать о политических делах Швеции» (Там же. С. 160).
- ⁴. *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 315.
- ⁵. *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 176, 178.
- ⁶. *Пушкарёв С.Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С. 217.
- ⁷. *Базилевич К.В.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 41. С. 10. Просьба торговых людей о снятии этой повинности была удовлетворена (Там же).
- ⁸. ААЭ. Т. 1. № 367. С. 455.
- ⁹. *Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 132. Были и другие причины, вызывавшие конфликты торговых иноземцев с таможенной администрацией Архангельска. Иностранцы жаловались в Посольский приказ на самоуправство таможенных голов, произвольно вводивших различные торговые запреты, завышавших цену привозных товаров и взимавших излишние пошлинные деньги (см.: *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 65—71).
- ¹⁰. При вступлении в должность избранные лица приносили присягу или, как тогда говорили, «приводились к вере».
- ¹¹. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 405.
- ¹². *Мизис Ю.А.* Организация таможенного дела в Центральном Черноземье в XVII—первой половине XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 267.
- ¹³. Зачастую откупщику предоставлялось право на сбор какой-то одной или нескольких однородных таможенных пошлин (ААЭ. Т. 1. № 331, 332, 334, 335).
- ¹⁴. Там же. № 342, 362, 366 и др. Н.И. Костомаров тоже отмечал, что «монастырские начальства и частные лица, получавшие права сбора торговых доходов, нередко отдавали их на откуп своим крестьянам <...> например, в волостях Спасо-Прилуцкого монастыря» (*Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 136).
- ¹⁵. *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 172—173.
- ¹⁶. См.: *Мизис Ю.А.* Организация таможенного дела... С. 268.
- ¹⁷. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 241; *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 17.
- ¹⁸. *Толстой Д.* История... С. 127.
- ¹⁹. *Мизис Ю.А.* Организация таможенного дела... С. 268.
- ²⁰. *Толстой Д.* История... С. 127. Этот вывод подтверждается результатами изучения вопросов организации таможенного дела в Центрально-Черноземном регионе. «При передаче таможи в откуп, — указывает Ю.А. Мизис, — специально приглашенные оценщики оценивали стоимость строений и имущества, и суммы оценки записывали в росписи» (*Мизис Ю.А.* Организация таможенного дела... С. 267).
- ²¹. *Толстой Д.* История... С. 128.
- ²². Там же. С. 127—128; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 242. Если же открывался факт присвоения штрафных денег, то их полагалось «доправить вдвое» на откупщике и его поручниках (ААЭ. Т. 1. № 335. С. 405),

- ²³ См.: ААЭ. Т. 1. № 312, 331, 334, 335, 342, 362, 366 и др. «А как откупщик тот свой откупной год отдержит, а вперед тое тамги держати за собою в откупу не похочет, и ему та тамга отказатьи в Приказе Большаго приходу боярину князю Ивану Васильевичу Сицкому, до своего откупного сроку за два месяца» (Там же. № 366, С. 454).
- ²⁴ Толстой Д. История... С. 128.
- ²⁵ ААЭ. Т. 1. № 366. С. 454; Чичерин Б.Н. Областные учреждения... С. 404.
- ²⁶ Зимин А.А. К изучению таможенной реформы середины XVI в. // ИА. 1961. № 6. С. 130.
- ²⁷ Захаров В.Н. Таможенное управление... С. 51—52.
- ²⁸ ПСЗ I. Т. 2. № 876, 882; Захаров В.Н. Таможенное управление... С. 52. Поскольку закон 1681 г. оказался недостаточно эффективным, в 1690 г. потребовалось подтвердить отмену откупов и передачу таможен в «верное» управление (АИ. Т. 5. № 201).
- ²⁹ Тарловская В.Р. Торговля России периода позднего феодализма: торговые крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. М., 1988. С. 58.
- ³⁰ Градовский А.Д. История местного управления... Т. 1. С. 175, 181.
- ³¹ Захаров В.Н. Таможенное управление... С. 51.
- ³² Градовский А.Д. История местного управления... Т. 1. С. 179—180.
- ³³ Там же. С. 181.
- ³⁴ Захаров В.Н. Таможенное управление... 52.
- ³⁵ Чичерин Б.Н. Областные учреждения... С. 408—409; Градовский А.Д. История местного управления... Т. 1. С. 178, 180.
- ³⁶ Захаров В.Н. Таможенное управление... С. 52.
- ³⁷ От службы в головах освобождались только те, кто в 1679—1681 гг. находился при исполнении обязанностей (ПСЗ I. Т. 2. № 876).
- ³⁸ ААЭ. Т. 2. № 22. С. 73; ПСЗ I. Т. 2. № 876, 879, 882; Толстой Д. История... С. 118—119; Чичерин Б.Н. Областные учреждения... С. 409—413. К примеру, в Воронеже, типичном южнорусском городе с преобладанием служилого населения, в 1640—1670-х гг. таможей и кабаком руководили воронежские дети боярские по *выбору дворян* и детей *боярских* (Глазьев В.Н. Таможенные и кабацкие головы Воронежа в XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 245). Отмечая факт преобладания на южной окраине государства служилого населения или дворцовых крестьян, Ю.А. Мизис также подчеркивает, что «указы XVII в. допускали выборы в таможенные головы местных детей боярских, стрельцов или пушкарей, а в целовальники иногда выбирали и представителей дворцовых или владельческих крестьян. При выборах голов и целовальников учитывались такие качества, как зажиточность, наличие семьи, отсутствие вредных привычек: страсти к пьянству, игре в карты и кости. Далекое не всегда головы обладали знаниями грамоты и денежного счета. Часто при годовом отчете в 70—90-е гг., когда сумма собранных денег была явно ниже договора, головы ссылались на плохое знание или вообще незнание денежного счета и грамоты» (Мизис Ю.А. Организация таможенного дела... С. 268—269).
- ³⁹ Толстой Д. История... С. 119—120; Чичерин Б.Н. Областные учреждения... С. 414.
- ⁴⁰ Толстой Д. История... С. 120—121.
- ⁴¹ Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 70—71. Гл. XIV, ст. 1.
- ⁴² Толстой Д. История... С. 121; Чичерин Б.Н. Областные учреждения... С. 223—224, 423—425.
- ⁴³ Базилевич К.В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // ПИ. 1936. Вып. 2. С. 74.
- ⁴⁴ Градовский А.Д. История местного управления... Т. 1. С. 180.

- ⁴⁵. ААЭ. Т. 4. № 111. С. 154—155; ДАИ. Т. 3. № 55. С. 185; № 116. С. 428; СПб., 1853. Т. 5. № 40. С. 200; *Толстой Д.* История... С. 120; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 416; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 136; *Исюмов А.Ф.* Размеры русской торговли XVII века через Архангельск в связи с необследованными архивными источниками // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 6. С. 251; *Куриц Б.Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 229.
- ⁴⁶. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52 929. Л. 1—5; Д. 52 935. Л. 1—5; *Толстой Д.* История... С. 121—122.
- ⁴⁷. *Толстой Д.* История... С. 122.
- ⁴⁸. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 415, 417, 422.
- ⁴⁹. Там же. С. 420.
- ⁵⁰. *Толстой Д.* История... С. 126.
- ⁵¹. Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633—1636 гг. / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 139, 286, 332, 350, 359, 392, 399, 403, 538. Согласно Расходной книге Тотемской таможни 1635/36 г., «двум таможенным сторожам дано государева жалованья на полгода Рубль» (Там же. С. 596).
- ⁵². Практика расходования таможенных денег на жалованье различным категориям служилых людей и низшим административным чинам, выдача руги церковнослужителям, проведение ремонтных работ, оплата покупок на казенные нужды и на другие городские нужды была повсеместной, значительной и постоянной. Л.А. Тимошиной удалось установить следующий порядок выдачи денег, утвердившийся в городах Устюжской чети: «Из приказа посылались две грамоты — воеводе и голове, в воеводской грамоте содержалось указание взять необходимую сумму, а в грамоте в таможду — выдать эти деньги "ис таможенново и ис кабацкого збору". Получив такую грамоту, воевода отправлял в таможенную избу память с указанием цели, на которую предполагалось расходовать запрашиваемые средства, и их величины. Таможенный голова, уже имея, в свою очередь, грамоту из чети, выдавал по воеводской памяти требуемые деньги и должен был обязательно записать их в расходную книгу. При этом в распоряжениях Устюжской чети постоянно подчеркивалась недопустимость со стороны таможенных голов выдачи воеводам денег по их требованиям, не подкрепленным грамотами за приписью дьяков, адресованными из приказа в таможду» (*Тимошина Л.А.* Воеводское и таможенное управление... С. 258—259).
- ⁵³. «Хотя, — уточнял К.В. Базилевич, — таможенные головы посылали на торжки и ярмарки своих агентов, собиравших деньги с крестьян "в ящик" (без записи), а при более крупных сделках заносивших их в таможенные книги, однако часть торговых операций несомненно ускользала от регистрации» (*Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг... С. 77).
- ⁵⁴. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 418.
- ⁵⁵. *Шемякин А.И.* История таможенного дела... С. 48.
- ⁵⁶. Таможенные книги Московского государства XVII в. ... С. 139, 286, 359, 370, 392, 403, 538, 596.
- ⁵⁷. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 49.
- ⁵⁸. ДАИ. Т. 3. № 55. С. 200; № 116. С. 422; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 132.
- ⁵⁹. *Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 10. С. 133.
- ⁶⁰. Беловые книги составлялись в конце года таможенным дьячком под контролем головы и целовальников.
- ⁶¹. *Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг... С. 75.
- ⁶². *Исюмов А.Ф.* Размеры... С. 253.
- ⁶³. *Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг... С. 75.

6.5. Финансовая отчетность и ответственность голов за сбор таможенных пошлин

Не подлежит сомнению, что на протяжении XVI—XVII вв. осуществление экономических функций составляло главную задачу деятельности таможенных учреждений. Именно поэтому так важно раскрыть содержание фискальных прав и обязанностей голов и целовальников, показать их развитие в рассматриваемый период.

Можно предположить, что до середины XVII в. господствовал порядок, когда собранные таможенные деньги в известные сроки, которые устанавливались царским указом или по усмотрению местных властей (помесячно, ежеквартально, раз в полгода и др.), передавались наместнику, волостелю или воеводе в приказную (съезжую) избу.¹ А.Д. Градовский подчеркивал, что даже в тех случаях, когда сбор пошлин поручался головам, «общее заведование этим вопросом находилось в руках воевод; с них не слагалась даже ответственность за недобор, через них большею частью посылались собранные деньги, ими предоставлялись отчеты московскому управлению. Приказы, в заведовании которых находились эти доходы, большею частью сносились не с головами, а с воеводами».² Воевода «считал» прежнего голову и его помощников по таможенным книгам, после чего правил недочет, выдавал «отпись» за своей рукой и высылал с приходными и расходными книгами в Москву, где таможенникам снова приходилось отчитываться о проделанной работе.³ Так, в 1664 г. пустозерскому воеводе было велено головам и целовальникам в приходе и расходе собранных таможенных денег «считать каждую четверть года и каждые полгода, а по окончании года, сосчитавши их снова, с остальными деньгами и книгами высылать в Москву».⁴

Постоянные недоимки в сборе таможенных пошлин приводили к тому, что воеводы сваливали вину на голов, а те жаловались на воевод. Однако поскольку ответственность голов за провалы фискальной политики была более очевидной, то чиновники московских приказов вынужденно ограничивали права воевод по финансовым делам. По мере же отстранения воевод от заведования таможенными и кабацкими сборами их власть над головами слабела. При Алексее Михайловиче ответственность за недобор возложена была в первую очередь на голов, затем на целовальников и, наконец, на посадских людей, «которые поставили правительству таких неисправных сборщиков».⁵ В этих условиях воевода зачастую отвечал лишь за своевременную отсылку в московский приказ собранных пошлинных денег. Многие откупщики, головы и целовальники самостоятельно привозили в Москву пошлинные деньги и таможенные книги, не отчитываясь предварительно перед местной исполнительной властью.⁶

Проезжие пошлины, которые взыскивались на мостах и перевозах по поручению самих воевод, целовальники и перевозчики складывали в особые ящики, записывали в книги и привозили в известные сроки в съезжую избу или непосредственно в один из московских приказов.⁷ В конце XVII в. в связи с усилением вмешательства центрального аппарата в сбор таможенных пошлин из Приказа Большой казны на места стали выезжать подьячие с поручением проверить деятельность таможен и выслать в Москву наличные в сборе таможенные деньги.⁸

Уже Новоторговый устав 1667 г. сообщил таможенному управлению земский характер в смысле защиты торговых людей и таможенников от воеводских обид. Указами 1676 и 1677 гг. царя Федора Алексеевича головы и целовальники были поставлены под непосредственный контроль московских приказов. Воеводам запретили в чем-либо «ведать» голов и целовальников и вмешиваться в таможенные и питейные сборы, что вело к дальнейшему ослаблению их произвола на местах. Одновременно ответственность за выборы голов и целовальников, сбор таможенных пошлин и за ежегодную ревизию приходных и расходных книг по всей России возложена была на земских старост и всех посадских людей, которые должны были смотреть за головами и целовальниками, считать их по «таможенным и кабацким сборным черным книгам» и по окончании года высылать с теми книгами и отчетами в Москву.⁹ Таким образом, право надзора за деятельностью голов и целовальников перешло к посадскому населению, и «верное управление получило земский характер».¹⁰

Отныне по окончании года прежние головы и целовальники обязаны были передавать земским старостам свои «черновые книги»,¹¹ собственноручно заверяя их перед всеми мирскими людьми. Эти книги староста ревизовал вместе с лучшими, средними и младшими людьми, после чего делались «беловые книги»,¹² которые сверялись с черновыми и зачитывались в земской избе «всяких чинов людем вслух» и не по одному разу «для того, против сборов своих, таможенные головы и целовальники пошлинные деньги сполна ль написали, и на приказные расходы или себе чего из сбору своего не украли ль». Затем счетные списки за подписью старост и всех мирских людей вместе с беловыми книгами увозились таможенными головами в московский приказ.¹³ «Кроме таможенных книг, — указывает В.Н. Захаров, — головы составляли к отчету и перечневые ведомости по отдельным

видам сборов и по сборам за каждый месяц. Все эти документы в приказе подвергались тщательной проверке»,¹⁴

В Архангельске существовал другой порядок. После окончания ярмарки гость сам увозил собранную казну и таможенные книги, которые передавал в Москве думному дьяку Новгородской чети. Важно при этом отметить, что большая часть таможенного сбора в северном городе «употреблялась на месте для царских покупок и на издержки для содержания таможи, и вообще гость привозил в Москву небольшую часть сбора в звонкой монете».¹⁵ Сохранившиеся таможенные книги других северных городов также свидетельствуют, что значительные суммы из таможенных сборов расходовались на месте. Так, согласно расходной книге Устюга Великого 1635/36 г., 4 августа 1636 г. было уплачено нидерландскому купцу Андрею Фандрыгину «с товарищи» за мушкеты, карабины, пистолеты, шпаги и свинец 1800 р., в то время как на Устюге всего «в отдаче» было 2698.93 р. таможенного сбора.¹⁶

В Сибири казна тоже была заинтересована в использовании на месте собранных натуральных пошлин. Правительство добивалось, чтобы товары «десятинного сбора с Верхотурья», полученные от русских торговых людей, направлялись затем в Тобольск, Нерчинск и Якутск к тамошним таможенным головам для продажи или посылались для продажи и мены в Китайское государство. Верхотурский, тобольский и нерчинский таможенные головы обязаны были два-три раза в год писать в Москву о том, «куда сколько послано будет, и кому отдано, и что денег в сборе».¹⁷

Несмотря на то что во всех наказах таможенным головам предписывалось по окончании службы незамедлительно являться в Москву, многие из них нарушали установленные сроки отчетности. Это вынуждало приказы повторно отправлять на места грамоты с требованием выслать таможенных голов для отчета. В.Н. Захаров объясняет это и стремлением таможенников и местных властей к сокрытию каких-либо злоупотреблений; и неспособностью того или иного головы собрать к определенному сроку необходимую денежную сумму; и недисциплинированностью торговых людей и покупателей казенной водки, допускавших задолженность по оплате; и стремлением таможенников избежать крупных расходов и бюрократической волокиты в столичном городе. Поскольку проезд и проживание в Москве в ожидании проверки счетов оплачивались самими таможенниками, что было для них весьма накладно, постепенно в практику вошли сборы на «подмогу» голове, которые собирали как с его сослуживцев, так и со всего посадского мира.¹⁸

Таможенная служба голов и целовальников была безвозмездной и считалась почетной. Несмотря на то что головы и целовальники, проявившие служебное рвение в сборе таможенных денег, могли рассчитывать на получение жалованья от царя «по его государскому милосердному рассмотрению»,¹⁹ на деле «денежная подмога» выдавалась крайне редко. «Царские награды, — свидетельствовал англичанин С. Коллинз, — состоят почти всегда из шелку, соболей, сукон, бархату и парчи».²⁰ Иногда правительство переводило торговых и посадских людей «за службу и радение» в суконную и гостиную сотни, назначало гостями, освобождало от уплаты проезжих пошлин и т. д.

По свидетельству Г.К. Котошихина, если купцы, будучи в головстве в таможе и у иных сборов, перекрывали доход предыдущего года, и им за ту службу от царя бывали похвала и жалованье: «...по купку или по ковшу серебряному, да по сукну, да по камке; а товарищам их, целовал-ником, по ковшу ж серебряному да по сукну и по тафте, смотря по прибыли и по человеку».²¹ А.И. Шемякин уточняет, что «награда за "прибор", собранный сверх положенного "оклада", обычно выражалась на протяжении всего XVII века в пожаловании нескольких аршин дорогих тканей — сукна, тафты, атласа или камки, а также мехов, соболей и куниц на шубу. Когда прибор в сборе таможенных пошлин достигал значительных размеров — нескольких тысяч рублей, кроме тканей и мехов голове жаловался иногда еще и серебряный ковш».²² По наблюдению же Н. Оглоблина, государево жалование в виде серебряного ковша, соболей и шелковых отрезков выдавалось за «прибор» даже нескольких десятков рублей. Размер вознаграждения в этом случае был таким же, как и за «наддачу» в несколько тысяч рублей (лишь за обычный сбор, не выходящий за пределы сметы, награда не полагалась). Иногда голова, доставивший меньше «прибора», получал более ценный подарок, чем тот, кто прибрал больше пошлинных денег.²³ Правительство вообще редко награждало голов за прибыльные сборы, исходя исключительно из размера полученной ими таможенной прибыли. Видимо, оно сознавало зависимость суммы таможенных поступлений от состояния рынка и размаха торговой деятельности, и поэтому при оценке результатов деятельности таможи решающее значение придавалось не установленному заранее окладу таможенного сбора, а добросовестности и профессионализму исполнителей — голов и целовальников.²⁴

Когда же результатом таможенной деятельности становилось сокращение денежных поступлений против прежних лет (по причине неумелого или нерачительного управления), с виновных взыскивали неустойку, их били батогами (палками или толстыми прутьями с обрезанными концами) на правееже и даже сажали в тюрьму. Впрочем, в конце 1627 г. вышел царский указ о неправееже «недоборных денег» с тех таможенных голов и целовальников, невиновность которых доказывалась обыском. Неудивительно, что освобождение от должности «почиталось за особенную милость».²⁵

Контролируя поступление таможенных сборов, правительство обыкновенно обращало доход текущего года в «оклад» для следующего, если только этот доход не был меньше дохода предыдущего года. При значительной разнице в сборах за несколько лет казна принимала во внимание несколько окладов: наиболее крупный из них назывался «большим окладом», но кроме него иногда различались еще «средний» и «малый». Если таможенный сбор за отчетный период уступал «большому окладу», наступала ответственность голов и целовальников, мера которой определялась величиной и причинами недобора: недостача на сумму менее 100 р. «доправлялась» на них «без сыску»; большой недобор имел следствием «повальный обыск» или «большой повальный сыск», в ходе которого устанавливались причины и размер недостачи.²⁶

Добиваясь в интересах следствия правдивых показаний от местных и сторонних «обыскных людей», воеводы могли им угрожать: «...кто в обыску скажет неправду, — говорилось в царском указе от 28 февраля 1677 г., — а после в том будет уличен, и тем быть в жестоком наказанье, а за ту их вину взяты будут к Москве с женами и с детьми на вечное житье в службу, а двory их и животы и промыслы взяты будут в платеж недоборных таможенных денег».²⁷ Одновременно поощрялось доноительство. Требуя от земских старост и всех посадских людей неусыпного контроля над деятельностью голов и целовальников, правительство ставило перед ними следующую задачу: «...а будет кто из стороны усмотрит где головино и целовальничье воровство и корысть и в том на них известит, а сыщется про то допряма, и тому изветчику тех воров отданы будут дома и животы и промыслы».²⁸

Если в ходе следствия выяснялось, что никакого «воровства и хитрости» со стороны голов и целовальников не было, они освобождались от материальной ответственности и отпускались из Москвы «без задержания».²⁹ Когда выявлялись факты взяточничества, хищений, утайки, растрат и других злоупотреблений или выяснялось, что таможенный недобор произошел по причине нерадения голов, целовальников и перевозчиков, то ущерб полагалось возместить самим таможенникам.³⁰ В случае же имущественной несостоятельности голов и целовальников перед казной недостающая сумма взыскивалась с земских старост и всех посадских и уездных людей, «потому что учинятся те недоборы за неосмотром их и за их выборами».³¹ Как можно заметить, заставляя голов и целовальников отвечать за убытки против «оклада», власти фактически навязывали им откупное содержание таможен.

Казалось бы, что с вызреванием решения о полной ликвидации откупов (1681) на первый план должен был выступить казенный характер таможенной службы, предусматривающий ослабление имущественной ответственности верных голов и целовальников за недобор, тем более что «по сыску» фактов «воровства» и «хитрости» обычно не выявлялось, а значит, и недоимку по таможенным сборам взыскивать было не с кого. Видимо, это побудило патриарха Московского и всея Руси в 1679 г. хлопотать о возложении на таможенников лишь уголовной ответственности за нарушения по службе с конфискацией всего имущества в казну и сложении своих гражданской (материальной) ответственности (предлагалось «считать их по приходу и расходу», т. е. без оглядки на оклады и сборы прошлых лет). Однако бояре не согласились с мнением патриарха. Исходя из фискальных интересов государства, они не решились отменить материальную ответственность за таможенные «верные сборы», ограничившись уголовной. Учитывая же незначительность финансовой отдачи от личной ответственности выборных «по сыску», правительство решило заменить ее коллективной ответственностью избирателей «без сыска» и «недоборы взыскивать с земских людей без всякого следствия о злоупотреблениях».³²

Как можно заметить, реформа таможенного управления, проводившаяся детьми Алексея Михайловича, не смогла до конца преодолеть свойственные ему внутреннюю противоречивость и эклектичность. Говоря словами Б.Н. Чичерина, до конца XVII в. российская таможня представляла собой «странную смесь выборного начала, очередных служебных обязанностей, *тимократии* (власть честолюбивых. — *М.Ш.*) и правительственного назначения».³³

Примечания

- ¹ ААЭ. Т. 2. № 22. С. 73; СПб., 1836. Т. 3. № 124. С. 175; № 143. С. 203; № 241. С. 365; Таможенные книги сибирских городов XVII века; Сургут и Тара / Гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 60, 66; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 224—225, 436. По-видимому, финансовый контроль местной администрации за деятельностью откупщиков изначально не был строгим. Так, согласно откупной Каргопольской и Турчасовской таможенной грамоте 1554/55 г., таможенным откупщикам предписывалось привозить собранные таможенные деньги «на Москву царевым и великого князя казначеем к Федору Ивановичу Сукину, да Хозяину Юревичю Тютину, на срок на Покров святити Богородицы, лета 7060 четвертаго октября в первый день» (*Зимин А.А.* К изучению таможенной реформы... С. 130).
- ² *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 176. И.Д. Беляев тоже отмечал, что «воевода иногда отвечал за недобор податей и других казенных доходов» (*Беляев И.Д.* История... С. 530).
- ³ *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 436—437.
- ⁴ Там же. С. 233. До 1660 г. воеводы городов, подведомственных Приказу Большого прихода, могли направлять в московские приказы голов и целовальников с полугодовыми отчетами, но затем лишь один раз в году, после 1 сентября (Там же. С. 436—437).
- ⁵ *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 436—449; *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 177, 180, 182—188.
- ⁶ См.: ААЭ. Т. 1. № 312. С. 376; № 338. С. 410; № 342. С. 414; № 362. С. 443; № 366. С. 452; ДАИ. Т. 3. № 55. С. 200 и др.; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 241—242. В пользу этой версии свидетельствует и сохранившаяся в Государственном архиве Ярославской области отписка угличского воеводы Иевко Сабакина (1638/39) об исполнении наказа паря Михаила Федоровича, исходившего из Приказа Большого двorca, о направлении в Москву таможенного головы и целовальников с собранными таможенными и кабацкими деньгами (*Шемякин А.И.* История таможенного дела... Приложение № 12. С. 178).
- ⁷ *Толстой Д.* История... С. 104; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 220.
- ⁸ *Захаров В.Н.* Таможенное управление... С. 71—72.
- ⁹ АИ. Т. 5. № 10, 125; ДАИ. Т. 7. № 66/1. С. 309; ПСЗ I. Т. 2. № 642, 679; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 234—235, 437; *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 184—188; *Захаров В.Н.* Таможенное управление... С. 70—71; *Шемякин А.И.* История таможенного дела... Приложение № 21. С. 190—192. Земские старосты и все посадские люди обязаны были смотреть, чтобы таможенники, «будучи у таможенных и у кабацких сборов, государскую казну не крали и не пропивали, и ничем не корыстовались, и своими товарами безпошлинно не торговали <...> и в таможенных и в кабацких сборах радели и во всем искали прибыли» (АИ. Т. 5. № 125. С. 215).
- ¹⁰ *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 186—187.
- ¹¹ Порядок таможенных записей «черновых книг» отличался тем, что каждый торговый человек, производивший более или менее продолжительную торговлю, «имел в таможенной книге свою "статью", которая начиналась в тот день, когда в первый раз после нового года (1 сентября) в таможенную избу являлся товар владельца <...> Многие торговые люди <...> начинали свою "статью" в первых числах сентября, представляя остаток непроданных товаров — "остатый товар от прошлого года". После первой записи оставлялось свободное место размером в одну или несколько страниц, в зависимости от предполагаемого размера торговли. Затем в хронологическом порядке начиналась запись следующего торгового человека. В оставленных чистых листах в течение года заносились все операции: прибытие нового товара, приезды и отъезды приказчиков с товаром или без товара, продажи и покупки. Основанием для этих записей <...> обычно служили росписи и ярки, которые в письменном виде на отдельных листках бумаги подавали в таможенную избу сами торговые люди <...> Очень часто, вместо того чтобы переписывать в книгу товар, занесенный в роспись, *последняя* приклеивалась к соответствующему месту таможенных записей» (*Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг... С. 79—80).
- ¹² За редким исключением именно «беловые книги», содержащие обработанные и систематизированные записи и представлявшиеся в качестве годовых отчетов в московские приказы, сохранились к настоящему времени в архивных фондах (*Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг... С. 78).
- ¹³ ПСЗ I. Т. 2. № 679, 882; АИ. Т. 5. № 125. С. 215; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 437—438. С 1680 г. городские таможенные книги проверялись в Приказе Большой казны по спискам с таможенных выписей из Большой таможни, которая регистрировала все привозимые в Москву и вывозимые из Москвы товары (*Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 154).

14. *Захаров В.Н.* Таможенное управление... С. 63.
15. ААЭ. Т. 4. № 111. С. 154; ДАИ. Т. 3. № 55. С. 200; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 66, 78. Самых таможенных книг не сохранилось, но до нас дошли их официальные копии, так называемый «четвертной экстракт» в общих отчетах — «сметных книгах» по Новгородской чети (*Исюмов А.Ф.* Размеры... С. 252).
16. Таможенные книги Московского государства XVII в. ... С. 285.
17. ПСЗ I. Т. 3. № 1654.
18. *Захаров В.Н.* Таможенное управление... С. 63—64.
19. ПСЗ I. Т. 2. № 679; АИ. Т. 5. № 125. С. 215—216.
20. *Коллинз С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / Перевод с англ. П. Киреевского // ЧОИДР. М., 1846. Кн. I. С. 19.
21. *Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 288. Гл. 10, ст. 6.
22. *Шемякин А.И.* История таможенного дела... С. 75.
23. *Оглоблин Н.* Московская померная изба. С. 18—22.
24. Там же. С. 19—21; *Захаров В.Н.* Таможенное управление... С. 61—62.
25. Законодательные акты... Тексты. № 160. С. 133; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Комментарии / Под ред. Н.Е. Носова и В.М. Панеяха. Л., 1987. № 160. С. 159; *Котошихин Г.К.* О Московском государстве... С. 288. Гл. 10, ст. 7; *Голстой Д.* История... С. 122; *Захаров В.И.* Таможенное управление... С. 61—62; *Шемякин А.И.* История таможенного дела... С. 77—82. «Правеж, — отмечал А.Д. Градовский, — был, как предполагают, одно из печальных наследий татарского времени и заключался в том, что неисправных плательщиков сажали в тюрьму и каждый день выводили на торг и били по ногам тонкими прутьями. Операция эта продолжалась до тех пор, пока плательщики не вносили податей» (*Градовский Л.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 199). И.Д. Беляев уточнял, что при взыскании штрафных денег «праветчики брали виновных на поруки, а тех, кто не мог представить ни денег, ни поручителей, держали под арестом и каждодневно приводили к судейскому дому для правежа посредством битья палками по пяткам и икрам. По тогдашним законам правеж продолжался не больше месяца, после чего для уплаты по взысканию продавалось имение виновного» (*Беляев И.Д.* История... С. 444).
26. ПСЗ I. Т. 2. № 679; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 9.
27. ДАИ. Т. 7. № 66/II. С. 313—314; ПСЗ I. Т. 2. № 679.
28. ПСЗ I. Т. 2. № 679; АИ. Т. 5. № 125. С. 215.
29. ПСЗ I. Т. 2. № 679. По общему правилу, повальные обыски не выявляли серьезных злоупотреблений со стороны голов и целовальников. В этом были заинтересованы и посадские люди, «которым правительство постоянно грозило ответственностью за "воровство" выбранных ими голов и целовальников» (*Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 9—Ю). В.Н. Захаров тоже отмечает, что «в повседневной документации приказов дела о взыскании недоборов с таможенников встречаются редко» (*Захаров В.Н.* Таможенное Управление... С. 61).
30. В Архангельске недобор пошлинных денег положено было доправлять на госте, головах и целовальниках в двойном размере (ДАИ. Т. 3. № 55. С. 194, 202—203; № 116. С. 416; Т. 5. № 40. С. 202).
31. ААЭ. Т. 1. № 338. С. 411; № 367. С. 455; АИ. Т. 5. № 10. С. 19; № 125. С. 215; ДАИ. Т. 7. № 66/IV. С. 315—317; ПСЗ I. Т. 2. № 679, 882; *Семенов А.* Изучение... Ч. 1. С. 30; *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 231—232, 438, 440—447; *Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 186—187; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 9—10; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк... С. 47. По-видимому, до того времени «верная» система «не предполагала необходимости ответственности общин за исправность доставления таможенных сборов», отличаясь тем самым от земского управления второй половины XVI в. (*Градовский А.Д.* История местного управления... Т. 1. С. 174).
32. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 443—444; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство... С. 10; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк... С. 47—48.
33. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения... С. 414.

7. Торговое и таможенное право в XVI—XVII вв.

7.1. Торговое и таможенное законодательство в XVI — первой половине XVII в.

С конца XV в. все торговые иноземцы могли свободно приезжать в порубежные города Русского государства. Кроме этого общего права дополнительно заключались международные договоры, издавались жалованные и проезжие грамоты, распоряжения центрального правительства, обращенные к местным властям, регулировавшие торговлю иностранных купцов. Московские государи также посылали к монархам других стран особые грамоты с извещением о предоставлении их подданным тех или иных таможенных привилегий. Важно отметить, что все эти «титулы», в отличие от общего права приезда, имели силу лишь по отношению к отдельным пользователям, будь это известные народности, торговые компании или физические лица.¹

На первое место среди форм выражения этого особенного права А.С. Мулюкин ставил международные договоры, разделы которых о торговле «исключали право купцов из сферы односторонней воли территориальной власти и ставили его под контроль международного общения».² В XV—XVI вв. такие договоры заключались с Дерптским епископством и Ливонским орденом и отдельными ливонскими городами, Ганзейским союзом, Данией, Пруссией, Священной Римской империей, Литвой и Польшей, Швецией, Турцией, и в каждом из них оговаривалось право иностранных гостей на сам приезд в Россию и свободный выезд из страны, что обычно выражалось в указании на «чистый путь», «без зацепок».³

В XVII в. прослеживается тенденция к вытеснению торговых иноземцев с внутреннего русского рынка в порубежные города. А.С. Мулюкин подчеркивал, что правительство России «старалось насколько возможно ограничивать право торговли в Москве, и только крайняя необходимость заставляла открывать столицу для западной торговли».⁴ В связи с этим практика заключения международных договоров постепенно отошла на второй план, и преобладающей формой права, регулирующей пребывание иностранцев в России, стали *жалованные и проезжие грамоты*. Международные договоры имелись лишь с Польшей, Швецией и Турцией. Так, между Россией и Швецией в 1617 г. был подписан *Столбовский мир*, вступивший в силу в 1618 г. По его условиям подданные шведского короля могли «вольно и беспомешно» торговать в Москве и других внутренних русских городах (всем остальным торговым иноземцам в тот период времени приходилось испрашивать особые жалованные и проезжие грамоты). Им также разрешалось иметь торговые дворы в Москве, Новгороде и Пскове, однако освобождения от пошлин при этом не предусматривалось.⁵

Кардисский мир 1661 г. восстановил статьи мирного договора 1617 г. Алексей Михайлович подтвердил прежнюю привилегию подданных шведского короля свободно торговать во всех своих пограничных и внутренних городах (достаточно было иметь при себе проезжие грамоты «от того места начальников и приказных людей, откуда они приехали»). Подобные же обязательства принимала на себя и другая сторона. Статьи Кардисского договора о торговых привилегиях шведских подданных в России и русских в Шведском королевстве подтверждались затем в Плюссе (1666) и Москве (1684).⁶

Покровительствуя духовенству и светским феодалам, правительство имело обыкновение выдавать отдельным земельным собственникам *жалованные грамоты*, наделяя их правом взимать известные торговые и проезжие пошлины либо избавляя от уплаты таковых. Начало этой практики относится еще к удельному периоду, однако в полную силу она проявилась в едином Русском государстве, когда власть сконцентрировалась в руках московского князя, ставшего единственным источником правовых норм.⁷

По источнику пожалования все грамоты можно поделить на три разряда: одни исходили от великих князей, другие — от служилых князей, а третьи — от духовенства.⁸ При этом грамоты, подписанные служилыми князьями, являлись законодательными актами лишь постольку, поскольку пожалование подтверждалось государственной властью в лице великого князя. По предмету пожалования они также разделялись на три разряда «совершенно различных актов правительственной деятельности».⁹

Жалованные грамоты в узком смысле — это дарственные акты на имущество, в том числе на сбор мыта и торговых пошлин. Обычно такие жалованные грамоты выдавались монастырям, реже боярам, дворянам и другим представителям военно-служилого сословия. К тому же последним, как правило, жаловались лишь проезжие сборы, исключая другие таможенные пошлины.¹⁰

Монастыри и частные лица обращались с челобитьями к царю, ходатайствуя об открытии в принадлежавших им селах и городках торжков и перевозов и предоставлении права на таможенный сбор. При этом они добивались издания *уставных таможенных грамот*, без которых условия пожалований были невыполнимы. Одновременно землевладельцы пытались обосновать экономическую целесообразность проектов, доказывали, что их осуществление не приведет к обострению конкуренции с другими местными рынками и не станет причиной сокращения сборов в действующих таможах. Как правило, царь санкционировал открытие новых рынков, устанавливал ярмарочные дни и позволял челобитчикам собирать пошлины в свою пользу, руководствуясь уставной таможенной грамотой (обычно за фиксированную откупную или оброчную сумму).¹¹ Если же обнаруживалось, что в связи с очередным пожалованием нарушались сложившиеся ранее товарные потоки и происходил недобор казенных таможенных сборов, то пожалование отбиралось. Привилегированному монастырю впредь запрещалось собирать таможенные пошлины, а в монастырское село направлялись верные таможенные головы и целовальники из местных зажиточных и степенных крестьян, которые приводились к присяге, обеспечивая сбор таможенных пошлин на государя по местной уставной таможенной грамоте.¹²

От новоявленных «грамотников» (главным образом монастырей и других духовных корпораций) власти требовали, чтобы дороги, мосты и плотины содержались в рабочем состоянии. Потерпевший от их неисправностей имел право на возмещение ущерба за счет владельца мыта.¹³ Самовольно учрежденные мыты уничтожались или отбирались в казну. За злоупотребления и чинимые торговым людям притеснения даже законно учрежденные мыты отбирались в казенное управление или уничтожались.¹⁴

Спорным остается вопрос о праве частных земельных собственников произвольно устанавливать в своих владениях мыты, перевозки и другие проезжие пошлины. Так, Ю.А. Гагемейстер полагал, что проезжие пошлины «нимало не принадлежали к преимуществам верховной власти, будучи сопряжены с поземельным владением».¹⁵ Д.А. Толстой соглашался с тем, что мыты содержались не только правительством, но и частными землевладельцами. Вместе с тем он полагал, что «всякой мыт долженствовал быть утвержден правительством».¹⁶ Мнение Ю.А. Гагемейстера разделял И.Д. Беляев, который тоже настаивал на том, что в древности право на мыт было соединено с правом на поземельную собственность. Защищая этот тезис, он ссылаясь на Окружную царскую грамоту 1596 г., якобы содержащую указание на то, что в прежнее время частные землевладельцы могли взимать мытную пошлину в свою пользу, не дожидаясь царского указа. По словам И.Д. Беляева, отмена частных мытов в конце XVI в. произошла не по причине их противозаконности, а под тем предлогом, что царским послам и всяким проезжим людям чинились излишние поборы.¹⁷

С последними доводами решительно не соглашался Е.Г. Осокин. «Если бы частные владельцы, — писал он, отвечая на критику И.Д. Беляева, — имели право на своих землях без позволения правительства собирать проезжие пошлины, то князья московские и удельные не раздавали бы своим детям по духовным завещаниям городов и уездов вместе с мытами, как это мы видим, например, в духовной грамоте 1328 г. Ивана Калиты, также в духовных грамотах: 1356 г. Ивана II, 1410 г. князя Владимира Андреевича и 1434 г. князя Георгия Дмитриевича Галицкого».¹⁸ Это мнение Е.Г. Осокина разделяли Н.Я. Аристов и И.Я. Рудченко. «Иногда, — указывал Аристов, — сбор мыта князья делили по частям, а также мыто давалось отдельно от поземельного владения. Мыто дарили в виде пожалования духовенству и боярам, как вместе с волостями, так и отдельно от них, и частные владельцы собирали его в свою пользу».¹⁹ В пользу этой версии говорит и то, что иногда право на сбор пошлин предоставлялось с условием ежегодной уплаты денежного оброка в установленном размере. Так, предоставив в 1557 г. Симонову монастырю собирать в монастырском селе Весь Егонская тамгу, пуд и померное, Иван IV потребовал с монастырских старцев «оброку <...> с того Вельского торгу, за тамгу и пуд и за померное, велели имать с году на год по тридцати по пяти рублей».²⁰ С.М. Каштанов акцентирует внимание на том, что «некоторые учреждения (чаще всего церкви и соборы, реже монастыри) получали право на сбор таможенных или проездных пошлин за пределами их вотчины».²¹

Другая особенность русского законодательства заключалась в том, что сохранение привилегий в потомстве ничем не гарантировалось. Обычно права и привилегии, предоставленные жалованными грамотами, становились проявлением личной милости того или иного государя. Так, в конце 1678 г. князю Хасбулату Черкесскому за верную службу было предоставлено пожизненное право на «терскую таможенную пошлину», которую до того собирали верные головы и целовальники. По замыслу законодателя, это пожалование должно было компенсировать князю «годовое денежное и хлебное жалованье».²²

Зачастую отмена прежних и выдача новых грамот приурочивались к началу нового царствования. При новом государе жалованная грамота, выданная прежним, могла «стать не в грамоту», т. е. утратить свою силу.²³ Поэтому при перемене на царском троне и при вступлении в наследство лицу, получившему пожалование, всякий раз приходилось обращаться с просьбой о его подтверждении. «Обычно, — указывал П.П. Смирнов, — оно принимало форму подписания грамоты на имя нового государя, т. е. на обороте грамоты делалась соответствующая помета, причем во второй половине XVII века часто в помету включалась оговорка, что грамота сохраняет свою силу опричь тех статей, которые "отговорены", т. е. отменены новыми государевыми указами и уложениями».²⁴ Иногда ранее выданная грамота могла быть и вновь пожалована по прежней грамоте в период одного царствования в случае утраты или порчи.

Как бы то ни было, еще при Иване III началось ограничение таможенных привилегий церкви путем включения в грамоты оговорки: «опрочь церковных пошлин», которая могла свидетельствовать о лишении духовенства права взимать *номерное, весчее, перевоз, пятенное* и другие таможенные пошлины.²⁵ Одновременно утверждался порядок, когда утраченные привилегии монастырей и церковей заменялись регулярными денежными выплатами — *ругой*.²⁶ К примеру, 28 января 1497 г. великий князь Иван III подтвердил лишение Покровского монастыря (г. Углич) права на сбор в Угличе «пудового весу». Взамен же монастырю гарантировался ежегодный доход в размере 13 р. из поступлений местной таможи, «кто учнет на Угличе тамгу брата».²⁷ В феврале 1512 г. под благовидным предлогом был лишен таможенной привилегии Воскресенский монастырь (г. Череповец). Московский государь Василий III отнял у него право на сбор померной пошлины, повелев белозерским откупным таможенникам выплачивать монастырю ежегодную компенсацию «из таможенных денег, по пятидесяти рублев».²⁸

В отдельных случаях право на организацию торгового сбора таможенных пошлин предоставлялось на возмездной основе: *грамотнику* надлежало ежегодно выплачивать казне фиксированную оброчную сумму. Так, в XVI в. пошехонский Адрианов монастырь получил право держать торговлю «на речке на Пертуе у живоначальные Троицы да у Ивана Богослова». Одновременно на игумена Алексея «с братиею» был положен оброк: «...за тамгу, и за пуд, и за пятно, и за помер, и за явку, и за всякие пошлины с году на год по полтине».²⁹

Важно отметить, что процесс ограничения финансовых привилегий крупных землевладельцев уже в XVI в. не отличался прямолинейностью. Усилия правительства в этом отношении не увенчались полным успехом (к примеру, право на сбор торговой пошлины — *пятна* — осталось в руках монастырских властей). В период опричнины (1565—1572) была возобновлена практика наделения монастырей правом собирать торговые и проезжие пошлины,³⁰ которая не прекратилась и в XVII в. Так, жалованной грамотой Михаила Федоровича, выданной в 1622 г. ростовскому Борисоглебскому монастырю, подтверждалось дарованное «прежними государями царями и великими князьями» право клеймить продаваемых в монастырских селах и деревнях лошадей и собирать «монастырское пятно» и таможенный штраф «пропятнение».³¹ В 1676 г. царь Федор Алексеевич предоставил Новинскому монастырю право собирать рублевую пошлину с продажи привозных товаров в монастырском селе Спасском Пошехонского уезда.³²

В стремлении прекратить произвольные поборы и другие злоупотребления на частных перевозах правительство Федора Ивановича—Бориса Годунова издало в 1596 г. указ, по которому все частные мыты и перевозки присоединялись к казенному управлению. К таможенному сбору назначались верные головы и целовальники, которые, руководствуясь новой таксой, обязаны были половину собранных денег отдавать вотчинникам, помещикам и монастырям, на чьей земле ранее находились мыты и перевозки, а другую вносить в государеву казну.³³

Поскольку указ 1596 г. «едва ли <...> везде исполняли», Соборным уложением 1649 г. вновь узаконивалось существование частных поместных или вотчинных мытов, возникших «по старине» или по жалованной грамоте, но одновременно вводился запрет на «новосчинные всякие мыты, перевозки, мостовщины», которые следовало «взять на государя». ³⁴ Уставной грамотой 1654 г. запрещалось отдавать частные мыты и проезжие пошлины на откуп. ³⁵ 3 февраля 1700 г. царский указ «О сборе пошлины на сельских торжках выборным бурмистрам» упразднил привилегию частных землевладельцев на таможенный доход с торговых мест, находившихся «на откупу и на оброке». ³⁶

Льготные грамоты (иммунитеты) — это, во-первых, жалованные грамоты, содержащие в себе освобождение грамотника духовного звания и светского от общих тягостей местного суда (*несудимые грамоты*); во-вторых, грамоты, содержащие освобождение от различных податей и повинностей в пользу местных властей и пошлин при проезде и перевозке товаров (*обельные грамоты*); в-третьих, грамоты, освобождавшие грамотника как от тягостей суда, так и от основных налогов и повинностей — дани, ямских денег, тамги и других, т. е. содержащие полное освобождение (*тарханные или тарханно-несудимые грамоты*)? ³⁷

Получателями тарханных грамот обычно становились монастыри в лице архимандритов, игуменов и монастырских братьев, которые неустанно добивались у великих и удельных князей, чтобы их торговым людям неизменно предоставлялась свобода передвижения по торговым делам, несмотря на сохранявшуюся политическую раздробленность Северо-Восточной Руси. ³⁸

Древнейшая из сохранившихся княжеских грамот на право беспошлинной торговли была выдана в 20-х гг. XIV в. Ярославскому Спасо-Ярославскому монастырю. ³⁹ В следующем столетии такой привилегией пользовались московский Чудов, Архангельский собор в Кремле, звенигородский Саввин Сторожевский, тверской Успенский Отрочь, суздальский Спасо-Евфимьев, нижегородский Спасо-Благовещенский, вологодский Глушицкий, Кириллов Белозерский, Ферапонтов и многие другие монастыри. ⁴⁰ По монастырским ходатайствам для монастырских крестьян, сельчан и других людей определялась зона беспошлинной торговли, которая либо совпадала с пределами княжества, либо ограничивалась монастырскими владениями или территорией какого-то одного монастырского села. ⁴¹ Право беспошлинной торговли за пределами этой зоны особо оговаривалось. ⁴²

В XV в. тарханные грамоты выдавались правительствами целого ряда княжеств, причем наибольшее их количество падает на 1460—1480-е гг. Так, Троице-Сергиеву монастырю жалованные грамоты выдавались князьями московскими, тверскими, волоцкими, углицкими, правительством Новгородской республики, что позволило Л.В. Черепнину говорить «о планомерной таможенной политике, проводившейся союзом русских князей под главенством Москвы». ⁴³ К примеру, в 1448—1454 гг. новгородцы дали на вече Троице-Сергиеву монастырю жалованную грамоту, запретив посадникам двинским, холмогорским и вологодским, их приказчикам и пошлинникам взимать пошлины и судить монастырских старцев или мирян, посылаемых монастырем на Двину зимой на возах, а летом на 11 ладьях. В грамоту был включен особый пункт о покровительстве Великого Новгорода монастырю, призывавший бояр двинских, житых людей и купцов оборонять его представителей, «хотя коли будет Новгород Великий с которыми сторонами не мирен», блюсти «монастырского купчиноу и его людеи как своих, занеж весь господин Великий Новгород жаловал Сергеев монастырь, держать своим. И вы, посадники, бояре, и их приказники и вси пошлинники, сее грамоты Новгородские не ослыштесь». ⁴⁴ Состав таможенных элементов этой жалованной грамоты включал гостиное, подоральное (поральное), подзорное, описчее, подъездное, померное и побережное. Аналогичная новгородская грамота 1474/75 г. исключала лишь побережное. Примерно такой же перечень пошлин содержали жалованные грамоты Ивана III Кирилло-Белозерскому монастырю (1480) и Ивана IV Спасо-Прилуцкому монастырю (1534). ⁴⁵

Иван IV, предоставивший Троице-Сергиеву монастырю привилегию торговать беспошлинно солью и другими товарами, также содействовал размаху его хозяйственной деятельности. Соловецкий монастырь, имея право продавать беспошлинно до 130 000 пудов соли, «платил в казну 530 р. за все угоды и промыслы, какие только принадлежали ему». Свяжский монастырь мог ежегодно нагружать 20—30 тыс. пудов соли в Астрахани на собственное судно, а затем продавать или выменивать ее беспошлинно на хлеб, масло, мед, сукна, меха, овчины, лошадей, скот и другие товары для монастырского обихода. ⁴⁶ «Монастырским людям, — отмечал Е.Г. Осокин, — позволялось не только беспошлинно привозить монастырские припасы на продажу, но иногда торговать из лавок мелкими товарами для монастырского обихода». ⁴⁷

Иногда и целые города освобождались от уплаты различных податей и сборов. Так, в 1587 г. население Архангельска — нового русского города — получило освобождение от уплаты всех пошлин сроком на пять лет.⁴⁸ При царе Борисе Годунове «отарханывался» Великий Новгород.⁴⁹ В 1654 г. посадскому населению Полоцка, оказавшему содействие воеводе В.П. Шереметеву при взятии города, была дарована привилегия беспошлинной торговли в Полоцке всеми товарами, включая вина. В том же году по случаю присоединения Могилева к России вышло царское распоряжение о введении беспошлинной ярмарочной торговли в этом городе.⁵⁰

Уже в жалованных тарханных грамотах XIV—XV вв. отмечается стремление княжеской власти к сужению податных привилегий крупных вотчинников. В них также прослеживается тенденция к унификации налоговой и денежной систем Русской земли, сокращению числа взимаемых таможенных пошлин и т. д.⁵¹ Одновременно устанавливались 3-, 6-, 10-, 15-, 20-летние сроки, в течение которых монастырские люди освобождались от уплаты таможенных пошлин князьям или подобная льгота предоставлялась «известному числу судов и возов монастырских, или определенному количеству монастырского товара».⁵² В некоторых случаях оговаривалось освобождение от пошлин товаров, приобретаемых «на монастырскую нужу», т. е. не на продажу. Если же товар приобретался «на вскуп» или на продажу в количестве, превышавшем установленную для беспошлинной торговли квоту, то пошлину с монастырских людей взыскивали на том же основании, «как и на торговых людях».⁵³ Уставной грамотой великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (1389 или 1404) подтверждалось освобождение митрополичьих людей от тамги, если они продавали «свое домашнее», но если они торговали «прикупом», то тамга взималась в установленном размере.⁵⁴

Иван III выдавал жалованные грамоты, освобождавшие в том или ином объеме от таможенных пошлин до 80-х гг. XV в. Затем их выдача резко сократилась, «а от 1491—1503 гг. не дошло ни одной его грамоты подобного содержания».⁵⁵ По мнению Ю.Г. Алексеява, «это свидетельствует о новом этапе великокняжеской политики по отношению к иммунитетам. Процесс сужения судебно-податных привилегий, своего рода выравнивания всех владений в юридическом и фискальном отношении под властью великого князя приобретает наиболее ярко выраженные черты».⁵⁶ Тем самым было положено начало систематической борьбе центральной власти за резкое ограничение податного иммунитета на Руси.⁵⁷

Эта ограничительная политика продолжалась до 1513 г. включительно, но затем снова началось освобождение монастырей от различного рода тягот. Наибольшее распространение практика выдачи тарханных грамот получила в 40-е гг. XVI в., т. е. в период «боярского правления».⁵⁸

Централизаторская тенденция в развитии Московского государства проявилась в дальнейших попытках правительства отменить в фискальных целях монастырские привилегии, освобождавшие от уплаты таможенных пошлин.⁵⁹ Однако все действия властей в этом направлении, «предпринимавшиеся в 1549—1551, 1584, 1617—1623, 1638, 1646 гг., на практике в лучшем случае выливались в пересмотр и подтверждение грамот».⁶⁰

Из грамоты царя Ивана IV от 4 июня 1549 г. следует, что к тому времени прежние льготы были отняты у большинства монастырей, исключая Троице-Сергиев, Соловецкий, Киилло-Белозерский, Новодевичий и Воробьевскую слободу.⁶¹ Вскоре и последних лишили торговых привилегий в отношении уплаты тамги и мыта.⁶² Статья 43 Судебника 1550 г. предписывала: «Торханных вперед не давати никому; а старые тарханные грамоты поимати у всех».⁶³

Несмотря на то что решением Стоглавого собора 1551 г. тарханы были сохранены, многие монастыри не сумели подтвердить ранее выданных им иммунитетных грамот. По мнению С.М. Каштанова, запрет Судебника 1550 г. на выдачу тарханов и дальнейший их пересмотр в мае 1551 г. стали отправной точкой массового ограничения торгово-таможенных привилегий монастырей в масштабе всего государства. С большей части монастырских вотчин стали взиматься ямские и пищальные деньги, тамга, мыт и другие пошлины. Тарханные грамоты выдавались лишь в исключительных случаях. Количество разрешенных к беспошлинному провозу товаров «на монастырский обиход» строго регламентировалось.⁶⁴ Жалованные тарханно-проезжие (иммунитетные) грамоты, не подписанные в мае 1551 г. на царское имя, считались утратившими силу.⁶⁵ «В 1555—1556 гг., — указывает С.М. Каштанов, — был нанесен новый удар по привилегированной торговле крупных монастырей —

Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиева, рязанского Солотчинского. Право беспошлинной торговли в ряде случаев заменялось земельными дачами». ⁶⁶

В годы опричнины Иван IV возобновил практику широкой раздачи тарханных грамот монастырям. В число особо привилегированных монастырей тогда вошли Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Новодевичий, Покровский суздальский, Соловецкий, Симонов, нижегородский Спасо-Евфимьев и другие, служившие царю опорой в борьбе с представителями высшей церковной иерархии. ⁶⁷ «Формы пожалований, — указывают С.А. Козлов и З. В. Дмитриева, — были весьма разнообразными: от бессрочных освобождений от основных налогов до льгот в уплате лишь мелких повинностей и облегчений в порядке уплаты податей. Зачастую монастырские обозы освобождались от таможенных пошлин <...> В начале 70-х гг. XVI в. выдача тарханных грамот приостановилась, после чего они вновь начинают выдаваться монастырям, и эта тенденция достигает своего апогея в 1575—1576 гг. В последующем финансовая политика Ивана IV по-прежнему носила волнообразный характер, то ужесточаясь, то отступая». ⁶⁸

При Федоре Ивановиче тарханы и все привилегии, связанные с беспошлинной торговлей, были официально отменены соборным приговором 20 июля 1584 г., постановившим «и тамга тарханом и всяким людем в то время до государева указу платить, хто ни почнет торговать». ⁶⁹ При этом подчеркивался вынужденный и временный характер этой меры («покаместа земля поустроитца»). ⁷⁰ В дальнейшем правительство возобновило выдачу иммунитетных грамот, закреплявших за духовными и светскими владельцами различные финансовые и торговые льготы и привилегии. По подсчетам Р.Г. Скрынникова, в 1585 г. было выдано 48 грамот, в 1586 г. — 13, в 1587 г. — 11. ⁷¹ Эта практика продолжалась и в условиях Смуты. ⁷²

В 1617—1620 гг. правительство Михаила Федоровича вновь пыталось уничтожить тарханные привилегии монастырей и торговых людей. Однако тарханщики продолжали торговать беспошлинно, представляя в таможах свои грамоты; они же провозили с собой по Сухоне и Двине «в судех многих торговых людей за теми ж тарханными грамотами, беспошлинно, называвши своими». ⁷³ В 20—30-е гг. XVII в. правительство пошло на общий пересмотр тарханных грамот, поручив это дело особому Сыскному приказу. Документальные источники свидетельствуют, что на этот раз торговые права и привилегии частных лиц были значительно ущемлены. ⁷⁴ Тем не менее «тарханные дощаники» не исчезли совсем с сухоно-двинского пути. ⁷⁵

В 1646 г. власти в очередной раз попытались отменить привилегии тарханщиков в уплате торговых и таможенных пошлин. Под предлогом «пополнения казны на жалование ратным людем» царь Алексей Михайлович в том году повелел «со всех тарханщиков, с патриарших и с монастырских и со всяких торговых людей, которые торговали по жалованным грамотам беспошлинно, имати <...> пошлины, как и с иных торговых людей проезжую и торговую пошлины емлют». Однако и эта реформа встретила на своем пути мощное противодействие. Тарханщики отказывались подчиняться общим распоряжениям правительства, добиваясь специальных постановлений по каждому из них в отдельности. Напор тарханщиков был так силен, что в Москве их челобитные стали удовлетворяться, а таможенные головы на местах получали от царского имени указания о том, что государь такого-то монастыря «грамот рудити (нарушать. — М.Ш.) не велели». ⁷⁶

В 1672 и 1677 гг. издавались царские указы об уничтожении тарханных грамот на том основании, что тарханщики, во-первых, многие товары провозили сверх жалованных грамот и, во-вторых, корыстно провозили чужие товары, избавляя разных чинов торговых людей от уплаты пошлины. ⁷⁷

В 70—80-е гг. XVII в. продолжали издаваться указы и грамоты о беспошлинной торговле в интересах отдельных представителей высшего духовенства. В некоторых случаях освобождение от уплаты пошлин служило особым выражением царской милости. Так, за выкуп русских пленных у татар и турок в 1689 г. греку Павлу Иванову была пожалована привилегия торговать беспошлинно в течение года на сумму не свыше 1000 р., а что сверх этого — с уплатой пошлин по Новоторговому уставу. Освобождение от таможенных пошлин при ввозе товаров порой распространялось и на дипломатическую сферу, поскольку это облегчало пребывание в Москве иноземных послов. ⁷⁸

Наряду с жалованными грамотами в узком смысле и льготными грамотами (иммунитетами) существовал еще один разряд жалованных грамот, которые М.Ф. Владимирский-Буданов

именовал *грамотами охранительными* («заповедными», «указными»). К ним, в частности, относились царские грамоты (именные указы) представителям местной приказной администрации и заинтересованным лицам по их просьбе. Не устанавливая общих норм, они лишь подтверждали и санкционировали их применительно к частному случаю и лицу угрозами наказаний за их нарушение.⁷⁹ Поэтому М.А. Дьяконов называл такие грамоты «опасными, или бережьельными».⁸⁰ Так, царская грамота от 29 марта 1588 г. двинским таможенным целовальникам, подтверждая привилегии Московской компании англичан, напоминала таможенникам, чтобы они «с немец аглинских пошлыны с их товаров и с судов посаженного и с людей поголовной пошлыны не имали, по их жалованной грамоте <...> а с немец с аглинских, и с барабанских, и с шпанских, и с иных немец, имати судовая проезжая пошлына велено по тому ж, как и с русских людей».⁸¹

Особым видом жалованных грамот, сочетавших преимущества дарственных и льготных грамот, являлись грамоты, которые в XVI—XVII вв. по указу московского царя выдавались торговым компаниям иноземцев, отдельным иностранным купцам и «торговым иноземцам», торговавшим в России. «Эти документы, — указывает А.В. Демкин, — предоставлялись ограниченному кругу лиц, как правило, за серьезные заслуги перед Русским государством. Они представляли собой типичные средневековые привилегии, содержавшие целый ряд льгот <...> которых была лишена основная масса русского купечества (ведь из русских привилегиями пользовались только гости, члены гостиной и суконной сотен)».⁸²

Жалованные грамоты «за красными печатми», которые выдавались по запросам правительственных органов зарубежных стран, заморских послов и отдельных торговых иноземцев, обычно содержали пункты, разрешавшие их обладателям: 1) свободно приезжать в порубежные и во внутренние города России и свободно выезжать из страны;⁸³ 2) торговать беспошлинно, с платежом пошлин в половинном размере или только некоторых пошлин;⁸⁴ 3) ставить дворы в указанных городах;⁸⁵ 4) нанимать русских дворников; 5) не платить с дворов посадского тягла; 6) нанимать извозчиков и лодочников; 7) находиться под юрисдикцией Посольского приказа; 8) не присягать в суде («целовать крест» предоставлялось приказчикам); 9) держать винный погреб «про себя»⁸⁶ и т. д.

Одновременно грамоты включали известные требования, большинство из которых имело общий характер. Торговым иноземцам запрещалось: 1) передавать грамоту посторонним лицам или брать с собой подданных других государств; 2) провозить товары в обход таможи (без явки и подачи собственноручно заверенных росписей привозных товаров); 3) привозить чужие товары, выдавая за свои; 4) держать «закладников» из русских людей; 5) торговать в розницу; 6) прибегать к посредничеству русских людей в торговых операциях по сбыту своих и закупке русских товаров и т. д.⁸⁷ Обычно обладатели жалованных грамот сами не ездили с товарами в Россию, где их интересы представляли приказчики (агенты, купоры, факторы). «У одного купца, — отмечает А.В. Демкин, — могло быть несколько приказчиков, либо один приказчик выполнял поручения нескольких купцов. Так, Английская Московская компания, имея в первой половине XVII в. от 16 до 23 полноправных членов (*гостей*, по русской терминологии), располагала большим штатом приказчиков, которые торговали в России от своих хозяев».⁸⁸

Представителям торгового сословия гостей в XVI—XVII вв. тоже выдавались жалованные грамоты, позволявшие посещать порубежные государства, находившиеся в мирных отношениях с Россией, и торговать разными товарами, исключая заповедных. По словам Н.И. Костомарова, «гость и его дети, братья, племянники, жившие с ним не в разделе, освобождались от суда и расправы воевод и дьяков и судились в определенном приказе, — при Алексее Михайловиче в Приказе Большой казны, имели право не целовать креста сами, если это им нужно было по судебному делу, но посылали вместо себя своих людей, могли держать для дома *безъявочно* и *безвыимочно* всякое питье, освобождались от всяких поборов во время пути по рекам и дорогам, от мыт, перевозов, годовщины и тому подобного; от лежащих на торговых посадских людях обязанностей мостить мосты, давать суда и запасы, ставить подводы на ямах для казенной надобности, от выбора в службу в гостиной сотне, имели право топить бани и держать во всякое время в доме огонь; могли покупать вотчины;⁸⁹ дворы их освобождались от тягла, дачи подмоги на земский двор, от постоев и всяких тяглых повинностей».⁹⁰

Местное управление определялось другого рода грамотами — *установными*. Это: 1) грамоты наместничьего управления (XIV—XV вв.); 2) губные грамоты (с 30-х гг. XVI в. до конца XVII в.); 3) установные земские грамоты (с 1552 г. до второй четверти XVII в.).⁹¹

По-видимому, с помощью грамот наместничьего управления великокняжеская власть стремилась обезопасить свои интересы от беззаконий и превышения власти со стороны наместников и их людей. Этими грамотами определялись отношения наместника или волостеля и тяглового (податного) населения того или иного уезда или волости. Существенное их содержание совершенно одинаково: в них устанавливались корм наместника (иногда в виде корма предоставлялся сбор мыта), судебные пошлины и уголовные штрафы в пользу наместника, отношение судебной власти наместника к суду центральному, торговые пошлины и т. д. Важно отметить, что грамотами наместничьего управления определялись не обязанности правителя, не то, что он должен делать, а то, чего он не должен делать, т. е. права управляемого населения.

Отдельные уставные грамоты определяли исключительные права местного населения, что сближало их с льготными иммунитетными грамотами. Так, уставной грамотой московского князя Василия Дмитриевича 1397 г. Двинской земле,⁹² построенной по принципу жалованных, особо оговаривались привилегии местного купечества: «А куды поедут двиняне торговати, ино им ненадобе во всеи моей отчине в великом княжении тамга, ни мыт, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные некоторые пошлины».⁹³ Однако, как полагает Ю.Г. Алексеев, Двинская Уставная грамота, являясь продуктом удельного времени, не знала еще «никаких норм, регламентирующих кормы и поборы в пользу наместника и его аппарата, никаких норм, определяющих состав этого аппарата и регулирующих его деятельность».⁹⁴

Белозерская Уставная грамота Ивана III (1488) также включала статьи о торговых пошлинах. Вместе с тем это была «уставная грамота нового типа», которая точно фиксировала кормы и поборы наместника и его людей. Кроме того, ст. 2 Белозерской грамоты действовала на практике и «корректировала содержание великокняжеских жалованных грамот», устанавливая «обязательную и равную для всех выплату кормов, невзирая на иммунитеты». Еще один важный шаг в иммунитетной политике отразился в ст. 8, заменившей полную свободу торговли белозерских монастырей ее повсеместным запрещением, за исключением самого Белоозера и волости Углы. Право торговли «за озером» сохранялось исключительно за белозерцами, которые тем самым ставились в привилегированное положение.⁹⁵ «Не исключено, — указывает Ю.Г. Алексеев, — что Белозерская грамота рассматривалась Иваном III как образцовая (типовая) уставная грамота, основные положения которой предлагалось распространить и на другие уезды».⁹⁶

Уставными земскими грамотами (важнейшие из них — Важская 1552 г. и Двинская 1556 г.) определялось местное земское самоуправление. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, эти акты включали в себя частично переработанное содержание как уставных наместничьих, так и губных грамот.⁹⁷ В ходе проведения административной реформы в XVI в. от дорожной пошлины были освобождены земские выборные представители, доставлявшие в Москву денежный оброк. Поэтому в уставной земской грамоте крестьянам трех волостей Двинского уезда от 25 февраля 1552 г., в частности, говорилось: «А как поедут к нам к Москве те пенежана излюбленные головы Елизарей Яковлев, да Семен Иванов, да Тимофей Анцыфоров с товарищи, а с ними земские люди, с теми денгами, с нашим оброком, и по городам наши наместницы и по волостем волостели и их пошлинники, и наши приказчики городовые, и по мытом мытчики, и по рекам перевозчиком, и все пошлинники с тех излюбленных голов и з земских людей мыта, и явки, и перевозчики перевозу, и иных некоторых пошлин на них не емлют, пропущают их везде без зацепки, не задержав».⁹⁸

Особую разновидность уставных грамот в XVI — первой половине XVII в. составляли *таможенные уставные грамоты*, издававшиеся по велению московских великих князей и царей в целях упорядочения таможенного обложения. Первая из них появилась в самом конце XV в. «По мере соединения Древней Руси под единой властью великого князя Московского, — указывал К.Н. Лодыженский, — делались попытки внести некоторый порядок в таможенные сборы и привести их к более простой, однообразной системе <...> По большей части грамоты эти представляют собой контракт, на основании которого откупщики принимали на себя взимание таможенных сборов вместе с обязанностью уплачивать казне определенную сумму; в грамотах перечислены сборы, подлежащие взысканию, и указаны их размеры, установлен порядок их взимания, определены пени за уклонение от их уплаты и пр.».⁹⁹

Отмечая однородность таможенных грамот XVI в., К.Н. Лодыженский высказывал и то обоснованное предположение, что они составлялись по какому-то образцу, общему для всего государства.¹⁰⁰ «Не подлежит сомнению, — отмечал этот автор, — что подобные же грамоты (ему были известны пять

грамот: Белоозера 1497 и 1551 гг.; Дмитрова 1521 г.; Егонской Веси 1563 г. и Новгорода Великого 1571 г. — *М.Ш.*) были устанавливаемы и для других областей».¹⁰¹ Последующие археографические изыскания (было обнаружено еще несколько десятков таких грамот о сборе таможенных пошлин в различных городах, селах, сельских торжках и ярмарках) полностью подтвердили справедливость гипотезы К.Н. Лодыженского.

Историки советского периода придерживались мнения, что с середины XVI в. в связи с отменой кормлений уставные таможенные грамоты стали «общим явлением».¹⁰² При этом А.Т. Николаева отмечала, что уставные таможенные грамоты исходили либо непосредственно от московского государя, либо от его наместников, либо от центральных учреждений (приказов) и адресовались «излюбленным» головам и целовальникам, выполнявшим обязанности по сбору таможенных пошлин «на веру», откупщикам, монастырям, воеводам и приказным людям. В них устанавливалось, какие пошлины, где, с кого, в каком размере и в какой валюте взимать.¹⁰³ Ю.А. Тихонов же заострял внимание на том, что таможенные грамоты «исходили от единой центральной власти, в них, несмотря на все различия и особенности, неуклонно проводились общие принципиальные положения».¹⁰⁴

В дореволюционной историографии также утвердилось мнение о том, что основу уставных таможенных грамот составлял обычай, что иногда государь приказывал оставлять в силе пошлины, которые хотя и не упоминались в грамотах, но прежде были.¹⁰⁵ Этот вывод Д.А. Толстого полностью разделял Е.Г. Осокин, который тоже подчеркивал, что при сборе таможенных пошлин «обычай преобладал над законом, последний имел главной целью только поддержание первого. Даже в XVI и XVII столетиях, когда таможенными уставными грамотами государи Руси старались дать законную твердость таможенным сборам, старый обычай имел силы не менее закона, даже иногда более».¹⁰⁶ Действительно, в 1534 г. Елена Глинская без промедления отменила собственный указ об ограничении права Троице-Сергиева монастыря на сбор «пошлины с лошади» и восстановила прежнюю привилегию «троицких старцев» собирать пятно в размере 8 д.¹⁰⁷ О незыблемости принципа «старинности» свидетельствует и уставная таможенная грамота Гороховца 1633 г.: «...а будет которая таможенная пошлина в сей уставной грамоте не написана, а в Гороховце изстари берут ту пошлину, и та пошлина сбирати на государя по-прежнему, как имана изстари».¹⁰⁸

Е.Г. Осокин указывал, что «уставные грамоты не могли ни ввести всюду одинаковых видов пошлин, ни ввести однообразия в их взимании, потому что были особенными законами для известной местности, какого-нибудь города, села, и главной целью имели только подтверждение старых обыкновений. После этого вовсе не покажется странным, что в то время, когда одна часть Руси страдала под тяжестью разнообразных, очень значительных таможенных пошлин, некоторые ее области, даже в XVII столетии, были вовсе от них свободны. Обычай еще не коснулся их. Впоследствии, при введении в этих областях уставными грамотами таможенных пошлин, стоило иногда жителям сказать только, что у них такие сборы никогда не были в обыкновении, чтоб освободиться от тяжести справедливой, долженствовавшей быть общею для всех частей Государства. Такова сила старинности!».¹⁰⁹ Соглашаясь с такой оценкой, С.А. Шумаков тоже полагал, что уставные таможенные грамоты, представляя собой местные законы, обычно исходили из обычая и что только в редких случаях московские князья увеличивали количество таможенных пошлин против старых обыкновений.¹¹⁰ «Величина податей, — считал Шумаков, — количество, способ взимания, самое имя различны в разных местах государства. С одной стороны, множество, разнообразие, неравномерность, неопределенность таможенных пошлин крайне угнетали народ, с другой же, и доходы казны были невелики, благодаря неустройству таможенных учреждений».¹¹¹

Терминологические различия, содержащиеся в грамотах, объясняются не только остатками удельной старинности, но и особенностями экономического быта, хозяйственной специализации отдельных городов и уездов. По-видимому, повышенный интерес таможенных голов Устюга Великого к судовым пошлинам и к пошлинам, связанным с торговлей мехами, был обусловлен тем, что этот город являлся важнейшим транзитным пунктом на Сухоно-Двинском и Сибирском торговых путях и одним из крупнейших центров меховой торговли. Внимание же уставной таможенной грамоты Тотмы к соляным пошлинам можно объяснить тем, что здесь главным образом торговали солью.¹¹²

Соглашаясь с тем, что таможенные сборы в XVI в. «были вообще не особенно высоки», К.Н. Лодыженский тем не менее настаивал на том, что «они доставляли очень немаловажный доход великому князю Московскому. Вследствие этого они вводились во всех областях, которые вновь попадали под московское владычество. Так, в Пскове таможенные сборы были введены в 1510 г.,

вслед за присоединением этого города к Московскому княжеству <...> В общем, эти сборы тяжело ложились на внутреннюю торговлю и неохотно переносились народом».¹¹³

Добиваясь такого положения, чтобы никто не избегал уплаты таможенных сборов, проезжая с товаром мимо русских городов, где были устроены таможни, «московское правительство иногда заводило переписку об этом с соседними владельцами». Например, Иван III «написал Мегмет Аминю, Казанскому царю, чтобы тот запретил своим татарам ездить в Русь иначе, как через Нижний (Новгород. — М.Ш.)».¹¹⁴

С фискальной же целью пошлиной облагались деньги, на которые покупался товар. Ставка обложения при этом соответствовала размеру тамги с продажи товаров. Если покупным товаром становились ефимки, полуефимки, шкили и прочие «немецкие денги», то последние надлежало явить таможенникам и уплатить с того покупного и выменянного немецкого серебра таможенную пошлину по таможенной уставной грамоте. Фактически правительство взимало пошлину с привозной иностранной валюты. Одновременно оно строго следило за тем, чтобы золото и серебро не вывозились из страны. По мнению К.Н. Лодыженского, это свидетельствовало в пользу того, «что еще в XVI столетии в России применялась теория денежного баланса».¹¹⁵

К.Н. Лодыженский был первым, кто обратил внимание на разряды торговых людей, различавшихся мерой ответственности в уплате таможенных платежей: 1) местные горожане; 2) жители области, к которой относилась грамота; 3) русские торговцы из других русских земель (назывались иноземцами); 4) жители стран нерусских — иностранцы (назывались чужеземцами). Ему также удалось установить, что ставки пошлин различались «смотря по тому, приходилось ли иметь дело со своим человеком, или с пришлым купцом, или с иностранцем», и постепенно изменялись в сторону увеличения.¹¹⁶

Местные жители либо совсем не платили тамги, которая взималась с цены товара при совершении торговой сделки, либо платили ее, но в меньшем размере (обычно в два раза и более), чем иногородние при продаже привезенного товара или увозе купленного на местном рынке. В тех случаях, когда с местных торговцев взимали 1—2 д., иногородние должны были платить по 4 д. с рубля.¹¹⁷ Так, по Белозерской таможенной грамоте 1497 г., местный горожанин («белозерец»), покупавший или продававший в Белоозере свой товар, освобождался от уплаты тамги; с белозерца, привозившего откуда-нибудь товар на продажу, взималась таможенная пошлина в размере «с рубля по полудензе»; с жителей области, к которой относилась грамота, взималось столько же; с приезжих торговцев из Москвы и других областей — «с рубля по алтыну», т. е. 6 д., или 3% от стоимости товара.¹¹⁸ По Весъегонской таможенной грамоте 1563 г., человек из монастырского села Веси Егонской и всего Городецкого уезда обязан был заплатить «тамги с рубля по полуторе денги» со всякого привозного товара; всякий же иной купец, приезжавший в Весь Егонскую с торговой целью, платил таможенникам по 4 д. с рубля, т. е. 2% от стоимости товара.¹¹⁹

При взимании других таможенных сборов (весчего, пятна, замыта, мыта, полозового, головщины, явки, гостиного, амбарного и т. д.) также проводилось различие между местными жителями, иногородними и иностранцами. Для иногородних и иноземцев обычно устанавливалось больше платежей, которые к тому же отличались и более высоким размером.

Проанализировав 44 уставные таможенные грамоты, А.Т. Николаева обратила внимание, что их типовой формуляр включал четыре основные позиции. Во-первых, предусматривалось взимание таможенных пошлин с торговых людей того уезда, города и села, куда посылалась грамота; во-вторых, — с иногородних (и с иноземцев); в-третьих, — с иноземцев; в-четвертых, — со всех торговых людей (местных и приезжих). Ею также было установлено, что различия в пошлинном обложении местных и иногородних жителей проводились главным образом до середины XVI в., т. е. до начала массового издания уставных таможенных грамот. Затем стала заметнее проявляться тенденция к учащению взимания тамги с местных жителей. Как полагал Ю.А. Тихонов, «изменение в таможенном обложении шло по линии введения рублевой пошлины и для местных и для иногородних, с 20-х годов XVII в. в уставных грамотах уже не встречаются случаи освобождения местных жителей от уплаты тамги».¹²⁰

Одновременно происходило усиление уравнительности при обложении местных и иногородних жителей разными мелочными сборами. В течение всего рассматриваемого периода и те и другие в одинаковом размере платили две пошлины: померную и замытную. Довольно часто это правило

действовало и при взимании весчей, свальной, рукозобной пошлин. Впрочем, на проезжие пошлины оно распространялось лишь в небольшой степени.¹²¹

Наличие в уставных таможенных грамотах последнего, четвертого раздела служит подтверждением того, что по целой группе товаров иногородние облагались в той мере, что и местные жители. Очевидно, что этот раздел лучше разработан в грамотах второй половины XVI—XVII вв., «где грань между местными и иногородними торговыми людьми заметно стирается».¹²²

Раздел об иноземцах встречается лишь в 14 из 44 таможенных грамот, исследованных А.Т. Николаевой. По ее наблюдению, «в подавляющем большинстве ранних грамот иноземцы приравнивались к иногородним».¹²³ Однако со второй половины XVI в. возобладала тенденция к подчеркиванию различий между ними. Со всей очевидностью это следует из Новгородской таможенной грамоты 1571 г. и Уставной таможенной грамоты Суздаля 1606 г. Так, согласно первой из них, новгородец, привозивший откуда-нибудь товар в Новгород, должен был заплатить с его продажи на месте «по полуторе московке», т. е. 0.75%; с жителя одного из новгородских пригородов (Ивангорода, Яма, Корелы, Русы, Торжка и Двины) и с местных сельчан взималось «по четыре московки», т. е. 2%; купец, приезжавший из Москвы и «изо всех городов и из волостей Московские земли», тоже должен был заплатить по 4 московские деньги с рубля; с иностранца же («литвин и всякой иноземец») положено было взять «с рубля с новгородского по семи денег по новгородскую», что составляло 3.2% от стоимости товара.¹²⁴

Из Новгородской грамоты 1571 г. также следует, что за допущенные нарушения таможенных правил с чужеземца спрашивали строже. Так, если «промытившийся» русский торговый человек должен был заплатить штраф — протаможье — в размере рубля новгородского или меньше, то с литвина или немца штраф — промыту — положено было взыскать в размере 2 р. московских, независимо от стоимости контрабанды. К тому же иностранный товар, привезенный контрабандным способом, подлежал конфискации.¹²⁵

К середине XVI в. относятся и первые попытки отменить в масштабах всего государства проезжие пошлины. Так, в заявлении Ивана IV Стоглавому собору 1551 г. проявилось царское намерение отменить мыт, увеличить ставку тамги и упорядочить взимание явочной пошлыны с товаров. Однако на практике таможенная реформа тогда осталась незавершенной, что и понятно, поскольку условия для ее претворения в жизнь сложились не раньше середины XVII в.¹²⁶

В Судебнике 1550 г. еще ничего не говорилось о проезжих пошлинах и правовом режиме дорог. В Судебнике 1589 г. уже предписывалось волостным общинам Русского Севера государеву дорогу от Москвы до Холмогор держать в полном порядке: обустроить перевозки и мосты, а в зимнее время расчищать дорогу и ставить вехи для обозначения пути.¹²⁷

От существовавшей таможенной системы, допускавшей произвол и злоупотребления со стороны откупщиков и целовальников при взимании проезжих пошлын, в особенности в монастырских владениях и боярских вотчинах, страдали не только купцы, но также дворяне и служилые люди, которые выполняли различные казенные поручения, связанные с дальними разъездами. Вот почему Статейный список 23 июля 1641 г., принятый в ответ на челобитье дворян и детей боярских «розных городов», содержал указ о запрещении взимать проезжие пошлины со служилых людей, с их людей и запасов, а также с гонцов, посланных «для государевых дел». Одновременно запрещалось взимать проезжие пошлины с торговых людей, на мытах и перевозах «мимо государева указа и сверх государевых уставных грамот».¹²⁸ Эти и некоторые другие установления, направленные на ограничение произвола феодалов и откупщиков в таможенном деле, вошли затем в Уложение 1649 г. и были дополнены целым рядом новых правовых норм.¹²⁹ Таким образом, Соборное уложение подытожило законодательные установления прежних лет, которые издавались лишь «в общих чертах или по частному поводу».¹³⁰

В основании Соборного уложения лежал двойкий интерес: государственный, связанный с необходимостью облегчить передвижение по дорогам служилых людей и гонцов, и торговый, продиктованный стремлением оградить интересы торговли. В главе IX «О мытах, и о перевозах, и о мостах» были регламентированы сбор проезжих пошлын и правовое обеспечение сохранности и благоустройства дорог. Несмотря на то что новый основной закон не содержал норм относительно

состава и размеров проезжих пошлин, зато он включал в себя определенный правовой статус сухопутных и водных путей, сложившийся в первой половине XVII в., диктующий, «с кого и при каких обстоятельствах брать или не брать проезжие пошлины на дорогах».¹³¹

С принятием Уложения крупные землевладельцы — обладатели жалованных грамот — лишились права на таможенное обложение служилых людей, ограничивался их произвол в отношении лиц, занятых торговлей. На них же возлагалась ответственность за сохранение и содержание сухопутных и водных путей. Дворяне, дети боярские, иноземцы и всякие служилые люди, а также их прислуга, имущество и дорожные припасы вообще освобождались от уплаты мытов, перевозов и мостовщин по всем дорогам, проходящим как по государевым и дворцовым, так и по вотчинным и поместным землям. (Посланники, государевы гонцы и их люди пользовались этой привилегией с 1596 г.) Если со служилого человека все же взыскивали пошлину, то он имел право обратиться в суд. Основанием для вчинения иска служила жалоба потерпевшего, а доказательством — крестное целование. В отношении виновных определялись санкции: мытчики, перевозчики и мостовщики возмещали в пользу потерпевшего материальный ущерб в тройном размере и подвергались битью кнутом. Если же служилый человек незаконно провозил купеческие товары, выдавая их за свои, то его тоже били кнутом и взыскивали мыт, мостовщину или перевоз втрое в пользу таможенников. Торговые люди, которые перемещали товар, прикрываясь именем служилых людей, тоже подвергались битью кнутом и штрафовались в пользу государя «по пяти Рублев с человека».¹³²

Законными признавались только те таможенные пункты, на которые в прежние годы были выданы жалованные грамоты. Учреждать же по дорогам, рекам, плотинам и мостам новые таможни и взимать пошлины «без указа» запрещалось под угрозой их изъятия в пользу государя. В зимнее время торговые люди могли по желанию объезжать мосты и перевозки по льду, освобождаясь от уплаты мостовщины, а сборщикам проезжих пошлин запрещалось окалывать лед у берегов и у мостов «для своей корысти». Нарушение этого правила влекло телесное наказание и пеню в пользу государя.¹³³ И только в тех местах, где дороги были плохи, а реки непроходимы, законодатель допускал возможность по челобитьям землевладельцев учреждать новые пункты сбора проезжих пошлин, находя справедливым возмещение затрат, связанных со строительством новых настилов, мостов и перевозов. Любые несанкционированные мыты и перевозки подлежали упразднению.¹³⁴

Новые запруды, плотины и мельницы разрешалось возводить при условии строительства проходов для судов, а также мостов и перевозов для «проезду всяких людей». Санкцию они получали лишь вследствие соответствующих челобитий владельцев и при условии в дальнейшем беспошлинного проезда в этих местах торговых людей. Если же такое строительство вело к затоплению прежних дорог и бродов, а владельцы сооружений, пропуская служилых и торговых людей, незаконно взимали с них проезжие пошлины, то такие мельницы, мосты и перевозки подлежали сносу.¹³⁵

Законодатель обязал землевладельцев чинить настилы, мосты и строить новые взамен приходивших в ветхое состояние, а также в случае их затопления или распашки прежних дорог. При этом новые поместные и вотчинные дороги не могли быть «хуже старых дорог»; не допускалось также, чтобы «перед старою дорогою объезд будет далеко». Дорожные сооружения требовалось содержать в порядке, чтобы проезжим людям не было убытка от их неисправности. Если же такое случалось, то служилые и торговые люди могли требовать возмещения ущерба в государевых землях с голов, целовальников и откупщиков, а в частных — с помещиков и вотчинников.¹³⁶

Примечания

¹ Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI—XVII веков. СПб., 1909. С. 170—171.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 173—177.

⁴ Там же. С. 199, 206.

⁵ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 1. № 19.

6. *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998. С. 155—292.
7. *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги // Сб. правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества при Московском университете. М., 1897. Т. 7. С. 252. Ю.Г. Алексеев указывает, что «древнейшие известные грамоты, которые можно назвать жалованными, относятся ко второй четверти XII в. и связаны с Новгородской землей» (*Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 87).
8. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 210.
9. Там же.
10. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 15.
11. ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 263, 342, 352, 356, 362, 363, 366; Т. 2. № 21, 22; Т. 3. № 117, № 300; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 196 и др. Фиксированный размер ежегодно вносимого в казну оброка (в отличие от откупной суммы) устанавливался на неопределенный срок. «Наддача» в этом случае не предусматривалась.
12. ААЭ. Т. 2. № 22. С. 72—73.
13. *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 252.
14. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 15.
15. *Гагемейстер Ю.А.* О финансах древней России. СПб., 1833. С. 77.
16. *Толстой Д.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С. 97.
17. *Беляев И.Д.* 1) Рец. на кн. Е.Г. Осокина «Внутренние таможенные пошлины в России» (Казань, 1850) // Москвитянин. 1850. № 22. С. 59—60; 2) Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 192.
18. *Осокин Е.* Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права // Юридический сборник Д. Мейера. Казань, 1855. С. 555.
19. *Аристов Н.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 222—223; *Рудченко И.Я.* Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С. 10. Это практиковалось и во второй половине XVII в. Известно, что в феврале 1677 г. Корнильеву Комельскому монастырю (Вологодский уезд) выдавалась царская жалованная грамота, по которой игумену Ефрему с братией было предоставлено право собирать в самом монастыре и в селе Грязлевицы «конские пошлинные деньги» на свечи, ладан и на всякую церковную утварь (ПСЗ I. Т. 2. № 676).
20. ААЭ. Т. 1. № 262. С. 289.
21. *Каишанов С.М.* Торговля и таможенный иммунитет духовных корпораций в России XVI в. (по жалованным и указным грамотам) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 7.
22. ПСЗ I. Т. 2. № 743.
23. *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 1.
24. Там же. С. 1; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 211—212.
25. *Каишанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 17.
26. См.: *Шемякин А.И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000. С. 30—31.
27. АСЭИ. Т. 3. № 81. С. 113—114. Право на сбор весчей пошлины монастырю было предоставлено еще Василием II (Темным), но сын его Андрей тот «пудовой вес у них взял, а велел [брати] на себя и Покровскому игумену з братиею велел давать за тот пудовой вес на год тринадцать рублев» (Там же. С. 113).
28. ПРП. М., 1956. Вып. 4. С. 123, 169.

- ²⁹. *Шемякин А.И.* История таможенного дела... Приложение № 6. С. 170.
- ³⁰. *Капитанов С.М.* Финансы... С. 17—21, 159, 164. Например, в 1563 г. Иван IV предоставил Симонову монастырю право собирать таможенные пошлины с торговли в селе Весь Егонская (ААЭ. Т. 1. № 263).
- ³¹. *Шемякин А.И.* История таможенного дела... С. 36.
- ³². ДАИ. СПб., 1875. Т. 9. № 8. С. 16—17.
- ³³. ААЭ. Т. 1. № 367.
- ³⁴. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарий. Л., 1987. С. 28—30. Гл. IX; *Сергеевич В.И.* Лекции по истории русского права. СПб., 1890. С. 469.
- ³⁵. ПСЗ I. Т. 1. № 122.
- ³⁶. ПСЗ I. Т. 4. № 1750.
- ³⁷. См.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 97—113. Л.В. Черепнин проводил различие между тарханскими (обельными) и льготными грамотами, полагая, что первые давали полное или частичное, но бессрочное освобождение от податей и повинностей, а вторые устанавливали льготы лишь на определенный срок (Там же. С. 112).
- ³⁸. *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 248; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 320—329.
- ³⁹. Ярославский князь Василий Давидович запретил своим таможенникам взимать в монастырских владениях с людей Спасо-Ярославского монастыря тамгу, восмничее, а также некоторые другие налоги и повинности (АСЭИ. Т. 3. № 190. С. 204).
- ⁴⁰. *Перхавко В.Б.* Истоки предпринимательства на Руси // ОИ. 1998. № 6. С. 6; АСЭИ. Т. 3. № 34, 42, 49, 53а, 54а, 117, 194, 198, 278, 291, 297 и др.
- ⁴¹. В уставных таможенных грамотах неизменно оговаривалось право таможенников взимать пошлины со всех торговых людей, не исключая «грамотников», «грамотчиков» и «тарханских» (ААЭ. Т. 1. № 134, 263, 331, 332, 335, 342, 363, 366; Т. 2. № 21, 65; Т. 3. № 117 и др.).
- ⁴². АСЭИ. Т. 3. № 278. С. 294. Некоторые физические лица, освобожденные от уплаты таможенных платежей, обязаны были вносить ежегодный оброк (Там же. № 238).
- ⁴³. См.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... С. 218, 212—225.
- ⁴⁴. АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 220. С. 155.
- ⁴⁵. Там же; *Капитанов С.М.* Финансы... С. 52—53.
- ⁴⁶. *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 137, 189.
- ⁴⁷. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 13. С 1667 г. монахи и монахини могли торговать лишь произведениями своего рукоделия, «и то с разрешения игумена или игуменьи» (*Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 138).
- ⁴⁸. *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска // Морской сборник. 1889. № 9. С. 132—133.
- ⁴⁹. ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 146.
- ⁵⁰. АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 88. С. 227; *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 129.
- ⁵¹. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... С. 208; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 46.

- ^{52.} *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 14; *Черепнин Л.В.* Образование... С. 321—323; АСЭИ. Т. 3. № 34, 42, 49, 53а, 54а, 77, 158, 163, 165 и др. Так, московские великие князья в XV—XVI вв. неизменно разрешали двум судам — «плавозкам» (паузкам) — Троице-Сергиева монастыря беспрепятственно приходить на р. Угра «по соль» монастырскую и еще двум — на Белоозеро «по рыбу». При этом «купчины монастырские» и их наймиты освобождались не только от проезжих, но и от торговых пошлин (см.: ААЭ. Т. 1. № 76, 77, 78, 79).
- ^{53.} ААЭ. Т. 1. № 228, 252; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 137; *Черепнин Л.В.* Образование... С. 325—326.
- ^{54.} ААЭ. Т. 1. № 9.
- ^{55.} *Каштанов С.М.* Финансы... С. 16.
- ^{56.} *Алексеев Ю.Г.* Судебник Ивана III. С. 101.
- ^{57.} *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 12, 13, 19, 20.
- ^{58.} *Каштанов С.М.* Финансы... С. 21.
- ^{59.} С.М. Каштанов тоже полагает, что в ограничении привилегированной монастырской торговли проявилось стремление правительства поддержать посадских людей и поощрить тем самым конкуренцию в условиях формирующегося национального рынка (см.: *Каштанов С.М.* Торговля и таможенный иммунитет... С. 8).
- ^{60.} *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Изв. 1955. Т. 53. С. 280; *Лодыженский К.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 8. С.М. Каштанов подчеркивает, что «ограничение таможенного иммунитета монастырей началось в 1549 г.» после щедрых пожалований 1546—1548 гг. (*Каштанов С.М.* Торговля и таможенный иммунитет... С. 8).
- ^{61.} ААЭ. Т. 1. № 223. По Двинской таможенной грамоте 1588 г. с торговых судов Соловецкого, Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и других монастырей, проходивших мимо Холмогор, положено было взыскивать «проезжую пошлину иногороднюю» на общих основаниях (Там же. № 338. С. 411).
- ^{62.} *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 215—239.
- ^{63.} Судебники XV—XVI веков / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина; Ком-мент. А.И. Копанева, Б.А. Романова и Л.В. Черепнина. М.; Л., 1952. С. 153.
- ^{64.} См.: *Каштанов С.М.* Финансы... С. 111—123, 125—126, 129, 145—150, 159—161.
- ^{65.} *Зимин А.А.* К изучению таможенной реформы середины XVI в. // ИА. 1961. № 6. С. 129, 133; *Каштанов С.М.* Торговля и таможенный иммунитет... С. 8.
- ^{66.} *Каштанов С.М.* Торговля и таможенный иммунитет... С. 8.
- ^{67.} *Каштанов С.М.* Финансы... С. 165—176.
- ^{68.} *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 42—43. По свидетельству английского дипломата Дж. Флетчера, одной из причин, по которой царь Иван уступил в 1575 г. на короткое время свой трон Симеону Бекбулатовичу, заключалась в том, чтобы руками этого номинального правителя отобрать у монастырей все жалованные грамоты, которыми те уже давно пользовались. Затем Иван Грозный сыграл привычную для него роль благодетеля церкви. Он дозволил духовенству возобновить грамоты, которые раздавал уже от себя, «удерживая и присоединяя к казне столько земель, сколько ему самому было угодно. Этим способом он отнял у епископий и монастырей кроме земель, присоединенных им к казне, несметное число денег» (*Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии. Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 66).
- ^{69.} Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер; Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. № 43. С. 62. В новейшей литературе высказывается обоснованное мнение о том, что тарханы были отменены явочным порядком еще в 1581—1582 гг. (см.: *Колычева Е.И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 142—160, 188).
- ^{70.} Законодательные акты... Тексты. № 43. С. 62.

- ⁷¹ Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 25; Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России... С. 48.
- ⁷² Веселовский С.Б. К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в Сыскных приказах. М., 1907. С. 2.
- ⁷³ Там же. С. 1—3; Законодательные акты... Тексты. № 81.
- ⁷⁴ Веселовский С.Б. К вопросу... С. 1, 3—31.
- ⁷⁵ Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633—1636./Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 114.
- ⁷⁶ Смирнов П.П. Посадские люди... С. 33—35; Законодательные акты... Тексты. № 306.
- ⁷⁷ ПСЗ I. Т. 2. № 507, 699; Костомаров Н. Очерк торговли... С. 138; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 203; Булыгин И.А. Борьба государства с феодальным иммунитетом // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 329—330. По указу 1672 г. «отменялись ранее выданные жалованные тарханские грамоты патриарху, митрополитам и Троице-Сергиеву монастырю на низовые промыслы... В 1677 г. указ получил подтверждение, причем в более общей форме: тарханы отменялись в отношении всех торговых промыслов» (Меньков А.Г. Законодательство... С. 155).
- ⁷⁸ ПСЗ I. Т. 2. № 769, 1083, 1153; Т. 3. № 1356, 1390; Булыгин И.А. Борьба государства... С. 330—331; Маньков А.Г. Законодательство... С. 154—155.
- ⁷⁹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 212.
- ⁸⁰ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912. С. 207.
- ⁸¹ ААЭ. Т. 1. № 338. С. 410—411.
- ⁸² Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 43, 57.
- ⁸³ При отъезде из страны обладателю жалованной грамоты все равно надлежало обратиться с прошением на царское имя и получить в Посольском приказе проезжую грамоту. Так же следовало поступать и в случае торговых поездок из Москвы в другие русские города (Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства с Республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. Приложения № 5, 6, 7, 8, 13, 14, 17, 18).
- ⁸⁴ При предоставлении иностранным компаниям или отдельным торговым иноземцам права беспошлинной торговли нередко оговаривались сроки действия этой льготы (два-три года, пять лет и т. д.) или устанавливался ее предельный размер. Так, нидерландский купец Г. Фандергейден (Ван дер Гейден) получил в 1624 г. право вести беспошлинную торговлю в течение двух лет, «если сумма пошлин не превышала 100 руб. Сверх этой суммы он должен был платить пошлинные деньги» (Кордт В.А. Очерк сношений... С. 269; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 51).
- ⁸⁵ Никому из иностранцев не разрешалось строить или покупать дворы в русских городах без жалованных грамот, а «велено приезжим торговым людям торговать всеми товарами в гостиных дворах» (Отчет нидерландских послов Альберта Бурха и Иогана ван Фелтдриля о посольстве их в Москву в 1630—1631 гг. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 116. С. 119—120).
- ⁸⁶ Таможенники в Архангельске обязаны были следить за тем, чтобы беспошлинный привоз вина европейцами «для собственного потребления» не превышал одну-две бочки в год на человека (Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 114).
- ⁸⁷ Кордт В.А. Очерк сношений... Приложения № 5, 6, 7, 8, 13, 14, 17, 18; Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 42—57.
- ⁸⁸ Демкин А.В. Западноевропейское купечество... Ч. 1. С. 43. Всего же на протяжении XVII в. членами Московской компании являлись не менее 200 человек (Там же. Вып. 1. С. 27; Вып. 2. С. 81—90).
- ⁸⁹ В 1666 г. гостям было «запрещено покупать вотчины без особых подписных челобитных, то есть без особого разрешения, последовавшего на их челобитную. То же подтверждено и в 1679 году» (Костомаров Н. Очерк торговли... С. 140).

⁹⁰. Костомаров Н. Очерк торговли... С. 139—140.

⁹¹. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 212—213. Иную классификацию уставных грамот предложил Ю.Г. Алексеев. Проанализировав 15 сохранившихся с конца XIV до конца XVI в. таких грамот, автор пришел к выводу, что одни из них выдавались обширным территориям (уездам) на окраинах страны, а другие — отдельным локальным категориям населения центральных уездов (Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. С. 316—317).

⁹². Историческое название в XIV—XVII вв. обширной территории в бассейне Северной Двины (часть современной Архангельской области).

⁹³. ААЭ. Т. 1. № 13. С. 9; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 402, 405.

⁹⁴. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. С. 106.

⁹⁵. Там же. С. 106, 108—110.

⁹⁶. Там же. С. 123.

⁹⁷. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 214.

⁹⁸. ПРП. Вып. 4. С. 197.

⁹⁹. Лодыженский К. История... С. 8.

¹⁰⁰. Там же.

¹⁰¹. Там же.

¹⁰². Николаева А.Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // ИЗ. 1950. Т. 31. С. 245; Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 261.

¹⁰³. См.: Николаева А.Т. Отражение... С. 246.

¹⁰⁴. Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 262.

¹⁰⁵. Толстой Д. История... С. 74.

¹⁰⁶. Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 10. Местные традиции проявлялись и в особенности ведения финансово-отчетной документации. Так, М.Б. Булгаков отмечает, что «в Устье Великом особо велись черновые и беловые книги сбора пошлин с торговых людей гостиной сотни и книги не взятых пошлин "с хлебных закупщиков по государевым указам", в Калуге составлялись книги "мимоезжих" торговцев, направлявшихся в Вологду а в Астрахани (до 1661 г.) — книги записей пошлин за покупку "колмыцких ясырей" (пленников) русскими людьми и иноземцами» (Булгаков М.Б. О составе таможенных книг первой половины XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 243).

¹⁰⁷. «Посланы наганские гости на Москву пришли, — говорится в книге великокняжеского дьяка Тимофея Казакова, — и князь великий Иван Васильевич вся Руси и мати его государыня великая княгини Елена ногайским гостем велели торговати, а велели троицким старцом пошлину имати по шти денег с лошади, а по две денги велела оставить. И сентября 10 дня игумен Сергиева монастыря Иасаф з братьею великому князю и великой княгине били челом, чтоб государь и государыни пожаловала велели пошлину имати по старине по осми денег с лошади и князь великий и великая княгини обыскали о том бояр, и боярин Михайло Васильевич Тучков сказал, что отец его был в конюших, а имали при нем Сергиева монастыря пошлины с лошади по осми денег, и князь великий и великая княгини игумена Иасафа з братьею пожаловала велела ныне и впредь пошлину имати по старине по осми денег с лошади» (ОР РНБ. Ф. 558. Собр. М.П. Погодина. № 1564. Л. 41—41 об.).

¹⁰⁸. ААЭ. Т. 3. № 241. С. 360. «В Вятке в 1623 г., — указывал К.В. Базилевич, — где тоже не было таможенной грамоты, голова сам назначил таможенные ставки, руководясь обычаем и примером» (Базилевич К.В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // ПИ. 1936. Вып. 2. С. 74).

¹⁰⁹. Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины... С. 12.

¹¹⁰ См.: *Шумаков С.А.* Древнерусские косвенные налоги. С. 248.

¹¹¹ Там же. Как раз в южных русских городах, основанных или возрожденных на исходе XVI в., не существовало старых, укоренившихся таможенных традиций. «Правила таможенного обложения, — отмечает А.И. Раздорский, — вводились в них директивным порядком из Москвы без оглядки на местную "старину"» (*Раздорский А.И.* Таможенная система в Вязме в XVII веке (по данным таможенных книг 1649/50—1679/80 гг.) // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.*: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 263—264).

¹¹² *Николаева А.Т.* Отражение... С. 247.

¹¹³ *Лодыженский К.* История... С. 7—8.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. С. 7.

¹¹⁶ Там же. С. 6—7.

¹¹⁷ *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика... С. 265.

¹¹⁸ ААЭ. Т. 1. № 134.

¹¹⁹ Там же. № 263.

¹²⁰ См.: *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика... С. 265.

¹²¹ Там же. С. 267—268.

¹²² *Николаева А.Т.* Отражение... С. 247, 256—257, 261.

¹²³ Там же. С. 246.

¹²⁴ ААЭ. Т. 1. № 282; Т. 2. № 65. К.Н. Лодыженский допускал неточность, указывая на то, что москвичи и «пришлые торговцы из других областей» испытывали большую тяжесть таможенного обложения по сравнению с жителями Новгородской области (см.: *Лодыженский К.* История... С. 7).

¹²⁵ ААЭ. Т. 1. № 282.

¹²⁶ *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика... С. 263; *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 271.

¹²⁷ *Маньков А.Г.* 1) Государственно-правовое обеспечение торговых путей // *Общество и государство феодальной России*. М., 1975. С. 311—312; 2) Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 203, 204.

¹²⁸ Законодательные акты... Тексты. № 287. С. 195, 198—199.

¹²⁹ *Маньков А.Г.* 1) Государственно-правовое обеспечение... С. 311; 2) Уложение 1649 года... С. 204.

¹³⁰ *Маньков А.Г.* Государственно-правовое обеспечение... С. 312—313.

¹³¹ *Маньков А.Г.* 1) Государственно-правовое обеспечение... С. 311, 314; 2) Уложение 1649 года... С. 206.

¹³² ААЭ. Т. 1. № 367. С. 455; Соборное уложение ... С. 28—29. Гл. IX, ст. 1—5.

¹³³ Соборное уложение... С. 29—30. Гл. IX, ст. 7, 9, 10, 17.

¹³⁴ Там же. С. 30. Гл. IX, ст. 16, 19.

¹³⁵ Там же. Ст. 17—20.

¹³⁶. Там же. С. 29—30. Гл. IX, ст. 11—15.

7.2. Таможенная реформа царя Алексея Михайловича

В середине XVII в. в таможенном деле России назрели серьезные перемены. Прежде всего, кардинальное обновление таможенного законодательства было обусловлено вовлечением страны в процесс становления национального рынка и домогательствами купцов, дворян и крупных монастырей. Не прекращавшиеся челобитья представителей купеческих верхов свидетельствовали о растущем экономическом влиянии торгового сословия, его сплоченности в попытках решения целого ряда вопросов. Необходимость таможенной реформы вызывалась также нарастающей самодержавно-бюрократической тенденцией, фискальной заинтересованностью государства, вынужденного изыскивать средства на содержание растущего слоя приказной бюрократии, «полков иноземного строя», закупку огнестрельного и холодного оружия, проведение активной внешней политики и подавление внутренних беспорядков. Дальнейшее сохранение неразберихи и произвола в таможенном деле вступало в непримиримое противоречие с задачами централизации государственного управления.

Местные особенности в правилах таможенного обложения (виды платежей, способы их взимания и др.), привилегии частных лиц, злоупотребления, произвольные поборы со стороны воевод, таможенных голов и целовальников разоряли купцов, затрудняли торговые связи между областями единого государства. В купеческом челобитье 1653 г. прямо говорилось о том, что, во-первых, «изстари таких великих лишних пошлин, как ныне емлют, не бывали»; во-вторых, таможенные головы и целовальники, избегая недоимки, за которую подвергались государевой опале и правезу, ежегодно вводили «новосчинные всякие лишние напрасные пошлыны», совершая таким образом крестное преступление, изменяя присяге; в-третьих, торговые люди, испытывая непосильное бремя несанкционированных проезжих и торговых пошлин, подвергались также произвольным задержаниям, «многих торгов своих промыслишков отбыли и в конец погибли душами и животами своими».¹

К решительной перемене в области таможенно-правовых отношений вел и сам процесс развития нормативно-законодательной базы таможенного дела. К середине XVII в. практика издания уставных таможенных грамот с учетом объективной логики изменявшихся торгово-таможенных отношений (выравнивание условий в пошлинном обложении местных жителей и иногородних, повышение значения рублевой пошлыны, «округление» тамги за счет других пошлин и сборов, введение «болшой тамги» и т. д.) насчитывала уже свыше полутора столетий. Требовалось обобщить накопленный опыт, издать на правительственном уровне постановление (единую уставную таможенную грамоту), обязательное для исполнения на всей территории России, и направить его вместе с «царскими уставными печатными грамотами» в города и села таможенным головам и целовальникам, «чтоб его государев указ всем людям был ведом».²

В связи с этим ошибочным представляется утверждение Ю.А. Тихонова о том, что уже с середины XVI в. «произвол отдельных феодалов сменился установлением централизованного таможенного управления с регламентацией сборов».³ Во-первых, даже в удельный период «произвол» отдельных феодалов в таможенном деле имел условный и ограниченный характер. Во-вторых, как было показано выше, «централизованное таможенное управление» в России формировалось на всем протяжении XVI—XVII вв.

25 октября 1653 г. царем Алексеем Михайловичем был подписан указ «О взимании таможенной пошлыны с товаров в Москве и в городах, с показанием поскольку взято и с каких товаров», который завершил прежнюю таможенную политику и положил начало таможенной реформе, завершившейся принятием Новоторгового устава 1667 г. «Появление в 1653 г. единой уставной таможенной грамоты для всей страны, — справедливо отмечал Ю.А. Тихонов, — было обусловлено предшествующими актами и явилось завершением прежней таможенной политики».⁴

Акт от 25 октября 1653 г. трактуется в исторической литературе по-разному. Так, Ю.А. Тихонов и А.Г. Маньков отождествляют его с таможенной реформой.⁵ Ю.Г. Кисловский полагает, что указ царя Алексея Михайловича стал началом «перестройки таможенного дела в соответствии с потребностями экономического и торгового развития Московского государства», важной вехой таможенных реформ, «которые продлились до середины XVIII в., когда были ликвидированы внутренние таможи, отменена откупная система и таможенные органы превратились в государственный аппарат со своей структурой

и управлением».⁴ По нашему мнению, указ от 25 октября знаменовал начало таможенной реформы, завершившейся принятием Новоторгового устава 1667 г.

В августовском (1653) челобитье, изложенном напористо, но вместе с тем витиевато, торговые люди добивались: 1) введения «на Москве и во всех городех и в пригородках и в уездех» единой рублевой пошлины, которой подлежали бы равным образом продажные товары как местных, так и иногородних торговых людей; 2) взимания рублевой пошлины в виде фиксированного процента (по воле царя) с продажной цены товара; 3) отмены проезжих пошлин и некоторых других «мелочных сборов»; 4) невозможности для таможенников произвольного завышения стоимости товара сверх рыночной цены; 5) освобождения от уплаты пошлины покупателей товаров («у тех купцов с денег и покупных товаров пошлин не имать»); 6) разрешения торговать в селах и слободах, где не было таможен; 7) освобождения хозяев от ответственности в случае нарушения правил торговли их приказчиками и кабальными людьми и т. д.

Выражая одновременно интересы таможенной службы, челобитчики добивались, чтобы повсеместно вопросами пошлинного обложения ведали исключительно верные головы и целовальники («а воеводам и всяким приказным людям, во всех городах и в селах, таможенных голов и целовальников и торговцов в селах, в таможенных сборах, и в проездах ничем государь ведать же не велел»), чтобы только они могли конфисковывать товары, перемещаемые с сокрытием от таможенного контроля, вести предварительное следствие и обыскивать лиц с целью пресечения беспошлинной торговли, беспрепятственно посылать «ко всяким чином людям» для выемки контрабандных товаров. Они также ставили вопрос о включении в практику таможенного дела обязательной выдачи торговым людям, отправлявшимся в другие города с купленным товаром или с деньгами, вырученными от продажи товаров, особых «выписей, за таможенными печатями», с перечислением вывозимых товаров. Торговые люди ратовали за то, чтобы материальная ответственность таможенных голов за недобор пошлинных сборов наступала после расследования причин недоимки, за повсеместное введение хлебных единых мер, сажений, аршинов, гирь, безменов, контарей и терезей и т. д.²

Надо сказать, что требования купцов в Торговом уставе были в основном удовлетворены. Текстуально сравнив указ 25 октября 1653 г. с челобитной «представителей торгового мира», А.Г. Маньков пришел к заключению, что последняя «была не только инициативным документом, но и источником указа».³ Во-первых, было установлено равное для всех таможенное обложение торговых сделок (со всех товаров, включая хлеб и другие меримые товары) *единой рублевой пошлиной* и ликвидированы проезжие сборы. («А которые напредь сего сбирывались на Москве и в городах с весчих и не весчих товаров проезжие, рублевые и всякие мелкие пошлины, и те проезжие и мелкие всякие сборы отставить».)³ Во-вторых, прекратилось взимание замыта, явки, гостиного, поворотного, осмничего, порядного, померного и многих других пошлин, а тамга была заменена единой рублевой пошлиной (если слово *тамга* и встречалось после 1653 г., то только в актах, подтверждавших прежние жалованные грамоты).

Хотя пошлина с хлеба удержала прежнее название померной пошлины и поступала в особое таможенное ведомство — Померную избу, она собиралась на том же основании и в том же размере, что и с других товаров. Подобным образом пошлина с лесного товара, рогатого скота, продовольствия, кроме хлеба, не отличаясь по существу от других рублевых пошлин, в Москве поступала на Мытнный двор (Мытную избу, Мытню).¹⁰ Для столицы была сохранена мытная пошлина «с леса и с животины и со всяких мелких товаров» по 10 д. с рубля, «с прямой продажной цены, по чему который товар в продаже будет» (нетрудно заметить, что и в этом случае за прежним названием скрывалась единая адвалорная ставка).

Вместе с тем наряду с рублевой пошлиной по-прежнему предусматривалось взимать *перекупную пошлину*, анбарщину, перевоз и некоторые другие сборы. На больших реках «на Волге и на Оке в полную воду» по-прежнему велено было взимать перевоз, размер которого устанавливался «с товарной телеги по десяти денег, а с тутошних с уездных людей, с товарной же телеги <...> по шти (6. — *М.Ш.*) денег» и т. д. Анбарщину же в Москве и других городах велено было собирать только с тех людей, которые «товары свои учнут в анбары класть; а которые торговые люди товары свои продадут, или заменяют, не складчи товара своего в анбар, и с тех людей анбарщины не имать».¹¹

С еще большей последовательностью Торговый устав выражал фискальные интересы казны. Направленность большинства его статей однозначна: получить с каждой сделки купли-продажи 5%. Согласно указу, всякий продавец должен был уплатить 10 д. с рубля продажной цены товара.

От уплаты пошлины не были избавлены и приезжие торговые люди, покупавшие на деньги. С них положено было взимать 5 д. с рубля, выдавая «на те покупные товары выписи, что они куплены на деньги».¹² Е.Г. Осокин указывал, что выписи на «очищенный» таким образом товар выдавались таможенниками при отъезде купца из города. Впрочем, пошлин не взималось с тех денег, на которые не покупалось товаров, которые привозились для взноса в казну или расходовались приезжими купцами на покупку товаров про свой обиход.

По всей видимости, от уплаты таможенных пошлин освобождались и те торговые люди, которые совершали покупку на «товарные деньги»: «А которые всяких чинов торговые люди, на Москве и в городех, товары свои продадут на денги и пошлины с той своей продажи по указу заплатят, и на те денги покупают иные товары, и с тех денег пошлины не иметь, а взять пошлин с тех товаров, где те товары в продаже будут».¹³

По общему правилу рублевая пошлина (10 д. с рубля) взималась в два приема: сначала купец уплачивал пошлину с денег, привезенных на покупку товара (5 д. с рубля); затем — с этого покупного товара при его продаже (5 д. с рубля). «А где те покупные товары в продаже будут, — говорилось в указе, — и с тех товаров с продажи по пяти ж денег с рубля». В общей сложности это и составляло «с денег и с товаров по десяти денег с рубля». Впрочем, согласно Е.Г. Осокину, не зачислялись платёжные выписи, привозимые из таких торжков, где пошлины собирались в пользу вотчинников или монастырей.

Пошлина с товарной сделки в сельской местности целиком оплачивалась покупателем. («А которые люди на Москве и в городах явят денги на товар в уезде: и с тех денег по десяти денег с рубля».) Это правило находилось в противоречии с другим положением устава, согласно которому «меж таможен на дороге торговым людям никакого товара не продавать и не покупать», т. е. запрещалось торговать в селах проездом из города в город.

Если же торговые русские люди вывозили русские товары для торгового промысла за море в другие государства, кроме Персии, с тех товаров в порубежных городах тоже взимали по 10 д. с рубля с продажной цены (при наличии выписи, удостоверяющей покупку товаров на деньги, — по 5 д.). Для торговой поездки за границу русскому человеку следовало обращаться к воеводам (в городах) и даже к самому государю за проезжей грамотой (своего рода заграничным паспортом). Самовольные поездки с торговой целью запрещались. За нарушение этого правила полагалось битье кнутом.¹⁴

По мнению Е.Г. Осокина, установленная величина рублевой пошлины незначительно отличалась от величины тамги предыдущих лет. «По-видимому, — писал он, — величина рублевой пошлины должна бы была возвыситься сравнительно с тамгою, чтоб вознаградить казну за доход, потерянный от уничтожения других торговых пошлин: между тем сомнительно, превышала ли в самом деле рублевая пошлина тамгу, тем более что деньги в половине XVII столетия упали в своей цене против цены их в XV и XVI столетиях. Притом есть основание думать, что торговые люди, освободившись от многих прежних пошлин, платили и рублевой пошлины не более, если не менее прежней тамги. Одни только продавцы хлеба, вообще, жита, свободного от тамги, и подлежащего очень незначительным, в сравнении с тамгою, померным пошлинам, могли остаться в убытке при новой таможенной системе, потому что подвергались налогу наравне с продавцами других товаров».¹⁵

На *проезжие товары* выдавались выписи из таможенных книг, подписанные головами и заверенные таможенными печатями. Это позволяло контролировать перемещение товаров и поступление причитающихся пошлин. «А которые торговые люди, — говорилось в указе, — повезут с Москвы в города товары свои, и из городов к Москве, или в иные города и на те проезжие товары таможенным головам и целовальникам давать выписи за руками и за таможенными печатями, чтобы те товары были ведомы, а в выписях писати именно, сколько кто каких товаров с Москвы в города, или из городов к Москве повезут, и в таможенной книге записывать особ статьею».¹⁶ Если у иностранцев в порубежных городах такие выписи отсутствовали либо товара оказывалось больше, чем следовало из выписи, то начиналось следствие, устанавливался продавец товара, чинилось наказание.¹⁷

Торговый устав также установил и пошлинное обложение торговых иноземцев, обязав заплатить с продажи привозных товаров 2 алт. (6%) с цены во всех русских городах, кроме северного порта. В Архангельске же с продажи русских и иностранных товаров продолжала взиматься «пошлина большая» с «весчих» товаров 5%, а с «невесчих» — 4% с цены.¹⁸

Одновременно предусматривались *проезжие отъявочные пошлины*, которые взимались с иностранцев, привозивших свои товары в Москву и во внутренние города или отпускавших русские товары за границу. Ставка проезжей пошлины была определена в 4 д. с рубля (2%).¹⁹

Если привозной товар «отъявлялся» в Москву и в другие русские города из Архангельска, то «с отъявки с заморских товаров у иноземцов» надлежало заплатить пошлину «в полы против торговые пошлины (в Архангельске. — *М.Ш.*), с весчих товаров по четыре денги с рубля, а не с весчих по три денги с рубля» (2—1,5% с цены). Когда же «свой» товар из Архангельска в Москву отпускал торговый иноземец, не имевший жалованной грамоты, он должен был передать его в «отъявку» либо тому иностранцу, у кого была такая грамота, либо русскому торговому человеку. При этом он обязан был заплатить «с тех товаров с отъявки» «пошлину большую» в размере 5—4% с цены. Тем самым законодатель пытался предотвратить незаконные товарные сделки под предлогом «отъявки» привозных товаров во внутренние города. Те же иностранцы, которые привозили в Архангельск из Москвы и других внутренних городов русские товары с целью вывоза из страны, обязаны были платить экспортную пошлину по 2—1,5% с цены: «...и отъявя те русские товары повезут за море: и с тех товаров с отъявки имати пошлина против торговые пошлины вполы, с весчих товаров по четыре денги с рубля, а не с весчих товаров по три денги с рубля».²⁰

Непростым представляется вопрос об исчислении таможенной стоимости облагаемых товаров. Формулировки «почему который товар ценой на деньги в продаже будет», «прямые ж цены, в какову цену на деньги купить учнут» позволяют предположить, что оценка производилась по фактической рыночной цене. Однако еще Е.Г. Осокин обращал внимание на то, что «оценка привозимого товара предоставлялась отчасти самим торговым людям, которые, являя товар в таможене, обязаны были сказывать и настоящую его цену, отчасти таможенникам. Товары и их цена были записываемы в таможенные книги; записки скреплялись рукоприкладством торговых людей, а в 1698 г. велено было кроме того пятнать привозные товары, с тем чтоб не пускать в оборот без пятна».²¹ Учитывая, что «установление действительной продажной цены для каждой торговой сделки при большом их числе и более или менее значительных колебаниях рыночных цен представляло известное затруднение», К.В. Базилевич тоже соглашался с тем, что «продажные цены» могли быть установлены «лишь для единичных сделок, и то, в большинстве случаев, на основании показаний самих контрагентов этих сделок». По его мнению, особенно трудно было их установить «в тех случаях, когда товар, явленный в таможенной избе, распродался по частям в течение нескольких месяцев, иногда в течение всего года. Наказы таможенным головам, отступая от точного смысла таможенного устава, говорят не об установлении фактической продажной цены, а об оценке товара "вправду" — "чего который товар стоит"».²²

Валюта, в которой уплачивались таможенные пошлины и сборы русскими и иностранцами, до 1667 г. была произвольной. Таможенным головам полагалось пошлины взимать теми деньгами, «кто на какие деньги купит и продаст».²³

Правовая норма, вменявшая купцам в обязанность правдиво указывать таможенную стоимость привозимых для продажи товаров, очевидно, вводилась с целью повышения ориентации таможенных агентов в рыночной конъюнктуре: «А торговым всяких чинов людям товаров своих и на покупку товаров денег не таити и цены с товаров не убавливать и являть в таможнях товары и деньги, и продажную цену сказывать прямо в правду без всякой хитрости». При этом интересы купцов охранялись тем положением указа, которым устанавливалась ответственность таможенных голов за произвольное завышение цен: «А буде которые таможенные головы и целовальники, сверх продажной цены на товар, учнут прибавочную цену накладывать, и лишние пошлины имать, и тем головам и целовальникам чинить наказание без всякой пощады».²⁴

Впрочем, самим купцам в случае сокрытия или занижения цены товаров угрожала конфискация. При повторном нарушении следовало «тем людям, сверх тех их взятых товаров, чинить наказание, бить кнутом нещадно».²⁵ При этом на стороне голов и целовальников было то преимущество, что они могли

«сыскивать про утаенные товары и про цену всякими сыски накрепко; а буде кто доведется пытки, того пытати. А для утаенных товаров таможенным головам и целовальникам посылать на дворы ко всяких чинов людям и к иноземцам безпенно, чтоб в избылых ни кто не был».²⁰ Однако взаимоотношения таможенных голов и целовальников с воеводами определены не были.

Прошло немного времени, и обнаружилось, что указ 1653 г. в целом ряде случаев бездействовал. По-прежнему мытники и откупщики по дорогам, у мостов и переправ творили произвол, взимая с проезжих торговых людей излишние проезжие пошлины, мыты, и с судов посаженное, привальное и грузовое, и с людей годовщину, и с саней полозовое, и мос-товщину, и т. п., а также штрафные промытные деньги, беспричинно задерживали купцов, подрывая тем самым торговлю и причиняя значительные убытки казне. Так, в Вязьме до апреля 1654 г. стоимость соли, скота, мяса, дегтя, лука и чеснока в местных таможенных книгах не фиксировалась, а сами эти товары облагались особым сбором, размер которого определялся не стоимостью, а количеством товара. Важно также отметить, что отдельные элементы прежней системы таможенного обложения продолжали здесь существовать и после апреля 1654 г.²¹

Поэтому 30 апреля 1654 г. царем Алексеем Михайловичем была подписана дополнительная уставная грамота «О злоупотреблениях, происходящих от отдачи на откуп мытов, мостов, перевозов, съестных и других припасов, о стеснении тем народной промышленности и об уменьшении для сего некоторых налогов». Во-первых, грамотой упразднились «но-вовчинные проезжие пошлины и мыты» и многие мелочные сборы. Во-вторых, запрещалось взимание и откупное содержание («отдача в откуп») «мытов и проезжих пошлин и головщины» в вотчинах и поместьях светских и духовных феодалов. В-третьих, предусматривалось «проезжие всякие мелкие пошлины и мыты, которые были в таможнях на вере сбираны, и в откупу отдаваны <...> приложити в торговую рублевую пошлину, и сбирати в таможнях выборным, верным головам и целовальникам». В-четвертых, отменялись перевозки на Волге и Оке. Начиная с этого времени, проезжих торговых людей запрещалось насиловать или каким-нибудь другим способом «волочить» к перевозу. Они могли в любое время года «ехать на брод, мимо перевоза и моста», «повольно без перевозного».²²

По всей видимости, закону придавалось чрезвычайное значение. Он был подписан собственноручно царем Алексеем Михайловичем в двух экземплярах, один из которых был положен в Успенский собор «вечного ради утверждения во свидетельство верное, вечное <...> яко да будет сие наше царское богоугодное законоположение твердо и непоколебимо во веки».²³ Тем не менее и после опубликования уставной грамоты отдельные таможенные сборы оставались в откупном содержании, что подтверждается изданием указа 1681 г., которым было велено таможен на откуп не отдавать по причине оказавшихся больших недоимок на откупщиках.²⁴ «В дальнейшем, — указывает А.Г. Маньков, — откупа именными царскими указами назначались лишь на отдельные крупные промысловые предприятия и обычно давались видным русским и иностранным купцам».²⁵

Примечания

¹. ААЭ. Т. 4. № 64.

². Там же.

³. Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 260.

⁴. Там же. С. 262. На основе именного указа 25 октября 1653 г. (в отечественной историографии он получил название «Торгового устава») составлялись царские уставные таможенные грамоты, которые направлялись в города, монастыри и ярмарочные места. Текстуально они почти полностью совпадали с Торговым уставом (см.: ААЭ. Т. 4. № 64; Сборник Муханова. 2-е изд. М., 1866. № 265. С. 552—554; Маньков А.Г. Законодательство... С. 142—143).

⁵. Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 261; Маньков А.Г. Законодательство... С. 141.

⁶. См.: Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского. М., 1995. С. 28.

⁷. ААЭ. Т. 4. № 64; Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 276—277; Николаева А.Т. Отражение... С. 263.

⁸. Маньков А.Г. Законодательство... С. 141.

- ⁹. ПСЗ I. Т. 1. № 107. По оценке К.В. Базилевича, в пограничных городах Архангельске и Новгороде с продажи любых товаров взималось, как и прежде, по 4—3% с цены. Это неверно, так как в Архангельске в дополнение к пошлинам с «весчих» и «не с весчих» товаров, размер которых действительно составлял 4% и 3%, взималось «за таможенные и за мостовые и за дрягильские и за всякие мелкие пошлины, и за анбарщины <...> с рубля по две денги, которыми товары у Архангельского города учнут торговать». Таким образом, с продажной цены товара взималось по 5—4%. Родес прямо указывал, что накануне принятия Торгового устава в Архангельске с продажи привозных иностранных товаров взималось 5% с «весчих» и 4% с остальных (ААЭ. Т. 4. № 111. С. 152; *Курц Б.Г.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 175; *Базилевич К.В.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 41. С. 11).
- ¹⁰. См.: *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 130.
- ¹¹. ПСЗ I. Т. 1. № 107.
- ¹². Там же.
- ¹³. Там же; ААЭ. Т. 4. № 64. С. 100. Гости, а также купцы гостиной и суконной сотен могли беспошлинно приобретать «про свой домовый обиход» съестных припасов и одежды на сумму от 50 до 60 р. (Новоторговый устав 1667 года // Российское законодательство I—XX веков [Тексты и коммент.]: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986. Т. 4. С. 124; *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав 1667 года // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 120).
- ¹⁴. Соборное уложение... С. 23—24. Гл. VI, ст. 1, 2, 3, 4.
- ¹⁵. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 131—132.
- ¹⁶. ПСЗ I. Т. 1. № 107.
- ¹⁷. Там же. № 332.
- ¹⁸. ААЭ. Т. 4. № 111. С. 152; ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. № 55. С. 185—186; № 116. С. 406; СПб., 1853. Т. 5. № 40. С. 181.
- ¹⁹. ПСЗ I. Т. 1. № 107.
- ²⁰. ААЭ. Т. 4. № 111. С. 152; ДАИ. Т. 3. № 55. С. 186; № 116. С. 406; Т. 5. № 40. С. 182. «А которые иноземцы, англичане, галанцы и анбурцы, — говорилось, например, в царской грамоте на Двину (1659), — торгуют товары своими у Архангельского города, а наших государских жаловальных грамот у них, что им со своими товары ездить в Московское государство, нет, а учнут те иноземцы товары свои отпускать к Москве и в города с иноземцы ж, которым, по нашему великого государя указу, велено к Москве и в города ездить, или с рускими людьми: и с тех товаров со всяких имать пошлина болшая, как указано имать с иных торговых иноземцов и с руских людей с торгов, для того, что они товар свой продав иноземцом, и для пошлины записывают в отъявку *посыпными* товары» (ААЭ. Т. 4. № 111. С. 152).
- ²¹. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 128.
- ²². *Базилевич К.В.* К вопросу об изучении... С. 82.
- ²³. ПСЗ I. Т. 1. № 332; ААЭ. Т. 4. № 139.
- ²⁴. ПСЗ I. Т. 1. № 107.
- ²⁵. Там же.
- ²⁶. Там же.
- ²⁷. *Раздорский А.И.* 1) Торговля Вязьмы в 1649/50—1679/80 гг. (Основные статистические показатели деятельности рынка) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2001. С. 65; 2) Таможенная система в Вязьме... С. 264—265.
- ²⁸. ПСЗ I. Т. 1. № 122.
- ²⁹. Там же.

²⁰ ПСЗ I. Т. 2. № 876, 882; Толстой Д. История... С. 117; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1. С. 31.

²¹ Маньков А.Г. Законодательство... С. 145. Так, в 1688 г. на откуп отдавалось право поставки в казну карлучного клея с астраханских учугов и покупки льняного семени для продажи в Архангельске иноземцам, в 1691 г. — право торговли корабельным лесом в Архангельске и т. д. (Там же).

7.3. Новоторговый устав 1667 г.

22 апреля 1667 г. был принят Новоторговый устав царя Алексея Михайловича, выработанный на основе соответствующего законодательства предыдущих лет, а также «вследствие челобитья купечества и при участии его представителей».¹ В него вошли статьи относительно размеров и порядка взимания таможенных сборов, устройства таможен, соблюдения таможенных правил и пр.

Не менее 40 из 94 статей документа имели прямое или косвенное отношение к регулированию вопросов внутренней торговли, междугородних транспортных перевозок, внутреннего таможенного контроля и таможенного оформления, начисления и платежа внутренних пошлин и сборов, прав и обязанностей купцов и таможенной администрации и т. д. В то же время, в отличие от указа 1653 г., Новоторговый устав был четко ориентирован на регулирование отношений русских торговых людей с иностранцами, решение вопросов внешней торговли, таможенного обложения привозных и отпускных товаров. Неудивительно, что еще в дореволюционной литературе он получил оценку первого таможенного тарифа и первого таможенного устава России.² «На Новоторговом уставе, — указывал Д.А. Толстой, — основывались все последующие грамоты, даваемые иностранным купцам на производство торговли в России».³

Пенитенциарные меры за нарушение таможенных правил не отличались гибкостью и сводились в основном к конфискации товаров или денег в казну. Этот «штраф» упоминался в 20 статьях Новоторгового устава. В 9 случаях устойчиво повторялась формулировка «имать (взять) на великого государя» (ст. 6, 9, 15, 28, 30, 36, 57, 65, 67). Законодатель не останавливался и перед применением наказания в виде общественной порки, угрожая провинившимся приказчикам нещадным «битьем кнутом» (ст. 20).

Оригинальный текст Новоторгового устава сохранился в Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Подлинность документа подтверждается «рукоприкладством» торговых людей, как личными, так и «за руками других лиц».⁴

Законодательно-правовыми источниками Новоторгового устава стали: уставные таможенные грамоты XV—XVII вв.; грамоты, указы, различные распоряжения царя и московской приказной администрации в Архангельск и другие города; материалы дипломатических переговоров по поводу условий торговли и таможенного дела; Торговый устав 1653 г.; Уставная грамота 1654 г. «О злоупотреблениях, происходящих от отдачи на откуп мытов, мостов, перевозов...».

Иницилирующую роль во введении Новоторгового устава сыграло само московское правительство (известий о посылке в 1667 г. нового купеческого челобитья не сохранилось).⁵ Однако это не может служить основанием для недооценки предыдущих челобитий, отразившихся во многих официальных документах, в том числе в посольских запросах.

Вдохновителями и непосредственными разработчиками документа были: 1) А.Л. Ордин-Нащокин, государственный деятель, дипломат, который после подписания Андрусовского перемирия 1667 г., завершившего русско-польскую войну 1654—1667 гг., в качестве главы правительства «получил полную возможность предпринять общую реформу таможенной политики и организации торговли»;⁶ 2) гость Петр Марселис, сын Гавриила Марселиса, владельца крупной гамбургской фирмы и члена Ост-Индской торговой компании, который с 1629 г. почти постоянно проживал в Москве. Преуспев в оптовой торговле, Марселис также являлся крупным откупщиком, управлял Тульскими и Каширскими железными заводами, почтами, ежегодно внося в казну от 1000 до 1500 р. пошлины. Именно ему К.В. Базилевич приписывал авторство первоначального текста Новоторгового устава;⁷ 3) думные дьяки Герасим Дохтуров и Лукьян Голосов, помогавшие Ордину-Нащокину в составлении Новоторгового устава; 4) гость Василий Григорьевич Шорин, крупный оптовик, судовладелец, хозяин соляных

промыслов у Нижнего Новгорода. Являясь в 1658 г. главой таможенной администрации в Архангельске, он вносил в правительство свои предложения относительно увеличения казенной прибыли, в частности указывал на целесообразность таможенного оформления и назначения пошлины непосредственно на прибывавших кораблях, т. е. до своза товаров на берег. Не исключено, что это и некоторые другие его предложения легли в основу статей 3, 43, 44, 46.⁸

Важно также отметить, что московское правительство к тому времени уже было в курсе относительно основных идей *меркантилизма*.⁹ Власти были знакомы и с учением хорвата Юрия Крижанича (1618—1683) о необходимости полного освобождения внутреннего рынка страны от негативного влияния со стороны иностранных купцов. По мнению Ю. Крижанича, основное правило торговли — дорого продать свои товары и дешево купить чужие — не могло выполняться русскими людьми из-за хозяйничанья на внутреннем рынке России иностранцев: последние были хорошо осведомлены о месте и времени, где и когда можно было с большой выгодой продать свои и купить русские товары. На основании подобных рассуждений Ю. Крижанич пришел к выводу, отразившему главное чаяние всех купеческих челобитий: «Если бы немцев на Руси не было, торговля этого царства была бы в гораздо лучшем состоянии. Мы бы дороже продавали наши товары и дешевле покупали нужные».¹⁰ Выступая за концентрацию внешней торговли страны в порубежных городах, Ю. Крижанич внес ряд предложений по оптимизации торгового баланса, имея в виду ограничить ввоз предметов роскоши, насаждать обрабатывающую промышленность, перерабатывая сырье на месте, создавать условия, препятствующие вывозу сырья и других товаров, необходимых для внутреннего потребления. В связи с этим правительству предлагалось установить контроль над основными товарными потоками и ввести государственную монополию на внешнеторговую деятельность с тем, чтобы продавать русские товары за границу по максимально высокой цене, обеспечивая одновременно реализацию на внутреннем рынке покупных иностранных товаров с наименьшей прибылью.¹¹

По всей видимости, решающее влияние на выработку норм Новоторгового устава оказало личное участие А.Л. Ордина-Нащокина в реформировании местного управления в Пскове (1665), его стремление широко распространить позитивный опыт «псковского эксперимента», законодательно оформить мысль о целесообразности делового партнерства маломочных торговых людей с крупными оптовиками для поддержания высоких цен на русские вывозные товары.¹²

Можно сказать, что в содержании Новоторгового устава отразилась вся повседневная практика русской торговли и таможенного дела, особенно в статьях о порядке прибытия кораблей, осмотре товаров, составлении выписей, оформлении таможенных сборов и т. д.¹³

В преамбуле Новоторгового устава, «которая по своей обстоятельности и мотивировочной основе может быть сравнена только с преамбулой Соборного уложения 1649 г.»¹⁴ подробно говорилось о неблагоприятных условиях для торговой деятельности. Главной причиной тому была продолжительная война с Польшей за возвращение Смоленска, Черниговской земли, Белоруссии и обеспечение условий «воссоединения» с Украиной (1654). По *Андрусовскому перемирию* 1667 г. Польше пришлось вернуть России Смоленск, Черниговскую землю, признать воссоединение с Россией Левобережной Украины. В 1656—1658 гг. продолжалась война со Швецией, закончившаяся вничью (по *Кардисскому мирному договору* 1661 г. восстанавливались границы, установленные *Столбовским миром* 1617 г.).

В преамбуле также содержались обвинения в адрес иностранцев, которые, используя ситуацию, стали «товары худые, поддельные как в серебре и в золоте в литом и в пряденом, так и в поставах, сукнах и в иных заморских товарах в царствующий град Москву и в города Великой России привозить», что вело к подрыву торговли. Вместе с тем в ней замалчивался тот факт, что для покрытия военных расходов правительство прибегало к чрезвычайным мерам: в 1662 г. вводилась монополия на торговлю пятью «указными товарами», составлявшими примерно ½ стоимости экспорта; эти товары приобретались казной за медные деньги, а затем продавались на серебро.¹⁵ За три года чистая прибыль от этой продажи составила 64 тыс. р.¹⁶

Вводная часть документа также содержала обещание правительства всемерно содействовать торговле: 1) широко обнародовать статьи Новоторгового устава, обеспечить их неукоснительное соблюдение; 2) завести «свободные торги»; 3) обеспечить кредитование торговли из средств Большой московской таможни и земских изб; 4) привлечь к исполнению таможенной службы на выборных началах представителей от гостей (в качестве голов) и «лучших торговых людей» (в роли целовальников) с тем

чтобы они, во-первых, «прежних постановленных государственных указов в целости остерегая, также и последующих» строго следовали; во-вторых, обеспечивали взимание таможенных платежей к государственной прибыли; в-третьих, оберегали торговых людей «от всяких сторонних разорительных обид». Все эти меры по защите и развитию отечественной торговли «имели своей конечной целью умножение доходов государственной казны».¹⁷

Согласно преамбуле, выборными головами и целовальниками могли становиться лишь те торговые люди, которые отличались досужестью («не на животы смотря»), правдивостью и добродетельностью. При этом задачи таможенной администрации были определены, исходя из интересов гостей и «лучших» людей: 1) «маломочным» запрещалось вступать в непосредственные торговые сношения с иностранцами, чтобы «цены не портили»; 2) им же запрещалось брать у иностранцев деньги в подряд. Проявлением дискриминации «маломочных» было и то, что их можно было допросить, если «покажетца у них товаров много», с целью выяснения, «от кого хто торгует, чтоб в утайке ни что не было».¹⁸ В качестве компенсации «маломочным» обещалось «береженье» у гостей и «лучших» людей путем приобщения к делам крупной торговли.

Стремление законодателя примирить интересы богатых и бедных, зафиксированное в преамбуле Новоторгового устава, не получило продолжения и закрепления в содержательной части закона. Возможно, что здесь сказалась личная неудача Ордина-Нащокина в реформировании псковского торгова.¹⁹

Новоторговый устав не санкционировал создание торговых товариществ, способствующих развитию духа корпоративности, сотрудничества в среде русского торгового предпринимательства. Не был учрежден и особый Приказ купецких дел, хотя еще в 1665 г. об этом ходатайствовали в Москве псковские посадские люди; они добивались, чтобы их по всем делам ведали в одном приказе, а не «волочили» по разным столичным учреждениям, причиняя материальный и моральный ущерб. Несмотря на утверждение И.Я. Рудченко о том, что по Новоторговому уставу заведение делами торговых людей, их охрана от воеводских налогов были переданы в Приказ Большого прихода,²⁰ нельзя не отметить обтекаемость формулировок статей 88 и 89. Они лишь вообще свидетельствуют о стремлении законодателя к устройству «одного пристойного приказа», который бы ведал всех купецких людей в отношении суда, в котором можно было бы найти управу на злоупотреблявших чиновников, а также защиту от «воеводских налог» и поддержку в осуществлении бесперебойной торговли как внутри страны, так и за рубежом.

Прежде всего Новоторговый устав упорядочил и детализировал правила таможенного регулирования и таможенного обложения внутренней торговли.

Подтверждалась отмена всех мелких сборов и замена их *единой рублевой пошлиной* (ст. 90). В числе внутренних таможенных платежей продолжали фигурировать *перекупная пошлина с весчих товаров* и некоторые другие мелкие пошлины частногоправового характера (ст. 38).

Основным внутренним таможенным платежом была определена рублевая пошлина, с которой к тому времени окончательно слились ранее упраздненные «подужное, мыты, и сотое, и тридцатое, и десятое, свальное, складки, и повороты, и статейные, и мостовое, и гостиное, и иные всякие мелкие статьи» (ст. 90). Всякий московский и иногородний человек, привозивший на продажу товар от Архангельска «или откуда ни есть в тот город, в котором живет», обязан был «платить пошлины с продажных товаров против прежнего государева указу (1653 г. — *М.Ш.*)» (ст. 23). Рублевая пошлина взималась лишь с продажного товара, который привозился в город или селение, где существовала таможня.²¹ Местный житель, покупавший товар про свой обиход, освобождался от уплаты пошлин «по-прежнему» (ст. 27). Ставка рублевой пошлины не изменилась, составляя 10 д. с рубля или 5% с цены товара.²²

По-прежнему рублевую пошлину с торгового человека положено было взимать в два приема: сначала как с покупателя, а затем как с продавца.²³ Представляется, что и товар облагался рублевой пошлиной не менее двух раз: во-первых, когда его впервые являл в таможе продавец, плативший 10 д. с рубля (5%); во-вторых, когда его перепродавал торговый человек, сначала плативший 2.5% с денег на покупку, а затем 2.5% с перепродажи. Поэтому трудно согласиться с К.Н. Лодыженским в том, что товар внутреннего производства подлежал рублевой пошлине только один раз, когда его впервые являли в таможе.²⁴ Вызывает возражение и то предположение Ю.А. Тихонова, что торговые люди,

сначала покупая, а затем продавая свои товары по более высокой цене, уплачивали пошлину в два—четыре раза меньшую, чем товаропроизводители при продаже своих изделий.²⁵ Во-первых, в уставе не говорилось об освобождении покупателя товара, уже оплаченного рублевой пошлиной, от уплаты 2.5% пошлины с денег, привезенных в город на покупку товара. Во-вторых, устав допускал возможность приобретения товара по дороге «на ярманках и меж городами». При доставке в город такой товар надлежало явить в таможеню. В случае же продажи с него взыскивалось 10 денег с рубля «с продажные с прямые цены» (фактически рублевая пошлина), что удостоверялось соответствующей выписью (ст. 28, 29). Следовательно, местный товаропроизводитель, продавая свой собственный товар «на ярманках и меж городами», вообще избавлялся от общения с таможеней. За это приходилось отвечать купцу. Приобретая товар, последний платил в городе пошлину и с его продажи 5 д. с рубля и «за волостную покупку» 5 д. с рубля (всего 10 д. с рубля).

В том случае, если в Москве или ином городе продавец испытывал затруднения с реализацией явленного на продажу товара, ему разрешалось взять его в другой город и в течение полугода после явки «продавать в том городе и вести в иные города». Таможня оформляла выпись, с которой купец отпускался «во шти месяцах», а пошлина взималась в том городе, где товар продавался. Полученную выпись купцу надлежало «привозить в те города, ис которых они с непроданными товары отпущены» (ст. 24).

Если торговый человек, явивший и записавший свой товар, не мог продать его в течение шести месяцев, а собирался взять в другой город, то пошлину надлежало взыскать по месту регистрации товара, т. е. в первом городе. Одновременно ему давалась выпись, в которой оговаривался срок, в течение которого надлежало вернуться с выписью из того города, где товар продавался (ст. 25).

О характере контроля за перемещением товаров внутри страны свидетельствует и то, что даже местный житель, купивший в своем городе товар беспошлинно, не мог следовать с ним в другой город, предварительно не явив в таможеню. Таможенному голове надлежало записать «тот товар в отпускную книгу, и дать ему (горожанину. — *М.Ш.*) выпись за рукою и за печатью, и отпустить в тот город. А в выписи товар всякой описать порознь. И приехав ему на иной город, подать выпись в таможеню, и против той выписи голове у него велеть досмотреть и записать в книги имянно, и велеть досмотреть накрепко, и что сверх выписи объявитца, взять на великого государя» (ст. 28).

Непростым представляется вопрос о *перекупной пошлине с весчих товаров* (ст. 38), тем более, что ее размер не был определен ни в 1653 г., ни в 1667 г. По свидетельству Родеса, после продажи в Москве привозных товаров иностранец приобретал на вырученные деньги русские «оборотные» товары и обязан был заплатить с такой покупки перекупную пошлину в размере 0.25%.²⁶ «Перекупная пошлина, — указывал Е.Г. Осокин, — была взимаема только с покупателя и притом покупавшего для перепродажи, на что указывает уже самое название пошлины». ²⁷ Эту пошлину платили в одинаковом размере «как покупатели городские, так иногородние и иноземцы, но пошлина была различна, смотря по тому, у кого был покупаем товар: за продаваемый иноземцем платилось по 2 деньги с рубля, в других же случаях по 1½ деньги». ²⁸ По мнению И.Д. Беляева, название перекупной пошлины получило «весчее»; однако, если раньше весчая пошлина взималась и с продавца, и с покупателя, то, «сделавшись перекупной пошлиной, она была взимаема только с покупателя, и притом покупавшего для перепродажи». ²⁹ К.Н. Лодыженский высказывал предположение, что перекупная пошлина взималась при перепродаже в другие руки товара, уже оплаченного рублевой пошлиной. ³⁰ В свою очередь Ю.А. Тихонов полагал, что она взималась с перепродажи товара, купленного на «товарные деньги», т. е. на деньги, вырученные от продажи каких-либо других товаров. ³¹ Он также допускал, что «имелось особое постановление об этом сборе, дополнявшее устав 1667 г.». ³²

Как бы то ни было, текстуальный анализ таможенной книги Устюга Великого 1676/77 г. позволяет утверждать, что и через 10 лет после принятия Новоторгового устава перекупная пошлина в размере 2.5% взималась здесь с местных торговых людей, покупавших на явленные деньги сукно сермяжное, рукавицы, чулки, воск, мед, ворвань, рыбу и всякий мелочной товар с целью перепродажи на устюжском же рынке. Кроме того, с денег на покупку также взималось 2.5%. Следовательно, всего за право перепродажи устюжане платили 5% с явленных на покупку денег, что никак не могло быть в два раза меньше размера рублевой пошлины, на чем в свое время настаивал Ю.А. Тихонов. ³³

Можно предположить, что в размере 2.5 д. с рубля (1.25%) перекупную пошлину стали взимать лишь с 1678/79 г.³⁴ Ее по-прежнему платили местные торговые люди, занимавшиеся перепродажей покупных товаров. Однако теперь они были избавлены от уплаты пошлины с денег на покупку товара. Перекупная пошлина стала взиматься с продажной цены некоторых «весчих» товаров (мед, воск, говяжье сало, рыба, хмель, щетина и др.), которые приобретались на местном рынке («товару устюжские покупки»)³⁵. Плательщиками перекупной пошлины становились и приезжие купцы, которые покупали те же товары у местных торговых людей на «товарные деньги».³⁶

По-видимому, перекупная пошлина также взималась за право вывоза малороссийскими купцами в свои города русских покупных или променанных товаров. В порубежных русских городах украинцам надлежало предъявить «выписи за таможенными месячными печатями, что на покупку тех товаров деньги у них явлены, и пошлины с денег и перекупки взяты». Так, в 1683 г. малороссийского торгового человека, покупавшего «юхотный красный товар» (юфть) на деньги, полученные из Приказа Большой казны за поставленное подрядное вино, было взыскано в Ярославле пошлины «по пяти денег, да перекупных по полтретью деньги (две с половиной. — *М.Ш.*) с рубля».³⁷

Некоторые другие статьи Новоторгового устава, касающиеся внутренней торговли и таможенной системы в целом, также исходили из положений указа 25 октября 1653 г., который действовал наравне с ним.³⁸ Так, торговые дела были полностью исключены из ведения воевод, купцы освобождались от ответственности за проступки, недобросовестное, халатное отношение к делу своих помощников и подчиненных.³⁹

Русским людям разрешалось пользоваться «для своих нужд» весами «малыми» — до 10 пудов и безменами — по 2—3 пуда; на судах рыболовных и используемых для перевозки соли «для всякой сметы» разрешалось иметь контари по 2.5 пуда (ст. 21, 22).

Несмотря на то что в Новоторговый устав не вошли статьи о перевозках, мытной пошлине в Москве (10 денег с рубля) и гостинной пошлине, их взимание, по всей видимости, определялось нормами Торгового устава 1653 г. и уставной грамоты 1654 г.

Из 94 статей устава 52 имели непосредственное отношение к Архангельскому порту и таможне. В приложенных к нему семи статьях «Устава торговле в царствующем граде Москве и во всей Великой России в порубежных городех», предназначенных для информирования иностранных купцов, были кратко сформулированы основные положения о порядке таможенного контроля, таможенного оформления и таможенного обложения привозных товаров в северном русском городе.

Согласно ст. 2, все вопросы организации и управления торговлей в Архангельске, включая право суда, а также непосредственное осуществление таможенного дела («всякая полная расправа») возлагались на гостя с товарищами. Гость (архангельский таможенный голова) назначался из московской купеческой верхушки. Он выезжал из Москвы в Вологду 15 мая «з достальными целовальники», да ему же «в прибавку» придавались целовальники из Великого Устюга, Каргополя и Сольвычегодска, по два человека от каждого города. Все они должны были прибыть к Архангельску до начала ярмарочного торга, т. е. до 1 июня (ст. 8).⁴⁰

Гость отправлялся на Двину, имея на руках специальную грамоту из Москвы и наказ. По прибытии к месту своей службы он должен был представиться воеводе. Последний знакомил его с местной административной практикой и вручал «списки с прежних государевых наказов и уставные грамоты о всяких таможенных пошлинах за дьячьими приписями», а также таможенные книги прошлых лет. Таким образом, прибывший гость сразу же входил в курс дела. «Имеющийся у него в руках наказ, — отмечал А.Ф. Изюмов, — был подробнейшим реестром всех его обязанностей, а списки с уставных грамот и таможенные книги давали возможность лучше приглядеться к местным условиям новой службы и восстановить преемственность от предшественника».⁴¹

Воеводе запрещалось вмешиваться в компетенцию гостя, чтобы царской казне «в сборах порухи не было» (ст. 1—2). Его влияние на торговые дела в Архангельске ограничивалось тем, что он контролировал перемещение в гавани иностранных судов и держал под наблюдением их якорную стоянку. Воевода также направлял в Пудожемское и Березовское устья Двины стрелецкие караулы «для наблюдения, чтобы устьями не прошли, сверх чаяния, неприятельские (воровские) корабли».⁴²

Характеризуя Новоторговый устав как основной таможенный закон страны во второй половине XVII в., можно предположить, что в Архангельске и за его пределами практиковались следующие технологические схемы таможенного контроля, оформления и обложения товаров.

1. Таможенное оформление русских товаров, вывозимых из Москвы и внутренних городов страны к Архангельску. В течение зимы все товары, предназначенные к вывозу из страны через северный порт, стекались из внутренних городов России в Вологду, где складировались в ожидании полой воды. Для контроля за их дальнейшим перемещением и с целью осуществления необходимых таможенных формальностей 1 апреля в Вологду отправлялись из Москвы в качестве правительственных уполномоченных «товарищ гостинные сотни» (будущий помощник архангельского таможенного головы) и «целовальник» из торговых людей суконной сотни, а с ними по два человека из Ярославля, Костромы и Вологды (ст. 3).⁴³

По прибытии в Вологду они должны были: 1) «взять у таможенного вологодского головы записные книги тем всем товаром, которые с Москвы и со всех городов на Вологде написаны в отпуск к Архангельскому городу» (ст. 4); 2) потребовать у русских и иностранных купцов подлинные («за их руками») «росписи» товаров, намеченных к отправке в Архангельск по Сухоне и Северной Двине (ст. 5); 3) досмотреть товары, готовые к погрузке, выявить их соответствие содержанию «росписей» (обнаруженные при этом товарные излишки подлежали конфискации) (ст. 6); 4) по завершении досмотра: а) произвести запись отпускных товаров в специальную книгу; б) выдать купцам «выписи за печатью и за рукою» (после этого разрешались погрузка и отплытие «без задержания до Архангельского города») (ст. 7).⁴⁴

С первым же судном к Архангельску надлежало отбыть и двум целовальникам. Остальные должны были следовать к Белому морю, лишь «отпустя с Вологды вешние суды», но так, чтобы прибыть к Архангельску, преодолев 1100-верстный путь, «до приходу корабельного к городу» (ст. 3). Стоянка прибывших из Вологды судов была определена не в корабельной гавани, а сначала в речке Кунчюкурье, «за крепким караулом», чтобы до появления гостя никаких привозных товаров из судов на дворы не выносили, ни «к Архангельскому городу к кораблям не подъезжали».⁴⁵

По прибытии в Архангельск купец обязан был явиться в таможенную и предъявить там «выпись» из Вологды, подтверждающая тем самым законность доставленных на ярмарку русских товаров. Содержание выписи заносилось в таможенную книгу. «Выпись» служила основанием для получения *памяти* — своего рода разрешения от таможи на разгрузку судна (ст. 8). У иностранцев «гость с товарищи» должны были дополнительно потребовать московские и городские таможенные выписи из тех мест, где те товары покупались, и сделать с них записи в таможенные книги. В ходе таможенного досмотра товары пересчитывались, перевешивались, и если их количество или масса соответствовали представленным выписям, то они передавались законному владельцу. В противном случае «лишние товары» подлежали конфискации в пользу государя (ст. 36, 66, 67, 69).⁴⁶

Разгрузка речных судов происходила под таможенным контролем. При этом вновь устанавливалось соответствие товара содержанию выписи: «А как похотят те свои товары ис судов выгружать, и им иметь у гостя с товарищи памяти в таможене. А гостю с памятью послать целовальников добрых и верных, и те товары против выписей досматривать в бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местах накрепко» (ст. 9). Если устанавливалось соответствие или обнаруживался «привесок небольшой» (у «весчих» товаров), товар переходил к его владельцу. «Лишние товары», выявленные в ходе досмотра, подлежали конфискации в пользу великого государя (ст. 9—10).

Иностранцам строго запрещалось отвозить доставленные к Архангельску отпускные товары на морские суда без записи в таможенные книги, без получения памяти и минуя досмотр со стороны таможенных целовальников (ст. 69—70).

Как можно заметить, правила таможенного оформления отпускных русских товаров, вывозимых иностранцами через Вологду к Архангельску, фактически ничем не отличались от соответствующих правил, которыми должны были руководствоваться русские купцы. Разница заключалась лишь в том, что иностранцам надлежало наряду с другими документами представлять в Архангельскую таможенную «выписи» на товары «ис тех городов, в коих они куплены» (ст. 36, 66, 69).

2. Таможенное оформление в Архангельске привозных иностранных товаров. Иностранное судно, входившее в Березовское устье Северной Двины (до 1656 г. суда, следовавшие в Архангельск, проходили по Пудожемскому устью реки), должно было предварительно остановиться (бросить якорь) у *шанца* — укрепленной заставы при Малой Двинке, которая фактически играла роль передовой таможни (ст. 43).⁴²

Корабельщик (капитан судна) подавал начальнику шанца собственноручно подписанную *роспись* привезенных товаров с указанием названия судна, имен прибывших и тех, кому был адресован товар.

Начальник шанца вручал корабельщику «список с той росписи» (копию) за своей рукой, после чего корабль без задержки отпускался к Архангельску. Оригинал корабельщической росписи оставался в шанце.

Прибыв к Архангельску и встав на якорь в гавани (на расстоянии, обычно не превышавшем 120 саженей от гостиных дворов), корабельщик обязан был явиться в таможню к «гостю с товарищи» и подать им выданную в шанце роспись (копию) (ст. 43).⁴³

К этому времени подлинная корабельщическая роспись уже находилась у гостя. Целовальники записывали ее в таможенную книгу и приступали к досмотру иностранного судна. Если при этом обнаруживались пушки, боеприпасы и военные люди, то чинился допрос, выяснялись причины нахождения оружия и военных на судне. Конвойным кораблям, имевшим на борту вооружение, вообще запрещалось бросать якорь у пристани, они оставались на взморье. (Лишь в 1685 г. по просьбе голландцев военным кораблям разрешалось входить в устье Двины.) Затем таможенники пересматривали все товары в тюках, сундуках и кипах, пересчитывая и выясняя их приблизительный вес.⁴⁴

Если иностранный купец хотел «товары свои ис карабля на берег взять», он должен был представить в таможню роспись товарам, которые он собирался везти на берег. Гостю же надлежало записать ту роспись в таможенную книгу, и по той росписи те товары «досматривать накрепко в бочках и в ящиках и в кипах. И что по досмотру будет у них каких товаров, и те их товары в таможне записывать в книги порознь имянно, всякаго иноземца особь статью» (ст. 44). При этом товары, не указанные в купеческих росписях, подлежали конфискации (ст. 46).⁴⁵

Выгружаемые товары доставлялись либо на общий гостиный двор (Немецкий), либо на гостиные дворы англичан и голландцев. В 1649 г. при каждом из них были поставлены целовальники, взимавшие пошлины с торгова. Вместе с ними несли караульную службу стрельцы и дети боярские, смотревшие за тем, чтобы никто не доставлял и не выносил товаров беспошлинно. У ворот гостиных дворов также *стояло по два* целовальника, наблюдавших, чтобы никто не вносил и не выносил товаров, не записав в таможенную книгу.⁴⁶

Категорически запрещались разгрузочно-погрузочные работы в ночное время и в обход таможни. Нарушение этого правила каралось конфискацией товара (ст. 46).⁴⁷

3. Таможенное обложение в Архангельске вывозных русских товаров. Все сделки купли-продажи и мены во время ярмарочного торгова у Архангельска было велено «записывать в таможне в книги имянно», а участникам сделки «руки свои прикладывать» (ст. 11, 47).⁴⁸

Товары русских людей, предназначенные к продаже на деньги или на обмен, облагались пошлиной, ставка которой «с прямой продажной ценью» составляла по 10 и 8 денег с рубля соответственно с товаров «вещих» и «не с вещих» (ст. 12).⁴⁹ Лишь с продажи за границу рыбы и ворвани ставка пошлины была выше. Статьями 32 и 50 устанавливалась валюта платежа: «русским торговым людем» и «московским прирожденным иноземцом» в Архангельске и в других порубежных городах таможенные платежи надлежало вносить исключительно «русскими мелкими деньгами» («мелкими серебряными деньгами»). Целый ряд товаров был исключен из свободной торговли. К их числу относились хлеб, пенька, поташ, смольчуг, ревень и шелк-сырец, дорогие сорта «мягкой рухляди» (мехов) и некоторые другие.

Если у русского купца товар не продавался, то он пошлине не подлежал и записывался «в остальные». В этом случае вопрос об уплате пошлины с продажи откладывался до следующей ярмарки. Если же купец намеревался везти непроданный товар обратно («в ьные города»), то его отпускали с «выписью», а пошлина взималась в тех городах, где «те товары проданы будут» (ст. 17). Это правило было общим для всех порубежных городов (Новгорода, Пскова, Путивля и т. д.) (ст. 33).

Когда иностранцы доставляли свои покупные русские товары в Архангельск, Новгород, Псков и другие пограничные города с целью вывоза за рубеж, их надлежало не только досмотреть, но и обложить *проезжей* пошлиной по гривне с рубля (10%), ориентируясь на продажную цену местного рынка; после этого товары отпускались за границу «без задержания» (ст. 66). В пограничных городах русские товары ценились дороже, чем в Москве и внутренних городах. Так, в Архангельске цены на поташ, кожу, пеньку, меха, воск превышали московские вдвое.⁵⁵

Покупные и променянные русские товары, вывозимые через Астрахань восточными купцами, также подлежали *проезжей* пошлине в размере гривны с рубля. Эту пошлину предусматривалось взимать в Астраханской таможне (ст. 78).

Если в Архангельской таможне обнаруживался незначительный перевес доставленных русских «весчих» товаров, то с иностранцев «с тех лишних товаров» взималась дополнительная *проезжая* пошлина («*проезжие* пошлины сполна») в размере 4 алт. 2 д. с рубля (13%) (ст. 37).

Иностранцам в Архангельске разрешалось торговать между собой русскими отпускными товарами. Им требовалось лишь заплатить пошлину в размере 10 денег с рубля (5%). Таможенникам же предписывалось «смотреть накрепко, чтоб иноземцы русскими товары у города (Архангельска. — *М.Ш.*) беспошлинно меж себя не торговали» (ст. 40). Сверх этой торговой пошлины иностранцы все равно обязаны были заплатить *проезжую* пошлину за право вывоза товара в размере 10% (ст. 40). Когда же иностранцы нарушали это правило и торговали русскими товарами «без записки тайно с своею братьею беспошлинно», а про то становилось известно, то товары их подлежали конфискации (ст. 41).

С валюты, привезенной иностранцем на покупку русских товаров, пошлина не взималась («Который иноземец привезет из-за моря золотые и ефимки, и ему с того пошлин не платить») (ст. 72).⁵⁶

В порубежном городе иноземец, покупавший русский товар на золотые и ефимки, пошлины с той покупки не платил и мог беспрепятственно вывозить купленное в свою страну («И что на золотые и на ефимки купит какова товару, и то ему вести во свою землю беспошлинно») (ст. 72).⁵⁷ Поощряя «беспошлинную торговлю», правительство не оставалось в убытке, ибо сумма сделки оценивалась в русской валюте по курсу: «...угорский доброй золотой чистого золота по рублю золотой, а ефимки любские чистого серебра весом по четырнадцати ефимков в фунт, ценою по полтине ефимок».⁵⁸

Непосредственно перед отплытием капитан иностранного судна обязан был явиться в таможню и получить форменное свидетельство (выпись) за таможенной печатью об уплате с отпускных товаров пошлин, с которым мог беспрепятственно пройти через устье в море. Таможенное начальство со своей стороны уведомляло об уходе корабля воеводу и дьяка, обязанностью которых было проследить, чтобы за теми, кто покидал Русский Север, не осталось никаких пошлин, казенных и частных долгов.⁵⁹

4. Таможенное обложение в Архангельске привозных иностранных товаров. Согласно ст. 45 Новоторгового устава, привозные (импортные) товары должны были отвечать жестким требованиям, т. е. отличаться высоким качеством, иметь клейма, печати и «всякие розные признаки», свидетельствующие о стране и месте происхождения товара и его изготовителе и продавце. Именно так предполагалось поставить заслон притоку в страну «поддельных воровских» и недоброкачественных товаров. Если же такие товары все же выявлялись, то об этом полагалось всенародно известить и «отослать с безчестьем с ярманки, чтоб впредь таких худых не возили и добрым товаром цены не портили». Аналогичные требования предъявлялись к качеству русских экспортных товаров (ст. 45).⁶⁰

В Архангельске и других порубежных городах казне предоставлялось право первоочередной закупки привозных «узорочных» товаров и всяких заморских вин «на обиход», которые предусматривалось

«посылать к Москве с рускими людьми, а не с иноземцы, чтоб своевольные их к Москве приезды, для многих ссор, отставлены были» (ст. 87).

В Архангельске и других порубежных городах приезжим иностранцам запрещалось вступать в отношения купли-продажи с кем бы то ни было, кроме местных оптовиков и «московских купецких людей». Во внутренних городах приезжие иноземцы также могли торговать с местными купцами и москвичами, исключая «приезжих торговых людей» (ст. 60, 61). Нарушение этого правила каралось конфискацией товара (ст. 62).

Иностранцу запрещалось продавать привезенный товар соотечественнику или другому иностранцу. За обман предусматривалась конфискация товара (ст. 63).

Привозные товары подлежали пошлинному обложению: «А имать с тех продажных заморских товаров в государеву казну, в таможе у города Архангельского пошлины золотыми и ефимками: с вещей товаров по десяти денег с рубля, а не с вещей товаров по осми денег с рубля» (ст. 48).⁶¹ Однако, как можно заметить, «импортная» пошлина взималась не за сам факт перемещения товара через границу, а с его продажи.⁶²

Цены на заморские товары устанавливались на Архангельской ярмарке стихийно, в зависимости от спроса и предложения. Цена каждой сделки («всякой товар по чему будет продан») записывалась в таможенной книге, и к тем запискам участники сделки руки свои прикладывали (ст. 47).⁶³

Торговля в Архангельске могла производиться не только после разгрузки иностранных товаров в гостиных дворах, но и непосредственно на самих кораблях без разгрузки. В последнем случае русские подвозили свои товары в гавань, поднимались на иностранные корабли и там производили меновую и покупную торговлю. «При таком торге, — указывал Н.И. Костомаров, — должны были присутствовать таможенные головы, а если торг был не на слишком большие суммы, то целовальники. Таможенные чиновники ходили на иноземные корабли в сопровождении вооруженных служилых людей — сотников со стрельцами — для оберегания русских торговцев и для решения споров, которые беспрестанно возникали между русскими и иностранными торговцами; в случае же важных ссор таможенное начальство обращалось к воеводе».⁶⁴

Все свои торговые сделки иностранцы обязаны были записывать в торговые книги, заверяя собственноручной подписью. С 1667 г. для каждого из торговавших в России народов — именно для голландцев, англичан, гамбургцев, бременцев — в Архангельской таможе определялся особый подьячий, у которого имелись книги для записи привозного товара и взимаемых пошлин.⁶⁵

Представители таможи, обязанные присутствовать при заключении сделок, фактически перепроверяли декларируемую иностранными купцами стоимость привозных товаров и корректировали ее, непосредственно влияя на ценообразование. Таким образом пресекались попытки приезжих иностранцев записывать своим товарам «непрямую цену с убавкою». Наказание за произвольное занижение цены привозного товара следовало в виде конфискации товара (ст. 49).

Пошлина с заморского товара взималась валютой.⁶⁶ В Астрахани с продажных товаров приезжих «кызылбашей, индейцев, бухарян, армян, кумыков, черкасов и астраханских жильцов» взималась пошлина по 10 д. с рубля (ст. 77). Сумма пошлины высчитывалась в рублях, а затем переводилась в валюту по курсу: 1 «угорский золотой» = 1 р.; 1 ефимок = 50 коп. (ст. 50, 73, 81).⁶⁷

До принятия Новоторгового устава пошлине подлежали только «продажные заморские товары». Начиная же с навигации 1668 г. предусматривалось облагать и те из них, которые своевременно не продавались (ярмарка у Архангельска продолжалась до 1 сентября), т. е. оставались на зиму в Архангельске: «А что у города Архангельского на кораблех останетца непроданных товаров <...> с них взять пошлина, хотя он и не продаст, для того, что извычено было тайно отдавать в подряд русским людям» (ст. 75).⁶⁸

Отдельные импортные товары, привозимые иноземцами: спиртные напитки, сахар и леденцы — облагались повышенной (специфической) пошлиной. Так, с «береманных бочек (в охват руками) — М.Ш.) алкана, бастры, мальмазеи, мушкатели» надлежало уплатить 60 ефимков с бочки; «с романеи

с беремьянной бочки» — 40 ефимков; «с полуберемьянных бочек ренского» — 20 ефимков с бочки, «с погребца с вотки» — 6 ефимков; с пуда сахара головного — 1 р.; с пуда красного леденца — 40 алт. и т. д. (ст. 51). Подсчитано, что пошлина с «вина и розных иных питей» в среднем составляла 50%, а с сахара и красного леденца — 15—20%.¹⁹ Важно отметить, что обложение заморских «питей» и сахара предусматривалось по факту их привоза в Россию, независимо от того, продавались ли они на месте или готовились к отправке во внутренние города страны (ст. 52).

С денег, явленных русским купцом на покупку иностранных товаров, полагалась пошлина в размере 8 д. с рубля (ст. 13). Свидетельством об уплате пошлины с денег служила выпись, которая выдавалась в обязательном порядке в таможене «гостем с товарищи» (ст. 13).

Русские оптовики, покупавшие в Архангельске и других порубежных городах иностранные товары на деньги или выменивавшие их на русские товары, пошлин «с тех товаров заморских» не платили (фактически русские избавлялись от уплаты 4—5% пошлины с продажи своих товаров), «потому что платили они с того торгу с русских товаров и з денег в том же городе»; им надлежало лишь заплатить «с тех (покупных. — *М.Ш.*) товаров в тех городех, в которых они в продаже будут, по десяти денег с рубля» (ст. 34).²⁰

По окончании в Архангельске торгового иноземец обязан был представить гостю точную опись оставшимся у него непроданным товарам, чтобы царь по той описи «мог видеть, не понадобится ли ему который-либо из означенных (в ней) товаров».²¹

5. Таможенное оформление товаров, вывозимых из Архангельска в Москву и внутренние города русскими людьми. Если кто-либо из русских купцов после торгов в Архангельске собирался везти свой товар к Москве и «в Русь», ему следовало предъявить в таможене «гостю с товарищи роспись всему товару порознь» с указанием имени судовладельца, «в чье судно ему класти». Гостю надлежало скопировать ту роспись в таможенную книгу, а затем, подписав ее и печать приложив, «отдать тому купцу, хто подал. И против той росписи у него досмотреть, и после досмотру вольно ему те свои товары в суды класти» (ст. 14). «Лишние товары», выявленные в ходе досмотра, подлежали конфискации в пользу великого государя (ст. 15).

Купленные русскими купцами в Архангельске иностранные товары грузились на суда-дошаники. После завершения погрузочных работ корабельщик обязан был принести в таможену «роспись всем товарам, которые кладены в судно, и чье то судно, и чей товар, написать имянно» (ст. 16). Это обуславливалось не только тем, что судно могли арендовать несколько купцов. «Досчаники... — писал Н.И. Костомаров, — иногда принадлежали самим хозяевам товаров, а иногда другим лицам, занимавшимся судовым промыслом, преимущественно жителям Вологды, куда отправлялись товары».²² До уничтожения торговых привилегий англичан по Северной Двине и Сухоне ходило до 40 судов, принадлежавших Московской компании.²³

Затем таможенное начальство производило сверку корабельщической росписи²⁴ с отдельными росписями товаров, принесенными прежде каждым из купцов (уже заверенными таможеней). В случае их полного соответствия («слово в слово») гостю надлежало выдать корабельщику «выпись» и судно отпустить (ст. 16). Если же при этом выявлялись «лишние товары», то они подлежали конфискации. При этом «отвозных пошлин с русских людей с товаров ни с каких» не взималось (ст. 16).

Воеводам и таможенным головам городов, через которые пролегал обратный путь русских купцов, категорически запрещалось облагать товары последних проезжими пошлинами, чинить им задержку, препятствовать свободному найму извозчиков, кормщиков и других работных людей (ст. 18). В ст. 31 в связи с этим содержалось уточнение: «На Колмогорах, с веру на низ и с низу в верх, в судах товаров не досматривать».

Если купец собирался продать какие-либо из приобретенных в Архангельске товаров по дороге, ему надлежало явить их таможене и уплатить с тех «продажных товаров» пошлину в размере 10 д. с рубля (ст. 19). На вырученные деньги («товарные деньги») любой товар в том же городе приобретался беспошлинно: «...и с тех покупных товаров и з денег, — отмечалось в ст. 20, — пошлин не имать по-прежнему».

Из Вологды в Москву и внутренние города торговые люди отправлялись зимой. Раньше других вывозились товары, закупленные в Архангельске для казны. Их транспортировали на переменных ямских и земских подводах, что составляло повинность местных жителей (дорога пролегла через Ярославль, Ростов, Переяславль). На этом пути длиной 500 верст было устроено 14 *ямов*, находившихся друг от друга на расстоянии 30—40 верст. Ямскими лошадьми могли также пользоваться русские и иностранные купцы, «имея при себе вид из приказа и платя известные прогоны». Продолжительность санного пути от Архангельска до Вологды в зимнее время составляла 8 суток, а от Вологды до Москвы — не более 5 суток. Обыкновенно же товары отправлялись обозами, проходившими путь от Вологды до Москвы в зимнее время за неделю-две. В летнее время английские купцы добирались от гавани Св. Николая до Вологды за 14 суток, от Вологды до Ярославля сухим путем еще двое суток, а затем по Волге до Астрахани — 30 суток. Таким образом, весь путь от Архангельска до Астрахани через крупный торговый центр Ярославль занимал 46 суток.²³

6. Таможенное оформление товаров, вывозимых из Архангельска в Москву и во внутренние города иностранцами. Из Архангельска, Новгорода и Пскова разрешалось пропускать в глубь страны только тех иностранцев, «у которых будут великого государя жалованные грамоты о торгах за красною печатью» (ст. 85, 86).²⁴ Согласно же ст. 56, из порубежных городов в Москву и другие внутренние города России иностранцы могли выезжать свободно, как «похотят». Им лишь надлежало уплатить в Архангельске со своих «заморских товаров» проезжую пошлину (ст. 56). Тем самым воеводы пограничных городов как бы наделялись дополнительной правовой компетенцией в решении вопроса, связанного с пропуском того или иного торгового иноземца к Москве или другому внутреннему городу.²⁵

В таможене иностранцу выдавалась выпись, в которой перечислялись все его товары «имянно, в скольких бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местах и ними отпущено за таможенными печатями каких товаров мерой и счотом и весом» (ст. 58). Непосредственно перед погрузкой товара в русское судно иностранцу полагалось представить в таможеню «роспись за рукою» с указанием названия товара и имени корабельщика, «в чье судно класти» (ст. 57).

Погрузочные работы производились под таможенным контролем. Целовальникам поручалось «досматривать накрепко» все товары против купеческой росписи «в бочках и в ящиках и в кипах и во всяких местах <...> везде розбивать, вещи перевесить». Бочки, ящики, кипы и «всякие места» запечатывались таможенной печатью (ст. 58). «Лишние товары» при этом подлежали конфискации в пользу великого государя «бесповоротно» (ст. 57).

7. Таможенное обложение товаров, вывозимых из Архангельска в Москву и во внутренние города иностранцами. Товары, вывозимые иностранцами во внутренние города страны, подлежали «проезжей пошлине». Ее размер составлял одну гривну с рубля (10%) от стоимости провозимого товара, оплата производилась в валюте. «А буде которые иноземцы похотят товары свои от города (Архангельска. — *М.Ш.*) возить к Москве и в иные города, — говорилось в ст. 56, — и им платить с тех заморских товаров у Архангельского города проезжих пошлин по гривне с рубля золотыми и ефимками». Правомочность взимания этой пошлины обуславливалась тем, что «русские люди и московские иноземцы пятину и десятину и всякие подати платят и службы служат, а иноземцы ничего не платят» (ст. 56). В том же размере взималась проезжая пошлина с восточных купцов, проникавших в Россию через Астрахань и Путивль (ст. 77, 80).²⁶

Можно предположить, что проезжая пошлина в размере 10% с вина, сахара и леденца не взималась (ст. 56).

Во внутреннем денежном обращении использование валюты (ефимков) строго ограничивалось, а с 1621 г. в стране действовала государственная монополия на покупку ефимков. (Во-первых, правительство опасалось поддельных ефимков; во-вторых, передел ефимков по-прежнему приносил казне ощутимый доход.) В целях ужесточения «валютного контроля» законодатель обязал приезжих купцов объявлять в таможене порубежного города о ввезенных из-за моря золотых и ефимках. Одновременно предусматривалась масштабная скупка этой валюты на русские деньги по фиксированному курсу: «золотой по рублю, а за ефимки любские по полтине» (ст. 73). Это вело к тому, что серебряная копейка утверждалась в качестве единственного законного платежного средства при торговых расчетах на внутреннем российском рынке.

За утайку (недекларирование) ввозимой валюты налагался штраф в размере 10% от суммы нелегального ввоза (ст. 73). Остальная валюта конвертировалась в русские деньги по установленному курсу и возвращалась законному владельцу. В случае же тайного вывоза талеров из порубежного города в глубь страны (к Москве) нарушителя ожидало более суровое наказание: задержанная валюта конфисковывалась в государеву казну (ст. 74).

С иностранцев, продававших свои привозные товары (кроме алкогольных напитков) в Москве и в других внутренних городах, по-прежнему взималось по 2 алт. (6%) с рубля (ст. 59, 64).⁸⁰ Хотя валюта платежа в этом случае не уточнялась, датский посол Юст Юль, находившийся в России в 1709—1711 гг., указывал, что 6-процентная пошлина, которую должны были уплачивать иностранцы в Москве и во внутренних городах, взималась русскими деньгами.⁸¹ Восточные купцы должны были платить в Москве только 10 д. с рубля (ст. 78).

При вывозе «питей» во внутренние города на месте с продажи надлежало взимать пошлину в размере 5 алт. с рубля (15%) «с той продажи» (ст. 53).

Иностранцам запрещалось торговать в розницу («...и по ярмонкам им ни в которые города с товары своими и с деньгами не ездить и прикащиков не посылать») (ст. 42, 83). Нарушение этого запрета вело к конфискации товаров (ст. 42, 84).

Спиртное разрешалось продавать лишь в объемной таре (в которой оно привозилось), чтобы «на кружечных дворах в сборе государеве казне порухи не было» (ст. 54). За нарушение этого правила предусматривались наказание и штраф (ст. 55).

Иноземцам запрещалось держать товары и весы в своих домах и лавках («мимо гостиных дворов»). Все торговые операции они должны были проводить исключительно через таможню (ст. 68, 71).

Издание в 1667 г. всеобъемлющего акта общегосударственного значения было подготовлено всем ходом социально-экономического развития России. Отражив дальнейший по отношению к Торговому уставу 1653 г. этап кодификации торгового законодательства, Новоторговый устав явился вершиной законодательства в сфере торговли и таможенного дела, заняв в общем ряду законодательных памятников XVII в. одно из первых мест.⁸²

Новоторговый устав 1667 г. обязал архангелогородского голову особо следить за ввозом «узорочных вещей», жемчуга, камней и т. п. не только по той причине, что их было легко скрыть при таможенном досмотре, но еще и потому, что ему было велено остерегать торговых людей от покупки таких вещей, «так как и в иных государствах берегут серебра, а излишние такие вещи покупать забороняют, и у простых нечиновных людей в ношении под заповедью отнимают, чтоб в убожество от того не приходили» (ст. 94).⁸³ По мнению К.Н. Лодыженского, автором этой статьи Новоторгового устава мог быть А.Л. Ордин-Нащокин, а сама она представляла собой «не положительное узаконение, а скорее совет русским торговцам, или, может быть, указание на намерение правительства установить впоследствии, по примеру других государств, высокие пошлины на предметы роскоши».⁸⁴

Основной торговой и таможенный закон страны, отразив особенности русского меркантилизма, стремление правительства покровительствовать крупной отечественной торговле и московскому купечеству, явился вместе с тем первой в истории национального таможенного законодательства попыткой установить в таможенных целях таможенные режимы выпуска для свободного обращения, экспорта и транзита, правила перемещения через внешние и внутренние границы Русского государства товаров и транспортных средств. Обнародованный в мае — июне 1667 г., он стал быстро известен в Москве и других городах, в далекой Сибири и за границей. «Устав торговле» был немедленно передан для информации иностранных купцов «голландской компании стряпчему Григ. Николаеву».

Соглашаясь в принципе с тем, что Новоторговый устав представлял собой первый национальный тариф, в то же время следует указать на спорность суждения С.Н. Никольского о том, что закон 1667 г. окончательно отделил внешние таможни от внутренних и определил внешнеторговый характер пошлин, взимаемых в Архангельске.⁸⁵ Вопреки утверждению К.Н. Лодыженского о том, что с принятием тарифа 1667 г. было завершено разграничение внутренних и внешних пошлин («внешние таможенные пошлины, — полагал этот автор, — разделялись на ввозные и отпускные, внутренние же

— на рублевую (она же проезжая и торговая), перекупную и сборы частно-правового характера»⁸⁶ в тексте основного таможенного закона мы найдем не много прямых указаний о взимании пошлин за право перемещения товаров через границу Русского государства.

По нашему мнению, законодатель в то время еще мало был озабочен разграничением внешних и внутренних пошлин. Даже несмотря на то что ставки таможенного обложения в Архангельске отличались от тех, что применялись в других русских городах, главный критерий дифференциации таможенных платежей заключался в национальности или подданстве купца. При этом торговые иноземцы облагались повышенной пошлиной. С них также взимались платежи, от которых русские купцы были избавлены.

Под определение собственно внешних (экспортно-импортных) пошлин попадали лишь те из них, которые взимались с отпускных товаров (с иностранцев — 10%, а с русских — 2.5% или 5%, в зависимости от наличия таможенной выписи), а также с привозных вин, водок и сахара (за сам факт их ввоза на таможенную территорию России) и с тех привозных товаров, которые по каким-либо причинам не продавались во время летней ярмарки. Впрочем, с последних пошлина не взималась, хотя это и предусматривалось ст. 75 Новоторгового устава. Такие товары «отъявлялись» — записывались в специальные «отъявочные» книги и хранились до следующего торга.⁸⁷

В историографии таможенной политики допетровской России также недостаточно подчеркивается усеченный, ограниченный характер ее экономической составляющей. Дело в том, что до Петра I в промышленности страны безраздельно господствовало мелкое производство. Создание крупной промышленности еще только намечалось. Поэтому трудно не согласиться с Н.Н. Шапошниковым в том, что протекционистский мотив в первом отечественном таможенном тарифе (Новоторговом уставе 1667 г.) «совершенно отсутствовал и не потому, чтобы русские люди не додумались до того, чтобы использовать таможенную пошлину в целях поощрения отечественного производства, но в этом таможенном покровительстве в то время не ощущалось нужды, иностранные товары не создавали конкуренции отечественному производству; хозяйство в значительной степени сохраняло натуральный характер, перерабатывающая промышленность была мало развита и во всяком случае производила не те предметы, которые ввозились из-за границы».⁸⁸

К.Н. Лодыженский тоже отмечал, что в то время правительство России «не смотрело на таможенные пошлины и на постановления о внешней торговле, как на средство поощрять и развивать внутреннюю производительность народа путем наложения высоких пошлин на привозные товары, или запрещения их привоза, или же стеснения вывоза сырых материалов для производства».⁸⁹ Если табак и был запрещен к привозу, то исключительно из религиозно-нравственных побуждений; вино и сахар были обложены пошлинами по фискальным соображениям.⁹⁰ В ст. 51 Новоторгового устава, в частности, отмечалось: «А вина и розных иных питей перед прежним гораздо много привозят, и оно много не нужно надобно, потому что на государевых кружечных дворах чинятца от того убытки и недоборы большие».⁹¹

Действительно, реформируя таможенное законодательство, правительство лишь «ограждало» русский рынок от захвата его иностранным торговым капиталом, т. е. проводило политику *торгового протекционизма*. Новоторговый устав, являясь правовым источником монетарной стадии меркантилизма, фактически был лишен какой-либо промышленно-покровительственной направленности и почти не разрешал нужд отечественного производства.⁹² В связи с этим вызывает сомнение достоверность предположения С.Н. Никольского, будто в 1667 г. к финансовой цели таможенного дела примкнула другая — экономическая: охранение экономических интересов народа, и что увеличение в Новоторговом уставе пошлин на привозные товары преследовало целью охранение внутренней промышленности от иностранного соперничества.⁹³ Нельзя также согласиться и с Л.Н. Марковым, по утверждению которого, запретительные пошлины на сахар, вино и предметы роскоши устанавливались Новоторговым уставом «с целью поощрения отечественного производства».⁹⁴

Примечания

¹. Лодыженский К. История... С. 29.

². Там же; Шапошников Н.Н. Таможенная политика России до и после революции. М.; Л., 1924. С. 5—6.

- ¹. Толстой Д. История... С. 110.
- ⁴. Чистякова Е.В. Новоторговый устав... С. 104. Подлинный текст Новоторгового устава 1667 г., обнаруженный в свое время А.И. Андреевым, опубликован в следующих изданиях: Андреев А.И. Новоторговый устав 1667 г. // ИЗ. 1942. № 13. С. 303—307; ПРП. М., 1963. Вып. 7. С. 303—328; Новоторговый устав... С. 117—136 и др.
- ⁵. Базилевич К.В. Новоторговый устав 1667 г. // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1932. № 7. С. 596—597. А.Г. Маньков допускает, что изданию Новоторгового устава предшествовала очередная челобитная от русских купцов, которая «была составлена если не в 1667 г., то где-то около этого времени» (Маньков А.Г. Законодательство... С. 148).
- ⁶. Базилевич К.В. 1) Элементы меркантилизма... С. 28; 2) Новоторговый устав 1667 г. С. 596.
- ⁷. Базилевич К.В. 1) Элементы меркантилизма... С. 29—30; 2) Новоторговый устав 1667 г. С. 599—622. По мнению Ю.А. Тихонова и Е.В. Чистяковой, доклад П. Марселеса мог сыграть лишь второстепенную роль в выработке Новоторгового устава (Тихонов Ю.А. Таможенная политика... С. 288; Чистякова Е.В. Новоторговый устав... С. 103).
- ⁸. Чистякова Е.В. Новоторговый устав... С. 108—109.
- ⁹. См.: Базилевич К.В. Новоторговый устав 1667 г. С. 595; Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 4.
- ¹⁰. Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 394; Базилевич К.В. Новоторговый устав 1667 г. С. 594.
- ¹¹. Крижанич Ю. Политика. С. 382—406; Базилевич К.В. Элементы меркантилизма... С. 25—26.
- ¹². Назначенный в 1665 г. псковским воеводой А.Л. Ордин-Нащокин предложил местному посадскому обществу оригинальную программу разрешения внутригородских социально-экономических противоречий, обсудив ее предварительно с земскими старостами и «лучшими людьми» в земской избе (фактически — городской управе). При этом он опирался на поддержку Москвы и лично царя Алексея Михайловича. Е.В. Чистякова отмечает «почти текстуальное» совпадение многих положений Новоторгового устава и «Статей о городском устройстве», утвержденных псковскими горожанами в августе 1665 г. (см.: Костомаров Н. Очерк торговли... С. 95—97; Лодыженский К. История... С. 41; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории... С. 198—199; Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 324—327; Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923. С. 244; Базилевич К.В. 1) Новоторговый устав 1667 г. С. 592—593; 2) Элементы меркантилизма... С. 28; Чистякова Е.В. Новоторговый устав... С. 114—115; Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. С. 205 и др.).
- ¹³. Чистякова Е.В. Новоторговый устав... С. 108.
- ¹⁴. Маньков А.Г. Законодательство... С. 149.
- ¹⁵. Базилевич К.В. Новоторговый устав 1667 г. С. 590.
- ¹⁶. Там же.
- ¹⁷. Маньков А.Г. Законодательство... С. 151.
- ¹⁸. Новоторговый устав... С. 118.
- ¹⁹. Сменивший А.Л. Ордина-Нащокина в должности псковского воеводы князь И.А. Хованский повелел «всяким делам городским быть по-прежнему». Хованский представил царю псковские дела таким образом, что Алексею Михайловичу пришлось поддержать его в отмене смелого начинания. Сказалось и влияние шведской стороны, усмотревшей в новациях А.Л. Ордина-Нащокина нарушение статей 10 и 11 Кардисского мирного Договора 1661 г. В Москве также говорили о несвоевременности такой реформы и о нецелесообразности ее проведения в одном лишь Пскове (Костомаров Н. Очерк торговли... С. 97; Базилевич К.В. Новоторговый устав 1667 г. С. 592—593; Чистякова Е.В. Новоторговый устав... С. 113—114, 121).
- ²⁰. См.: Рудченко И.Я. Исторический очерк... С. 42.
- ²¹. Лодыженский К. История... С. 29.
- ²². Согласно статьям 26 и 39 Новоторгового устава 1667 г., с продажи соли рублевая пошлина взималась в большем размере (10%), а с продажи сибирских соболей — в меньшем (2.5%) (Новоторговый устав... С. 122, 124).

²³. «А будет хто, — говорилось в статье 30, — приедет на которой город с деньгами для покупки товаров, и ему те деньги объявить в таможене, и таможенному голове деньги записать в книги и взять пошлины з денег, по пяти денег с рубля. И что он купит каких товаров и поедет с того города на иной город, и ему дать выпись, что он з денег пошлину платил, и в той выписи покупной сво товар написать весь. И за рукою и за печатью та выпись отдати тому, чей товар, и против выписи товар досмотрить. И будет сойдетца, отпустить. А буде объявитца влишке, и те лишние товары имать на великого государя <...> И приехав тому человеку с товаром, на кой город похочет, подать в таможеню данную ему выпись. И в таможене против выписи записать и велеть товар осмотреть, и с продажного товару имать пошлины по пяти денег с рубля, потому что он в том городе, в коем покупал товар, платил по пяти денег. И ту у него выпись принять и записать в книгу. А у кого таких выписей не будет, что они з денег пошлину платили, имать с тех товаров по десяти денег с рубля» (Новоторговый устав... С. 122—123).

²⁴. Согласно К.Н. Лодыженскому, на товары внутреннего производства, впервые явленные в таможене и оплаченные рублевой пошлиной, купцу выдавалась выпись, «и с таким ярлыком товар свободно путешествовал по всей России, и при перепродаже его в другие руки уплачивалась только сравнительно незначительная перекупная пошлина» (*Лодыженский К.* История... С. 30).

²⁵. См.: *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика... С. 279.

²⁶. *Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 131.

²⁷. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины... С. 133.

²⁸. Там же. Обоснованность этой версии не вызывает сомнений. «А которые московские и иногородние люди и иноземцы, — говорилось в наказе Большой Московской таможене "О сборе таможенных пошлин" (1681), — учнут покупать на Москве всякие весчие товары, и голове гостю и целовальником, со всяких весчих товаров, с купцов имать *перекупные* пошлины, по полторы деньги с рубля. А будет русской человек купит весчий товар у иноземцов, и с того купца с русского человека имать перекупные пошлины по две деньги с рубля». Это положение было почти дословно воспроизведено в наказе гостю Сергею Лабазному «О сборе в Московской Большой таможене пошлин» (1698) (ПСЗ I. Т. 2. № 873; Т. 3. № 1641).

²⁹. *Беляев И.Д.* Рец. на кн. Е.Г. Осокина.... С. 65.

³⁰. *Лодыженский К.* История... С. 31.

³¹. *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика... С. 279.

³². Там же.

³³. Там же; Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1675—1680 гг. / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 61, 64, 70, 71, 78—79, 622—624. Из таможенной книги Тотьмы 1676/77 г. также следует, что с денег, явленных в таможеню «на перекуп», тотемцы платили по 10 д. с рубля, т. е. 5% (столько же они платили и с денег, явленных «на покупку в уезд»).

³⁴. См.: Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 3; *Лодыженский К.* История... С. 31; *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика... С. 279.

³⁵. Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 3. С. 182—183, 190, 193, 201—202, 206—207, 318—321, 324—325, 328—329, 336—337, 339, 346—350 и др.

³⁶. Там же. С. 293, 315. Впрочем, те приезжие купцы, которые покупали в Устюге Великом на товарные деньги соль, были избавлены от платежа перекупной пошлины.

³⁷. ПСЗ I. Т. 2. № 1036.

³⁸. *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика... С. 278.

³⁹. «Будет котораго руского купецкого человека приказщик или человек сворует хозяйских товаров каких ни есть, в таможене на Москве и в городех не явит, или каким заповедным товаром учнет торговать без хозяйского ведома, или в ыном каком воровстве объявитца, — говорилось в статье 20, — и за то их воровство хозяйских товаров на великого государя не имать и в пеню того хозяевам не ставить, потому что многие прикащики и люди воруют своим умыслом, без хозяйского приказу, и хозяев своих животы проворовывают» (Новоторговый устав... С. 121).

- ⁴⁰. Там же. С. 119. Наряду с другими городскими повинностями, население Архангельска изначально должно было выбирать для работы в Архангельской таможне особых целовальников. До 1658 г. их выбирали из местных пахотных людей, малосведущих в торговом деле. Затем было решено выбирать из торговых людей Ярославля, Вологды, Устюга, Костромы, Яренска и Сольвычегодска, а число таможенных целовальников удвоилось. В ближайших помощниках гостя по-прежнему состояло два таможенных головы. Н.И. Костомаров писал, что после 1667 г. гость выезжал в Архангельск с одним таможенным головой (из торговых людей московской гостиной сотни) и шестью целовальниками от Каргополя, Устюга и Сольвычегодска, «а другой таможенный голова или товарищ гостя должен был ехать в Вологду также с шестью целовальниками, по два человека от городов: Ярославля, Костромы и Вологды <...> Сверх того, им придавались подьячие для ведения торговых дел и записки пошлин» (*Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 66—67; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... № 9. С. 134).
- ⁴¹. *Изымов А.Ф.* Размеры русской торговли XVII века через Архангельск в связи с необследованными архивными источниками // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 6. С. 251—252.
- ⁴². *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 77; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... // Морской сборник. 1889. № 10. С. 128.
- ⁴³. Так же поступали и таможенники Устюга Великого. Уже в 30-е гг. XVII в. они запечатывали сибирские меха, явленные в проезд к Архангельску, ожидая «поезду городского» (Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 55).
- ⁴⁴. Новоторговый устав... С. 119. По свидетельству Родеса, стоимость «фрахта» от Москвы до Вологды в летнее время составляла 15 коп., а в зимнее — 4 коп. с пуда; от Вологды же до Архангельска весной при высокой воде — 4 коп., а летом при низкой воде — 6—10 коп. с пуда. По данным же С.Ф. Огородникова, за перевозку товаров по сухоходвинскому пути судовладельцы взымали с купцов от 2 до 3 алт. или по 6—9 коп. с пуда. В свою очередь Н.И. Костомаров полагал, что *обычная* плата за провоз до Архангельска составляла 15 коп. с пуда (*Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 175, 177, 179; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... Т. 10. С. 116; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 81).
- ⁴⁵. ДАИ. Т. 5. № 39. С. 179; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... Т. 10. С. 138; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 230. Между Вологдой и Архангельском ходили каюки, паузки, струги, дощаники, карбасы. Повышенной грузоподъемностью отличались *насады* — длинные и широкие плоскодонные суда, поднимающие до 200 т. Из таможенной книги Устюга Великого 1633/34 г. следует, что самыми крупными судами, ходившими по Сухоходвинскому пути, в то время являлись *байдары*, которые достигали 26 сажен в длину, 7 — в ширину и 2 — в высоту. Они поднимали на борт до 40 чел., сопровождавших товар (Таможенные книги Московского государства XVII в. ... Т. 1. С. 104—126).
- ⁴⁶. Новоторговый устав... С. 123, 128. Согласно ст. 65, все товары, приобретенные иностранцами в Москве и внутренних русских городах, подлежали оформлению в местных же таможнях. При этом учитывались их количество, ассортимент и цена. Прежде чем иностранные купцы отправлялись в обратный путь, им следовало принести в таможню заверенные росписи, свидетельствующие, «сколько они каких товаров куды отпускают». Таможенники записывали те росписи в книги и давали выписи «за головиною рукою и за таможенною печатью». Затем они производили досмотр «против той росписи тех товаров русских», в ходе которого конфисковали «лишние» товары (Там же. С. 127—128).
- ⁴⁷. Еще в 1635 г. устье Двины с обеих сторон было ограждено стрелецкими караулами, которые останавливали все суда, плывущие с моря. С 1658 г. в жизнь проводился проект по устройству в двинском устье плавучих надолбов (бревен), удерживаемых якорями и замкнутых железными цепями. Во время ярмарочного торга у надолбов надлежало нести круглосуточную вахту сильному караулу из стрельцов с пушками. Такими же надолбами предполагалось оградить и саму гавань, чтобы воспрепятствовать противозаконным сношениям русских с иноземцами. Однако неизвестно, получил ли этот проект практическое применение (*Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 67, 75—76; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... Т. 10. С. 124—125, 137).
- ⁴⁸. Начиная с 1688 г. архангельский городничий и начальник корабельной гавани полковник Семен Ружинский обязан был дознаваться через вожей (лоцманов) или таможенных целовальников у корабельщиков о моровых поветриях и войнах в тех странах, откуда они приходили. Лишь после такого расспроса ему разрешалось допускать новоприбывшие суда к городу. Каждого корабельщика также следовало предостеречь, чтобы не сбрасывал в Двину песок и камни, служившие балластом (*Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 68; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... Т. 10. С. 142—143).
- ⁴⁹. ПСЗ I. Т. 2. № 1129; *Костомаров Н.* Очерки торговли... С. 68—69; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... Т. 10. С. 137.
- ⁵⁰. Новоторговый устав... С. 125. Для выгрузки иностранных товаров, равно как и для погрузки русских на иностранные корабли привлекались *дрягили*, назначаемые от правительства. Они получали царское жалованье в размере 2 р. на человека в год, отработавшая которое обязаны были встречать приходившие к городу корабли, сгружать в особые суда товар, обшивать в сукно всякие узорочные товары и бумагу, переносить и взвешивать казенные и частные товары (с частных лиц при этом взымалось по 2 д. от всякого подъема). Впоследствии дрягили брали с торговых людей плату по взаимному соглашению, а в 1680 г. вышло постановление «быть дрягилям без жалованья, а у иноземцев брать то, что дадут, без уговора» (*Костомаров И.* Очерк торговли... С. 70; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... Т. 10. С. 118—119).

⁵¹. До 1658 г. караульных назначал воевода, посылавший их на гостиные двory для кормления. Неудивительно, что на гостиных дворах процветала контрабанда. Заступавшие в караул дети боярские «брали с русских и иноземных купцов *поминки* (взятки) и пропускали контрабанду, а если целовальнику и удавалось захватить кого-нибудь с тайными товарами, то караульные не допускали вести его в таможенную, а требовали, чтоб прежде сделан был доклад воеводе, который умышленно протягивал дело, пока торговцы, давшие взятки, успевали прятать свои товары и таким образом избавляться от преследования. Поэтому в 1658 году велено было стрелецким головам и сотникам отводить пойманных с контрабандою прямо к таможенному голове, а не воеводам». В 1659 г. воеводе было снова предписано организовать службу детей боярских таким образом, «чтоб не заплатя пошлин никто с гостина и с немецких дворов не сходили» (ААЭ. Т. 4. № 111. С. 153; *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 71, 76; *Огородников С.Ф.* Очерк истории... Т. 10. С. 133).

⁵². Н.И. Костомаров обращал внимание на то, что недалеко от корабельной пристани, между островами в Двинском устье, широко практиковалась контрабандная торговля. Противозаконные торговые сделки совершались в ночное время, когда русские подплывали на паузках к иностранным кораблям (*Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 75).

⁵³. Новоторговый устав... С. 120, 125. «После мены или покупки товаров и платежа пошлин, — писал Н.И. Костомаров, — русский купец должен был записать в книгу свой торг вместе иностранцем, приложить руку и взять от таможенного начальства выпись за таможенною печатью для представления в том месте, куда его товар последует» (*Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 73; ПСЗ I. Т. 2. № 1129).

⁵⁴. Новоторговый устав... С. 120. К.Н. Лодыженский, Н.Н. Шапошников, Н.М. Блинов допускают неточность, утверждая, что адвалорная ставка с отпускных товаров «весчих» составляла 4% с рубля, а с «невесчих» — 5% с рубля (см.: *Лодыженский К.* История... С. 32; *Шапошников Н.Н.* Таможенная политика... С. 6; *Блинов Н.М.* Таможенная политика России X—XX вв. М., 1997. С. 72).

⁵⁵. Новоторговый устав... С. 128; *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав... С. 116.

⁵⁶. В 1680 г. в таможенное законодательство было внесено уточнение: все золотые и ефимки, которые торговый иноземец привозил с собой к Архангельску, ему надлежало под страхом конфискации объявлять в таможене «и записывать без утайки» (ПСЗ I. Т. 2. № 833).

⁵⁷. «Беспощинная» покупка иностранцами русских товаров за наличные оплачивалась сбором гораздо большим, чем 4 и 5%, так как золотые и ефимки отбиралась правительством и вместо них выдавалась русская ходячая монета, по курсу 1 ефимок = 50 коп., тогда как в действительности на момент принятия Новоторгового устава ефимок равнялся 56—64, с начала 80-х гг. — приблизительно 72, а с 1698 г. — 100 коп.

⁵⁸. ПСЗ I. Т. 2. № 833. В ответ на жалобу торговых иноземцев о том, что в Архангельске у них «весу золотых перенимают лишек» (вместо положенных 100 в таможене требовали 101), в 1685 г. было принято правительственное решение об установлении точного веса («особой заклеименной гири») для взвешивания золотых, принимаемых в пошлину у Архангельска. Приказу Большой казны поручалось выбрать «сто золотых добрых и правдивых <...> а привезя те золотые, учинить также как и гири заорлить; и впредь у Архангельского города и на Москве у них иноземцов за пошлину принимать в тот заорленной вес». В том же году «в Москве действительно была изготовлена гирька, которая соответствовала массе 100 золотых весом в 83 золотника» (ПСЗ I. Т. 2. № 1129; *Каменцева Е.И.* К истории создания образцовых мер веса в первой половине XVIII века // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 118).

⁵⁹. *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 72.

⁶⁰. Новоторговый устав... С. 125. С изданием Новоторгового устава не прекратились факты поставки на рынок фальсифицированных товаров. «В 1671 г., — отмечает А.В. Демкин, — нидерландское купечество жаловалось на неправильные, по их мнению, меры веса в Архангельске и на разные "хитрости" русских торговых людей: в бобровый пух примешивают пепел, муку, камни и разный сор, к говяжьему салу — толченый камень с водой. В пеньку в середину тюка кладут гнилой товар и т. д. Русские, гости, Василий Шорин "с товарищи", в ответ жаловались на меньшую, чем раньше, длину сукон и тканей в половинках и на разную их толщину. Золото и серебро привозятся низкопробные или фальшивые. Краска в бочках внизу низкого качества. В ладан подмешиваются камни и сера, в церковное вино — тертый сандал и т. д.» (*Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 64—65).

⁶¹. Новоторговый устав... С. 125. Затем дополнительно стали взимать по 5 золотых со всякого приходившего корабля (ПСЗ I. Т. 2. № 833).

⁶². А.В. Демкин допускает ошибку, приписывая пошлине с продажи «весчих» и «невесчих» товаров в Архангельске характер импортной пошлины. По его словам, иностранцы, уплатив в Архангельске пошлину с «весчих» товаров 5%, а с «невесчих» — 4%, затем платили еще 10-процентную пошлину, отправляя товары в Москву и другие города, и дополнительно 6% с продажи (*Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 61—62).

⁶³. Новоторговый устав... С. 125. И в дальнейшем в таможенные книги записывались только те сделки, участники которых договаривались «меж себя полюбовно» (ПСЗ I. Т. 2. № 1129).

⁶⁴ *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 69—70. Иностранцам запрещалось торговать в розницу. Сукно можно было продавать только кипами и поставами, шелковые материи — косяками, «весчие» товары — пудами, а питья — бочками. Неудивительно, что торговля в Архангельске преимущественно носила меновой характер. Пошлины же с менового торгова взимались на тех же основаниях, что и со сделки на деньги (Там же. С. 71).

⁶⁵ Там же. С. 72.

⁶⁶ До принятия Новоторгового устава таможенной администрации в Архангельске строго-настрога запрещалось предоставлять торговым иноземцам отсрочки в платеже таможенных пошлин, отпускать их «с порукою до Москвы», делать записи в таможенных книгах о «доимке пошлин». В противном случае те «доимочные пошлины» неукоснительно доправлялись на самих же таможенниках в Москве. После 1667 г. это правило было отменено. Однако, если оплата начисленной в Архангельске пошлины все же производилась в Москве, платить надлежало иностранной валютой: «...а пошлин с них иноземцов, с торгов их, которые будут на Двине у Архангельского города, в их великих государей казну у Архангельского города и на Москве иметь по Торговому уставу, золотыми и ефимками». Следует добавить, что до конца XVII в. в России не существовало вексельного права. Боярским приговором 1697 г. Московской таможене запрещалось принимать у торговых людей «переводные письма». По-прежнему с явленных товаров надлежало брать валютную пошлину по Новоторговому уставу 1667 г. и «сроков больших ни кому в пошлинах не давать» (ААЭ. Т. 4 № 111 С. 155—156; ПСЗ I. Т. 2. № 1129; Т. 3. № 1593).

⁶⁷ Новоторговый устав... С. 126, 128, 129. В Архангельске и других порубежных городах таможенные платежи с иноземцев взимались серебряными ефимками. Это фактически повышало размер установленных таможенных пошлин: иностранная валюта принималась в казну по полтине (16 алт. и 4 д.) за один ефимок или исходя из того расчета, что в фунте должно быть заключено 14 ефимков.

⁶⁸ Новоторговый устав... С. 129. Кажется, что это требование Новоторгового устава не выполнялось. По словам командора Ю. Юля, пошлина с ввезенного товара платилась лишь после его продажи и закрытия ярмарки. С окончанием торгова купец отчитывался перед таможеней в том, сколько товаров было свезено на берег, сколько продано, сколько осталось (с последних, пока они находились на складе, пошлина не взималась). Заботясь о том, чтобы заплатить меньше пошлин, торговый иноземец обычно пытался подкупить проверявшего его таможенника. Если это удавалось, то он спешил заменить проданный в обход таможи товар другим, тайно ввезенным из-за границы. При этом он все время показывал (нередко в течение трех-четырех лет), «что у него остается на руках прежний товар, на самом деле давно уже проданный, — и под видом оставшегося сбывает новый, тайно ввезенный» (*Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711)/Перевод с датского Ю.Н. Щербачева. М., 1890. С. 318).

⁶⁹ Новоторговый устав... С. 126; *Козинцева Р.И.* Очерки внешней торговли и таможенной политики России первой трети XVIII века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1963. С. 5.

⁷⁰ Новоторговый устав... С. 123. Вызывает возражение трактовка К.Н. Лодыженским ст. 34 Новоторгового устава. По мнению этого автора, «привозные пошлины» в размере 5% и 4% «в сущности, не взыскивались с заграничных товаров: вследствие особенностей нашей таможенной системы, которая несколько удивляла иностранцев, если заграничные товары покупались русскими торговцами на деньги, полученные от продажи русских продуктов, или же выменивались на последние, то пошлина при такой сделке не взыскивалась вовсе, разумеется при том условии, что русские товары были уже оплачены пошлинами при покупке во внутренних городах России. С подобных заграничных товаров взималась только пятипроцентная рублевая пошлина во внутренних городах, где они шли в продажу» (см.; *Лодыженский К.* История... С. 32).

⁷¹ *Юль Ю.* Записки... С. 322.

⁷² *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 73.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Из Новоторгового устава не следует, что корабельщикова роспись заверялась подписью и печатью таможи, как полагал Н.И. Костомаров (см.: *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 74).

⁷⁵ *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 82—83; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 200—203. Летние дороги были хуже зимних. Поэтому, например, расстояние между Новгородом и Москвой летом преодолевалось за 6—7 суток, а зимой — за 4—5 суток. Неудивительно, что и расценки за доставку товаров зимой были ниже, чем летом. Так, в середине XVII в. зимний тариф за провоз товаров от Вологды до Москвы составлял 4, а летний — 15 коп. с пуда (*Куриц Б.Г.* Состояние России... С. 177; *Любименко И.И.* История торговых отношений России с Англией, XVI в. Юрьев, 1912. Вып. 1. С. 96).

⁷⁶ Это правило не распространялось на армян, кумыков, черкасов (зарубежных украинцев), бухарцев, индийцев, кизылбашей (персов), греков, валахов, мутьян (молдаван) и других восточных и южных купцов, которым не запрещалось приезжать во внутренние русские города без специальных царских грамот (ст. 77—84).

- ⁷⁷ Е.В. Чистякова допускает преувеличение, утверждая, что «иностранный торговля ограничивалась исключительно пограничными пунктами» и что «только в исключительных случаях иноземные купцы могли проехать к Москве и внутрь страны» (*Чистякова Е.В.* Новоторговый устав... С. 123).
- ⁷⁸ Новоторговый устав... С. 126. По свидетельству участника Великого шведского посольства 1673—1674 гг. И. Кильбургера, все иностранцы платили со складированных в порубежных городах товаров единую пошлину — 6%, но если они не хотели или не могли там продать и посылали свои товары дальше в Москву, то должны были вносить с 21 мая 1667 г. «сперва в названных городах 10% проезжей пошлины, а потом в Москве на большой таможе опять — 6%; купец даже еще принужден внести названную проезжую пошлину в specie-монете, именно, вместо 10 р. 10 дукатов, хотя рубль неизменно составляет 100 коп., а дукат, напротив, поднимается от 114 до 125, и в Новгороде их часто нельзя достать, что приносит большой убыток шведской нации». Описание русской таможенной системы, оставленное И. Кильбургером, удачно дополняется сведениями Ю. Юля. Последний также указывал, что если иностранец намеревался везти свой товар в Москву или другой русский город, то он должен был уплатить в Архангельске 10% таможенной пошлины. Подсчет процентов производился на рубли, однако оплата производилась непременно «specie-ригсдалерами» (ефимками), считая ригсдалер в 50 коп., тогда как в действительности он стоил целый рубль (с начала XVIII в. чеканка рубля производилась по весовой норме ефимка). Таким образом, купец, обязанный с товара стоимостью 100 р. уплатить в счет 10% пошлины 20 ефимков, на самом деле платил 20 р., иначе говоря, не 10%, а 20% (*Кильбургер И.* Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России // *Кури Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 157; *Юль Ю.* Записки... С. 319—322).
- ⁷⁹ Новоторговый устав... С. 129. Статьи Новоторгового устава были посланы в Путивль лишь в октябре 1668 г. Именно этим объясняется тот факт, что численность греческих купцов в Москве сократилась лишь на следующий год после введения нового таможенного тарифа России (*Рамазанова Д.Н.* Греческие купцы в России во второй половине XVII в. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв.: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.П. Павлов.* СПб., 2001. С. 108).
- ⁸⁰ Е.В. Чистякова допускает неточность, утверждая, что «при проезде внутрь страны иноземцы платили у Архангельска 2 алтына (12 денег) помимо проезжих пошлин (ст. 59). Проезжие пошлины взимались при продаже товаров внутри государства в Москве и иных городах. Сумма их равнялась 1 гривне (20 денег) с 1 рубля (следовательно, 5% + 10% = 15%) (ст. 56)» (*Чистякова Е.В.* Новоторговый устав... С. 124).
- ⁸¹ *Юль Ю.* Записки... С. 319.
- ⁸² См.: *Маньков А.Г.* Законодательство... С. 146—152.
- ⁸³ Новоторговый устав... С. 131.
- ⁸⁴ *Лодыженский К.* История... С. 37.
- ⁸⁵ См.: *Никольский С.* О внешних таможенных пошлинах. М., 1865. С. 53. «Существо внешних таможенных пошлин понятно само собой, — уточнял К.Н. Лодыженский, — это сбор, которому подвергаются товары, перевозимые через границу государства» (*Лодыженский К.* История... С. 29).
- ⁸⁶ *Лодыженский К.* История... С. 29. Совершенно необоснованно приравняв торговые пошлины, взимавшиеся в Архангельске с продажи отпускных и привозных товаров, к внешним таможенным пошлинам, К.Н. Лодыженский неверно указал размер пошлинных окладов не только с отпускных, но и с привозных «весчих» и «невесчих» товаров (Там же. С. 31—32).
- ⁸⁷ *Козинцева Р.И.* Очерки... С. 5.
- ⁸⁸ *Шапошников Н.Н.* Таможенная политика... С. 7.
- ⁸⁹ *Лодыженский К.* История... С. 38.
- ⁹⁰ Там же. С. 37.
- ⁹¹ Новоторговый устав... С. 126.
- ⁹² *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав... С. 126; *Маньков А.Г.* Законодательство... С. 151.
- ⁹³ *Никольский С.* О внешних таможенных пошлинах. С. 53—54.

²⁴ Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987. С. 38.

7.4. Развитие таможенного законодательства во второй половине XVII в.

Издание законодательных актов о торговле и таможенном деле не прекратилось и после 1667 г. Более того, их интенсивность значительно возросла, что убедительно свидетельствует о начальной стадии формирования во второй половине XVII в. всероссийского рынка. «За период с 1667 по 1696 г., — указывает А.Г. Маньков, — в ПСЗ (Полном собрании законов Российской империи. — М.Ш.) зарегистрировано 90 законодательных актов — указов именных, именных с приговорами Боярской думы и грамот, имеющих непосредственное отношение к торговле и тесно связанному с нею таможенному делу».¹

Так, таможенное законодательство стремилось к уравниванию русских и иностранцев в платеже пошлин. Правительственными указами 28 декабря 1677 г. и 1 августа 1680 г. устанавливалась пятикопеечная «отвозная» пошлина с товаров, вывозимых за рубеж русскими купцами, которую таможенным головам и целовальникам в порубежных городах надлежало взимать даже при наличии выписей о платеже пошлин с денег при покупке («а выписей никаких не зачитать»). При этом законодатель, не скрывая своих фискальных намерений, мотивировал усиление пошлинного обложения тем, что за границей с тех отпускных товаров «пошлин на великого государя не емлют», а внутри страны торговым людям по-прежнему приходилось платить рублевую пошлину с продажи. Более того, русские купцы принуждались к уплате в Новгороде ефимочной пошлины с привозных «с заморских всяких питей и с сахаров» согласно ставкам Новоторгового устава, на том основании, «что вместо немцев питье учили возить они торговые люди».²

По прошествии нескольких лет правительство царей Ивана и Петра Алексеевичей ввело новые ограничения на ввоз русскими купцами товаров, представлявших интерес в таможенном отношении. 4 августа 1683 г. вышел царский именной указ с боярским приговором, направленный на предотвращение беспошлинного привоза русскими людьми заморского вина, водок и сахара в Москву и другие внутренние города «вместо иноземцев». Головам и целовальникам Архангельска, Великого Новгорода, Пскова, Смоленска и других порубежных городов строго наказывалось взимать с «русских всяких чинов людей» валютную (ефимочную) пошлину с привозных «заморских питей и водки», а «с сахаров с пудового числа деньгами» согласно Новоторговому уставу 1667 г., с выдачей им на те товары таможенных выписей «за таможенными месячными печатями и за Головиными руками». В тех выписях головам и целовальникам надлежало «описывать именно, сколько у кого из которых городов какого питья счетом бочек и сахаром по весу пудов отпущено, и сколько с кого указных ефимков по щету взято будет; и те питья, водки и сахара торговым людям по тем выписям объявлять на Москве и в городех в таможнях и таможенным головам и целовальником, где те питья и водки и сахар явлены будут на продаже по таможенным отпускным выписям, досматривая накрепко».³

Обнаруженные товарные излишки подлежали конфискации, да «с тех лишних привозов» надлежало взять ефимочные (с вина) и рублевые (с сахара) пошлины. В случае беспошлинного приезда русских купцов во внутренние города таможенники несли материальную ответственность, и те «указные ефимки» правились на них «без всякия пощады». Лишь вино церковное освобождалось от уплаты пошлиной, но ввозившиеся под видом церковного вина другие напитки подлежали конфискации; «а у кого объявятся, вместо церковного вина, иные какие питья поддельванные и подкрашиванные, и тем людям, сверх взятых тех питей, чинить жестокое наказание, бить кнутом нещадно». Единственное преимущество русских купцов перед иностранцами заключалось в том, что с них при самой продаже тех «питей», «водок» и «сахаров» взимались рублевые пошлины с прямой продажной цены в размере 10 д. с рубля.⁴

В конце 1690 г. вышел царский указ о взимании в Архангельске пошлины с местных посадских людей, покупавших привозные товары про свой обиход. Мотивировалось это тем, что во время ярмарочного торга русские нередко торговали за иноземцев, «а не собою, и с того торга таможенные многие пошлины пропадают напрасно».⁵

Побуждая русских торговых людей сдавать валюту государству, правительство освободило их от уплаты пошлин с покупок, совершаемых на деньги, полученные из *Ефимочной палаты* в обмен за оприходованные ефимки, «чтоб и впредь ефимки на продажу в Купецкую палату всяких чинов людям

привозить было поведено, и от того в покупке и в переделе ефимков на денежном дворе в их великих государей казне будет великое пополнение и прибыль».⁴ Торговые иноземцы поначалу такой привилегии не имели. По данным К.В. Базилевича, в 1669 г. П. Марселис, «радея» об увеличении доходов царской казны, ставил вопрос о разрешении иностранным купцам беспошлинно торговать на деньги, полученные за обязательную продажу ефимков в казну. Однако это предложение встретило резкий отпор со стороны привилегированного русского купечества и не прошло.⁷

В конце XVII в. положение изменилось. С 1693 г. иностранцам было разрешено беспошлинно вывозить в свои страны русские деньги, полученные из Ефимочной палаты в промен за ефимки, но оставшиеся неизрасходованными.⁸ В 1695 г. они были освобождены от уплаты пошлин при покупке русских товаров на деньги, выданные из Ефимочной палаты.²

Одновременно наблюдалось дальнейшее ужесточение контроля над ввозом и вывозом из страны товаров и валюты. При въезде торговый человек обязан был задекларировать их и записать в таможенную порубежного города. Таможня выдавала «отпускную выписку» на Москву или тот город, куда купец собирался ехать. В Москве привозные ефимки продавались по выписи из порубежного города в Ефимочную палату «по указной цене». Все русские товары, купленные на деньги, полученные из Ефимочной палаты или от продажи привозных товаров, или выменянные на привозные товары, записывались в таможенную по месту совершения сделки купли-продажи. На покупные русские товары таможня выдавала «отпускные проезжие выписки за месячными печатями и за Головиными руками», в которых указывался порубежный город, через который купец собирался выезжать за границу. С целью контроля над уплатой в порубежном городе проезжих пошлин было предусмотрено, чтобы по истечении срока своих полномочий голова Московской таможни представлял в Приказ Большой казны копии отпускных выписей («письма за руками»). На их основании составлялись «памяти», которые направлялись таможенным головам порубежных городов. От последних требовалось сообщить в Приказ Большой казны, действительно ли иностранцы, отпущенные из Москвы в порубежные города, свои товары «в проезде записали и пошлины по указу заплатили».¹⁰

Таможенная реформа середины XVII в. затронула в основном европейскую часть Русского государства. В Сибири продолжала действовать прежняя таможенная система, сложившаяся в первой половине XVII в. Еще в середине 80-х гг. здесь взималось до 30 торговых, проезжих и прочих таможенных пошлин, главной из которых была *десятая пошлина*, единая на территории всей Сибири и своим размером превышавшая все другие сборы, вместе взятые. Она взималась и с продажи привозных «русских» и «всяких мелких сибирских» товаров, и с явки денег на покупку пушнины и других местных товаров, и за промысел зверя, и с явки мехов, предназначенных к вывозу из Сибири (в виде десятого зверя), и т. д.

С 1687 г. в Сибири началась реформа по унификации таможенной системы на принципах Торгового устава 1653 г. и Новоторгового устава 1667 г., которая продолжалась до конца XVII в.¹¹ В связи с расширением прямой торговли с Китаем правительством России в 1693 г. были утверждены «пошлинные статьи» для Сибири (наказ таможенным головам от 30 августа 1693 г. «О сборе пошлин в сибирских городах с русских, сибирских, китайских, бухарских и со всяких товаров»).

По новому закону с лиц, привозивших в сибирские города из-за границы китайские, бухарские и иные товары, полагалось взимать ввозную *десятую пошлину* (10% товарами или деньгами) в порубежных сибирских городах. И на те товары таможенные головы должны были давать торговым людям для проезда «проезжие грамоты за государевыми печатями, а в грамотах те товары, и что с них взято пошлин, писать именно». Если при осмотре драгоценных камней в таможене сомневались с определением цены и начислением пошлины, то такие камни и жемчуг головам надлежало записывать в проезжие грамоты «и присылать за таможенными печатями с теми ж торговыми людьми для пошлинного взятья в Сибирский приказ». Бухарские купцы при этом имели то преимущество, что, когда впервые приезжали в Сибирь, их товары облагались «двадцатой», и лишь при повторных посещениях сибирских городов — «десятой» пошлиной.

При продаже привозных китайских товаров в сибирских городах таможенным головам надлежало взимать *десятую пошлину* товарами с русских покупателей, несмотря на то что к тому времени одни из них уже заплатили 10% с явки денег на покупку товаров, другие — с продажи товаров, третьи — «за промысел» (взималась с торговых, промышленных и служилых людей, возвращавшихся с соболиных и

других звериных промыслов), четвертые — «за промысел и перекуп». За право покупки «привозного русского товара» торговые иноземцы и русские люди также должны были заплатить «перекупную пошлину» по гривне с рубля (10%). Покупатели сибирского товара, оплаченного «десятым зверем и костью<...> за промысел», тоже платили *десятую пошлину* «за перекуп» (10%). Если же торговые и всяких чинов люди, являя в таможене соболей и всякую «мягкую рухлядь», не могли указать на продавцов тех товаров или говорили, что купили их «врознь», а продавцов забыли, они должны были заплатить по 10% пошлины и «за промысел», и «за перекуп», т. е. всего 20%.

С русских торговых и всяких чинов людей, объявлявших в отпуск в Китай товары «покупки русских городов, а не сибирских» (это подтверждалось «выписями» транзитных сибирских таможен), в порубежных сибирских городах взималась рублевая пошлина в размере 10 д. с рубля (5%). Бухарцы и другие торговые иноземцы, отправлявшиеся «в свои земли» с купленными или променными в сибирских городах «русскими товарами», обязаны были уплатить вывозную пошлину в размере 10% от их стоимости. При этом головам вменялось в обязанность «смотреть накрепко», чтобы русские люди не торговали с иностранцами на деньги, золотые и ефимки и «всякого ружья и свинца и пороха» иноземцам не продавали и ни на какие их товары не меняли.

При вывозе в Китай сибирских товаров, оплаченных пошлиной «с покупки и с промысла», их владельцу (татарину, бухарцу или русскому) полагалось уплатить в таможене сибирского порубежного города лишь «записное» в размере 6 д. с рубля (3%).¹² «До 1687 г., — отмечает А.Н. Копылов, — неявленные товары в Сибири подлежали конфискации, в 1687—1693 гг. с них брали полную рублевую пошлину, а по статьям 1693 г. снова стали отбирать "на государя"».¹³

Установленный порядок пошлинного обложения оказался крайне обременительным для сибирской торговли: со всякого рубля в Сибири с торгового человека «сходило» больше 30 коп. К тому же торговые люди, объявлявшие в Верхотурье свои «русские» товары «в отвоз», продавали их по дороге, избегая тем самым таможенного обложения и нанося ущерб казне. Воеводы и таможенные головы пользовались случаем и занимались казнокрадством. Поэтому правительство в конце 1698 г. пошло на отмену пошлины с *товарных денег*, на которые покупались русские, сибирские и китайские товары. Согласно «новым таможенным статьям» (именной царский указ от 12 ноября 1698 г. «О сборе в сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин») разрешались деловые поездки в Сибирь и Китай торговым людям поморских русских и сибирских городов без проезжих грамот Сибирского приказа. Однако если раньше *десятую пошлину* с «русских товаров» взимали после их продажи в сибирских городах, то теперь ее надлежало заплатить в первом «порубежном» сибирском городе Верхотурье по таможенной оценке, не откладывая до продажи. Уплата этой пошлины служила основанием как для беспошлинной продажи русских товаров в Сибири, так и для беспрепятственного их вывоза в Китай (в крайнем случае, *десятую пошлину* можно было заплатить в других сибирских городах и даже в «порубежном» Нерчинске). Торговые люди поморских русских и сибирских городов, приезжавшие в Верхотурье или Нерчинск с товаром, минуя Москву, обязаны были дополнительно заплатить «печатную пошлину» («печатную поголовную пошлину») в размере 1 р. с человека.¹⁴

10-процентный сбор также взимался с денег, явленных на покупку «сибирского товара»; причем половину пошлины — 10 д. с рубля следовало уплатить при явке денег в любой сибирской таможене и еще 10 д. — в Верхотурье или в Нерчинске «за пропуск» этих товаров в русские города или за границу. Когда русский или сибирский торговый человек являл «выпись», из которой следовало, что он уплатил «с денег с явки» пошлину в размере 10 д. с рубля, с него дополнительно взыскивалось еще столько же.

Основанием для беспрепятственного вывоза сибирских мехов, моржовой кости, мускуса и т. д. «на Русь» и Китай служила «выпись» об уплате *десятой пошлины* «за промысел» с продажи «сибирских незаповедных товаров». Однако, если торговый человек, отпуская «сибирские товары» в Россию или Китай, покупал их «у сибиряков меж городами» и по этой причине не мог подтвердить уплату 10% пошлины «за продавца за промысел» («а буде он же за продавца, у которого он тот товар в Сибири купил, очистки и свидетельства прямой выписи не положит»), ее в обязательном порядке взыскивали в Верхотурье или в Нерчинске. Кроме того, надлежало заплатить пошлину с денег в размере 10%. По-прежнему взималась *десятая пошлина* за право ввоза товаров с китайской территории, которую с 1698 г. надлежало заплатить в «порубежном» Нерчинске.¹⁵

Как можно заметить, таможенное обложение русских купцов, вывозивших в Китай «русские товары», увеличилось в два раза. Вместе с тем произошло выравнивание условий торговой деятельности русских торговых людей, сибиряков и иностранцев. Закон отличался большой гибкостью, поощрял честную торговлю, «страховал» купцов от многих неожиданностей и злоупотреблений со стороны таможенных и воеводских властей. Более того, он предусматривал отсрочку от уплаты таможенных пошлин, если торговый человек, отпуская свой товар в Китай, не имел возможности уплатить пошлину деньгами, а одолжить было не у кого. В этом случае таможня могла предоставить льготу, если величина кредита не превышала 300 р. и давалось поручительство. С таких купцов, вывозивших в Китай «за нуждою» свои товары беспошлинно, задолженность взыскивалась по возвращении в Россию, а в случае их смерти недоимка взыскивалась на поручителей. Вообще же таможенникам строго предписывалось следить за тем, «чтоб наипаче в тех вышеписанных двух местах, на Верхотурье и в Нерчинске, без пошлин никто за рубеж с торгами не проезжал».¹⁶

Одновременно произошло усиление таможенного контроля над выпуском русских товаров из Верхотурской таможни. После решения вопроса об уплате пошлины таможенный голова обязан был сделать запись в таможенную книгу и выдать клиенту «выпись» за свою рукою и печатью. Был также ужесточен порядок перемещения по сибирской территории и в европейской части России китайских товаров, впервые явленных и оплаченных *десятой пошлиной* в Нерчинске. К ним надлежало «прикладывать на сургуче или на воску, или краскою, или какими китайскими чернилами знаки по рассмотрению воеводскому или от уездного головы <...> и буде торговый человек скажет, что ему товары свои везти для продажи к Москве, и те товары велеть в кипах или вьюках или тюках или коробах завязав и запечатав нерчинскою печатью на ярлыке подписав, что с тех товаров в Нерчинску плачено сполна и в иных бы городех воеводы и приказные люди и заставные и таможенные головы по выписям нерчинским, осмотра ярлыки и печати и кипы и связков нерчинских, с теми выписями нерчинскими в сибирских городех, буде тем товаром продажи где не будет, пропускали до Москвы не развязывая без всякой задержки, а у себя в таможнях осмотра печати и ярлыки только кипы и чьи и с чем были, записывать в книги именно».¹⁷ «Введение статей 1698 г., — считает А.Н. Копылов, — значительно облегчило торговые связи европейской части государства с Сибирью. Хотя таможенный порубежный барьер в виде десятой пошлины, отделявший европейскую часть государства от Сибири, был сохранен, и рублевая пошлина, уплаченная в "русских городах", не засчитывалась в платеж в сибирскую десятую пошлину, но унификация таможенной системы Сибири и значительное понижение таможенных пошлин свидетельствовали о том, что успехи экономического развития Сибири и усиление ее торговых связей с европейской частью государства заставили в конце XVII в. царское правительство пойти на реформу таможенной системы в Сибири».¹⁸

В царствование Федора Алексеевича серьезному испытанию подверглись российско-нидерландские отношения. Под влиянием гостей В. Шорина, Ф. Юрьева, А. Кирилова, С. Потапова, А. Суханова и других и в стремлении расширить рынки в Новгороде, Пскове и Нарве за счет Архангельской ярмарки, правительство дважды, в 1677 и 1678 гг., отказывало голландцам и гамбургцам в выдаче проезжих грамот на право торговли во внутренних городах страны. Разрешения на проезд выдавались лишь тем, у кого в России оставались должники, «для иску остальных своих долгов». В самом Архангельске торговля тоже подверглась стеснению. Торговым иноземцам предлагалось оплачивать половину пошлин золотыми, а другую — ефимками. Всякий, у кого не было валюты, обязан был вносить за каждый платежный ефимок по 21 алт. 2 д., т. е. по 64 коп.¹⁹

Однако расчет правительства на активизацию торговых сношений через западные границы не оправдался. Положительное решение вопроса во многом зависело от доброй воли Швеции, но она, видимо, опасалась усиления России в Прибалтике и не хотела допускать другие страны к торговому посредничеству в балтийской торговле с Россией. Поскольку большинство нидерландских купцов не имело жалованных грамот, избавлявших от необходимости добиваться ежегодного возобновления обычных проезжих грамот, объем торговли с иностранцами внутри страны чрезвычайно сузился. В 1677 и в 1678 гг. бездействовал торговый путь между Архангельском и Москвой, разрушалось складское транспортное хозяйство, произошло снижение поступлений от деятельности Архангельской таможни. Поэтому запрет на приезд иностранцев был снят, и уже в 1679 г. царь Федор Алексеевич приказал пропускать от Архангельска к Москве нидерландских купцов с товарами.²⁰

Несмотря на некоторое улучшение условий торговли нидерландских и гамбургских купцов в России в последней четверти XVII в., можно лишь отчасти согласиться с выводом М.И. Белова об ослаблении таможенного контроля и более терпимом отношении русских властей к заведомым нарушениям

Новоторгового устава под влиянием усилившихся с 1684 г. домогательств со стороны голландцев и гамбургцев.²¹ Действительно, цари Иван и Петр Алексеевичи направили двинскому воеводе Татищеву грамоту от 14 июля 1685 г., разрешив пропускать голландский военный корабль сопровождения в устье Двины «вверх рекою до тех же мест, где ставятся голландские торговые корабли, а на море его впредь не остонавливать»; кроме того, нидерландские и гамбургские купцы получили разрешение нанимать вожей (лоцманов), «которые Двиною рекою торговые корабли с моря вверх до Архангельского города проводят, так те ж корабли и от города отводят на море <...> добровольно, кого они похотят, по вольною ценою, как бывало изстари до откупу, а откупщиком и подрядчиком в жожах ныне и впредь быть, и откупных денег <...> впредь не иметь»; во всех торговых делах у Архангельска нидерландских и гамбургских купцов велено было ведать «по торговому уставу в таможе гостю с товарищи, а двинским воеводам во время ярманки, с начала и до вершения, их иноземцов ни в каких торговых делах и в найму работных людей и вожей ни в чем не ведать»; была также отменена «грузовая пошлина», дополнительно взимавшаяся с иностранных и русских купцов в размере 8 д. с рубля за провоз товаров и наем работников; были приняты другие меры, направленные на искоренение злоупотреблений со стороны воевод и таможенников.²² Однако они же в жесткой форме отвергали домогательства иностранцев о таможенных льготах.

В указе 1685 г. ясно выражалась воля правительства взимать пошлину в Архангельске с вывозных русских товаров не с их закупочной цены, обозначенной в выписях из таможен «верховых городов», а в зависимости от конъюнктуры товарного рынка в период ярмарочного торга: «А которые товары голландцы и гамбурцы и все торговые люди, купя на Москве и в верховых в городах, повезут к Архангельскому городу, и с тех их товаров пошлину иматъ с той цены, по чему такие товары у Архангельского города в продаже будут».²³ Н.Н. Репин даже полагает, что это решение русского правительства завершило серию политических мероприятий по ограничению торговых операций иностранных коммерсантов во внутренних городах страны. «Русские купцы, — отмечает этот автор, — к началу XVIII в. стали хозяевами внутреннего рынка страны».²⁴

В дальнейшем произошло ужесточение таможенного режима в Архангельске и других порубежных городах. В 1687 г. была установлена единая цена юфти — 4 р. за пуд, по которой Архангельская таможня должна была регистрировать все сделки купли-продажи по этому товару. Эта мера, направленная против купцов, которые записывали сделки на юфть «малою ценою», а продавали дороже,²⁵ также имела непосредственное отношение к территориальному ограничению торговли иностранцев. Купцы отреагировали на это решение правительства тем, что усилили скупку сырых кож для отправки за рубеж. Поэтому в 1695 г. вышел указ о регистрации в таможе сырых кож, вывозимых за границу, тоже по 4 р. за пуд. Более того, «в тарифах на кожсырье устанавливалась повышенная пошлина», что отвечало не только фискальным интересам, но и способствовало развитию в стране кожевенной промышленности.²⁶

Похожая ситуация складывалась и в лесной торговле. Так, в 1691 г. нидерландскому купцу Даниле Артману на 5 лет был предоставлен откуп на торговлю корабельным лесом в Архангельске. Тогда же была установлена и фиксированная отпускная цена товара — по 10 ефимков с каждого дерева, явленного таможе. При этом не отменялись таможенные пошлины, предусмотренные Новоторговым уставом: 5% с продажной цены леса и 6% с денег покупателя.²⁷

Вывод Н.Н. Репина о том, что с середины 80-х гг. XVII в. иностранцы предпочитали не выезжать за пределы Архангельска, в какой-то мере подтверждается счетными выписями Архангельской таможни. В.Н. Захаров доказывает, что в 1710 г. отпустили свои товары в «верховые города» всего 12 торговых иноземцев. (Общий вывоз иностранных товаров во внутренние города составил в 1710 г. всего 3% их продажи в Архангельске, а в последующие годы он еще более сократился.)²⁸ Вместе с тем этот автор отмечает, что иностранцы не только продолжали заключать контракты с русскими купцами на поставку пеньки в Вологду и Архангельск, но и сами скупали на внутреннем рынке пеньку, юфть, меха, холсты, конский волос, добивались у правительства специальных разрешений (жалованных грамот) на закупку некоторых товаров, находившихся в казенной монополии.²⁹ А.В. Демкин тоже считает, что середина 80-х гг. XVII в. не стала рубежом, за которым произошло сокращение торговых операций иноземных купцов на внутреннем рынке. «Факты свидетельствуют, — подчеркивает этот историк, — о продолжении прежней практики, хотя и могло иметь место сокращение поездок западноевропейских коммерсантов с товарами во внутренние районы страны».³⁰

Как бы то ни было, определяя значение внешней торговли в экономической жизни страны XVII в., важно отметить, что в рассматриваемый период «европеизация» материального быта коснулась не только аристократической верхушки московского общества. Ею оказались затронуты и сравнительно широкие слои посадского населения. Действительно, товары иностранного производства, ввозимые из Нидерландов, Англии, Франции, Германии, Италии и восточных стран, проникали по многочисленным торговым артериям формирующегося всероссийского рынка в различные слои общества. По утверждению К.В. Базилевича, «их можно было встретить в культурном боярском и дворянском доме, в имуществе посадского человека и в избе зажиточного торгового крестьянина. Особенно сильное влияние испытывало население вблизи бойких центров торговли: отсюда иноземный товар растекался по сельским торжкам и разносился по деревням коробейниками».¹ Так, известно, что в уже первой половине XVII в. англичане предполагали заключить с русским царем соглашение о ежегодной поставке в Россию 100 000 штук сукна: 25 000 штук тонкого сукна для бояр и дворян; 25 000 штук второсортного — для среднего класса; 50 000 более грубого — для простого народа и крымских татар.² На массовое потребление был рассчитан и ввозимый голландский *камлот* (*camelot*),³ успешно теснивший на русском рынке сукно английского производства.⁴ Нельзя забывать и о том, что при относительной узости внутреннего рынка и слабости отечественного капитала внешнеторговые операции были главным источником развития в России крупной торговли и масштабной промышленной деятельности.

Примечания

¹. См.: Маньков А.Г. Законодательство... С. 152.

². ПСЗ I. Т. 2. № 713, 831.

³. Там же. № 1037.

⁴. Там же.

⁵. ПСЗ I. Т. 3. № 1389.

⁶. Там же. № 1519.

⁷. Базилевич К.В. 1) Новоторговый устав 1667 г. С. 617—619, 621; 2) Элементы меркантилизма... С. 32.

⁸. ПСЗ I. Т. 3. № 1467.

⁹. Там же. № 1519.

¹⁰. Там же. Т. 3. № 1467, 1519.

¹¹. Копылов А.Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в.: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М., 1961. С. 331, 342, 361—370.

¹². ПСЗ I. Т. 3. № 1474. Заботясь о привлечении в Сибирь бухарских и ногайских купцов, русское правительство создавало для них льготные условия торговли: в конце XVI — начале XVII вв. бухарцам и ногайцам разрешалась беспошлинная торговля, затем пошлину с их привозных товаров стали брать, но в меньшем размере, чем с русских (не 10%, а только 5%) (Копылов А.Н. Таможенная политика... С. 338).

¹³. Копылов А.Н. Таможенная политика... С. 366.

¹⁴. ПСЗ I. Т. 3. № 1618, 1654. Если в Нерчинске выяснялось, что торговые люди «какою хитростью» привозили сюда беспошлинно свои «русские товары», то с них полагалось взыскать пошлину размере 20% «за утайку» и отпустить в Китай.

¹⁵. Там же. № 1654.

¹⁶. Там же.

¹⁷. Там же. № 1606, 1654.

18. *Копылов А.Н.* Таможенная политика... С. 369.
19. *Белов М.И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII века // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура): Сб. статей. М., 1966. С. 65—67.
20. Там же. С. 66—67; *Изыюмов А.Ф.* Размеры... С. 256. Начиная с 1689 г. порубежные воеводы, решая вопрос о пропуске того или иного иностранца в Москву и внутренние города страны, стали часто довольствоваться простым его заявлением, в котором указывались имя приезжего и цель приезда (*Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 239).
21. *Белов М.И.* Россия и Голландия... С. 68—71.
22. Там же. С. 70—71; ПСЗ I. Т. 2. № 1129.
23. ПСЗ I. Т. 2. № 1129.
24. *Репин Н.Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты): Учеб. пособие. Омск, 1989. С. 53. «Утешением» для торговых иноземцев могло служить только то, что и русские купцы со своих покупных товаров, которые они привозили на продажу в Архангельск, платили таможенную пошлину «с продажной цены, по чему те товары у города (Архангельска. — *М.Ш.*) в продаже бывают» (ПСЗ I. Т. 2. № 1129; *Семенов А.В.* Изучение... Ч. 1. С. 51).
25. ПСЗ I. Т. 2. № 1249; Т. 4. № 1795. Поскольку привозную юфть в Архангельской таможене «делили на три сорта с тремя ценами», русские купцы стремились записывать этот товар по малой цене (*Маньков А.Г.* Законодательство... С. 154).
26. ПСЗ I. Т. 3. № 1528; *Репин Н.Н.* Внешняя торговля... С. 29; *Козинцева Р.И.* Очерки... С. 6.
27. ПСЗ I. Т. 3. № 1410.
28. *Захаров В.Н.* Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // ИЗ. 1985. Т. 112. С. 203.
29. Там же. С. 205—206. «Подавляющее большинство такого рода жалованных грамот, — указывает В.Н. Захаров, — иностранцы получили в конце XVII — первых годах XVIII в. С 1693 г. голландец Д. Артман владел правом на скупку и вывоз за море мачтового леса. До 1700 г. он скупал лес в районе Смоленска, вывозя его через Ригу, затем — в Поморье и Подвинье с вывозом через Архангельск. В 1695 г. гамбуржец М. Поппе получил право на скупку ревеня в Сибири. В 1698 г. голландцам Е. Ключу и Л. Гарланту разрешили повсеместную покупку льняного семени. В 1699 г. их соотечественники И. Любс и Х. Брант получили грамоту на торговлю овечьей шерстью, а в 1702 г. — на торговлю шетиной». Продолжая этот список, Р.И. Козинцева также называет Томаса Келлермана (Кельдермана), в руках которого в период с 1692 по 1700 г. находился смоляной откуп, И. Исаева, который в 1691—1695 гг. держал в своих руках откупную торговлю ревенем, гамбуржца И. Фарьюса, заключившего в 1697/98 г. договор на откуп паюсной икры, и т. д. (Там же. С. 206; *Козинцева Р.И.* Участие казны... С. 298, 313, 320).
30. *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 16.
31. *Базилевич К.В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // ИАН СССР. Отделение обществ, наук. 1932. № 2. С. 93.
32. Там же. Царь Михаил Федорович отказался от заключения контракта. Тем не менее в 1642 г. стороны пришли к соглашению, по которому Московская компания должна была ежегодно поставлять в Россию 900 половинок английского сукна (*Любименко И.И.* Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // ЖМНП. 1916. Ноябрь—декабрь. С. 154—155).
33. Плотная грубая хлопчатобумажная или шерстяная ткань из черных и коричневых нитей.
34. *Любименко И.И.* Торговые сношения... С. 155.

Заключение

Зарождение внешней торговли в нашей стране произошло одновременно с возникновением государственности, т. е. около 1000 лет тому назад. С тех пор существует и таможенное дело, неизменно выступая составной частью внутренней и внешней политики Российского государства.

Происходившие на протяжении веков изменения в состоянии производительных сил и форм собственности, политических и правовых институтов, изменения в геополитической обстановке и т. д. во многом обуславливали развитие внутренней и внешней торговли страны, характер и содержание ее таможенной политики. В свою очередь изменения в торговой политике, таможенном законодательстве и таможенном деле в целом существенным образом влияли как на хозяйственную жизнь страны, так и во многом предопределяли направленность, содержание и особенности ее внешней политики и социально-политических преобразований. Достаточно указать на факт передачи в 1504 г. Иваном III в наследство «московской тамги» сыну Василию. Он означал даже не столько важную перемену в таможенном деле Московского княжества, сколько принципиальный исторический сдвиг на завершающем этапе преодоления «удельной раздробленности» и создания единого Русского государства. Точно так же осуществление в середине XVII в. таможенной реформы и сосредоточение главных рычагов таможенного управления в руках Приказа Большой казны (1680) знаменовали собой решающий шаг в становлении централизованного государства.

Торговля и таможенное дело формировались в рамках древнего, удельного и московского периодов. В каждом из них они развивались в определенных направлениях, параметрах и формах, исходя из объективных возможностей и конкретно-исторических задач. Однако при этом они имели собственную логику развития. Так, в условиях IX—XII вв. наибольшее развитие получили контакты Русской земли с Хазарским каганатом и Византией. В то время из страны в основном вывозились меха, мед, воск, рабы в обмен на серебряную монету и дорогие шелковые ткани. В XIII—XV вв. Северо-Восточная Русь была в торговом отношении тесно связана с Ганзейским союзом северогерманских и ливонских городов через Новгород: вывозились преимущественно меха и воск в обмен на сукно и металлы. Наконец, в XVI—XVII вв. Россия активно торговала с Англией и Нидерландами через Архангельск (вывозились юфть, хлеб, сало, поташ, меха, лен, пенька, смола и многие другие товары в обмен на сукно, металлы и металлоизделия, включая оружие, а также химические продукты и т. д.).

Как можно заметить, на протяжении веков происходили изменения в составе участников внешней торговли и товарном ассортименте. Торговля все больше перемещалась в северо-западный и северный регионы страны. Русский рынок неизменно привлекал как западноевропейских, так и восточных купцов, вывозивших меха, обработанные кожи, воск, ворвань, хлеб и другие товары сельскохозяйственного производства, лесных и морских промыслов. При этом торговля со Шведским королевством и странами Востока имела ту особенность, что российский экспорт в значительной степени состоял из готовой промышленной продукции (полотно, холст, кожаные изделия, рукавицы, мыло, ножи, пилы, плуги и т. д.).

Формирование централизованного Русского государства вело к росту товарооборота, расширению торговых связей с Европой и восточными странами, расширению номенклатуры русских вывозных товаров. Внешняя торговля находилась в тесной взаимосвязи с экономическим развитием страны, становлением всероссийского рынка. Она стимулировала развитие торгового, таможенного и налогового законодательства, денежного обращения, государственного управления, производственной специализации различных районов страны. Торговля носила в основном меновой характер. Россия, остро нуждаясь в привозном серебре, стремилась иметь активный внешнеторговый баланс. Из страны все больше вывозилось изделий ремесла и промысловых продуктов. Казна была заинтересована в росте доходов за счет поступлений от таможенной деятельности. Именно поэтому в привозе неизменно высокой была доля золота и серебра (в монете и слитках), добыча которых внутри страны была незначительной. Серебро шло в монетный передел, что позволяло казне извлекать дополнительную прибыль. Проводилась политика меркантилизма, продиктованная главным образом фискальными интересами казны. Постоянно расширялся ассортимент привозных товаров. В XVII в. они все чаще находили своего потребителя не только в привилегированных слоях русского общества, но и среди зажиточных ремесленников и крестьян.

Таможенная политика формирующегося в России военно-служилого государства была тесно связана с общим курсом внешней политики страны. Многочисленные примеры свидетельствуют и о том, что государственная власть зачастую действовала на опережение естественного хода событий, прибегая к принуждению, а иногда и к поощрительным мерам, стремясь к созданию в известных местах самых благоприятных условий для международной торговли. Так, в 1494 г. наместником Ивана III в Новгороде был закрыт Немецкий двор, где подверглись аресту 49 ганзейских купцов и были конфискованы товары на сумму 96 000 марок. Это произошло вскоре после основания в 1492 г. Ивангорода — нового центра внешней торговли России. Причину решительных действий московского

правительства следует видеть в стремлении единого Русского государства проводить активную внешнюю политику на Западе и утвердиться на берегах Балтийского моря. К подрыву устоев новгородско-ганзейской торговли вела и «переселенческая политика» Ивана III. В 1478 г. из Новгорода было «выведено» более 100 боярских и купеческих семей, получивших землю во Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде и др. Подобные же «выводы» проводились в 1484, 1487, 1488 и 1489 гг.

Известно, что в ходе Ливонской войны (1558—1583) торговле Новгорода был снова причинен колоссальный ущерб. При этом важно отметить, что главной причиной подрыва новгородской торговли стал опричный погром 1570 г. В следующем году были ликвидированы податные привилегии сурожан — самой богатой и влиятельной группы новгородского купечества. Около 60 гостей-сурожан и их детей было переведено в Москву. Последствия опричного лихолетья, мора и Ливонской войны оказались для новгородского посада поистине катастрофическими. Лишь в самом конце XVI — начале XVII в. наметился новый подъем новгородской торговли.

Стремясь утвердиться на берегах Балтийского моря, Россия во второй половине XVI в. решила на завоевание ливонских гаваней. В самом начале Ливонской войны русские войска захватили Нарву, которая до 1581 г. имела значение морских ворот России на западе. Стремясь создать исключительные условия для «нарвского мореплавания», Иван IV предоставил купечеству Нарвы самые широкие привилегии: право самоуправления, свободу вероисповедания, возможность беспошлинно закупать основные товары на рынках России. В 1581 г. шведы захватили Нарву, а затем и все побережье Финского залива, что фактически привело к нарушению сложившихся к тому времени торговых связей по Балтийскому морю. Надо ли удивляться, что русское правительство приветствовало появление у Колы и в устьях Северной Двины фламандцев, голландцев, ганзейских немцев и французов, которые в 60—70-е гг. XVI в. ходили к Нарве. Стремясь привлечь их к участию в беломорской торговле, оно стало решительнее пресекать монопольные притязания Московской компании, призывая английскую королеву не препятствовать приходу «некомпанейских» англичан и других торговых иностранцев к русским северным пристаням.

После того как в Архангельске завершилось строительство таможенной избы, других объектов таможенной инфраструктуры, частных дворов для приема русских и иностранных гостей (1584—1586), т. е. были созданы все необходимые условия для нормального ведения торговых операций и контроля над ними со стороны русской администрации, центр мурманской торговли был перенесен из Колы в Архангельск. С 1586 г. в Коле разрешалось торговать лишь треской, палтусом, рыбьим жиром и ворванью. Таким образом, двухсторонний товарный поток, который в 70-х—первой половине 80-х гг. XVI в. шел через Колу, переместился в Архангельск. В первые десятилетия XVIII в. та же участь постигла и сам северный город. Петр Великий не остановился перед самым жестоким государственным принуждением ради переноса центра внешней торговли страны из Архангельска в новую российскую столицу — Петербург.

Содержание национального торгового законодательства и сама международно-договорная практика свидетельствуют о том, что известное «дистанцирование» России от стран Запада и связанное с этим экономическое отставание страны не смогли помешать ее участию в процессе международного разделения труда. Более того, обычно России удавалось строить отношения с торговыми партнерами на основе равенства и взаимной заинтересованности, избегая при этом роли «младшего партнера». Поэтому было бы неверно говорить о полукOLONIALной зависимости национального рынка и безоговорочной пассивности русского купечества. Как Россия, так и ее важнейшие торговые партнеры обычно проявляли взаимную сдержанность в отношениях и стремились договориться в интересах сохранения и дальнейшего укрепления достигнутого уровня сотрудничества.

В силу целого ряда причин Россия заметно уступала ведущим европейским державам в торговом и военном судостроении. Развивалось исключительно внутреннее судоходство. Значительные расстояния, бездорожье и произвол местных властей сдерживали предпринимательскую инициативу. Государство и приказная администрация мало поощряли купеческую самостоятельность.

Богатых купцов в стране было сравнительно немного. Однако даже у них постоянно ощущалась нехватка оборотных средств. Верхушка торгового сословия фактически была обособлена от посадского большинства, занимавшегося мелкой розничной торговлей, что препятствовало формированию единства купеческих интересов. Тем не менее участие гостей и других привилегированных купеческих

корпораций в заграничной торговле постоянно возрастало. В XVII в. наряду с московскими купцами участниками внешнеэкономических связей все чаще становились торговые люди многих провинциальных городов. Росла согласованность их действий перед лицом высшей государственной бюрократии и иностранных конкурентов.

Во второй половине XVII в. правительство, вынужденное считаться с требованиями привилегированного купечества, проводило политику торгового протекционизма, направленную на вытеснение иностранцев с внутреннего рынка. Поощряя развитие торговли с восточными странами, оно в то же время запрещало вывозить туда железо, сталь, цветные металлы, оружие и военное снаряжение, стремясь не допустить усиления в военном отношении кочевых народов и государств на своих южных, юго-восточных и восточных границах.

Национальное торговое и таможенное законодательство прошло длинный путь от Правды Русской и договорных грамот удельного периода до уставных таможенных грамот единого Московского государства, от гостиного права, регулирующего отношения купцов — участников внешнеэкономической деятельности, до права таможенного, в предмет которого входит весь комплекс общественных отношений, возникающих в связи с перемещением товаров и транспортных средства через таможенную границу. Событием чрезвычайной важности стало принятие в середине XVII в. единых для всей страны законодательных актов — Соборного уложения 1649 г., Торгового устава 1653 г. и Новоторгового устава 1667 г., на основе которых внешняя торговля и таможенная система России развивались в последующие 50—100 лет.

Решительные перемены произошли в таможенном обложении. «Случайные» немногочисленные таможенные пошлины периода Киевской Руси в дальнейшем уступили место сложной и запутанной, но по-своему логичной системе торговых и проезжих платежей, многие из которых продолжали взиматься до середины XVII в. Наконец в 1653 г. была введена единая рублевая пошлина, знаменовавшая собой решительный шаг в создании большей централизации государственного управления.

Таможенная организация, сложившаяся еще в условиях ордынского господства, во второй половине XVII в. воплотилась в единую, централизованную и разветвленную таможенную службу Русского государства. Несмотря на «общественно-принудительный» характер привлечения голов и целовальников, параллельное существование «верного» и «откупного» способов осуществления таможенной деятельности, диктат воеводской и местной администрации, фискальная инициатива и ответственность по сбору таможенных пошлин в масштабах всего государства, ранее расплывшиеся между многочисленными московскими приказами, к концу XVII в. сосредоточились в Приказе Большой казны. Одновременно увеличивались размеры таможенных платежей, перечисляемых в бюджет, повышался их удельный вес в структуре государственных доходов. По мере расширения объемов внешней торговли и усложнения задач, связанных с оформлением грузов, определением таможенной стоимости, исчислением и взиманием таможенных пошлин ит.д., складывались предпосылки для перехода к профессиональной таможенной деятельности на регулярной основе.

Список сокращений

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук

АЕ — Археографический ежегодник, журнал

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Отв. ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия

ВИ — Вопросы истории, журнал

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины, сборник Временник

МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗНО РАО — Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества

ЗРАО — Записки Русского археологического общества

ИА — Исторический архив, журнал

ИАН СССР — Известия Академии наук СССР, журнал

ИЗ — Исторические записки, журнал

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИМК — Краткие сообщения Института материальной культуры АН СССР

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НС — Нумизматический сборник

ОИ — Отечественная история, журнал

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПИ — Проблемы источниковедения, сборник

ПРП — Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова

ПСЗ I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

РШЭО — Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. документов / Сост. М.Б. Давыдова, И.П. Шаскольский, А.И. Юхт. М.; Л., 1960

СА — Советская археология, журнал

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества

СВ — Средние века, сборник

СГГид — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел

СС — Скандинавский сборник, журнал

СЭ — Советская этнография, журнал

Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

Источник: <http://www.a-nevsky.ru/library/torgovlya-i-tamozhennoe-delo-v-rossii-stanovlenie-osnovnie-etapi-razvitiya-ix-xvii-vv39.html>